

А. И. САКСА

А. И. САКСА

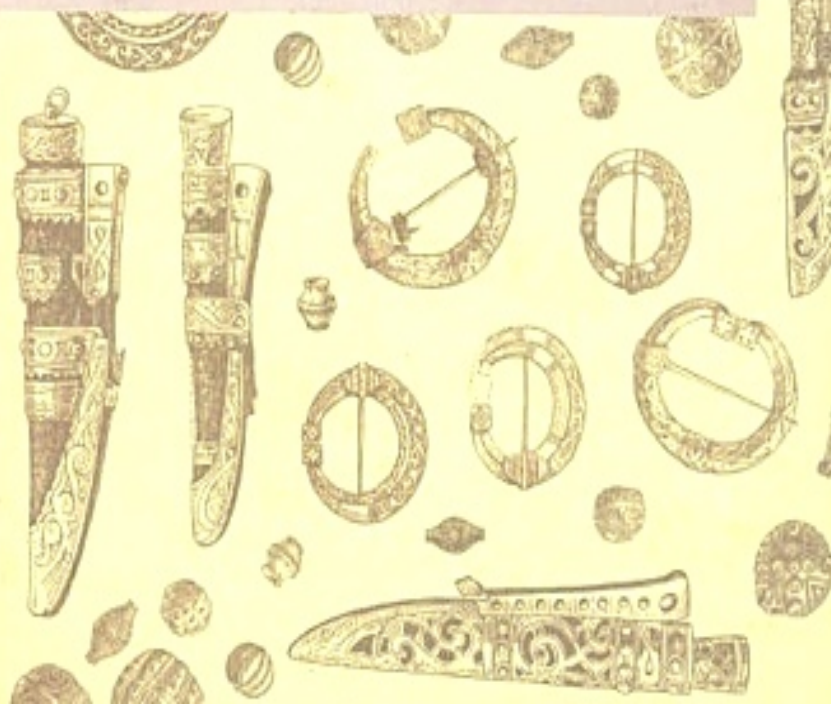
ДРЕВНЯЯ
КАРЕЛИЯ

ДРЕВНЯЯ КАРЕЛИЯ

в конце I – начале II тысячелетия н. э.

*Происхождение, история и культура населения
летописной Карельской земли*

УДК 902/904
ББК 94 (2РЗ1-6Кар)
С15

Сакса А.И.

С15 Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. — СПб. : Нестор-История, 2010. — 400 с., ил.

ISBN 978-598187-583-0

Книга посвящена исследованию процессов сложения средневековой этнической общности корела, развития ее культуры и экономики, завершившихся формированием территориально-племенного образования Карельская земля (древняя Карелия). Корела — одно из финских племен северо-западных окраин Новгородской земли — играла значимую роль в социально-политической и экономической жизни Новгородской республики. Она широко представлена на страницах русских летописей и других средневековых письменных источников.

В книге значительное внимание уделено геологическому развитию и формированию ландшафта Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья — основной территории расселения корелы, создавшего благоприятные предпосылки для успешного социально-экономического развития населения. Широкий охват археологических памятников в тысячелетнем временном диапазоне позволил проследить развитие материальной культуры и погребальной обрядности населения, связи с сопредельными регионами.

В работе прослежены конкретные механизмы и условия формирования поселенческих центров древней Карелии в период ее расцвета в конце XII — начале XIV века, выявлен характер существующих между ними социальных и экономических связей. Проведенное автором исследование материальной культуры карел, в частности, украшений женского костюма, их детальная хронология сделали возможным показать динамику внутреннего развития карельского общества и внешних связей карел, а также выявить факторы, влияющие на этот процесс, определение их роли и значения на разных этапах истории рассматриваемой территории.

Издание рассчитано на археологов, историков и всех интересующихся историей Северо-Запада России и Финляндии.

УДК 902/904
ББК 94 (2РЗ1-6Кар)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда.
Проект № 09-01-16021д*

ISBN 978-598187-583-0

9 785981 875830

© А.И. Сакса, 2010

© Издательство «Нестор-История», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

История древней Карелии. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли.....	7

ГЛАВА 1

История археологического изучения территории древней Карелии	16
Начальный период (1870-е гг. — 1917 г.)	16
Карельская археология в период независимости Финляндии (1918–1944 гг.)	17
Археологические исследования российских археологов на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье (1970–1990-е гг.).....	21

ГЛАВА 2

Карельский перешеек — формирование природного и историко-географического ландшафта	28
Геологическое развитие	28
Ладожская трансгрессия.....	31
Формирование историко-географического ландшафта Карельского перешейка.....	33

ГЛАВА 3

Население Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья в железном веке (I-е — начало II-го тысячелетия н. э.).....	41
Переход к эпохе металла — начало перелома в культурно-историческом развитии	41
Эпоха викингов — новый поворот в развитии	62

ГЛАВА 4

Археологические памятники эпохи расцвета древней Карелии (XII–XIV вв.)	80
Карельские грунтовые могильники XII–XIV вв.	82
Погребальный обряд	82
Погребальный инвентарь	92
Вещи, встречающиеся в достоверно мужских погребениях.....	93
Инвентарь женских погребений.....	105

Группы могил по погребальному инвентарю	130
Хронология карельских грунтовых могил	132
Хронология могил и погребальный обряд	142
Внутренняя хронология могильников.....	143
Относительная хронология могил	153
Отдельные находки.....	160
Клады.....	161

ГЛАВА 5

Средневековые поселенческие центры древней Карелии	164
Лапинлахти (Ольховка).....	164
Могильники, случайные находки вещей	164
Каменные насыпи	167
«Культовый центр» в западной части деревне Ольховка	167
Жертвенные камни в западной части деревни Ольховка	169
Средневековые поселения в деревне Ольховка.....	170
Население района Лапинлахти в железном веке и Средневековье ...	172
Вещевые аналогии находкам из Лапинлахти.....	175
Рауту (Сосново).....	182
Каукола (Севастьяново).....	183
Находки позднего железного века и эпохи крестовых походов.....	183
Могильник Кекомьяки	183
Могильник Кулхамьяки.....	186
Ряйсяля (Мельниково)	188
Тиверский городок.....	191
Исследования вала городища.....	196
Исследования остатков построек городища	198
Материалы раскопок С.И. Кочкуркиной.....	199
Этапы истории Тиверского городка в свете современных исследований	200
Находки в деревне Ивасканмяки.....	203
Могильник Тонтинмяки	205
Могильник на п-ове Большом (Раммансаари).....	210
Население нижнего течения Вуоксы (Ряйсяля-Мельниково) в эпоху крестовых походов и раннем Средневековье	211
Усадьба своеземца Григория Рокульского.....	214
Культовые камни на п-ове Ховинсаари (Большой).....	218
Находки эпохи Средневековья в нижнем течении Вуоксы.....	219

Кякисалми-Корела (Корельский город).....	220
Суотниemi (Яркое).....	234
Хиитола, о-в Кильпола.....	237
Археологические находки материковой части прихода Хиитолы.....	242
Куркиёки.....	245
Могильник Калмистомяки (Кууппала).....	246
Другие памятники и находки в деревне Кууппала.....	254
Городище Хямеенлахти.....	255
Городище Ранталинмяки на о-ве Корписаари.....	262
Городище Лопотти.....	264
Другие находки района Куркиёк.....	266
Население района Хиитола-Куркиёки в позднем железном веке и раннем Средневековье.....	268
Археологические памятники Северного Приладожья.....	269
Археологические памятники района Сортавалы.....	271
Городище Паасонвуори.....	272
Находки эпохи крестовых походов в окрестностях г. Сортавалы.....	277
Население Северного Приладожья в эпоху крестовых походов.....	280

ГЛАВА 6

Этапы развития населения древней Карелии

и его культуры в эпоху крестовых походов (1050–1300 гг.).....	282
Начало эпохи крестовых походов (1050–1100-е гг.).....	283
Развитый этап эпохи крестовых походов (конец XII в. – 1300 г.).....	285

ГЛАВА 7

Карелия в эпоху крестовых походов и Средневековья. Итоги развития.....

Время расцвета Карельской земли.....	298
Экономика и хозяйство населения Карельской земли.....	299
О происхождении карельского ювелирного искусства.....	311
Торговля карел.....	313
Карелы на севере Финляндии.....	316
Карельская торговля пушниной и европейские рынки.....	319
Карелы во внутренних областях Финляндии.....	324
Расцвет и утрата целостности и независимости.....	326

ГЛАВА 8

Древняя Карелия и соседние территории.....

Карелия и Саво (к вопросу о происхождении населения Саволакского погоста).....	330

Карелия и Саво в эпоху крестовых походов	337
Древняя Карелия и Ижорская земля	343
Древняя Карелия и Олонецкий перешеек.....	344
Древняя Карелия и Новгород.....	346
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	352
Использованная литература	357
Список сокращений	380
Приложения	381

ВВЕДЕНИЕ

История древней Карелии. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли

Древняя Карелия, летописная «Карельская земля», как и населявшая ее корела, традиционно и в полном соответствии с данными средневековых письменных источников и введенными в XIX–XX вв. в научный оборот археологическими материалами локализуется на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье. Первое упоминание корелы в летописи относится к 1143 г. (НПЛ); под 1270 г. корела в той же новгородской летописи уже отмечается как одна из «волостей» Новгородской земли.

Корела, ее взаимоотношения с Новгородом и, в первую очередь, в свете борьбы Новгорода со Швецией, всегда была традиционной для российской историографии темой. Это обосновывалось достаточным количеством исторических источников, самим духом и драматизмом времени борьбы Новгорода за населенные прибалтийско-финскими племенами (водь, ижора, корела) земли побережья Финского залива в XIII в. В последнее время, как это ни парадоксально, учитывая значительно возросшее количество археологических источников, карельская тематика оказалась на периферии исторических исследований, в том числе и связанных с историей земель Новгородской республики. Само географическое положение Карельского перешейка между Финским заливом и Ладожским озером с выходами по речным путям к Ботническому заливу и Белому морю на севере и через Ладогу и Волхов к Новгороду и далее на юг обусловило напряженность борьбы за обладание этой территорией в Средневековье между Швецией и Новгородом. И в дальнейшем на протяжении столетий Карельский перешеек оставался зоной столкновения серьезных политических и военно-стратегических интересов Швеции и России, своеобразной спорной пограничной территорией. Это обстоятельство определило как накал происходящих в этой зоне событий, так и интерес к ним со стороны историков.

Именно по причине своего географического положения и военно-политической ситуации в Восточной Прибалтике, включая Карельский перешеек, регион Невы и южное побережье Финского залива, древняя Карелия и корела с середины XII в. постоянно присутствовали на страницах древнерусских, в основном новгородских летописей. Развернувшаяся с особой силой, начиная с 1240-х гг., борьба между Новгородом с одной стороны и немецким рыцарским орденом и Швецией — с другой, за обладание землями южного побережья Финского залива (Ижорская и Водская земли), а также побережьем Невы и Карельским перешейком, нашла свое отражение в письменных источниках обеих противоборствующих сторон. Это, в первую очередь, новгородские летописи, папские буллы и рифмованная шведская хроника Эрика.

Тогда, в сущности, и началось историческое противостояние двух миров, Запада и Востока, поскольку с вмешательством папской курии эта борьба приобрела религиозную окраску, характер крестовых походов. В результате так называемого третьего крестового похода в Карелию в 1293 г. шведами были завоеваны три западных карельских погоста Эуряпяя, Саволаксы и Яски и в месте впадения западного рукава Вуоксы в Выборгский залив на небольшом скальном острове заложен Выборгский замок.

Дальнейшие попытки шведов закрепиться в бассейне Невы и на Карельском перешейке не увенчались успехом. Построенная ими в 1300 г. на кратковременно захваченном плацдарме в месте слияния р. Охты с Невой крепость Ландскрона была вскоре взята и разрушена новгородцами. Закончилась неудачей и попытка шведов взять под свой контроль наиболее освоенную приладожскую часть Карельского перешейка уже на следующий год после основания Выборгского замка. Новгородцы выбили шведов из захваченной ими в устье Вуоксы карельской крепости Кякисалми и затем сильно укрепили ее. Закладка в 1310 году на этом же месте новой крепости Корелы лишь упрочила власть Новгорода в восточных погостах Карельской земли. Установившееся затем стратегическое равновесие в регионе было закреплено в 1323 г. подписанием мирного договора между Новгородом и Швецией в только что отстроенной новгородцами крепости Орешек в устье Невы. По этому «вечному миру» к Швеции переходили три упомянутых выше карельских западных погоста. Древняя Карелия — летописная Карельская земля — оказалась поделенной на две части, западную и восточную, шведскую и новгородскую. Центром первой стал Выборг, а второй — Корела. С этого времени направление их развития пошло различными путями. Выборгская Карелия, попав в зону влияния западной католической культуры, быстро христианизировалась, в то время как в новгородской Карелии продолжался расцвет языческой карельской культуры, отразившийся в наиболее яркой форме в материале грунтовых могильников XII–XIV вв.

Средневековые грунтовые могильники карел были выявлены и впервые исследованы финским археологом Теодором Швиндтом в 1880-е гг. на Карельском перешейке в приходах Каукола, Ряйсяля, Саккола, Кякисалми. Характерно, что все они располагались по берегам Вуоксы. Раскопки проводились также и в Приладожской Карелии на территории приходов Хиитола и Куркиёки (Schwindt 1893; Кочкуркина 1981; 1982; Uino 1997; Saksa 1998). В эти же годы было подготовлено обширное исследование по финским древним крепостям, включавшее и городища Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья (Appelgren 1891). Не столь крупные по масштабам раскопки карельских средневековых памятников проводились финскими археологами на территории Карельского перешейка и в Северо-Западном Приладожье вплоть до Второй мировой войны (Kivikoski 1943: 79–87; Uino 1992: 78–95; 1997: 23–38; 2003: 118–140).

Эти содержащиеся в большом количестве украшения, предметы вооружения и орудия труда могильники, а также ставшие известными к этому време-

ни (конец XIX в.) карельские городища служили материальной иллюстрацией известной по средневековым письменным источникам Корелы, а затем, начиная с последней трети XIII в., Карельской земли Новгорода Великого. Археологические памятники древней корелы обозначили территорию ее расселения на период расцвета средневековой карельской культуры: Карельский перешеек и Северо-Западное Приладожье. Наиболее освоенными районами выступают плодородные земли нижнего течения Вуоксы с особой концентрацией памятников в районе Ряйсяля (Мельниково), северного и южного берегов озера Вуокса, южный берег озера Суходольского на Карельском перешейке и окрестности пос. Куркиёки и гор. Сортавала в Северо-Западном Приладожье.

Характерные для карельской культуры типы вещей были найдены также в восточно-финской провинции Саво (район г. Миккели), вблизи г. Лаппенранта (Лаппеэ Каускила) и в восточной части провинции Хяме, после чего возникли понятия «карельские вещи» и «карельская культура». Эти понятия получили всеобщее признание, поскольку относятся к территории, на которой, согласно письменным историческим источникам, и проживала летописная корела. Кроме того, карельские украшения (как и другие элементы культуры) наглядно отличаются как от украшений западно-финских (сумь, емь) так и других соседних прибалтийско-финских (водь, ижора, вепсы) племен. Именно исследование оригинальных карельских женских украшений долгое время было господствующим направлением в археологическом изучении культуры корелы вплоть до 1980-х г.

Проведенные в 1970–1990-е гг. ленинградскими и петрозаводскими археологами широкомасштабные полевые работы на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье дали возможность расширить исследования за рамки рассмотрения типологии вещей (Кирпичников 1979: 52–73; 1984: 119–149; Кочкуркина 1981; 1982; Сакса 1985: 81–84; 2001: 257–271; 2006: 282–307; 2006: 35–44; 2006: 63–74; 2006: 141–152; 2007: 332–342; 2007: 183–205; Saksa 1985: 37–49; 1992: 5–17; 1994: 98–104; 1998; Taavitsainen 1990; Uino 1997). Впервые на современном научном уровне с использованием естественнонаучных методов и на значительной площади раскапывались такие известные и отчасти уже ранее исследованные археологами карельские крепости и городища, как Кякисалми-Корела и Тиверский городок на Карельском перешейке, Паасонвуори вблизи гор. Сортавала и Хямеенлахти в окрестностях пос. Куркиёки в Северо-Западном Приладожье (Appelgren 1891: 98–106, 125–143, 166–168; Schwindt 1893: 85–90, 93, 100; 1898; Кирпичников, Петренко 1974: 106–113; Кирпичников 1979: 52–74; Кирпичников 1984: 119–149; Кочкуркина 1976: 63–70; 1981: 30–62, 68–87; Сакса 1997: 179–185; 1999: 192–205; 2000: 121–129; 2001: 95–112; Saksa 1992: 5–17; 1998: 87–96, 107–125, 141–145, 151–155; Taavitsainen 1990: 239–145; Uino, Saksa 1993: 213–217; Uino 1997: 261–269, 297–300, 333–334). Это сделало возможным сопоставление результатов раскопок различных лет, извлечение из старых материалов новой ценной информации. Новые данные, расширяющие

возможности изучения летописной корелы, получены в результате проведенных в последние десятилетия целенаправленных археологических раскопок средневековых сельских поселений, могильников и культовых памятников на Карельском перешейке и на северо-западном побережье Ладожского озера (Сакса 1984: 112–117; 1985: 81–84; 2000: 121–129; 2001: 257–271; 2001: 95–112; 2006: 282–307; 2007: 183–205; Saksa 1985: 37–49; 1998).

На протяжении времени от конца 1970-х до начала 1990-х г. регулярно проводились раскопки в Выборге, где на Замковом острове было выявлено и исследовано карельское укрепленное торгово-ремесленное поселение новгородского времени (XII–XIII вв.) (Тюленев 1984: 118–125; 1995; Tjulenev 1983: 79–86; 1987: 5–37). Археологические исследования старой средневековой части Выборга были продолжены в 1998 г. Впервые в средневековой части города на большой площади открыты и исследованы относящиеся к XV–XVI вв. горизонты средневековой деревянной застройки. Один из образцов дерева из предматерикового слоя в юго-восточной части города датирован 1270-ми гг., что дает основание предполагать наличие карельских поселений в материковой части будущего города до постройки шведами Выборгского замка в 1293 г. Благодаря хорошей сохранности слоя в затронутых раскопками 1998–2004 гг. юго-восточной и северо-западной частях города, исследованы были все городские слои от самых ранних, лежащих на материке (скале) до самых поздних, включая современные. Раскопками вскрыты также отдельные участки с внутренней и внешней сторон сохранившихся под землей частей средневековой городской стены 1470-х гг. В результате выявлена и изучена стратиграфия культурных напластований старой части Выборга, получены новые данные по его исторической топографии (Сакса 2002: 150–164; 2004: 569–584; Saksa 2004: 88–90; 2004: 98–109; Saksa, Belsky, Suhonen 2002: 4–10; Saksa, Belsky, Kurbatov, Poljakova, Suhonen 2002: 37–64; Сакса, Бельский, Курбатов, Полякова 2003: 129–140; Belsky, Saksa, Suhonen 2003: 14–30; Saksa, Saarnisto, Taavitsainen 2003: 15–20; Saarnisto, Saksa 2004: 37–42; Saarnisto, Saksa 2004: 259–261).

Более полному пониманию древнейшей истории населения Карельского перешейка, его культуры и хозяйственной деятельности (в первую очередь связанной с обработкой земли) служат результаты проведенных в последние два десятилетия на этой территории совместных российско-финляндских археологических разведок, геологических и палеоэкологических исследований (Таавитсainen, Ikonen, Saksa 1994: 29–39; Davydova, Arslanov, Khomutova, Malakhovsky, Saarnisto, Saksa, Subetto 1996: 199–204; Saarnisto, Grönlund 1996: 205–215; Saksa, Grönlund, Simola, Taavitsainen, Kivinen, Tolonen 1996: 371–376; Grönlund, Simola, Alenius, Lahtinen, Miettinen, Kivinen, Saksa 1997: 391–396; Lavento, Hallinen, Timofeev, Gerasimov, Saksa 2001: 3–25; Alenius, Grönlund, Simola, Saksa 2004: 23–31).

Археологические исследования обобщены в монографиях С.И. Кочкуркиной (1981, 1982), кандидатской (1984) и докторских (1998) (Финляндия), (2007) (Россия) диссертациях автора данной работы, докторской диссертации

ции финского исследователя П. Уйно (1997) и коллективной монографии по истории Выборгской губернии (Karjalan syntu 2003).

В последние годы новейшие результаты всех направлений научной деятельности в области изучения карел, геологии и ландшафта древней Карелии в достаточно полном объеме опубликованы на финском и английском языках (Uino 1997; Saksa 1998; Karjalan syntu 2003) и лишь в виде отдельных статей на русском языке (Саарнисто, Сакса, Таавитсайнен 1993; Саарнисто, Сакса, Таавитсайнен 1994; Сакса 1994в; Давыдова, Асланов, Хомутова, Краснов, Малаховский, Саарнисто, Сакса, Субетто 1996; Сакса 1997а; Сакса 2000а; Сакса 2001а; Сакса 2006: 282–307; 2006: 35–44; 2006: 63–75; 2007: 332–342). Упомянутые статьи посвящены отдельным аспектам рассматриваемой темы. Итоги раскопок последних двух десятилетий на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье, а также материалы новейших геологических и палеоэкологических исследований вызывают необходимость создания в отечественной исторической науке комплексного монографического труда по истории заселения рассматриваемой территории и изучению процесса формирования средневековой этнической общности и культуры карел (корелы). Так в предлагаемом исследовании, в отличие от предшествующих обобщающих работ по ранней истории Карельской земли, помимо анализа археологических материалов определенное внимание уделяется геологическим процессам, повлиявшим на формирование исторического ландшафта Карельского перешейка, сложению благоприятных природных факторов для жизнедеятельности населения в различные исторические периоды. Развитие экономики и культуры населения происходило в тесной зависимости от этих, предлагаемых самой природой возможностей и, в первую очередь, возможностей эксплуатации развитой водной системы, рыбных и пушных ресурсов, плодородных почв.

Целью настоящей работы является рассмотрение процесса развития населения древней Карельской земли в различные исторические периоды, формирования этнической общности карел, становления и расцвета карельской культуры XII–XIV вв. Эта тема касается сравнительно незначительной по размерам территории Карельского перешейка и примыкающей к нему с северо-запада части Ладожского побережья. Приозерск и Выборг на Карельском перешейке в настоящее время находятся на расстоянии двух часов пути на пригородной электричке. Поездку в Куркиёки и Сортавалу в Северо-Западном Приладожье можно отнести к маршрутам выходного дня. В древности же это была основная племенная территория карел. Глубоководное и гигантское по размерам Ладожское озеро с его пугающими штормами представлялось труднопреодолимым препятствием. На севере простирались густые таежные леса Восточной Финляндии. Южной границей служила Нева — основная водная магистраль в регионе в рассматриваемую эпоху. Доступ на Карельский перешеек открывала лишь Вуокса, связывающая Финский залив с Ладожским озером. Однако река имела на своем протяжении ряд труднопроходимых порогов и, к тому же, она во все времена представляла

собой достаточно разветвленную водную систему, уровень воды в которой постоянно менялся из-за продолжающегося подъема и наклона придавленной массой ледника земной коры.

Нева и Ладожское озеро служили, таким образом, естественной границей двух различных географических зон, на которых с течением времени сформировались историко-географические области. Севернее — Карельский перешеек и Северо-Западное Приладожье с ведущими оттуда удобными водными путями на север (к Белому морю) и северо-запад (вглубь Финляндии и к Ботническому заливу). Южнее — Нева, Волхов и реки Юго-Восточного Приладожья с выходами на Волгу и Днепр и далее к Каспийскому и Черному морям. Эти обстоятельства коренным образом влияли на исторические судьбы населения обеих рассмотренных зон, особенно — в эпоху викингов и последующее время.

Известно, что современный ландшафт Карельского перешейка сформировался вследствие подъема земной коры после отступления ледника. Подъем и в настоящее время происходит более интенсивно на территории Финляндии, и по этой причине сток воды в реках и озерах, составляющих Сайменскую и Вуоксинскую системы, направлен к юго-востоку в Ладожское озеро. По этой же причине постоянно изменялись очертания берегов, что вынуждало людей менять места своих поселений. В то же время формировались удобные водные пути, появлялись богатые пушными и рыбными ресурсами леса и водоемы, накапливался слой плодородной почвы, что приобрело особенное значение в эпоху производящего хозяйства, развития земледелия и торговли. Прорыв вод Большой Саймы через Вуоксинскую систему в Ладожское озеро вызвал в нем значительный подъем уровня воды. Следствием было рождение Невы около 3300 лет назад и резкое, более чем на 10 м, падение уровня воды в озере, изменившее весь ландшафт Карельского перешейка и Приладожья. Дальнейшее изменение ландшафта происходило менее драматично, завися лишь от отмеченного выше неравномерного подъема поверхности земли и рукотворной деятельности человека. Эти обстоятельства существенно влияли на систему расселения на рассматриваемой территории, хозяйственную деятельность населения и развитие его культуры, что непременно следует учитывать при рассмотрении археологических памятников всех без исключения исторических периодов. И именно упомянутые выше обстоятельства ландшафтной истории исследуемого региона, возможно, как нигде более, позволяют привлекать в рамках решения сугубо археологических и исторических проблем (история заселения, развитие хозяйства, ремесла, культуры и др.) также данные геологических и палеоэкологических исследований.

В работе находки памятников и отдельных вещей на переданной по мирному договору в 1944 г. Финляндией Советскому Союзу территории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья традиционно привязываются к сельским приходам, что существенно облегчает использование финских источников (рис. 1).

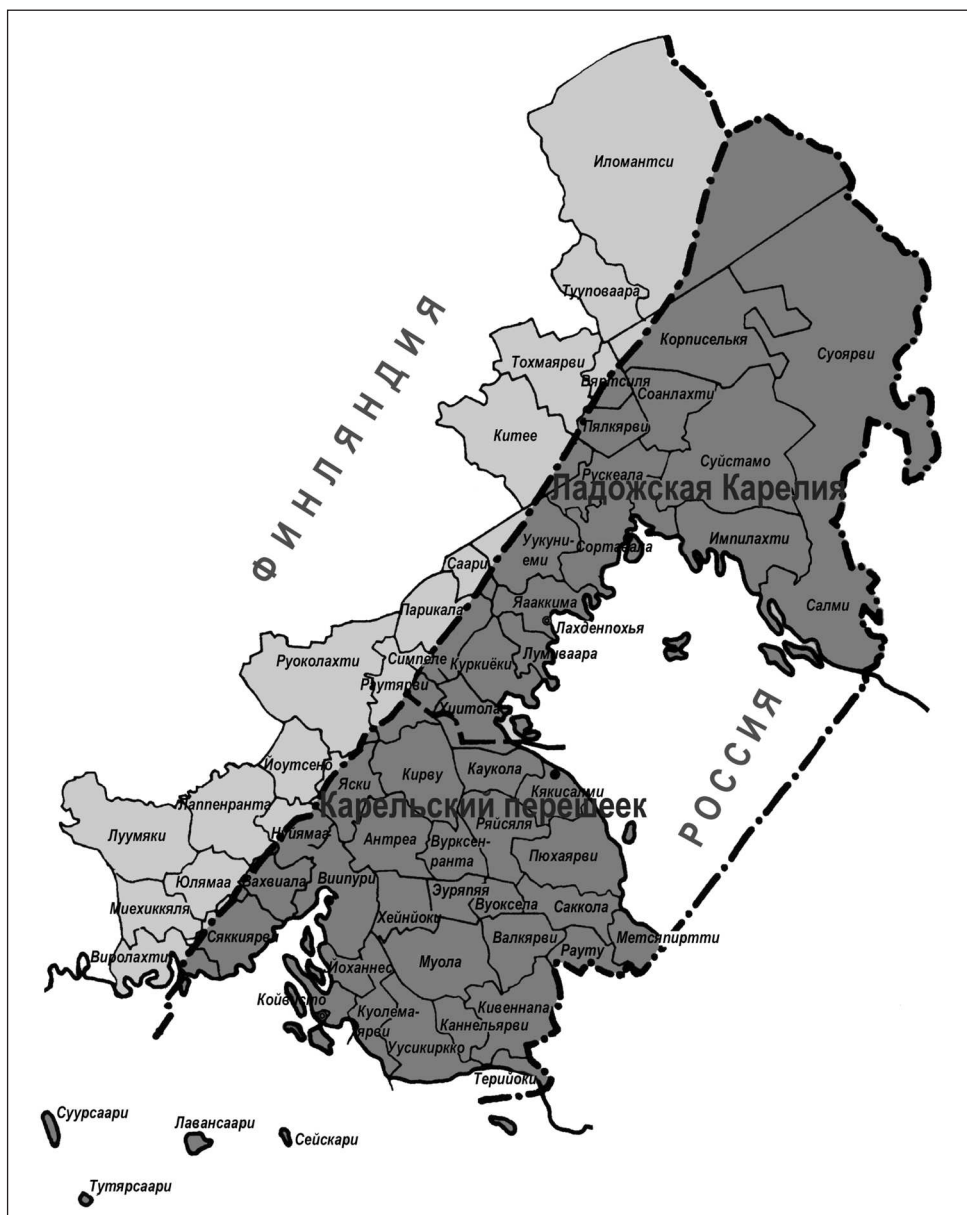

Рис. 1. Переданная Финляндией СССР в 1944 г. территория Карельского перешейка и Ладожской Карелии

Место находки обозначается следующим образом. Вначале указывается приход, затем — деревня или хутор и в конце — название участка (поля или холма), на котором сделана находка. В качестве примера можно использовать один из известных карельских грунтовых могильников Кекомьяки. Его

полный «адрес»: Каукола Коверила Кекомьяки. В ряде случаев приводится лишь конкретное место находки (например, могильник Кекомьяки).

В проведенном нами исследовании впервые в отечественной науке собран и проанализирован весь археологический материал с исторической территории расселения древних карел на Карельском перешейке, в Северо-Западном Приладожье и в Восточной Финляндии, прослежены пути социально-экономического развития населения и его культуры, связи с соседними территориями. В полной мере для раскрытия темы исследования использованы древнерусские и скандинавские средневековые письменные источники. Также впервые в рамках предлагаемого исследования были проведены геологические и палеоэкологические исследования, позволившие раскрыть природно-географическую основу развития и процветания древнего карельского общества, характер и содержание экономических и культурных связей карел с соседями в бассейне Балтийского моря, включая южное побережье Финского залива и, в целом, северо-западные новгородские земли. В предлагаемом читателю исследовании в полной мере использованы новые материалы, важные для понимания истории формирования и функционирования известного по летописным источникам как Карельская (Корельская) земля территориально-административного и этнического образования, находившегося на самом северо-западе новгородских земель.

Методологической основой работы явилось комплексное изучение археологических и письменных источников. В работе детально и комплексно рассмотрены археологические памятники исследуемого региона с привлечением как традиционных археологических приемов, так и статистико-комбинаторных методов. Особое внимание уделено рассмотрению природных, исторических и социально-политических факторов, определивших последовательное развитие населения в древности и расцвет карельской экономики и культуры в XII–XIV вв. Полученные в ходе предлагаемого читателю исследования выводы базируются на детальной хронологии карельского археологического материала, что позволило привлечь надежно датированные данные летописей и берестяных грамот, а также находки карельских вещей из культурного слоя Новгорода, крепостей Корела и Орешек и других городских центров Новгородской земли в рамках одного узко датированного хронологического горизонта (в ряде случаев вплоть до одного поколения древних карел). Эта же методика позволила проследить динамику внутреннего развития в древней Карелии и внешние связи древней корелы, предпринять попытку реконструкции процесса становления и развития средневековой карельской этнической общности и формирования национально-территориального образования Карельская земля. Особое внимание в работе уделено исследованию истории формирования природно-исторического ландшафта Карельского перешейка, сыгравшего, и это следует особо подчеркнуть, особую роль в исторических судьбах населения этой части Восточной Прибалтики.

Результаты исследования использовались автором при подготовке лекционных курсов в Санкт-Петербургском государственном университете, пе-

дагогическом университете им. Герцена в Санкт-Петербурге, Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого, университете г. Йюенсуу (Финляндия). Выводы, изложенные в монографии, могут найти применение при изучении других прибалтийско-финских племен.

Основные положения работы были доложены на заседаниях отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, региональных, всесоюзных и всероссийских конференциях и семинарах в Санкт-Петербурге, Москве, Петрозаводске, Суздале, Новгороде, Твери, Старой Ладого, Выборге, Приозерске, на российско-финляндских гуманитарных чтениях (Санкт-Петербург), финно-угорских конгрессах в Сыктывкаре, Дебрецене (Венгрия), Ювяскюля (Финляндия), советско- и российско-финляндских симпозиумах по археологии в Ленинграде, Хельсинки, Таллинне, Выборге, Пушкинских горах, Международном конгрессе по истории крепостей Балтии (Турку, 1992). Разделы по истории формирования ландшафта Карельского перешейка и истории земледелия в древней Карелии были представлены на международных симпозиумах по климату (Санкт-Петербург, 28.3.–2.4.2001) и истории Ладожского озера (Санкт-Петербург, 1993 г.; Йюенсуу (Финляндия), 2000 г.).

Работа выполнена в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН в Санкт-Петербурге.

ГЛАВА 1

История археологического изучения территории древней Карелии

В этой главе история археологического изучения территории древней Карелии представлена в нескольких этапах, обусловленных изменениями в государственной принадлежности территории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья и отражающих различные культурно-исторические традиции и общественно-научные интересы в различные периоды истории Финляндии и России.

Начальный период (1870-е гг. — 1917 г.)

Археологическое изучение территории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья получило свое начало в 1870-е г. с деятельности Выборгского студенческого общества Хельсинского университета, организовавшего ряд экспедиций по сбору археологических и этнографических материалов в тогдашнюю Выборгскую губернию Великого княжества Финляндского. Эти поездки были частью охватившего в середине и второй половине XIX столетия всю научную гуманитарную общественность Великого княжества увлечения историей, этнографией, языком и фольклором не только собственно финнов, но и родственных им финно-угорских народов. В эту эпоху национального романтизма создается Общество древностей, вынашиваются планы создания Национального музея для уже собранных и будущих коллекций.

В экспедициях университетских студентов на Карельский перешеек в 1870-е г. участвовал Теодор Швиндт — будущий «отец карельской археологии». Свои первые самостоятельные раскопки он предпринял в известных уже по экспедициям и родных ему местах (Швиндт был родом из Ряйсяля, ныне пос. Мельниково). В 1880-е г. Швиндт раскопал ставшие классическими карельские грунтовые могильники эпохи крестовых походов (XII–XIV вв.) в приходах Каукола, Ряйсяля, Саккола и вблизи Кексгольма (в Суотниemi), опубликовав их затем в своей докторской диссертации о железном веке Карелии (Schwindt 1893). В первой части этой работы подробно описываются погребальные комплексы с приложением планов могил. Во второй части проведена реконструкция праздничного убора погребенных и по имеющимся в могилах орудиям труда воспроизведены занятия взрослого населения. Там же отмечены детали погребальной обрядности и делается вывод, что население Карельского перешейка к этому времени уже было знакомо с христианством, а языческий обряд постепенно изживал себя. Рисунки всех характерных ве-

щевых находок приводятся в третьей части книги. В этой же книге публикуются результаты исследования Швиндтом культурного слоя и укреплений Тиверского городка на Вуоксе. Он также провел первые раскопки в Старой крепости Кексгольма (Кореле) (Schwindt 1898). Связанная с изучением древностей карел экспедиционная деятельность Теодора Швиндта продолжалась до самой его кончины в 1917 г. (Sihvo 2001; Uino 1997: 23–32; 2003: 119–129). Современник Швиндта Хйялмар Аппельгрэн занимался изучением древних городищ и крепостей Финляндии. В 1880-е г. им были произведены раскопки Тиверского городка на Карельском перешейке, городищ Лопотти и Хямеенлинна в Северо-Западном Приладожье, обследованы другие городища северо-западного побережья Ладожского озера (Appelgren 1891).

Вскоре после открытия Швиндтом на Карельском перешейке карельских грунтовых могильников содержавшие подобные украшения могилы были найдены при расчистке песчаной площадки в Миккели Тууккала в области Саво (Heikel 1889). По этим материалам раскопок могильников и городищ к концу XIX в. сформировался основной фонд археологических источников по ранней истории карел (корелы новгородских летописей). Затем наступил период относительного затишья в области исследования памятников железного века на рассматриваемой нами территории. Научные приоритеты отданы изучению памятников каменного века, в котором были достигнуты несомненные успехи (Huurre 1979a; 2003, 151–244; Lavento 2002; 2003, 245–290; Сакса 2001: 257–271; Сакса, Тимофеев 1996a, 52–55; Saksa 1998, 185–189; Uino 2003: 118–130). Исключение составляет лишь посвященная общим вопросам археологии Карелии обзорная статья А.М. Тальгрена, в которой он рассмотрел археологические памятники железного века Финской Карелии, подробно разобрав материалы раскопанных Т. Швиндтом могильников (Tallgren 1910).

Карельская археология в период независимости Финляндии (1918–1944 гг.)

Финские археологи вернулись к полевым исследованиям на Карельском перешейке в начале 1920-х гг., когда А. Европеус раскопал в дер. Лапинлахти могильники эпохи Меровингов и викингов. Эти принесшие новые материалы раскопки побудили Европеуса и ряд других финских исследователей обратить более пристальное внимание на территорию древней Карелии. Сам А. Европеус выступил со специальной проблемной статьей, в которой подвел итоги археологическим исследованиям на Карельском перешейке и определил круг задач, требующих особого внимания исследователей. Особое внимание, по его мнению, следовало уделить поиску и исследованию памятников конца эпохи переселения народов (400–800 гг.) и эпохи викингов (800–1050 гг.). Очень важно решить вопрос о происхождении населения железного века Карелии и о доле участия этого населения в сложении средне-

вековой карельской культуры. В области полевых исследований, по мнению автора, следовало провести раскопки в известных богатыми погребальными памятниками местах, а также городищ. Надо сказать, что значительная часть этих вопросов не потеряла своего значения и в наши дни.

А. Европеус одним из первых поднял вопрос о происхождении населения древней Карелии, выдвинув теорию западно-финского происхождения карел. Она базировалась на сходстве погребального обряда и инвентаря могильников VIII–XI вв. Карелии с одновременным материалом могильников западных областей Финляндии. Как считал Европеус, различия появляются лишь в более позднее время, когда Карелия попадает под влияние Новгорода, а Западная Финляндия оказывается под властью Швеции (Eugoraeus 1923: 61–75). В эти же годы железному веку Карелии посвятил специальное исследование С.А. Нордман (Nordman 1924), в котором автор подверг детальному анализу все категории карельских украшений. В результате среди материала карельских могильников были выявлены различные импортные изделия, следы восточного (через Русь), балтийского, западно-финского, готландского влияния. Растительный орнамент карельских украшений он считал по происхождению восточным, мотивы которого достигали Карелии через посредство русских. В этой работе Нордман высказал предположение о том, что древнейшее население Карельского перешейка происходит из области Хяме. Племя карел возникло из смешения этого населения с пришельцами с востока и юго-востока, то есть с другими финскими элементами. Основой для этой точки зрения послужило обнаружение А. Европеусом в дер. Лапинлахти на оз. Суванто (Суходольское) могил с западно-финским инвентарем, датированных временем около 800 г. Нордман ограничивал территорию расселения карел в эпоху Средневековья областью западного и северо-западного берегов Ладоги, считая возможным также проживание части карельского населения южнее р. Невы. Побережье Финского залива не было заселено. Карелы переселялись в Саволакс (Саво) и в восточные части Тавастланда (Хяме). Эпоха крестовых походов была временем расцвета карельской культуры. Ее упадок и исчезновение Нордман связал с основанием в 1293 г. Выборгского замка, который прибрал к своим рукам торговлю по Вуоксе, и Ореховским миром 1323 г., разделившим Карелию на две части.

Исследования А. Европеуса и С.А. Нордмана нашли свое продолжение в трудах Э. Кивикоски (Kivikoski 1939: 1–11; 1942: 79–87; 1961), после чего гипотеза о западно-финском происхождении карел стала господствующей в финской археологической науке.

Отдельные категории вещей карельских типов, введенные в научный оборот Т. Швиндтом, А.О. Хейкелем, Х. Аппельгреном, С.А. Нордманом, Э. Кивикоски, Х. Сальмо стали предметом специального рассмотрения в целом ряде других исследований, сформировавших целое направление в финской археологической науке.

Пионером в изучении отдельных групп карельских украшений выступил Ю. Айлио, подготовивший капитальное исследование карельских

овально-выпуклых фибул (Ailio 1922). Он в своей работе на основе различий в орнаментации выделил 11 групп фибул и датировал их в целом XI в. Происхождение их он вел от скандинавских образцов. Фибулы, встречающиеся в Саво и Карелии, являются наиболее поздними. Последний вывод представляется верным, хотя в целом датировки Ю. Айлио устарели. Фибулы ранних типов в настоящее время относят к XII в., наиболее же характерные, составляющие большинство находки датируются XII–XIII/XIV вв. (af Hällström 1948: 45–69; Lehtosalo-Hilander 1966: 22–39; Linturi 1980; Tomanterä 1994: 35–50). В остальной части предложенную Айлио типологию и в наше время активно используют. В его работе отдельная глава посвящена реконструкции способов ношения фибул, технике их изготовления.

Юлиус Айлио приобрел известность еще и своими исследованиями по изменению уровня воды в водоемах Карельского перешейка вследствие подъема земной коры и, в первую очередь, изучением Ладожской трансгрессии и связанных с ней береговых валов и террас. Проведенные им исследования остаются классическими в археологии каменного века и эпохи раннего металла, поскольку заложили основу метода датирования памятников по расположению их на различных по высотным отметкам геологически датированных террасах (Ailio 1915).

Возникший в 20-е гг. прошлого столетия интерес к археологии железного века Карелии все же не перерос в стадию последовательного серьезного изучения. Из полевых исследований отметим лишь раскопки Н. Клеве могильника Калмистомяки в Куркиеках в 1927–28 гг. В 1937–38 гг. на этом же могильнике продолжил раскопки Й. Войонмаа. Раскопками Э. Кивикоски в 1938 г. изучен новый для территории Карельского перешейка тип памятника — погребение под каменной насыпью эпохи переселения народов (VI в.) на о. Риеккала вблизи г. Сортавала. В этом же году она исследовала разрушаемый местными жителями при полевых работах средневековый грунтовый могильник в дер. Лапинлахти на южном берегу оз. Суванто (Суходольское), где среди массы безинвентарных погребений выявлены и более ранние захоронения с вещами интересующего нас времени, а также отдельные находки украшений карельских типов (Kivikoski 1942: 79–87). Плановые исследовательские полевые работы на Карельском перешейке в этот период не проводились (Uino 1992; 2003: 131–140).

В послевоенные годы финские археологи не оставили полностью без внимания карельскую тематику, обратив его на изучение хранящихся в Национальном музее страны материалов из прошлых раскопок на переданной Советскому Союзу по мирному договору 1944 г. территории Карелии. В первую очередь это касается предметов украшения. Исследования карельских овално-выпуклых фибул спустя 25 лет после выхода работы Айлио продолжил Хальстрем (af Hällström 1948: 45–65). К этому времени коллекция фибул пополнилась новыми экземплярами из Западной Финляндии, особенно из провинции Хяме. По мнению Хальстрема, эти фибулы датируются более

ранним временем, чем карельские находки и, следовательно, они изначально происходят из этой области. На основе орнамента и размеров он выделил две группы фибул: западную и восточную, причем последние — более крупные и более поздние. Однако приведенные им датировки не во всех случаях бесспорны, что ослабляет его концепцию. Несомненной заслугой автора является постановка вопроса об обоснованности выделения «карельских вещей», критический подход к этой теме.

П.-Л. Лехтосало-Хиландер исследовала только одну, наиболее многочисленную группу овально-выпуклых фибул, а именно — фибулы с так называемым ракообразным орнаментом (группа Н по Айлио (Lehtosalo 1966: 22–39)). Основываясь на различном соотношении длины и ширины фибул, исследовательница пришла к выводу о существовании двух больших групп этих украшений, каждая из которых включает в себя несколько различающихся в деталях орнаментации подгрупп. Полученные таким образом группы различаются хронологически: фибулы 1-й группы датируются XI в., а фибулы 2-й группы — XII — началом XIII в.

Э. Линтури детально рассмотрела в своих работах фибулы с зооморфным и шнуровым орнаментами (соответственно группы С (и близкую ей D) и F по Айлио). В первом случае ею выделено семь различающихся по деталям орнаментации и размерам групп фибул типов С1 и С2 (Linturi 1980). Все группы сведены в единую типологическую цепочку. Интересно, что скрупулезный анализ орнаментации и состава металла позволил автору выявить серийные экземпляры фибул, что имеет определяющее значение для выявления синхронных по времени комплексов, прежде всего могил. Во второй работе Линтури (Linturi 1982) аналогичным образом разделила фибулы со шнуровым орнаментом на более дробные группы. Коллекцию фибул из района Миккели рассмотрела Л. Томантеря, уделяя особое внимание вопросам технологии их изготовления (Tomanterä 1994).

Некоторые типично карельские изделия можно найти включенными в общие обзоры по финским находкам отдельных категорий предметов. Так, топоры с массивным обухом из карельских могильников включены в монографию Е. Вуолиеки о проушных топорах железного века Финляндии (Wuolijoki 1972). Они также фигурируют и в работе немецкого археолога П. Паульсена (Paulsen 1956) о топорах Северной и Восточной Европы.

В своей работе о подковообразных фибулах финского железного века Х. Сальмо (Salmo 1956) выделяет серебряные карельские фибулы в две отдельные группы: пластинчатые подковообразные фибулы с ребром посредине дуги и фибулы с выпуклой дугой. Наиболее предпочтительным местом изготовления этих фибул автор считает территорию Карельского перешейка. Датируются эти фибулы 1100–1250 гг.

Таким образом, в работах финских археологов в довоенные годы и первые послевоенные десятилетия выявлены и отчасти исследованы все основные категории археологических памятников железного века и Средневековья на Карельском перешейке и Северо-Западном Приладожье, определен

в общих чертах ареал карельской культуры, детально разработана типология ряда категорий находок из карельских грунтовых могильников. Намечены также некоторые общие проблемы карельской археологии, выдвинута гипотеза происхождения населения железного века Карелии. Вместе с тем, следует отметить недостаточную разработанность вопросов, связанных с обобщением накопленного археологического материала, этнической историей карел, сложением их материальной культуры, территорией расселения на различных исторических этапах. Археологические памятники исследовались во многом случайно и односторонне; преимущество отдавалось могильникам, а при анализе материала могил — женским украшениям. Также, при тщательной проведенной систематизации и классификации этих предметов, даты остаются очень широкими, что затрудняет разработку подробной хронологии памятников. В обобщающих работах по археологии практически не использовались письменные и другие исторические источники. Все эти нерешенные проблемы учитывались при определении направления исследования при планировании и проведении более поздних работ 1970–1990-х гг., речь о которых пойдет ниже.

Археологические исследования российских археологов на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье (1970–1990-е гг.)

Древнее прошлое населявших северо-западные земли Новгородского государства финских племен, в том числе и корелы, на протяжении почти двух столетий вызывало неослабевающий интерес исследователей и всех любителей отечественной истории. Корела, как называли карел новгородские летописи, в силу исторических обстоятельств и своего географического положения играла заметную роль в экономической и социально-политической жизни Новгородского государства. Это нашло отражение в многочисленных источниках, достаточно полно рассмотренных в трудах отечественных и зарубежных историков.

Планомерное археологическое изучение территории расселения древних карел советскими учеными началось после присоединения к СССР после окончания Второй мировой войны (1944 г.) части бывшей территории Финляндии на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье (рис. 1). На начальном этапе в первую очередь внимание уделялось социально-экономическим проблемам. Первым вопрос о социально-экономической характеристике раннесредневекового карельского общества поставил В.И. Равдоникас еще в 1930-е гг. по материалам своих раскопок на Олонецком перешейке и в Юго-Восточном Приладожье. Им была выдвинута гипотеза, согласно которой корела лишь в конце XI–XII вв. заселила Северо-Западное Приладожье, продвинувшись туда через Олонецкий перешеек. На Карельском перешейке пришельцы столкнулись с проживавшей там емью и некоторое время сосуществовали с ней (Равдоникас 1934). К вопросу

об археологических памятниках Карельского перешейка Равдоникас вернулся в 1940 г., когда эта территория и часть Приладожья временно отошли в состав Карело-Финской ССР (Равдоникас 1940). В этой статье он вновь подчеркивает значение восточных и юго-восточных этнокультурных элементов в процессе формирования карельской этнической общности. По вполне понятным причинам Равдоникас подверг резкой критике финских археологов за практически полное, по его мнению, забвение задач изучения археологических памятников железного века на недавно еще принадлежащей Финляндии территории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья.

Однако каких-либо практических шагов в первые послевоенные годы в археологическом «освоении» этой территории не последовало. Лишь в конце 1960-х гг. и особенно с образованием в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР сектора славяно-финской археологии в 1974 г. началось планомерное изучение прибалтийско-финских древностей на территории Ленинградской области. Первые, проведенные в 1972 г. разведки на Карельском перешейке в местах расположения карельских (кексгольмских) грунтовых могильников продемонстрировали сложность и, по-своему, необычность, если не сказать непривычность полевых исследований при отсутствии курганов и других видимых на поверхности земли следов древних памятников (Петренко, Рябинин, Теребихин 1973). 1970-е г., в целом, явились переломными в археологическом изучении древней Карелии. Начались полевые работы на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье в таких ключевых пунктах, как крепость Корела и Тиверский городок на Вуоксе, Паасонвуори и других городищах северо-западного побережья Ладожского озера. Раскопки проводились ленинградскими и петрозаводскими учеными под руководством А.Н. Кирпичникова и С.И. Кочкуркиной. В крепости Корела (Старая крепость) и в соседней Новой крепости, а также на территории самого г. Приозерска экспедиция ЛОИА АН СССР работала в 1972–73 и 1975–76 гг. (Кирпичников 1979: 52–73; 1984: 119–144), на Тиверском городке в 1971 г. (Кирпичников, Петренко 1974: 106–113; Кирпичников 1984: 144–149). В 1989–90 гг. и в 1992–93 гг. раскопки в Кореле продолжались под руководством автора этих строк (Сакса 1999: 192–205; Saksa, Kankainen, Saarnisto, Taavitsainen 1990: 65–68; Saksa 1992a: 5–17; Uino, Saksa 1993: 213–217; Saksa 1998: 107–125). Экспедиция сектора археологии Института истории, языка и литературы (ИЯЛИ) Карельского филиала АН СССР основные раскопки провела на Тиверском городке в 1971–74 гг. (Кочкуркина 1976: 63–70; 1981: 30–62), городище Паасонвуори в 1974–1975, 1978–1979, 1980 гг. (Кочкуркина 1981: 73–87). Работы проводились также на островах Ладожского озера Тулолансаари (1974 г.) и Мантсинсаари (1976 и 1977 гг.) (Кочкуркина 1981: 20–21, 106). С 1978 г. и по настоящее время ежегодные исследования на этой территории проводятся экспедицией Института истории материальной культуры (бывшее ЛОИА) РАН под руководством

автора этих строк¹. При этих работах основное внимание уделяется поиску и исследованию могильников и синхронных им карельских средневековых сельских поселений (Сакса 1984: 93–97; 1985: 81–84; 1989: 94–97; 1998: 157–160; 2001: 95–112; Saksa 1985: 37–49; 1992-b: 468–479; 1994a: 29–45; 1994b: 98–104; 1998: 69–156). В рассматриваемое нами время начато археологическое изучение древнего Выборга, в ходе которого на Замковом острове было выявлено и исследовано карельское поселение XII–XIII вв., предшествующее заложенному шведами в 1293 г. Выборгскому замку (Тюленев 1995; 1997: 173–178; Tjulenev 1987: 5–37).

1970-е г. ознаменованы началом плодотворного сотрудничества с археологами Финляндии в рамках рабочей группы по археологии Советско-Финляндской комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Значительное число докладов на первом советско-финляндском симпозиуме по археологии в Ленинграде (1976 г.) было посвящено карельской тематике или частично ее затрагивало. В следующем 1977 г., вопросы происхождения карел рассматривались на симпозиуме историков и археологов в г. Йюенсуу (Финляндия). Начиная с 1989 г. у финских археологов появилась возможность непосредственного участия в раскопках на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье. Это участие вскоре переросло в сотрудничество в форме совместных экспедиций и публикаций научных работ. Стало возможным привлечь накопленные за многие годы финскими учеными материалы и опыт их исследования, научный потенциал и ресурсы университетов, Центра геологических исследований, фондов содействия научным исследованиям и музейных учреждений Финляндии. Это в условиях чрезвычайно скудного финансирования отечественной науки позволило археологам Петербурга и Карелии продолжить полевые работы и, в целом, даже поднять их на качественно новый уровень, представить их широкому кругу международной научной общности. Новым направлением, значительно обогатившим и расширившим наши знания о древнем прошлом рассматриваемой территории, стали междисциплинарные исследования с привлечением геологов, палеоэкологов, озероведов (Саарнисто, Сакса, Таавитсайнен 1993: 27–29; Саарнисто, Сакса, Таавитсайнен 1994: 5–8; Saksa, Kankainen, Saarnisto, Taavitsainen 1990: 65–68; Uino, Saksa 1993: 213–217; Arslanov, Davydova, Khomutova, Krasnov, Malakhovskiy, Saarnisto, Saksa, Subetto 1993: 27–29; Taavitsainen, Ikonen, Saksa 1994: 29–39; Kankainen, Saksa, Uino 1995: 41–47; Zetterberg, Saksa, Uino 1995: 215–220; Saksa, Grönlund, Simola, Taavitsainen, Kivinen, Tolonen 1996: 371–376; Grönlund, Simola, Alenius, Lahtinen, Miettinen, Kivinen, Saksa, Davydova, Taavitsainen, Tolonen 1997: 391–395; Davydova, Arslanov, Khomutova, Krasnov, Malakhovsky, Saarnisto, Saksa, Subetto 1996: 199–204; Grönlund, Simola, Saksa, Kotchurkina 2001; Lavento, Halinen, Timofeev, Gerasimov, Saksa 2001; Alenius, Grönlund, Simola, Saksa 2004: 23–31).

¹ Подробно результаты приведенных раскопок будут рассмотрены в соответствующих главах монографии.

При финансовой поддержке Фонда содействия изучению карельской культуры (г. Йоенсуу, Финляндия) начиная с 1998 г. осуществляются охранные раскопки в средневековой части г. Выборга, при проведении которых обнаружены следы первоначального заселения (XIII в.) и впервые исследованы горизонты средневековой деревянной застройки города, собран богатый вещевой материал из хорошо сохранившихся слоев XV–XVIII вв. (Сакса 2002а: 150–164; 2002б: 76–79; Сакса, Бельский, Курбатов, Полякова 2003: 129–140; Saksa, Suhonen 2001: 26–29; Saksa, Belsky, Kurbatov, Polykova, Suhonen 2002: 37–64; Belsky, Saksa, Suhonen 2003: 14–30; Saksa, Saarnisto, Taavitsainen 2003: 15–20; Saarnisto, Saksa 2004: 37–42).

Результаты археологических исследований на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье в отечественной науке впервые собрала и обобщила в своей докторской диссертации «Археологические памятники корелы. V–XV вв.» С.И. Кочкуркина. Ее работа состоит из каталога археологических памятников (1981) и их научного рассмотрения (1982). Хронологические рамки исследования — V–XV вв., территориальные — Северо-Западное Приладожье и смежные области Финляндии. Охват приведенных сведений достаточно полный. Однако несомненные достоинства работы снижаются рядом допущенных автором неточностей и ошибок, затрудняющих использование материала. Часть ошибок происходит от незнания системы организации деревенского пространства, выделения и наименования отдельных земельных участков в финское время, что вызывает путаницу в локализации некоторых археологических объектов и затрудняет пользование каталогом. Отнесение всех памятников, начиная с V в., к кореле, по нашему мнению, не оправдано. Корела, несомненно, является этническим образованием, ограниченным не только зоной расселения, но и во времени. Разделение многообразных памятников на две группы (памятники V–XI и XII–XV вв.) является искусственным и не соответствует принятым в науке историческим этапам. Поэтому относящиеся к различным эпохам памятники оказываются в рамках одной хронологической группы. Вторая из рассматриваемых книг представляет собой аналитическое рассмотрение археологического материала. Приведены существующие в науке взгляды на происхождение карел, рассмотрены материальная культура I — начала II тыс. н. э., материалы раскопок поселений и могильников XII–XIV вв., хозяйство карел, связи с Новгородом. Особый интерес вызывают результаты собственных раскопок С.И. Кочкуркиной, анализ полученных ею материалов, классификация предметов украшения и керамики. Ценность этого издания состоит еще и в том, что оно сделало доступным для широкого круга исследователей ранее неизвестные и разбросанные по различным, главным образом финским публикациям данные.

В 1984 г. автором этих строк защищена кандидатская диссертация «Карельская земля в XII–XIV вв. (по археологическим данным)» (Сакса 1984). В ней подведен итог более чем столетним исследованиям корелы, дан анализ предшествующих достоверно карельским древностям материалов второй половины I — начала II тыс. н. э., детально проанализирован погребальный

обряд и инвентарь карельских грунтовых могил XII–XIV вв., разработаны более детальные, по сравнению с предшествующими, типология и хронология карельских вещей. Именно хронология карельских памятников является одним из ключевых и, тем не менее, слабо изученных вопросов исследуемой проблемы. Выделение комплекса одновременно бытовавших предметов позволило выявить памятники одного хронологического горизонта и таким образом определить их дробную хронологию, выявить местные особенности и динамику развития карельской культуры, рассмотреть в более узких хронологических диапазонах свидетельства внешних связей карел. В работе впервые рассмотрены исследованные автором сельские поселения и культовые памятники карелы.

Итоги научных исследований последнего десятилетия послужили научной базой для двух защищенных в Финляндии докторских диссертаций. В своей работе «Ancient Karelia. Archaeological studies. Muinais-Karjala. Arkeologisia tutkimuksia» (1997) П. Уйно, подробно рассматривая историю археологического изучения памятников древней Карелии, приводит классификацию памятников: могильники, включая конструкцию могил и погребальный обряд; следы поселений и производственной деятельности; городища, их топография, функции, датировка, исторический фон; жертвенные камни по этой же схеме. Значительная по объему глава посвящена вопросам истории населения железного века Карелии, начиная с эпохи раннего металла. В части этой главы, посвященной характеристике карельского населения эпохи Средневековья, наряду с археологическими источниками и их трактовками разными исследователями, приведены и проанализированы данные летописей и писцовых книг, языкознания, топонимики, фольклористики, антропологии и генетики. В следующей главе о промыслах и хозяйстве населения древней Карелии использованы исследования древних природных условий и их влияние на систему расселения и хозяйство карел, сведения писцовых книг. Значительное место в диссертации уделено характеристике карельской материальной культуры, рассмотрению экономических и культурных связей населения древней Карелии с другими территориями, как соседними (Русь, Прибалтика), так и такими отдаленными, как Скандинавия и Западная Европа. Рассматриваемая диссертация, без преувеличения, аккумулировала весь объем знаний из различных научных дисциплин по заявленной в названии проблематике на момент ее написания. Значительной частью диссертации, занимающей половину объема работы, является свод археологического материала памятников за период в три тысячи лет (1500 г. до н. э. — 1500 г. н. э.). Памятники и отдельные находки представлены в нем группами по приходам с названиями и точными координатами мест находок, ссылками на источники и описанием обстоятельств находки, характеристикой памятника и его датировкой. Это, в сущности, каталог археологических находок с территории древней Карелии, относящихся к эпохе раннего металла, железному веку и Средневековью.

Автором настоящей работы в 1998 г. была защищена в Финляндии докторская диссертация «Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty

ja varhaiskehitys» (Карелия железного века. Происхождение и ранняя история населения древней Карелии) (на финском языке) (Saksa 1998). Основу исследования составляют выдержавшие проверку временем базовые положения кандидатской диссертации 1984 г. В диссертации 1998 г. с максимальной полнотой представлены итоги авторских многолетних, в том числе и полевых исследований по представленной тематике на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье. Исследования последних лет, в том числе и междисциплинарные, в таком объеме публикуются впервые. Работа начинается с детального рассмотрения погребального обряда и инвентаря карельских грунтовых могил, хронологии погребений и внутренней хронологической структуры могильников. Полученная относительная хронология могильников и части вещей карельских типов позволила привязать к ней отдельные находки подобных изделий и содержащие карельские вещи культурные слои поселений как на собственно карельской территории, так и за ее пределами, и таким образом «оживить» и «разобрать» на отдельные хронологические пласты весь, казалось бы, однородный карельский материал XII– XIV вв. (эпохи крестовых походов в Финляндию по финской периодизации). В следующей главе рассмотрены археологические памятники (могильники, сельские поселения и городища, клады и культовые камни, случайные находки) отдельных районов их наибольшего скопления — древние поселенческие центры. Обзоры завершены характеристикой динамики культурно-исторического развития на каждой отдельно взятой территории на протяжении железного века и Средневековья, составленной с привлечением результатов последних раскопок и палеоэкологических исследований. В последующих двух главах развитие культуры летописной корелы, степень и формы ее влияния на соседние территории рассмотрены уже в масштабах всей древней Карелии. В заключительной главе представлена история населения территории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья, начиная с этапа первоначального заселения. Подробно освещено ремесло, торговля и хозяйство в период расцвета средневековой карельской культуры.

Перечисленные выше работы, при использовании их авторами единой исследовательской базы, различаются в подходах к археологическому материалу, постановках приоритетных, наиболее важных и малоисследованных, с точки зрения каждого автора, научных проблем и задач. Следует также в этой связи подчеркнуть, что решение одних, представляющихся актуальными на данном этапе проблем неизбежно вызывало новые вопросы, также требующих своего решения. Так, для С.И. Кочкуркиной первоочередной задачей стало собрать воедино весь круг археологических источников по древней кореле, известных в основном по финским работам, определить зону их распространения, провести необходимый научный анализ вещевых находок, привлечь данные смежных дисциплин и затем на этой базе обратиться к собственно исследовательской части работы (Кочкуркина 1981, 1982). Ко времени защиты нами кандидатской диссертации эта работа была уже проделана и опубликованы результаты раскопок 1970-х гг. Рассмотрение же С.И. Кочкуркиной наиболее актуаль-

ных проблем истории и хозяйства карел давало пищу для дискуссии по более широкому кругу вопросов происхождения карел, развития их материальной и духовной культуры, хозяйства и ремесла, торговли, внешних связей. Решение новых задач потребовало разработки детальной типологии и хронологии карельских древностей, сопоставления их с материалом археологических памятников соседних территорий, выявления хронологических и локальных групп памятников, установления динамики развития карельской культуры, что и было проделано на следующем этапе (Сакса 1984). В диссертации 1984 г. детально рассмотрены погребальный инвентарь карельских грунтовых могил, материалы раскопок выявленных к этому времени сельских поселений и культурных памятников карелы. В завершающей части представлены заключения, касающиеся происхождения и ранней истории карел, построенные на основе приведенных в работе материалов.

Диссертация П. Уйно подводит итог 150-летнему исследованию древней Карелии. Автор диссертации исходила из потребности финской археологической науки в введении в научный оборот новых материалов из раскопок российских исследователей на Карельском перешейке и смежной территории Северо-Запада России, включая Старую Ладугу и Новгород. В археологических исследованиях последнего десятилетия стало также возможным применение при решении проблем происхождения и ранней истории карел новейших исследований в области языкознания, фольклора, топонимики, антропологии и генетики. Работа Уйно выполнена в русле представлений финских археологов о проблеме происхождения и ранней истории карел.

В каждой из приведенных выше работ есть дискуссионные положения по различным трактовкам археологического материала и данных смежных дисциплин. В первую очередь это касается ранних памятников середины — второй половины I тыс. н. э., напрямую связанных с решением проблемы происхождения карел, а также характера связей с соседними территориями, прежде всего с Западной Финляндией, степени их влияния на процессы становления и развития культуры древних карел. Все эти различные подходы к теме и интерпретации научного материала рассматриваются нами в данной работе применительно к каждому открывающему такую возможность случаю.

ГЛАВА 2

Карельский перешеек — формирование природного и историко-географического ландшафта

Геологическое развитие

Геологическое развитие рассматриваемого региона послужило определяющим фактором в создании предпосылок для распространения и позднейшего пребывания человека в Приладожье и на Карельском перешейке. Доисторический человек был свидетелем всех этапов в истории Балтийского моря и Ладожского озера в послеледниковый период, постоянно приспосабливаясь к порою драматическим изменениям природного ландшафта.

Современный рельеф Приладожья в значительной степени определяется его геологическим строением. В северо-западной береговой части Ладожского озера, по долине р. Вуоксы и к северу от нее на Карельском перешейке под четвертичными отложениями находятся породы кристаллического фундамента времени ранне-среднепротерозойского интервала, возраст которых насчитывает более двух миллиардов лет. В южной половине Карельского перешейка фундамент составляют более поздние осадочные породы, перекрытые толстым слоем ледниковых отложений. Выходящие на поверхность в виде скальных возвышенностей и гранитных «лбов» кристаллические породы в Северном Приладожье и в северной части Карельского перешейка формируют вытянутые в направлении северо-запад–юго-восток гряды-сельги, образуя на побережье озера шхерный тип берега. Формы рельефа западного побережья Ладожского озера и центральных районов Карельского перешейка более выровненные; возвышенности находятся, как правило, в тех районах, где на поверхность выходят кристаллические породы.

Заметное влияние на формирование рельефа рассматриваемой территории и создание его основных современных форм оказали ледники, продвигавшиеся в четвертичное время через Карельский перешеек и Приладожье несколько раз. Ледниковое выпахивание оставило наиболее выраженные следы в северной части Ладожского озера в зоне сложенных кристаллическими породами расчлененных форм, оказывавших наибольшее сопротивление. Помимо выпахивания, происходило также накопление ледниковых отложений. Поскольку направление ледниковых лопастей определялось рельефом, отмеченные процессы увеличивали его контрастность. Особенно яркие следы оставило последнее валдайское оледенение, во время которого Скандинавский ледниковый щит достиг около 25000 лет назад Валдайской возвышенности. Его отступление началось около 17000–18000 л. н. Около 13000 л. н. край ледника достиг северной части Приладожья. У его границы талые воды образовали пресноводный бассейн, известный под названием

Балтийского Ледникового озера (11590–13000 л. н.). Его берег фиксируется на Карельском перешейке на высотах до 90–97 м от уровня моря. Примерно 11590 лет назад в связи с потеплением климата началось быстрое отступление ледника. После его отступления с территории Средней Швеции исчез порог, отделяющий пресноводное Ледниковое озеро от океана, вследствие чего уровень воды в нем упал почти на 30 м и стал равен существовавшему тогда уровню Мирового океана. Соленые воды проникли в Балтийскую котловину, образовав так называемое Иольдиево море (10700–11590 л. н.) (рис. 2). Берега этого моря в Северном Приладожье наблюдаются на максимальной высоте 50–60 м над современным уровнем моря. Они не имеют выраженных террас или береговых валов, поскольку подъем земной коры происходил быстро и береговая линия постоянно изменялась (Ладожское озеро 1978: 9–73; История Ладожского... 1990: 8–21; Saarnisto 2003: 22–50, 54–57).

После отступления ледника и снижения уровня воды Балтийского Ледникового озера значительная часть Карельского перешейка стала сушей, представленной открывшейся в зоне кристаллических пород скальной по-

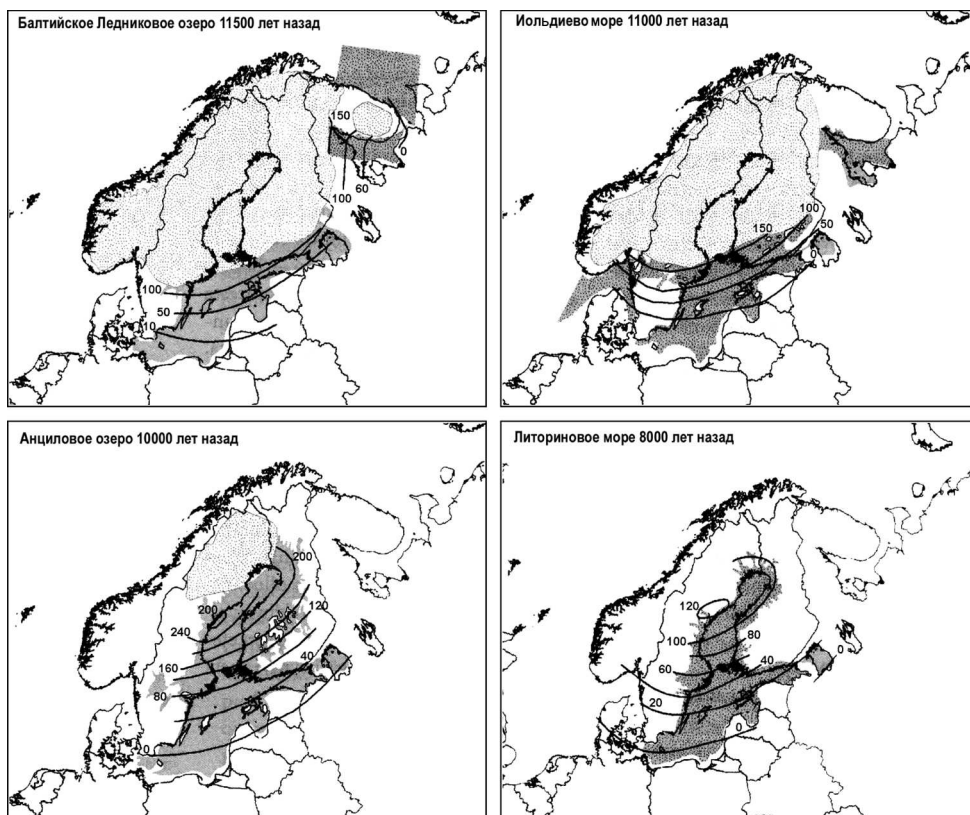

Рис. 2. Этапы послеледниковой истории Балтики. Изобазы отражают высотные отметки на разные этапы относительно современного уровня моря (по М. Saarnisto (2003))

верхностью и оставленными ледником моренами и грядами, а также песчанистыми и глинистыми отложениями. Активно происходившая речная эрозия и процессы заболачивания продолжали формирование рельефа.

Отступление ледника привело к началу достаточно быстрого на раннем этапе подъема земной коры, придавленной и прогнутой в период оледенения гигантской массой льда. Соединявший Иольдиево море с океаном Средне-Шведский пролив вследствие этого мелел и сужался, пока около 10500–10700 лет назад бассейны Балтийского моря и Ладожского озера не утратили связь с океаном, став пресноводным Анциловым озером (9500–10700 л.н.) (рис. 2). Максимальная высота берега в северной части современного Ладожского озера достигала 30 м, на Карельском перешейке 10 (Зеленогорск) — 30 м (Выборг). Уровень воды в Анциловом озере, неуклонно поднимаясь, превысил существовавший в районе Датских проливов порог, после чего около 10100 л.н. начался его быстрый спад. Поднятие порога стока Ладожского озера в районе Хейнйоки (Вещево) и поступление вод Онежского озера через возникшую более 10000 лет назад Свирь означало начало самостоятельного развития Ладожского озера. Берега времени трансгрессии Анцилового озера хорошо прослеживаются на Карельском перешейке в виде высоких, почти отвесных уступов по берегу Финского залива. Продолжающееся таяние ледников настолько подняло уровень воды в Мировом океане, что соленая вода из него вновь около 9500 л. н. проникла в котловину Балтийского моря. В его истории начался этап так называемого Литоринового моря (рис. 2). На Карельском перешейке об этом предшествующем современному Балтийскому морю этапе развития Балтики (9500 — около 2500 л. н.) напоминают высокие береговые террасы на некотором удалении от берега Финского залива. С течением времени около 6000 лет назад поднятие земной коры остановило подъем уровня воды в Балтийском море, после чего он стал падать, приближаясь к современному. Максимум уровня воды на этапе Литоринового моря был в районе Санкт-Петербурга на 5–6 м выше современного, на Карельском перешейке в районе Зеленогорска на 10 м и в районе Выборга на 18–20 м. Выборгский залив был значительно шире и врезался вглубь Карельского перешейка. В районе Хейнйоковского порога (скала Ветокаллио) стока воды Ладожского озера в Выборгский залив уровень воды Литоринового моря превышал поверхность скалы Ветокаллио на один-два метра, однако напор воды шел со стороны пресноводной Ладоги, уровень воды в которой (20,5 м над уровнем моря) был на несколько метров выше уровня Литоринового моря. Таким образом, еще в эпоху каменного века Ладожское озеро имело прямое сообщение с Балтийским морем через Хейнйоковский (Гейниекский) пролив (рис. 3) (Нуурпӓ 1942: 139–176; Dolukhanov 1979: 115–125; История Ладожского... 1990: 72–75; Saarnisto 2003: 51–62; Сакса 2006: 35–44).

Подъем земной поверхности и связанные с ним изменения береговой черты Ладожского озера и Финского залива стали основными образующими ландшафт факторами в послеледниковый период. В настоящее время подъем суши в районе Выборгского залива составляет около 2 мм в год или 20 см за

столетие. В районе Санкт-Петербурга подъем относительно уровня Мирового океана уже не отмечается. В силу этого обстоятельства еще одним фактором ландшафтных изменений на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье является вызванный неравномерным подъемом земной поверхности ее наклон в юго-восточном направлении. О массе «сцепленной» ледником воды говорит тот факт, что ко времени максимума последнего оледенения 20000–18000 лет назад уровень Мирового океана был на 120–140 м ниже современного.

По окончании ледникового времени около 11500 л. н. на этапе Иольдиева моря уровень воды в океане находился ниже на 40–50 м от современного уровня моря. В настоящее же время на Карельском перешейке уровень воды Иольдиева моря соответствует отметке около 40 см выше уровня моря. Поверхность суши, следовательно, за 11500 лет поднялась на 80–90 м. Это означает, что подъем (выпрямление) земной коры в первые тысячелетия после отступления ледника происходил значительно быстрее по сравнению с современным положением. Отвечающий современному уровню Мирового океана был достигнут около 7000 л. н. (Saarnisto 2003: 51–53).

Ладожская трансгрессия

Как выше было отмечено, Ладога становится самостоятельным озером на заключительном этапе истории Анцилового озера, когда уровень воды во всем бассейне Балтийского моря резко упал и возник Хейнйокийский порог (Ветокаллио) на Карельском перешейке около 9700–9800 лет назад. Впоследствии на протяжении тысячелетий уровень воды в северной части Ладоги и в долине р. Вуоксы оставался приблизительно на одном уровне — 20–21 м над уровнем моря. В южной части Ладожского озера, где подъем земной коры происходил медленнее, вода поднялась до отметок 16–17 м, затопив обширные прибрежные районы южного берега озера и поселения каменного века, открытые А.А. Иностранцевым при прокладке Ново-Ладожского канала в конце XIX в.

Причиной трансгрессии озера явилось неравномерное поднятие поверхности земли, усилившееся примерно 5700 лет назад. Ускорение подъема земли совпало с прорывом вод Саймы в Ладожское озеро и рождением Вуоксы более 5000 лет назад (3700 лет до н. э.). Поскольку земля в районе Хейнйокийского порога стока поднималась быстрее относительно южных частей Ладоги, вся масса проходящей по вновь образовавшемуся руслу Вуоксы воды хлынула в Ладожское озеро в обход порога Ветокаллио (рис. 3). Количество воды в озере резко увеличилось, достигнув в его южной части уровня 16–17 м. Порог стока сместился с северо-западной части озера в его юго-западный угол. Этот порог у дер. Пороги был прорван около 3300 л.н. (1350 лет до н. э.) с образованием р. Невы. Основной сток ладожской воды проходил уже не через порог Хейнйоки в Выборгский залив, а через Неву в Финский залив. О масштабах события говорит то обстоятельство, что за

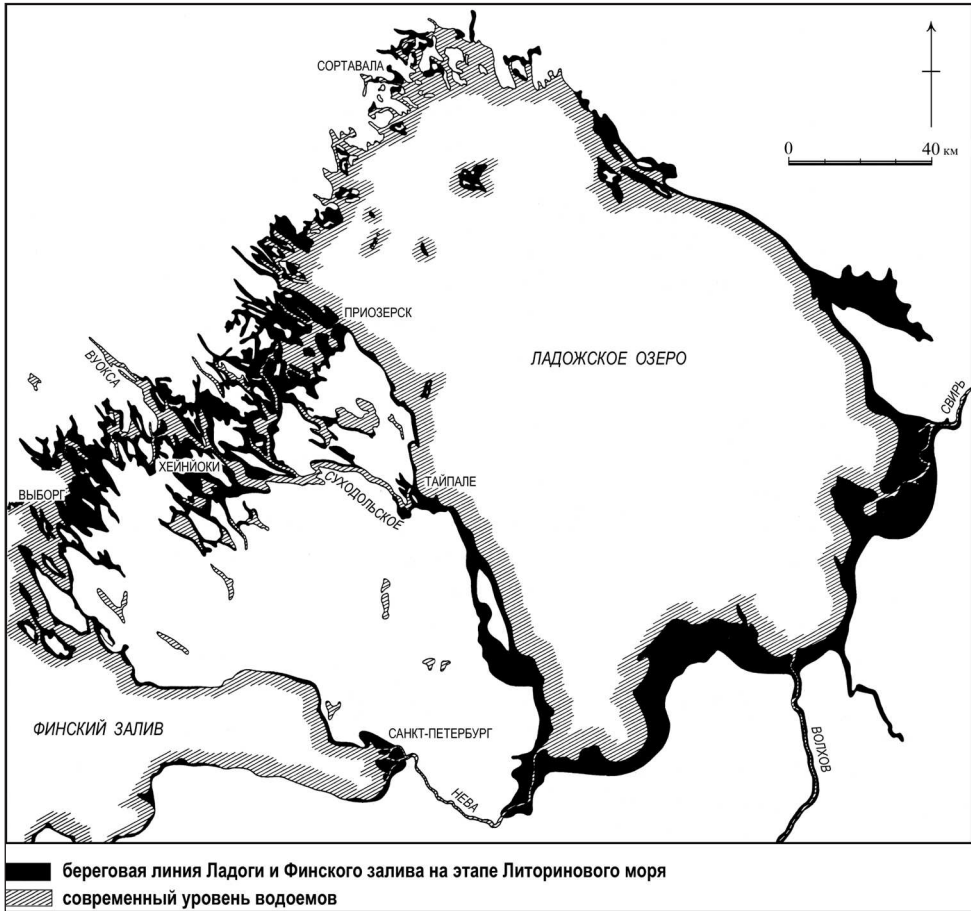

Рис. 3. Древняя Ладога до возникновения Невы и Гейнийокийский пролив (по J. Ailio (1915) и M. Saarnisto (2003))

короткое время — в несколько лет или десятилетий — уровень воды в озере упал на 12 м. Соответственно, и поверхность озера значительно сократилась, особенно в его южной и восточной пологих частях (Ailio 1915; Saarnisto, Siigäinen 1970: 10–22; Saarnisto 2003: 64–78; Лак, Экман 1972; История Ладожского... 1990: 22–36; Сакса 2006: 15–28).

После возникновения Невы ландшафтная ситуация на Карельском перешейке приобрела, в основном, современные очертания. На месте залива Ладоги возникли озера Вуокса и Суходольское (Суванто) (рис. 4).

Основной сток воды Вуоксы шел в Ладогу через Приозерск (Кякисалми) (восточное русло), а часть воды поступала через порог Хейниоки в Выборгский залив (западное русло). Позднейшие изменения русла Вуоксы связаны с человеческой деятельностью. В мае 1818 г. во время весеннего шторма был прорван отделяющий озеро Суванто (Суходольское) от Ладоги в районе с. Тайпале песчаный перешеек, в котором крестьянами для спуска

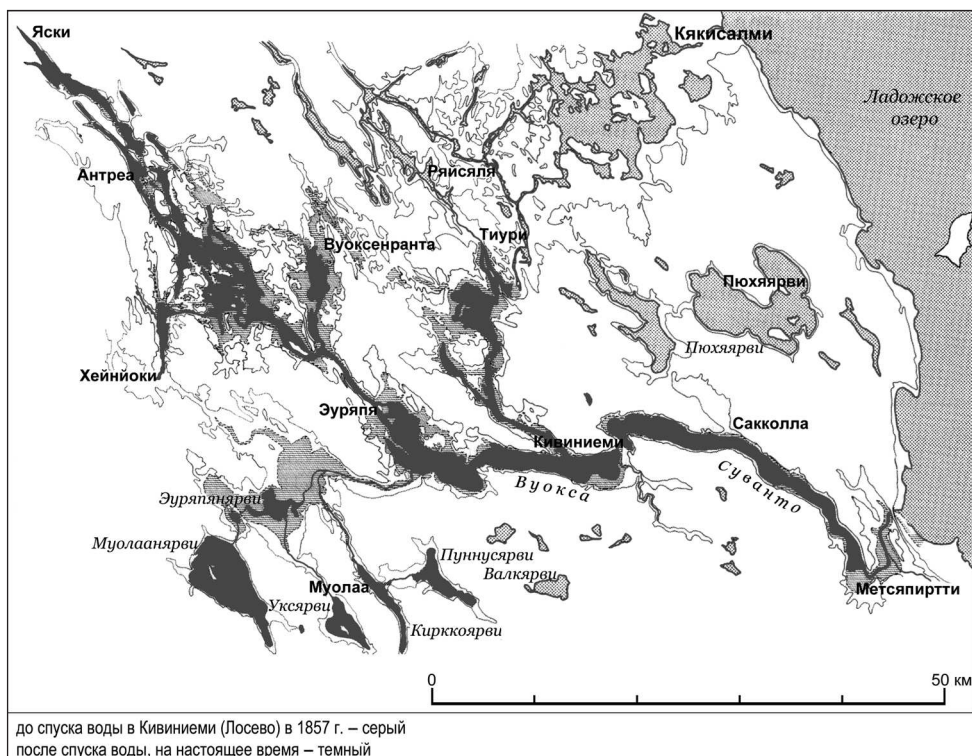

Рис. 4. Изменение размеров зеркала воды в Вуоксе в связи с человеческой деятельностью в XIX в. (по М. Saarnisto (2003))

уровня воды в озере и получения новых пахотных прибрежных земель была несколько ранее уже прокопана канава. Уровень воды в оз. Суванто, находившийся на 12,5 м выше Ладоги, упал на 7,5 м, и образовалась р. Тайпаленйоки (Бурная), а на месте стока озера Суванто в Вуоксу в пос. Кивиниеми (Лосево) — перешеек. Этот перешеек был прорыт в 1857 г., в результате чего вода устремилась через оз. Суванто в Ладогу (рис. 4). Уровень воды в верхней части Вуоксы упал на 3,5 м, и западное (выборгское) русло Вуоксы практически перестало существовать. Восточное (ладожское) ответвление при этом значительно обмелело.

Формирование историко-географического ландшафта Карельского перешейка

Таявший, продвигающийся на север ледник освободил рассматриваемую территорию ото льда примерно 13–14 тыс. лет назад. Таяние ледника сопровождалось возникновением значительных по площади ледниковых водоемов, из-за чего древний ландшафт значительно отличался от современ-

ного. Земля была покрыта ледниковыми отложениями: моренными грядами, мощными напластованиями гравия, песка, глины и земли, открывшими плацдарм для наступления растительности и живых организмов. Многообразие геологических форм и природных ландшафтов давало возможность существования различным видам. Климатические условия при этом также имели определяющее значение. После продолжительного — в тысячелетия — периода потепления, вызвавшего таяние ледника, наступило резкое похолодание. Проведенные на Карельском перешейке в 1920–30-е гг. финскими и в 1930–1990-е гг. российскими геологами, озероведами и палеоэкологами исследования существенно обогатили наши представления о развитии ландшафта и живой природы этой зоны (Ailio 1915; Linkola 1921: 1–491; Ramsey 1928: 1–21; Марков 1931; Марков, Порецкий, Шлямина 1934: 71–101; Нуурпää 1942 (1943): 139–176; Бискэ 1959; Долуханов 1963; 1969; Абрамова, Давыдова, Квасов 1967: 113–132; Davydova 1969: 317–378; Saarnisto, Siiriäinen 1970: 10–22; Лийва, Сарв, Экман 1971: 23–26; Экман, Лак, Лийва 1975: 38–45; Eronen 1974: 79–195; Квасов 1975; Исаченков 1975; 1982: 3–18; Dolukhanov 1979: 115–125; Saarnisto 2003: 22–80; Simola 2003: 82–115). Особенно следует отметить рост международных междисциплинарных исследований последнего десятилетия, проведенных с использованием самых современных научных методов (Saksa, Kankainen, Saarnisto, Taavitsainen 1990: 65–68; Taavitsainen, Ikonen, Saksa 1994: 29–39; Lempiäinen 1995: 83–94; Davydova, Arslanov, Khomutova, Krasnov, Malakhovsky, Saarnisto, Saksa, Subetto 1996: 199–204; Saarnisto, Grönlund 1996: 205–215; Taavitsainen, Simola, Grönlund 1998: 199–253; Saarnisto, Grönlund, Ikonen 1999: 117–130; Simola, Grönlund, Miettinen 2001: 7–19; Lavento, Halinen, Timofeev, Gerasimov 2001; Miettinen, Grönlund, Simola, Huttunen 2002: 29–44; Alenius, Grönlund, Simola, Saksa 2004: 23–31; Сакса 2006: 15–28).

Согласно этим исследованиям, послеледниковое похолодание сменилось столь же быстрым потеплением в эпоху позднего дриаса. Ко времени существования Иольдиева моря (10700–11590 лет назад) на месте безлесой тундры возникают березовые леса. Около 10000 лет назад на территорию Карельского перешейка распространяются сосна, орешник и из ценных пород дерева — вяз, ясень, липа. По мере дальнейшего таяния ледника и поднятия земной коры очертания берегов водоемов, существовавших на месте современного Балтийского моря, Ладожского и Онежского озер, менялись. С возникновением пролива, соединившего пресноводное Анцилово озеро с океаном, около 9500 лет назад возникло Литориновое море — этап в развитии Балтийского моря, продлившийся примерно 5–7 тыс. лет (История Ладожского... 1990; Малаховский, Арсланов, Гей 1993; Saarnisto 2003: 51–54, 79; Simola 2003: 98–107).

На это время потепление климата достигло кульминации; среднегодовая температура соответствовала современному состоянию температуры в Центральной Европе. Именно в эту эпоху формируются современный рельеф и водные системы Восточной Финляндии (Сайма) и Карельского перешейка

(Вуокса). На территорию Карельского перешейка распространяются еловые леса. Распространение ели около 5500 лет назад совпало с началом периода похолодания. К этому времени первобытным человеком была уже освоена вся пригодная для проживания часть рассматриваемой нами территории.

Первые следы обитания человека на Карельском перешейке и на севере от Ладожского озера относятся ко времени около 10400 лет назад, когда Ладога была не самостоятельным водоемом, а лишь заливом Анцилового озера, соединяясь с ним через Хейнйокский пролив в северной части Карельского перешейка (рис. 3). По-видимому, именно с этим проливом и связана обнаруженная еще в начале века находка эпохи мезолита (8000–5000 лет до н. э.) из Антреа. Она включает в себя целый ряд предметов, найденных при добыче торфа. Наибольшую известность приобрели остатки сети, сплетенной из волокон ивового лыка. Поплавки были сделаны из сосновой коры, а в качестве грузил использовались камни. Входившие в состав находки наряду с каменными орудиями труда костяные и роговые изделия имеют ближайšie аналогии среди материала мезолитической культуры Кунда в Эстонии (Гурина 1961; Тимофеев 1985; Huurre 2000: 18–20; 2003: 170–174; Сакса 2001: 257). Состав находок говорит в пользу достаточно высокой для этого времени организации труда. Археологическими разведками последних лет выявлен также целый ряд мезолитических поселений в этой части Карельского перешейка. В это время в растительности еще господствовала тундровая береза, и сосна лишь завоевывала себе место под солнцем (Simola 2003: 99). Орудия труда представлены относящимися к культуре Суомусярви примитивными топорами и теслами, у которых был тщательно обработан (отшлифован) лишь рабочий край, и сланцевыми наконечниками копий, используемых для охоты на таких крупных животных, как лось. По мере сокращения поголовья лосей сланцевые наконечники около 6000 лет назад выходят из употребления, и на их место приходят кварцевые наконечники стрел, используемых для охоты на более мелкую дичь. Лук и стрелы вытесняют копьа.

Поселения и отдельные находки позднемезолитического времени (7500 — около 5000 лет до н. э.), представленные главным образом шлифованными сланцевыми теслами и топорами так называемого иломанского типа, свидетельствуют о дальнейшем освоении древними людьми этой территории. Освоение территории объясняется в первую очередь отмеченным выше заметным потеплением климата на этапе существования Литоринового моря и в целом улучшением природных условий (Квасов 1975). Поселения располагались по берегам древних водоемов на отметках выше 20 м над у. м. Наиболее густо были заселены берега древнего Хейнйокского пролива с его многочисленными островами и богатыми рыбой бухтами (Гурина 1961; Тимофеев 1993: 8–33; Герасимов, Лисицын, Тимофеев 2003; Huurre 2003: 175–182; Сакса 2006: 15–28).

С началом эпохи неолита (около 5000 лет до н. э.) количество поселений увеличивается. Карелия и восточные части современной Финляндии вхо-

дили в область так называемой ямочно-гребенчатой керамики, занимавшей обширные территории, начиная с верховьев Волги и Оки и распространяясь на север до Белого моря, а на западе — до верховьев Западной Двины. На востоке границу этой культуры можно провести по Северной Двине. Поскольку наступление новой эпохи каменного века отмечено появлением керамики — наиболее массового материала в археологических находках — и значительным увеличением видов и форм каменных орудий, у археологов появились основания выделять более дробные этапы историко-культурного развития в целом и локальные археологические культуры в частности. Так, уже время господства ямочно-гребенчатой керамики по различиям в орнаментации (стиле) делится на три периода: ранняя ямочно-гребенчатая керамика (5000–4000 лет до н. э.), типичная (4000–3600 лет до н. э.) и поздняя (3600–800 лет до н. э.).

На Карельском перешейке наиболее известные памятники эпохи неолита сосредоточены в районе нижнего течения Вуоксы (Севастьяново (Каукола), Мельниково (Ряйсяля)), а также в районе Выборга (Хяюрюнмяки). В целом, поселения располагаются по всему течению Вуоксы, на древних берегах Финского залива, озер Карельского перешейка и заливов Ладожского озера (рис. 5). В период максимума Ладожской трансгрессии (около 3700 лет до н. э.), когда уровень воды в озере достигал 21 м над уровнем моря, более древние памятники оказались под водой (Ailio 1915; Saarnisto, Siiriäinen 1970: 10–72; Эжман, Лак 197; Saarnisto 2003: 22–785; Сакса 2006: 15–28). Это обстоятельство как бы разделяет раннюю историю населения значительной части Приладожья и Восточной Финляндии на два этапа: до рождения Невы (Ладожская трансгрессия) (1350 лет до н. э.) и после, когда уровень воды в связи с возникновением Невы упал в озере более чем на 10 м (Абрамова, Давыдова, Квасов 1967: 113–132; Саарнисто, Сакса, Таавитсайнен 1993: 27–29; Сакса 2001: 257–258; Saarnisto 2003: 66–69). По археологической периодизации рождение Невы совпадает с началом эпохи бронзы.

На первом этапе количество поселений на рассматриваемой территории возрастало. Это было связано с благоприятными природными условиями, сравнительно теплым климатом и наличием большого количества водоемов и лесов, богатых рыбой, морскими животными, дичью и пригодными в пищу плодами и корнями растений. Масштабные природные катаклизмы, каковым можно считать спуск вод озерной системы Большая Сайма в Ладогу и возникновение Вуоксы более 5000 лет назад (3700 лет до н. э.), связанная с этим быстрая трансгрессия озера, несомненно, повлияли на жизнь населения Северо-Западного Приладожья и Восточной Финляндии, вызвав необходимость смены мест поселения. Зачастую, как это видно по материалам археологических памятников, новое место для поселения люди находили выше по склону вблизи новой береговой линии. На тех же местах, которые не были затоплены водой, жизнь продолжалась. Изменялись лишь формы орудий охоты и рыболовства, других применяемых в хозяйстве изделий, а также глиняных сосудов.

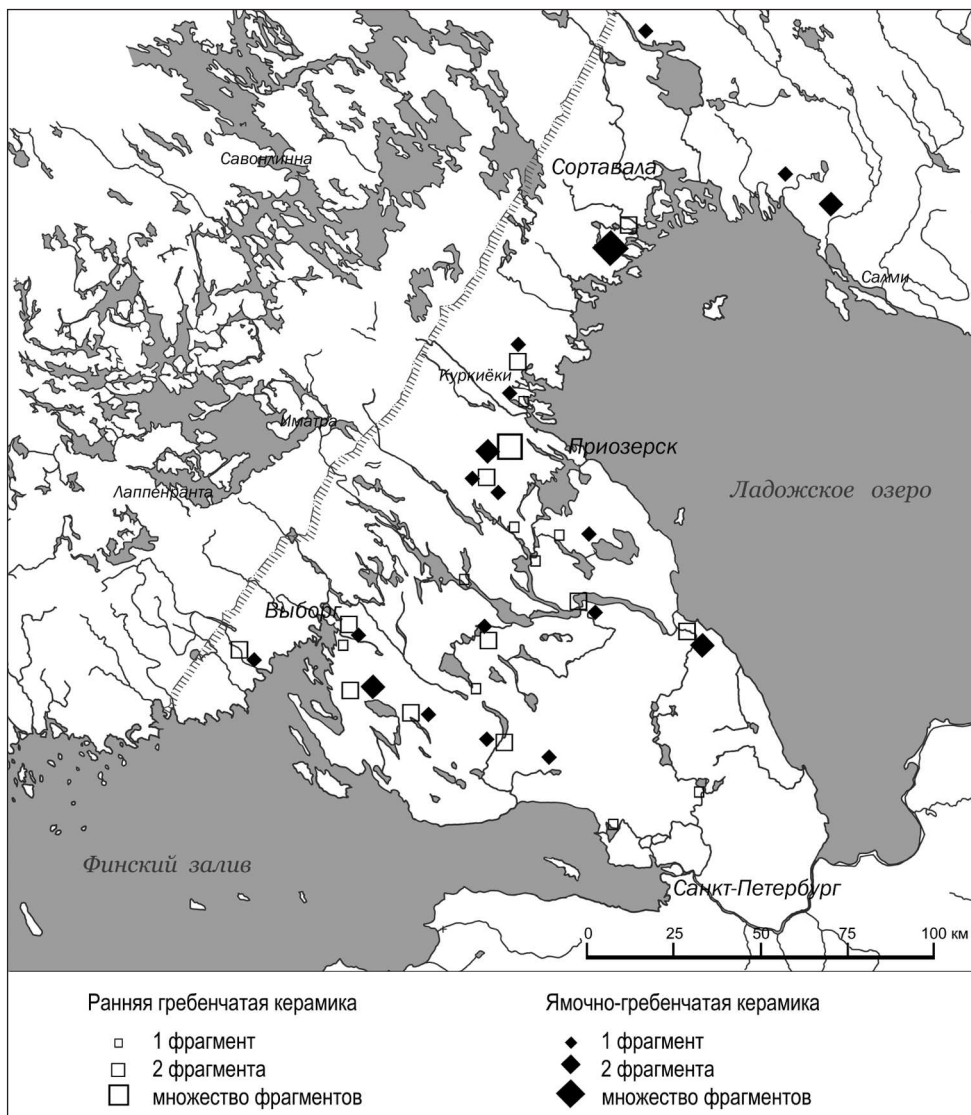

Рис. 5. Поселения эпохи неолита (по М. Nuurre (2003))

На протяжении всей эпохи неолита наиболее значительными районами концентрации населения было нижнее течение Вуоксы и северо-западное побережье Ладоги (Тимофеев 1993: 8–33; Сакса, Тимофеев 1996: 52–55; Герасимов, Лисицын, Тимофеев 2003; Nuurre 2003: 175–244; Сакса 2006: 15–28). Благоприятная гидрографическая ситуация, выражавшаяся в большом количестве заливов и проток, богатых рыбой, и пригодных для проживания островов, стимулировала интерес древних рыбаков и охотников к этим местам.

Культурная принадлежность населения эпохи мезолита и неолита Карельского перешейка и Ладожской Карелии определяется по типам керамики и каменному инвентарю поселений. Эталонный памятник мезолитического времени из Антреа (Каменногорск) содержал орудия из кости и рога, характерные для культуры Кунда в Эстонии (Гурина 1961; Тимофеев 1985; Huurre 2000: 18–20; 2003: 171–174; Сакса 2001: 259). Однако орудия труда из кварца и онежского зеленого сланца отмечают направление связей и в другую сторону — на восток (Huurre 2000: 20–23; 2003: 175–182).

В период Литоринового моря около 6000 лет назад, когда Ладога являлась частью Балтики, население Карельского перешейка, северного побережья Ладожского озера, а также Восточной Финляндии составляло единую культурную область с населением Восточного Прионежья. Индикатором этой связи являются топоры иломанского типа, изготовленные, как правило, из онежского сланца (Панкрушев 1978; Huurre 2000: 22; 2003: 175–182). Граница между этой областью и распространенной западнее, в Финляндии, зоной культуры Суомусярви проходит от Карельского перешейка на север по современной Сайменской системе.

С наступлением эпохи неолита, связанной с распространением с IV тысячелетия до н. э. ямочно-гребенчатой керамики (по финской терминологии — гребенчатой) и шлифованных каменных орудий, границы между культурными областями начинают приобретать все более отчетливый характер. В хозяйстве населения на рассматриваемой территории существенных изменений к этому времени еще не произошло. В окружающей природной среде в зоне существования поселений практически не фиксируются следы воздействия человека. Первые следы хозяйственного воздействия на природу (скотоводство?) относятся лишь ко времени около 2000 г. до н. э. (Simola 2003: 98–115). Ведущую роль по-прежнему играли традиционные для предшествующей мезолитической эпохи промыслы: охота, рыболовство и собирательство. Карельский перешеек, Северное Приладожье (Приладожская Карелия) и восточные части Финляндии входили в ареал распространения характерных для территории Верхней Волги, Оки, Валдая и Карелии форм орнаментации сосудов ямками и «гребенчатым» штампом. Северной границей этого ареала было южное побережье Белого моря, восточной — Северная Двина. В то же время Карельский перешеек, территория Карелии, современной Ленинградской области, Прибалтики и вся территория остальной Финляндии (на запад от Сайменской системы) входили в зону распространения ямочно-гребенчатой керамики западной группы. Рассматриваемая нами территория, таким образом, находилась в зоне наложения двух видов керамики. Южное Приладожье, как и остальная территория Ленинградской области, входило еще и в зону распространения нарвской культуры (Гурина 1967; Тимофеев 1985; Панкрушев 1978; Huurre 2000: 24–32; 2003: 183–225; Сакса 2001: 259–260).

Представленная нами картина сформировалась ко времени появления нового типа керамики, так называемой типичной гребенчатой керамики, распро-

странившейся около 4000–3600 лет до н. э. Появление типичной гребенчатой керамики (или ямочно-гребенчатой керамики — по другой терминологии) в Финляндии и Восточной Прибалтике связывается с пришлым населением или культурным влиянием со стороны Приладожской Карелии и Карельского перешейка, где находилась область наибольшего распространения ранней типичной гребенчатой керамики (Huurte 2000: 24–32; 2003: 196–225). Согласно другой точке зрения, носители гребенчатой (или ямочно-гребенчатой) керамики имели исходной территорией верховья Волги, откуда они продвинулись в западном направлении вплоть до Прибалтики и Финляндии (Бадер 1972). Это древнее население — носители ямочно-гребенчатой керамики Восточной Прибалтики, Карелии и Финляндии — связывается целым рядом исследователей с древним финно-угорским населением, поскольку ее ареал приходится на территорию, заселенную впоследствии финно-угорскими народами (Моора 1956; Янитс 1956; Мейнандер 1974; Седов 1990; Huurte 2003: 184, 186–187; Сакса 2001: 260; Сакса 2006: 15–28).

Эпоха типичной гребенчатой керамики сопровождалась переменами в орудиях труда и промыслов. Наряду с прогрессивным развитием орудий труда, выражавшемся в совершенствовании формы изделий из камня, появляются изделия из кремня и янтаря, ранее практически отсутствующие в находках (Huurte 2000: 28–33; 2003: 208–225).

Типичная гребенчатая керамика около 3600 г. сменяется поздней гребенчатой керамикой. В Восточной Финляндии и в примыкающих к Ладожскому озеру районах Карелии, а также отчасти на территории Ленинградской области в это время получила распространение керамика с примесью асбеста. С уменьшением поступления привозного кремня возрастает количество изделий из местного сланца и кварца. К этому периоду относятся выдающиеся произведения первобытного искусства, как, например, изображение голого лося и медведя из сланца.

Вторжение в середине III тысячелетия до н. э. в Финляндию неолитических племен культуры боевых топоров не затронуло рассматриваемой нами территории. Данная культура распространилась лишь в юго-западной прибрежной части страны, доходя на востоке узким языком до Карельского перешейка в окрестностях Выборга. Ее влияние ощущается в материале позднего неолита остальной части Карельского перешейка (отдельные ладьевидные топоры и их обломки, местные «варварские» подражания им, керамика со шнуровым орнаментом). В главном же, развитие на этой территории происходило в рамках культуры асбестовой керамики (Восточная Финляндия и северная часть древней Карелии, включая Северное Приладожье) и культуры поздней гребенчатой керамики (Карельский перешеек и южная часть финской Карелии). И лишь начавшееся около 1300 лет до н. э. мощное культурное влияние из области верхнего течения Волги и Оки, одним из самых заметных проявлений которого было распространение текстильной керамики, изменило картину. Карельский перешеек, Карелия и восточные районы Финляндии оказались в зоне распространения культуры текстильной

керамики (Meinander 1954; Седов 1990; Huurre 2000: 71–82; 2003: 226–236; Lavento 2001; Сакса 2006: 15–28). Однако внутренние районы Финляндии, включая и область Саво, сохранили традиции асбестовой керамики. Асбестовая керамика, наряду с текстильной, использовалась также в Северном Приладожье и северной части Карелии. Асбестовая керамика уже в эпоху раннего металла распространилась на север Фенноскандии и Кольский полуостров (Гурина 1961; Carpelan 1979; Сакса, Тимофеев 1996: 52–55; Huurre 2000: 110–113; Сакса 2001: 261; Сакса 2006: 15–28).

Как эта поздняя асбестовая керамика, так и текстильная керамика принадлежат к эпохе бронзы (раннего металла — в Карелии, Восточной, Северной Финляндии и на Кольском полуострове). К сожалению, энеолитическая керамика и керамика бронзового века из памятников Карельского перешейка и Ладожской Карелии не разработаны. Но уже имеющийся материал позволяет сделать заключение, что исследуемая территория Карелии, Карельского перешейка и Восточной Финляндии входила в эпоху бронзы (1500–500 гг. до н. э.) в область так называемой восточной культуры бронзы, распространенной на восток вплоть до Камы (Ананьино), а далее — до Урала и Сибири (Андроново). Одним из проявлений этой культурной принадлежности на рассматриваемой территории являются находка литейной формочки топора ананьинского типа, сами топоры-кельты и поселения с текстильной керамикой (рис. 5). В то же время пограничное расположение Карельского перешейка на стыке культур сохраняется. В Тииканумми в Выборге найдена очковидная фибула скандинавского типа. В этой же зоне по северному берегу Выборгского залива проходит граница охватывавшей финское побережье области распространения западной (скандинавской) культуры бронзы, для которой была характерна керамика типа Киукайнен, бронзовые топоры, кинжалы, мечи, наконечники копий, фибулы, бритвы, пинцеты и другие вещи западных типов, а также каменные могильники типа Хииденкиуас (Meinander 1954; Huurre 2000: 92–94; 2003: 237–244; Lavento 2003: 250–266).

ГЛАВА 3

Население Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья в железном веке (I-е — начало II-го тысячелетия н. э.)

Переход к эпохе металла — начало перелома в культурно-историческом развитии

Резкое сокращение количества поселений в эпоху бронзы по сравнению с каменным веком требует своего объяснения. Известно, что в конце I тысячелетия до н. э. произошло ухудшение климата, однако не менее ощутимое воздействие на условия жизни на Карельском перешейке и примыкающих к Ладожскому озеру территориях оказало возникновение Невы в начале эпохи бронзы около 3300 лет назад и связанное с этим падение уровня воды в Ладоге более чем на 10 м (Абрамова, Давыдова, Квасов 1967; Малаховский, Арсланов, Гей, Диноридзе, Козырева 1993; Саарнисто, Сакса, Таавитсайнен 1993: 27–29; Saarnisto, Grönlund 1996: 205–215; Saarnisto 2003: 66–69). Многие поселения оказались расположенными далеко от воды, ранее богатые рыбой водоемы, заливы и протоки стали частью суши (рис. 3). Все это привело к сокращению и возможной миграции населения, а также к его дроблению на более мелкие коллективы. Не исключено, что поселения бронзового века археологически трудноуловимы; они, возможно, оказались в какой-то своей части перекрытыми слоем донных отложений периодов кратковременных колебаний уровня воды в Ладожском озере и других водоемах. В любом случае, во Внутренней и Восточной Финляндии, на Карельском перешейке и в Ладожской Карелии на протяжении почти двух тысяч лет не происходило не только сопоставимого с периодом каменного века расцвета культуры, но и сколько-нибудь заметного последовательного ее развития. Памятниками населения этой эпохи являются невыразительные каменные насыпи и поселения с керамикой типа Луконсаари во внутренних областях Финляндии. На Карельском перешейке керамика данного типа наряду с поздней текстильной керамикой встречена при раскопках средневекового островного Тиверского городка на Вуоксе (Таавитсайнен 1990: 240; Carpelan 1997: 401–402; Saksä 1998: 190; Lavento 2003: 264). Поселение эпохи раннего металла с асбестовой керамикой исследовано нами в 1985–1987 гг. на склоне холма Калмистомяки (Кууппала) в Куркиёках в Северо-Западном Приладожье (рис. 6) (Сакса 1987: 224–225; Сакса, Тимофеев 1996: 52–55; Saksä 1998: 132–136, 189–190). Единственное на Карельском перешейке достоверное поселение эпохи бронзы и раннего железного века раскопано в Ряйсяля (Мельниково) на холме Калмистомяки (могильная горка) (Meinander 1954: 189–190; 1969: 42–43, 66–69; Uino 1997: 107, 287–288). При внимательном

рассмотрении обнаруживается, что асбестовая и текстильная керамика присутствует в керамическом материале многих относимых к каменному веку поселений, в значительном количестве раскопанных на Карельском перешейке. К таковым относятся поселения в районе Каукола (Севастьяново), Ряйсяля (Мельниково), Выборга (Хяюрюнмяки) (рис. 5) (Uino 1997: 103–107, Fig. 4: 1, 236–240; Saksa 1998: 189–191; Lavento 2001: 244–253). Разведками А.Н. Румянцева в конце 1960-х гг. обнаружен ряд памятников с керамикой эпохи бронзы и раннего железного века в районе Мельниково и Красного Холма, однако эти материалы не были опубликованы (Лапшин 1995: 167). Захоронения этого времени на Карельском перешейке неизвестны.

Достаточно поступательное и наглядно проявляющееся в археологическом материале развитие культуры железного века в Приладожской Карелии фиксируется начиная с середины I тысячелетия н. э. и связано оно с более глобальными процессами европейской истории, приведшими к возрастанию роли и самостоятельности в развитии отдельных областей региона Балтийского моря. В этой северной зоне проживания разноэтничных народов после распада Римской империи происходит зарождение связанных между собой экономически и культурно (а впоследствии и политически) областей, становление национальных (племенных) культур и экономик на базе технологий железного века. Необходимо сразу отметить неравномерность в социально-экономическом развитии различных частей этой территории. Так, в Скандинавии, Прибалтике и Западной Финляндии на западе и Верхней Волге на востоке к железному веку сформировались развитые и самостоятельные в культурном (имеется в виду археологическая составляющая) отношении области. Население этих сложившихся еще в железном веке историко-культурных зон в условиях возросшего спроса на пушнину нуждалось в бесперебойных и значительных по объемам поставках шкурок ценных пород пушных зверей. Интенсификация пушной охоты на Севере, откуда, как хорошо было известно еще со времен Античности, происходят самые ценные меха, привела к увеличению промысловых поездок в отдаленные районы из обозначенных выше более развитых областей. Археологически уловимым следствием этого стало появление на обширной территории зоны таежной охоты предметов охотничьего снаряжения: наконечников копий, топоров, блоковидных каменных кресал, лыж и саней. К наиболее ранним вещам железного века на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье относятся блоковидные кресала (13 экз.), топоры (2 экз.), наконечники копий (2 экз.) (Uino 1997: 104–106, Fig. 4: 1; 2003: 296–297; Сакса 2000: 121–124, рис. 1) (рис. 6). На Карельском перешейке эти предметы составляют наиболее заметную и представительную группу находок первой половины — третьей четверти I тысячелетия н. э. Концентрируются они в зоне Вуоксы, что отражает ее роль как важнейшей транспортной магистрали, а самого перешейка — как зоны непосредственной промысловой охоты. Такие, проникающие из других, зачастую отдаленных областей изделия из железа свидетельствуют о проявлении интереса к ресурсам этих таежных райо-

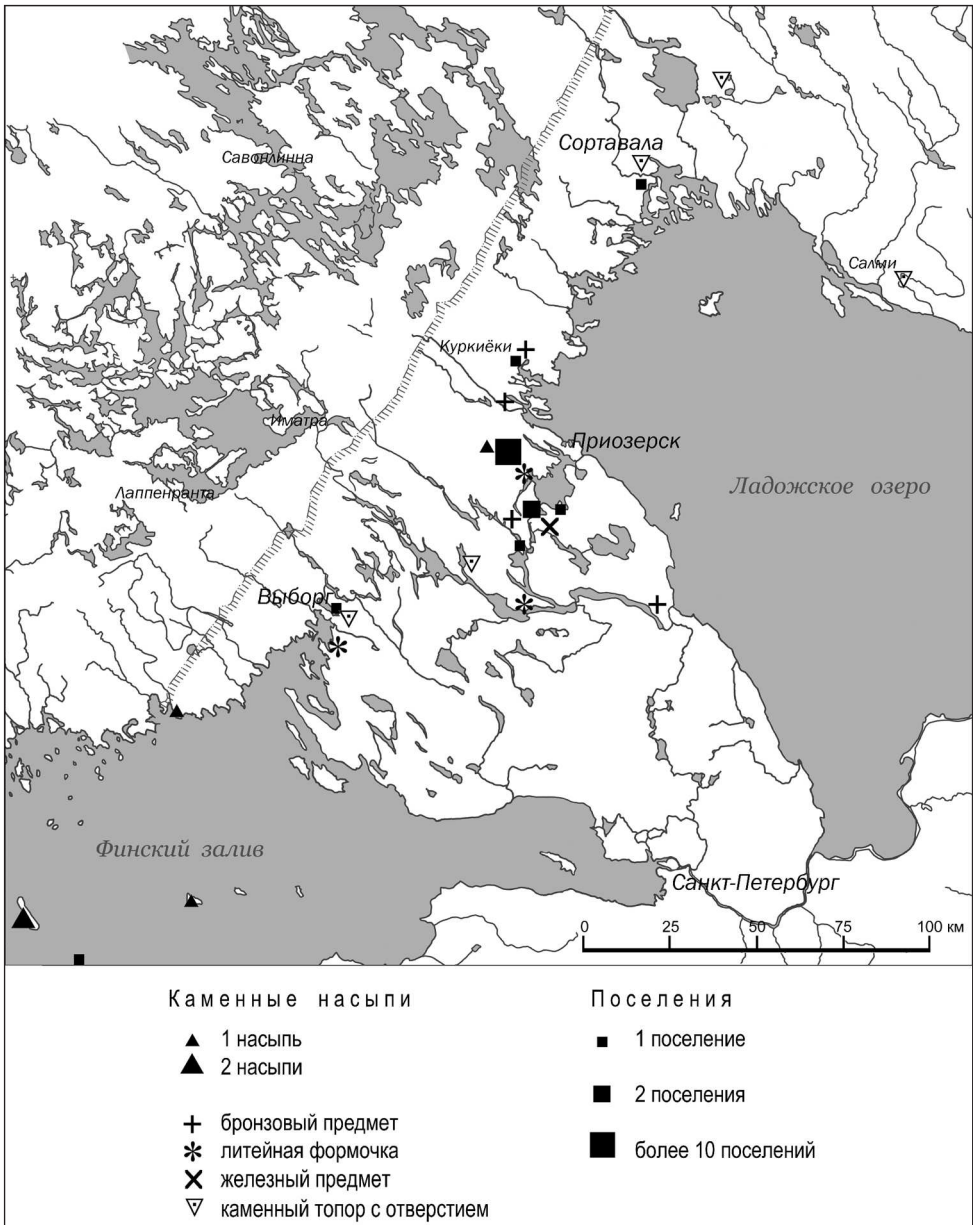

Рис. 6. Поселения, каменные насыпи и отдельные находки вещей эпохи бронзы и раннего металла (по M. Lavento (2003))

нов со стороны населения более развитых областей Западной Финляндии, Эстонии и верховьев Волги, где находятся аналогии перечисленным выше предметам (Сакса 1984: 5; 1989: 94–95; 2000: 121–123; 2001: 96; Sakska 1992: 468–470; 1994: 29–45; 1998: 190–191).

В этой связи встает вопрос о наличии местного населения на этих землях и его культуре. В финской археологической литературе преобладающей стала точка зрения, согласно которой на Карельском перешейке проживало местное, археологически почти неуловимое население (Kivikoski 1944: 25–28; 1961: 260–261; Хуурпе 1979: 138–142). Российские ученые сходятся во мнении, в соответствии с которым карелы сформировались на основе местного прибалтийско-финского населения, признавая тем самым существование этого населения, но отмечая при этом скудость археологического материала I тысячелетия н. э. (Панкрушев 1980: 148–159; Кочкуркина 1982: 14–17; Косменко, Кочкуркина 1996: 380–381). Исследования последних лет принесли новые данные о раннем периоде железного века этой территории, позволившие в новом свете интерпретировать и уже имеющиеся материалы (Saksa 1992: 96–105; 1998: 190–191; Сакса 1997: 95–96; 2000: 121–123). В настоящее время можно с высокой степенью определенности утверждать, что на Карельском перешейке преемственность в заселении не прерывалась в раннем железном веке; население лишь продолжало жить в условиях, близких к каменному веку, используя орудия из камня. Переход к новой эпохе фиксируется лишь в керамическом материале. О необходимости передатировки некоторых ранее относимых к каменному веку памятников говорят в одних случаях их высотные отметки над уровнем моря, по которым они никак не могли возникнуть ранее эпохи бронзы, а в других — наличие в материале керамики эпохи бронзы и раннего железа.

Таким образом, в Приладожской Карелии в первой половине — середине I тысячелетия н. э. одновременно (параллельно) существовали две культуры: культура местного населения, продолжавшая традиции предшествующего времени, и культура пришлых промысловых охотников, представленная орудиями охоты из металла и каменными блоковидными кресалами (Сакса 2000: 121–123). В целом же население этой части Приладожья существенно не отличалось по уровню своего развития от населения обширных таежных районов, расположенных на север, восток и юг от Ладожского озера.

Проведенные нами в 1990-е г. совместно с финскими учеными палеоэкологические исследования на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье привнесли в действительно скудную базу данных о ситуации на этой территории в предшествующее появлению постоянного населения железного века время новые материалы по земледельческому освоению рассматриваемой территории. Выясняется, что первые опыты возделывания зерновых культур здесь приходятся на поздний римский железный век (около 200–400 лет н. э.) (о-в Кильпола) (Taavitsainen, Itkonen, Saksa 1994: 37–38; Saarnisto, Grönlund 1996: 205–215; Saarnisto 2003: 67–68). В образцах, взятых в районе пос. Куркиёки (Кууппала) и г. Сортавалы (о-в Риеккала), пыльца культурных растений впервые зафиксирована соответственно около 400 г. и 600 г. н. э. (Simola 2003: 98–107; Alenius, Grönlund, Simola, Saksa 2004: 23–31). Во всех этих случаях речь идет все же о кратковременных, эпизодических занятиях земледелием. Постоянным фактором экономики оно становится

лишь начиная с конца железного века. Эти первые отмеченные в зонах распространения находок железного века следы возделывания земледельческих культур можно связать с деятельностью охотников, совершавших продолжительные сезонные поездки, отнеся их, таким образом, ко «второй» культуре, центры которой располагались за пределами этой зоны.

К середине I тысячелетия н. э. (VI в.) относится самая ранняя для времени железного века исследованная могила на рассматриваемой территории — погребение под каменной насыпью на о. Риеккала в Ладожском озере неподалеку от г. Сортавалы (рис. 7). Оно было найдено в 1936 г. случайно при установке мачты для антенны на холме, расположенном на западном берегу

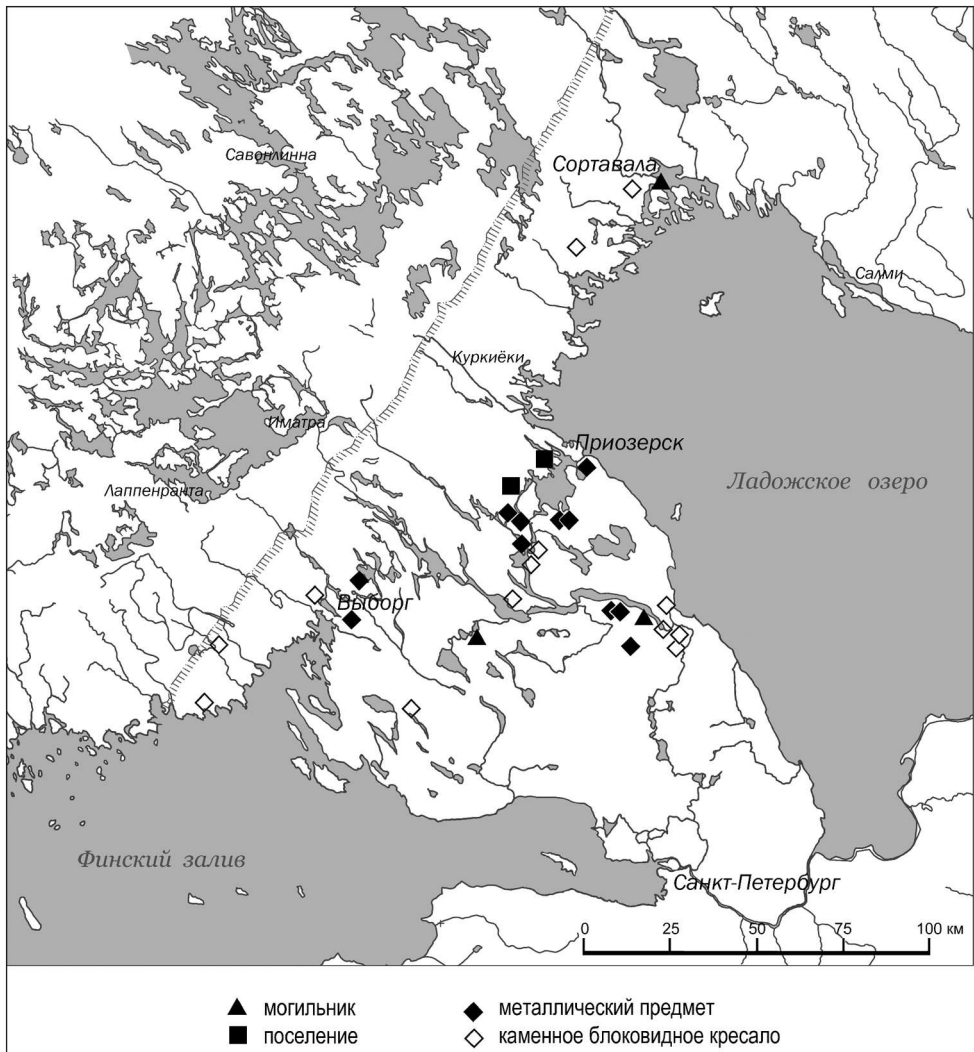

Рис. 7. Археологические памятники и отдельные находки среднего железного века (300–800 гг. н. э.)

залива Нукутталахти около его устья. Помимо двух шведских по происхождению аграф-пуговиц, в погребении находились два браслета с расширяющимися концами и спиральный перстень — все эти вещи поступили в Национальный музей Финляндии до раскопок (рис. 8). При осмотре места находки и последующих раскопках выяснилось, что речь идет о погребении в небольшой каменной куче неправильной формы с размерами 1,5 м×2 м. Камни были уложены в один слой, под которым находилась тонкая прослойка песка на скальной поверхности. Непосредственно под дерном на камнях и между ними встречено много кальцинированных костей (около 350 г) и некоторые вещи: оплавленные синие пастовые бусины, маленькая, свернутая спиралью бронзовая лента, изогнутый железный предмет (нож?) и кварцевый скребок (рис. 8) (Kivikoski 1939: 1–11; Кочкуркина 1978: 135–136; Сакса 1989: 95; Saksa 1998: 191; Uno 1997: 110–111; 2003: 298–303).

По мнению автора раскопок, речь здесь идет об одиночном трупосожжении, очевидно, мужском. За это предположение говорят аграф-пуговицы, но отсутствие оружия и наличие браслетов и бус указывают на возможность женского погребения. Так как рядом не оказалось других захоронений, то Э. Кивикоски предположила, что это могила мореплавателя, а инвентарь указывает на его шведское происхождение. По ее мнению, могила скандинава косвенно свидетельствует о наличии здесь местного населения. Но все же происхождение вещей однозначно определить нельзя. Рассмотрим инвентарь погребения более детально. Браслеты с утолщенными «колбовидными» концами в конце римского железного века и в начале периода Великого переселения народов были в употреблении во многих населенных германцами областях Европы. Отсюда они ввозились в Прибалтику, где получили дальнейшее собственное развитие (Kivikoski 1939: 4–5; Moora 1938: 430; Eesti esiajalugu 1982: 290–294, joon. 195: 8–9). В самой Финляндии известен лишь один экземпляр из Калвола Пелтокутила в западной части страны. В Швеции браслеты с такими головками немногочисленны (Kivikoski 1939: 4). Подобные браслеты известны также в областях, заселенных восточными финно-уграми (Спицын 1901: 39, табл. XVIII: 4; XXIII: 7). Аграф-пуговицы, представленные в погребении двумя различными типами, известны в Западной Финляндии, материковой Швеции и на о. Готланд. Пуговицы с крестообразной фигурой и шипами найдены в Западной Финляндии в количестве 9 экз. (Kivikoski 1973: 57, Abb. 352). Они в большом количестве встречаются в материковой Швеции и на о. Готланд, который, как предполагают, являлся центром их производства (Nerman 1935: 83; Kivikoski 1939: 4; Erä-Esko 1965: 8, 65; Lamm 1972: 101–107, 110–111, 119). Пуговицы в виде усеченного конуса с орнаментом в виде трех звериных голов (Салинс стиль I) (Erä-Esko 1965: 57, taulu XI, n. 41) известны в Западной Финляндии и на Аландских островах в количестве 25 экз. (Kivikoski 1973: 57, Abb. 354). Появившись в Финляндии, аграф-пуговицы прежде всего распространились в западной части страны, где к этому времени уже сложились собственные поселенческие центры. Наиболее развитые из них находились в Юго-Западной Финляндии

и Южной Похьянмаа (Эстерботнии). Не исключено, что здесь существовало местное производство указанных украшений. Что касается спирального перстня, то подобные изделия равно хорошо известны как в западных и прибалтийских областях, так и на востоке. Таким образом, инвентарь погребения не дает прямых оснований для утверждения о шведском, как считала Э. Кивикоски, происхождении погребенного.

Форма самого погребального сооружения также отличается от бытовавших в это время в Скандинавии надмогильных конструкций, но напоминает каменные насыпи типа лапинраунио (лопарские груды) внутренних и восточных районов Финляндии. Нам представляется, что прав К. Мейландер, указывая на погребение местного жителя, представителя «лесного народа» (Meinander 1950: 98–99). Он, должно быть, имел тесные связи с Юго-Западной Финляндией или Южной Похьянмаа, где мог приобрести одежду с красивыми пуговицами. К погребальным сооружениям типа лапинраунио (лопарская груда) отнес могилу также М. Хуурре (Huurre 1984: 306). С.И. Кочкуркина, соглашаясь с заключением Э. Кивикоски, указывает на связь предметов из могилы в Нукутталахти с прибалтийским миром середины I тысячелетия н. э. (1978: 135–135). П. Уйно, рассматривая данное погребение, отмечает факт отсутствия на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье традиции совершения захоронений под каменными насыпями в предшествующее погребению в Нукутталахти время. По ее мнению, отправную точку при решении проблемы происхождения этой погребальной конструкции следует искать в Западной Финляндии, в Хяме и Южной Похьянмаа, либо на южном побережье Финского залива (Эстония, Ингерманландия), где в железном веке погребения совершались в различного рода каменных сооружениях (Uino 1997: 47, 110–111). В своей более поздней работе Уйно останавливается на рассмотрении погребения из Нукутталахти более подробно (Uino 2003: 298–303). Интересны результаты остеологического анализа, согласно которым погребенный был совсем еще молодым, 15–20-летним человеком. Пол определить не удалось. Определение возраста уже исключает предположение об опытном мореплавателе. Относительно формы погребального сооружения Уйно отмечает, что она ближе к финским каменным конструкциям, чем к шведским погребениям того же времени. Расположение на скале у воды соответствует традиции лопарских каменных груд, встречающихся по берегам Саймы (Lehtosalo-Hilander 1984: 324; 1988: 145–149). В то же время Уйно не склонна интерпретировать могилу как лапинраунио на том основании, что в Приладожской Карелии отсутствуют подобного рода памятники (Uino 2003: 302). Отметим, что в последние десятилетия на Карельском перешейке выявлено, и именно в местах древнейшего проживания населения, значительное количество каменных насыпей, часть из которых, например, насыпь из Куушпалы в Куркиёках, полностью отвечает классической лапинраунио. Она находится на высокой прибрежной скале, диаметр ее составляет 10 м, высота 1 м. Другие из известных, но лишь частично исследованных каменных насыпей находятся

в дер. Ольховка (финское Лапинлахти) на южном берегу оз. Суходольское, дер. Яркое (Суотниemi) на восточном берегу оз. Вуокса, в нижнем течении р. Вуоксы в районе пос. Мельниково (Ряйсяля), на Вуоксе в районе пос. Севастьяново (Каукола), на северном берегу Выборгского залива в районе населенного пункта Большое поле и на западном берегу Ладожского озера у пос. Приладожское (Кирпичников, Назаренко, Сакса, Шумкин 1992: 64–74). К сожалению, большая часть насыпей археологически не изучена. Раскопанные нами насыпи в дер. Ольховка содержали средневековый материал (Сакса 1984: 112–117; 1985: 81–84; 1990: 22–30; 2001: 269; Saksa 1985: 37–49; 1994: 29–45; 1998: 71–74).

Следовательно, имеются достаточные основания считать, что это наиболее раннее из известных в Приладожской Карелии погребений железного века свидетельствует о приходе с середины I тысячелетия н. э. на смену сезонным промысловым поездкам охотников за пушниной, организованной меновой торговли на местах, продуктом которой и являются имеющие иноземное происхождение украшения (см. также Сакса 1984: 5; 1989: 95; Saksa 1998: 191). В связи со сказанным следует отметить, что и в таежной зоне Северной и Восточной Финляндии украшения иноземного производства в массовом количестве появляются в составе находок лишь начиная с середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. (Huurre 1983: 329–341; Lehtosalo-Hilander 1988: 155–159; Taavitsainen 1990a: 93–95, 102, 116–117).

Результаты археологических работ последних лет в западных районах Ленинградской области свидетельствуют, что и на этой, расположенной южнее Финского залива территории в первой половине — середине I тыс. н. э. существовало оседлое население, которое принимало активное участие в этнокультурных и торговых контактах, происходивших в римское время на пространствах Прибалтики и Северо-Запада России (Сорокин, Шаров 2008: 167–200).

В этом погребении из Нукутгалахти, как мы убедились, вещи имеют довольно широкую область распространения и не поддаются точной локализации. Они также не составляют единого комплекса как результата последовательного развития погребальной обрядности. Нам представляется, что именно эта нечеткость и расплывчатость в составе погребального инвентаря, проявляющиеся в своеобразной интернациональности вещей, и являются характерными для ранних карельских памятников. Как мы увидим в дальнейшем, эта черта будет проявляться в памятниках Карельского перешейка вплоть до XI в. — времени начала формирования собственно карельской племенной культуры. И, видимо, это не случайно. В отличие от сложившейся культуры соседей в Прибалтике и Западной Финляндии, культура населения Карельского перешейка в то время еще не обрела свои оригинальные формы. В этих условиях и при наличии связей, сложившихся в эпоху Великого переселения народов, заимствования становятся неизбежными. А в культуре, складывающейся на рубеже двух культурных областей, восточной и западной, они приобретают определенную пестроту. Сказывается и международный характер некоторых типов оружия и украшений, завоевавших популярность в северном регионе,

начиная с эпохи Великого переселения народов и особенно в эпоху викингов. В условиях широкого распространения этих вещей считаю необходимым при определении культурной принадлежности памятника обращать внимание в первую очередь на особенности, местные черты в инвентаре и на весь погребальный обряд в целом, а не опираться только на этнически определяемые, но в то же время широко распространенные предметы. Эти особенности, слабо выраженные на начальном этапе развития археологической культуры, могут стать, по мере ее развития, преобладающими.

С целью определения историко-культурной ситуации в районе залива Нукутталахти в северной части озера Риеккала на время совершения раскопков выше погребения под каменной насыпью и, в целом, на весь период существования здесь населения, в этом районе было решено провести палеоэкологические исследования. В 1993 г. экспедицией ИИМК РАН совместно с учеными университета г. Йюенсуу (Финляндия) были взяты образцы донных отложений из озера Кирьявалампи на о. Риеккала, примерно в двух километрах к ЮЮЗ от погребения в Нукутталахти. Озеро расположено на высоте 17 м над уровнем моря, что устанавливает начало его существования в качестве самостоятельного водоема на момент рождения Невы (около 3300 лет назад). На первом этапе в окрестностях озера произрастали густые леса; процент древесной пыльцы в нижней части колонки составлял более 90%. С начала новой эры доля пыльцы ели снижается и возрастает количество пыльцы травянистых и злаковых растений, что указывает на расчистку лесов под пастбища или поля. Первый надежный индикатор занятий земледелием в образцах — наличие пыльцы ржи — свидетельствует о начале постоянного занятия земледелием со времени около 600 г. н. э. В последующее время доля ржи неуклонно возрастает. Второй культурный индикатор — конопля — также появляется в железном веке. Существенные перемены в составе растительности происходят в эпоху крестовых походов (XII–XIII вв.), когда резко увеличивается количество видов растительности, характерной для открытого пространства: трав, можжевельника, щавеля и других. В то же время в составе проб увеличивается количество пыльцы сосны. Заметное снижение фона культурных растений наблюдается в XVI–XVIII вв., что отражает разорение и упадок из-за постоянных военных конфликтов между Россией и Швецией, не обошедших эту территорию (Grönlund, Simola, Alenius, Lahtinen, Miettinen, Kivinen, Saksa, Taavitsainen, Tolonen 1997: 391–395; Simola 2003: 106–107; Alenius, Grönlund, Simola, Saksa 2004: 32–31).

Наличие населения на этой территории в предшествующую железному веку эпоху косвенно подтверждается материалом поселения с кварцевым инвентарем каменного века, обнаруженным в процессе раскопок погребения VI в. на поле, прилегающем к холму с каменной насыпью в Нукутталахти (Saksa 1998: 190; Uino 2003: 299). Находки концентрируются на отметке 8 м над уровнем моря, что относит существование поселения ко времени не ранее наступления бронзового века.

Палеоэкологические исследования последних лет, как и детальный анализ уже имеющихся археологических материалов, свидетельствуют о заселенности этой части острова Риеккала со времени не позднее начала эпохи бронзы. Следы постоянного человеческого влияния на экосистему фиксируются с начала новой эры, а занятие земледелием прослеживается со времени около 600 г. н. э.

С точки зрения развития культуры железного века Карелии интересным и важным является материал второго из наиболее ранних известных могильников железного века — Наскалинмяки в дер. Лапинлахти (Ольховка), документирующего следующий этап истории раннесредневекового населения Карелии. Он исследован А. Европеусом в 1921 г. (Europeaeus 1923: 66–75). Данное погребение, датированное временем около 800 г., представляло собой трупосожжение под каменно-земляной насыпью, сложенной вокруг большого материкового камня. Прослежен также венец из более крупных камней. В основании насыпи у большого камня зафиксированы плоские гранитные плиты, рядом с которыми находилась большая часть вещей и кальцинированные кости. На поверхности одной плиты расчищено кострище, от которого осталось значительное количество углей, головешек и черной земли вокруг камня. Европеус отметил в отчете, что речь может идти о «площадке для сожжения» или остатках поминального костра (Uino 1997: 51; 2003: 309). Вещи и кальцинированные кости были встречены среди камней и на границе с песком в перемешанной с углями и золой земле в нешироком поясе вокруг центрального камня (рис. 9).

Находки представлены предметами вооружения, орудиями труда и украшениями: четыре черешковых и два втульчатых наконечника копий, наконечник стрелы, навершие плети, три подковообразные и две маленькие равноплечные фибулы, фрагмент круглой ажурной фибулы, фрагменты браслетов, спиральный перстень, две ременные пряжки, бронзовые накладки, серп, два скобеля (рис. 10) (Nordman 1924: 96–100; 182–184; Kivikoski 1961: 257, 259–260; Hackman 1925: 43; Salmo 1938: 50; Сакса 1989: 94–95; Кочкуркина 1978: 136–137; 1981: 118, 1982: 17–18; Saksa 1985: 38; 1992: 100–101; 1998: 192–193; Uino 1997: 50–52, 111–113; 2003: 309–312). Кроме этого, в куче было довольно много угля, обгорелая береста, зубы лошади, два гвоздя, кальцинированные кости (750 г).

В финляндской археологической литературе этот комплекс чаще всего приводится в связи с проблемой заселения Карельского перешейка в железном веке, где он рассматривается как одно из ключевых доказательств заселения перешейка новым населением из западных областей Финляндии (Nordman 1924: 99; Kivikoski 1944: 2–3; 1961: 161; Хуурпе 1979: 140; См. также: Uino 1997: 111–112). При этом указывается на его отчетливый западнофинский облик. Несмотря на значение памятника, детальный его анализ в финской литературе вплоть до последнего времени не проводился (см.: Uino 1997: 50–52, 111–113; 2003: 309–312). В отечественной археологической науке к нему обращались С.И. Кочкуркина и автор данной работы (Кочкуркина

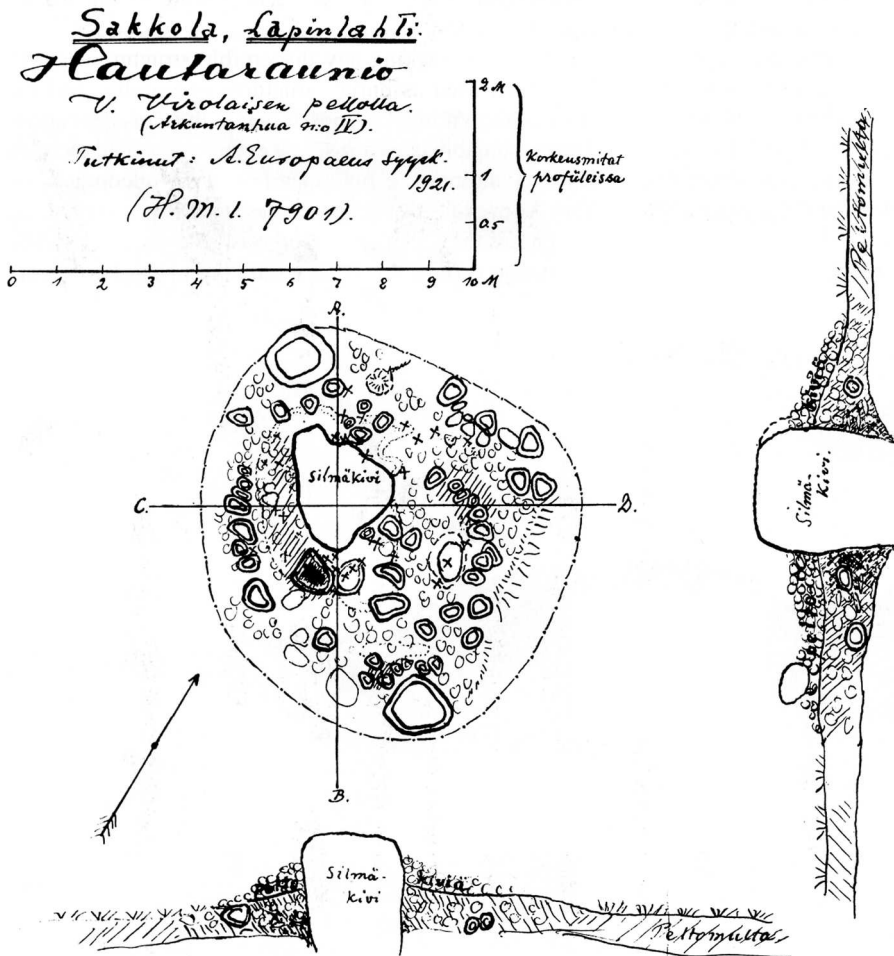

Рис. 9. Погребение в Лапинлахти Наскалинмяки. План, разрезы

1981: 15; Sакса 1984а: 5–6; 1984: 112–117; 1989: 94–97; 2000: 124; Sакса 1985: 37–49; 1998: 192–193). Такая однозначная трактовка погребения финскими археологами вызывает все же сомнения, в первую очередь из-за противоречия между архаичной формой погребального сооружения и набором погребального инвентаря, состоявшего из предметов, бытовавших в западных областях Финляндии во время господства иного типа могильников – с трупосожжениями на поверхностной каменной вымостке, пришедшими на смену трупосожжениям в каменной насыпи в начале VII в. (Hackman 1905: 20–110; Kivikoski 1939: 27–40; Huurre 1979: 128–136; Lehtosalo–Hilander 1984: 279–282). Поскольку памятник является краеугольным камнем в системе доказательств заселения Карелии в железном веке выходцами из Западной Финляндии, он приводился в работах многих финских археологов. Последнюю

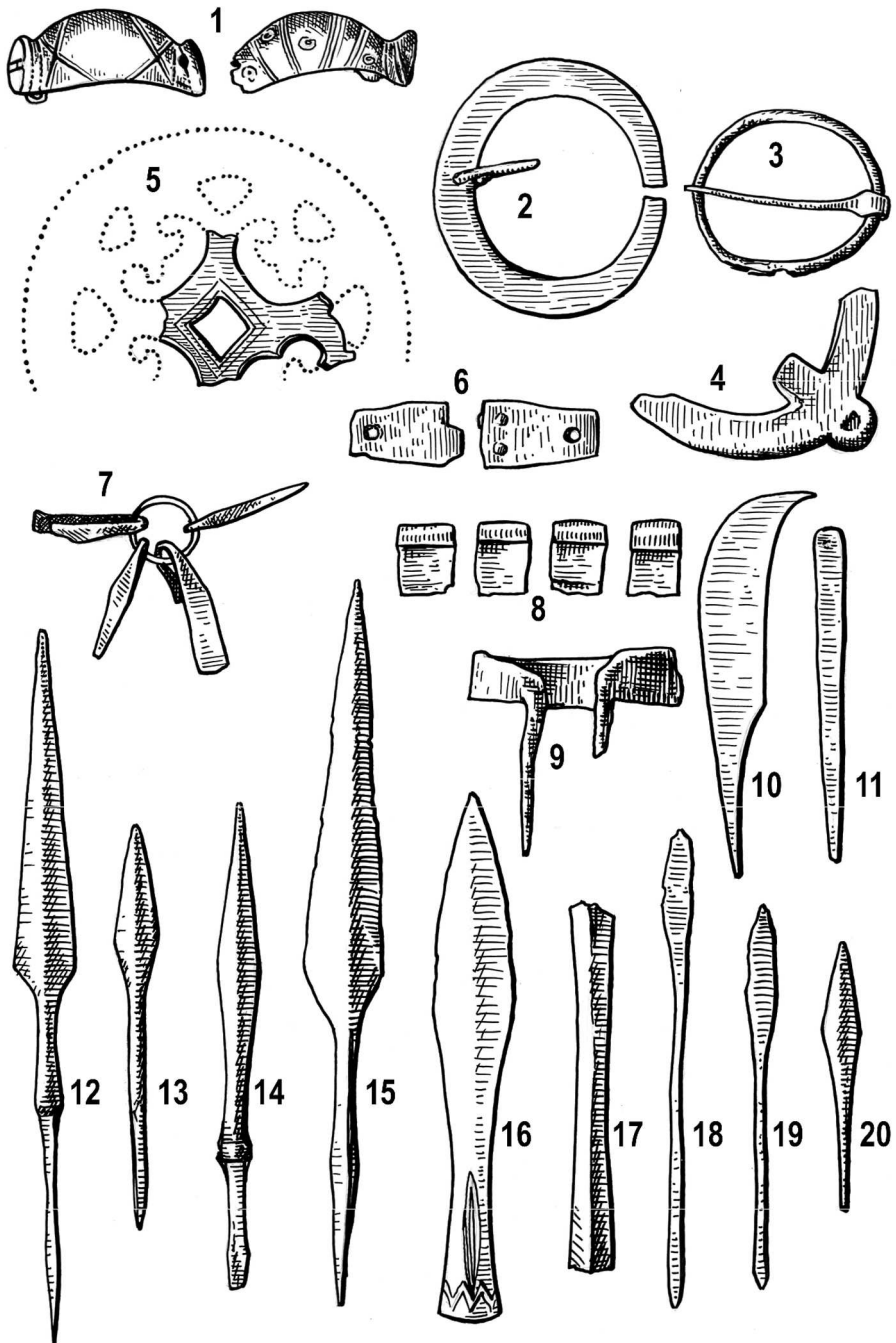

Рис. 10. Инвентарь погребения в Наскалинмяки

1 — равноплечная фибула, 2, 3 — подковообразные фибулы, 4 — фрагмент кольцевидного изделия, 5 — фрагмент круглой ажурной фибулы, 6, 8 — поясные накладки, 7 — навершие рукояти плети, 9–11 — инструменты по обработке дерева, 12–20 — наконечники копий

по времени попытку детально рассмотреть материал могильника Наскалин-мяки предприняла П. Уйно (Uino 1997: 111–113; Uino 2003: 309–312).

А. Европеус уже в отчетной статье о раскопках отмечал отчетливый западно-финский облик памятника, что отражается как в его конструкции, так и в инвентаре и погребальном обряде. Он считал очевидным переселение в Приладожскую Карелию во второй половине железного века, самое позднее — в VIII в., из западных областей Финляндии. Наличие в инвентаре могилы определенных местных черт, возможно, сдвигает это колониционное движение в еще более раннее время (Eugoraeus 1923: 70–72). С.А. Нордман, Э. Кивикоски и М. Хуурре поддержали и развили гипотезу А. Европеуса (Nordman 1924: 96–100, 182, 184; Kivikoski 1961: 257, 259–260; Huurre 1984: 307). В то же время, вопросы об исходной территории, масштабах колониционного потока и путях его прохождения остались открытыми. С.И. Кочуркина, в целом, согласилась с утверждением финских археологов о западно-финском происхождении погребения из Лапинлахти, отметив в то же время, что материал одного памятника недостаточен для подтверждения гипотезы о колонизации из Западной Финляндии (1978: 136–137; 1981: 118; 1982: 17–18). Поскольку, несмотря на значение памятника для прояснения вопроса происхождения карел и их культуры, детальный анализ вещевого материала не производился, мы попытались восполнить этот пробел. Выяснилось, что в Западной Финляндии на VIII в. не находится области, погребальные памятники которой как по конструкции, так и инвентарю соответствовали бы рассматриваемому погребению. Инвентарь захоронения в Лапинлахти представляет собой своего рода сборную «коллекцию» предметов достаточно широкого географического и временного диапазона и не является, строго говоря, единым и сложившимся погребальным комплексом. Конструкция самого погребального сооружения (низкая каменная насыпь) широко известна в лесной зоне Восточной Финляндии и Карелии уже в предшествующее время. Эта традиция сохранялась на этой территории на протяжении всего железного века вплоть до эпохи викингов. Имеются, стало быть, весомые основания сомневаться в его принадлежности западно-финским переселенцам (Сакса 1989: 94–95; 2000: 124; Saksa 1985: 38; 1989: 94–95; 1992a: 100–101; 1992b: 470–472; 1994: 35; 1998: 192–193).

Как нами было отмечено выше, древнее прошлое Карелии стало предметом двух защищенных в последние годы в Финляндии докторских диссертаций (Uino 1997; Saksa 1998). П. Уйно первая из финских археологов детально рассмотрела погребальный обряд, инвентарь и датировку погребального комплекса из Лапинлахти (Uino 1997: 51–52, 111–113; 2003: 309–312). Уйно считает, что по составу и количеству вещей в насыпи можно говорить о захоронении 4–8 мужчин и 1–2 женщин. По ее мнению, вещи из погребения относятся к ограниченному 700–900/1000-ми гг. времени, а не к концу эпохи Меровингов, как считалось ранее (напр. Kivikoski 1961: 257) (Uino 1997: 52, Fig. 3:13). По углю из насыпи была получена радиоуглеродная датировка 890 ± 70 BP (Hel-3623), cal AD 1040–1240). Результат оказался моложе

археологической датировки вещей, однако, если учесть возраст самого дерева, разницу можно сократить. Уйно не исключает того, что в XI–XII вв. на место захоронения попали новые камни и уголь, как это случалось при полевых работах в более позднее уже историческое время. В этом случае есть основания предполагать, что первоначальное захоронение было совершено не в каменной насыпи, а на ровной каменной вымостке, характерной для соседних более поздних могильников эпохи викингов на этом же участке земли. По ее мнению, следует также учитывать, что граница между низкой каменной насыпью и небольшой по площади каменной вымосткой может быть достаточно условна (Uino 1997: 52). Уйно подвергает сомнению также ряд высказанных нами ранее положений (Uino 1998: 112). В первую очередь, это утверждение о связи погребения в Лапинлахти с предшествующей традицией совершения каменных погребальных насыпей типа лапинраунио на этой территории и ее сохранении на переходном этапе к эпохе викингов. Вторым критикуемым положением является предложенная нами гипотеза, согласно которой рассматриваемая эпоха меровингов в Карелии была временем начала развития производящего хозяйства и международной пушной торговли, роста населения и становления поселенческих центров и что на этой основе зарождается самобытная карельская культура, испытывавшая на начальном этапе сильное внешнее влияние в форме заимствований. Наши сомнения в привнесении всех элементов культуры железного века западно-финскими переселенцами (см. Сакса 1984: 5–6; Saksä 1992: 96–105; 1994a: 29–45) представляются Уйно недостаточно обоснованными (Uino 1997: 112). При знакомстве с аргументацией П. Уйно возникает впечатление, что она не до конца поняла нашу аргументацию. Так, она утверждает, что наши выводы слишком категоричны, обоснования неполны и отчасти противоречивы, на том основании, что не представлено сопоставление материала могильников Западной Финляндии с материалом погребения в Лапинлахти. Но ведь именно на таком сравнении и строится наша аргументация, в чем читатель в очередной раз убедится ниже. Далее, Уйно утверждает, что предположение о более раннем передвижении населения из западных областей Финляндии не ново: оно уже было высказано Хакманом и Европеусом (Uino 1997: 112). Соглашаясь с этим, мы принимаем положение о западных переселенцах для более раннего времени, которое в случае с рассматриваемым погребением оспариваем. Но, во-первых, мы нигде не говорим о колонизационном потоке, а лишь о промысловых и торговых поездках и контактах с местным населением, то есть о факте пребывания в древней Карелии пришельцев из Западной Финляндии и наличии там на это время местного населения. Именно на констатации этого факта базируется наше утверждение о двух культурах, пришлой и местной, существовавших параллельно во времени на этапе до зарождения собственно карельской материальной культуры (Сакса 1984: 5–6; 1989: 94–97; 2000: 123–124; 2001: 96–97; Saksä 1994a: 31–32, 42–43; 1998: 191–193). Во-вторых, сама же Уйно несколько ниже констатирует, что «как Сакса заметил, подобных комбинаций вещей в других местах не

найдено», тем самым признавая факт сопоставления нами материалов различных регионов (Uino 1997: 112).

Уйно в своем анализе памятника обоснованно ставит вопрос о времени совершения погребений в насыпи из Лапинлахти и о том, с какой мерой уверенности мы можем утверждать о ее первоначальной форме. Если речь в данном случае идет о захоронениях различного времени, то вполне можно полагать, что первоначальное погребальное сооружение представляло собой открытую каменную вымостку. В этом случае наш основной аргумент о слишком позднем для Западной Финляндии (на время около 800 г.) погребальном сооружении в форме каменной насыпи теряет смысл (Uino 1997: 112–113). Сам автор раскопок, впрочем, вполне категорично утверждает, что речь идет о каменной насыпи, аналогичной западно-финским (Eugoraeus 1923: 66–75). К сожалению, вопрос этот остается открытым из-за недостаточного количества полевой документации и наблюдений. Следует также согласиться с выводом нашего оппонента о недостаточности одного погребения для определения всей картины развития населения эпохи железного века Карелии. Важнее вся совокупность археологического материала.

Наиболее значимыми поселенческими центрами эпохи меровингов, по Уйно, были районы Саккола, Ряйсяля и Кексгольма. Начиная с этого времени в археологическом материале наблюдается влияние отчетливого западного компонента, и речь при этом может идти, хотя бы отчасти, о новом пришлоем населении. Оно не обязательно должно было быть значительным по количеству; речь не идет о массовой миграции. В подтверждение модели о приходе нового населения в Карелию в эпоху меровингов Уйно приводит жертвенные (культовые) камни, которые, не будучи надежно датированными обозначенным периодом, следует все же рассматривать как часть привнесенной новым населением традиции, поскольку они выявлены именно вблизи пунктов с находками эпохи меровингов, то есть, другими словами, в местах средоточия нового западно-финского населения (Uino 1997: 113; 2003: 310–312).

Как мы видим по результатам полемики, необходимость детального и как можно более внимательного и аргументированного рассмотрения погребального комплекса из Лапинлахти сохраняется и в настоящее время. Прежде всего, обратимся к предметам вооружения. Пять из шести наконечников копий отнесены Х. Сальмо к типу рис. 1651 по Аспелину (Aspelin 1880; Salmo 1938: 241). Из них два наконечника заметно отличаются от остальных своими менее выразительными формами и худшим качеством исполнения. Они, видимо, являются местными изделиями, сделанными в подражание импортным образцам. Подобные наконечники были распространены во всех меровингских центрах на территории позднейших финских провинций собственно Финляндии, Сатакунта и Хяме. Семь таких же экземпляров найдены в Похьянмаа и один — на севере у Кемиярви. За пределами Финляндии они хорошо известны в памятниках конца эпохи меровингов Прибалтики. В Скандинавии найден только один экземпляр на о-ве Готланд (Salmo 1938: 243–244, 347). На Карельском перешейке известны еще два наконечника указанного

типа, один здесь же, в Лапинлахти Наскалинмяки, второй — в Ряйсяля Ховинсаари (п-ов Героев на оз. Вуокса). Наибольшего распространения подобные наконечники достигают в конце эпохи меровингов — в VIII в. (Salmo 1938: 245). Примечательно, что в комплексе из Лапинлахти было найдено небывалое количество однотипных копий (5 экз. типа рис. 1651 по Аспелину). В юго-западных областях Финляндии, где локализуется значительная часть подобных наконечников, на самых больших могильниках (а не в одном погребении) найдено лишь в целом по 4–8 экземпляров (Salmo 1938: 241–247). Еще один, шестой черешковый наконечник копья, имевший утолщение в верхней части черенка и вытянутое перо, образует отдельный тип (Salmo 1938: 251). Подобные наконечники часто встречаются в Западной Финляндии, единичные экземпляры есть в Хяме. В Карелии этот наконечник — единственный. В Прибалтике наконечники такого типа встречаются редко (Eesti esiajalugu 1982: 292, joon. 194: 1). За пределами Финляндии лишь один экземпляр найден в Швеции, в Упланде (Salmo 1938: 252). На территории Руси наконечники копий с пером вытянуто-треугольной формы и черенком вместо втулки (тип VI по классификации А.Н. Кирпичников) происходят из более поздних комплексов (X–XI вв.) и встречаются почти исключительно в районах, где размещались чудские племена (Кирпичников 1966а: 17). В Юго-Восточном Приладожье подобные наконечники найдены в курганах IX в. (Кочкуркина 1989: 150, 270–271). Седьмой, втульчатый наконечник копья типа А по Я. Петерсену (Petersen 1919), является редким для эпохи меровингов в Финляндии типом. За исключением наконечника из Лапинлахти, найдено лишь три экземпляра в прибрежной зоне Юго-Западной Финляндии. Датируются они временем перехода от меровингского времени к эпохе викингов (Salmo 1938: 243). Дамаскировка пера наконечника указывает на то, что наконечник из Лапинлахти имеет иноземное, скорее всего, рейнское происхождение. Втулка копья украшена врезным «готическим» орнаментом, характерным для наконечников копий с пером ланцетовидной формы более позднего времени (Кирпичников 1966а: 9). Второй втульчатый наконечник копья, сохранившийся фрагментарно, можно отнести, опираясь на уцелевшую часть, к типу Е (Petersen 1919: 26). Подобные копья с пером ланцетовидной формы бытовали в Европе во второй половине VIII в. и в IX в. (Petersen 1919а: 28; Кирпичников 1966а: 9, 12).

Что же касается орудий труда, то погребения с ними редки для памятников эпохи меровингов в Финляндии. Лишь в одном погребении в Кёйлиё Кюлохольм (область Сатакунта) были встречены аналогичные столярные инструменты. Один скобель был найден в Сяксмяки Рупакаллио (Kivikoski 1973: 86, Abb. 623).

Перейдем далее к анализу предметов украшений. Плоские подковообразные фибулы из бронзы известны в могильниках Западной Финляндии конца эпохи переселения народов (VIII в.) (Nordman 1924: 97; Kivikoski 1973: 66, Abb. 434). Вне Финляндии известны лишь три экземпляра: две фибулы найдены в Эстонии в комплексе с предметами конца эпохи переселения народов

(Nordman 1924: 1–14) и одна происходит из бывшей Владимирской губернии (Спицын 1905: 126, рис. 408), найдена не в кургане. В самой Финляндии известно 14 подобных фибул (Salmo 1956: 15, 16; Kivikoski 1973: 66, Abb. 434) из памятников эпохи, переходной от эпохи переселения народов к эпохе викингов (Kivikoski 1939: 93–95). Однако если у типичных фибул дуга заметно расширяется к середине и немного выпуклая, то у фибулы из Лапинлахти дуга совершенно плоская и равноширокая. Далее, для типичных фибул обычен орнамент из ряда треугольников вдоль дуги, а на фибуле из Лапинлахти он состоит из симметрично расположенных по дуге групп маленьких кружочков. Несомненно, фибула эта является местным изделием, лишь приближенно повторяющим популярные в Западной Финляндии формы.

Круглая ажурная фибула из бронзы, фрагмент которой был найден в могильнике Лапинлахти, — редкий тип в Финляндии. Там обнаружено лишь четыре экземпляра подобных фибул (две из Калумяки в Каланти, одна из Летала, одна из окрестностей г. Хяменлинна (Nordman 1924: 99, fig. 73; Kivikoski 1973: 65, Abb. 426). За пределами Финляндии точные аналогии не известны, но К.А. Нордман считал, что прототип данной формы фибул следует искать в районах, примыкающих к Балтийскому морю (Nordman 1924: 99).

Маленькие равноплечные фибулы, из которых две найдены в Леппясенмяки, в VII–VIII вв. появляются в памятниках Финляндии и широко там распространяются. Происходят они из Швеции, где датируются второй половиной VI в., но к VIII в. уже настолько вошли в употребление в Финляндии, что становятся неотъемлемой частью западно-финского женского «национального» костюма (Kivikoski 1961: 168; 1973: 61). Количество найденных в Финляндии фибул достигает 240 экз. Кроме Швеции и Финляндии они известны на Аландских островах, несколько экземпляров найдено в Дании, Германии (Kivikoski 1973: 61, Abb. 401, 402; 172, Taff. 41:1). Наиболее восточные находки маленьких равноплечных фибул происходят из крепости Корелы (Кирпичников 1979: 66–68, рис. 5; Saksa 1998: 118–120, kuv. 41, 12, 13; Кирпичников, Сакса 2002: 138, рис. 2: 2, 18, 20) и Изборской крепости. Опять же, как и в случае с плоской подковообразной фибулой, эти две фибулы отличаются от типичных маленьких равноплечных фибул своей орнаментацией, традиционно выполненной из двух параллельно прочерченных линий и кружочков, но составляющих оригинальную композицию. В то же время обе фибулы непарные; они различаются между собой по пропорциям и орнаментации.

Подковообразные фибулы с круглой в сечении дугой и спирально свернутыми головками встречаются настолько широко, что было бы излишним приводить все аналогии. Изготовленные из бронзы или железа подобные фибулы в Финляндии известны во всех населенных центрах эпохи меровингов (Salmo 1938: 17, 18).

Найденный в Лапинлахти фрагмент круглого бронзового изделия с выступом по внешнему краю дуги, возможно, является частью накладки от конской сбруи. Подобные изделия в небольших количествах найдены в Фин-

ляндии, в северной Эстонии и на о-ве Сааремаа (Nordman 1924: 99; Kivikoski 1973: 87, Abb. 646; 30, с. 136).

Что касается навершия плети с обоймочками, то оно относится к типу С по классификации А. Хакмана (Hackman 1938: 124, 126), который соотносится со скандинавскими образцами времени около 800 г. или начала IX в. Ближайшие аналогии нашей находке известны в памятниках Аландских островов, где найдены два навершия типа С (Hackman 1938: Taff. 34: 1, 2; Kivikoski 1973: 87, Abb. 639). Похожие кнутовища найдены также в памятниках Прибалтики и в русских дружинных курганах (Hackman 1938: 125, 126; Кирпичников 1966б: 71–75 (тип I).

В целом, вещи из погребального комплекса в Лапинлахти укладываются во время от конца эпохи Меровингов до начальной половины эпохи викингов (конец VIII–IX вв.). Имеется, следовательно, вероятность их сосуществования в переходный к эпохе викингов период, учитывая отмеченные выше не характерные для серийного массового производства особенности в форме и орнаментации маленьких ракообразных и подковообразных фибул.

Таким образом, мы можем отметить, что, несмотря на общий западнофинский облик погребального инвентаря, ряд вещей имеет свои особенности. Более того, целый ряд категорий предметов был широко распространен в эпоху Меровингов за пределами Финляндии. Как мы убедились, они хорошо известны и на противоположном берегу моря в Восточной Прибалтике. Но, чтобы более определенно решить вопрос о соотношении могильника в Лапинлахти с памятниками Западной Финляндии, нам необходимо сравнить их между собой на уровне комплексов. Для этого следует выявить те памятники Западной Финляндии, где найдены подобные находкам с Карельского перешейка вещи. К ним относятся: Каарина Ристимяки, Маариа Сарамяки, Лието Питкясмяки, Перниё Паарскюля, Перниё Тииккинниemi, Каланти Калмуняки, Мессукюля, Куккоенкивенмяки, Лайтила, Каркку Палвиала Тулонен, Летала, Тенхола Лиллмалмсбакен, Карья Эттерпилен, Вёюрю Логпелткангас. Часть этих памятников (Каарина Ристимяки, Сарамяки, Лието Питкясмяки) расположена в бассейне реки Аураёки. Здесь в эпоху Меровингов господствовал обряд, при котором остатки сожжения рассыпались на довольно большой каменной вымостке (Kivikoski 1973: 27–40). Погребения же под каменной кучей (как в Лапинлахти) были распространены в Западной Финляндии в предшествующее время, но к началу эпохи меровингов (около 600 г., то есть за 150–200 лет до того, как была возведена каменная куча у Лапинлахти) там уже преобладали могильники с трупосожжением на каменной вымостке (Hackman 1905: 20–110; Huurre 1979: 128–136; Lehtosalo-Hilander 1984: 279–282). Различаются и вещевые комплексы сопоставляемых регионов Финляндии и Карелии.

В Западной Финляндии в интересующую нас эпоху лишь в южной части современной провинции Похъянмаа сохранялся обряд погребения под каменной кучей (Hackman 1938: 178; Huurre 1979: 132, 166; Ahtela 1981: 80–91), но в них отсутствуют вещи, аналогичные находкам из погребения

в Лапинлахти. Этот район, характеризующийся сильным шведским влиянием, образует самостоятельную в культурном отношении область, густо заселенную еще в более раннее время (Нунге 1979: 166–169). Известны редкие каменные кучи и в Центральной Финляндии, но там они маловыразительны и в большинстве случаев не содержат вещей.

Отмеченное нами противоречие между погребальным обрядом и инвентарем могилы из Лапинлахти устраняется, если предположить погребение в ней местного жителя в традиционной для этого таежного района каменной насыпи. Каменные насыпи, как погребальные сооружения, использовались населением Восточной Финляндии, Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья и в более позднюю эпоху викингов (Миккели Мойсио и Хелюля Хернемяки). Обилие вещей в погребении из Лапинлахти следует понимать как типичное явление для меновой торговли с «варварскими» народами. В данном случае, правда, уже отмечаются зачатки местного ремесленного производства и следы постоянного населения. Что же касается предложенного П. Уйно предположения о возможном первоначальном захоронении на поверхностной каменной выкладке с последующим (случайным?) сооружением верхней части каменной насыпи в XI–XII вв., то и в этом случае следует учитывать, что вещи и угли находились у основания большого камня, что хорошо видно на полевых рисунках Европеуса (Uino 1997: 50, fig. 3: 11) (рис. 9). Крупные центральные валуны, так называемые «глазные камни», были характерны именно для погребальных насыпей эпохи Меровингов. По всей видимости, именно из-за крупного камня могила и сохранилась. Произведенные Уйно по вещам подсчеты количества погребенных (4–8 мужчин и 1–2 женщины) интересны, но не проверяемы. В самих предметах также не наблюдается заметных внешних различий. При отнесении части изделий к более позднему времени следует учитывать, что материал эпохи викингов — это уже другая эпоха в предметах вооружения и украшениях (см. например Kivikoski 1973). Радиоуглеродная датировка 1040–1240-ми гг., как обоснованно полагает П. Уйно, может быть связана не с самим захоронением, а с позднейшей деятельностью на этом участке. Достоверность датировки снижается тем обстоятельством, что из текста не ясно, какая часть угля и из какого места взята для хронологического определения (Uino 1997: 52). В целом, погребение из Лапинлахти остается уникальным памятником, выпадающим из общего контекста захоронений конца эпохи Меровингов — начала эпохи викингов. Наши предположения по его происхождению можно рассматривать как одну из возможных и, как представляется, обоснованных интерпретаций.

В итоге есть все основания утверждать, что у нас нет достаточно достоверных данных в пользу западно-финского происхождения погребения, так как в Западной Финляндии не находится такой области, памятники которой по всем параметрам (по конструкции и инвентарю) можно было бы сопоставить с комплексом у Лапинлахти. Как мы выяснили, найденные в Лапинлахти предметы вписываются в круг древностей, характерных для обширных областей Финляндии и Прибалтики. Это говорит о наличии самых широких

связей с указанными областями и, если бы население Карельского перешейка происходило из Западной Финляндии, имелись бы более широкие и очевидные соответствия в форме погребальных сооружений и в комплексе погребального инвентаря.

Мы полагаем, что это погребение было совершено местным «пракарельским» населением. Это население в культурном отношении тяготело к развитым центрам Западной Финляндии и Прибалтики, откуда (из Западной Финляндии), видимо, и была заимствована форма погребального сооружения. Погребальный инвентарь, представленный как оригинальными местными вариантами, так и имеющими всеобщий для Балтийского региона характер изделиями, также несет на себе отпечаток влияния соседних, более развитых культур. Это явление естественно и объяснимо. Известно, что у населения развитых меровингских центров Западной Финляндии сложились достаточно прочные связи с расположенными восточнее, вплоть до Урала областями, которые хорошо отражены в археологическом материале (Hackman 1938: 188; Huurre 1979: 191; Lehtosalo-Hilander 1984: 289, 294–295). Подобные связи существовали и с прибалтийскими землями. Неудивительно, что в предшествующее эпохе викингов время и при таких отдаленных контактах мы находим на Карельском перешейке, который по своему географическому положению является узловым, характерные для этих центров и областей типы вещей. Эти находки свидетельствуют, что оживленные торговые контакты IX–XI вв. возникли не вдруг, не на пустом месте, а были подготовлены практикой предшествующего международного торгового обмена.

Нам представляется, что данное погребение является результатом культурного взаимодействия двух соседних регионов с различной степенью развития (Сакса 1989: 94–97; 1992: 96–105; Saksala 1998: 191). Несомненно, что со стороны Западной Финляндии происходило переселение части населения либо в форме поездок сезонных охотников, как на ранних этапах в первой половине – середине I тыс. н. э., либо под давлением необходимости поиска новых земель и ресурсов, что отражено в динамике роста археологических памятников в эту эпоху в Юго-Западной Финляндии и области Хяме, которая своим вектором развития направлена на восток (Huurre 1979; Saksala 1992a; 1992b; Сакса 1986). Однако это движение населения на восток не могло быть крупномасштабным, поскольку возможности внутреннего развития в Западной Финляндии в форме освоения и введения в хозяйственный оборот близкорасположенных земель не были исчерпаны. Это проявилось в увеличении количества погребенных на тех же самых могильниках в Западной Финляндии и во второй половине эпохи Меровингов, и даже в более позднее время. Существенное увеличение количества памятников восточнее Хяме наблюдается лишь в эпоху викингов (IX–XI вв.).

По нашему мнению, инвентарь и конструкция погребального комплекса в Лапинлахти, имеющие аналогии в Западной Финляндии, не дают (с учетом материала всего региона) достаточных оснований утверждать, что в основе культуры железного века Карелии лежит культура западно-финских пересе-

ленцев, волна которых достигла побережья Ладоги через центральные области Финляндии (Хяме) к концу эпохи меровингов — началу эпохи викингов. На том основании, что ближайшие аналогии вещам западно-финского происхождения из могилы в Лапинлахти обнаружены в погребальных памятниках Юго-Западной Финляндии, можно предположить, что наиболее вероятный путь их поступления на Карельский перешеек проходил морем через Финский залив (Saksa 1994: 98–104; Сакса 1997: 95–96; 2000: 124).

По всей видимости, в процессе торгово-экономической деятельности пришлого населения в Приладожской Карелии в нее вовлекается местное население, результатом чего является не только появление «гибридной» погребальной обрядности, но, что важнее всего, зарождение поселенческих центров, ставших в эпоху позднего железного века основой развития и расцвета средневековой карельской культуры. В эпоху Меровингов эта тенденция в развитии населения обозначила совершенно новую ситуацию, при которой определяющим фактором становится внутреннее общественно-экономическое развитие в рамках территорий, на которых складывается постоянное население.

Особый интерес в этом плане вызывает находка целого ряда вещей эпохи меровингов в крепости Корела в г. Приозерске, достаточно надежно указывающих на наличие на территории самой крепости или территории, к ней примыкающей, поселения уже в эту эпоху (Кирпичников 1979: рис. 45; Saksa 1992a; 1998; Сакса 1999). Следы постоянного населения в предшествующее эпохе викингов время фиксируется также в Ряйсяля (ныне пос. Мельниково), Юля-Кууса (пос. Пчелино), Ховинсаари (п-ов Большой у д. Кротово), Суотниemi (д. Яркое). В последнем пункте нами в 1991 г. было выявлено поселение с керамикой, нагар на поверхности которой датирован временем около 600 г. н. э. (Uino 1997: 109–111, fig. 4:4; 2003: 297; Saksa 1998: 126). Эта находка служит еще одним подтверждением нашей концепции формирования центров постоянного населения в древней Карелии в эпоху меровингов и складывания именно в это время основы будущего развития в экономике (начало земледельческой деятельности, торговля) и области материальной культуры (налаживаются постоянные связи с близкими в культурном отношении соседями в Финляндии и Прибалтике).

Материал рассмотренного периода позволяет заключить, что наиболее ранние, относительно малочисленные находки середины — третьей четверти I тысячелетия н. э., представленные наконечниками копий, топорами и блоковидными кресалами, свидетельствуют прежде всего в пользу охотничьего, то есть подвижного населения. Для этой эпохи нет археологически уловимых следов, наличия значительных масс оседлого населения. Видимо, охота преобладала в экономике тогдашних жителей края. Существовавший пушной промысел, несомненно, стимулировался возможностью продать или обменять товар, наличием торговых связей. Вероятно, этим и объясняется «интернациональный» набор предметов из ранних находок на Карельском перешейке (погребение Нукутгалахти на о-ве Риеккала). Роль Вуоксы как

водного пути и зоны промысловой охоты подчеркивается концентрацией находок рассмотренного времени по ее течению (рис. 7).

В эпоху Меровингов (VII–VIII вв.) намечаются положительные сдвиги в развитии местного общества. Прогрессивное экономическое развитие приводит ко все большей доле оседлого населения, к расширению сфер деятельности, в первую очередь по значению — к сельскохозяйственному освоению территории. Как и на предыдущем этапе, значение Вуоксы как важнейшего стимулирующего фактора было исключительно важно; все известные находки могильников, поселений или следов таковых на Карельском перешейке приурочены к этой водной артерии (рис. 7). Роль Вуоксы как водного пути сохраняется и усиливается, она становится также связующей внутренней водной артерией. Значение этой водной системы в выборе места поселения все в большей степени определяется хорошим качеством земли по ее берегам, наличием сухих, удобных для проживания пологих всхолмлений с суглинистыми и песчаными почвами.

Эпоха викингов — новый поворот в развитии

С наступлением эпохи викингов (IX–XI вв.) с присущей ей активной торговой деятельностью в регионе Балтики внутреннее развитие возникших на Карельском перешейке в эпоху Меровингов поселенческих центров «притормаживается», во всяком случае, в археологическом материале четко не проявляется. Могильники и места находок отдельных вещей первой половины эпохи викингов (IX — первая половина X в.) не связаны, как правило, с зародившимися в предшествующую эпоху поселенческими центрами; они происходят из мест, где на это время не фиксируются следы постоянного населения (рис. 11). В большинстве своем это одиночные воинские погребения и отдельные случайные находки предметов вооружения и украшений. Увеличение количества погребений позволяет выявить закономерности внутреннего развития могильников на протяжении продолжительного времени, более обоснованно сопоставить их с памятниками соседних территорий и выявить присущие могильникам Карельского перешейка особенности. Наличие целой серии отдельных находок дополняет картину культурно-исторического развития рассматриваемого региона.

Наиболее ранние находки эпохи викингов, обнаруженные в Северо-Западном Приладожье, относятся к концу IX — первой половине X вв. Одна из них — случайно обнаруженное в 1882 г. погребение, расположенное на южном склоне горы Линнауори в Лопотти (пос. Куркиёки), на вершине которой находилось древнее городище. На месте погребения были найдены предметы воинского снаряжения и многочисленные женские украшения (рис. 12). На поверхности земли погребение никак не выделялось.

Летом 1888 г. Х. Аппельгрэн произвел на этом месте раскопки. В ходе работы было выявлено углистое пятно и каменная вымостка, которая места-

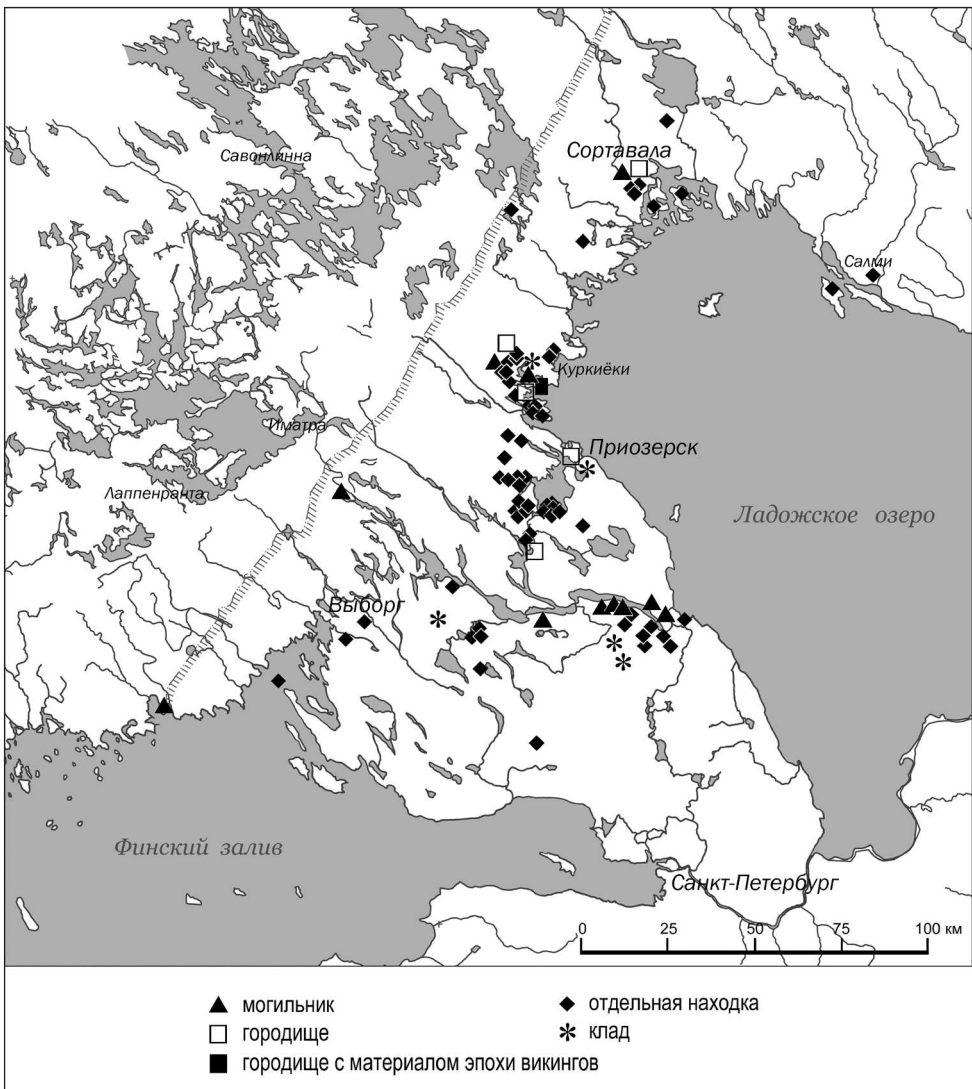

Рис. 11. Археологические памятники и отдельные находки эпохи викингов (800–1100 гг. н. э.)

ми прерывалась. На глубине 30–40 см вышли на поверхность скалы. Среди углей на вымостке встречались зола и кальцинированные кости, на основании чего исследователь пришел к выводу, что на этом месте совершено погребение по обряду трупосожжения. В раскопе были обнаружены предметы украшения, керамика, фрагменты различных железных предметов, осколок кремня, шлак железный и зубы лошади (Appelgren 1891: 148–151).

Перейдем к анализу предметов погребального инвентаря с целью определения времени и культурной принадлежности погребения, которое в лите-

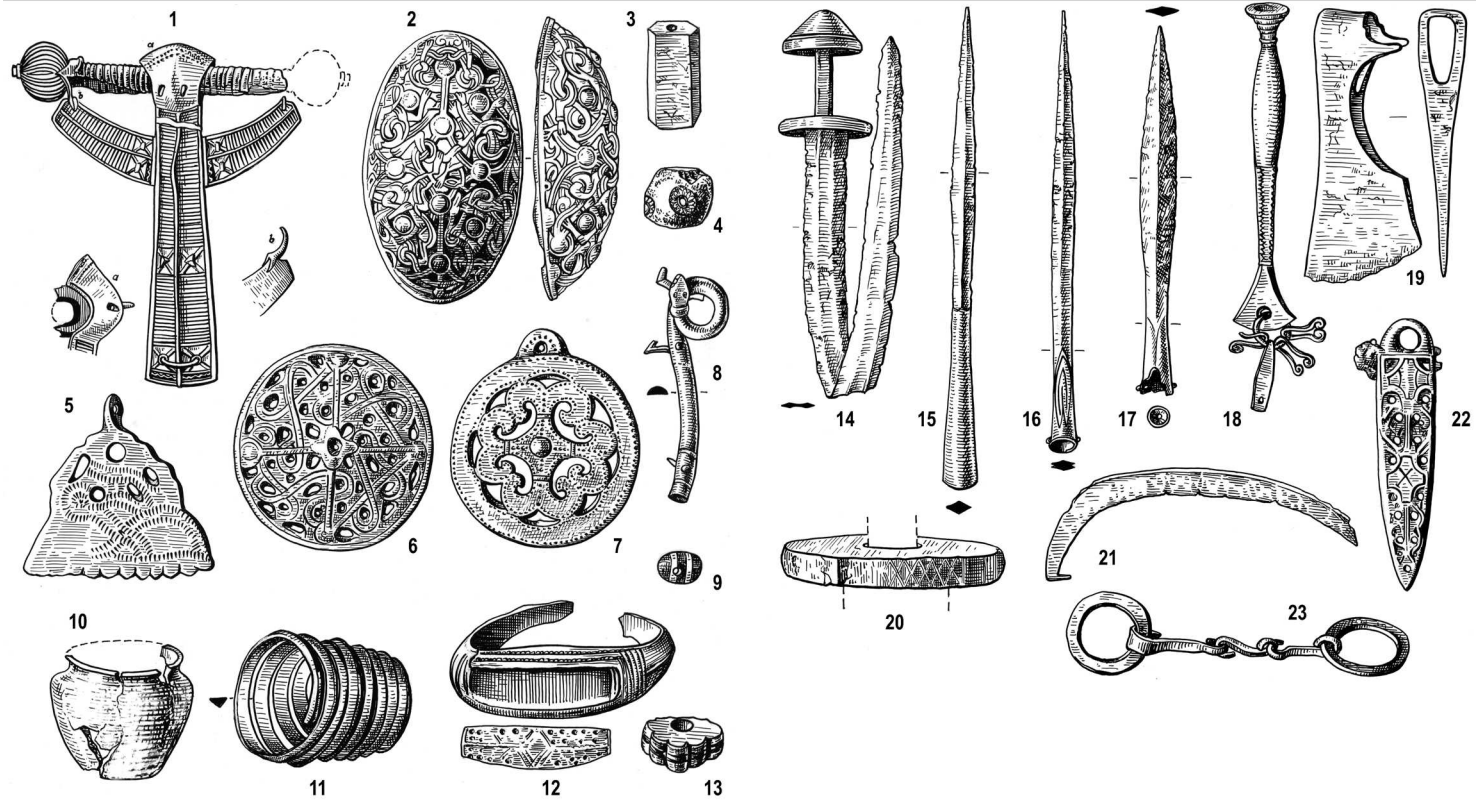

Рис. 12. Инвентарь погребения Лопотти

1 — арбалетовидная фибула, 2 — скорлупообразная фибула, 3, 4, 9, 13 — бусы, 5 — подвеска, 6, 7 — круглые выпуклые фибулы, 8 — змеевидная накладка, 10 — горшок глиняный, 11 — браслет спиральный, 14 — меч, 15–17 — наконечники копий, 18 — рукоять плети, 19 — топор, 20 — перекрестие рукояти меча, 21 — коса, 22 — кресало, 23 — удила

ратуре интерпретируется как скандинавское (Кочкуркина 1982: 18) или как совершенное в соответствии с западно-финской погребальной традицией погребение переселенца либо местного жителя (Uino 1997: 115; 2003: 327–331). Нами уже ранее проводился анализ инвентаря этого погребения, в результате которого сделан вывод о возможном западно-финском происхождении погребенного воина, который предстает как типичный представитель характерной для рассматриваемого времени «профессии» викинга. Он, в данном случае, был тесно связан в социально-культурном отношении с интернациональным «Ладожским миром» (Сакса 1984а: 6; 1989: 94–97; Сакса, Тюленев 1990: 68–82; Сакса 1998: 22–23; 2000: 125; Saksa 1985: 37–49; 1992: 101–102; 1994: 98–104; 1998: 194–196). Последней из финских исследователей к характеристике этого памятника обращалась П. Уйно (Uino 2003: 327–331). По ее мнению, судя по количеству вещей, речь здесь идет о пяти-шести погребенных, из которых было двое или трое мужчин, столько же женщин и один ребенок — девочка, поскольку два спиральных браслета были слишком маленькими для взрослой женщины. Могила она относит к IX–X вв. и связывает ее с западно-финской погребальной традицией. Основанием датировки служат погребальный обряд (каменная вымостка) и часть вещей: бронзовые круглые выпуклые фибулы, подвеска в виде гребня и серп западного типа. Остальные вещи представлены скандинавскими (две овально-выпуклые фибулы, по крайней мере один из двух ладьевидных браслетов, ажурное кресало, змеевидные накладки) и балтийскими (арбалетовидная фибула и ложновитая гривна) изделиями. Предметы вооружения — меч, перекрестие другого меча и наконечники копий — являются европейскими формами, которые были в употреблении в Скандинавии, Прибалтике и Древней Руси (Uino 2003: 330). Уйно считает, что наличие скандинавских украшений является недостаточным основанием для заключения о скандинавской принадлежности погребенных. На южном склоне городищенского холма в Лопотти были погребены представители местной знати, у которой были налаженные торговые связи со скандинавами или их партнерами в Приладожье, посредством которых были получены предметы вооружения и украшения. Место их проживания неизвестно. Само городище Лопотти (о нем см. ниже) относится к более позднему времени (Uino 2003: 331).

При рассмотрении данного погребения обратимся в первую очередь к предметам вооружения, типология и хронология которых хорошо разработаны. К ним относятся меч типа Н, перекрестие рукояти меча типа Т, три ланцетовидных наконечника копий и топор (рис. 12). Данный состав предметов вооружения и прежде всего меч говорит о высоком социальном положении погребенного. Меч типа Н был широко распространен на севере Европы в 800–950 гг. На Руси, где найдено 18 экз. таких мечей, они датируются временем от конца IX до первой половины XI в., причем большинство относится к X в. (Кирпичников 1966: 27; Кирпичников, Сакса, Томантера 2006: 48–49, 59–60, 65, рис. 1, 2, 20). Найдены они, как правило, в крупных курганных могильниках вблизи древних городских центров. По происхождению эти мечи

рейнские. Финские находки (60 экз.) датируются, как и североευропейские, 800–950 гг. Все три найденных в Лопотти наконечника копий представляют различные варианты одного типа Е (тип I по А.Н. Кирпичникову) (1966: 9). Один из наконечников имеет на тулье врезной «готический» орнамент и дамаскирован. Подобные наконечники датируются в Европе второй половиной VIII–IX вв. Изготавливались они, вероятно, в рейнских мастерских (Кирпичников 1966: 1, 9). Второй наконечник отличается от типичных ланцетовидных копий IX — начала XI вв. лишь несколько увеличенной в длину втулкой. Третий наконечник выделяется широким листовидным пером и короткой восьмигранной втулкой. Подобные наконечники датируются X в. (Кирпичников 1966: 9, табл. VII: 1). Топоры типа С обычны для памятников IX — начала XII вв. Финляндии и Северной Руси. Они хорошо известны в финских памятниках Поволжья, находятся в Прибалтике и Прикамских древностях (Кирпичников 1966а: 37, 38; тип V). Происхождение типа связано с севером Европы, где они появились еще в VII–VIII вв. (Кирпичников 1966а: 38). К инвентарю, сопровождающему мужское погребение, относится также металлическое кнутовище типа I с кольцом, на котором крепятся обойма для бича и привески (Кирпичников 1966а: 71 рис, 41, табл. XXIII). Подобные кнутовища найдены в Швеции, Литве и на Руси. В Финляндии они неизвестны. Рукоять из Куркиёки датируется IX в. (Накман 1938: 126; Кирпичников 1966а: 73). Набор снаряжения вооруженного всадника дополняется трехчленными кольчатыми удилами типа V по Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 17) обычной для эпохи викингов формы. К мужскому погребению относятся также поясные накладки, две змеевидные накладки, два ажурных бронзовых кресала, пряжка поясная, возможно, коса. Змеевидные накладки — достаточно редкая вещь среди древностей эпохи викингов. Подобные изделия известны в Гнездове (Сизов 1902: 56, табл. VII: 4). К.А. Нордман приводит в качестве аналогий более ранние змеевидные предметы из Гляденовского Костища, что могло бы указывать на восточное происхождение этих предметов. Но, с другой стороны, он указывает на множество змеевидных изображений в скандинавском искусстве и предполагает, что накладки из Лопотти происходят с запада (Nordman 1924: 116). Кресала, составленные из двух бронзовых ажурных пластин с зооморфным орнаментом и железной пластиной между ними, вошли в употребление в Скандинавии и использовались в эпоху викингов главным образом в X в. и несколько раньше — в конце IX в. (Nordman 1924: 118). Подобные изделия найдены в Западной Финляндии, Эстонии, России, Швеции, Норвегии (Nordman 1924: 116–118; Tallgren 1922–1925: 112, Abb. 143; Kivikoski 1973: 129, Abb. 1012). Богатством и разнообразием сопровождающего инвентаря отличается и женское погребение. К сожалению, при трупосожжении трудно судить о количестве погребенных. Найденные в погребении украшения могли составлять убор двух-трех костюмов: это две — в публикации, а по данным Э. Кивикоски (Kivikoski 1973: 97, Abb. 709) — три овально-выпуклые фибулы типа рис. 27 по Я. Петерсену, арбалетовидная фибула, две круглые выпуклые финские фибулы,

гривна, спиральный и два литых браслета, спиральные перстни, бусы, бронзовые спиральки. Сразу же бросается в глаза их смешанный скандинавско-прибалтийско-финский характер. Овально-выпуклые фибулы и ладьевидные литые браслеты являются по происхождению скандинавскими, круглые ажурные выпуклые фибулы — типично финскими, арбалетовидная фибула и спиральные браслеты, являясь типами прибалтийскими, широко употреблялись и в Юго-Западной Финляндии.

Рассмотрим более подробно состав женского погребения. «Скандинавские» скорлупообразные фибулы типа рис. 27 (тип 648) по Я. Петерсену редко встречаются в Финляндии. Лишь в юго-западной части страны найдены два фрагментированных экземпляра подобных фибул (Kivikoski 1973: 97, Abb. 709). Некоторое количество таких фибул найдено также в курганах Юго-Восточного Приладожья (Бранденбург 1895: 122, курган ХСV: 2, табл. 1: 2) и в Гнездовском могильнике (Сизов 1902).

Круглые выпуклые фибулы типа В по классификации Х. Аппельгрена (Appelgren 1897: 1) являются, напротив, обычным для древностей Финляндии типом. Там зарегистрировано свыше 30 фибул типа В, причем общее количество круглых выпуклых фибул превышает 320 экз. За пределами Финляндии единичные экземпляры известны в Швеции, Прибалтике и на севере Руси (Kivikoski 1973: 90, Abb. 650). Большая арбалетовидная фибула, найденная в рассматриваемом погребении, — единственная в Карелии. Подобные фибулы хорошо известны в Юго-Западной Финляндии, где их найдено несколько десятков (Kivikoski 1973: 64, Abb. 421). Прибалтийское происхождение этих фибул не вызывает сомнений. Они хорошо известны во всех прибалтийских странах, где бытуют и более ранние изделия такого типа (Nordman 1924: 109–112; Tallgren 1922–1925: 13, Abb. 23–24; Финно-угры и балты... 1897: табл. СХХХV, 9). В Литве, откуда, как предполагают, они ведут свое происхождение, зарегистрировано, например, 170 экз. из 36 памятников (Lietuvos... 1978: IV: 44–45; Priedas (zemelaplat): 31). Найденная в Куркиёках фибула идентична прибалтийским фибулам поздней группы (X–XI вв.). К.А. Нордман считал возможным местное производство таких фибул в Финляндии и датировал их IX — началом X в. (Nordman 1924: 111–112). Оригинальная круглая ажурная фибула с ушком, как считал К.А. Нордман, стилистически и типологически связана с более ранними финскими круглыми фибулами эпохи переселения народов, которые, в свою очередь, происходят от балтийских или, возможно, готландских круглых фибул (Nordman 1924: 108, 109, fig. 85).

Бронзовая подвеска, возможно, подражающая металлическим гребням, с аморфным навершием, оформленным пятью отверстиями и петлей для подвешивания, не имеет прямых аналогий. Спиральные браслеты встречаются на всех больших могильниках Финляндии, относящихся к эпохе викингов (Kivikoski 1973: 99, Abb. 727). Подавляющее число таких браслетов обнаружено в Прибалтике (Tallgren 1922–1925, Taff. VII: 1; Latvijas..., t. 43: 11, 62: 9, 66: 31). В Литве, например, известно около 400 таких браслетов,

которые датируются VIII–XII вв. (Lietuvos 1978:1: 148, 8 (карта 56), 1. 156). Ладьевидные литые браслеты, разделенные в центральной части поперечными шнуровидными полосами и с горизонтальной линией, образующей два поля орнаментации, — достаточно обычный тип для эпохи викингов в Финляндии. Тип по происхождению шведский (Kivikoski 1973: 101, Abb. 736). В Финляндии они широко распространились в IX в. благодаря посредничеству Бирки (Kivikoski 1937: 238–240). Браслеты этого типа найдены также в Норвегии, Прибалтике и на Руси (Nordman 1973: 120, fig. 97–98). Что касается бронзовой гривны с расширяющимися, украшенными ложновитым орнаментом концами, то в Финляндии подобные украшения известны с эпохи переселения народов (Kivikoski 1973: 100, Abb. 728). Популярны они были и в Восточной Прибалтике, откуда, вероятнее всего, и ведут свое происхождение. В Литве, например, найдено более 200 гривен из круглого дрота с ложновитыми концами и конусовидными головками, датируемых II–IV вв. (Lietuvos 1978: 12–16). Представлены они и в памятниках Латвии и Эстонии (Tallgren 1922–1925: 66–88, Abb. 113; Latvijas..., табл. 28: 3, 4; 30: 6; 32: 1–6).

В итоге можно заключить, что на южном склоне горы Линнавуори был погребен знатный воин в сопровождении, видимо, двух женщин. Погребение совершено по господствующему в это время в Финляндии обряду (трупосожжение на каменной вымостке). Однако оно отличается от памятников аналогичного типа западных и центральных районов Финляндии отчетливым «викингским» обликом и «интернациональным» набором предметов вооружения и украшений. Характерно, что интернациональностью отличается не только мужской инвентарь, предметы вооружения из которого традиционно представлены лучшими и поэтому популярными в регионе типами, но и набор женских украшений. Костюм одной женщины характеризуется скандинавским обликом: скорлупообразные фибулы, литые ладьевидные браслеты, бусы. Второй женский костюм был украшен уже финскими типами украшений, часть из которых характерна и для Прибалтики. Бронзовая подвеска-гребень отлита, как нам представляется, в какой-то местной мастерской, на что указывает аморфный характер ее навершия (при том, что форма и орнамент остальных изделий выполнены безукоризненно). При погребении были найдены кусочки кремня и кварца, шлак, зубы лошади. Примечательно, что эти же сопровождающие элементы характерны для более поздних достоверно карельских памятников.

С учетом вышеуказанных наблюдений нам представляется спорной интерпретация погребения как скандинавского. Как мы увидим в дальнейшем, предметы воинского снаряжения данного погребения принадлежат к типам, которые составляют стандартный воинский погребальный набор памятников на Карельском перешейке. Погребение датируется X в., возможно, его началом.

Аналогичный комплекс вооружения был обнаружен в погребении, найденном в ныне не существующей деревне Уосуккала в приходе Валкярви (Nordman 1924: 100; Кирпичников, Сакса, Томантера 2006: 49, 59–60,

рис. 1, 3). Захоронение воина было выявлено на южном берегу Вуоксы у мыса Открытый, напротив мыса, образованного двумя рукавами Вуоксы, разделяющими ее на две части, одна из которых впадает в Ладожское озеро у г. Приозерск (Кексгольм), а вторая — через оз. Суходольское (Суванто) и р. Бурную (Тайпаленйоки) (рис. 11). Здесь при пахоте были найдены меч типа Н, два наконечника копий типа Е и топор типа С (по Петерсену). Меч найден воткнутым в щель между камнями вымостки, на которой были найдены и остальные предметы. Размеры вымостки остались невыясненными, мощность ее достигала «пол-локтя». Более подробные сведения отсутствуют. Вне сомнения, мы имеем здесь дело с трупосожжением на каменной вымостке. Судя по составу и формам сопровождающего инвентаря, погребение было совершено в начале X в.

Известны на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье также и случайные находки оружия подобных типов (Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 41–72). В дер. Юля-Кууса (Пчелино) прихода Муола на восточном берегу оз. Большое Раковое, которое соединяется с водной системой Вуоксы рекой Булатной и в настоящее время, были найдены меч типа Н, топор типа К и железная дужка от котла (Nordman 1924: 95–96). Видимо, это остатки погребения X в. В дер. Кюреля (Красносельское) этого же прихода на северо-западном берегу оз. Вишневское были найдены меч типа Е и топор типа С (Kivikoski 1973: 112, Abb. 829). Меч типа Н найден в дер. Лиикола у подножия западного склона горы Лииколанмяки (Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 48–50). Он был найден согнутым в дугу у большого камня. Позднее в 15 м к северу от него под большим камнем был найден топор типа L по Я. Петерсену. Исследовавший в 1924 г. место находки А. Европеус обнаружил углистый слой и фрагмент керамики, на основании чего пришел к выводу о возможном наличии на месте могильника (Кочкуркина 1981: 24, № 59; Uino 1997: 329, 377; Saksa 1998: 194). В приходском центре Ряйсяля (Мельниково) на холме Калмистомяки найдены два наконечника копий, из которых один был ланцетовидной формы и, возможно, с врезным орнаментом на тулье. Второй был такой же, но поменьше. На этом же холме прежде, а затем и при раскопках А.М. Тальгрена в 1914 г. и С. Пяльси в 1935 г. были выявлены археологические материалы, начиная с эпохи бронзы и заканчивая погребениями позднего железного века и эпохи Средневековья. Еще один ланцетовидный наконечник копья с врезным «готическим» орнаментом на тулье обнаружен на холме Куусиккомьяки на п-ове Ховинсаари (Большой) на оз. Вуокса (Nordman 1924: 101, fig. 75). Второй подобный наконечник найден в Хютинлахти. А в дер. Сяркисало (Кротово) на п-ове Ховинсаари (Большой) нашли сразу три наконечника копий. Один из них, с пером ланцетовидной формы, принадлежит к X в., возможно, ко второй его половине. Второй наконечник может быть отнесен к типу III по А.Н. Кирпичникову и датирован XI в. (Кирпичников 1966: 12–14). Втулка у него восьмигранная. Из неизвестного места в приходе Ряйсяля происходит топор типа С, который датируется X — началом XII вв. Там же был найден фрагмент

меча типа Е с сохранившимся перекрестием, который можно отнести к IX — первой половине XI вв. (Petersen 1919: 75–80; Кирпичников 1966: 20, 30, 31; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 49). Рукоять меча подобного типа была найдена в дер. Рокосина. Отдельное перекрестье от рукояти меча типа Е было найдено в дер. Тимоскала (Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 49). В дер. Уннункоски (Горы) был найден топор типа С (по А.Н. Кирпичникову — тип V). Обращает внимание находка фрагментов не менее восьми массивных ладьевидных бронзовых браслетов и обломков двух витых гривен в той же деревне. Эти вещи были найдены на поле, которое прежде было заболочено (Nordman 1924: 100). Предполагается, что это клад или жертвенная находка. Литые браслеты с волнистым рельефным орнаментом в широкой выпуклой части хорошо известны среди древностей эпохи викингов в Финляндии. В несколько иной форме они встречаются в Прибалтике. Несколько различных вариантов браслетов этого типа обнаружено в курганах юго-восточного Приладожья (Бранденбург 1895: табл. IV: 3, 7, 12, 17, 18). Тип по происхождению скандинавский. Найденные в Карелии экземпляры представляют собой местный вариант, у которого волнистые линии переходят в ломаные. Кроме Уннункоски подобные браслеты найдены в Киисанлахти (1 экз.) и в Каукола (Севастьяново — 1 экз.). В Каукола на месте находки были большие камни и обломки глиняных сосудов. Витые гривны с петлями на концах типа рис. 727 по Э. Кивикоски (Kivikoski 1973: 99) известны во всех крупных могильниках эпохи викингов в Финляндии, причем количество их достигает 100 экземпляров. Вещи этого типа хорошо известны также в Латвии и Эстонии, и поэтому на полном основании они могут называться прибалтийско-финскими.

На горе Лаенмяки в дер. Коукунниими (ныне не существует) в приходе Метсяпиргги, располагавшейся на северо-восточном берегу оз. Суванто (Суходольское) напротив дер. Рииска (Удальцово), были найдены два наконечника копий, один типа С по Я. Петерсену, а второй типа М, две косы, удила. Указанные предметы найдены в каменной куче неподалеку от берега озера. А. Европеус, произведший в 1920 г. на месте исследование, заключил, что вещи происходят из могильника с трупосожжением и не связаны с каменной кучей. Оба наконечника датируются X — началом XI вв. (Кирпичников 1966: 12, 13 (тип III). К этому времени относятся и удила (Кирпичников 1973: 11, рис. 4 (тип I). Здесь же на Лаенмяки на каменной вымостке были найдены меч, наконечник копья и топор (Nackman 1911: 55; 1914: 60; 1925: 52; Nordman 1924: 125; Кочкуркина 1981: 13, № 1, 2; Uino 1997: 271–273; Saksa 1998: 194; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 54). Меч типа V по классификации А.Н. Кирпичникова датируется 950–1250 гг. (1966: 54, рис. 10). Наконечник копья типа IV относится к XI–XII вв. (Кирпичников 1966: 15). Широколезвийные топоры-секиры около 1000 г. распространяются на всем севере Европы. Время их наибольшего распространения — XI в. (Кирпичников 1966а: 39, рис. 6 (тип VII).

В дер. Лапинлахти (Ольховка), уже упоминавшейся нами в связи с более ранним погребением эпохи Меровингов, сделаны интересные и важные наход-

ки рассматриваемого времени. На участке Наскалинмяки Т. Швиндт в 1917 г. исследовал потревоженное погребение, совершенное по обряду трупосожжения. На месте погребения были найдены равноплечная фибула, два наконечника копий, боевой топор, удила, кресало, медный котел, три ножа, фрагменты цепочки, обломки гончарных сосудов, девять кусочков кварца, кальцинированные косточки и немного истлевшего дерева (Накман 1921: 47; 1925: 50–51; Nordman 1924: 126; Кочкуркина 1981: 15–17, № 7, № 8; 88–89, № 98, № 101; 112, № 143; Uino 1997: 314–315; Saksa 1998: 194). Рассмотрим подробнее инвентарь погребения. Равноплечная фибула относится к группе 7 по Э. Кивикоски (Kivikoski 1938: 10–28). Это наиболее многочисленная группа среди равноплечных фибул из Финляндии (около 35 экз., большинство из которых происходит из западной части страны). Застежки этой группы характеризуются тонким узким краем и выступающими шипами. В Карелии известны только фибулы этой группы (всего 10 экз. и еще одна — в крепости Орешек). Остальные найдены в Сяркисало (Выборное) (1 экз.), Лапинлахти (Ольховка) (2 экз.), Сортавала (1 экз.), Сортавала (Хернемьяки) (1 экз.), крепость Корела (1 экз.), городище Паасонвури (1 экз.) (Kivikoski 1973: 93–94, Abb. 679; Кирпичников 1979: 67, рис. 3, 6; Кочкуркина 1981: 77, рис. 22, 17). Три таких застежки найдены нами в 1987 г. при раскопках могильника X–XV вв. в Куркиёках (Кууппала Калмистомяки). Из других вещей X–XI вв., собранных на этом могильнике, назовем боевой топор типа V, удила, оплавившиеся в огне погребального костра, обломки других бронзовых украшений. Ранее на могильнике Калмистомяки были найдены клинок меча с клеймом SRBMSNS на одной стороне клинка и SNEMENTS на другой, два наконечника копий типа M, спиралеконечная подковообразная фибула и другие изделия (Кочкуркина 1981: 105; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 56). В крепости Корела была найдена еще одна равноплечная фибула, которая, по мнению автора раскопок, более походит на фибулы группы 6 по Э. Кивикоски (Кирпичников 1979: 67, рис. 3, 5). На основе финляндского материала фибулы группы 7 датируются второй половиной X–XI вв. (Kivikoski 1938: 13, 28, fig. 5). Наконечники копий типа IV и топорсекира типа VII по классификации А.Н. Кирпичникова датируются XI в. В это время в широком употреблении были и кольчатые удила IV типа (Кирпичников 1973: 16, 17, рис. 4). Таким образом, погребение относится к XI в. Судя по другим находкам, на этом месте находился могильник, на котором были и более поздние погребения.

Вторая могила с трупосожжением в дер. Лапинлахти найдена случайно на участке Хеннонмяки. Место находки расположено в 750 м от берега озера Суванто (Суходольское) и в 450 м от древнего коренного берега на высоте около 30 м от уровня озера на южном склоне прибрежной террасы в 40 м на запад от раскопа Т. Швиндта 1917 года. На этом месте местными жителями найден был ряд вещей, относящихся ко времени около 1000 г. (Накман 1921: 47–48, fig. 23). Летом 1920 г. А. Европеус произвел на этом месте раскопки. Под слоем пахотной земли обнаружилась вымостка из камней в 2–3 слоя. На этой вымостке было найдено большинство вещей, угли, кальцинированные

кости. В пахотном слое найдены фрагменты керамики, части медного котла, угли, кости. Среди находок следует отметить наконечник копья, фрагмент арабской и целую немецкую монету (936–1002 гг., позднее гессенское подражание кельнским пфеннингам Оттона), железный браслет с завязанными концами, наконечник стрелы, маленькую бронзовую подковообразную фибулу с плоскими дугой и головками, бронзовые поясные накладки, два бронзовых спиралеобразных перстня, бронзовые спиральки, фрагменты серебряных и бронзовых изделий, нож. Прежде на этом месте были найдены меч типа Х по Я. Петерсену, наконечник копья, серп, мотыга, двое кольчатых удил, обломок шейной серебряной гривны, скрученной из трех проволочек и трех плетенных двойных шнуров, обломок тонкого бронзового котла или блюда с прямыми краями, фрагменты железной ручки котла, обломки гончарных сосудов, некоторые из которых орнаментированы бороздками, стекловидная масса, кусок покрытого глазурью шлака. Зачастую к этим находкам причисляют еще ледоходный шип и фрагмент железного изделия, которые были найдены на этом же поле, но в другом месте (Накман 1921: 47–48; Nordman 1924: 125, 126, fig. 103; Uino 1997: 314–315).

Перечисленные предметы: два наконечника копий типа М, поясные накладки типа рисунков 144–145 и 241–243 по Арне (Arne, 1914: 128, 149) или рисунка 907 по Э. Кивикоски (Kivikoski 1973: 120), кольчатые удила типа V по классификации А.Н. Кирпичникова (Кирпичников 1973: 17, рис. 4) достаточно твердо датируют комплекс первой половиной XI в.

В этой же деревне был найден наконечник копья типа IV по классификации А.Н. Кирпичникова, относящийся к XI в. (Кирпичников 1966: 14, 15). Еще один подобный наконечник был найден в Хютинлахти (Nordman 1924: 126).

В предыдущей части работы основной упор делался на погребальные памятники и отдельные находки предметов вооружения. Следует упомянуть также об отдельных находках предметов украшений. Выше уже отмечалась находка обломков восьми ладьевидных браслетов и фрагментов двух витых гривен в дер. Уннункоски. В этом же приходе Ряйсяля в дер. Хютинлахти в нижнем течении Вуоксы найдены были молоток, фрагменты замка и семь подковообразных фибул с ромбическими, гранеными снизу головками и шестигранной в сечении дугой. Подобный тип фибул характерен для памятников конца X — начала XI в. Финляндии и Прибалтики, где они находятся преимущественно в мужских погребениях. Известны они также в Швеции, Ленинградской области (Ижорское плато), Юго-Восточном Приладожье и мерянских областях. Происхождение свое ведут из Прибалтики (Salmo 1956: 47–53). На Карельском перешейке подобные фибулы найдены в Ряйсяля Ховинсаари и Сортавала Хелюля. На рассматриваемой территории найдено также значительное количество подковообразных фибул с шестиугольной в сечении дугой и гранеными, украшенными шипами головками. Происходят они из следующих мест: Метсяпиртти Тайю (1 экз.), Ряйсяля Сяркисало Ховинсаари (1 экз.), Якимваара Метсямикли (1 экз.), Париккала Мянтюлахти (1 экз.), Угуниеме Маринкюля (1 экз.), Суоярви (1 экз.), Мятялахти (1 экз.)

(Nordman 1924: 120, 127; Salmo 1956: 36). Фибулы этого типа в большом количестве найдены в Финляндии, где, как считают исследователи, они и производились (Kivikoski 1937: 244; Kivikoski 1951: 52; Salmo 1956: 40). Они хорошо известны в Юго-Восточном Приладожье; несколько экземпляров обнаружено в Швеции и Норвегии, в Пскове, Ярославской области, одна на о-ве Березань (Salmo 1956: 40). Время их употребления — X — начало XI вв.

Выше в этой работе уже упоминались литые ладьевидные браслеты, разделенные рельефным шнуровидным орнаментом на две части. Кроме упомянутых типичных экземпляров из Куркиёк (Лопотти), известны еще три подобных изделий из Ряйсяля Тиури (Васильево), Куркиёки Риеккала и Каукола Кулхамяки (Богатыри) (Kivikoski 1973: 101, Abb. 736). Датируются такие браслеты IX в. (Kivikoski 1937: 238). К этому типу браслетов примыкают браслеты с рельефным волнистым орнаментом, происхождение которых также связано со Скандинавией. Как уже отмечалось, найденные в Карелии изделия представляют местный вариант, у которого волна переходит в ломаную угловатую линию. Этот тип браслетов датируется эпохой викингов, вероятно, X — началом XI вв.

Прежде чем подвести итоги, упомянем еще два памятника, намеренно оставленные нами до этого нерассмотренными, так как они по своему облику выпадают из общей массы. Речь идет о погребении на о-ве Эссаари у Выборга и каменных курганах в Хелюля около г. Сортавалы.

Погребение на о-ве Эссаари в Выборгском заливе представляет собой трупосожжение на вымостке из небольших камней. Оно сопровождалось ланцетовидным копьем I типа по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 9), поясными накладками, ножом, кресалом, оселком, обожженными кусочками кремня и кусочками глины. Погребальное сооружение напоминает прибалтийские могилы с оградками. Исследователь памятника А.М. Тальгрэн пришел к выводу, что здесь около 900 г. был погребен скандинавский воин (Tallgren 1918: 16–24). Видимо, поэтому К.А. Нордман посчитал, что это погребение не стоит ни в какой связи с культурой карельской области железного века (Nordman 1924: 101). Нам представляется, что он в определенной степени был прав, но мы не рассматривали этот памятник на том основании, что общая масса воинских погребений этого времени на Карельском перешейке характеризуется определенным набором предметов воинского снаряжения, в который почти обязательно входят меч, копьё и топор, чего нет в этом погребении. Что касается шведского происхождения погребенного, то оно не подтверждается формой погребального сооружения. Из района Выборга (Туппурансаари) происходит еще одна находка эпохи викингов — меч типа Q по Я. Петерсену (Кочкуркина 1981: 22, № 28; Uino 1997: 343, 377). При раскопках В.А. Тюленева на Замковом острове в Выборге найден меч с дисковидным навершием и надписью на клинке: ...NMEFECIT, что может означать GICELINMEFECIT (Tyulenev 1984: 108). В районе дер. Перово найден наконечник копья конца эпохи викингов типа M по Я. Петерсену (Тюленев 1995: 18, рис. 3:1).

Второй памятник — каменные курганы близ пос. Хелюля, исследованные Э. Кивикоски в 1939 г. (Kivikoski 1944: 5–6). Из трех курганов, расположенных на северных склонах холма Хернемяки, один (нижний) был разрушен при строительных работах. В нем найдены многочисленные кальцинированные кости, равноплечная фибула и обломок другой такой же, подковообразная фибула с низкими воронкообразными головками, три массивных литых бронзовых браслета с полой средней частью, две бронзовые подвески, топор, многочисленные бусы из сердолика, глины и стекловидной пасты, два фрагмента костяного гребня, фрагменты различных бронзовых и железных предметов (Kivikoski 1944: 5). Оба оставшиеся нетронутыми кургана располагались выше по склону и в обоих в каменной кладке находились большие камни. Подобная конструкция отличается от бытовавших в Западной Финляндии, но напоминает конструкцию кургана в Кюккюля у г. Миккели в восточно-финской области Саво. Так как в курганах не были встречены кальцинированные кости, то Э. Кивикоски предположила, что речь здесь может идти о труположении под камнями на древней дневной поверхности, которое не сохранилось. В верхнем кургане найдены фрагмент втульчатого копья, навершие плети, удила и три частично оплавленные пастовые бусины. В среднем кургане найден лишь фрагмент цепедержателя или подвески из бронзы.

Рассмотрим подробнее инвентарь погребений. Найденная в нижнем кургане равноплечная фибула относится к скандинавской форме группы 2 по Э. Кивикоски (Kivikoski 1938: 29; 1973: 93, Abb. 674) и датируется X в. Фрагмент второй относится к чисто финской форме группы 7 и датируется концом X — XI вв. (Kivikoski 1938: 26; 1973: 93, Abb. 579). Литые браслеты с полой средней частью по праву можно назвать местным типом, так как все находки (14 экз.), за исключением одного экземпляра из Юго-Восточного Приладожья, локализуются на северном берегу Ладожского озера и в прилегающих районах области Саво (Kivikoski 1973, 103, Abb. 752). Подковообразные фибулы с воронкообразными головками — широко распространенный в Финляндии тип застежки (найдено около 70 экз. (Kivikoski 1951: 52, 57; 1973: 95, Abb. 701). Датируются они временем около 1000 г. — XI веком. Подвески относятся к чуждым для памятников Финляндии типам. Одна из них представляет собой спиральную трубочку с колечками, на которых подвешены колбовидные привески. Такие изделия характерны для восточно-финских областей, найдены такие и в Юго-Восточном Приладожье (Kivikoski 1973: 109, Abb. 800). Вторая подвеска состоит из шести соединенных в месте крепления «пальцев». Прототип этой формы также следует искать в восточно-финских областях. Не исключено, что это фрагмент какого-либо более крупного изделия. К сожалению, формы топора и бус неизвестны. Погребение в нижнем кургане по перечисленным выше предметам можно датировать первой половиной XI в. Верхний курган, судя по найденным там вещам, тоже относится к XI в. В эту дату вписываются все находки: фрагмент наконечника копья, кольчатые удила IV типа по А.Н. Кирпичникову, навершие плети I типа. Эта дата ставит под сомнение предположение Э. Кивико-

ски о труположении. К тому же часть бус оплавлена. А кальцинированные кости также могли не сохраниться.

После того, как мы ознакомились с памятником, становится очевидным, что выделение его в особую группу оправдано. Самим устройством погребального сооружения курганы отличаются от каменных вымоستок Карельского перешейка. Аналогичные сооружения известны лишь западнее, в области Саво в районе Миккели. Отличается также инвентарь погребений. Существование здесь самостоятельной группы памятников подчеркивается также наличием строго локализованной группы предметов украшений — литых браслетов с полой средней частью. По отдельным категориям украшений прослеживается связь с Юго-Восточным Приладожьем.

Однако нельзя полностью исключать эти курганы из числа типичных погребений Карельского перешейка; они, несомненно, принадлежат к одному кругу древностей. Видимо, за ними стоит какая-то обособленная группа карельского населения, имеющая тесные контакты со своими юго-восточными соседями.

Теперь, в итоге, попытаемся на основе немногочисленных сохранившихся погребений и отдельных находок определить характер и основные черты развития материальной культуры населения Карельского перешейка в эпоху викингов (IX–XI вв.)

К наиболее ранним погребениям на этой территории, как мы выяснили, принадлежат следующие: Лопотти в Куркиёках, Валкярви Уосуккала, Юля-Кууса. Для всех этих памятников характерен устойчивый набор вооружения, состоящий из мечей типа H и E, наконечников копий типа I и топоров типа V. К этому же времени (конец IX — X вв.) можно отнести девять случайных находок, главным образом предметов вооружения. Погребальный обряд — трупосожжение на каменной вымостке — отвечает западно-финской погребальной традиции эпохи викингов. Тем не менее, как мы выше отмечали в связи с погребением в Лопотти, захоронения Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья отличаются от памятников аналогичного типа в Финляндии «интернациональным» набором предметов вооружения и украшений. Карелия, таким образом, в IX–X вв. становится частью «Ладожского мира» эпохи викингов. Западно-финские «переселенцы», оставившие эти захоронения, могут рассматриваться в свете этого не как представители колонизационного потока на восток из Западной Финляндии через центральные районы страны, а как подобные отрядам скандинавских викингов вооруженные группы воинов-торговцев, взявшие под контроль водные пути и пушные ресурсы Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья. В свете проведенного нами исследования аналогий найденным в Приладожской Карелии вещам становится очевидным, что отправной точкой этих отрядов являлся район Турку-Лайтила-Каланти в Юго-Западной Финляндии, и поэтому естественно предположить морской путь (Сакса 2001: 97). В условиях, когда осевшие в Ладоге славяне и скандинавы были более заинтересованы в контроле и использовании ведущих на восток путей, западные финны

взяли под свой контроль местные карельские и финские рынки, «привязав» их к «схеме» ладожской международной торговли. Формируется местный рынок, обслуживающий транснациональную торговлю по Волжскому (Восточному) пути. Карелия уже более не являлась глухой таежной областью с редким населением. Следует также при оценке ситуации в эпоху викингов в Карелии учитывать возможность контроля и над ведущими из карельского Приладожья на север водными путями, по которым можно было пройти вплоть до Ботнического залива и Белого моря. Сам факт наличия погребений воинов и полный набор воинского снаряжения в них говорит о вооруженных столкновениях и, косвенно, о достаточно жесткой конкуренции за контроль над этой территорией. Роль и деятельность западных финнов в первой половине эпохи викингов в Карелии сопоставима с ролью и деятельностью скандинавов в Восточной Европе. Карта распространения обнаруженных погребений и отдельных находок этого времени хорошо ложится на трассу русла Вуоксы, что указывает на военно-торговое использование этой водной системы уже в начале эпохи викингов (Saksa 1992: 468–479; 1994: 98–104; 1998: 196, 201; Сакса 1997: 95–96, 2000: 125; 2001: 97–98; 2006: 292–293).

Наряду с вышеизложенной точкой зрения на происхождение воинских захоронений начальной половины эпохи викингов не следует исключать из рассмотрения проблемы и возможность того, что они могли принадлежать местному населению, имевшему контакты с внешним миром и возможности для осуществления не только региональной, но и дальней торговли. Обнаружение мечей в карельских древностях свидетельствует о появлении в IX–X вв. вооруженных людей, располагавших дорогим современным для той эпохи клинковым оружием. В случае с рассматриваемыми погребениями можно констатировать не только использование международных по своим типам мечей, но и распространение обряда погребения, сходного с погребальными обычаями соседних народов (Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 42–44).

На защите автором данной работы диссертации на соискание звания доктора исторических наук в марте 2007 г. одним из оппонентов, М.Б. Свердловым, было высказано предположение, что могилы с воинским снаряжением IX–X вв. на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье могли принадлежать кюльфингам — представителям известного по сообщениям скандинавских саг и дискуссионного этносоциального воинского образования эпохи викингов, осуществлявшим свою военно-торговую деятельность именно в Приладожье.

Во всяком случае, данные погребения наглядно иллюстрируют ту обстановку, которая сложилась в начальную половину эпохи викингов на прилегающей к Ладожскому озеру территории. Очевидно все же, что дальнейшее рассмотрение этого остающегося дискуссионным вопроса следует проводить выходя за рамки традиционных для отечественной археологической и исторической науки славяно-скандинавских контактов. В карельской части Приладожья совершенно необходимо учитывать ситуацию на территории

Юго-Западной Финляндии в эпоху викингов, характеристику, контакты и влияние сложившихся в этой части Балтийского региона поселенческих центров. Иными словами, рассматривать всю область Балтийского мира эпохи викингов в контексте общепалтийских древностей во всей взаимосвязи этнокультурных, торговых и иных контактов.

Со второй половины X — начала XI вв. комплекс вооружения обновляется, и в употребление входят мечи типа V, наконечники копий III и IV типов, топоры-секиры VII типа по А.Н. Кирпичникову. Этот устойчивый воинский набор просуществовал XI в. и часть XII в. Погребальный обряд остается в основном прежним. Мечи в погребениях встречаются реже. К этому времени можно отнести уже пять могильников: два на холме Лаенмяки в Метсаяпиртти (Коукунниемеи) (возможно, это две части одного могильника) и два в Лапинлахти: Наскалинмяки и Хеннонмяки (также составляющие, возможно, единый комплекс, так как расстояние между ними около 40 м и расположены оба на одном склоне), один могильник в Куркиёках (Кууппала). По-прежнему господствует трупосожжение на каменной вымостке. Размеры ее стали больше и количество захоронений на могильнике, видимо, увеличилось. В расположении вещей на вымостке нет какого-либо порядка, отдельные погребения не вычлняются. На могильниках встречаются удила, орудия труда, обломки металлических котлов и глиняных сосудов, кусочки кремня или кварца, иногда шлак, зубы животных. Изредка в мужских погребениях встречаются подковообразные фибулы и детали пояса.

Женские погребения представлены менее выразительно. За исключением находок в Куркиёках и Хернемяки (Хелюля) у г. Сортавалы, мы имеем лишь материал разрушенного погребения в Лапинлахти на участке Наскалинмяки и ряд отдельных находок. Все же можно констатировать, что женские захоронения эпохи викингов, как и в предыдущий период, характеризуются известной «интернациональностью» сопровождающих украшений при преобладании западно-финских и скандинавских вещей. Но уже намечается определенная избирательность из всей массы распространенных в Финляндии, Скандинавии и Прибалтике типов изделий. Так, например, население Карельского перешейка в XI в. предпочитало подковообразные фибулы с шипами на головках, соединенных зачастую планкой, фибулы с плоскими головками, равноплечные фибулы группы 7 по Э. Кивикоски, ладьевидные литые браслеты. На основе импортных образцов возникает местное производство, создаются новые варианты предметов украшений (к примеру, ладьевидных браслетов). В украшениях одежды использовались бронзовые спиральки.

С XI в. начинается новый этап в развитии карельского общества. Могильники этого времени содержат значительно большее количество разновременных захоронений. Следовательно, они принадлежат уже местным общинам, хотя и остаются по обряду и инвентарю западно-финскими по форме. Карелия входит составной частью в область распространения западно-финской культуры. В сущности, со второй половины эпохи викингов эту культуру правильнее называть общепинской, поскольку она охватила территорию

расселения всех трех средневековых финских племен: суми, еми и карел. Однако одна важная особенность проявляется уже на этом этапе, предшествующем сложению собственной карельской культуры. Это избирательность, предпочтение лишь части украшений, а именно — наиболее популярных в Западной Финляндии и в целом на Балтике. В западно-финскую по облику культуру здесь, в Приладожской Карелии, добавляются общебалтийские, интернациональные элементы (браслеты, фибулы, определенные типы мечей, топоров и копий). Происходит формирование определенного «вкуса». На следующем этапе эти вещи воспроизводятся на местах, и тем самым местные мастера приобретают навыки ювелирного производства. Конец эпохи викингов в Приладожской Карелии знаменуется накоплением значительного количества серебра, аккумулярованного в монетных и вещевых кладах. Таковых найдено пять. В дер. Ристсеппяля прихода Хейнйоки в 1877 г. найдено 70 западноевропейских монет, главным образом фризских, что для многих исследователей служило свидетельством прямых связей Карелии с германскими землями во вторую половину эпохи викингов (Nordman 1924: 123–124; Salmo 1948: 33; Talvio 1979: 13–14; Кочкуркина 1981: 27, № 73; Uino 1997: 214). Дата клада по младшей монете (*terminus post quem AD*) — 1068 г. В деревне Куупшала, относящейся к приходу Куркиёки, в 1866 г. был случайно обнаружен клад из «многих сотен монет», из которых лишь 43 монеты (из сохранившихся 93) оказались выкупленными нумизматическим кабинетом Хельсинкского университета. Сведения о монетах клада противоречивы, известно лишь достоверно, что он состоял из немецких, англосаксонских и датских монет. В состав клада входило также по одной ирландской, венгерской и восточной (935/936 гг.) монете. Клад, вероятно, был зарыт в начале 1050-х гг. (Salenius 1898: 59; Nordman 1921: 17–18; 1924: 124; Granberg 1966: 214–215, Talvio 1979: 12–13; 1982: 39, 49; Кочкуркина 1981: 28–29, № 76; Uino 1997: 255). В районе Кексгольма в дер. Тенкалаhti в 1842 г. найдены были две целые и часть одной восточной монеты, которые датируются 708–718, 725/726 и 832/833 гг. Принадлежность к этому кладу еще одной найденной в районе Кексгольма монеты (909/910 гг.) вызывает у исследователей сомнения (Schwindt 1893: 100; Lagus 1900; Nordman 1924: 124; Grandberg 1966: 211, 216–217; Talvio 1979: 10–11; Кочкуркина 1981: 28, № 75; Uino 1997: 269). Восточные арабские монеты (девять экз.) найдены в 1832 г. также в Рауту, где они находились в составе клада вместе с западно-европейскими монетами (восемь экз.). Монеты были снабжены ушками для подвешивания и, по всей видимости, составляли единое украшение, датированное серединой XI в. (Nordman 1924: 124; Salmo 1948: 35–36; Granberg 1966: 211–213; Talvio 1979: 7–8; Кочкуркина 1981: 25, № 71; Uino 1997: 283). Найденные в 1922 г. в деревне Вехмайнен неподалеку от Рауту серебряные монеты являлись лишь частью клада серебряных вещей, в который помимо 433 целых и 49 фрагментов западноевропейских монет второй половины XI в. (из которых 471 экз. были немецкими, 5 датскими, 3 англосаксонскими (одно подражание), 1 богемская и 1 восточная), находились подковообразная фибула типа Саль-

мо 18 (Salmo 1956), ромбоцитковое височное кольцо, привеска в виде серьги каплевидной формы с орнаментом из треугольников с вписанными в них кружочками и три целых и один фрагмент круглых пластинчатых подвесок (8117: 1–8) (Nordman 1924: 69–93, 124, Fig. 44–50; Salmo 1948: 36; Granberg 1966: 214; Talvio 1979: 15–16; Кочкуркина 1981: 25–27, № 72; Uino 1997: 286). Вещи относятся к типам, бытовавшим в XII в., что дает основание предполагать, что монеты сохранялись продолжительное время до того как оказались в земле, вероятно, во второй половине XII в.

Как видно из карт распространения находок, население уже освоило к XII в. все те районы, где находятся более поздние достоверно карельские памятники, о которых пойдет речь в дальнейшем (рис. 11, 13).

Рассмотренный нами период, в сущности, — достоверное археологическое начало известной по древнерусским летописям корелы. В это время сложилась территория распространения однотипных археологических памятников, в материале которых проявляется хронологическая преемственность на протяжении от эпохи Меровингов до эпохи викингов, прослеживается эволюция отдельных украшений.

ГЛАВА 4

Археологические памятники эпохи расцвета древней Карелии (XII–XIV вв.)

Археологические памятники XII–XIV вв. на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье со времени их обнаружения в последней четверти XIX в. безоговорочно приписываются летописному племени корела. Эти содержащие в большом количестве украшения, предметы вооружения и орудия труда могилы, как и укрепленные валами и защищенные водами Ладоги и Вуоксы городища, наглядно представляют исторически известную древнюю Карелию — Карельскую землю новгородских летописей. Соответственно и найденные в могилах и на городищах предметы стали называться карельскими. Позднее подобные вещи были найдены в Восточной Финляндии на могильниках вблизи г. Миккели в области Саво, в восточной части области Хяме и на городищах Северо-Западного Приладожья. На основании этих находок стали говорить о карельской колонизации, направленной в области Саво и Хяме. Так оформились понятия «карельские могильники», «карельские вещи» и «карельская культура». Так как эти могильники были найдены на территории, заселенной, по данным письменных источников, карелами, и существенно отличаются по погребальному обряду и инвентарю от памятников западной части Финляндии, то карельская их принадлежность казалась настолько очевидной, что исследователи, за исключением

Рис. 13. Памятники эпохи викингов (800–1050 гг. н. э.) и крестовых походов (1050–1300 гг. н. э.)
1–9 — Саккола, Лапинлахти: 1 — Хеннонмяки (могила), 2 — святилище, 3–6 — поселения Ольховка I–IV, 7 — могильник Паямяки, 8 — могильник Леплясенмяки, 9 — могильник Патъя; 10 — Рауту, Хаапакюля (могильник); 11 — Рауту, Лейникюля (могильник); 12–14 — Каукола: 12 — Коверила, Кекомьяки (могильник), 13 — Коверила, Кулхамьяки (могильник), 14 — Сяппяйнен (могильник); 15–21 — Ряйсяля: 15 — Хови, Калмистомяки (могильник), 16 — Тиверский городок, 17 — Ивасканмяки, Хайконен (могильник), 18 — Ивасканмяки, Оллинахо (могильник), 19 — Ховинсаари (могильник и поселение), 20 — Мельниково (Ряйсяля) (поселение), 21 — Кивипелто, Пенттинен (?) (поселение); 22 — крепость Корела; 23 — Кякисалми, Суотниemi (могильник); 24–31 — Хиитола: 24 — Кильпола, Ханнукайнен (могильник), 25 — Ханнола (могильник), 26 — Кавосалми (могильник), 27 — Нехвола (могильник), 28 — Мустола (могильник), 29 — Петкола (могильник), 30 — Тенхола (могильник), 31 — Кюлялахти (могильник); 32–39 — Куркиёки: 32 — Кууппала, Калмистомяки (могильник, поселение), 33 — Кууппала, Ямяки (городище), 34 — Хямеенлинна (городище), 35 — Корписаари (городище), 36 — Лопотти (городище), 37 — Сяккимьяки (могильник), 38 — Рахола, Куусиккомьяки (могильник), 39 — Виллапекко (находка топоров); 40–42 — Яаккимаа: 40 — Сур-Микли (городище), 41 — Мииннала (могильник), 42 — Сорела (могильник); 43–45 — Сортавала: 43 — Паасонвуиринвуори (городище), 44 — Риеккала, Нукутталахти (поселение), 45 — Риеккала, Рантуэ (клад); 46 — Выборгский замок; 47 — Саккола, Келья (поселение); 48 — Саккола, Рииска (поселение, могильник); 49 — Пюхярви, Салитсанранта (поселение); 50 — Метсяпиртти, Коукунниemi (могильник), 51 — Хейнйоки, Ристсеппяля (клад монетный)

К.А. Нордмана (Nordman 1924) и О. Хальстрёма (af Hällström 1948), долгое время оперировали найденными в них вещами без детального и критического анализа. Незавершенность археологических источников затрудняла их использование для исторических выводов. Этот недостаток был впоследствии устранен (Salmo 1956; Lehtosalo 1966: 22–39; Linturi 1980; 1982: 130–144; Линтури 1984: 148–155; Кочкуркина 1981, 1982; Сакса 1984; Taavitsainen 1990; Tomanterä 1994: 35–50; Uino 1997; Saksä 1998; Сакса 2006: 63–74).

Накопленный к настоящему времени археологический материал, в том числе и по соседним территориям, и вся проделанная за последние десятилетия

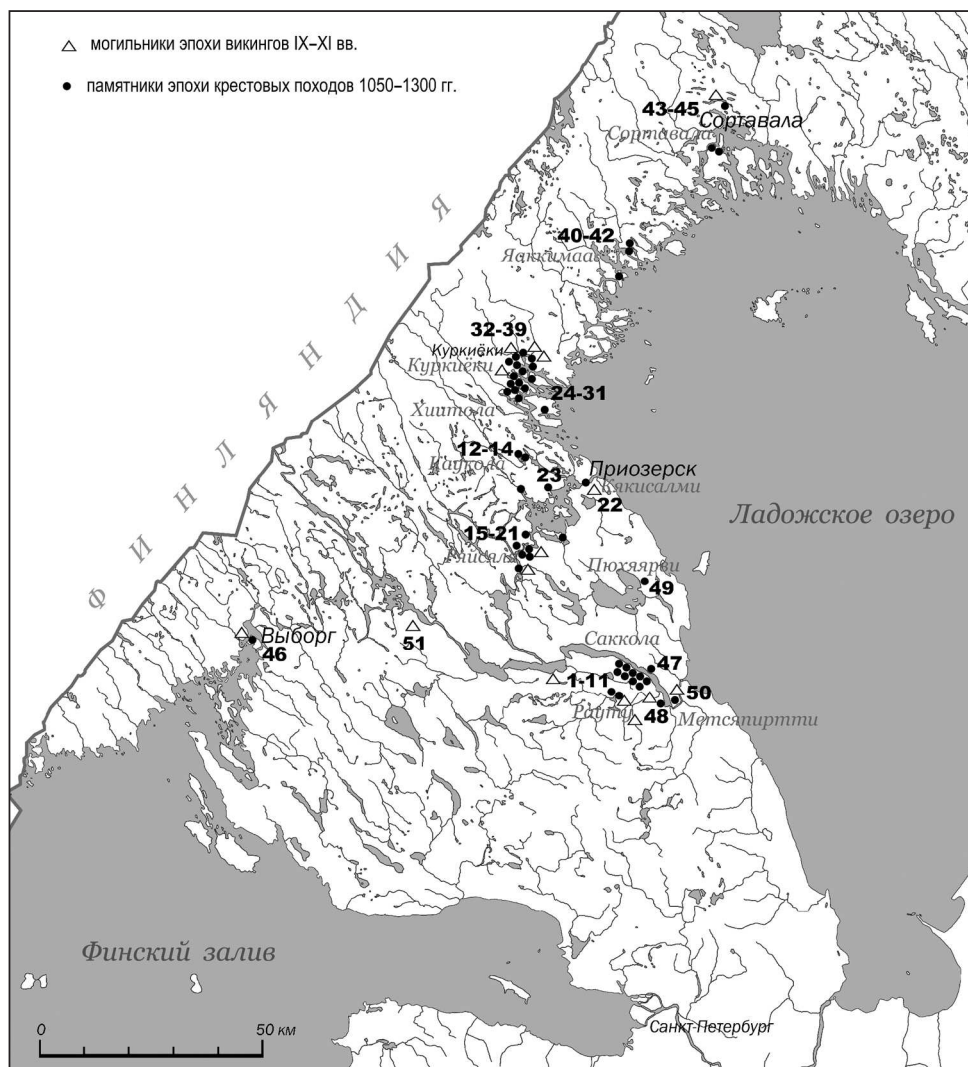

Рис. 13.

исследовательская работа позволили более обоснованно и разносторонне рассмотреть вопросы развития культуры карел, их связи с соседними территориями. Необходимо было в первую очередь выявить различные варианты погребального обряда и инвентаря погребений и среди них — типичный карельский погребальный обряд (и его варианты) и карельский комплекс вещей. Исключительно важным также было максимально точное и детальное определение хронологии памятников. Исходным материалом для работы послужил весь традиционно считаваемый карельским круг памятников, расположенных в рамках исторической Карелии и в смежных областях Финляндии (рис. 13). Перейдем непосредственно к их анализу. Прежде всего, обратимся к погребальным памятникам Карельского перешейка — основному источнику в нашей работе. Учитывая, что основная предварительная работа нами уже ранее проделана (Сакса 1984; 1990: 22–30; 2006: 282–307; 2006: 35–44; 2006: 63–74; 2006: 15–28; 2006: 141–152; 2007: 332–342; 2007: 183–205; Saksa 1985: 37–49; 1998) мы в данной работе остановимся на основных выводах и их дальнейшем развитии. В данной главе также рассматриваются отдельные находки вещей и вещи в составе кладов. Городища и сельские поселения будут рассмотрены в разделе о средневековых поселенческих центрах (глава 5).

Карельские грунтовые могильники XII–XIV вв.

Погребальный обряд

Детальная характеристика обряда погребения карельских могильников затруднена состоянием документации. Основным источником информации является публикация Т. Швиндта (Schwindt 1893). Полевая документация его раскопок не сохранилась. В публикации же автор не всегда отмечает полностью все детали погребального обряда. Встречаются в книге и несоответствия между описанием и рисунком могил. Что касается более поздних находок, то по ним имеются публикации и полевая документация, хранящаяся в архиве Музейного ведомства Финляндии.

Исследованию погребального обряда во всех археологических работах всегда уделяется большое внимание. Это обусловлено тем, что обряд является важным источником культурной и социальной реконструкции и существенным, устойчивым этнографическим признаком. Важное место занимает погребальный обряд и в определении хронологии археологических памятников. Известно, что форма обряда меняется не только во времени, но и в связи с передвижением людей.

В нашем случае, когда этнос определен и бесспорен, на первое место выдвигаются возможности рассмотрения эволюции и хронологии погребального обряда. В дальнейшем, когда с помощью вещевых комплексов будет уточнена датировка могил, мы сможем выделить общие закономерности и локальные особенности в погребальной обрядности памятников каждого хронологического этапа.

Исходя из материала имеющихся источников и следуя общепризнанной схеме, мы отобрали следующие признаки, наиболее полно передающие информацию о погребальном обряде исследуемых могил:

I — кремация, ингумация; II — грунтовая могила; III — захоронение внутри деревянной рамы (обвязки) (рис. 14); в погребальном сооружении, имеющем форму ящика с дном и крышкой из досок, поперечные стенки которого сделаны из толстых деревянных брусьев (рис. 15), в гробу, также имеющем форму ящика, но с одинаковыми по толщине стенками (рис. 16), в обычном гробу, колоде; следы погребального сооружения не сохранились (костяк найден в земле); количество погребенных, пол, ориентировка, положение останков (на спине, скорченные на боку);

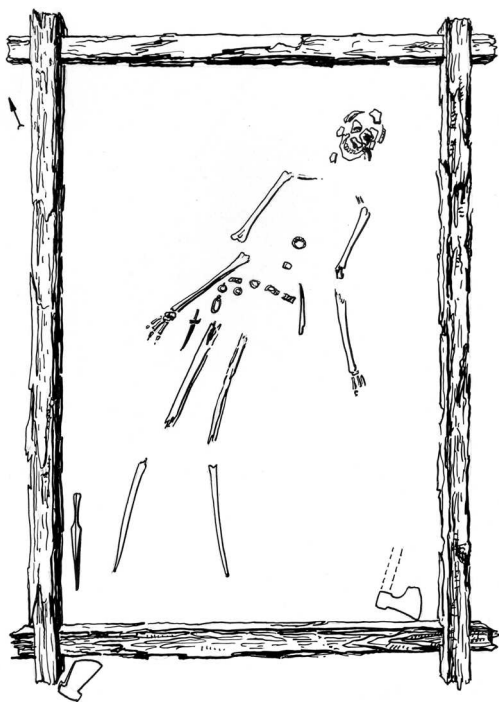

Рис. 14. Захоронение внутри деревянной рамы (обвязка)

IV — наличие каменной вымостки, камни вымостки обожжены; кости животных в вымостке; кости животных в могиле; керамика в вымостке; керамика в могиле; кости кальцинированные в вымостке; угли в могиле; окрашенная береста на вещах (умерших); V — наличие предметов убора (нагрудные украшения у женщин, кольцевидные фибулы и пояса у мужчин, набор напутственных вещей (топоры, наконечники копий и стрел, мечи, удила, нож, котлы — в мужских погребениях; серпы, ножницы пружинные — в женских могилах) в могиле, набор напутственных вещей у могилы (вне погребального сооружения), отдельные (единичные) напутственные вещи в могиле и вне ее, отдельные постоянно носимые вещи, оказавшиеся в могиле (ножи простые, кресала, кусочки кремня, пряжки поясные), а также обломки глиняных сосудов.

Учет перечисленных признаков позволяет нам охватить и отразить весь комплекс ритуальных действий, совершаемых при похоронах умершего, который сводится к подготовке умершего к захоронению, подготовке места захоронения и устройству могилы и, наконец, к самому захоронению, то есть помещению останков в могилу. Наиболее полно в археологическом материале, естественно, отражается второй и третий этапы.

Рассмотрим в первую очередь погребения с точки зрения наиболее общих признаков, характеризующих способ погребения, конструкцию погребального сооружения и вид захоронения.

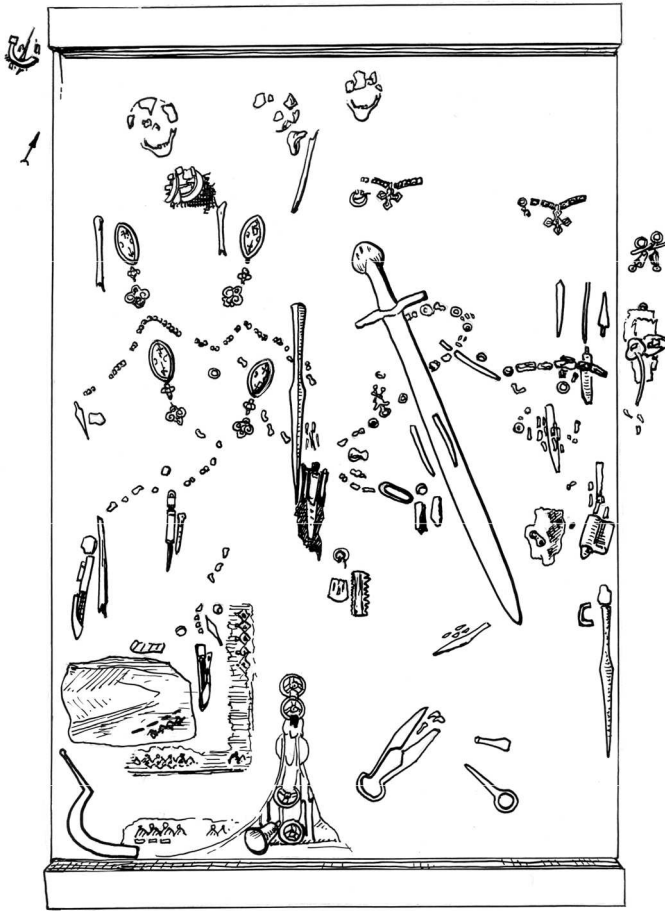

Рис. 15. Захоронение внутри погребального сооружения в форме ящика с дном и крышкой из досок с поперечными стенками из толстых брусьев

Все исследованные могильники — грунтовые. Господствующим в культуре карельских могильников являлся обряд трупоположения. Лишь в двух случаях зафиксировано трупосожжение (ТПС) на стороне: в Суотниemi, мог. 3 и Тонтинмяки, мог. 13/1888 (здесь и далее приводятся наименования могильников и номера могил с указанием года раскопок для могильника Тонтинмяки). Суотниemi (пос. Яркое), Тонтинмяки — могильник, расположенный на п-ове Ховинсаари (ныне п-ов Большой (Героев) вблизи пос. Кротово). Обе эти могилы — женские (в Тонтинмяки-13 возможно наличие мужского захоронения). По своему расположению на могильнике они не выделяются из общей массы могил. В Суотниemi-3 (№ I) (здесь и далее в скобках дается номер памятника по карте археологических памятников XII–XIV вв. — рис. 13) сгоревшие кости были помещены в круглый деревянный сосуд, уложенный в небольшую яму в песке. С юго-восточной стороны рядом

были положены серп, ножницы для стрижки овец, металлический ковшик (для разлива металла?). Эти вещи были оставлены в момент захоронения останков и не носили следов действия огня. В самом погребении часть вещей также не обожжена (костяные изделия, фрагменты тканей). После помещения останков в землю над погребением сложили каменную вымостку, на которой некоторое время поддерживали огонь (слой угля и золы). Среди камней вымостки встречены железный гвоздь, 14 фрагментов керамики и большое количество шлака. Слой углей перекрывается слоем земли с камнями. В Тонтинмяки-13/1888 кальцинированные кости были ссыпаны вовнутрь деревянной рамы, несколько меньшей, чем обычно (1,2×0,45 м), ориентированной на северо-восток. Судя по мощности слоя костей и по вещам, это — коллективная могила. По составу погребально-инвентаря обе упомянутые могилы не отличаются от остальных погребений.

Для карельских грунтовых могильников характерно значительное количество коллективных (термин условный и не означает, что все погребенные в могиле захоронены в одно и то же время, имеется в виду лишь количество погребенных) погребений. Кроме

упомянутых выше двух могил с сожжением, к таковым относятся могилы 1, 3, 4 и 5 на могильнике Кекомаки, мог. 5/1888 и мог. 9/1888 на могильнике Тонтинмяки (из перечисленных погребений только Тонтинмяки-9/1888 оказалось полностью разрушенным, а в могиле 3 в Кекомаки потревожена лишь женская половина). П.-Л. Лехтосало-Хиландер считает, что в могиле Тонтинмяки-1/1886 наряду с женщиной мог быть похоронен и мужчина,

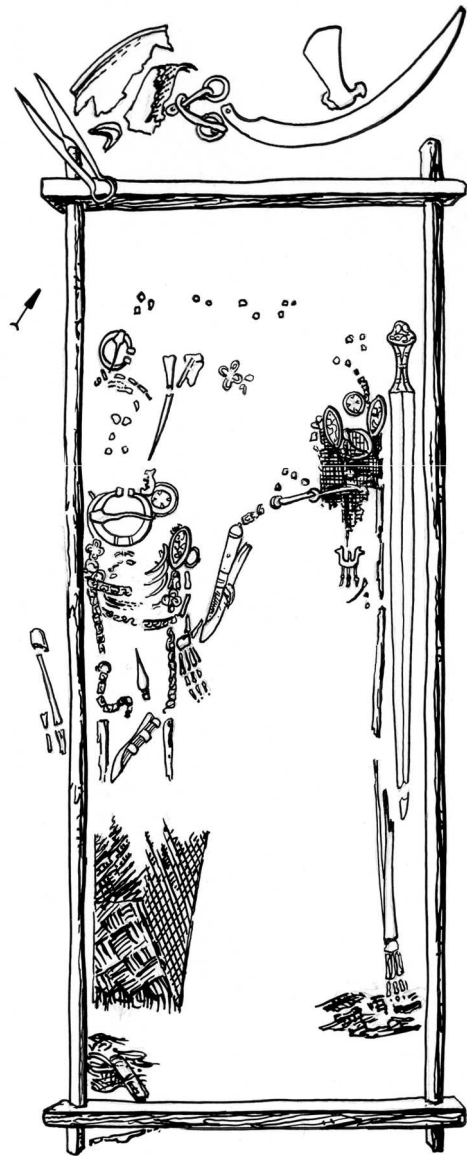

Рис. 16. Захоронение в гробу, имеющем форму ящика с одинаковыми по толщине стенками

на что, по ее мнению, указывает наличие в могиле боевого топора, поясной пряжки, еще одного ножа и одной подковообразной фибулы (Lehtosalo-Hilander 1973: 17). Однако мы склоняемся к тому, что, судя по расположению вещей в могиле и принимая во внимание остальные коллективные погребения, здесь речь идет об одиночном женском захоронении.

Все коллективные могилы представляют собой смешанные погребения мужчин и женщин, причем всегда парные: в Кекомяки в могиле 1 — две пары, в могиле 3 — одна пара, в могиле 4 — одна пара и ребенок между ними, в могиле 5 — то же, в Тонтинмяки-5/1888 и 9/1888 — по одной паре. В случаях захоронения умерших рядом друг с другом восточная часть неизменно оставалась мужской. В Кекомяки-1 мужчины, захороненные в восточной части могилы, лежали рядом друг с другом, а женщины были уложены друг на друга. В Кекомяки-3 мужчина также захоронен в восточной части могилы, а женщина — в западной части на невысоком уступе. В Кекомяки-4 два взрослых человека похоронены рядом, а между ними — ребенок. Все они лежат на правом боку, ноги у переднего согнуты в коленях, а руки — в локтях. Несмотря на почти полное отсутствие вещей в могиле, расположение ножа и поясной пряжки указывают, что и здесь мужчина был похоронен в восточной части. В Кекомяки-5 женщина находится в западной части, мужчина — в восточной, а девочка была положена очень близко к мужчине, скорее всего, даже на него. В Тонтинмяки-5/1888 женщина была положена на мужчину, а голова у нее повернута лицом направо (на северо-запад). В могиле 9/1888 умершие, видимо, были похоронены на левом боку рядом друг с другом, ноги согнуты в коленях. Так как погребение разрушено, взаимное расположение в могиле погребенных не ясно.

Остальные — одиночные погребения следует, прежде всего, разделить по половозрастному признаку. Из числа непотревоженных погребений мужскими являются могилы 1, 2 и 4 в Суотниemi, мог. 2 в Кекомяки, мог. 2 и, видимо, мог. 10 и 11/1888 (все поздние) в Тонтинмяки, погребение с оружием в Патья, безинвентарное позднее погребение в Тенхола. Женских погребений найдено больше (приводятся и случайные находки могил, сделанные местными жителями, в случае, если сохранились вещи и описание): мог. 6 в Кекомяки, мог. 1/1888 и 6/1888 в Тонтинмяки, мог. 4 в Леппясенмяки, мог. I (1917 г.) и мог. II (1931 г.) в Паямяки, найденная в 1937 г. могила на могильнике Патья, мог. 6 и мог. 21 (разрушена) на этом же могильнике, отдельное погребение в Хеннонмяки, погребение в Лейникюля, по крайней мере одна могила в Хаапакюля, погребение в Ивасканмяки, видимо, одна или несколько могил из раскопок Т. Швиндта в Хийтола, погребение на горе Сяккимяки. Могильники Леппясенмяки, Паямяки, Патья, Хеннонмяки располагались на месте современной дер. Ольховка, Лейникюля и Хаапакюля — в районе пос. Сосново, Ивасканмяки — на территории пос. Мельниково Приозерского района, Сяккимяки — в пос. Куркиёки Республики Карелия.

Таким образом, мы имеем в своем распоряжении 9 мужских и не менее 16 женских одиночных погребений. Детских погребений найдено 5: одно

в Тонтинмяки в 1887 г., три на острове Кильпола в одноименной деревне, одно в Сяппяйс. Остальные могилы были малоинвентарными или безинвентарными: Тонтинмяки, мог. 2/1886, 4/1886, два погребения из раскопок 1887, мог. 12/1888, 13/1888, видимо, три первых (разрушенных) погребения из Лепясенмяки, 19 могил на могильнике Калмистомяки, несколько могил в Кильпола, 4 могилы в Ханнола, 1 могила в Кавосалми, несколько могил в Нехвола, в Мустола, 1 погребение в Петкола, 1 целая и 4 разрушенные могилы в Тенхола, 8 могил в Калмистомяки, 5 в Рахола, 1 (??) в Мийнала, 6 в Сорола, 1 могила в Келья, 1 в Рийска, несколько могил в Салитсанранта, 1 могила в Сяппяйс, разрушенное погребение в Коукунниemi. Могильник Сяппяйс находился на месте ныне несуществующей одноименной деревни рядом с современным пос. Севастьяново, Калмистомяки — холм в пос. Мельниково, Кавосалми, Нехвола, Мустола, Петкола, Тенхола, Калмистомяки, Рахола, Мийнала, Сорола — на месте ныне несуществующих деревень в районе Хийтола — Куркиёки в Республике Карелия, Келья и Рийска — на оз. Суходольском (Удальцово и Портовое), Салитсанранта — пос. Солнечное на оз. Отрадное. Коукунниemi — ныне несуществующая деревня у восточной оконечности оз. Суходольское (рис. 13).

Общее количество найденных погребений превышает 70. Большинство их обнаружено на сравнительно поздних могильниках, где такие могилы составляют большинство. Как правило, на месте этих могил встречаются тёмная земля, керамика, угли, иногда обожженные камни. Захоронения совершены в колодах и гробах.

Рассмотрим далее погребения с точки зрения вида захоронения. Все исследуемые погребения представлены пятью основными видами захоронения: захоронение внутри деревянной срубной рамы (обвязки), концы которой выступают наружу (рис. 14); захоронение внутри погребального сооружения, имеющего форму ящика с дном и крышкой из досок (рис. 15); захоронение в гробу, также имеющем форму ящика, но с одинаковыми по толщине прямыми стенками (рис. 16); захоронение в деревянной колоде; захоронение в дощатом гробу. В погребении 3 в Суотниemi, как отмечалось, захоронение совершено в деревянном сосуде.

Захоронение внутри деревянной рамы (обвязки). К этому виду относятся мог. 4 в Суотниemi, мог. 5 в Кекомьяки, мог. 9/1888 и мог. 13/1888 в Тонтинмяки, отдельная могила в Хеннонмяки. Эта могила, хотя и представляет собой погребение внутри деревянной рамы, по составу инвентаря и месту расположения полностью отличается от остальных могил в дер. Ольховка. Поэтому мы ее в дальнейшем исключим из рассмотрения. Видимо, остатки подобной рамы выявлены в мог. 2 в Суотниemi и в мог. 14/1888 в Тонтинмяки.

Захоронения внутри погребального сооружения, имеющего форму ящика с поперечными стенками из толстых балоков: мог. 1, 2 и 3 в Кекомьяки. Следы подобного сооружения обнаружены в мог. 1/1886 и 1/1888 в Тонтинмяки. Погребения в мог. 3/1888, 4/1888, 6/1888, 7/1888, 8/1888 в Тонтинмяки

совершены внутри гробов, имеющих также форму ящика, но с одинаковыми по толщине стенками. Подобные погребения найдены и в Мустола.

Захоронения в колоде были встречены в следующих комплексах: Тонтинмяки-2, 4/1886, 11/1888, 12/1888; могилы в Нехвола, погребение в Петкола, часть могил на могильнике Патья.

Гробы и их остатки найдены на могильнике Тонтинмяки в 1887 г. (два погребения в гробах); в мог. 13 на холме Калмистомяки внутри дощатого гроба с выступающими концами погребены три человека (вещей нет); четыре могилы найдены в Ханнола.

В Тенхола человеческие кости были найдены внутри четырехугольной каменной обкладки. В остальных случаях о каких-либо погребальных сооружениях или их остатках в источниках не упоминается.

Классификация могил по признакам, характеризующим детали захоронения, а также характер и размещение погребального инвентаря, требует применения формальных методов, облегчающих работу с большим количеством признаков. Нами в диссертации на соискание степени кандидата исторических наук (1984) и в опубликованной в 1990 г. статье представлена процедура выделения основной, «карельской» группы могил (Сакса 1984, 1990с). Она состоит в том, что все признаки обряда, включая и рассмотренные выше, сводятся в одну таблицу, в которой каждой исследуемой могиле отведена определенная строка, а каждому признаку — определенный столбец. Наличие признака отмечено в таблице крестиком. В итоге на таблице оказывается представленной вся информация о погребальном обряде каждой могилы.

Дальнейшая задача состояла в том, чтобы выявить относящуюся к летописной кореле группу могил.

Прежде всего, было необходимо определить, как соотносятся между собой погребения различных видов: внутри деревянной рамы из толстых балок, в ящике с дном и крышкой из досок, в гробу, имеющем форму ящика, в колоде (гробовище) и в гробу. Из предыдущей таблицы уже видно, что большая часть погребений в гробах выделяются в самостоятельную группу могил, для которых характерны западная ориентировка, отсутствие погребального инвентаря и наличие в могилах углей и золы (здесь не учитываются могилы, имеющие лишь один признак — западную ориентировку, как относящиеся, несомненно, к позднему уже историческому времени). Это могилы 1/1887 и 2/1887 в Тонтинмяки и четыре могилы в Ханнола. Над могилами в Ханнола были найдены также обожженные камни.

Отмеченные признаки характерны и для нескольких погребений, не имеющих следов погребальных сооружений: для трех детских могил на острове Кильпола (Ханнукайнен), женской могилы в Мийнала, двух могил в Сяппайс и для разрушенных погребений в Рийска и Коукунниemi. Всего не менее 13 погребений, которые можно выделить в отдельную группу. Отдельную группу составляют также три первые могилы из Лепсясенмяки, в которых были найдены лишь обломки гончарных сосудов.

Погребения в колодах (7) также следует выделить в самостоятельную группу могил, общая особенность которых — отсутствие каких-либо вещей.

Над двумя могилами в Тонтинмяки (мог. 2/1886 и 4/1886) были прослежены слои золы, камни, угли, найдены фрагменты керамики, в то время как в других пяти могилах подобные детали захоронения вовсе отсутствовали.

Ориентировка могил этого вида различна. Могила 2/1886 в Тонтинмяки ориентирована изголовьем на ССЗ, а мог. 4/1886 — напротив, на юг. Могила 11/1888 и 12/1888 того же могильника ориентированы на запад.

Могила в Нехвола были ориентированы на С, СВ и Ю. Погребение в Петкола было ориентировано на ССВ. Захоронения в колодах выявлены также на могильнике Патья, где они располагались по линии 3–В, реже ЮЗ–СВ.

В целом следует отметить, что все погребения в колодах были найдены на тех могильниках, где были встречены также и захоронения по христианскому обряду или на поздних кладбищах, на которых вовсе не было языческих захоронений с богатым инвентарем.

Итак, погребения в колодах также выделяются по своим признакам в обособленную группу, могилы которой имеют много общих черт с отмеченными погребениями в гробах. И для тех и для других характерны общие признаки: прежде всего, отсутствие погребального инвентаря, обожженные камни и угли над могилами или возле погребенных, западная ориентировка в ряде случаев.

Могила выделенных выше видов заметно отличаются от остальных погребений, совершенных в деревянных рамах, в гробах, имеющих форму ящика и некоторых, не имеющих следов погребальных сооружений могил, для которых характерно наличие предметов убора, напутственных вещей, устойчивая северная или северо-восточная ориентировка, различные детали захоронения. В этой оставшейся группе различий между основной массой могил не наблюдается. Выделяются лишь два погребения: мог. 2/1888 из Тонтинмяки и мог. 4 из Кекомаки (табл. I). Мог. 2/1888 из Тонтинмяки, в которой похоронен один мужчина, ориентирована по линии 3–В (головой на В). Над ней зафиксирована вымостка, среди камней которой встречены угли и фрагменты керамики. Следы погребального сооружения не были обнаружены. В могиле найдены нож, овальное кресало, кусочек кремня и четыре фрагмента керамики. Расположена могила была обособленно, ниже по склону и значительно западнее остальных.

В могиле 4 из Кекомаки были похоронены два взрослых человека и один ребенок между ними, все на правом боку, головой на север. Ноги у взрослых были поджаты, а руки вытянуты вперед. Эта могила найдена в зоне расположения остальных могил, но значительно глубже (1,2 м по сравнению примерно с 0,5 м). В могиле найдены два ножа, кусочек кремня и железная поясная пряжка. Следы погребального сооружения также не выявлены. Костяки в обеих могилах хорошо сохранились, что, вероятно, указывает на их сравнительно позднее происхождение.

Если вынести из рассмотрения и эти погребения, то остается группа могил, в которую входят погребения трех видов (внутри деревянных рам

из толстых балок, в ящиках с дном и крышкой из досок, в гробах, имеющих форму ящика, а также часть могил, не имеющих следов погребального сооружения). Очевидных различий между могилами разных видов в этой группе не наблюдается. Они характеризуются, как выше отмечалось, богатым погребальным инвентарем (различные украшения костюма, бытовые вещи, предметы вооружения, орудия труда), северной или северо-восточной ориентировкой, различными деталями захоронения. По существу, эти могилы и следует называть карельскими могилами периода расцвета карельской культуры. К ним относятся могилы 1, 2, 3, 4 из Суотниemi, могилы 1, 2, 3, 5, 6 из Кекомьяки, могила 2 из Кулхамьяки, могилы 1/1886, 3/1886, 1/1888, 3/1888, 4/1888, 5/1888, 6/1888, 7/1888, 8/1888, 9/1888, 13/1888 из Тонтинмяки, могила 4 из Леппясенмяки, могилы 1917 г. и 1931 г. на могильнике Паямяки, могила 1937 г. и могила 21 на могильнике Патья, одиночные могилы в Лейниюля, Ивасканмяки и Сяккимьяки.

Две могилы с трупосожжением — мог. 3 из Суотниemi и мог. 13/1888 из Тонтинмяки — выделяются из общей массы по характеру погребения (кремация), и поэтому мы относим их к карельским могилам с оговоркой (нетипичные).

Таким образом, нами выявлены две большие, различающиеся по погребальному обряду группы могил, в каждую из которых входят погребения различных видов: погребения в гробах и колодах — в первую, внутри рам и в гробах, имеющих форму ящика, — во вторую. И в первую, и во вторую группу попадают погребения, в которых не были обнаружены следы погребального сооружения.

Третью, промежуточную группу составляют могила 2/1888 из Тонтинмяки и могила 4 из Кекомьяки.

Отмеченные выше погребения в гробах и колодах, по всей видимости, являются более поздними по отношению к группе карельских могил.

Далее, нам необходимо выявить степень сходства между карельскими могилами и выделить группы сходных могил. Но прежде нужно выяснить, можем ли мы использовать в качестве единого понятия понятие «могила» или нам следует расчленить имеющиеся коллективные могилы на отдельные погребения и пользоваться понятием «погребение». Иными словами, выяснить, различаются ли по признакам обряда между собою коллективные и одиночные могилы, с одной стороны, и мужские и женские — с другой.

Для этого сведем все могилы основной карельской группы в таблицу, в которой фиксируются также количество погребений в могиле и пол погребенных в могилах (коллективные, мужские и женские) (табл. II). В этой таблице уже отмечены лишь те признаки, которые характерны для могил периода расцвета карельской средневековой культуры. Из таблицы видно, что существенных различий между могилами этих трех групп нет. Стало быть, мы вправе оперировать понятием «могила» (погребальный комплекс). Этим же подтверждается и полная объективность выбранных нами признаков.

Некоторые различия наблюдаются лишь среди могил, представленных различными формами погребальных сооружений: деревянной срубной ра-

мой (обвязкой), погребальной камерой с дном и крышкой из досок и толстыми поперечными стенками, могилой-камерой с одинаковыми по толщине стенками, обычным гробом и не оставивших следов (рис. 14–16, табл. III).

Далее мы можем приступить к процедуре сравнения могил между собою по признакам погребального обряда. Составим для этого таблицу-матрицу, могилы в которой расположены в соответствии с таблицей II (табл. IV). Показатель сходства между каждой парой могил вычисляется по формуле $f=S^2/kl$, где f — показатель сходства, k — общее количество признаков, отмеченных крестиком для одной из сравниваемых могил, l — общее количество признаков, отмеченных для другой могилы, а S — количество признаков, одинаковых для обеих сравниваемых могил (Каменецкий, Маршак, Шер 1975: 50).

В результате ряда процедур, проделанных для упорядочения отдельных групп могил по их наибольшему сходству между собой, составим новую таблицу для могил, в которой они располагаются уже в порядке полученных групп по признакам погребальной обрядности (табл. V).

Рассмотренная формализованная процедура позволяет выделить три взаимосвязанные группы могил. Могилы первой группы (Паямяки-1917 г., Патья-1937 г., Леппясенмяки-4, Лейникюля, Ивасканмяки, Сяккимяки, Тонтинмяки-5/1888, Патья-21, Паямяки-1931) характеризуются полным отсутствием деталей захоронения и следов погребальных сооружений. Видимо, в них были гробы или им подобные сооружения из досок, которые не сохранились. В могилах этой группы отсутствуют также напутственные вещи, за исключением последних трех могил, входящих в связующую группу.

Могилы второй группы (Кекомаки-6, 5, 2, 3, 1) отличаются наличием в погребениях набора напутственных вещей, северной ориентировкой и захоронением в погребальных сооружениях, имеющих форму ящика с дном и крышкой из досок — для основного ядра могил. Захороненные в таких погребальных сооружениях были покрыты слоем окрашенной в красный цвет бересты.

Третья группа могил (Тонтинмяки-1/1886, Суотниemi-1, Тонтинмяки-4/1888, 1/1888, 8/1888, Суотниemi-2 и 4, Тонтинмяки-3/1886, 6/1888, 7/1888, Кулхамяки-2) выделяется такими характерными признаками, как наличие над могилами вымостки из камней со следами воздействия огня и углей на ней, северной ориентировкой. В вымостке обычно находились обломки гончарных сосудов, кости животных, иногда кальцинированные косточки. В могилах этой группы уже не встречаются наборы напутственных вещей, за исключением трех связующих со второй группой могил (Тонтинмяки-1/1886, —/1888, Суотниemi-1), а находятся лишь отдельные предметы вооружения или орудия труда. В них также встречаются в отдельных случаях угли, фрагменты керамики, кости животных. Захоронения совершены в гробах, имеющих форму ящика, внутри деревянных рам и в погребальных сооружениях, имеющих форму ящика с поперечными стенками из толстых балок.

Оставшиеся нерассмотренными в рамках групп могилы Тонтинмяки-8/1888, 9/1888 также тяготеют к этой группе.

Могилы с трупосожжением Суотниemi-3 и Тонтинмяки-13 стоят несколько обособленно, хотя и тяготеют более всего к могилам третьей группы.

Для всех перечисленных групп могил свойственны грунтовый способ захоронения, наличие характерного комплекса украшений, северная (или северо-восточная) ориентировка — в подавляющем большинстве случаев и в большинстве случаев — наличие приложенных вещей (предметов вооружения и орудий труда).

Считающиеся характерно карельскими признаками погребального обряда, такие как каменные вымостки над могилами и деревянные срубы (рамы), имеются лишь в нескольких могилах (табл. V).

В итоге нами выявлены две большие, различающиеся по погребальному обряду группы могил: 1 — могилы периода расцвета карельской средневековой культуры, делящиеся на три более дробные группы, и 2 — могилы без погребального инвентаря или содержащие лишь обломки гончарных сосудов. Для последних характерно также наличие в могилах углей и золы, режущей керамики. Иногда над ними прослеживаются обгоревшие камни.

Погребальный инвентарь

В данном разделе будет рассмотрен материал карельских средневековых грунтовых могил и в первую очередь те 29 погребальных комплексов, которые определены нами как относящиеся к периоду расцвета средневековой карельской культуры (вторая половина XII — начало XIV вв.) (табл. II). Они характеризуются сложившимся «национальным» набором женских украшений и большим количеством напутственных вещей в погребениях. В качестве сравнительного вспомогательного материала будут учтены и разрушенные погребения, оставшиеся нерассмотренными в предыдущем разделе, а также привлекаются вещевые аналогии из других мест.

Анализ инвентаря карельских грунтовых могил имеет первостепенное значение при решении таких актуальных и поныне не решенных вопросов средневековой истории карел, как определение хронологии археологических памятников, выявление их локальных и хронологических особенностей, облика материальной культуры и тенденции ее развития, внешних связей карел.

В нашем анализе погребального инвентаря мы пойдем традиционным путем, начав с рассмотрения отдельных категорий предметов. При этом используются уже принятые в науке типологические схемы, касающиеся различных украшений, предметов вооружения, орудий труда. Поскольку ряд украшений из карельских грунтовых могил уже ранее рассмотрен другими учеными и по ним имеются различные типологические схемы, нами они лишь дополнены и видоизменены с учетом особенностей этого материала и потребностей предлагаемого исследования. В результате разработана единая типология, по которой металлические принадлежности костюма могут сопоставляться по единым общим для всех признакам. В основу классификации были положены различие в форме и орнаментации вещей. Типы вещей выде-

лены по их форме, а варианты типов — по орнаментации. Каждый орнаментальный мотив имеет номер, что позволяет сопоставлять между собой различные украшения, имеющие сходную орнаментацию. Более подробно это оговаривается в каждом конкретном случае в тексте работы. Перейдем далее к анализу материала. Так как инвентарь мужских и женских погребений различается, следует в первую очередь разделить могилы по половому признаку, чтобы в дальнейшем инвентарь обеих групп рассматривать отдельно.

Женские могилы: а) *непотревоженные* (с полностью сохранившимся погребальным инвентарем): могилы 1/1885, 1/1888, 6/1888, 13/1888, (ТПС) из Тонтинмяки, могила 4 из Лепясенмяки, могила 6 из Кекомаки, могила 3 из Суотниemi (ТПС), две могилы из Паямяки (1917 г., 1931 г.), по одной могиле в Патъя (1937), Лейникюля, Ивасканмяки, Сяккимяки — всего 13 одиночных погребений; б) *потревоженные* (сохранилась часть инвентаря): могилы 3/1885, 4/1888, 7/1888 из Тонтинмяки, две могилы из Кулхамяки — всего 5 погребений.

Мужские могилы: а) *непотревоженные*: могилы 1, 2, 4 из Суотниemi, могила 2 из Кекомаки — всего 4 одиночных погребений; б) *потревоженные*: могилы 3/1888 и 8/1888 из Тонтинмяки — всего 2 погребения.

Коллективные погребения: Кекомаки, могила 1 (два детских погребения и два мужских), могила 3 (мужское и женское, потревожено); могила 5 (мужское и два женских); Тонтинмяки, могила 6/1888 (мужское и женское), могила 9/1888 (потревожена, мужское и женское) — всего 7 женских и 6 мужских погребений.

К вещевому набору женских погребений относятся металлические принадлежности убора (булавки и головные украшения «сюкерё», шейные ленты и застежки, скорлупообразные и подковообразные фибулы, пронизки и цепедержатели, цепочки, копоушки, ножи и ножны орнаментированные, различные подвески и привески) и сопутствующие вещи (серпы, косы, тяпки, удила, ножницы, иголки, пряслица) (табл. VII). Для мужских погребений характерны кольцевидные фибулы, поясные наборы, оружие, топоры, ремесленные инструменты (табл. VI). Как в мужских, так и в женских погребениях встречаются шейные ленты, перстни, удила.

Перейдем далее к характеристике инвентаря по группам.

Вещи, встречающиеся в достоверно мужских погребениях

а) Фибулы кольцевидные

Все найденные фибулы (всего 8 экз.) изготовлены из серебра и небольшие по величине. Одни из них представляют собой замкнутые пластинчатые кольца, у других верхняя часть перевита, а получившиеся углубления снабжены ниточкой ложной зерни (рис. 17, 3). Фибула из Суотниemi-4 (2487: 72) (здесь и далее даются шифры вещей, хранящихся в Музейном ведомстве Финляндии) (рис. 17, 4) имеет ажурную форму. На фибуле из Суотниemi-1 (2487: 2) (рис. 17, 2) на противоположных краях изображены по

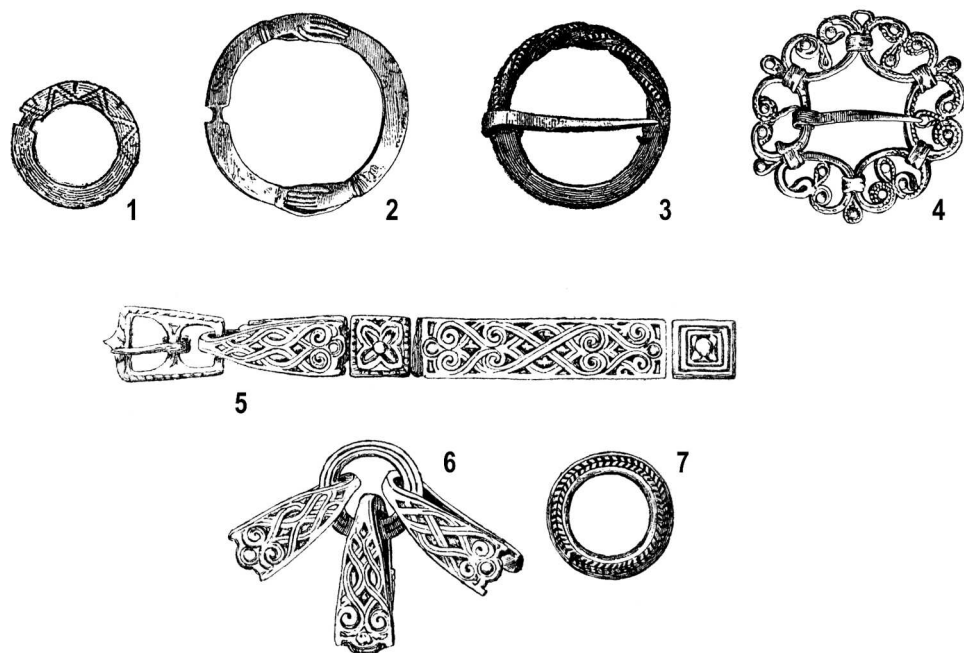

Рис. 17. Вещи из мужских погребений 1–7

1–4 — кольцевидные фибулы, 5 — пояс с пряжкой, 6 — разделитель пояса,
7 — кольцо поясоразделителя

две руки в рукопожатии. На фибуле из Кекомьяки-1 (2489: 187) по кругу расположена надпись AVE MARIA GT. Фибулы, подобные трем последним, найдены в новгородских слоях 60–80-х гг. XIII в. (ажурная фибула), 30–60-х гг. XIII в. (с надписью на дуге), 60–90-х гг. XIV в. (с руками в рукопожатии) (Седова 1981: 91, рис. 31, 16, рис. 33, 1, 2). Одна фибула с надписью AVE MARIA GT найдена в Турку и еще одна — в Миккели Тууккала (Kivikoski 1973: 132, Abb. 1050).

Фибулы с перевитой частью дуги найдены в Кекомьяки-2 и 3 (2489: 258, 331) и в Тонтиньяки-8/1888 (2592: 174). Близкие по форме фибулы найдены в Холлола Киркайланмяки и в Миккели Тууккала (Kivikoski 1973: 132, Abb. 1049). В Суотниemi-2 кольцо пластинчатой фибулы (2487: 19) украшено ломаной линией. Подобные фибулы найдены в Холлола Киркайланмяки (Kivikoski 1973: 132, Abb. 1048). Пластинчатые кольцевидные фибулы в XIII–XIV вв. были распространены во всей Северной Европе (Nordman 1924: 176–178, fig. 155–157; Blomqvist 1947: 135; Sarvas 1971: 59–62, kuv. 4; Taavitsainen 1990: 82–85, 208–209), встречаются в памятниках Ижорского плато (Спицын 1896: табл. X: 9, 10; XII: 11, XIV: 9; Мальм 1967: 188; Седов 1982: 179–181, табл. LV, 5; Рябинин 2001: 66, табл. 8; 68–70, 250, табл. XXXIV, 1–13), в Гдовских курганах (Спицын 1903: табл. XIV: 14, 21, 27) и, как уже отмечалось, в Новгороде (Седова 1959: рис. 6, 2; 1981: рис. 31, 16, 33, 1, 2).

Несомненно, кольцевидные фибулы из карельских могильников являются западноевропейским, точнее, видимо, шведским импортом.

б) Металлические детали пояса

Как правило, во всех инвентарных мужских погребениях встречаются остатки поясов, которые наряду с кольцевидными фибулами являлись основным украшением мужского костюма (рис. 17, 5). Пояса изготовлялись из кожи, на которой закреплялись различные железные и медные накладки и кольца. Пряжки различной формы изготовлялись из железа, меди (латуни?) или бронзы. Пряжки сложной конфигурации и с рельефным орнаментом отливались из меди (латуни?) и бронзы. Из 25 найденных в погребениях пряжек 15 были железными и 10 медными (латунными?) и бронзовыми. При раскопках могильника XI–XV вв. Калмистомяки на месте ныне несуществующей дер. Кууппала у пос. Куркиёки на северном берегу Ладожского озера в 1987 г. нами найдены детали пояса: лировидная пряжка, три накладки и трехчастное разделительное кольцо с двумя украшенными зооморфным орнаментом ременными наконечниками (рис. 86) (Saksa 1998: 31, 134–135, kuv. 55: 4–6). Они представляют вошедшие в конце эпохи викингов в широкий оборот в Балтийском регионе формы (Спицын 1896: табл. XIV, 23, 28; XV, 12; XVI, 3, 25, 26; Arne 1914: 141, Fig. 209; Kivikoski 1973: 121, Abb. 916 (одна из перечисленных (8885: 53) происходит из могильника Калмистомяки в Кууппала); Selirand 1989: 120–121; Eesti esiajalugu: 342, Joop. 229, 5–7; Михайлов, Соболев 2000: 222–228; Рябинин 2001: 81–82, табл. XLIV; Хвоцинская 2004: 91–93). Из могильника Калмистомяки происходят найденные в 1995 г. трехчастное разделительное кольцо и две поясные накладки рыбовидной формы (рис. 85, 4–7; 87, 2) (ср.: Arne 1914: 154, Fig. 266; Kivikoski 1973: Abb. 924 (одна (8885: 52) найдена на рассматриваемом могильнике). Железные пряжки обычно имели округлую или прямоугольную форму. Пряжки соединялись с ремнем в одних случаях непосредственно, в других — через посредство металлической пластины. Таким способом крепились как железные пряжки, так и изготовленные из цветных металлов. Иногда еще употреблялись кольца, соединенные металлическими пластинчатыми звеньями (Кекомяки-1) (2489: 122, 191, 200); Тонтинмяки-5/1888 (2592: 94, 101–105).

В состав поясных наборов входили разделительные кольца, как простые, так и разделенные перекладинами на три-четыре части. Они использовались для подвешивания к поясу различных предметов. Последних, с закрепленными на них ременными наконечниками, найдено в мужских погребениях только три: два одинаковых в Кекомяки-2 (2489: 271) (рис. 17, 5) и один в Тонтинмяки-3/1888 (2592: 37). Одно разделительное кольцо найдено в женской могиле Тонтинмяки-6/1888 (2592: 163). Значительно больше в погребениях найдено простых колец, как железных, так и бронзовых с диаметром 30–40 мм. Бронзовые кольца, как и пряжки, отлиты с рельефным орнаментом. В Кекомяки-1 ременные разделители были нашиты на большой кусок кожи, сохранившийся в ногах погребенных.

Отмеченные пряжки и другие детали поясов были распространены в XI–XIV вв. на большой территории, заселенной различными племенами. Лировидные пряжки, к примеру, найдены на территориях кочевнических, славянских, балтийских, финно-угорских и германских племен от Скандинавии и Прибалтики до Средней Азии (напр.: Спицын 1896: табл. IX, 10; 1902, табл. XVI; Nerman 1929: Abb. 126, 135; Serning 1960: 46–49, pl. 31: 16–20, 32; Stenberger 1962: Abb. 39, 41, 42; Федоров-Давыдов 1966: 44, рис. 7, Б 1; Kivikoski 1973: 118, 145, Abb. 888, 1196; Selirand 1974: 300, 304, tahv. XX, 1, 2; XXI, 8; Tönnisson 1974: tahv. XII, 1, 2; XXIV, 1, 2). Лировидные пряжки и различные накладки сердцевидной и прямоугольной формы широко представлены еще в памятниках эпохи викингов. Считается, что они распространяются в Финляндии и Прибалтике с XI в. и происходят от готландских образцов (Nerman 1929: 120, Abb. 120, 121, 126, 135; Cleve 1929: 259–260; Kivikoski 1939: 48; 1951: 22, 41, Abb. 834, 860, 1123, 1125; 1973: 118, Abb. 88). В Новгороде подобные пряжки встречены в слоях, датирующихся первой четвертью XI – 70–90-ми гг. XII в. (Седова 1981: 144, рис. 56, 1, 2, 8).

Поясному набору из могилы Кекомаки-2 (рис. 17, 5) мы не нашли аналогий, но по своей орнаментации составляющие его накладки удивительно хорошо согласуются с целым рядом найденных на рассматриваемой территории вещей. Рисунок из сплетающихся лент, составляющих регулярный мотив в виде сердцевидной пальметки со спирально загнутыми концами, встречается на многих украшениях из карельских грунтовых могильников: на накладках шейной ленты (Кекомаки-6 (2595: 113)), на серебряных овально-выпуклых подковообразных фибулах (Кулхамяки (2596: 5, 7)), Кекомаки-2 (2489: 274), 3 (2489: 326), 5 (2595: 11, 80), 6 (2595: 135); Тонтинмяки-1/1888 (2592: 1)), на копоушках (Кулхамяки (2596: 13)); Кекомаки-1 (2489: 66); Тонтинмяки-1/1888 (2592: 9)), на ножнах ножей Леппясенмяки-4 (92494: 12), на костяной поделке из Суотниemi-3 (2487: 55) и даже на рукояти меча из Каукола-Коверила (могила 3) (2489: 281) (Schwindt 1893: kuv. 8, 172, 192, 250, 251, 252, 252a, 253, 258, 279, 333; Nordman 1924: 157–160, fig. 138–142; Leppäaho 1964: 90–91, Taf. 43). Подковообразная фибула с подобным орнаментом найдена в дер. Рантуэ около Сортавалы (8121: 2) (Nordman 1924: 84–85, fig. 61, 62, 159–161, fig. 139–143; Кочкуркина 1981: 117, № 199).

Похожие мотивы прослеживаются и в орнаментации фибул типа F 4 по Айлио, все четыре экземпляра которых найдены на Карельском перешейке (Ailio 1922: 36, kuv. 17, 80, № 118, 119, 135; Кочкуркина 1981: 128, табл. 4, 2). Украшенная подобным орнаментом рукоять ножа найдена на могильнике Тууккала в области Саво, мог. 7 (Heikel 1887: 202, kuv. 10, 11).

К.А. Нордман придерживался мнения, что ленточный и пальметтовидный орнаменты характерны для карельских предметов XII–XIII вв. (Nordman 1924: 168). Своими корнями подобная орнаментация уходит в эпоху викингов Северной Европы и даже в предшествующее ей время (Nordman 1924: 161).

К сказанному можно добавить, что в Новгороде найдены поясные наборы, украшенные стилизованным растительным орнаментом, напоминающим

декор упомянутых украшений из карельских могил. Один из них относится к слою 30–60-х гг. XII в., а второй найден в слое рубежа XIII–XIV вв. (Седова 1981: 149, рис. 58; 7, 9, 15, рис. 58; 17).

Однако следует отметить, что среди массовых новгородских орнаментированных находок нет изделий, украшенных в той же самой манере, что и карельские вещи. Из опубликованных находок только ложка 12-го яруса (1281 г.) имеет орнамент из сплетающихся лент, составляющих сердцевидный узор (Колчин 1971: 13, № 40, табл. 3, 27).

в) Предметы вооружения: мечи, наконечники копий и стрел

Мечи

Наличие оружия в мужских погребениях — обычное явление для карельских могильников. Как правило, мужчина получал с собой в загробную жизнь меч и копье, несколько стрел, а также топор, который мог использоваться как в бою, так и в мирном труде.

Мечей в погребениях найдено пять: один в Суотниemi-1 (2487: 5) (рис. 18, 1) и четыре в Кекомаки, один в мог. 1 (2489: 121), второй в мог. 2 (клинок) (2489: 243), третий в мог. 3 (2489: 281) (рис. 18, 3, 3а) и четвертый в мог. 5 (2595: 75) (рис. 18, 2) (Schwindt 1893: 178–179, kuv. 27–30; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 51–72, рис. 1, 9, 11–12, 16–18, 25, 26, 29, 30, 33–39). Ширина лезвия составляет 4,5–5 см, длина мечей — около метра; наиболее длинный меч найден в Суотниemi (107 см), наиболее короткий — в Кекомаки-3 (96 см). Меч из Суотниemi-1 относится к мечам с трехчастным навершием типа II по классификации А.Н. Кирпичникова (Кирпичников 1966: 53–54; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 51, 62, 66–67, рис. 9, 25, 26). Мечи этого типа датируются XI — первой половиной XIII вв. и по происхождению являются, видимо, восточными (Кирпичников 1966: 53–54). Вместе с мечом в могиле найдены наконечник копья III типа по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 12–14) с узким и длинным пером, который датируется XII–XIII вв., и топор карельского типа, датируемый 1150–1250 гг. (Paulsen 1956: 80; Wuolijoki 1972: 31–32). Упомянутые находки, а также кольцевая серебряная фибула (см.: Sarvas 1971: 59) достаточно твердо датируют могилу XIII веком.

К этому же типу мечей (но к другому варианту — тип II А) относится клинок из Кекомаки-5, рукоять которого богато украшена растительным узором (рис. 18, 2) (Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 53, рис. 11, 29–30). Имеется целая серия из четырех подобных мечей. Остальные три меча найдены в Центральной Финляндии (Калвола), Эстонии (Паддас) и под Изборском (Малы) (Kivikoski 1973: 143, Abb. 1169; Кирпичников 1966: 54, табл. XXIX: I). К этому же типу следует отнести и меч из Саккола Кивиниemi (7810), имеющий аналогичное навершие с изображением усатого человека (Kivikoski 1973: 143, Abb. 1170). В могиле 5 из Кекомаки к западу от мужчины находились два женских погребения, вне могильной рамы найден топор карельского типа с массивным обухом, удила, ножницы и фрагменты медного котла (Schwindt 1893: 41–47). Могилу во всей совокупности погребального инвентаря так-

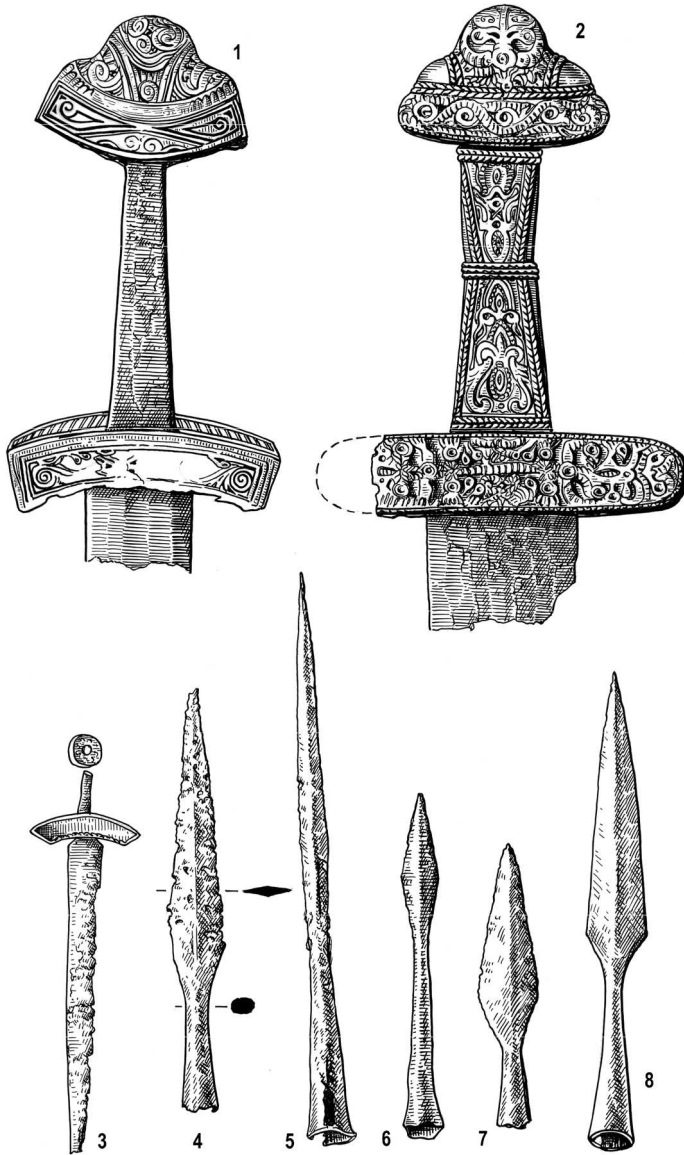

Рис. 18. Предметы вооружения из карельских могил 1–8
1–2 — мечи, 3 — кинжал, 4–8 — наконечники копий

же можно отнести в XIII в.; меч датируется XII в. (Кирпичников 1966: 54). Два остальных меча из Кекомьяки (могилы 1 и 3) с плоским дисковидным навершием и тремя расширениями на длинном перекрестьи относятся к типу VI по А.Н. Кирпичникову и датируются XII–XIV вв. при их наибольшем распространении в XIII в. (Оба меча относятся к немногочисленной группе «парадных» мечей, к которой, кроме упомянутых, относится меч из

Эура Паппиланмяки (Kivikoski 1973: 143, Abb. 1166; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 51–53, 64, 69–72, рис. 17, 33–39). Навершия и перекрестия этих мечей украшены растительным орнаментом из серебряной проволоки. Рукоять меча из могилы 3 снабжена сердцевидным орнаментом (рис. 18, 3, 3а) (Leppäaho 1984: 90–91, taulu 43), типичным также для многих карельских украшений (Schwindt 1893: kuv. 8, 29, 172, 192, 238, 250–252, 253, 279, 323, 325) (Кирпичников 1966: 55–56). В 1994 г. подобный меч был случайно обнаружен на берегу впадающего в Вуоксу ручья в пос. Мельниково на Карельском перешейке (рис. 19, 1). Из остальных предметов вооружения в первой могиле из Кекомьяки найдены наконечник ножен меча, два наконечника копий типа III по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 12–14) и три наконечника стрел (Schwindt 1893: 16–32), также датирующихся XIII в. В мог. 3, кроме меча, найдены удлиненный наконечник копья типа III по А.Н. Кирпичникову, топор скандинавского типа с прямой спинкой и четыре наконечника стрел (Schwindt 1893: 34–40). Датировка могилы на основании этих находок XIII в. подкрепляется наличием в ней серебряной кольцевидной фибулы XIII–XIV вв. (Sarvas 1971: 59–62).

Возвращаясь к мечам типа II по А.Н. Кирпичникову, отметим, что имеется две отдельные находки мечей с трехчастным навершием на Тиверском городке (502) и на острове Кильпола (3247: 10) (Kivikoski 1973: 143, Abb. 1172; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 51, 53–54, 62, 67, рис. 1, 10, 27–28).

Кроме упомянутых пяти найденных в погребениях мечей и одной случайной находки из Кивиниеми следует учесть меч упомянутого VI типа с дисковидным навершием, найденный на могильнике Патья в приходе Саккола на Карельском перешейке вместе с двумя наконечниками копий типа III А и топором типа VII по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 13–31, 39), которые дают основание датировать находку концом XII–XIII вв. Меч типа VI найден также на острове Кильпола (2298: 177) (Kivikoski 1973: 143, Abb. 1165). Еще один вариант мечей типа VI по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 55–56), характеризующийся косым срезом на диске, в результате чего тот становится 8-угольным при поперечном разрезе, представлен клинком из Куркиёк (Андерсининмяки) (6590: 2) (Kivikoski 1973: 143, Abb. 1167; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 54–57, 64, 69, рис. 1, 18, 32).

Найдены также два меча с линзовидным навершием V типа по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 54–55), в Саккола-Лапинлахти (6923) и в Метсяпиртти Коукунниемеи (5707: 3) (Kivikoski 1973: 142, Abb. 1163; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 54–55, 62, рис. 1, 12). На Западе мечи этого типа датируются 950–1250 гг. (Кирпичников 1966: 54–55), и очень возможно, что упомянутые мечи относятся к предыдущему периоду, тем более что клинок из Лапинлахти найден на месте могильника с сожжениями.

Клинок меча XII в. обнаружен при раскопках в Выборге на Замковом острове В.А. Тюленевым в 1985(?) г. (Тюленев 1987: 12). В 1995 г. на холме Калмистомьяки в Кууппала (Куркиёки) во время раскопок в пахотной земле

найден наконечник ножен меча с пальметтоподобным орнаментом распространенного в Балтийском регионе типа (Saksa 1998: 137–138, kuv. 58, 1). Ближайшие аналогии ему находятся в Эстонии и датируются XI в. и даже XII–XIII вв. (Paulsen 1953: 130–132, Abb. 192).

На Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье найдено в общей сложности 12 мечей XII–XIII вв. и три меча, которые могут относиться к предыдущему периоду или к рубежу двух периодов (Uino 1997: 377–378; Saksa 1998: 32–34; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 41–72, рис. 1).

Наконечники копий

Наконечников копий найдено всего 30 экземпляров, из них 13 встречаются в погребениях, остальные — случайные находки (рис. 17, 5–9) (Schwindt 1893: 180; Kivikoski 1973: 144, Abb. 1185, 1187; Uino 1997: 378–381, Saksa 1998: 34–35).

Большинство найденных наконечников представлены различными вариантами копий с пером удлиненно-треугольной формы (тип III по классификации А.Н. Кирпичникова (1966а: 12–14).

Обратимся, прежде всего, к найденным в погребениях наконечникам. Два из них найдены на могильнике Суотниemi в мог. 1 (2487: 6) и в мог. 4 (2487: 83), один на могильнике Кулхамяки (2488: 2), три на могильнике Кекомяки в мог. 1 (2489: 168, 223) и в мог. 3 (2489: 278) и три на могильнике Тонтинмяки, в мог. 1/1888 (2592: 12), в мог. 14/1888 (2592: 257); наконечник копья (2592: 265) найден в промежутке между могилами 8/1888 и 14/1888 (Schwindt 1893: 80). Три наконечника копий нашли на могильнике Патья, два вместе с мечом (погребение?) и один неподалеку от них отдельно (10710: 2, 6). Их короткие восьмигранные тульи инкрустированы серебром. Подобные наконечники найдены на Карельском перешейке в количестве 7 экземпляров. Остальные происходят из Ряйсяля Сяркисало (11174), Саккола Теринттила (2999: 49), Каукола Хинмяки (9011) и Муола Телккяля (11147) (Kivikoski 1973: 144, Abb. 1187).

Еще 13 наконечников копий происходят из случайных находок: пять найдены на п-ове Ховинсаари (1922: 414–416, 2298: 157, 158, 2590; 2), два в Ивасканмяки (1922: 428, 429) — небольшие наконечники дротиков, один в Лапинлахти (2520: 34), один в Ряйсяля (2298: 150) и еще два найдены в Каукола (2298: 169, 170). Один наконечник с длинной тульей найден в Куркиёки Сяккимяки (2644: 2) (Schwindt 1893: 180; Kivikoski 1973: 144, Abb. 185).

Найденный при раскопках в 1991 г. в крепости Корела наконечник копья можно отнести к эпохе викингов (см.: Kivikoski 1973: Abb. 855). Концом эпохи викингов (XI в.) датируется также случайно найденный в 1991 г. в пос. Куркиёки при строительстве частного дома наконечник копья, аналогии которому в Карелии находятся в Саккола (7291: 3), Метсяпиртти (6188: 2) и Ряйсяля (2999: 47) (ср.: Nordman 1924: 138, Fig. 115). Найденный на берегу ручья в пос. Мельниково в 1994 г. наконечник копья относится к типу G по Я. Петерсену и датируется второй половиной X–XI в. (рис. 19, 2)

Два из известных наконечников копий представляют собой ланцетовидные копья с врезным «готическим» орнаментом эпохи викингов (2298: 150,

158), один — небольшой черешковый наконечник (2298: 157). Остальные — различные варианты наконечников копий III типа по А.И. Кирпичникову, главным образом узкие и длинные и обычные, которые служили как охотничьим, так и боевым оружием. Подобные наконечники копий были широко распространены в Европе и на территории центральных и северных районов Древней Руси в XI–XIII вв. (Кирпичников 1966а: 12–14; см. также Хвоцинская 2004: 95).

Наконечники стрел

Наконечников стрел на исследуемой территории найдено 75 экземпляров, из которых 19 происходит из погребений: два из Суотниemi-2 (2487: 29 и 96 (между могил)), один из Кулхамяки (2488: 3), девять из Кекомяки: мог. 1/2489: 188–190), мог. 3 (2489: 345–348), мог. 5 (2595: 57, 58); пять из Тонтинмяки: мог. 3/1888 (2592: 52–55) (Schwindt 1893: 181; Hiekkänen 1979: 133–150). Кроме этого, наконечники стрел найдены на могильнике Ховинсаари (3472: 17) и в Лапинлахти (7901: 68, отдельная находка). В Суотниemi, на том же холме, на котором расположен могильник, при раскопках каменной вымостки в 1991 г. нами найден двушипный наконечник копья, относящийся к позднему римскому времени и эпохе переселения народов (Kivikoski 1973: 53, Abb. 315; Hiekkänen 1979: 69–71). Четыре черешковых наконечника стрел со срезанным лезвием найдены нами при раскопках средневекового могильника Кууппала в Куркиёках в 1986 и 1995 гг. (рис. 85, 3; 87, 4, 8) (Saksa 1998: 35, 132–134, kuv. 55, 3, 136–138, kuv. 58, 4, 8). 16 наконечников стрел найдено в районе г. Миккели в области Саво (Hiekkänen 1979: 133–150; Uino 1997: 381–382; Saksa 1998: 35). Как правило, наконечники стрел находились в могилах у правого плеча погребенного остриями вверх, возможно, в каком-либо футляре, следы которого не сохранились. Наконечники стрел были найдены и при раскопках городищ Хямеенлахти, Тиверского городка, Паасонвури (Appelgren 1891: 126–136; Кочкуркина 1981: 30–86, табл. 5, 1–9, табл. 10, 2–5, 12–14, 16; Saksa 1998: 35).

г) Орудия труда (топоры, мотыги, косы, серпы, ножницы, ремесленные инструменты и другие)

Топоры

Топоры (рис. 20) встречаются почти исключительно в мужских погребениях. В общей сложности в Карелии найдено около 100 топоров, из которых лишь 20 происходит из погребений (Wuolijoki 1972: 8–33). Из них часть представлена топорами типа М по Я. Петерсену (секиры, тип VII по А.Н. Кирпичникову), два из которых найдены в карельских грунтовых могилах (Тонтинмяки-1/1886 и 3/1888 (2491: 6 и 2592: 33). Остальные происходят из случайных находок и могильников конца эпохи викингов: Ряйсяля Сяркисало (3118: 9), Лапинлахти (7219: 5, 1026: 1), Метсяпиртти Коукунниemi (8113: 5), Куркиёки (2674: 3), Куркиёки Корпписаари (10542) Куркиёки Кууппала (8753: 1), Куркиёки Поскипарта (3081: 32), Куркиёки Куронен (5237: 4), Хиитола (2520: 47) (Wuolijoki 1972: 26–33, 54–58, kuv. 15; Uino 1997: 383–385; Saksa 1998: 35–36). Время их употребления в Карелии

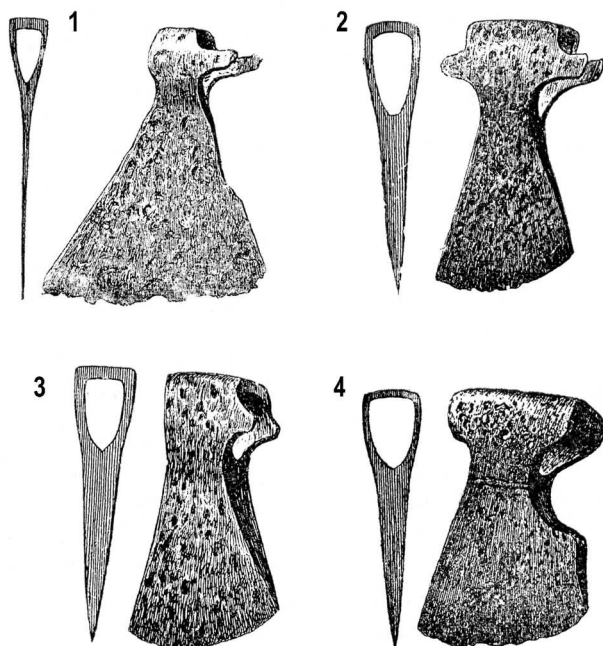

Рис. 20. Топоры из карельских могил 1–4

попадает на эпоху викингов, но топоры типа М продолжали использовать и в эпоху крестовых походов (Wuolijoki 1972: 26–31, 43).

Всего в грунтовых могилах найдено 12 топоров: четыре из них в Суотниemi: мог. 1 (2487: 100), мог. 2 (2487: 27), мог. 4 (2487: 84, 85), один — в Кулхамяки (2488: 8); три — в Кекомяки: мог. 2 (2489: 240), мог. 3 (2489: 356), мог. 5 (2595: 3); четыре — в Тонтинмяки: мог. 1/1886 — женская (2491: 6), мог. 3/1888 (2592: 33), мог. 8/1888 (2592: 177), мог. 9/1888 (2592: 183) (Schwindt 1893: 160, kuv. 39–46). Большая часть топоров имеет оригинальную местную форму, основной особенностью которой является массивная удлиненная верхняя часть (обух). Эти так называемые карельские топоры встречаются в двух разновидностях: топоры равносторонние и топоры с бородкой (рис. 20, 1–4). К первым относятся топоры из Суотниemi-1 (2487: 10, 2487: 85), Кекомяки-2 (2489: 240), Кулхамяки (2488: 8) и топоры из Куркиёки Кененен (10264) и Куркиёки Виллапекко (11263: 25) и из Ряйсяля Ракколайнен (5606: 3) и Лапинлахти (4421: 4 и 10817: 33). Три таких топора найдены на могильнике Тууккала в области Саво.

Топоры с бородкой найдены в Суотниemi-2 (2487: 27) и 4 (2487: 84), в Тонтинмяки-9/1888 (2592: 183), в Ряйсяля Уннункоски (3551: 15) и в Куркиёки Виллапекко (8831: 10). Два топора найдены на могильнике Тууккала.

Интересна находка 49 топоров различных типов на о-ве Виллапекко в Куркиёках (8753: 2, 8785: 1–2, 8831: 1–12, 8903: 1–3, 11268: 1–26, 29). Топоры случайно найдены в различное время и без каких-либо сопровождающих вещей. Большая часть их относится к эпохе викингов. Полагают, что это место могло быть культовым, а топоры приносились в жертву какому-либо божеству (Wuolijoki 1972: 39–40). При раскопках в крепости Корела в 1990 г. в слое крупнозернистого песка найден топор X–XI вв., относящийся к типу эстонского с изогнутой спинкой (Wuolijoki 1972: 9–11, 43; Saksa 1992-a: kuv. 10). Еще один подобный топор найден в 1987 г. при раскопках могильника Кууппала (Калмистомяки) в Куркиёках (Saksa 1998: 134–136, kuv. 55, 8). Девять топоров найдено в разграбленном в 1998 г. могильнике Раммансаари на п-ове Большом на оз. Вуокса (Приложение 2). Из них лишь один относится к типу карельских топоров с широким обухом.

Кроме топоров, в погребениях были найдены и другие орудия труда: изделия в виде лопаточки с изогнутой ручкой, мотыги, косы, серпы, ножницы пружинные, иглы швейные, ремесленные инструменты. Изделия в виде лопаточки с изогнутой ручкой (рис. 85, 10) найдены в количестве 5 экземпляров: одна найдена на могильнике Кекомяки между могилами (2595: 107), три найдены на могильнике Тонтинмяки, также вне могил (2592: 46, 117 и 186), четвертая найдена нами в 1987 г. на могильнике Кууппала в Куркиёках (Saksa 1998: 134–136, kuv. 55, 10). Вероятнее всего, они использовались при обработке дерева или снятии бересты (Schwindt 1893: 161–162).

Мотыги

Обнаружено одиннадцать экземпляров: две найдены между могилами 5 и 6 на могильнике Кекомяки (2595: 104, 106) и три — на могильнике Тонтинмяки (мог. 1/1886, 2491: 7), рядом с мог. 4/1888 (2492: 43), одна найдена в одном из очагов (2592: 267). Отдельные экземпляры найдены в Саккола Каллонен (7625: 3), Куркиёки Кууппала (10872: 86, не типичная), Салми Папру (4698: 3), место находки одной не известно (5832: 6) (Schwindt 1893: 174–175; Kivikoski 1973: 148, Abb. 1241). Одна мотыга найдена нами при разборке каменной кучи в дер. Ольховка (Лапинлахти) в 1980 году. При раскопках могильника Кууппала в Куркиёках в 1995 г. мотыга вместе с фрагментом косы и удилами находилась в ногах погребенного в могиле № 8, датированной XV в. (рис. 88, 1–3) (Saksa 1986: 138–139, kuv. 60, 1–3).

Косы

Найдены в количестве пяти экземпляров: одна найдена на могильнике (разрушенном) Кулхамяки (2488: 10), две — в Кекомяки: мог. 3 (2489: 35), мог. 5 (2595: 2) и две — в Тонтинмяки: мог. 1/1888 (2592: 13), мог. 3/1888 (2592: 39) (Schwindt 1893: 176). Все они найдены за пределами погребальных сооружений, при мужских могилах. Коса из Тонтинмяки-1/1888 (2592: 13) была найдена вместе с наконечником копья вблизи женской могилы, однако рядом были и другие разрушенные погребения и из одного из них и могли происходить оба предмета. Две косы происходят из могил разрушенного в 1998 г. могильника Раммансаари (Приложение 2).

Серпы

На могильниках найдено 13 экземпляров: два — в Суотниemi: мог. 3 (2487: 64), мог. 5 (2487: 100, фрагменты), два — в Кекомяки: мог. 1 (2489: 2), мог. 6 (2595: 161), три — в Тонтинмяки: мог. 1/1886 (2491: 4), мог. 4/1888 (2592: 42), один фрагмент найден на месте кузницы (Schwindt 1893: 175). Один серп (фрагмент) был найден на Паямяки (1931 г.) в Лапинлахти (9415:30), два — при раскопках могильника Патъя в этой же деревне (10817: 21, 35) (Kivikoski 1942: 79; 1973, I47–I48, Abb. 1231). Обломок серпа или косы найден нами на могильнике Калмистомяки в Куупшала (рис. 88, 2). Серпы были найдены и при раскопках карельских городищ (3 экз.), Тиверского городка и Паасонвуори (Кочкуркина 1981: табл. 6, 16; 11, 8, 9; 15, 11; 17, 8). К. Вилкуна установил, что восточно-финляндские и карельские серии имеют восточное, русское происхождение (Vilkuna 1960: 224–228).

Ножницы пружинные

Такие же обычные находки для женских погребений, как и серпы. Они найдены в Суотниemi-3 (2487: 62), в Кекомяки: мог. 1 (2489: 230), мог. 3 (2489: 377), мог. 5 (2595: 5, 56) — фрагмент, мог. 6 (2595: 140), в Тонтинмяки: мог. 1/1386 (2491: 3), мог. 1/1888 (2592: 10) — фрагмент, мог. 4/1888 (592:44) (174, s. 154). Пружинные ножницы найдены в отдельной могиле на могильнике Паямяки в Лапинлахти (9415: 31) и на могильнике Патъя в мог. 21 (10817: 12) и в разрушенном погребении (10817: 34) вместе с серпом (10817: 35) (Kivikoski 1942: 79–87). В целом в могилах найдено 10 ножниц. 1 экземпляр найден на городище Хямеэнлахти (Appelgren 1891: 126).

Иглы швейные найдены в Суотниemi-3, Кекомяки-1, Тонтинмяки-1/1888 и 13/1888, всего 12 экземпляров (10 экз. найдены в Тонтинмяки) (Schwindt 1893: 156). Они могут датироваться по новгородским аналогиям XII–XIII вв. (Колчин 1959: 66).

Ремесленные инструменты, отражающие высокий уровень развития ремесла у древних карел, найдены в погребениях, культурных слоях городищ и на месте кузницы, следы которой обнаружены при раскопках могильника на холме Тонтинмяки в Ховинсаари (Schwindt 1893: 70–71; Leppäaho 1949: 44–49; Кочкуркина 1981: 36–56, 63–66, 75–87, табл. 6, 1, 3, 4, 5, 14, 17; 11, 1–4, 6).

В погребении ремесленника из Кекомяки (мог. 2) найдены молоточек, щипцы, точильные бруски, пробойник, молотовидное железное изделие и ряд неопределенных, испорченных ржавчиной предметов. Все они лежали справа от погребенного рядом с клинком меча и топором (Schwindt 1893: 32, 33).

В кузнице из Тонтинмяки хорошо сохранился выложенный камнем пол, на котором между двух больших камней найдены много шлаков, маленькая наковальня, наральник (два?) и другие железные изделия, инструмент для волочения проволоки, фрагменты керамики (2592: 129–149) (Schwindt 1893: 70–71).

Металлический ковшик, используемый, видимо, для разлива металла, найден в женской могиле в Суотниemi (мог. 3). Большая коллекция орудий труда: молоточков, зубил, пробойников, стамесок, шильев, точильных брусков, а также тигель и волочило — собрана при раскопках на городищах

Тиверский городок и Паасонвури (Кочкуркина 1981: табл. 6, 1–5, 14–17; 11, 1–4, 6). Один тигель с сохранившимся в нем куском бронзы найден в крепости Корела в слоях первой половины XIV в. во время раскопок 1975 г. (Кирпичников 1979: 52–73).

Инвентарь женских погребений

Украшения для волос «сюкерё»

Украшение представляет собой булавку с ажурной дугой, свитой из пучков серебряной проволоки (рис. 21, 1). На Карельском перешейке найдено 7 экземпляров подобных изделий (Schwindt 1893: 124, kuv. 185; Kivikoski 1973:

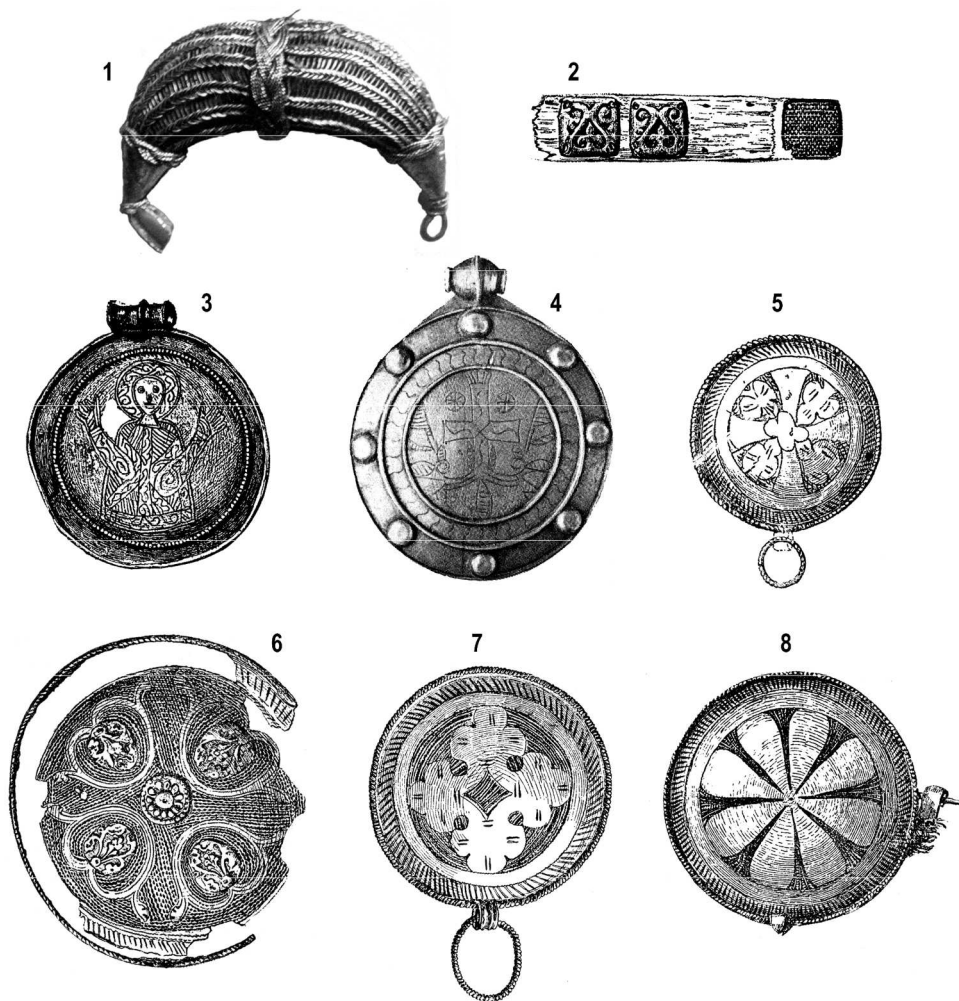

Рис. 21. Карельские женские украшения
1 — сюкерё, 2 — шейная лента, 3–8 — броши

137, Abb. 1103; Кочкуркина 1978: 58–60). Они найдены в составе кладов или на могильниках: в Хийтола Кильпола (3641: 1), Саккола Сипилянмяки (10663: 1), на Тиверском городище (2740: 1) (клады), в Леппясенмяки (отдельная находка), Патья (отдельная находка) (10817: 30), в Кекомьяки-6 (2595: 109), в Тонтинмяки-1/1888 (2592: 5). В некоторых могилах найдены бронзовые иглы со спиральной головкой, аналогичные иглам на булавах сюкерё: Кекомьяки-1 (2489: 111, два экз.) и 5 (2595: 46), Леппясенмяки-4 (2494: 43) — всего 4 иглы.

Иногда сюкерё ошибочно называют застежками для волос, хотя они служили лишь для закалывания, так как игла на булавке ни в одном из семи случаев не достает до второго петлеобразного конца.

Шейные ленты и нагрудные (круглые) застежки (броши)

Шейные ленты изготовлялись из бересты, обшитой тканью. На полученную таким образом полосу шириной немногим более 1 см нашивались позолоченные серебряные накладки круглой или прямоугольной формы (рис. 21, 2). В погребениях найдено 6 таких лент. Две ленты найдены в женских могилах в Кекомьяки-6 (2595: 113) и в Леппясенмяки-4 (2494: 20), остальные найдены в мужских погребениях в Суотниemi-1 (2487: 1), 2 экз. — в Кекомьяки-1 (2489: 344) (Schwindt 1893: 126, 141). Одна такая лента найдена на могильнике Тууккала (Heikel 1889: 47).

Нагрудные круглые застежки (броши) изготовлялись из серебра или серебра с примесью меди и украшались растительным орнаментом, центральную композицию которого обычно составлял крест различной формы (рис. 21, 3–8). Этими застежками скреплялся вырез нижней рубашки.

Нагрудные застежки встречены в женских погребениях и кладах серебряных вещей. Всего их найдено на территории Карельского перешейка 16 экземпляров, 13 — в могилах: Суотниemi-3 (2487: 50), Кулхамьяки (2596: 4), Кекомьяки-1 (2489: 106), 3 (2489: 375), 5 (2595: 14,78), 6 (2595: 114), Тонтинмяки-1/1886 (2491: 29 — свинцовая, плохо сохранившаяся), 1/1888 (2592: 4), 5/1888 (2592: 58 — плоская из бронзы), Леппясенмяки-4 (2494: 35), Патья, отдельная находка — (10817: 46) и три — в кладах серебряных вещей: Тиверский городок (2740: 17), Кильпола (3641: 2) и Сипилянмяки (10663: 2) (Schwindt 1893: 112–114; Nordman 1924: 69–89; 1945: 221–237; Kivikoski 1973: 138, Abb. 1065–1073, 1120–1122; Кочкуркина 1981: 117 (№ 196, 198), Uino 1997: 219, 298, 317–318; Saksa 1998: 37–38). Одна круглая серебряная брошь происходит из разграбленных в 1998 г. могил на п-ове Большом (Раммансаари) на оз. Вуокса (Приложение 2). Такие же броши найдены на могильнике Тууккала в Восточной Финляндии (6 экземпляров) (Heikel 1889: 190, kuv. 41–46). Одна из них, снабженная с обратной стороны рунической надписью, является прямой аналогией находке с п-ова Большой (Tomanterä 1994: 35–50). За пределами Карелии и Восточной Финляндии подобные украшения встречаются в Швеции, на Готланде, в Эстонии, в древнерусских областях (Nordman 1924: 19–59, Nordman 1945: 2; Kivikoski 1973: 134, Abb. 1065–1073, 138, Abb. 1120–1121; Корзухина 1954: 123, 144, 146). К.А. Нордман считал эти

застежки готландскими изделиями и датировал их 1150–1250 гг. (Nordman 1924: 19–59; 1945: 233). Тиверская брошь имеет, по его мнению, восточное происхождение, а застежка-медальон из Кекомьяки-6 с изображением Марии Оранты, служившая первоначально подвеской, изготовлена по южнорусским или византийским образцам. Это же касается переделанной в брошь подвески-медальона с о-ва Кильпола (Nordman 1924: 19, 45). В. Антонец полагал, что позолоченный серебряный медальон из Кекомьяки-6 был изготовлен в одном из ювелирных центров северной части Древней Руси и непосредственно связан с художественным стилем, господствовавшим в XII–XIII вв. в Киеве (Antoniewicz 1970: 50–56).

Скорлупообразные (овально-выпуклые) фибулы

Бронзовые черепаховидные (овально-выпуклые) фибулы служили наплечными застежками женского убора и одновременно носителями его остальных нагрудных металлических деталей, а именно — пронизок и цепедержателей, к которым подвешивались ножны ножей, копоушки и различные привески. Из выделенных Ю. Айлио (Ailio 1922) одиннадцати типов финских овально-выпуклых фибул на изучаемой территории найдены фибулы шести типов: С, D, E, F, H, K. (Рис. 22, 1–14). В количественном отношении они далеко не равнозначны: фибулы типов С и H исчисляются многими десятками, а типы E и K представлены единичными экземплярами. Соответственно и внимание исследователей сконцентрировалось на фибулах трех наиболее многочисленных групп. Типология фибул типа H по Айлио была детальнее разработана в статье П.-Л. Лехтосало (Lehtosalo 1966). Фибулы типов С и F по Айлио подверглись исследованию в работах Э. Линтури (Linturi 1980; 1982). Разделение фибул на типы в этих исследованиях было произведено на основе различия в орнаментации, а на группы (подтипы) — по различающимся деталям в орнаментации, присущей фибулам каждого конкретного типа. О. Хальстрём в своем исследовании происхождения финских черепаховидных фибул обратил внимание на область Хяме как исходную территорию отдельных их типов (af Hällström 1948). Ю.-П. Таавитсайнен в своей докторской диссертации обратился к рассмотрению вопросов хронологии и распространения фибул в свете новых исследований и находок (Taavitsainen 1990: 85–95). Л. Томантера, специализируясь на технике изготовления овально-выпуклых фибул, пришла на основе ее изучения к новым интересным выводам по истории происхождения фибул, процессу их изготовления и дальнейшего развития (Tomanterä 1994).

а) Фибулы типа С (с зооморфным орнаментом).

Рассмотрим фибулы с зооморфным орнаментом типов С, С1, С2, С3 (по Айлио) и их более дробные группы С1/1а, С1/1б, С1/2, С2/1а, С2/1б, С2/2, С2/3а, С2/3б, С2/4, а также такие индивидуальные группы, как фибулы с овально-заостренными концами, фибулы с закругленными концами (по Линтури) (всего 12 подгрупп) (рис. 22) (Linturi 1980: 13–55). К фибулам типа С примыкают фибулы типа D (фибулы с акантовым орнаментом), на которых зооморфная орнаментация дополнена растительными элементами (рис. 21, 8)

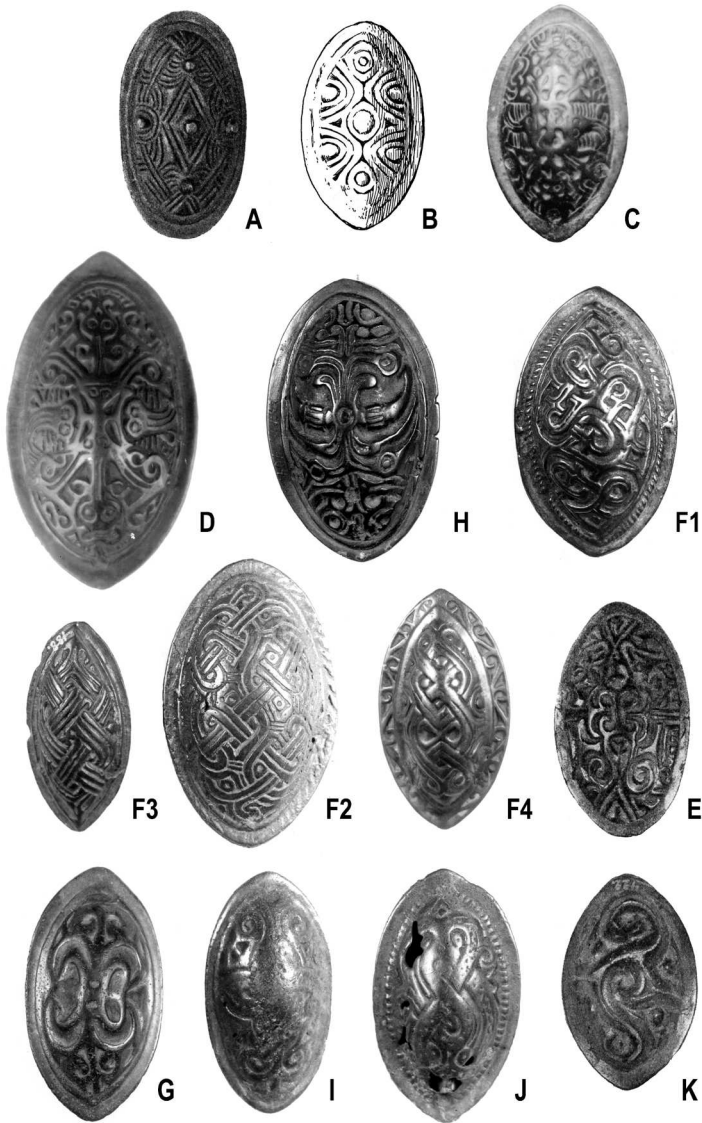

Рис. 22. Карельские овально-выпуклые фибулы. 1–14

(Ailio 1922: 28–31). В Финляндии и Карелии найдено 75 фибул упомянутых типов. За пределами этой территории насчитывается 9 экземпляров (Linturi 1980: 1, liite 1; Кочкуркина 1978: 50–51, 52; Uino 1997: 354–355; Saksa 1998: 38–39; Кирпичников 1979: 66; 1980: 14; Кирпичников, Сакса 2002: 138–141, рис. 2, 1, рис. 3, 2; Кильдюшевский 2008: 77–79, рис. 1, 2, 13). В 2004 г. две карельские фибулы с зооморфным орнаментом найдены на р. Мге (Сорокин 2006: 94–111; 2008: 106, рис. 8, 2). Происхождение фибул с зооморфным орнаментом

все исследователи, начиная с Ю. Айлио (Ailio 1922: 18–19), единодушно ведут от скандинавских скорлупообразных фибул с орнаментом в стиле «Вогге» типа 48В по Я. Петерсену (Petersen 1928: 55, fig. 48). (af Hällström 1948: 57–59; Linturi 1980: 4–10). О. Хальстрем отмечал, что на фибулах типа С1 прослеживается влияние скандинавских фибул типа 51 по Я. Петерсену (af Hällström 1948: 59). Э. Линтури дополняет, что незначительное сходство в отдельных деталях можно отметить и на фибулах типов 37 и 44 по Я. Петерсену, а также на скандинавских равноплечных фибулах (Petersen 1928: 67, 69; Kivikoski 1973: 93, Abb. 673), на которых, как и на фибулах типа 51 по Я. Петерсену, проявляется изображение звериной морды, схожей с фигурой на нижнем конце фибул типа С1 (Linturi 1980: 4). Однако исследовательница обоснованно заключает, что наиболее достоверный прототип фибул типа С — это восточно-скандинавские скорлупообразные фибулы типа 48В по Я. Петерсену, с которыми карельские фибулы имеют наибольшее сходство в орнаментальной композиции (Linturi 1980: 5–8, 14). По некоторым деталям орнаментации скандинавским фибулам типа 48В близки и более поздние по отношению к фибулам типа С1 фибулы типа С2 (Linturi 1980: 48–49). Фибулы типа 48 по Я. Петерсену найдены в Прибалтике и на Руси, в частности, в Юго-Восточном Приладожье (Гиттола) (Raudonikas 1930: 68, 97, Abb. 90). Наличие подобных изделий в Приладожье не оставляет сомнений в том, что карелы были знакомы с ними и переняли форму и орнаментацию этих фибул.

Фибулы группы С1 (подгруппы С1/1а, С1/1б, С1/2 (по Линтури)).

Общее количество — 13 экземпляров. Девять из них найдены на территории Финляндии. По одному экземпляру найдено на острове Кильпола (3247: 13) (С1/1а) и на городище Паасонвури близ г. Сортавалы (С1/1б) в Северо-Западном Приладожье, на могильнике Тууккала (мог. 22) в области Саво (С1/1б) и на Ижорском плато (Инкере) (Linturi 1980: 13; Линтури 1984: 148–155; Кочкуркина 1980: 84, табл. 9: 4).

Подгруппа С1/1а состоит из четырех фибул, найденных в Виитасари (2605: 1), на острове Кильпола (3247: 13), в Перниё Паарскуля (10794) и в Хаухо Мяннистонмяки (9766: 7) (Linturi 1980: 14–15). Фибулы настолько одинаковы, что можно предположить возможность их изготовления в одной мастерской. Две фибулы этой группы (10794 и 9766: 7) были найдены на могильниках с сожжениями XI в.

Подгруппа С1/1б включает в себя три фибулы из разных мест: Миккели Тууккала (2481: 209), Инкере Войскорово (5411: 1), городище Паасонвури. Фибулы этой группы отличаются от фибул предыдущей группы лишь высотой и крутизной рельефа. Все фибулы этой группы найдены на могильниках вне могил, лишь одна из них происходит из погребения 22 на могильнике Тууккала (2481: 209). Эта фибула найдена в паре с фибулой типа Н, двумя крестообразными цепедержателями, ножом, бронзовыми бусинами и другими вещами (Heikel 1889: 209–210). О. Хальстрем датировал могилу началом или первой половиной XII в. (af Hällström 1948: 58, 66). П.-Л. Лехтосало датирует это погребение XIII в. (Lehtosalo 1966: 33–35). Э. Линтури полагает,

что фибула типа С1/1в из погребения 22 старше самой могилы и не может датироваться XIII в., так как она представляет типологически более раннюю ступень (Linturi 1980: 72–73).

Подгруппа С1/2 состоит из пяти фибул: две найдены в Калвола Пахнаймяки (5960: 9, 10), одна — в Урьяла Ванхакюля (7276: 3), одна — в Саксмяки (10201: 15) и одна — в Янаккала Макасинмяки (11938: 1), то есть все найдены за пределами Карелии, в центральной Финляндии (Linturi 1980: 16–18). Эти фибулы, по мнению Э. Линтури, также могли быть изготовлены по одной модели и в одной кузнице (Linturi 1980: 18). Четыре фибулы этой группы (5960: 9, 1; 10201: 15 и 11938: 1) найдены в погребениях второй половины XI — начала XII в. (Linturi 1980: 75–77).

В итоге выясняется, что фибулы группы С1/1а найдены на могильниках с сожжениями XI в., а фибулы типологически более младшей группы С1/2 найдены в погребениях с труположениями, выявленных на могильниках с погребениями по обряду трупосожжения, датируемых второй половиной XI в. или XII в. Поэтому Э. Линтури считает возможным их изготовление уже в середине XI в. Фибулы группы С1/1b найдены в комплексе с вещами XII в. или даже XIII в., при том, что они по Э. Линтури находятся на той же ступени типологического развития, что и фибулы группы С1/1а. Исследовательница объясняет это более продолжительным бытованием и изготовлением этих фибул (Linturi 1980: 78).

Фибулы группы С2 (подгруппы С2/1а, С2/1b, С2/2, С2/3а, С2/3b, С2/4, индивидуальные фибулы с заостренными концами и фибулы с закругленными концами (по Линтури)).

На территории древней Карелии найдено 23 экз. Одна целая фибула и обломок второй найдены при раскопках в крепости Орешек (Кирпичников 1979: 66; 1980: 14; Кирпичников, Сакса 2002: 141, рис. 3, 2; Кильдюшевский 2008: 77–79, рис. 1, 2, 13).

Подгруппа С2/1 включает 17 фибул, из числа которых 13 идентичных между собой фибул составляют подгруппу 1а, а оставшиеся четыре — подгруппу 1b.

В подгруппу С2/1а входят следующие фибулы: 5 экз. из Тууккала (2481: 50, 279, 28–1, 324, 329), 2 экз. из Висулахти (13441: 18, 28), 2 экз. из Миккели Сакастинмяки, 3 экз. из Хиитола (2298: 185; 186, 2520: 40) и одна из Куркиёк (3108: 4). Это серийная группа (Linturi 1980: 27–30). Шесть фибул этой подгруппы (2481: 279, 284; 2481: 324, 329; 13441: 18, 28) найдены в женских могилах (Миккели, мог. 36 и 40; Висулахти, мог. III), которые трудно однозначно датировать из-за недостаточной разработанности хронологии карельских женских украшений. В Висулахти-III найден серебряный позолоченный перстень типа рис. 1097 по Э. Кивикоски (Kivikoski 1973: 136), а во рту погребенной — брактеат XIII в. (Sarvas 1972: kuv. 9).

Подгруппа С2/1b состоит из четырех фибул, две из которых найдены в Ряйсяля Ивасканмяки (вероятно, в погребении) (3130: 10, 11) и две — в могиле Висулахти-XIV (13769: 97, 98). Фибулы из Ивасканмяки идентичны

и похожи на фибулы подгруппы С2/1а. Различна лишь крутизна рельефа. Непосредственная связь наблюдается и между парой фибул из Висулахти и фибулами упомянутой серийно выполненной подгруппы С2/1а. Обе могилы по Э. Линтури датируются второй половиной XII в. (Linturi 1980: 30–31, 80–81). Однако в Ивасканмяки среди прочих вещей найдена простая кольцевидная фибула, подобная тем, которые связываются с торговлей Ганзы и датируются XIII–XIV вв. (Blonqist 1947: 135; Kivikoski 1951: 29; Sarvas 1971: 59).

Подгруппа С2/2 представлена тремя фибулами: Миккели Висулахти, мог. VI (13769: 38), Хиитола Кюлялахти (9533: 1), одна происходит из Швеции, из Экебю в Оланде (случайная находка) (Linturi 1980: 31–32). Лишь одна фибула из Миккели происходит из погребения, где были еще найдены Ф-образная пронизка, бронзовые бусины, фрагмент кольчужной цепи и позолоченный перстень того же типа, что и в погребении III этого же могильника. Эта находка может служить указанием на то, что фибулы групп С2/1а и С2/2 сосуществовали (Linturi 1980: 81).

Подгруппа С2/3 включает 15 фибул, из которых 10 идентичных фибул составляют подгруппу С2/3а, а остальные 5 фибул — подгруппу С2/3б. Подгруппа С2/3а: Суотниemi-3 (2487: 46), Кекомаки-1, 6 (2489: 70, 78, 87, 92; 2495: 119, 128), Тонтинмяки-1/1888 (2592: 6, 16) и одна из Юрва в Северной Финляндии (Linturi 1980: 33–36). За исключением последней, все остальные фибулы были найдены в погребениях, которые К.А. Нордман датировал XIII в. (Nordman 1924: 60, 80, 148). Э. Линтури, как и Ю. Айлио (Ailio 1922: 23), считает, что погребения в коллективной могиле 1 в Кекомаки были совершены в разное время: три погребения в XII в. и одно в XIII в. Могила 6 на могильнике Кекомаки и могила 1/1888 на могильнике Тонтинмяки она датирует XII в. Могила Суотниemi-3, по ее мнению, с равным основанием можно отнести как к XII в., так и к XIII в. (Linturi 1980: 86–88, 89).

Подгруппа С2/3б. Из пяти очень схожих между собой фибул этой группы лишь две найдены в погребении Леппясенмяки-4 из Лапинлахти (2494: 18, 21). Две фибулы найдены в Кексгольме (1922: 411; 2520: 49) и одна — в Кивиярви. Рисунок на поверхности этих фибул такой же, как и на фибулах подгруппы С2/3а, только рельеф более плоский. Э. Линтури считает возможным использование при изготовлении фибул этих подгрупп одной общей модели (Linturi 1980: 36–38). Датировка этих фибул затруднительна, так как найденные в погребении в Лапинлахти вещи относятся к типам XII–XIII вв. (Nordman 1924: 57–58; Linturi 1980: 89–90). Э. Линтури считает, что фибулы подгруппы С2/3б могут быть моложе фибул подгруппы С2/3а. В целом фибулы группы С2/3 датируются XII в. и, возможно, началом XIII в. (Linturi 1980: 90, 91).

Подгруппа С2/4 состоит из четырех фибул: двух найденных в Суомуссалми (5335), в Тампере Вилусенхарью, мог. 24 (17208: 132) и двух — у деревни Кирсино в бассейне р. Мги (все найдены за пределами Карелии) (Linturi 1980: 38–39; Сорокин 2008: 106, рис. 8, 2).

Индивидуальные фибулы с заостренными концами.

Эта группа составлена семью несколькими отличающимися от других по величине, деталям орнаментации и качеству исполнения фибулами, оставшимися за пределами основных групп. Две происходящие из Висулахти-5 фибулы (13759: 22, 26) идентичны. Одна из фибул найдена в Помаркку (2274) (у Ю. Айлио она значится как фибула типа D (Ailio 1922: 78, №18)), одна (2596:1) — на могильнике Кулхамяки в разрушенном погребении с сохранившимися металлическими принадлежностями женского убора (Schwindt 1893: 13–14). По одной фибуле найдено в Саккола (2924: 10), Улямаа Мюттиля (1469: 2) и на городище Паасонвури (Linturi 1980: 39–43; Кочкуркина 1981: 84, 136, табл. 9, 1). Погребение из Кулхамяки датировано 1150–1250 гг. (Nordman 1924: 58).

Индивидуальные фибулы с закругленными концами.

Все фибулы, характеризующиеся закругленностью концов, найдены за пределами Северо-Западного Приладожья и Финляндии.

Одна найдена в крепости Орешек (фибула из Орешка, по мнению Э. Линтури, случайно оказалась в слое XV в. (Linturi 1980: 92). В действительности эта фибула происходит из слоя начала XIV в. (Кирпичников 1979: 66; 1980: 14; Кирпичников, Сакса 2002: 141, рис. 3, 2; Кильдюшевский 2008: 77–79, рис. 1, 2, 13). Две обнаружены в погребении на южном берегу Ладоги у дер. Мышкино, и еще одна фибула найдена в кургане у деревни Пьянково в Костромской области (Третьяков 1931: 20; Рябинин 1986: 69–70, табл. III, 10; Linturi 1980: 92). Датируются индивидуальные фибулы, как и фибулы групп С2/1, С2/2 и С2/3 XII в., некоторые, возможно, первой половиной XIII в. (Linturi 1980: 92–93, 101).

Фибулы группы С3.

В Карелии представлены пятью фибулами, три из которых найдены в погребениях: две на могильнике Патья (10710: 1a и 1b), и одна в могиле из Лейникюля (10691: 1). Остальные фибулы найдены на полуострове Ховинсаари (531) и в деревне Тиури (фрагмент) (4661: 4). Фибулы из Ховинсаари и Патья совершенно идентичны, а фибула из Лейникюля отличается лишь более худшим качеством вторичной обработки (Linturi 1980: 96).

Группа С4.

Представлена только одной фибулой из Пюхьярви (14134) (Linturi 1980: 54).

б) Фибулы типа D (фибулы с акантовым орнаментом).

Эти фибулы по своей орнаментации примыкают к фибулам типа С. Они также происходят от скандинавских образцов. Акантовый, растительный орнамент на этих фибулах наложен на зооморфный орнамент — основу. Причем на фибулах сохраняются все шесть зооморфных фигур, а характерные завитки аканта вырастают из диагональных линий и симметрично заполняют пространство между фигурами (Ailio 1922: 28–31; Linturi 1980: 56–59; Tomanterä 1994: 41). Э. Линтури считает, что эти фибулы происходят от фибул типа С2. Они, в частности, по форме напоминают фибулы группы С2/3 (Linturi 1980: 58–59). В общей сложности известно 15 фибул этого типа, восемь из них найдены в погребениях (две в Карелии): Тонтинмяки-5/1888 (2592: 60, 77),

Тууккала-7 (трупосожжение) (2481: 144, 145), Лаппеэ Каускила (13098; 1, 2; 13365: 74), Юлямаа Мюттюля (14169: 1). Остальные фибулы найдены в Тууккала (2481: 48, 49), в Юва Суурниemi (6455), Лаппеэранта Аннила (16858), Кеуруу Лихьямо (3660: 1), Помаркку (2274), одна происходит из неизвестного места (18800) (Linturi 1980: 56–59, 97; Uino 1997: 355; Saksa 1998: 39). Четырнадцать фибул полностью идентичны и, видимо, выполнены по одной модели или в одной форме. Лишь фибула из Помаркку отличается от остальных более высоким рельефом и отдельными деталями. Все фибулы выполнены очень тщательно и, несомненно, являются изделиями первоклассного мастера. Для точной датировки этих фибул нет достаточных оснований, вероятнее всего, фибулы типа D датируются XII в. (Linturi 1980: 100). Две фибулы типа D найдены на могильнике Тууккала в могиле 7, в яме среди остатков трупосожжения вместе с фибулой типа H, которая отнесена П.-Л. Лехтосало-Хиландер к группе поздних фибул XII в. (Lehtosalo 1966: 34).

В своей работе Э. Линтури не ограничилась выделением типов и указанием комплексов и мест находок, но предприняла попытку проследить развитие фибул с зооморфным орнаментом от их общего прототипа — фибул типа 483 по Я. Петерсену (Linturi 1980: 45–49). Развитие проявляется, прежде всего, в изменении и потере старых черт и приобретении новых. На фиксации этих изменений и построен типологический ряд, который не только представляет цепочку последовательно сменяющихся групп фибул, но и включает побочные группы. Схема составлена аргументированно, она опирается на большой материал и представляется убедительной. Вызывает возражение лишь стремление автора ограничить бытование фибул XII в. вопреки имеющимся находкам из слоев начала XIV в. (Кирпичников 1979: 62–66). Она не учитывает того, что фибулы продолжали оставаться в употреблении как часть одежды и после смены обряда на христианский, когда в могилу перестали класть вещи.

Интересные наблюдения получены Э. Линтури при исследовании состава металла (путем взвешивания). К сожалению, такому исследованию подверглась лишь часть фибул. В итоге проведенного анализа было определено, что из серийных (или имеющих черты серийного производства) фибул (к серийным относятся группы: C1/2, C2/1a, C2/3a, D. Черты серийного производства наблюдаются также на фибулах групп C1/1a, C2/2, C2/4 и на трех фибулах типа C3). Четыре фибулы группы C1/2 (5960: 9, 10; 10201: 15; 11938: 1) имеют одинаковый вес и, следовательно, могли быть отлиты одновременно; пятая содержит больше олова, чем предыдущие. В группе C2/1a четыре фибулы из шести близки по весу (2481: 324, 329; 13441: 18), а оставшиеся две отлиты из более легкого металла. Вероятно, они все были изготовлены в разное время. Обе фибулы группы C2/1b (130: 10, 11) могли быть отлиты в одно и то же время. Две фибулы группы C2/2 (13769: 38; 9533: 1) изготовлены из разного металла. Из большой группы C2/3a, к сожалению, удалось исследовать лишь три фибулы: (2489: 78, 87) — из Кекомьяки-1 и (2487: 46) — из Суотниemi-3. Все они имеют одинаковую плотность, что указывает

на вероятность изготовления фибул этой группы в одно время. Две исследованные фибулы группы С2/4 (5335 и 17208: 132) также имеют одинаковую плотность. Фибулы группы С1/1а имеют большое содержание олова. Три фибулы типа С3 (531, 10710: 1а, 1б) сделаны из содержащей большое количество олова бронзы или вовсе из олова. Видимо, это одна производственная серия. В двух остальных фибулах этого типа меди содержится больше. Все фибулы типа В, за исключением одной из Тууккала, мог. 7 (2481: 145), имеют почти одинаковый вес, однако нет уверенности, что фибулы этого типа изготовлены в один прием. В целом, значительных различий в весе между фибулами различных групп не наблюдается (Linturi 1980: 63).

Следует в заключение отметить, что классификация Э. Линтури и ее наблюдения, с помощью которых стало возможным выявить серийные группы фибул и ареал их распространения, могут служить в качестве хорошего и надежного вспомогательного материала при работе и над общими проблемами карельской истории. Типологический метод, при котором во главу угла ставится анализ орнамента, оказался при работе с карельским материалом наиболее эффективным.

Подобная методика применена нами при анализе отдельных, оставшихся за рамками рассмотренных выше классификаций, категорий карельских украшений. При этом выявилось, что предметы из некоторых полученных нами групп находились в одних и тех же могилах с фибулами определенных серийных групп по П.-Л. Лехтосало и Э. Линтури. Это позволило выявить комплекс одновременно бытовавших предметов украшения и приблизительно одновременно совершенных погребений даже в тех случаях, когда в потревоженных могилах сохраняется лишь часть металлических деталей погребального убора (см. ниже в настоящей работе). Стало возможным также привязывать отдельные случайные находки предметов украшений к определенному узкому хронологическому горизонту.

в) Фибулы типа Н (с ракообразным орнаментом).

Эти фибулы (*группы Н/IA, Н/IB, Н/IC, Н/IIA, Н/IIВ, Н/IIС* по Лехтосало-Хиландер) составляют наиболее многочисленную группу — всего их найдено 105 экземпляров (рис. 22). Из этого числа 50 экз. происходят с Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья, 34 экз. — из района г. Миккели в области Саво, 9 экз. — из области Хяме, по 3 экз. найдено в Руокалаhti и Лаппеэ в Восточной Финляндии, 3 экз. — на севере страны и 1 экз. — в области Уусимаа. Места трех находок неизвестны. За пределами территории Карельского перешейка и Финляндии одна фибула найдена в Швеции, три — в крепости Орешек и на прилегающей к ней территории, три — в Новгороде (в ярусе 13 на усадьбе Е Неревского раскопа, в Троицком и Андреевском II (2 экз.) раскопах), по одной на Рюриковом городище под Новгородом и в Юго-Восточном Приладожье, Старой Ладогге и Изборске. Две фибулы найдены в 2004 г. на р. Мге (Ailio 1922: 42–57, 78–81; Lehtosalo 1966: 22–38; Tomanterä 1992: 108; 1994: 43–45; Гроздилов, Третьяков 1948: 85, табл. III; Кочкуркина 1978: 46; Седова 1981: 84; Варенов 1997: 97, 102–103;

Saksa 1998: 39–40; Кирпичников 1980: 14; Кирпичников, Сакса 2002: 138–141, рис. 2, 5, 6, рис. 3, 3; Носов, Хвошинская 2004: 126–129, рис. 2; Степанов 2004: 62, 66, рис. 4г; Кильдюшевский 2008: 77–79, рис. 1, 3; Сорокин 2008: 106, рис. 8, 1).

Группа Н/IA («двухглазные» фибулы). Эта группа состоит из четырех раздельно найденных фибул: две в Карелии: Ряйсяля Ивасканмяки (1922: 419) и Саккола Лапинлахти (4636: 2), две найдены в Миккели Тууккала (2481: 41, 42), (Lehtosalo 1966: 24, 35).

Группа Н/IB («четырёхглазные», сильно выпуклые фибулы). Состоит из трех раздельно найденных фибул: одна из них происходит из Ряйсяля Ивасканмяки (1922: 420), остальные — из Холлола Кирккайланмяки (10048: 1, 2) (Lehtosalo 1966: 24, 35).

Группа Н/IC (большие «четырёхглазые» фибулы) включает десять фибул. Три фибулы найдены в Карелии, в Саккола Лапинлахти (1922: 409; 2520: 32; 7291: 21 (Паямяки-1917)), две — в Холлола Кирккайланмяки (20450), две — в Миккели (2481: 44; 13917) и по одной фибуле найдено в Настола Рухиярви (5374: 1), Хаапаюля (7066: 1) и в Рускалаhti Хяменсаари (5374: 1). П.-Л. Лехтосало датирует фибулы группы Н/IC XI–началом XII вв. (Lehtosalo 1966: 24–25, 35–36; 1980: 66–68).

Группа Н/IIA (фибулы с округлыми концами) включает четырнадцать фибул, из которых восемь найдены в Карелии. Фибулы подразделяются на четыре подгруппы:

Подгруппа 1 состоит из девяти фибул, отличающихся уплощенностью концов. Две из них найдены в могиле Тонтинмяки-6/1888 (2592: 152, 156), две найдены около Кексгольма, вероятно, в могиле (9832: 1a, 1b) и одна — в Яаккимаа Микли (4635: 19), четыре — в Тууккала (2481: 45, 47; 2481: 119, 120). Фибулы этой подгруппы датируются XII в., вероятно, первой его половиной (Lehtosalo 1966: 28, 36).

Подгруппа 2 представлена двумя фибулами, в орнаментации которых отсутствуют поперечные листы. Одна из них найдена в Антреа Корпилахти (3310: 29), вторая — в Швеции.

Подгруппа 3 представлена фибулой из Миккели Тууккала, у которой поперечный лист верхней части имеет зубчатку (10631).

Подгруппа 4 составлена из двух фибул, не имеющих никаких характерных черт. Одна из них найдена в Кильпола (5237: 8), а вторая — в Патья (10817: 24) (Lehtosalo 1966: 36).

Группа Н/IV (фибулы со слабо заостренными концами).

В эту группу входят 54 фибулы, из которых 20 экз. найдены в Карелии. Фибулы подразделяются на три подгруппы:

Подгруппа I (Н/IV:1) состоит из восьми фибул с четким рисунком. Две найдены в могиле Тонтинмяки-1/1886 (2491: 17; 21), по одной фибуле найдено в Ряйсяля (11747), Куркиёки Соскуа (2819: 6), Акаа Тойяланйоки (2572: 404), Миккели Куухкюля, мог. V (10862: 66), Кемпеле (15500: 1) и в Тюрвянто Лепая (Lehtosalo 1966: 36).

Подгруппа 2 (Н/ПВ:2) состоит из восемнадцати выполненных серийно фибул с плоским рельефом. Прослеживается две серии; часть фибул относится к вариантам этих серий.

Серия а представлена восьмью фибулами, большая часть которых происходит из погребений. Все фибулы происходят из Карелии. Три найдены в Куркиёках, в погребении на горе Сяккияки (2053: 2а, 2в) и в деревне Терву (5446: 1), две — в могиле 5 из Кекомьяки, (2595: 17, 28) и две — в Лапинлахти (4421: 5, 9415: 2) (Lehtosalo 1966: 36–37). Исследовательница считает, что все эти фибулы были изготовлены в одной кузнице в течение короткого промежутка времени в XII в. (Lehtosalo 1966: 29–31).

Серия в представлена десятью фибулами с еще более уплощенным рельефом, чем у фибул предыдущей серии. Они также могли быть изготовлены в одной мастерской, расположенной, вероятнее всего, в районе г. Миккели, где найдена большая часть фибул этой группы: Тууккала, мог. 37 (2481: 38, 46; 2481: 298); мог. 42 (2481: 337, 339), Висулахти, мог. XV (13769: 88). Оставшиеся фибулы найдены в Ряйсяля Ивасканмяки (1922: 418), Куркиёки Терву (2011: 14), Хиитола Кильпола (5418: 19). Место находки одной фибулы неизвестно (Lehtosalo 1966: 31–32, 37). Фибулы этой серии датируются, как и предыдущие, XII в., может быть, несколько более поздним временем.

Большую часть фибул этой подгруппы следует отнести к вариантам серий а и в, так как на некоторых из них отсутствуют следы серийного производства или отдельные детали в орнаментации, либо они настолько патинизированы, что их трудно отнести к определенной серии. Эта группа состоит из 23 фибул, расположенных в приводимом списке по мере убывания общих с серийными фибулами черт: Падасёки Вирмайлансаари (1738), Сортавала Путсинлахти (2231: 27), Тууккала (2481: 39), Тууккала, мог. 37 (2431: 297), Кулхамьяки (3336: 240), Лапинлахти (Паямяки-1917) (7291: 18), Соданкюля Мутения Юдикенття (5606: 319), Туусула Сювяранта (8216). Две фибулы найдены в Мышкино на южном берегу Ладоги, места находок двух фибул неизвестны. Одна фибула происходит с Рюрикова городища под Новгородом (Носов, Хвощинская 2004: 126–129, рис. 2). Остальные фибулы найдены в Саккола Нойсниemi (1922: 410), Ивасканмяки (1922: 417), Тууккала (2481: 40), Тууккала, мог. 11 (2481: 170, 172) и мог. 16 (2481: 189, 190), Тиури (4661: 3), Лапинлахти (Паямяки-1931) (9415: 1), Муола Канниланёки (9454), Салла Каллунки (13687) (Lehtosalo 1966: 37; Uino 1997: 355–356; Saksa 1998: 40). По мнению П.-Л. Лехтосало, они изготовлены в различных литейных формах или по различным моделям. Некоторые из этих фибул производились и в XIII в. (Lehtosalo 1966: 32). Исходной формой для фибул серий а и в могли служить фибулы подгруппы Н/ПВ: 1 (подгруппа 1), так как при орнаментации была соблюдена обычная схема, но техническое исполнение рисунка более тщательное, рельеф высокий, линии четкие (Lehtosalo 1966: 32).

Подгруппа 3 состоит из пяти «индивидуальных» фибул: Тууккала-9 (2481: 156, 159), Лаппеэ Каускила (13365: 21, 26) и Яааккима Микли (5649: 3).

Группа Н/ПС (фибулы с сильно заостренными концами).

Эта группа подразделяется на четыре подгруппы.

Подгруппа 1 состоит из двух фибул, напоминающих своей орнаментацией фибулы группы В: Тууккала-1934 (9969: 2, 3).

Подгруппа 2. Фибулы с большим числом нарезок («морщинистый» вариант). К этой группе относятся четыре схожие между собой фибулы. На этих фибулах расходящиеся от центра «крылья» украшены также и на концах двумя нарезками, а отростки нижних пальметок рассекаются нарезкой (бороздкой). Рельеф фибул очень плоский, как будто рисунок выгравирован. Пара таких фибул встречена в Тууккала, в могиле 26 (2481: 226, 227), которую К.А. Нордман датирует XIII в. (Nordman 1924: 43), одна найдена в разрушенной могиле на могильнике Тууккала (2481: 43) и одна найдена в паре с фибулой типа С1 в Тууккала-22 (2481: 208) (Lehtosalo 1966: 33).

Подгруппа 3. Фибулы этой подгруппы примыкают к рассмотренным выше; у них нарезка имеется только на крыльях. Сюда относятся две фибулы из Сортавала Хюмпеля (3452: 7, 8) и фибула из мог. 7 с сожжением в Тууккала (2481: 146). В обеих могилах были встречены подковообразные фибулы с нарезкой на дуге, которые датируются в основном XII в. (Salmo 1956: 84), благодаря чему и сами могилы можно отнести к этому же времени (Lehtosalo 1966: 34).

Подгруппа 4. К ней относятся выделяющиеся своей орнаментацией фибулы из Настола Руухиярви (8115: 1) и Тууккала-3 (2481: 127). Последняя найдена в паре с фибулой, орнаментированной концентрическими линиями (тип В по Ю. Айлио) (Ailio 1922: 16–18), что позволяет датировать ее первой половиной XII в. (Lehtosalo 1966: 34).

Среди фибул типа Н есть несколько сильно поврежденных огнем, не поддающихся определению. К ним относятся фибулы из Ряйсяля Ивасканмяки (1922: 421), Суотниemi, мог. 3 (2487: 47), Куркиёки Кууппала (10670: 143) и Миккели Мойсиё (11070: 92) (Lehtosalo 1966: 38).

Из-за недостатка датирующего материала хронологическое определение фибул затруднительно, однако некоторая относительная датировка фибул возможна. Они изготовлялись, по мнению финляндских исследователей, возможно, с XI в. и по начало XII в., так как в достоверно датированных концом XIII в. погребениях их нет. Считается, что большие, узкие и остроконечные фибулы являются наиболее ранними; затем по времени следуют фибулы с округлыми концами, со слабо заостренными (овальными) концами и качественно выполненные, еще более поздние «серийные» фибулы и их варианты и, наконец, фибулы подгрупп Н/ПВ: 3 и Н/ПС: 1, которые являются, судя по инвентарю комплексов, самыми младшими (Тууккала-9, Тууккала, 1934 г., Лапшее Каускила) (Lehtosalo 1966: 35).

г) Фибулы типа F (с орнаментом в виде плетенки).

Фибулы этого типа также хорошо известны среди древностей Северо-Западного Приладожья (рис. 22). В общей сложности найдено 26 экз. из 12 мест. По различиям в деталях орнаментации они были поделены Ю. Айлио

на четыре подтипа: F1, F2, F3, F4, (Ailio 1922: 32–39; Tomanterä 1994: 41–43). Э. Линтури выделила среди них более дробные серии (Linturi 1982: 130–141).

Плетеный орнамент на фибулах, по мнению Х. Аппельгрена-Кивало, происходит от вьющихся гирлянд аканта. Композицию из переплетающихся линий он считал уже финской, хотя и сформировавшейся под восточным влиянием (Appelgren-Kivalo 1910: 84–90). Ю. Айлио, согласившись с тем, что орнамент несет финский отпечаток, отмечал, что композиция имеет иное, общеевропейское происхождение (Ailio 1922: 32–34). Плетенка на фибулах образована четырьмя шнурами, которые хорошо сопоставляются с орнаментацией западно-финских круглых фибул. На скорлупообразных фибулах змеиный орнамент развился в геометрический (Ailio 1922: 32–34). Все же это развитие нельзя называть чисто финским явлением. Орнамент, состоящий из завитков, прослеживается во всей Северной Европе и ведет свое происхождение от германской «звериной» орнаментации конца эпохи переселения народов. Отмеченная «геометризация»: шнуры, узлы, плетенка — характерна для северного стиля, в котором слились воедино стиль «Еллинг» и стиль «больших зверей».

Tun F1. Орнамент на фибулах образован узкой вьющейся двойной лентой. Тип представлен 19 экземплярами, семь из которых происходит с Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья: Суотниemi-3 (2487: 49, 65), Каукола Кулхамяки (2488: 7), Каукола Кулханпелто (5174: 395), Пюхьярви (2520: 48), по одной фибуле найдено в крепости Кореле и на городище Паасонвури. В Финляндии, в провинции Саво в Миккели найдено 6 экз., на могильнике Тууккала (2481: 51, 52 и 2481: 240, 241 — в мог. 27) и в Висулахти, мог. XXIX. Два экземпляра происходит из провинции Хяме (Настола Руухьярви Ристимяки) и один найден в Похьянмаа, в Теүся (5059: 5) (Ailio 1922: 32; Кирпичников 1979: 63, 66; Кочкуркина 1981: 83, табл. 9, 2; Linturi 1982: 130–138; Tomanterä 1994: 41–43; Uino 1997: 355; Saksa 1998: 40).

Tun F2. Орнаментальная композиция на этих фибулах составлена из симметрично расположенных на фибуле широких двойных шнуров, места соединения которых обозначены двумя-тремя штрихами. Свободные места между линиями на поверхности фибулы заполнены кружочками. По мнению Ю. Айлио, эти фибулы уже настолько отличаются от предыдущих финских фибул, что их следует рассматривать как параллельную форму развития (Ailio 1922: 34–35, kuv. 13). Пять очень схожих между собой фибул этого типа найдены на территории древней Карелии: Сортавала Каннас (2231: 26), Куркиёки Хямеенлахти (2616: 7), Каукола Коверила (6910: 30) и Саккола-Укконен (10333: 1, 2) (Ailio 1922, 34–35; Tomanterä 1992, 107; Uino 1997: 355; Saksa 1998, 41).

Tun F3. Группа представлена маленькими фибулами, орнаментальная композиция которых состоит из широкой тройной ленты, переплетающейся в виде решетки. По мнению Ю. Айлио, эта форма типологически может происходить от предыдущей (F2), где встречаются подобные детали орнаментации (элементы решетки) (Ailio 1922: 35). Три относящиеся к этому типу экземпляра также происходят из Приладожской Карелии: Каукола Кекомья-

ки, мог. 5 (2595: 82, 85) и Хиитола Кавосалми (2298: 188) (Ailio 1922: 188; Tomanterä 1992: 107; Uino 1997: 355; Saksa 1998: 41).

Tun F4. Небольшие по величине фибулы, орнамент на которых составлен из двойных широких шнуров, образующих две противоположные переплетающиеся восьмеркообразные фигуры. На двух экземплярах кромка фибулы украшена растительными акантовыми завитками. Ю. Айлио сравнивает орнаментацию этих фибул с рисунком на фибулах типа J (фибулы с орнаментом в виде гирлянды) и считает, что эта связь происходит от общих образцов или влияний (Ailio 1922: 17, 36). Следует отметить, что схожий мотив переплетающихся восьмерок с «сердцевидными» окончаниями встречается в орнаментации других найденных на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье предметов украшений: подковообразных серебряных фибул, копоушек, ножен ножей. Все три фибулы этого типа найдены на Карельском перешейке, в Саккола Лапинлахти (4636: 3), Каукола Монтонен (4636: 7) и Метсяпиртти Коукунниemi (6458: 2) (Ailio 1922: 17, 36; Tomanterä 1992: 102; Uino 1997: 355; Saksa 1998: 41).

Фибулы типа F1, по мнению Ю. Айлио, вошли в употребление в первой половине XI в., так как обе фибулы из Настола найдены на том же могильнике, где встречены и круглые финские фибулы эпохи викингов, относящиеся к концу X в. Однако на этом же могильнике есть материал и начала XII в. К наиболее младшим экземплярам фибул типа F1 можно отнести фибулу из Теуся, которая относится к погребению, в котором найден топор, датированный временем около 1100 г. (Ailio 1922: 37).

Фибулы типа F2 Ю. Айлио датирует первой половиной XI в., а фибулы типа F3 — серединой XI в. Фибулы типа F4 относит ко времени около 1000 г. или несколько более позднему (Ailio 1922: 37–38). Линтури (Linturi 1982: 136–138) относит появление фибул с плетеным орнаментом к XII в., что подтверждается современными исследованиями (см.: Tomanterä 1994: 41).

д) Фибулы типа E.

Тип первоначально получил название по месту находки первой такой фибулы в дер. Рокосина в приходе Каукола (2595: 2) (рис. 22). Ю. Айлио считал, что на этой фибуле проявляются различные орнаментальные мотивы: спирали, пальметки, отдельные черты зооморфной орнаментации. Датировал он ее первой половиной XI в. (Ailio 1922: 31–32, kuv. 10). Позднее количество находок подобных фибул волютообразными завитками поднялось до десяти. Большая их часть (6 экз.) происходит из Хяме (Хаухо Алветтула (9874), Настола Руухиярви (1 экз.), Холлола Киркайланмяки, мог. V (1 экз.) (Ailio 1922: 31–32; af Hällström 1948: 47–48, 59–60; Lehtosalo-Hilander 1980: 66–68; Hirviluoto 1981: 5; Tomanterä 1992: 106–107; Uino 1997: 355; Saksa 1998, 41).

О. Хальстрем назвал эти фибулы по месту одной находки «группой Хаухо» (af Hällström 1948: 59). Приведенные им фибулы из Хаухо и Настола отличаются от фибулы из Рокосина как по величине (длина 5 см против 7,1 см у последней), так и по орнаментации. Основной мотив на них — четыре регулярных углубления в центре, окруженные полукружьями, и отходящие от

них к концам двойные расходящиеся спирали или простые пальметки. Имеющиеся по кромке фибул нарезки О. Хальстром сопоставляет с орнаментацией финских фибул с кружковым орнаментом (тип В) и считает поэтому, что фибулы типа F возникли в Хяме под влиянием фибул типа В. Он также высказал мнение, что от «группы Хаухо» начинается длинная линия развития финских фибул (af Hällström 1948: 60).

е) Фибулы типа G.

Фибулы, украшенные рисунками в виде лилии (тип G), по мнению О. Хальстрема, являются вариантом фибул типа E и входят в эту же «хямесскую» группу фибул (рис. 22). Они, как и фибулы «группы Хаухо», датируются XI в. (af Hällström 1948: 47–49, 60). Известны девять подобных фибул, шесть из которых происходят из Хяме и лишь одна с Карельского перешейка, из Пюхьярви (9172: 2). Одна фибула в паре с фибулой типа A найдена в Швеции, в Гротреске и одна – в Новгороде в ярусе 13 на усадьбе E (Ailio 1922: 39–42; af Hällström 1948: 47–49, 60; Tomanterä 1992: 107; Варенов 1997, 99, 103). Датировку этих и других фибул «хямесской» группы уточняют результаты радиоуглеродного датирования могилы V/1978 на могильнике Холлолан Киркайланмяки, относящие ее ко второй половине XII в. (Taavitsainen 1990: 78, 84; Saksa 1998: 41).

ж) Фибулы типа I.

Фибулы с крестообразным узором (тип I) также типологически связываются с фибулами «группы Хаухо» (тип E), так как на них имеются спиралевидные завитки на обоих концах (рис. 21, 13). Все три фибулы этого типа найдены за пределами Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья (Ailio 1922: 59–60; af Hällström 1948: 48, 60).

з) Фибулы типа J.

Фибулы, украшенные рисунком в виде гирлянды (тип J), также немногочисленны; из пяти идентичных между собой экземпляров лишь одна найдена на Карельском перешейке на Тиверском городке (Кочкуркина 1981: 44, табл. 4, 2; Ailio 1922: 59, 60; af Hällström 1948: 62) (рис. 22).

и) Фибулы типа K.

Фибулы со спиралевидным узором (тип K) представлены двумя различными по орнаментации изделиями. Одна из них с орнаментом в виде знака § найдена на Карельском перешейке в Ряйсяля (1922: 422) (рис. 22) (Ailio 1922: 60, 61; af Hällström 1948: 62, 63).

к) Фибулы типа B.

Фибулы с семью концентрическими кругами в центре и по периметру поверхности типа B по Айлио на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье не встречены. На территории Финляндии лишь на могильнике Тууккала в области Саво найдены два подобных изделия (Ailio 1922: 16–18). Одна фибула типа B происходит из Новгорода (Нутный раскоп) (Варенов 1997: 101, 103).

Пронизки

Пронизки Ф-образной формы являлись неотъемлемой частью карельского (как и в целом прибалтийско-финского) женского праздничного убора

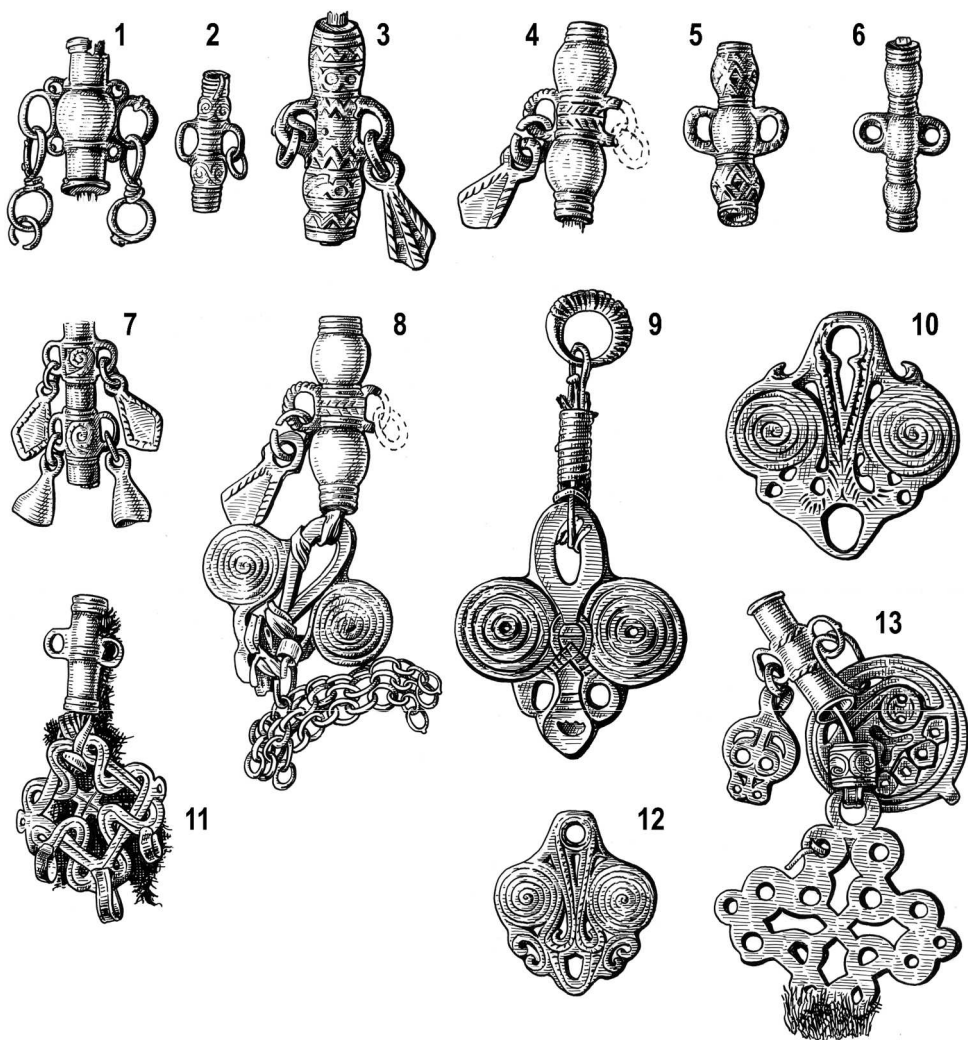

Рис. 23. Пронизки 1–7, цепедержатели 8–13

(рис. 23, 1–8). Зачастую они снабжались привесками различной формы. На Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье их найдено в общей сложности 35 экз., из которых 28 экз. — в погребениях и 2 экз. — на поселениях (Schwindt 1893: 129; Кирпичников 1979: 65; Кочкуркина 1981: 44, табл. 4, 4; Saksu, Uino, Niekkanen 2003: 404–406).

Все известные пронизки поделены нами на два типа, подразделяющиеся на несколько вариантов (Saksu 1990a: 69–73; 1998, 42–43, kuv. 5: 1–8, рис. 22, 1–7). В основе деления на типы лежит форма пронизок (количество ушек), в основе деления на варианты — расположение ушек и орнаментация.

Тип I — пронизки с одной парой ушек.

Тип I, вариант 1 — неорнаментированные пронизки с ушками на центральном утолщении (I:1).

Тип I, вариант 2 — орнаментированные пронизки с ушками в центре между двумя крайними утолщениями: а — орнамент в виде спирали, б — орнамент в виде волнистой линии, с — шнуровой орнамент (I: 2а, I: 2б, I: 2с).

Тип I, вариант 3а — пронизки, концевые утолщения которых орнаментированы продольными расходящимися ромбовидными нарезками, ушки расположены на центральной утолщенной части (I: 3).

Тип I, вариант 3б — концевые утолщения не орнаментированы.

Тип II — пронизки с двумя парами ушек.

В количественном отношении пронизки распределяются по типам и вариантам следующим образом: I: 1 — 6 экземпляров: 4 экз. происходят из погребений в Кекомьяки: мог. 1 (2489: 88), мог. 6 (2489: 123, 131) и Тонтинмяки-5/1888 (2592: 63). 1 экз. найден на Ховинсаари и еще одна пронизка встречена при раскопках на Тиверском городке. Одна подобная пронизка найдена на могильнике Тууккала в области Саво (отдельная находка) (2481: 57).

I: 2а — 6 экземпляров: 3 экз. найдено в Кекомьяки, мог. 1 (2489: 71, 79, 93, фрагмент четвертой), 1 экз. — в Тонтинмяки-3/1886 (2491: 65), 1 экз. найден в разрушенном погребении в Ивасканмяки (1922: 427).

I: 2б — 4 экземпляра: 1 экз. найден в Тонтинмяки-1/1886 (2491: 16), 2 в Паямяки-1931 (9415: 5, 6) в погребении, 1 экз. в погребении в Лейникюля (10691: 4).

I: 2с — 2 экземпляра из мог. 5 в Кекомьяки (2595: 21, 32). 5 экз. таких пронизок найдены на могильнике Тууккала: три случайные находки (2481: 55, 61) и две найдены в погребении 42 (2481: 337, 340). 1 экз. найден в Каускила. Три экземпляра, относящихся к 2-му варианту пронизок, найдены на могильнике Патья в Лапинлахти (10710 — пара из погребения, 10817: 27).

I: 3а — 2 экземпляра: отдельная находка из Кулхамьяки (2535: 4) и одна найдена при раскопках в крепости Корела. 5 экз. пронизок типа I: 3а найдено на могильнике Тууккала: три случайные находки и две из мог. 27 (2481: 58–60, 242, 243).

I: 3б — 6 экземпляров найдены на могильнике Тууккала: одна случайная находка (2481: 126), остальные происходят из погребений: мог. 9 (2481: 162), мог. 36 (2481: 280, 285), мог. 37 (2481: 299, 300). 2 экз. пронизок типа I: 3в найдены на могильнике Каускила.

Тип II — 6 экземпляров: 2 экз. найдены в потревоженной могиле в Кулхамьяки (2596: 8, 9), две пронизки — в могиле Леппясенмяки-4 (2494: 17, 22), по одной пронизке найдено в Тонтинмяки-5/1888 и 9/1888 (2592: 80; 193), (2481: 38, 53, 54, 71). 10 экземпляров пронизок типа II найдены на могильнике Тууккала: четыре — случайные находки и шесть — из погребений: мог. 11 (2481: 170, 173), мог. 26 (2481: 228, 229) и мог. 40 (2481: 325 и 330).

Цепедержатели

Цепедержатели, как и овально-выпуклые фибулы и пронизки, являются одной из основных частей металлического убора женского костюма. Их общее количество — 51 экземпляров.

Цепедержатели разделены нами на два основных типа: двухспиральные (тип I) и крестообразные (тип II) (рис. 23, 8–13). Первых на изучаемой территории найдено 27 экземпляров, вторых — 24 экземпляра, из них в погребениях найдено 17 цепедержателей типа I и 13 экз. — типа II (Schwindt 1893: 130; Kivikoski 1973, 25; Кирпичников 1979: 66; Кочкуркина 1978: 84, табл. 9, 13, 14). Упомянутые два типа в свою очередь делятся на варианты, причем в основе деления, как и в случае с пронизками, лежат различия в форме и орнаментации (Saksa 1998: 43–44, kuv. 5: 9–13).

Тип I, вариант 1 — простой вариант, состоящий из петли, концы которой свернуты спиралью (I: 1).

Тип I, вариант 2 — усложненный вариант, при котором спирали сливаются с петлей (литые) (I: 2).

Тип I, вариант 3 — сложная ажурная форма в двух разновидностях: а) — декоративной и б) — без декоративного оформления нижней части (литые) (1: 3а, 1: 3б).

Тип II, вариант 1 — цепедержатели с петлеобразными ушками на противоположных концах (II: 1).

Тип II, вариант 2 — цепедержатели с перпендикулярно развернутыми ушками (ушки могут быть литыми или приклепанными).

Количественно по типам и вариантам цепедержатели распределяются следующим образом:

Тип I: 1 — 6 экземпляров: Кекомьяки-1 (2489: 72, 80) и 5 (2595: 22, 23), Кильпола (2298: 174), Купарисенмяки (7754: 67), еще 1 экземпляр найден в Тууккала, мог. 3 (2481: 132).

Тип I: 2 — 7 экземпляров: Тонтинмяки-1/1886 (2491: 15, 19) и 6/1888 (2592: 155, 160), Рииска (2520: 29), Кивипелто (2298: 152), Наскалинмяки (7901: 69), 1 экземпляр найден в Тууккала-3 (2481: 129).

Тип I: 3а — 12 экземпляров: Кулхамьяки (596: 10, 11), Кекомьяки-1 (2489: 89, 94) и —5 (2489: 84, 87), Кекомьяки, отд. находка (2298: 167), Тонтинмяки-3/1886 (2491: 38) и 1/1888 (2592: 7, 19), Паямяки-1917 (72: 23), Хиитола-Пелкова (1922: 434).

Тип I: 3б — 1 экземпляр из Раммасаари (2298: 159) — отд. находка.

Тип II: 1 — 13 экземпляров: Кулхамьяки (2535: 4), Кекомьяки, отд. находки (2298: 168), Леппясенмяки-4 (2494: 16(?), 23), Рокосина (2535: 3), Патья, 2 экз. из погребения (10710: 1), Лейникюля, 2 экз. из погребения (10691: 2), Кюлялахти (8887), Паасонвури (1979 г.) (1 экз. из серебра). Шесть цепедержателей типа II: 1 в Тууккала: мог. 7 (2481: 149, 150), мог. 22 (2481: 208–210), мог. 40 (2481: 326, 331). 2 грубо отлитых экземпляра найдены в Тонтинмяки — мог. 5/1888 (2592: 65, 5).

Тип II: 2 — 11 экземпляров: Кекомьяки-6 (2489: 124, 133), Тонтинмяки-13/1888 (2592: 143, 145), Леппясенмяки-4 (2494: 16?), Кильпола (2298:

178), Паямяки, мог. (1931 г.) (9415: 3, 4), там же, мог. 1917 г. (7291: 20), Патья, отд. находка (10817: 28, 48), Паасонвури (1979 г.) (1 экз. из серебра). Большое число цепедержателей этого типа найдено на могильнике Тууккала в области Саво (2481: 61) две (63, 70, 71, 72 — отдельные находки, мог. 2 (2481: 122, 123), мог. 7 (2481: 148), мог. 9 (2481: 160, 161), мог. 11 (2481: 170, 173), мог. 16 (2481: 192, 193), мог. 26 (2481: 228, 229), мог. 27 (2481: 244), мог. 36 (2481: 281), мог. 37 (2481: 301, 302), мог. 42 (2481: 338, 341) — всего 29 экземпляров.

Четыре двуспиральных цепедержателя типа I и один крестовидный типа II найдены при раскопках в Новгороде на Троицком раскопе (Варенов 1997: 102–103).

Ножны ножей орнаментированные

Такие характерные и неперенные предметы карельского женского убора, как орнаментированные бронзовыми оковками ножны ножей, также поддаются классификации. Отдельные типы выделяются нами по форме бронзовых деталей ножей, а варианты — по их орнаментации (Saksa 1990a: 69–73; 1998: 43–44). Известные нам 25 ножен подразделяются на следующие пять типов (рис. 24, 1–10):

Tun I — продольная пластина (наконечник) ножен плавно расширяется от места крепления ножек к поясу к носку. Имеется до трех и более поперечных кольцевых оковок.

Tun II — наконечник ножен резко, уступом расширяется в нижней части ножен, где его верхняя кромка имеет волнообразный край. Кожа на таких ножнах обычно украшена (прошита) бронзовой проволокой.

Tun III — металлический наконечник ножен охватывает всю нижнюю половину ножен. Верхняя часть обычно скрепляется двумя кольцевыми оковками.

Tun IV — бронзовая ажурная обкладка занимает всю поверхность ножен.

Tun V — простые кожаные ножны.

Тип I, вариант 1 — наконечник ножен орнаментирован §-видным завитком, концы которого распускаются в виде листа аканта. Поперечные кольцевые оковки украшены выпуклым «жемчужным» орнаментом (I: 1) (рис. 24, 1).

Тип I, вариант 2 — наконечник ножен орнаментирован гравированным рисунком в виде сплетенных лент с завитком на конце. Поперечные кольцевые оковки орнаментированы аналогично. Их нижняя кромка фигурно оформлена (I: 2) (рис. 24, 2–5).

Тип II, вариант 1 — наконечник ножен украшен орнаментом в виде извивающейся 8-образной ленты. Нижняя кромка поперечных кольцевых оковок фигурно оформлена. Кожа ножен прошита бронзовой проволокой (II: 1) (рис. 24, 6).

Тип II, вариант 2 — наконечник ножен и оковки украшены штрихованным сложным орнаментом, состоящим из «сердцевидных» фигур и различных завитков. Кожа ножен прошита бронзовой проволокой (II: 1) (рис. 24, 7).

Типы III (рис. 23, 8–9), IV (рис. 24, 10) и V не имеют вариантов.

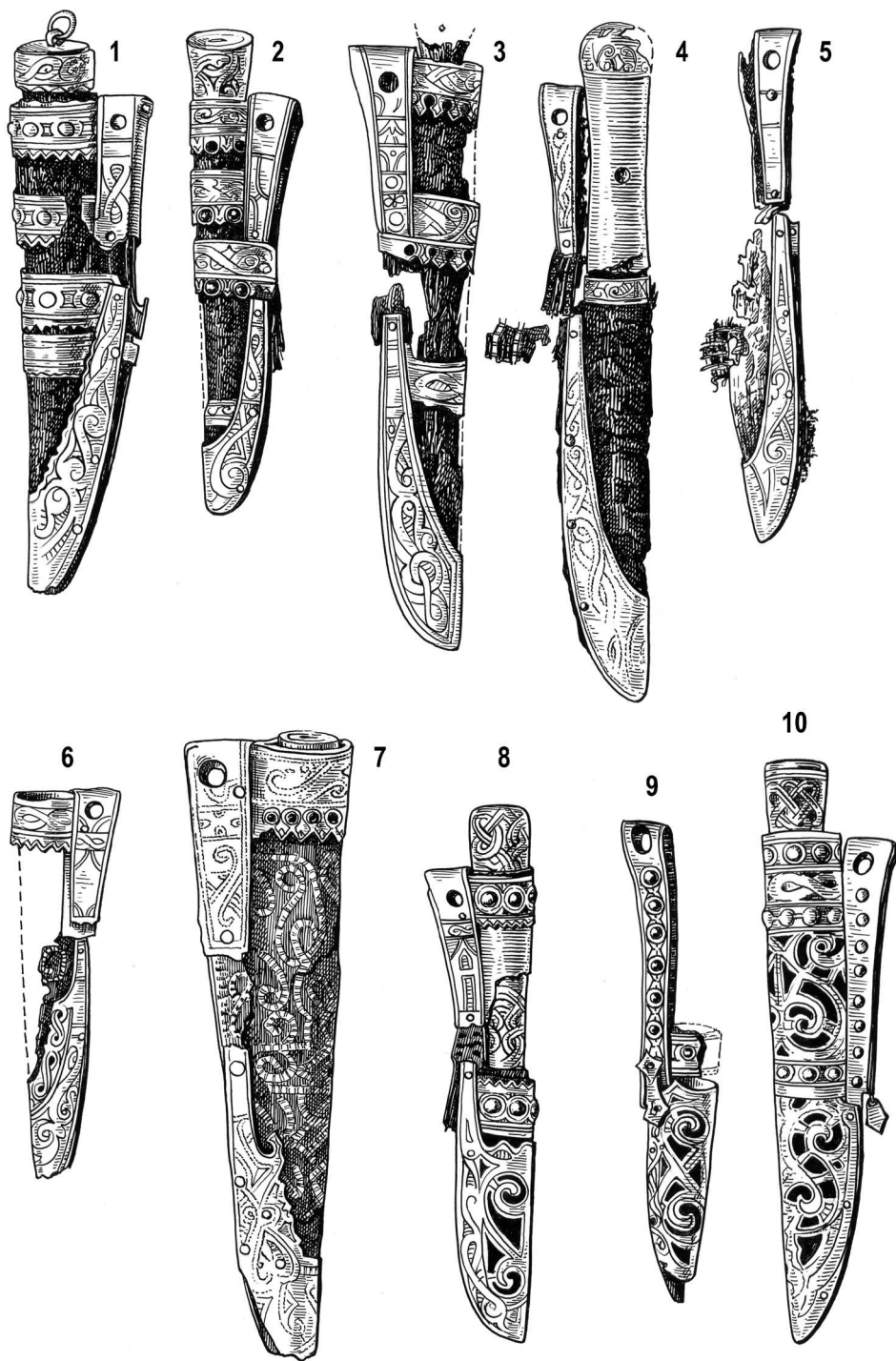

Рис. 24. Ножны ножей 1–10

Количественно по типам и вариантам ножны распределяются следующим образом:

Тип I: 1 — 10 экземпляров: Кекомьяки: мог. 5 (2 экз.) (2595: 40, 41; 69, 70, точечный орнамент (под одним номером отмечен нож, под вторым — ножны), мог. 6 (1 экз.) (2595: 143, 146), Тонтинмяки, мог. 3/1886 (1 экз.) (2491: 60, 61), мог. 5/1888 (1 экз.) (2592: 95, 96), мог. 5 (1 экз.) (2592: 164; 165 на ножнах штрихованный орнамент); Леппясенмяки-4 (1 экз.) (2494: 11, 12); Патья-1/1937 (1 экз.), отд. находка (10817: 23), Паямяки-1931 (1 экз.) (9415: 17, 18). На могильнике Тууккала найден 1 экз. (отд. находка) (2481: 33).

Тип I: 2 — 3 экземпляра: Кекомьяки-3 (1 экз.) (2489: 371, 372), п-ов Большой (Раммансаари) (1998 г.), 1 экз. найден в Тууккала (отд. находка) (2481: 32).

Тип II: 2 — 1 экз. в Леппясенмяки, мог. 3 (494: 7, 8 — точечный орнамент).

Тип III — 4 экземпляра: Суотниemi-3 (1 экз.) (2487: 53), Кекомьяки-1 — (1 экз.) (2489: 169, 170), Ивасканмяки, отд. мог. (1922: 423, 424), Тууккала-9 (1 экз.) (2481: 167).

Тип IV — 4 экземпляра: 1 экз. — Патья, отд. находка (10817: 45) и 3 экз. найдены в Тууккала; мог. 16 (2481: 195), мог. 26 (2481: 23), отд. находка (2481: 31).

Тип V — 2 экземпляра Кекомьяки-1 (2489: 62, 61) и Тонтинмяки-1/1888 (2592: 22, 23). Несомненно, число кожаных ножен было значительно большим, но не все они сохранились.

Металлические оковки ножен ножей карельских типов найдены также в Новгороде в количестве 4 экз. при раскопках в Новгороде на Неревском и Троицком раскопах (Варенов 1997: 94–103).

Рукояти ножей орнаментированные

Бронзовые литые рукояти ножей с плетеным узором в могилах находят-ся, как правило, в могилах с орнаментированными ножнами, в культурных же слоях поселений это почти исключительно отдельные находки. Ножи с такими рукоятями найдены в могильниках и на поселениях Карельского перешейка и области Саво в количестве 26 экземпляров. Отдельные рукояти ножей найдены в Швеции, на Ижорском плато, в крепостях Корела (5 экз.), Тиверский городок, Орешек, Копорье, в Новгороде (6 экз.) (Кирпичников 1979: 69–70; Кочкуркина 1982: 118–120; Варенов 1997: 94–103).

По погребальным комплексам они распределяются следующим образом: Кекомьяки-1 — 1 экз., мог. 3 — 1 экз.; Тонтинмяки-1 — 1 экз., Леппясенмяки-4 — 1 экз.; Паямяки-1917 — 1 экз.; Паямки-1931 — 1 экз.; Патья-1937 — 1 экз.; Патья-21 — 1 экз.; Тууккала-7, 9, 16 и 26 — по 1 экз.; Каускила — 1 экз.

Копоушки

Копоушки (уховертки) носились карельскими женщинами подвешенными за цепочку к поясу. Изготавливались они из бронзы или меди. Всего их найдено 22 экземпляра, из которых 19 экз. найдено в погребениях (5 экз. — в разрушенных) и 4 экз. — на поселениях (Shcwindt 1893: 132–133; Kivikoski 1973: 146, Abb. 1212–1214; Кочкуркина 1981: 40–44, табл. 4, 6, 9, 10, 13; Saksu 1998: 46–48, kuv. 6, 11–15).

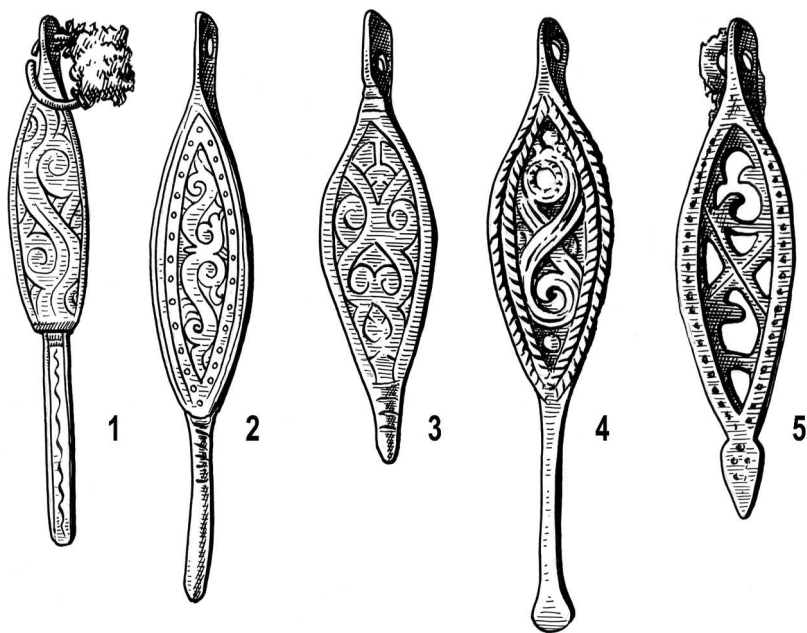

Рис. 25. Копоушки 1–5

Копоушки разделены нами на два основных типа: тип I — цельные и тип II — прорезные (рис. 25, 1–5).

Тип I, вариант 1 — орнамент в виде S-образного завитка (рис. 25, 1).

Тип I, вариант 1а — завиток заканчивается акантовым листом (рис. 25, 2).

Тип I, вариант 2 — орнамент в виде треугольных, «сердцевидных» фигур (рис. 25, 3).

Тип I, вариант 2а — поле между основным «сердцевидным» рисунком заполнено частыми штрихами, на верхнем конце в круге — четырехконечный крест.

Тип II, вариант 1 — орнамент в виде прорезного S-видного завитка (основная масса копоушек этого типа) (рис. 25, 4–5).

Количественно по типам и вариантам копоушки распределяются следующим образом:

Тип I: 1–4 экземпляра: Тонтинмяки-1/1888 (2491: 11), Леппясенмяки-4 (2494: 15), Паямяки-1931 (9415: 13), Сяркисало (2298: 156).

Тип I: 1а — 2 экземпляра из Ивасканмяки (922: 425) и Патья (10817: 43).

Тип I: 2 — 2 экземпляра: Кулхамьяки (2596: 13), Хиитола Коккола (3247: 11).

Тип I: 2а — 3 экземпляра: Кекомьяки-1 (2498: 35, 66), Тонтинмяки-1/1888 (2592: 9).

Тип II: 1–7 экземпляров: Тонтинмяки-7/1888 (2592: 425), 9/1888 (2592: 192), 13/1888 (2592: 244), Хиитола Коккола (с ушками) (3247: 12), 3 экз.

найлены на Тиверском городке (одна с ушками). Часть копоушек Кекомьяки-5 (2595: 39), Тонтинмяки-5/1888 (2592: 110), Патья (10710) либо не имеет орнамента, либо он не просматривается на вещи.

Копоушка из Тиверского городка (Кочкуркина 1981: табл. 4, 13) имеет орнамент из двух волотообразных зеркально расположенных фигур, аналогии которому нам не известны.

В заключение можно отметить, как и в случае с ножнами, что копоушки являются более индивидуальными по орнаментации предметами, чем скорлупообразные фибулы, рукоятки ножей, цепедержатели и пронизки.

Фибулы подковообразные

Подковообразные фибулы в костюме карельской женщины служили для скрепления наплечной накидки и фаты. Они были довольно крупными по величине (диаметр 9–12 см) и изготовлялись из серебра. Наружная поверхность фибул сплошь украшена гравированным плетеным или растительным орнаментом. Различаются два типа карельских фибул: фибулы с пластинчатой дугой и продольным ребром (около 20 экз.) и выпуклые (около 10 экз.) (Salmo 1956: 89, 94; Kivikoski 1973: 132, Abb. 1043, 1044; Saksa 1990a: 69–73) (рис. 26, 1–5). Вместе с тем, на изучаемой территории (в том числе и в погребениях) найдены фибулы и других типов: с рифленой дугой и с треугольной в сечении дугой.

В целом, фибулы подразделяются на три типа и индивидуальные, нетипичные экземпляры:

Тип I — пластинчатые фибулы, тип II — выпуклые фибулы, тип III — фибулы с рифленой дугой. По орнаментации фибулы разделяются на варианты.

Тип I, вариант 1 — фибулы с орнаментом в виде переплетающихся линий с завитками на концах, образующих сложную композицию с X-образными фигурами на стыках и без элементов растительной орнаментации (побегов листьев) (рис. 26, 1).

Тип I, вариант 1a — то же, но орнамент выполнен короткими штрихами (рис. 26, 2).

Тип I, вариант 2 — фибулы с орнаментом в виде переплетающихся линий с завитками в форме растительных побегов и листьев (рис. 26, 3).

Тип II, вариант 1 — фибулы без орнамента.

Тип II, вариант 2 — фибулы с орнаментом в виде цепочки «сердцевидных» или «лировидных» фигур (завитков) (рис. 26, 4–5).

Тип III, вариант 1 — фибулы с маковидными головками.

Тип III, вариант 2 — фибулы с пирамидальными головками.

Количественно по типам и вариантам подковообразные фибулы распределяются следующим образом:

Тип I, вариант 1a — 6 экземпляров: Кекомьяки, мог. 1 (2489: 232), мог. 5 (2595: 7), мог. 6 (2595: 108), Кулхамьяки (2596: 5), Тонтинмяки-1/1886 (2491: 32), 1/1888 (2592: 2).

Тип I, вариант 2 — 3 экземпляра: Кильпола (3641: 3), Кекомьяки-1 (2489: 104), Сипилянмяки (10663: 7).

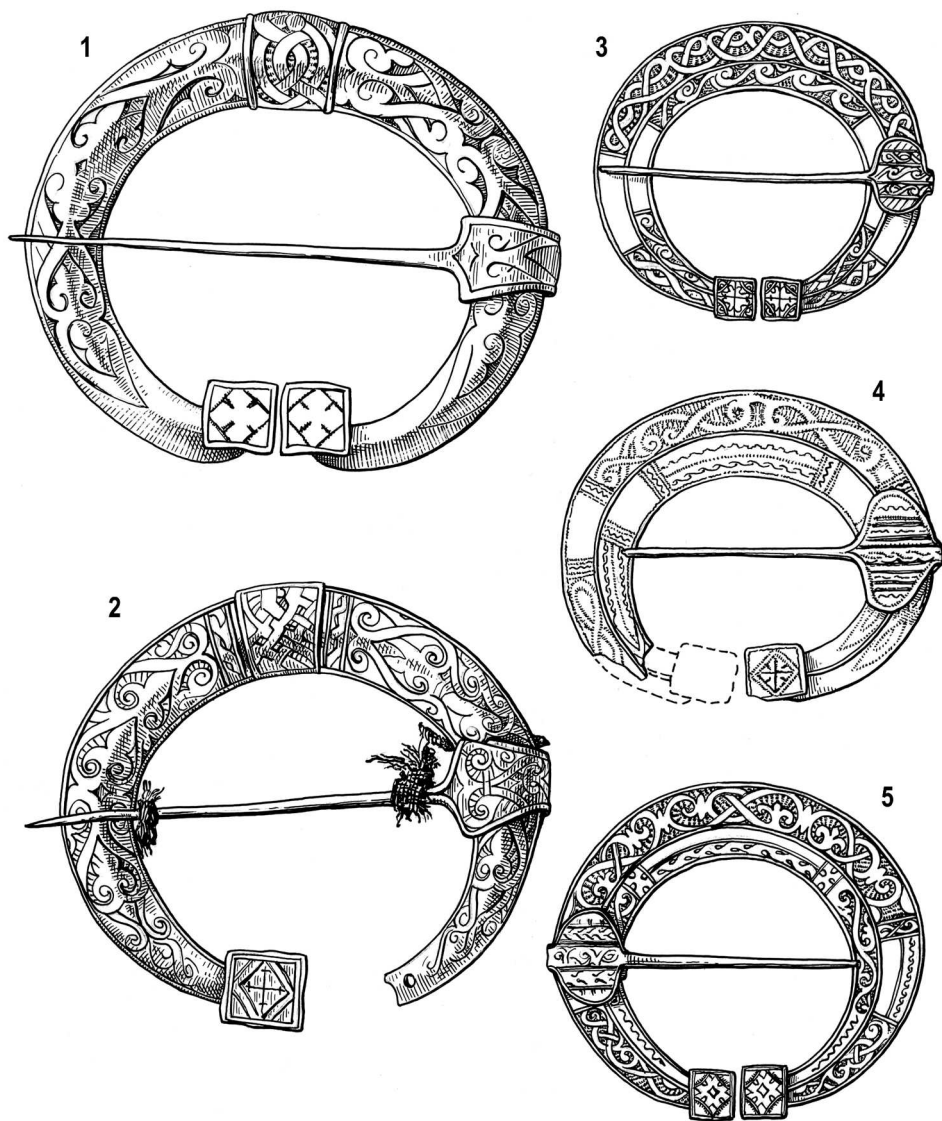

Рис. 26. Подковообразные фибулы 1–5

Тип II, вариант 1 — 2 экземпляра: Тонтинмяки-6/1888 (2592: 150) (бронзовая), мог. 7/1888 (2592: 170) (бронзовая).

Тип II, вариант 2 — 8 экземпляров: Кекомьяки, мог. 2 (2489: 274), мог. 3 (2489: 326), мог. 5 (2595: 11, 80), нетипичная, маленькая и бронзовая, мог. 6 (2595: 135), Патья (10817: 31), Сортавала-Рантуэ (9121: 2).

Тип III, вариант 1 — 1 экземпляр: Тонтинмяки-1/1886 (2491: 25).

Тип III, вариант 2 — 1 экземпляр: Тонтинмяки-5/1888 (2491: 56).

Индивидуальные, нетипичные экземпляры — Кекомьяки-1 (2489: 180, серебряная фибула с треугольной в сечении дугой и орнаментом в виде набегающей волны) (Schwindt 1893: kuv. 248) и Тонтинмяки-1/1886 (249: 28, бронзовая (?) фибула с плоской без ребра дугой и плетеным выполненным штрихами орнаментом) (Schwindt 1893: kuv. 249). Ближайшие аналогии карельским фибулам I типа найдены на территории Ижорского плато, в кладках из Эстонии и северной Финляндии. Однако, если фибулы из Ижорской земли подобны карельским, то эстонские и северо-финские экземпляры выделяются своими более крупными размерами и отсутствием орнамента (Tallgren 1938: t. 2, tahv. XXIV: I; Björkman 1957: fig. 76–80).

Группы могил по погребальному инвентарю

Проведенная нами работа по классификации предметов погребального инвентаря и распределению их по погребальным комплексам сделала возможным применение методов формального анализа при дальнейшей обработке материала, а именно — выявление групп сходных между собой по составу инвентаря погребений, то есть близких по времени совершения захоронения (хронологические группы). Поскольку мужские и женские могилы различаются по своему погребальному инвентарю, мы их рассматриваем отдельно (коллективные могилы также разделены нами на мужские и женские погребения).

Представим далее всю собранную нами в предыдущей части работы информацию о найденных в карельских грунтовых могилах предметах в виде таблиц, в одной из которых в горизонтальных строках отмечаются мужские погребения, а во второй — женские. В вертикальных столбцах обеих таблиц фиксируется наличие или отсутствие определенных типов предметов погребального инвентаря (табл. VI, VII).

Последующую процедуру выявления сходства могил между собой проводим с помощью той же модели, которая была нами использована при анализе погребального обряда карельских могил (табл. VIII, X).

В итоге мы получаем две таблицы, в которых мужские (табл. VI, VIII, IX) и женские (табл. VII, X, XI) погребения упорядочены по их наибольшему сходству между собой.

Рассмотренная формализованная процедура позволила выделить две группы мужских погребений: Кекомьяки-1: 3, 1: 4, 3, 5: 2, Суотниemi-1 и вторая — Суотниemi-2 и 4, Кекомьяки-2; Тонтинмяки-2/1888, 3/1388, 5/1888, 8/1888, 9/1888.

Для погребений первой группы характерно наличие набора воинского снаряжения (меч, копьё, стрелы, топор), а также котлов, реже — удил, кос и предметов украшения (кольцевидные серебряные фибулы, пояса с металлическими накладками, ленты шейные, перстни, крестики нательные). Большая часть погребений второй группы содержит лишь нож, кресало, иногда топор, стрелы, пряжку поясную и еще реже кольцевую фибулу и перстни.

Три погребения второй группы (Суотниemi-2 и 4, Кекомьяки-2), в которых наряду с топорами, серебряными кольцевидными фибулами и перстнями найдены меч, наконечник копья и удила (три последних в разных могилах), являются промежуточными, связующими обе группы звеньями. К ним, вероятно, можно причислить и разрушенное погребение 3/1888 в Тонтинмяки, где были найдены топор, коса, наконечники стрел, крестик нательный и поясная пряжка.

В целом для всех мужских погребений обязательными принадлежностями являлись нож, пояс с металлической пряжкой, топор (за исключением Кекомьяки-1, Тонтинмяки-5/1888 и позднего погребения Тонтинмяки-2/1886).

Используя ту же процедуру по отношению к женским погребениям, получаем таблицы X–XI. Из таблицы XI видно, что среди женских погребений отчетливо выделяются три группы:

1. Лейникюля, Патья-1937 г., Паямяки-1917, Паямяки-1931;

2. Леппясенмяки-4, Кекомьяки-1: 1, 1: 2, 5: 1, 5: 2 и 6; Тонтинмяки-5/1888, Тонтинмяки-3/1886, Суотниemi-3, Тонтинмяки-1/1888, Кулхамьяки-2;

3. Кекомьяки-3, Тонтинмяки-1/1886, 6/1888, 7/1888, 9/1888, 13/1888. Погребения Леппясенмяки-4, Тонтинмяки-3/1886 и 5/1888 составляют связующее звено между могилами 1-й и 2-й групп. Каждая из выделенных групп характеризуется набором в погребениях украшений определенных типов и вариантов. Так, могилы первой группы содержат овально-выпуклые фибулы типа СЗ и варианты фибул типа Н/ПВ: 2, пронизки типа I: 2b и цепедержатели типа II: 1 и II: 2, копоушки типа I: 1 и ножны ножей типа I: 2.

Могилы второй группы — наиболее богатые по количеству и набору сопровождающих украшений костюма: булавки для волос и сюкерё, нагрудные серебряные броши-медальоны, ленты шейные, овально-выпуклые фибулы типа С2/3а, С2/3b и Н/ПВ: 2а, F1, карельские серебряные подковообразные фибулы типа I: IIа (плоские) и II: 2 (выпукло-вогнутые), цепедержатели типа I: 3а, пронизки типа I: 1а и I: 2а, копоушки типа I: 1 и I: 2, ножны типа I: 2, III, IV, а также перстни, бусы серебряные, серпы и ножницы пружинные.

Убор женщин, погребенных в могилах третьей группы, не является таким выразительным и единым, как в предыдущих группах. В этих могилах встречаются овально-выпуклые фибулы типов Н/ПВ: 1, Н/IIА: 1, подковообразные фибулы типов II: 1а и III, пронизки типа II, цепедержатели типа I: 2, копоушки типов I: 1 и II, ножны типа I: 2. Широко были распространены и, вероятно, бытовали длительное время ножны типа I: 2, копоушки типа I: 1, цепедержатели типа II: 2 и пронизки типа II, бронзовые рукояти ножей, бусины бронзовые и круглые шейные серебряные фибулы.

Таким образом, выясняется, что каждая группа могил характеризуется своим набором украшений определенных вариантов и типов, при том, что погребальный убор в целом остается традиционным, состоящим из почти стандартного и неизменного набора конкретных предметов (табл. VII, XI). Меняются лишь типы и варианты этих предметов, иногда добавляются новые украшения (как в погребениях второй группы). Несомненно, причина

этого разделения на группы сходных по составу погребального инвентаря могил — различия во времени захоронения. Не исключаются также возрастной и социальный факторы, имеющие значение при изучении этих групп. Возможны и локальные различия, однако тот факт, что внутри групп имеются погребения из разных могильников, позволяет считать, что не им принадлежит решающая роль. В пользу объяснения причины разделения могил на группы разницей во времени их совершения говорит то обстоятельство, что в тех погребениях, где сосредоточены овально-выпуклые серийно выполненные фибулы групп С2/3а, С3, Н/ПВ: 2а, находятся также определенные типы остальных изделий: подковообразные фибулы типа I: 1а, копоушки типа I: 1, I: 2, пронизки типа I: 1, ножны типов I: 2, III и V, пронизки типа I: 2, цепедержатели II: 1. По-видимому, в то время, когда изготовлялись эти фибулы, были в употреблении также изделия перечисленных типов. Этот вывод говорит в пользу правильности выбранного нами метода классифицирования предметов украшения. Этот метод, в основе которого заложено рассмотрение вещей с точки зрения не только различий по форме, но и по орнаментации, позволяет выявить даже изделия одной мастерской, серийные или очень близкие по форме и, следовательно, погребения, совершенные при жизни одного поколения людей. Прделанная работа дает нам возможность перейти к определению хронологии памятников. Лишь при решении этой задачи возможны как решение частных проблем, так и более широкие исторические выводы.

Хронология карельских грунтовых могил

Датировка средневековых карельских могильников, определение их достаточно обоснованной узкой даты является одним из ключевых вопросов исследуемой проблемы. Несмотря на почти столетнюю историю изучения указанных памятников, они широко датируются XII–XIV вв. Не уточняют картину и современные исследования, посвященные отдельным категориям карельских украшений (Lehtosalo 1966; Linturi 1980) и археологическим памятникам региона (Кочкуркина 1981; 1982). Сроки бытования отдельных типов украшений определяются в рамках одного-двух веков. Попытки же рассмотреть комплекс одновременно бытовавших вещей и этим сузить дату никем не предпринимались. И поныне сохраняет свое значение работа К.А. Нордмана, в которой он, опираясь на анализ ряда украшений из могил, достаточно убедительно датировал ряд погребений с точностью, не превышающей столетие (Nordman 1924).

Следует оговорить, что детальный анализ хронологии карельских грунтовых могильников был затруднен как объективными, так и субъективными причинами. К первым относится малое количество известных могил, их сравнительное единообразие, недостаточная разработанность хронологии украшений. Главной субъективной причиной является стремление исследователей

к анализу отдельных категорий предметов без их взаимной привязки, в отрыве от археологических комплексов. Однако даже при современном уровне изученности источников возможно построение хронологии памятников. Приведенный нами анализ погребального обряда и инвентаря могил дает необходимые для этого данные (Saksa 1990a: 69–73; 1998, 21–68). Наличие значительного количества коллективных могил позволяет достаточно надежно сопоставить материал мужских и женских погребений, взаимно их увязать.

Именно с них и целесообразно начать определение хронологии карельских грунтовых могил, так как в этих могилах сосредоточено наибольшее количество вещей. Они также могут служить опорными пунктами при датировке мужских и женских погребений.

Всего имеется пять коллективных могил с инвентарем (одно трупосожжение в расчет не принимается): Кекомаки-1 (два мужчины и две женщины), 3 (мужчина и женщина), 5 (мужчина, женщина и девочка), Тонтинмяки-5/1886 (мужчина и женщина), 9/1888 (разрушена) (мужчина и женщина). Мы в своей работе будем исходить из того положения, что все погребения в них совершены одновременно или в небольшой временной промежуток. Все три могилы из Кекомаки относятся к первой группе мужских погребений (табл. IX) или ко второй группе женских погребений (табл. XI), а обе могилы из Тонтинмяки соответственно — ко второй группе мужских или третьей группе женских погребений.

Обратимся далее к датировке могил, входящих в наиболее многочисленную группу (1-я группа мужских и 2-я группа женских погребений), как наиболее богатых с многочисленными предметами инвентаря.

При характеристике женских погребений мы отмечали, что могилы каждой группы характеризуются набором украшений определенных типов и вариантов. Сказанное в наибольшей степени относится именно ко второй группе, могилы которой отмечаются большим единообразием, так что складывается впечатление об их хронологической близости (табл. XI). Действительно, в четырех могилах этой группы (Кекомаки-1 и 6, Суотниеми-3, Тонтинмяки 1/1888) встречены овально-выпуклые фибулы серийно выполненной группы С2/3а (Linturi 1980: 63). В коллективной могиле 1 в Кекомаки в двух женских погребениях, кроме упомянутых фибул, были найдены круглая серебряная брошь, подковообразная серебряная фибула типа I: 1a, декоративные цепедержатели типа I: 3а и двуспиральные цепедержатели типа I: 1, пронизки типа I: 2, копоушки типа I: 2, ножны ножей типов II, III и V, булавки для волос. Факт существования их одновременно документируется наличием этих предметов в одном погребальном комплексе. Перечисленные украшения зафиксированы и в других могилах этой группы. В этот список можно добавить серебряные выпукло-вогнутые подковообразные фибулы типа II: 2, ленты шейные, копоушки типа I: 1, найденные в могилах с овально-выпуклыми фибулами С2/3а. Таким образом, наши возможности датирования расширяются. Наибольшее количество перечисленных украшений было найдено в двух женских погребениях

в могиле Кекомьяки-5, где факт их совместного нахождения в одном комплексе опять же подтверждает правильность вывода об их одновременном существовании (табл. XI). В первом из этих погребений были, кроме этого, найдены овально-выпуклые фибулы группы Н/ПВ: 2а, а во втором — фибулы типа F3. Фибулы группы Н/ПВ: 2а, видимо, также отлиты по одной модели или с использованием одной фибулы-модели (Lehtosalo 1966: 29, 39). Подобные фибулы были найдены также в Тонтинмяки-3/1886 и Паямяки-1931. И если в потревоженном погребении Тонтинмяки-3 найдены такие же вещи, как в могилах с фибулами С2/3а (цепедержатель типа I: 3а, пронизка типа I: 2а и ножны типа I: 2), то в Паямяки-1931 наряду с ножнами типа I: 2 и копоушкой типа I: 1 найдены крестовидный цепедержатель типа II: 2 и пронизка типа I: 2b, которые не встречаются в могилах предыдущей группы (за исключением двух цепедержателей типа II: 2, найденных в Кекомьяки-6). В погребении Паямяки-1931 в паре с фибулой группы Н/ПВ: 2а был найден один из вариантов фибул этого типа. Вторая подобная фибула была найдена здесь же на склоне холма Паямяки в 1917 г. на месте разрушенной женской могилы. В паре с этой фибулой, вариантом фибул группы II/ПВ: 2, была найдена фибула группы Н/IC, цепедержатели типа I:3а и типа II:2, две подковообразные фибулы, из которых одна была с рифленой дугой, а вторая — выпукло-вогнутая с утолщением (пояском) в центральной части дуги и акантовым орнаментом на ней, бронзовая бусина, нож с бронзовой рукоятью и ножны с бронзовыми оковками типа I: 1 или I: 2. Такие же пронизки типа I: 2а, ножны типа I: 2 и копоушка типа I: 1, как в Паямяки-1931, были найдены еще в одном погребении 1-й группы — в Пятъя-1937, однако крестовидные цепедержатели из этой могилы представляли уже другой вариант изделий этого типа — II: 1. Овально-выпуклые фибулы из этого погребения относились к типу С3. Еще одна пара идентичных фибул была найдена в одиночном погребении из Лейникюля, откуда, вероятно, только часть инвентаря попала в музей (помимо этих фибул, также круглая пластинчатая фибула, цепедержатели типа II: 1 и пронизка типа I: 2b). На этом основании можем включить погребение в рассматриваемую хронологическую группу.

Итак, в нашем распоряжении имеются три связанные в единую цепочку корреляцией вещей группы могил с серийно изготовленными фибулами трех типов (С2/3а, Н/ПВ: 2а и С3) (Lehtosalo 1966: 29–31; Linturi 1980: 63, 96). Вполне вероятно, что фибулы одного типа были все изготовлены по одному образцу и в одной мастерской, и поэтому могилы, содержащие эти фибулы, можно считать приблизительно одновременными. Эти могилы следующие: Кекомьяки-1, Кекомьяки-6, Суотниemi-3, Тонтинмяки-1/1888 (фибулы типа С2/3а); Кекомьяки-5, Тонтинмяки-3/1886 и Паямяки-1931 (фибулы типа Н/ПВ: 2а); Пятъя-1937 и Лейникюля (фибулы типа С3). Далее, очень близкая фибулам группы С2/3а фибула группы С2/3b была найдена в Леппясенмяки-4, где был встречен целый ряд вещей, характерных для могил с фибулами С2/3а (табл. VII, XI).

Один из вариантов фибул типа Н/ПВ: 2 был найден в погребении Паямяки-1917, однако смешанный состав инвентаря и обстоятельства находки внушают сомнение в надежности комплекса.

Оставшиеся нерассмотренными женские погребения по овально-выпуклым фибулам распределяются следующим образом. В Тонтинмяки-5/1888 найдена фибула типа D. Инвентарь этой могилы определяет ее расположение на стыке двух групп; имеются вещи, характерные как для первой, так и для второй групп погребений (табл. XI). Разрушенное женское погребение могилы 3 в Кекомьяки, по всей видимости, может быть отнесено ко второй группе, на что указывают сохранившиеся вещи (табл. XI).

Могилы третьей группы выделяются в значительной степени условно. Так, в Тонтинмяки-1/1886 большинство предметов украшения имеет аналогии среди материала 1-й и 2-й групп погребений. Выделяются лишь овально-выпуклая фибула типа Н/ПВ: 1 и цепедержатель типа I: 2. В могиле также найдены овальное кресало, мотыга и топор-секира — редкие для женских погребений вещи, а также глиняное пряслице, серьги и пружинные ножницы — обычный напутственный инвентарь. В могиле 6/1888 из Тонтинмяки найдены овально-выпуклые фибулы другого варианта — Н/IIA: 1 и стандартный набор украшений: подковообразная фибула типа II: 1a, цепедержатели типа I: 2 и ножны типа I: 2 (табл. VII, XI). Могилы 7/1888 и 9/1888 были потревожены. В первой сохранились лишь подковообразная фибула типа II: 1a и копоушка типа IIa, а во второй — копоушка этого же типа и пронизка типа II. В трупосожжении Тонтинмяки-13/1888 наряду с бытовыми вещами (овальные кресала, оселки, ножи) была найдена копоушка типа II (табл. VII, XI).

Из сказанного можно заключить, что основная часть могил относительно близки хронологически друг другу. Можно считать установленным, что овально-выпуклые фибулы типов С2/3a, С2/3b, F3, Н/ПВ: 2a и их варианты были в употреблении относительно непродолжительное время, как и сопутствующие им другие украшения. Незначительно по времени отстоят от них фибулы типа С2 индивидуальные, С3, D и F1 и им сопутствующие украшения. Не совсем ясным представляется место в этом ряду фибул Н/IIA, Н/ПВ и Н/IC. Заключение, по которому могилы основной группы укладываются в рамки сравнительно небольшого хронологического отрезка, подтверждается и тем, что в подавляющем большинстве могил были найдены вещи таких устойчивых типов, как ножны типа I: 2 и копоушки типа I: 1, бронзовые рукоятки ножей, а также серпы и пружинные ножницы (табл. VII, XI). В течение всего времени существования этих погребений убор в своих основных чертах оставался неизменным. Однако, несмотря на сходство инвентаря могил, содержащих, например, фибулы С2/3a и Н/ПВ: 2a, и нахождение их на одном могильнике, эти фибулы, как и вообще фибулы типов С и Н, не встречаются вместе в одних и тех же могилах (табл. VII, XI). Вероятнее всего, причина этого кроется в различном времени захоронения. Проведенные нами наблюдения за корреляцией предметов украшений и типологическая связь отдельных групп вещей позволяют построить относительную хронологию погре-

бений. При этом особенно важно определить, как соотносятся между собой погребения с фибулами серийных групп.

Из всех имеющихся в погребениях фибул типа С наиболее ранними считаются фибулы группы С2/3а, затем С2/3б. Далее следуют фибулы группы С2 индивидуальные, С3 и, наконец, типа D. Фибулы перечисленных групп являются наиболее поздними из фибул с зооморфным орнаментом (Linturi 1980: 49, 101). Фибулы С2/3а датируются XII — началом XIII в., также и С2 индивидуальные и фибулы типа С3. Фибулы типа D наиболее поздние, они датируются второй половиной XII в. и первой половиной XIII в. (Linturi 1980: 91, 95, 96, 101).

Из имеющихся фибул типа H фибулы группы H/IC — наиболее ранние, они датируются началом XII в., фибулы группы H/IIA: 1 датируются первой половиной XII в., как и фибулы группы H/IIВ: 1. Наиболее поздняя группа фибул — H/IIВ: 2а и их варианты, которые датируются XII в., возможно, его серединой. (Lehtosalo 1966: 29–31, 39). На основе приведенных датировок можно лишь заключить, что могилы с фибулами С2/3а наиболее ранние, а погребение с фибулой типа D — наиболее позднее из всех могил с фибулами типов С и D. Могилы с фибулами типа H, согласно приведенным датам, должны быть более ранними. Из них только фибулы группы H/IIВ: 2а могли бытовать в одно и то же время с фибулами группы С2/3а, чему не противоречат и полученные нами данные (табл. XI).

Итак, учитывая, что погребение 1917 г. в Паямяки, где найдена самая ранняя фибула (H/IC), недостаточно надежно с точки зрения его сохранности, мы можем за самые ранние могилы принять могилы 1/1886 и 6/1888 в Тонтинмяки, в которых были найдены овально-выпуклые фибулы группы H/IIВ: 1 и H/IIA: 1 (табл. VII, XI). Датированные вещи из обоих комплексов — подковообразные фибулы, овальное кресало с заостренными концами, топор-секира, орудия труда — относятся к XII–XIII вв. (Salmo 1956: 83–84; Колчин 1956: 61, 70, 101, рис. 85, 7; 1982: 163; Кирпичников 1962: 2, 39; Wuolijoki 1972: 43). Вероятнее всего, эти погребения были совершены во второй половине XII — первой половине XIII в. Возможно, к этому же времени относится разрушенная могила 7/1888 из Тонтинмяки, в которой найдена бронзовая подковообразная фибула типа II: 1а.

К более позднему хронологическому периоду относятся могилы с фибулами групп С2/3а, С2/3б и H/IIВ: 2а (и варианты). Очевидно, что они различаются по времени, так как фибулы типов С и H не встречаются в одних и тех же погребениях, а также имеются и другие различия в составе погребального инвентаря (табл. XI). Ясность в вопросе об их соотношении может внести привлечение всех других датированных вещей этих комплексов. Поскольку часть рассматриваемых могил являются коллективными, мы можем привлечь также материал мужских погребений.

Из датированных вещей в женских погребениях этой хронологической группы встречены нагрудные броши 1150–1250 г. (Nordman 1923: 5–69) и подковообразные фибулы карельского типа, также датируемые 1150–1250 г. (Salmo

1956: 89–94). Как первые, так и вторые характерны для могил с фибулами группы С2/3а. Только в одной могиле Кекомаки-5 эти предметы находятся с фибулами группы Н/ПВ: 2. В свою очередь, в могилах с фибулами группы Н/ПВ: 2 имеются зооморфные шумящие привески, отсутствующие в других погребениях. Привеска из Тонтинмяки-3/1886, относящаяся к типу XIX по классификации Е.А. Рябинина, датируется XII–XIII вв., а привеска типа XX из Кекомаки-5 — XIII–XIV вв. (Рябинин 1981: № 558, 679 по каталогу).

В мужских погребениях этой хронологической группы также наблюдаются некоторые различия. В погребениях, парных женским с фибулами группы С2/3а, встречены мечи с круглым навершием типа VI по А.Н. Кирпичникову, наконечники копий типа III Б, кольцевидные фибулы, нательные крестики скандинавского типа, овальные кресала. В мужском погребении в Кекомаки-5, где были похоронены также женщины с фибулами Н/ПВ: 2а и F3, найден меч типа II А по А.Н. Кирпичникову, наконечник дротика, ажурный нательный крестик. Отсутствуют кольцевидная фибула и кресало. В погребениях встречены также косы и топоры (табл. VI, IX).

Мечи типа VI датируются XII–XIII вв., при наибольшем распространении в XIII в., а мечи типа II относятся к X — первой половине XIII вв. Меч из Кекомаки (тип II А) датируется XII в. (Кирпичников 1966: 53–56). Наконечники копий с удлинённым треугольным пером (тип III Б) датируются XII–XIII вв. (Кирпичников 1966а: 14), кольцевидная фибула датируется XIII — началом XIV вв. (Blomquist 1947: 135; Sarvas 1971: 59). Эта дата подтверждается и новгородскими находками (Седова 1981: 89; Колчин 1982: 173, рис. 8). Время бытования нательных крестиков «скандинавского» типа относятся к XI–XII вв. (Журжалина 1961: 122; Фехнер 1968: 210), а в Финляндии — к XII–XIII вв. (Kivikoski 1973: 167).

Вопрос о соотношении двух рассматриваемых групп могил могут помочь разрешить овальные кресала и топоры мужских погребений. Аналогичные по форме овальные кресала найдены в новгородских слоях не ранее начала XIII в. (Колчин 1962: 153, рис. 4). Следовательно, эту дату можно принять по отношению к могилам, содержащим также фибулы группы С2/3а. В карельских грунтовых могилах найдены топоры оригинальной формы с массивным широким обухом, называемые в литературе карельскими. В некоторых случаях они найдены в могилах вместе с овальными кресалами XIII в. Датируются карельские топоры 1150–1250 гг. (Paulsen 1956: 20, 78–80) или 1100–1250 гг. (Wuolijoki 1972: 31–33, 43). Такие топоры встречены лишь в тех коллективных могилах, где мужские погребения сопровождаются женскими погребениями с фибулами типа С. В погребении из Кекомаки-5 с фибулами Н/ПВ: 2а и F3 найден топор более раннего облика, относящийся к типу VIII по А.Н. Кирпичникову (1966а: 40) или к типу скандинавских равносторонних по Вуолиеки (Wuolijoki 1972: 21). В Финляндии подобные топоры датируются XI–XII вв., известны находки и более позднего времени (Wuolijoki 1972: 21, 43). Следовательно, мы вправе сделать вывод, что могилы с фибулами Н/ПВ:2а более ранние, чем могилы с фибулами С2/3а.

Последние могут датироваться временем не ранее начала XIII в. Этой дате, кажется, противоречат находки лировидных пряжек в Кекомяки-1 и 3, которые в Новгороде после 90-х гг. XII в. уже не встречаются (Седова 1981: 144). Думается, что в случае с рассматриваемыми периферийными памятниками, учитывая всю совокупность предметов погребального инвентаря, мы можем говорить об их более позднем бытовании во время, когда входят в широкое употребление кольцевые фибулы и овальные кресала. Верхнюю дату этих могил, в соответствии с найденными в них датированными вещами, можно отнести к середине — второй половине XIII в. Доказательством правильности предложенной датировки служит материал женского, к сожалению, разрушенного в верхней части, погребения № 21 из Патья, в котором был найден серебряный брактеат 1220–1230-х гг. В могиле также найдены такие характерные для рассматриваемой группы погребений вещи, как остатки обильно украшенного бронзовыми спиральками передника, нож и ножны с бронзовыми оковками типа I: 2, копоушка железная, ножницы пружинные, серп и, вероятно, щиток иглы от серебряной плоской подковообразной фибулы (Kivikoski 1972: 79–87). Тогда погребения с фибулами Н/ПВ: 2а, видимо, следует датировать началом или первой половиной XIII в. Из оставшихся нерассмотренными могил к тому же времени, что и погребения с фибулами С2/3а, по всей видимости, относятся могила 3 в Кекомяки, где женская половина была сильно разрушена и также потревоженная женская могила 2 из Кулхамяки. В Кекомяки-3 в женской половине сохранились нагрудная брошь и ножны типа I: 1.

Инвентарь мужского погребения из этой могилы во многом идентичен находкам из Кекомяки-7; там тоже найдены меч типа VI, наконечники копья типа III Б по классификации А.Н. Кирпичникова, крестик «скандинавского» типа и др. (табл. IX).

В погребении из Кулхамяки сохранились брошь нагрудная, фибула подковообразная карельского типа (тип I: 1а), декоративные цепедержатели типа I: 3а, копоушка типа I: 2, овально-выпуклые фибулы типа С2 индивидуальные и пронизки типа II (табл. XI), то есть характерные для могил с фибулами С2/3а типы украшений.

Женское погребение с овально-выпуклыми фибулами типа С2/3b, близкими в хронологическом отношении (и типологически) фибулам С2/3а, найдено в Леппясенмяки (мог. 4), где, помимо этих фибул, найдены две плоские подковообразные фибулы карельского типа (тип I: 1), нагрудная брошь, булавка для волос, лента шейная, ножны типа I: 2, копоушка типа I: 1, а также пронизки типа II и цепедержатели типа II: 1, характерные для могил последующего этапа (табл. VII, XI). Такие крестовидные цепедержатели найдены в погребениях с фибулами типов С3 и D, которые датируются более поздним временем, чем фибулы типа С2/3а (Linturi 1981: 101). Пронизки с двумя парами ушек найдены как в погребениях предыдущего этапа (Кулхамяки-2 и Кекомяки-3), так и в Тонтинмяки-5/1888, где встречены овально-выпуклые фибулы типа D.

Погребения с фибулами типов С3 и D составляют последний хронологический этап существования карельских грунтовых могил, совершенных по языческому обряду. Совершенно идентичные четыре фибулы типа С3 были найдены в двух погребениях из Лейникюля и Патья (1937). Вместе с ними найдены цепедержатели типа II: 1 (крестовидные), пронизки типа I: 2а, ножны типа I: 2 и копоушка типа I: 1 (в Патья), нагрудная брошь (в Лейникюля) (табл. VII, XI). Эти погребения можно отнести ко второй половине XIII — началу XIV вв.

Коллективная могила 5/1888 из Тонтинмяки с фибулами типа D, вероятнее всего, одна из самых поздних. В женском погребении этой могилы встречены также нагрудная брошь бронзовая местной работы, подковообразная бронзовая фибула с рифленой дугой, цепедержатели крестовидные типа II: 1, пронизки типа II, нож и ножны типа I: 2, копоушка типа I: 1. К мужскому погребению относились четыре наконечника стрел, овальное кресало, фрагменты пояса, костыльковая цепочка.

Подковообразные фибулы с косорифленой дугой датируются в Финляндии главным образом XII в. (Salmo 1956: 78–80). Близкая по форме фибула была найдена в Новгороде в слое конца XIII в. (Седова 1981: 86, 87, рис. 31, 7). В пользу датировки могилы 5/1888 второй половиной XIII — началом XIV вв. говорит и найденное в мужском погребении кресало поздней овальной формы, характерной для XIII–XIV вв. (Колчин 1959: 101–103). Предложенная датировка косвенно подтверждается также и отсутствием в мужском погребении кольцевидной фибулы, топора и предметов вооружения (меча и копья), обычных для мужских погребений предшествующего времени (табл. VIII).

Оставшиеся нерассмотренными мужские погребения можно датировать с учетом уже рассмотренных нами погребений. Во многих из них найдены кольцевидные фибулы XIII — начала XIV вв., топоры, предметы вооружения (табл. VI, IX).

Так, кольцевидные фибулы и широкообушные топоры карельского типа найдены в Суотниemi-1, 2 и 4, в Кекомьяки-2, что уже служит достаточным основанием для датировки этих могил временем не ранее первой половины XIII в. В Суотниemi-1 встречены также шейная лента, меч типа II и наконечник копья типа III по А.Н. Кирпичникову, медные котел и миска. Мечи типа II относятся к XI–XIII вв. и даже, возможно, к более позднему времени (Кирпичников 1966: 53–54). Наконечник копья из Суотниemi можно отнести к XII–XIII вв. (Кирпичников 1966а: 7, 12–14, рис. 1).

Итак, мужское погребение 1 в Суотниemi по составу погребального инвентаря соотносится с теми мужскими погребениями, которые сопровождалась женскими погребениями с фибулами группы H/IIВ2а и С2/3а, то есть его можно датировать первой половиной — серединой XIII в. Вызывает интерес найденная в этом погребении миска из далекой Самбии (Даркевич 1966: 34, № 56 Б).

Погребение Суотниemi-2 имеет мало датирующего материала. Кольцевая фибула и топор карельского типа относят эту могилу к XIII в. К этому же

Рис. 27. Подвеска из Суотниemi-2

со щитом и копьём имеются также на медном перстне из Хиитола Хуйскунниemi (Schwindt 1893: kuv. 297) и костяной печатке, найденной нами в 1987 г. при раскопках средневекового поселения на п-ове Большом (Ховинсаари) (рис. 29, 1). Последняя датируется XV в. (Saksa 1998: 103–105, kuv. 29, 1).

В Суотниemi-4 найдены наконечник копья типа III, два топора (один боевой, а второй относился к типу карельских) нож, фрагменты пояса, овальное кресало и ажурная серебряная кольцевая фибула, имеющая аналогию из новгородского слоя 60–80-х гг. XIII в. (Schwindt 1893: 8–9; Кирпичников 1966а: 7, 12–14; Wuolijoki 1972: 33, 43, 57; Седова 1981: 87, 91, рис. 31, 16). Овальное кресало и топор, как и копьё типа III — типичные для XIII в. вещи.

Могила 2 из Кекомяки — «погребение ремесленника» — также может быть отнесена к XIII в., так как в ней среди прочих вещей найден топор того же типа, как в Суотниemi-2, и серебряная кольцевидная фибула, аналогичная фибуле из Кекомяки-3 (у обеих часть дуги перевита) (Schwindt 1893:

времени, вероятно, относится и серебряная плетеная цепочка с крестиками, обнаруженная в погребении внутри сгнившего деревянного футляра. Цепочка снабжена позолоченными наконечниками в виде змеиных голов, на которых через «глаза»-отверстия закреплено кольцо с пятью филигранными бусинами и тремя крестообразными подвесками с двумя круглыми и одним восьмигранным щитами. Восьмигранный щит центральной подвески украшен изображением четырехконечного креста. На двух круглых щитах боковых подвесок имеются крестообразные прорезные рисунки (рис. 27).

На месте этого погребения найден щиток серебряного перстня с изображением святого со щитом в левой руке и копьём в правой (Schwindt 1893: kuv. 300) (рис. 28). Изображения воинов

Рис. 28. Перстень-печатка из Суотниemi

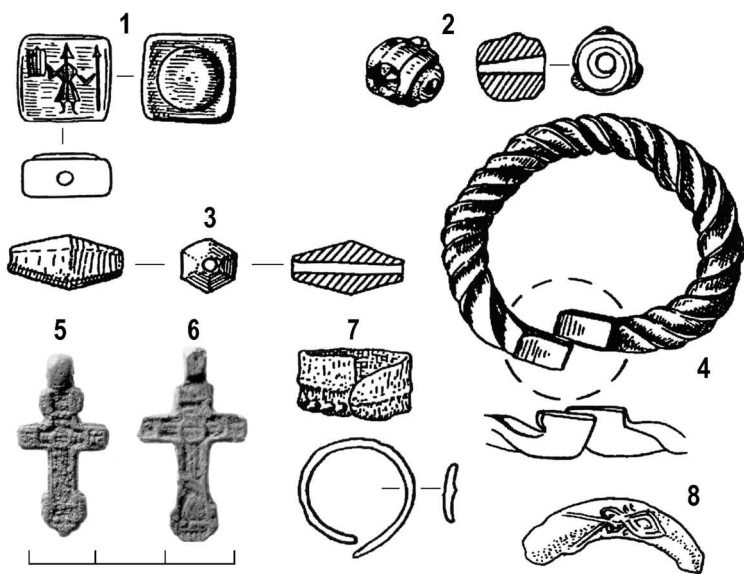

Рис. 29. Находки со средневековых поселений Тонтинмяки в Ховинсаари и Ольховка — I (Лапинлахти). 1, 3, 5–7 — Тонтинмяки, 2, 4, 8 — Ольховка I

32–34; Nordman 1924: 177–178, Fig 157). Орнамент на поясных накладках и разделительных кольцах из этой могилы, как нами выше отмечалось, имеет аналогии среди новгородских предметов XIII в. и в орнаментации части карельских украшений этого времени (Appelgren 1910: 83; Nordman 1924: 159–160, Fig. 142). Такая же кольцевая фибула с перевитой частью дуги была найдена в Тонтинмяки-8/1888, где из других вещей были найдены только нож и топор VIII типа по А.Н. Кирпичникову (1966а: 39–40) или к типу скандинавских равносторонних по Е. Вуолиёки (Wuolijoki 1972: 18–22, 50) (Schwindt 1893: 73–74). Могила (потревожена в верхней части) относится к XIII в. Погребение 3/1888 из Тонтинмяки (могила также потревожена, но в нижней части), возможно, одно из самых ранних (Schwindt 1893: 63–64). В нем найдены топор-секира типа М по Петерсену, два наконечника стрел со срезанным лезвием, ажурный нательный крестик, разделитель ремня бронзовый, коса и поясная пряжка, датирующие могилу концом XII — первой половиной XIII вв.

Итак, могилы времени развитого этапа карельской языческой культуры могут в целом датироваться второй половиной XII–XIII — началом XIV в. Однако в действительности этот период, вероятнее всего, был более коротким, как это явствует из состава предметов погребального инвентаря и их корреляции (табл. IX, XI). Но, поскольку современный уровень разработок хронологии вещей не позволяет определить их максимально узкую дату, мы вынуждены придерживаться широкой датировки карельских грунтовых могильников.

Карельские украшения языческого времени были в употреблении и после смены обряда в первой половине XIV в., на что указывают находки этих вещей в новгородских слоях XIV в., а также в Кореле, Тиверском городке, Орешке и Копорье (Сакса 2002: 88–92; Кирпичников, Сакса 2002: 134–144). Они, видимо, широко использовались и в одежде христианизированных финских женщин.

Хронология могил и погребальный обряд

Состав погребального инвентаря и детали погребальной обрядности изменяются со временем. Нам осталось проверить, как полученные данные по хронологии согласуются с результатами исследования погребальной обрядности карельских грунтовых могил (табл. I–V). Из таблицы видно, что нет прямого совпадения групп могил, составленных по хронологическому принципу, с группами схожих по элементам погребальной обрядности могил, что вполне закономерно, так как обряд менялся медленнее, чем типы украшений. Сказываются также и локальные особенности в погребальном обряде и наборе погребального инвентаря. Так, погребения Лейникюля, Патья-1937, Паямяки-1917, Паямяки-1937, Леппясенмяки-4, относящиеся к различным хронологическим группам, попадают в одну группу, составленную по признакам погребальной обрядности (табл. V). Также и металлические детали погребального убора в этих могилах, различаясь по типам и вариантам, составляют во всех случаях тот же самый устойчивый набор предметов украшения: овально-выпуклые фибулы, пронизки, цепедержатели, копоушки и ножи в ножнах. Видимо, это сходство в погребальном обряде и инвентаре разновременных могил объясняется их территориальной близостью; все они найдены в районе озера Суходольское. На этой территории не развился обычай укладывать умерших в погребальные сооружения из толстых балок и сопровождать их орудиями труда и другими, не имеющими отношения к одеянию покойного напутствующими вещами. По этой причине погребальный обряд в его «археологизированной» составляющей представляется схематичным и упрощенным, не оставляющим простора для видоизменения.

К локальным признакам погребального обряда, но в более широком масштабе по отношению ко всей северной половине Карельского перешейка следует также отнести наличие каменной вымостки над могилами.

В то же время в погребальном обряде этих могил есть признаки, совпадающие со временем расцвета раннесредневековой карельской культуры, приходящегося на могилы второй и третьей хронологической групп (женские погребения с фибулами С2/3а, С2/3б, F3, H/IIВ: 2 (и их варианты). К ним относятся северная (северо-восточная) ориентировка, обычай укладывать в могилу целые наборы напутственных вещей (орудия труда, котлы, глиняные горшки, удила и т. д.) или отдельные предметы, оставлять следы поминальной тризны и других ритуальных действий (кости жертвенных животных,

угли, шлак). Каменные вымостки над могилами, считающиеся характерной чертой карельского языческого погребального обряда, распространены в действительности лишь на ограниченной территории (могильники Суотниemi и Тонтинмяки на озере Вуокса) (табл. I, II, III, V). В какой степени они связаны с могилами — это вопрос открытый, поскольку в обоих местах известны разновременные памятники, в том числе и поселения. Очажные камни или камни вымостки с могильника эпохи викингов могли в процессе позднейшей распашки сдвинуться со своих мест и перекрыть грунтовые могилы (см.: Saksa 1998: 57–58).

Сама конструкция погребального сооружения, по-видимому, изменялась с течением времени. Для более ранних могил в случае коллективного погребения изготовлялось сооружение (погребальная камера, домик мертвых), имеющее форму ящика с крышкой из досок и поперечными стенками из толстых балок (например, Кекомьяки-1) (Schwindt 1893: 16–32), а для одиночных могил — подобные же сооружения в форме ящика, но с одинаковыми по толщине стенками и с меньшими размерами (напр.: Тонтинмяки-6/1888 (Schwindt 1893: 71–73) (табл. II, V). В пяти случаях зафиксирована деревянная срубная рама (обкладка) с выступающими за углы концами (напр., Кекомьяки-5 (Schwindt 1893: 41–47, табл. I–V)). Это также ранняя форма погребального сооружения, происхождение которой в Карелии на основе имеющихся материалов не поддается объяснению. Можно только констатировать, что подобные обкладки сооружались в могилах в разное время и на широкой территории Европейского Севера (Овсянников 1980; Назаренко, Овсянников, Рябинин 1984; Колпаков, Рябцева 1994: 77–86; Савельева 1987: 22–28; Археология 1997: 586).

Погребальные камеры, или домики мертвых, были распространены на ограниченной территории нижнего течения Вуоксы (могильники Кекомьяки, Тонтинмяки). Часть захоронений на могильнике Суотниemi была сделана внутри деревянных срубных рам или обкладок. Подобные срубные рамы встречены также на могильниках Кекомьяки и Тонтинмяки. На одних и тех же средневековых могильниках, следовательно, использовались различные типы погребальных сооружений. Как это можно объяснить? Как правило, в таких случаях объяснение ищут в разнице в хронологии погребений. Поэтому в следующем разделе рассмотрим могилы по конкретным могильникам и попытаемся выявить на них разновременные погребения.

Внутренняя хронология могильников

Могильник Кекомьяки

Могильник располагался на восточном берегу оз. Богатырское на небольшом холме, на поле посреди дер. Богатыри (финское Коверила) Приозерского района Ленинградской области (рис. 13, 30). Он раскапывался Т. Швиндтом в 1886 и 1888 гг. (Schwindt 1893: 15–50). На территории деревни разведоч-

ные и раскопочные работы проводились нами в 1979 г. Швиндтом на юго-западном склоне холма Кекомьяки за два полевых сезона раскопано шесть средневековых карельских грунтовых могил с богатым инвентарем. Захоронения были совершены внутри деревянных срубных рам. Четыре могилы (Кекомьяки-1, 3, 4 и 5) были коллективными с мужскими и женскими парными захоронениями. Ориентированы могилы были головой на ССЗ (Кочкуркина 1981: 98–103, № 114, 116; 114, № 168; Uino 1997: 231–233; Saksa 1998: 24–30, 58–59). По результатам проведенного нами выше исследования погребального инвентаря датировка могил представляется следующей:

Могила 1 (два мужчины и две женщины) — конец XII–XIII вв. Датировка основывается на овально-выпуклых фибулах серии С2/3а, подковообразной серебряной фибуле типа I: 1а, круглой серебряной броши из женских погребений и кольцевидной фибуле, овальном кресале, мече и наконечниках копий из мужских погребений. Мужские захоронения совершены рядом и приблизительно в одно и то же время; разница лишь в том, что в одном погребении отсутствует меч (табл. VI, IX). В женских погребениях наблюдается больше различий. На женской (западной) половине погребенные уложены друг на друга лицом вверх, и в ней обнаружено лишь по одной серебряной нагрудной броши и подковообразной фибуле. Цепедержатели в могиле представлены различными типами (I: 3а и I: 1). К разным типам относятся также пронизки (I: 2а и I: 1) и ножны ножей (II, III и V) (табл. VII–XI). Тот факт, что женщины захоронены одна поверх другой, говорит в пользу предположения о одновременности совершения захоронений. Какое-то время могло пройти и между захоронениями мужчин и женщин, но археологическими методами в данное время это не выясняется. Возможно лишь предположить, что мужчины были положены в эту коллективную усыпальницу несколько позже одной из женщин.

Могила 2 (мужчина) — XIII — начало XIV вв. Датировается по кольцевой фибуле, подковообразной фибуле типа II: 2 и карельскому широкообушному топору. Кольцевая фибула имеет ближайшие аналогии в могилах Кекомьяки-3 и Тонтинмяки-8/1888.

Могила 3 (мужчина и женщина) — конец XII–XIII вв. Датировается по серебряной круглой броши, подковообразной фибуле типа II: 2, кольцевой фибуле, нательному крестик, мечу, топору, наконечнику копья и овальному кресалу.

Могила 4 (мужчина, женщина и ребенок) — безинвентарная — историческое время.

Могила 5 (мужчина, женщина и девочка). Могилу датируют круглые серебряные броши и подковообразные фибулы типов I: 1а и II: 2, овально-выпуклые фибулы типов H/IIВ: 2а, F3, зооморфная подвеска из женских погребений и меч, топор и наконечник копья из мужского погребения. Приняты во внимание отсутствующие в могиле, но обычно находящиеся в мужских погребениях и имеющие четкую датировку кольцевая фибула и овальное кресало (табл. VIII).

Рис. 30. Каукола Коверила.
Могильники Кекомьяки и Кулхамьяки

Могила 6 (женщина) — конец XII — XIII вв. Датируется по овально-выпуклым фибулам серии С2/3а, круглой серебряной броши и подковообразным фибулам типа I: 1а и II: 2.

Из сказанного выше можно предположить, что наиболее ранней могилой могильника является Кекомьяки-5, затем в хронологическом порядке следуют Кекомьяки-1 и 3, близкие между собой по инвентарю мужских погребений (в могиле 3 сохранилась лишь мужская часть) (табл. IX, XI). К женским погребениям могилы Кекомьяки-1 (I: 1 и I: 2) по составу инвентаря хронологически примыкает могила Кекомьяки-6. Могила Кекомьяки-2 является самой поздней из могил эпохи крестовых походов могильника.

В вещевом материале могил, кроме серийно выполненных фибул и другого датирующего материала, имеются украшения, форма которых, а также орнаментальные мотивы и сама манера нанесения орнамента на поверхность вещи говорят о вкусовых предпочтениях (моде), либо о производстве одной мастерской или даже одного мастера. Эти изделия могли при этом распространяться на ограниченной территории. К ним относятся пронизки, которые в могилах 1 и 6 представлены одним и тем же типом (I: 1), цепедержатели, которые опять же представлены одним типом (но разными вариантами) (I: 1, I: 3а) в могилах 1 и 5, ножны ножей, которые в могиле Кекомьяки-6 были такие же, как и в могиле 5 (тип I: 2), а также копоушки, которые в могилах 1 и 5 были различной формы (I: 2 и I: 1) (табл. VII, XI). Впечатление, что все захоронения в Кекомьяки были совершены за короткий промежуток времени,

усиливается тем обстоятельством, что только здесь во всех могилах были перстни. Еще более это впечатление укрепляется, если обратимся к технике нанесения гравированного орнамента. Наибольшая украшенная гравированным орнаментом поверхность имеется на больших серебряных подковообразных фибулах, которые на могильнике отчасти представлены одинаковыми подтипами (вариантами), то есть одинаковым образом орнаментированные: типа I: 1a в могилах 1, 5 и 6 и типа II: 2 в могилах 5 и 6 (табл. VII, XI). Гравированным орнаментом также украшались копоушки и металлические детали ножен ножей.

Гравированных орнаментальных мотивов выявляется в общей сложности пять: 1 — зигзагообразная линия, 2 — зигзагообразная, в ряде случаев двойная (в виде «елочки») линия, через которую проведена прямая линия, 3 — пилообразная линия, 4 — линию образуют отдельные зубчатые треугольные штампы, 5 — прямая линия. По орнаментальным мотивам украшения распределяются следующим образом:

Мотив 1: подковообразные фибулы 2489: 104 (тип I: 2), 2489: 118 и 2489: 232 (тип I: 1a) (могила 1), 2595: 7 (типа I: 1a) (могила 5);

Мотив 2: подковообразные фибулы 2595: 11 (тип II: 2) (могила 5), ножны ножей 2489: 58 (тип II: 1) и 2489: 170 (тип III) (могила 1), 2489: 300 (тип I: 1), 2489: 372 (тип I: 2) (могила 3);

Мотив 3: подковообразные фибулы 2489: 274 (тип II: 2) (могила 2) и 2595: 108 (тип I: 1a) (могила 6), ножны ножей 2489: 33 (тип II: 1) (могила 1), 2595: 41 (тип I: 1) 2595: 70 (тип I:1) (могила 5), 2595: 143 (тип I: 1) (могила 6);

Мотив 4: не встречен;

Мотив 5: копоушки 2489: 35, 66 (тип I: 2a) (могила 1).

Господствующим орнаментальным мотивом, следовательно, была зигзагообразная линия, которая присутствует на девяти предметах из могил 1, 3 и 5. На шести предметах линию образуют точки, которые в некоторых случаях пробиты на прямую линию (могилы 1, 2, 5, 6).

Могильник Кулхамяки

Могильник располагался на восточном берегу оз. Богатырское на краю поля, примыкающего с восточной стороны к высокому скальному мысу Кулхамяки и в 300–400 м к ЮЮЗ от могильника Кекомьяки (рис. 13, 30). Швиндт провел раскопки на Кулхамяки в 1886 и 1888 гг., в результате которых найдены и исследованы две могилы с инвентарем, существенно поврежденные распашкой. Ориентированы могилы по линии север-юг (Schwindt 1893: 11–15; Кочкуркина 1981: 23, № 47; 98, № 114–115; 114, № 166; Uino 1997: 231; Saksa 1998: 59).

Могила 1/1886, в сущности, представляет собрание относящихся к мужскому и женскому погребению вещей без каких-либо следов погребальной (могильной) конструкции. К этим вещам относятся наконечник копья типа G по Петерсену с фасетированной втулкой (2488: 2), овально-выпуклая фибула типа F1 (2488: 7) и топор карельского типа (2488: 8), датирующие могилу XII — началом XIII вв.

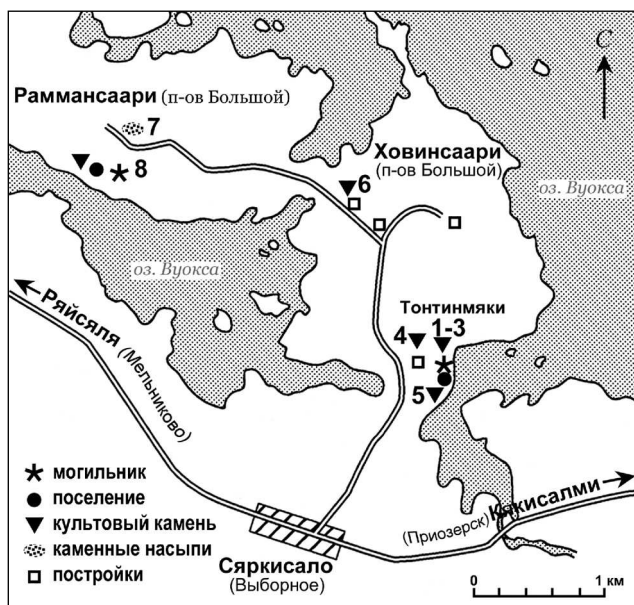

Рис. 31. Ряйсяля Ховинсаари Тонтинмяки и Раммансаари (п-ов Большой, дер. Кротово). Археологические памятники

Женская могила 1/1888 разрушена распашкой. На ее месте обнаружены лишь сгнившее дерево и обгоревшие камни. Сохранившиеся вещи: овально-выпуклая фибула типа С2 индивидуальные (2596: 1), серебряные круглая брошь (2596: 4) и подковообразная карельская фибула типа I: 1a (2596: 5) (табл. VII, XI) датируют могилу концом XII–XIII вв. Остальные, по-видимому, также относящиеся к могиле находки: цепедержатель типа I: 3a и копоушка типа I: 2 — относят могилу к той же хронологической группе, что и могила Кекомьяки I: 2 на соседнем могильнике. При нанесении орнамента на украшения использовали зигзагообразную линию, которая видна на подковообразной фибуле типа I: 1a (2596: 5) и фрагментах иглы от такой же фибулы (2596: 7 и 12).

На территории могильника в разное время были также найдены овально-выпуклые фибулы типа H/IV:2ab и F1, бронзовый браслет типа III ab по Коркеакоски-Вяйсянен (Korkeakoski-Väisänen 1981).

Могильник Тонтинмяки

Могильник располагался на холме Тонтинмяки на восточном берегу п-ова Большой (Ховинсаари) в южной части оз. Вуокса (территория дер. Кротово) (рис. 13, 31). Он раскапывался Швиндтом на протяжении четырех сезонов с 1886 по 1888 г. и в 1896 г., во время которых им были раскопаны в общей сложности 25 могил, 11 из которых были инвентарными (Schwindt 1893, 51–81, 98–99; Кочкуркина 1981, 23, № 39; 62–65, № 82–85; 91–96, № 110–112; 113–114, № 160; Uino 1997, 290–296; Saksa 1998, 60–61).

Могила 1/1886 (мужчина, женщина) — 1150–1250 гг. Датируется по овально-выпуклым фибулам типа Н/ПВ: 1, подковообразной фибуле типа I: 1а, бронзовой круглой броши, овальному с заостренными концами кресалу и топору.

Могила 3/1886 (женская) — XII — первая половина XIII вв. Разрушена в верхней части. Датируется по овально-выпуклой фибуле типа Н/ПВ: 2а и зооморфной подвеске.

Могила 1/1888 (женская) — конец XII — XIII вв. Датируется по овально-выпуклым фибулам типа С2/3а, серебряной круглой броши, подковообразным фибулам типов I: 1а II: 2 и наконечнику копья.

Могила 3/1888 (мужская) — XII — первая половина XIII вв. Основательно разрушена. Датируется по топору-секире и ажурному нательному кресту.

Могила 4/1888 (?). Полностью разрушена. По найденным у могилы напутствующим вещам она относится к эпохе крестовых походов (XII–XIII вв.).

Могила 5/1888 (мужчина, женщина) — конец XII — XIII вв. Датируется по овально-выпуклым фибулам типа D из женского погребения и овальному кресалу из мужского. В могиле найдена круглая ажурная подвеска, аналогии которой известны из памятников предшествующего времени (конца эпохи викингов).

Могила 6/1888 (женская) — XII — первая половина XIII вв. Датировка основывается на овально-выпуклых фибулах типа Н/ПВ: 1 и подковообразной фибуле типа II: 1а.

Могила 7/1888 (женская) — XII — начало XIII вв. Разрушена в верхней части. Датируется по подковообразной фибуле типа II: 1а.

Могила 8/1888 (мужская) — XIII в. или начало XIV в. Разрушена в верхней части. Датируется по бронзовой кольцевидной фибуле и топору.

Могила 9/1888 (мужчина, женщина) — XIII в., возможно, начало XIV в. Разрушена в верхней части. Датируется на основании находящихся рядом выброшенных из могил вещей (топор карельского типа с массивным обухом и овальное кресало).

Могила 13/1888 (трупосожжение). В могиле внутри деревянной срубной рамы с выступающими наружу концами находились кальцинированные кости (толщина слоя до 60 см в верхней (северной) половине) и вещи. Овальные кресала (2 экз.), бронзовая лировидная пряжка, железные поясные пряжки (3 экз.), крестовидный цепедержатель типа II: 2, бусы бронзовые и фрагмент бронзовой копоушки относят захоронение к XII–XIII вв. Остается неясным, почему в эпоху господства грунтовых могил была совершена кремация умерших.

Помимо перечисленных выше типичных карельских грунтовых могил с традиционным набором вещей, на могильнике были раскопаны несколько более поздних могил с малым набором вещей или вовсе безинвентарных. К таковым относятся могилы 2/1886, 4/1886, 1–3/1887, 2/1888, 10–12/1888, 2/1896 — безинвентарные и 14–18/1888, 1/1896 — малоинвентарные, в которых обнаружены единичные вещи: поясная пряжка, нож, перстень, фрагменты медных котлов или керамика. Одна могила с овально-выпуклыми

фибулами была раскопана в 1849 г. до прихода Т. Швиндта. На могильнике находили также отдельные вещи (Schwindt 1893: 51–81, 98–99; Uino 1997: 290–296). На п-ове Большом нами проводились разведочные работы в 1978 г. и в 1980-е годы, а на холме Тонтинмяки — раскопки средневекового поселения и остатков могильника в 1978, 1987, 1988 и 1993 гг. Новых карельских грунтовых могил не обнаружено.

Наиболее древней могилой могильника Тонтинмяки мы можем считать женскую могилу 1/1886. Однако, наряду с тем, что в могиле найдены ранние овально-выпуклые фибулы типа Н/ПВ: 1, подковообразные фибулы с рифленой дугой и топор-секира, в ней находились карельская подковообразная серебряная фибула типа I: 1а, ножны ножа типа I: 2, двуспиральные цепедержатели типа I: 2 и копоушка типа I: 1, относящиеся к развитому этапу карельской культуры (табл. VII, XI).

Следующей по времени захоронения можно считать женскую могилу 6/1888, в которой были овально-выпуклые фибулы типа Н/ПА: 1 и такие же цепедержатели (типа I: 2) и ножны ножа (I: 2) как и в могиле 1/1886. К тому же временному горизонту относятся потревоженная могила 7/1888, в которой найдены того же типа подковообразная фибула (II: 1а), что и в могиле 6/1888, и копоушка типа II, а также мужская могила 3/1888, из которой происходят бронзовый нательный крестик того же типа, что и в мужском погребении в могиле Кекомаки-5, и топор-секира типа М по Петерсену (табл. VI, VII, IX, XI). Могила Тонтинмяки 5/1888 примыкает к ним хронологически, поскольку в ней, помимо редких на Карельском перешейке овально-выпуклых фибул типа D, находилась подковообразная фибула с рифленой дугой, такая же, как и в могиле 1/1886 (типа III), пронизки типа I: 1 и II, ножны ножа типа I: 2, копоушка типа I: 1 и цепедержатель типа II: 1 (табл. XI). В этой же могиле обнаружена прорезная бронзовая подвеска, представляющая собой дегенерированную форму подвесок конца эпохи викингов (Kivikoski 1973: 107, Abb. 781; Nuorre 1980: 162–170). Такая же подвеска найдена при раскопках в крепости Корела в 1990 г. (Saksa 1992a: 14; 1994a: 34, kuv. 1: 2).

К инвентарю женской могилы 1/1888 относятся серийно выполненные овально-выпуклые фибулы типа С2/3а, а также другие украшения, которым ближайšie аналогии находятся в могилах 1 и 6 на могильнике Кекомаки и в могиле 2 могильника Кулхамяки. По этой причине могиле затруднительно найти место среди могил своего могильника (табл. XI). К этому же времени, по-видимому, относится и потревоженная могила 3/1886, в которой была овально-выпуклая фибула типа Н/ПВ: 2а, которые, как выше было установлено, лишь несколько старше фибул типа С2/3а. По основным признакам к этому же времени относятся и могилы 8/1888 и 13/1888. Остальные, оставшиеся нерассмотренными могилы могильника Тонтинмяки относятся к более позднему времени.

Количество карельских подковообразных серебряных фибул в могилах могильника Тонтинмяки не столь велико, как в могильнике Кекомаки, но и в этом случае с учетом ножен ножей можно провести исследование орна-

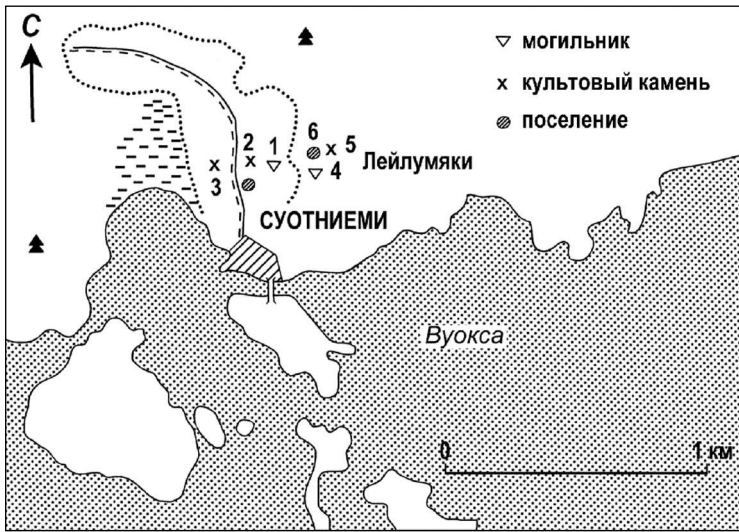

Рис. 32. Археологические памятники в Суотниemi (Яркое)

1, 4 — могильники Риихимяки и Лейлумяки (Суотниemi), 2, 3, 5 — культовые камни в выемках, поселение Риихимяки, 6 — поселение Лейлумяки

ментальных мотивов. Зигзагообразная линия видна лишь исключительно на серебряной подковообразной фибуле типа II: 2 (2595: 2) из могилы 1/1888, на которой часть орнамента нанесена с соединением зигзагообразной линии с прямой. Этот орнаментальный мотив 2 не прослеживается на других украшениях могильника. Господствующей и практически единственной техникой нанесения гравированного орнамента на вещах из могильника Тонтинмяки была прямая линия, на которую нанесен зубчатый штамп (мотив 3). Этот мотив прослеживается на подковообразной серебряной фибуле типа I: 1a (2491: 32) и бронзовом наконечнике ножен ножа (2491: 9) из могилы 1/1886, подковообразных серебряных фибулах типа II: 2 (2592: 1) из могилы 1/1888 и типа II: 1 (2593: 150) из могилы 6/1888, ножнах ножа типа I: 1 (2592: 96) из могилы 5/1888 и типа I: 2 (2592: 165) из могилы 6/1888 (табл. VII, XI).

Могильник Суотниemi

Могильник располагался на северном берегу оз. Вуокса в дер. Яркое (Суотниemi) на юго-западном склоне холма Лейлумяки примерно в 400 м к северу от берега озера (рис. 13, 32). Летом 1885 г. Швиндт раскопал здесь четыре могилы с костяками и одну могилу с трупосожжением. На могильнике найдено большое количество отдельных, не связанных с могилами вещей (Schwindt 1893: 1–11; Кочкуркина 1981: 96–98, № 113; Uino 1997: 258–261; Saksa 1998: 61). В 1991 на холме нами исследовано средневековое поселение. Ранее, в 1980, 1982 и 1987 гг. на соседнем холме Риихимяки нашей экспедицией проведены раскопки средневекового поселения и жертвенного камня с выемками (рис. 32, 33).

Рис. 34. Лапинлахти (Ольховка). Археологические памятники

Могила 1 (мужская) — XIII в. Датируется по мечу, наконечнику копья, карельскому топору с массивным обухом и серебряной кольцевой фибуле.

Могила 2 (мужская) — XIII — начало XIV вв. Датируется по кольцевой фибуле и топору с массивным обухом.

Могила 3 (ТПС) — конец XII — XIII вв. Датируется по круглой серебряной броши и овально-выпуклым фибулам типа C2/3а и F1/2.

Могила 4 (мужская) — XIII — начало XIV в. Датируется по ажурной серебряной кольцевой фибуле, овальному кресалу с усеченными концами и топору карельского типа.

Могила 5. Потревоженная, без вещевых находок.

Наиболее ранними могилами могильника Суотниemi являются могилы 3 и 1, в которых найдены вещи, имеющие аналогии на могильнике Кекомьяки (табл. VII, XI). Близко к ним по времени отстоят и могилы 2 и 4 (табл. XI). На единственном украшенном гравированным орнаментом предмете использовались прямая линия и линия из зубчатых штампов (ножны ножа типа III (2487: 53) из могилы 3).

Могильник Лептясенмяки

Могильник располагался на склоне холма Сайккелинмяки коренного (южного) берега оз. Суходольское (Суванто) на восточной окраине дер. Ольховка (Лапинлахти, Лептясенмяки) в 300 м от современной береговой черты озера (рис. 13, 34, 35). Швиндт провел раскопки могильника в 1886 г., раскопав четыре грунтовые могилы, из которых лишь одна оказалась в хорошей сохранности (Schwindt 1893: 81–85; Кочуркина 1981: 90 (№ 103), 88 (№ 97);

Uino 1997: 311–313; Saksa 1998: 61–62). С территории могильника происходит также ряд отдельных находок вещей. Попытки самого Швиндта в 1888 г., Европеуса в 1920 г. и автора данной работы в 1982 г. найти новые могилы не увенчались успехом. В ходе разведочных раскопок 1982 г. (114 шурфов размерами 1×1 м или 0,5×0,5 м) на северном и западном склонах холма на месте могильника найдена лишь керамика в трех шурфах (Сакса 1984б: 112–117).

Могила 1 (мужская) — историческое время (?). Сильно потревожена (разбросанные кости под дерном, поясная железная пряжка, некоторые другие железные изделия).

Могила 2 (?) — историческое время. Сильно потревожена (кости, керамика).

Могила 3 (?) — XIII в. Кости, керамика, нож в ножнах типа II: 2 и ажурный нательный крестик найдены в разведочной траншее.

Могила 4 (женская) — конец XII — XIII вв. Датировка основывается на овально-выпуклых фибулах типа С2/3b, серебряной круглой броши и карельских подковообразных серебряных фибулах типа I: 1. Орнамент на фибулах (2494: 32 и 46) нанесен с использованием зигзагообразной линии и более узкой зигзагообразной линии с нанесением на нее прямой. Как и в других случаях, широкая зигзагообразная линия использовалась при украшении больших полей.

Могильник Паямяки

Могильник Паямяки располагался в центре дер. Ольховка (Лапинлахти) на западном краю ведущего к оз. Суходольскому оврага на участке Аркунтанхуа (рис. 13, 34). На этом поле в первой трети XX столетия неоднократно проводились раскопки могильников позднего железного века и эпохи Средневековья (Швиндт, Европеус, Войонмаа, Кивикоски) и сделаны многочисленные случайные находки вещей. Эти работы были нами продолжены в 1979–80 гг. (Schwindt 1893: 92; Hackman 1918: 49; 1925, 43–46, 51; Nordman 1924: 153; Кочкуркина 1981: 15, № 5; 22, № 26; 88, № 97; 112, № 146; Сакса 1984: 112–117; Uino 1997: 313–314; Saksa 1998: 62, 69–82). В 1917 г. Швиндт раскопал на Паямяки женскую могилу с набором традиционных карельских украшений (Паямяки-1917). В 1931 г. при распашке поля были найдены, очевидно, принадлежащие женской могиле овально-выпуклые фибулы, копоушка и нож с бронзовой рукоятью и ножнами, а также ряд других вещей (Uino 1997: 314).

Паямяки-1917 — XII — первая половина XIII вв. Датировается по овально-выпуклым фибулам типа Н/IC и Н/IIВ: 2 (варианты).

Паямяки-1931 — XII — первая половина XIII вв. Датировается по овально-выпуклым фибулам типа Н/IIВ: 2а и Н/IIВ: 2 (варианты).

Орнамент найденных в 1917 г. ножен ножа типа I: 1 (7291: 27) нанесен с использованием прямой линии, так же, как и на найденных в 1931 г. копоушке типа I: 1 (9415: 13) и ножнах ножа типа I: 1 (9415–17).

Могильник Патья

Могильник располагался на прибрежном холме южного берега оз. Суходольское (Суванто) в западной части дер. Ольховка (Лапинлахти) пример-

но в 400 м от современной линии берега озера (рис. 13, 34). Он был обнаружен при полевых работах в 1905 г. Побывавший вскоре на месте Т. Швиндт определил могильник как христианский. В 1937 г. местные жители стали его из любопытства раскапывать, в результате чего были найдены украшения (10710: 1), предметы вооружения (меч, топор, два наконечника копий), овечьи ножницы и гвозди (10710: 1–9). Предпринявшая на следующий год на этом месте раскопки Э. Кивикоски посчитала, что уничтоженными могли оказаться до 50 погребений. Раскоп 1938 г. (10×16 м) перекрыл практически всю оставшуюся часть могильника, кости и вещи (10817: 1–79) на котором были сильно перемешаны с землей. Вскрыто 23 могилы, из которых лишь наиболее глубокие сохранились непотревоженными. Захоронения были совершены без вещей в гробах, от которых остались дерево и гвозди, либо без них. Ориентированы они были головой на запад, юго-запад или запад-юго-запад. Лишь в женской могиле 21 найдены хорошо сохранившийся передник с бронзовыми спиральками, серебряный шведский брактеат (1210/20–1260/70 гг.), щиток подковообразной фибулы, копоушка, нож в ножнах, фрагмент цепи, овечьи ножницы и серп. В области шеи погребенного в могиле 23 была бронзовая иконка (10817: 20). На могильнике отдельно найдены несколько древних вещей, в том числе две карельские серебряные подковообразные фибулы типа I: 1 10817: 26 и 31) (Kivikoski 1942, 79–87; Кочкуркина 1981: 89 (№ 102; Uino 1997: 310–311; Saksa 1998: 62). Орнамент на обеих нанесен с использованием прямой линии с нанесенными на нее зубчатыми штампами (мотив 3). На фибуле 10817: 26 пространство между орнаментальным узором занято рисунком из низких, но широких зигзагообразных штрихов. Зубчатой линией украшены ножны ножа типа I: 1 из могилы 21 (10817: 9), оковка ножен ножа (10817: 22) и нижняя часть ножен ножа типа III (10817: 36), ножны ножа типа I: 1 (10817: 38) и типа IV (10817: 45).

Предметы вооружения: меч, топор и наконечники копий датируют сохранившуюся древнейшую часть могильника XIII–XIV вв. (Кирпичников 1966а: табл. 13, 11; Kivikoski 1973: 143, Abb. 1168). Этой датировке соответствуют брактеат из могилы 21 и бронзовая иконка из могилы 23.

Относительная хронология могил

В результате проделанной выше достаточно сложной процедуры рассмотрения погребального обряда и инвентаря могил мы можем перейти к построению относительной хронологии могил. При этом проблемой остается то обстоятельство, что хронологическое разделение могил мы вынуждены проводить внутри тех временных рамок, которые в общих чертах являются датировкой каждой конкретной могилы. Достаточно надежно нам удалось выделить наиболее старшие и младшие могилы внутри могильников, но в отношении всех карельских грунтовых могил эпохи крестовых походов это становится еще более сложным. Проблема состоит в широкой датировке рас-

смаатриваемых вещей. В дальнейшем, опираясь на проделанную выше работу, попытаемся, используя имеющиеся внутри конкретных типов украшений индивидуальные черты и различия в их форме и орнаментации, выделить могилы, в которых находятся изделия одного времени (изготовленные в одной мастерской или одним и тем же мастером). Или, другими словами, могилы, сделанные при жизни одного поколения людей. Индивидуальные особенности (манера) в нанесении гравированного орнамента на украшение, как и способ создания всей орнаментальной композиции, и другие индивидуальные черты, могут выявить среди вещей такие связи, которыми можно собрать в одну группу могилы одного хронологического горизонта.

Собрав проявления всех индивидуальных способов нанесения орнамента, мы получаем на карте зону их распространения. На большей части наиболее обильно украшенных гравировкой украшений — серебряных подковообразных фибул и ножен ножа — рисунок выполнен зигзагообразной линией или линией из зубчатых штампов. Зигзагообразная линия наблюдается, во всяком случае, на четырех предметах из могильника Каукола Кекомаки (могилы 1 и 5) и в пяти случаях в комбинации с прямой линией (могилы 1, 3, 5). Помимо этого одна фибула с такой техникой рисунка найдена на соседнем могильнике Кулхамяки, одна — на могильнике Ряйсяля Тонтинмяки (могила 1/1888), две фибулы — в Саккола Леппясенмяки (могила 4) и одна — в Патья. Линия из зубчатых штампов видна на шести предметах из могил 1, 2, 5, 6 в Кекомаки, шести из могил 1/1886, 1/1888, 5/1888 и 6/1888 в Тонтинмяки и одном из могилы 21 в Патья.

Все перечисленные могилы входят в группу, которую мы датируем концом XII — XIII вв., за исключением лишь одной могилы (2) из Кекомаки, в которой на украшениях прослеживается линия из зубчатых штампов и которая датируется XIII — началом XIV вв.

Если исходить из того, что в технике нанесения гравированного орнамента видна «рука» мастера или школы, возникает вопрос об интенсивности производства украшений. Это напрямую указывает на время употребления вещей или на время между изготовлением украшения и его отложением в могилу. Зигзагообразная линия прослеживается на подковообразных фибулах типа I: 1 (2 случая), I: 1a (3), I: 2 (1), II: 2 (3) и на ножнах ножей типа I: 1 (1), I: 2 (1), II: 1 (1), III (1). Линия с зубчатыми штампами наблюдается на подковообразных фибулах типа I: 1a (4), II: 1 (1), II: 2 (2) и на ножнах типа I: 1 (6), I: 2 (1), II: 1 (1), III (1), IV (1). Решению проблемы может помочь рассмотрение комбинации вещей и украшавших их орнаментальных мотивов в погребениях. Для этого из всех карельских средневековых могил выберем те, в инвентарь которых входят лишь традиционные украшения погребального костюма: овально-выпуклые фибулы, серебряные подковообразные фибулы, пронизки, цепедержатели, ножи с ножнами, копоушки и получившие широкое распространение в Карелии круглые серебряные броши (см.: табл. VII, XI). В эту же группу входят все украшения с гравированным орнаментом. Исходя из того, что часть овально-выпуклых фибул изготовлена серийно, сгруппируем моги-

лы по находкам в них таких фибул. Начнем с фибул серии С2/3а как наиболее многочисленных. Таковые найдены в могилах 1 (4 экз.) и 6 (2 экз.) в Кекомяки, в Тонтинмяки-1/1888 (2 экз.) и в Суотниemi-3 (1 экз.). Хронологически близкие им фибулы типа Н/ПВ62а найдены в могилах Кекомяки-5 (2 экз., вторая пара фибул – F3), Тонтинмяки-3/1886 (1 экз.) и Паямяки-1931 (2 экз.). Фибулы других типов и групп найдены в Кулхамяки-2 (С2 индивидуальные), Тонтинмяки-1/1886 (Н/ПВ:1), 6/1888 (Н/ПА:1) и 5/1888 (D), Леппясенмяки-4 (С2/3b), Патья-1937(С3) и в Лейниколя (С3) (табл. XI).

Из этих фибул выберем лишь те, которые происходят из могил, содержащих наибольшую часть рассмотренных выше украшений. Из таблицы XI следует, что с фибулами типов С2/3а и Н/ПД: 2а в инвентарь женских могил входят круглые серебряные броши, определенные типы подковообразных фибул (I: 1а), пронизок (I: 1, I: 2), цепедержателей (преимущественно I: 3а), ножны ножей (преимущественно I: 2) и копоушки (преимущественно I: 2). Орнамент на них нанесен как с использованием зигзагообразной линии, так и из зубчатых штампов.

Могилы Кулхамяки-2 (С2 индивидуальные) и Леппясенмяки-4 (С2/3b) сделаны приблизительно в то же время, когда были совершены захоронения в могилах Кекомяки-1, 5 и 6, Тонтинмяки-1/1888 и 3/1886. Различия наблюдаются лишь в деталях в форме и орнаментации овально-выпуклых фибул, пронизок и цепедержателей (рис. 23–26; табл. XI).

Из таблицы также видно по другим украшениям, что могилы, в которых находятся считающиеся наиболее ранними овально-выпуклые фибулы, могли быть устроены незадолго до того, когда совершались захоронения в могилах с фибулами типов С2/3а и Н/ПВ: 2. Этими могилами являются Кекомяки-3, Тонтинмяки-5/1888, 1/1886 (Н/ПВ: 1) и 6/1888 (Н/ПА: 1).

Из этой же таблицы явствует, что круглые серебряные броши находятся лишь в тех могилах, в которых имеются овально-выпуклые фибулы типов С2/3а и Н/ПВ: 2 (за исключением могилы Тонтинмяки-1/1886), карельские серебряные подковообразные фибулы (за исключением Суотниemi-3) и декоративные двуспиральные цепедержатели типа I: 3а. В то же время с фибулами типов С3 и D уже не встречаются круглые серебряные броши и подковообразные фибулы, как и декоративные двуспиральные цепедержатели. Последние сменяются крестовидными ажурными цепедержателями типа II: 1 (табл. XI).

Перечисленные выше могилы – это именно те, которые формируют вторую группу по таблице XI. Следовательно, можно констатировать, что разделение на группы обусловлено разницей во времени совершения захоронения. Также и внутри самих групп находятся устроенные в разное время могилы. В этой наибольшей второй группе, например, могилы Тонтинмяки-1/1886 и 6/1888 очевидно старше других. Кроме овально-выпуклых фибул Н/П: 1 и Н/ПВ: 1, в них имелись двуспиральные цепедержатели, которые не встречаются в других могилах. В Тонтинмяки-1/1886 найдена также бронзовая подковообразная фибула с тордированной дугой, аналогия которой имеется

лишь в могиле Тонтинмяки-5/1888, в которой были овально-выпуклые фибулы типа D и крестовидные цепедержатели типа II: 1 (табл. XI). В могиле была найдена также круглая бронзовая ажурная подвеска с дегенерированным звериным орнаментом конца эпохи викингов, которая была «ошибочно» закреплена на пронизке. Возникает впечатление, что инвентарь могил со временем не изменялся закономерно. Некоторые изделия предшествующего времени использовались и при смене форм украшений, как это видно на материале могилы Тонтинмяки-5/1888, однако большая часть одних и тех же украшений традиционного набора встречается в могилах, которые по овально-выпуклым фибулам относятся к различному времени. Но и здесь есть признаки сокращения использования некоторых форм изделий или перехода к новым формам. Помимо уже упоминавшихся цепедержателей типов I: 3а и II: 1, таких обычных (за исключением одного случая в могиле Кекомьяки-6) для карельских могил изделий, как ножны ножей типа I: 1, не было у женщин, погребенных с фибулами типа С2/3а. Это же касается и пронизок типа II (табл. XI).

Еще одной объединяющей могилы этой группы чертой являются погребальные камеры из толстых деревянных брусьев, которые были устроены в могилах Кекомьяки-1 и -3, Тонтинмяки-1/1886, 1/1888, 3/1888 и 6/1888. В остальных могилах этой группы дерево не сохранилось. В могиле Кекомьяки-5 была срубная деревянная рама, но и здесь, как в случаях с погребальными камерами, на умерших и вещах была береста и приложены «напутствующие» вещи. Эти оба способа устраивать место погребения умершим являются, таким образом, характерными чертами обряда определенного этапа развития древней карельской культуры.

Образующие более позднюю группу могилы из Лейниколя и Патья-1937 демонстрируют, как инвентарь (и погребальный костюм) стандартизуются: в погребениях обнаруживаются лишь украшения традиционного женского убора. Полностью исчезают «напутствующие вещи», и на место срубных деревянных рам и погребальных камер приходят гробы из досок.

Возможно, входящие в ту же группу (1) обе могилы из Паямяки (1917 и 1931) все же несколько старше могил из Лейниколя и Патья. В них также отсутствуют серебряные фибулы, что означает то, что эти могилы относятся ко времени до или после того, как в употребление вошли серебряные подковообразные фибулы и круглые выпуклые броши.

Среди карельских женских могил, таким образом, выделяются три хронологические группы, в погребальный инвентарь которых входили как различные отдельные украшения, так и традиционные, составляющие «национальный» убор типы украшений в различных вариантах по форме и орнаментации. Определяющей группой служили могилы развитого этапа (расцвета) карельской языческой погребальной обрядности, в инвентарь которых входили овально-выпуклые фибулы типов С2/3а и Н/ПВ: 2, подковообразные фибулы типов I: 1 и II: 1, круглые выпуклые серебряные броши и декоративные двуспиральные цепедержатели типа I: 3а. К ним относятся

Кекомайки-1, 3, 5, 6, Кулхамяйки-2, Тонтинмяйки 1/1888, Леппясенмяйки-4 и Суотниemi-3. Несколько более ранними по отношению к ним являются, очевидно, Тонтинмяйки-1/1886, 3/1886 и 6/1888.

Могила Паямяйки-1917 и Паямяйки-1931 находятся рядом с могилами основной группы; в них отсутствуют лишь круглые выпуклые серебряные броши и подковообразные фибулы, и это может быть хронологическим признаком. Вопросом остается то, куда по отношению к могилам основной группы определим эти могилы: являются ли упомянутые три могилы из Тонтинмяйки и две могилы из Паямяйки их старше или младше? Могила Тонтинмяйки-5/1888, по-видимому, невзирая на найденные в ней ранние фибулы и бронзовую подвеску, следует отнести к тому же времени, что и предыдущие. При датировке могил этой группы определяющее значение имеют крестообразные ажурные цепедержатели типа II: 2 и найденная в дер. Лапинлахти в могиле Паямяйки-1917 овально-выпуклая фибула типа H/IC, если предположение о том, что фибулы типа H/IIВ: 2 близки по времени фибулам типа С2/3а, верно. Выше уже отмечалось, что фибулы типов H/IIВ: 2 и С2/3а не встречаются в могилах и что первые несколько старше фибул типа С2/3а. Это все же не исключает предположения, что на некоторых территориях они могли употребляться более продолжительное время. Фибулы типа H/IC на Карельском перешейке найдены также и случайно в той же деревне Лапинлахти (1922: 409 и 2520: 32) и одна в дер. Хаапакюля (7066: 1).

Лехтосало-Хиландер при датировании фибул типа H использовала материал могилы Паямяйки-1917, опираясь на то, что подковообразные фибулы с тордированной дугой (7291) и утолщением на дуге (7291: 25) были в употреблении в конце эпохи викингов и в эпоху крестовых походов. Поэтому, по ее мнению, большая часть фибул типа H/IC датируется первой половиной XII в. (Lehtosalo 1966: 25). Следует все же принимать во внимание, что подковообразные фибулы с тордированной дугой найдены в могиле Тонтинмяйки-5/1888, в которой найдены также овально-выпуклые фибулы типа D и Тонтинмяйки-1/1888, откуда происходят фибулы типа H/IIВ: 2 и обычная для могил основной группы подковообразная фибула типа I: 1а. Также и новгородские находки свидетельствуют, что подковообразные фибулы с витой дугой находились в употреблении до конца XIII в. (Седова 1981: 86, 87, рис. 31, 7). Вероятность более поздней, чем XII в., датировки фибул типа H/IC обосновал Ю.-П. Таавитсайнен, представивший радиоуглеродную датировку берцовой кости из могилы IV/1978 в Холлола Киркайланмяйки, указывающую на первую четверть XIII в. (Taavitsainen 1990: 84, 93).

Цепедержатели из обеих могил в Паямяйки (1917 и 1931) представлены крестовидной формой типа II: 2, которые отличаются от цепедержателей типа II: 1 лишь двумя боковыми ушками для подвесок. Такие же цепедержатели найдены в могиле 6 в Кекомайки (2 экз.) и в могиле 4 в Леппясенмяйки. В последней могиле парой цепедержателю типа II: 2 был цепедержатель типа II: 1. В могиле Паямяйки-1917 парой крестовидному цепедержателю типа II: 2 был двуспиральный декоративный цепедержатель типа I: 3а —

характерный для могил основной группы. Двуспиральные цепедержатели из могилы 1/1886 в Тонтинмяки представлены типологически более ранней и простой формой, чем декоративные — типа I: 2, в то время как в могиле 5/1888 они были типа II: 1 (табл. VII, XI).

Мы можем в итоге констатировать, что крестовидные цепедержатели стали использовать тогда, когда двуспиральные цепедержатели типов I: 1 и I: 2 уже выходили из употребления и до того, как в моду входили декоративные цепедержатели типа I: 3а.

Крестовидные цепедержатели типа I: 1 найдены на южном побережье Ладожского озера в могиле в Мишкино, содержащей также овально-выпуклые фибулы типа Н/ПВ: 2 (варианты а, б) (Lehtosalo 1966: 37; Рябинин 1990: 34, 65, рис. 3). Рябинин датирует могилу второй половиной XIII в. по цилиндрическим бронзовым и синим глиняным бусинам. Из них бронзовые бусины обычны для памятников конца XII–XIII вв., в то время как синие глиняные бусины входят в употребление на Северо-Западе во второй половине XIII в.

Два крестовидных цепедержателя типа II: 1 найдены при раскопках в крепости Корела в г. Приозерске в 1990 г. в слое крупнозернистого песка между двумя горизонтами деревянных конструкций (Saksa 1992a: 7–26; Uino: Saksa 1993: 213–217; Saksa 1998: 116–122, kuv. 41, 11; Сакса 1999: 198–204; Кирпичников, Сакса 2002: 138–139, рис. 2, 17). Верхний горизонт, по А.Н. Кирпичникову, датируется 1310–1360 гг. (Кирпичников 1979: 52–74; 1984: 114–119). Последующие исследования показали, что строительная деятельность на этом участке началась в конце XIII в. и продолжилась на рубеже XIII–XIV вв. Общая дата строительного горизонта укладывается в предложенную А.Н. Кирпичниковым (Saksa, Kankainen, Saarnisto, Taavitsainen 1990: 67; Сакса 1999: 201–202). Нижний, лежащий на материке горизонт отложился в процессе строительной деятельности в XIII в. (Kankainen, Saksa, Uino 1995: 43–47; Сакса 1999: 203). Совершенно очевидно, что цепедержатели, овально-выпуклые фибулы, бронзовые рукояти ножей и другие предметы эпохи крестовых походов и предшествующего ей времени из раскопок в Кореле, как и слой крупнозернистого песка, в котором они найдены, представляют более раннее время относительно перекрывающего их горизонта дерева конца XIII–XIV вв. По всей видимости, отмеченный слой песка сформировался в результате строительной деятельности конца XIII в. по расширению островной территории и укреплению крепости после освобождения от шведов в 1295 г. Об этом же говорит слой щепы на поверхности песчаного слоя, перекрывающего остатки первоначальных карельских укреплений. Можно предположить, что слой с карельскими украшениями относится к этапу существования поселения XIII в., часть культурного слоя которого перенесли на край крепостного острова для расширения его площади и поднятия берега, что видно и по тому, что граница горизонта дерева XIV в. выходит далеко за пределы первоначального строительного горизонта (Saksa 1998: 110–125; Сакса 1999: 202–203).

Более младший возраст декоративных спиралеконечных цепедержателей типа I: 3а подтверждается находками карельских вещей в слое XIV–XV вв.

крепости Орешек, к которым, кроме цепедержателя типа I: За, относятся две овально-выпуклые фибулы типов С (округлоконечные индивидуальные) и Н (Н/ПВ: 2) по Айлио, бронзовая рукоять ножа и зооморфная подвеска (Рябинин 1990: 35; Saksa 1998: 66; Кирпичников, Сакса 2002: 141, рис. 3: 2, 3). По этим находкам не следует датировать могилы, поскольку вещи могли сохраняться и после смены погребального обряда на христианский, но как свидетельство относительно позднего использования они пригодны.

В качестве итога можем засвидетельствовать, что хронологические различия между карельскими могилами эпохи крестовых походов не являются значительными. Погребальный инвентарь позволяет все же выделить по крайней мере две хронологические группы, разница в захоронении в которых между старшими и младшими могилами составляет лишь 100–150 лет. Кардинального изменения погребального инвентаря за весь рассматриваемый период не произошло. Изменения происходили постепенно, так, что в могилах последующего этапа оставалось место для вещей предыдущего.

В свете рассмотренного выше можно считать наиболее старшими женскими могилами Тонтинмяки-1/1886, 6/1888, Паямяки-1917, Тонтинмяки-5/1888, Паямяки-1931, Тонтинмяки-3/1886. Они датируются второй половиной или концом XII – первой половиной XIII вв.

Могилы Патья-1937 и Лейникюля образуют свою группу, трудно поддающуюся хронологическому определению. Склонен все же считать, что они несколько младше предыдущей группы и датируются XIII в.

В младшую группу могил входят: Кулхамьяки-2, Кекомяки-5, Лепясенмяки-4, Кекомяки-1 (по-видимому, женское погребение I: 1 несколько старше погребения I: 2, судя по отсутствию в нем круглой серебряной броши и подковообразной фибулы типа I: 1a и цепедержателям различных типов (табл. VII, XI)), Кекомяки-6, Тонтинмяки-1/1888, Кекомяки-3, Суотниemi-3 и, вероятно, Тонтинмяки-13/1888. Могилы этой группы датируются XIII в., возможно, второй четвертью XIII – началом XIV вв. Потревоженные могилы Тонтинмяки-7/1888 и Ивасканмяки, также как и Патья-21, относятся к этой группе.

Представленные нами даты отличаются от того, как традиционно в финской археологической науке датируются овально-выпуклые фибулы (XII – начало XIII вв.) (Ailio 1921; af Hällström 1948; Lehtosalo 1966; Linturi 1980; 1982). Но, уже начиная с Нордмана (Nordman 1924), существовала точка зрения, согласно которой среди карельских вещей и могил есть и такие, которые датируются XIII в. (Salmo 1956; Sarvas 1971; Taavitsainen 1990a). Исследование топоров из карельских грунтовых могил также подтверждает их использование до XIII в. (Appelgren 1897; Paulsen 1956; Wuolijoki 1972).

Мужские могилы датируются следующим образом: наиболее древней можно считать «находку предметов вооружения» (меч, два наконечника копий, топор, ножницы для стрижки овец, гвозди) из Лапинлахти (Патья-1937) и могилу Тонтинмяки-3/1888 (вторая половина XII – XIII вв.). В основную группу, могилы которой датируются XIII в. и, вероятно, отчасти началом

XIV в., входят могилы Суотниemi-1, 4, Кекомьяки-2 и Тонтинмяки-8/1888. Они соответствуют хронологически женским могилам поздней группы, в коллективных могилах которой находятся также мужские погребения Кекомьяки-1: 3, 1; 4, Кекомьяки-3: 1 и 5: 2. Наиболее поздней могилой является Тонтинмяки-9/1888, датирующаяся второй половиной XIII — началом XIV вв. (табл. VI, IX).

Отдельные находки

Проведенное выше рассмотрение хронологии карельских вещей и карельских грунтовых могил делает возможность привлечения для решения вопросов истории карел и их материальной культуры также и отдельных случайных находок. Но прежде нужно определиться с тем, что происходило в развитии материальной культуры между этим горизонтом конца XII—XII — начала XIII вв. и концом эпохи викингов (первой половиной XI в).

Помимо могил, традиционно считающиеся карельскими вещи найдены на Карельском перешейке, в Северо-Западном Приладожье и на сопредельных территориях случайно и в культурных слоях древних поселений, в составе кладов. Овально-выпуклые фибулы типа Н/IV: 2a найдены в отдельной могиле на горе Сяккимяки в пос. Куркиёки (2053: 2a, 2b), в Куркиёки Терву (5446: 1) и в Саккола Лапинлахти (4421: 5). В могиле на Сяккимяки найдены также две бронзовые подковообразные фибулы с плоской дугой и плоскими головками, датируемые XII—XIII вв. (Lehtosalo 1966: 30; Мальм 1967: 184–185). Фибулы типа Н/IV: 2b найдены в Ряйсяля Ивасканмяки (1922: 418), Куркиёки Терву (2014: 11) и в Хиитола Кильпола (5418: 19). Фибула из Ивасканмяки происходит из разрушенного могильника (1922: 417–429). Остальные овально-выпуклые фибулы этой находки представлены типами Н/II: 2 (вариант a, b) (1922: 417), Н/IA (1922: 419), Н/IV (1922: 420), Н (испорчена огнем) (1922: 421), К (?) (1922: 422). Остальные вещи представлены бронзовой накладкой ножен ножа типа III (1922: 423), бронзовая рукоять ножа (1922: 424), копоушка типа I: 1a (1922: 425), игла подковообразной фибулы (1922: 426), пронизка типа I: 2a (1922: 427), наконечники копий (1922: 428–429). Из перечисленных изделий вещи под номерами 1922: 417, 418, 423, 424, 425 и 427 могут относиться ко второй половине XII — XIII вв., в то время как остальные к XII — началу XIII вв. Помимо находки в Ивасканмяки (1922: 417) и в могилах Паямяки-1917 и Паямяки-1931 в Лапинлахти (7291: 18 и 9415: 1), фибулы типа Н/II: 2 (вариант a, b) найдены в Сортавала Путсинлахти (2231: 27), Каукола Кекомьяки (3336: 240), Саккола Нойсниemi (1922: 410), Ряйсяля Тиури (4661: 3) и в Муола Канниланйоки (9454) (Lehtosalo 1966: 35–37).

Все найденные в Карелии фибулы типа С2/3a происходят из могил (табл. VII, XI). Две фибулы типа С2/3a происходят из района Кексгольма (1922: 411, 2520: 49), две типа С3 найдены в Ряйсяля Ховинсаари (531) и

Ряйсяля Тиури (Тиверский городок) (4661: 4), одна фибула типа F3 найдена в Хиитола Кавосалми (2298: 188).

Серебряные подковообразные фибулы типов I: 1 и I: 1a большей частью происходят из могил. Два экземпляра найдены в составе кладов из Саккола Сипилянмяки (10663: 7) и Хиитола Кильпола (3641: 3). Также и фибулы типа II: 2, из которых лишь один экземпляр происходит из клада в Сортавала Рантуэ (8121: 2). Из круглых выпуклых серебряных брошей только одна найдена вне могил в кладах на Тиверском городке (2740: 15).

Цепедержатели типа I: 3a за исключением двух из Хиитола Петкола (1922: 434) и Куркиёки Сяккимяки (2644: 5) происходят из могил. Один близкий им по форме цепедержатель типа I: 3b найден в Ряйсяля Раммансаари (2298: 159).

Вне могил случайно найдены также следующие вещи.

Цепедержатели типа II: 1 найдены в Каукола Кекомьяки (2298: 168), Каукола Рокосина (2535: 3), Ряйсяля Кюлялахти (8887) и на городище Паасонвуринвуори. Такие же крестовидные цепедержатели, но с ушками (тип II: 2) найдены в Хиитола Кильпола и на городище Паасонвуринвуори. Одна копушка типа I: 1 происходит из Ряйсяля Сяркисало (2298: 156).

Клады

Из известных на территории древней Карелии четырех кладов серебряных вещей эпохи крестовых походов лишь один был зарыт на поселении (Тиверский городок) (рис. 49). Остальные три найдены случайно вне связи с археологическими памятниками и, в отличие от ранее рассмотренного клада, содержат главным образом характерные для карельского праздничного женского убора украшения. Клад из дер. Сипилянмяки (ныне не существует) в приходе Саккола был найден в 1935 г. на южном склоне пологого холма на северном берегу оз. Суходольское примерно в 3 км к З-СЗ от современного поселка Громово (рис. 13). При распашке поля плугом были вывернуты на поверхность следующие серебряные вещи одним комком: головное украшение-сюкерё, подвеска-медальон, четыре бусины, подковообразная фибула с плоской дугой (тип I: 2), три плоские круглые подвески (10663: 1–10) (рис. 36, 1–7). На месте находки обнаружены фрагмент круговой керамики и кусок истлевшего дерева. Клад датируется 1150–1250 гг. (Nordman 1945: 221–237; Кочкуркина 1981: 117, № 196; Уино 1997: 317–319). Два клада происходят из Северо-Западного Приладожья. Клад из деревни Кильпола (ныне не существует) на одноименном острове в приходе Хиитола был найден в 1896 г. на южном берегу разделяющего остров на две части пролива, у его западного устья (рис. 13, 37, 1–4). Вещи — головное украшение-сюкерё, подвеска-медальон с изображением процветшего креста, переделанная в брошь, подковообразная фибула с плоской дугой (тип I: 2) и фрагмент цепочки (3641: 1–4) — были найдены под камнем на холме Пиимялянмяки. При разведоч-

ных раскопках Сирелиуса в 1908 г. на месте находки никаких других древних остатков не обнаружено. Клад датируется 1150–1300 гг. (Nordman 1924: 19, fig. 7, 68, 113; Кочкуркина 1981: 117, № 198; Uino 1997: 219). Уйно, основываясь на полученных ею от ныне проживающих в Финляндии местных жителей данных, утверждает, что холм под названием Пиималанмяки не был известен в деревне на острове. В то же время горка под таким названием находилась напротив острова на материке в дер. Пиимяля (Uino 1997: 219). В районе г. Сортавала на ближайшем к городу западном берегу о-ва Риеккала рядом с часовней св. Николая в дер. Рантуэ в 1922 г. были найдены шесть серебряных предметов: плетеная шейная гривна, две подковообразные фибулы с выпуклой дугой (одна (8121: 2) тип II: 2), и три круглые плоские подвески с ушками (8121: 1–6) (рис. 38, 1–6) (Nordman 1924: 84–85, Fig. 61–64; Hackman 1925: 52–53; Кочкуркина 1981: 117, № 199; Uino 1997: 329).

Из трех рассмотренных кладов лишь один, из дер. Кильпола, найден в известном находками эпохи крестовых походов районе. В остальных случаях серебряные предметы обнаруживались в местах без каких-либо следов археологических памятников. В 1974 г. С.И. Кочкуркина в дер. Красная Горка (Рантуэ) при разведочных работах обнаружила на поле несколько фрагментов круговой керамики, кальцинированные кости и кварцевые отщепы. На месте находки клада следов средневековых остатков не обнаружено (Кочкуркина 1981: 117).

Рассматривая распространение вещей второй половины XII–XIII вв., мы получаем картину расселения этого времени. Центральными районами являются Саккола Лапинлахти (Ольховка) (могильники Леппясенмяки, Паямяки, Патья), Каукола Коверила (Богатыри) (могильники Кекомьяки и Кулхамьяки), Ряйсяля (Мельниково) (могильник Ивасканмяки), Ховинсаари (п-ов Большой) (могильники Тонтинмяки, Раммансаари), район Кексгольма-Приозерска (могильник Суотниemi) и о-в Кильпола (могильные находки и клад серебряных вещей в дер. Кильпола). Следы постоянного населения фиксируются также по находкам вещей эпохи крестовых походов в Саккола Нойсниemi и Сипилянмяки (Громово) (клад серебряных вещей), Ряйсяля Тиури (Васильево) (находки в деревне и Тиверский городок), Муола Канниланйоки (Правдино, речка Пчелинка) на Карельском перешейке, а также в Куркиёках и Терву, Хиитола Кавосалми и Сортавала Путсинлахти (на о-ве Тулолансаари) в Северо-Западном Приладожье (рис. 13). Находки вещей ранней группы (вторая половина XII – первая половина XIII вв.) выявлены также в Каукола Рокосина (Севастьяново), Ряйсяля Кюлялахти, Сяркисало (Кротово, Выборное), Уннункоски (Горы).

Имеется целая группа хронологически точно неопределимых вещей позднего железного века, которые не входят в традиционный погребальный инвентарь карельских грунтовых могил второй половины XII – XIII вв. Как правило, они концентрируются в определенных местах, которые соответствуют определенным нами выше районам находок карельских могильников и вещей. Эти вещи (в основном фибулы и наконечники копий) нельзя отне-

сти к эпохе викингов, поскольку они были в употреблении и в последующую эпоху крестовых походов и на широкой территории, охватывающей весь Балтийский регион, включая Северо-Запад России, Прибалтику, Финляндию и Скандинавию. Также известны находки и некоторых типов (например, определенные варианты овально-выпуклых фибул) считающихся карельскими украшениями, которые лишь в незначительном количестве найдены в богатых карельских могилах эпохи крестовых походов. Следует учитывать при рассмотрении средневековой истории карел и карельской культуры, что грунтовые могилы второй половины XII – XIII вв. представляют лишь один период развития карельской культуры языческого времени, а именно, период ее расцвета. На территории древней Карелии найдены и исследованы погребения с инвентарем или другими чертами языческой погребальной обрядности и более позднего времени. Они происходят с тех же территорий, на которых с эпохи позднего железного века уже существовали развитые средневековые поселенческие центры. Поэтому имеются серьезные объективные основания продолжить рассмотрение истории древнего населения Карелии в рамках выявляющихся в археологическом материале поселенческих центров (центров концентрации населения). Следует также отметить, что такого рода исследование дает представление о динамике развития населения и его культуры в различных частях древней Карелии на отдельных «горизонтальных» хронологических пластах, в то время как «вертикальное» развитие во времени демонстрируют культурные слои долговременных поселений, таких, как Корела и Тиверский городок на Карельском перешейке, городища Хямеенлахти и Паасонвуори в Северо-Западном Приладожье и, наконец, дошведский средневековый Выборг (замок и город).

ГЛАВА 5

Средневековые поселенческие центры древней Карелии

В главе прослеживается развитие населения Карельской земли в эпоху позднего железного века и Средневековья. В рамках выявленных по археологическому материалу поселенческих центров нами рассматривается вся совокупность археологических памятников на их территории: поселения, могильники, культовые (жертвенные) места, каменные насыпи и камни с чашевидными выемками, клады и отдельные находки вещей. Более крупные центральные торгово-ремесленные укрепленные поселения, такие как Корела — административный центр всей Карельской земли и защищавший водный путь по Вуоксе Тиверский городок, рассматриваются нами отдельно как самостоятельные центры.

Лапинлахти (Ольховка)

Могильники, случайные находки вещей

На территории деревни Ольховка на южном берегу оз. Суходольского открыты и отчасти изучены археологические памятники всего периода позднего железного века и эпохи Средневековья, что делает этот район исключительно интересным и в какой-то степени эталонным в плане изучения истории населения древней Карелии и его культуры (рис. 34). Наиболее ранним памятником является погребение под каменной насыпью на «поле Виролайнена», относящееся к концу эпохи Меровингов (около 800 г. н. э.) (рис. 9, 10). На территории двух соседних земельных участков Наскалинмяки и Хеннонмяки выявлены могильники типа полттокенттякалмисто (ТПС на каменной вымостке) конца эпохи викингов, на которых, по-видимому, продолжали хоронить и в последующую эпоху крестовых походов (Eugoraeus 1923: 70–72; Nordman 1924: 96–100, 125–126, 182–184; Кочкуркина 1981: 15–17, № 7, № 8; 88–89, № 98, № 101; 112, № 143; 118; 1982: 17–18; Сакса 1984: 112–117; 1989: 94–96; Сакса, Тюленев 1990: 70; 2000: 121–129; Saksä 1985: 38; 1992-a: 100–101, 1992b: 470–472; 1998: 69–71, kuv. 8, 192–193; Uino 1997: 111–117, Fig. 4:6, 313–316; 2003: 309–312, 333–335). На этих же полях собрано большое количество случайно найденных вещей эпохи крестовых походов (1050–1300 гг.) (Кочкуркина 1981: 22, № 24; 88–89, № 101; 112, № 142, № 145, № 147, № 148; Uino 1997: 315–317; Saksä 1998: 69–71). На возвышенностях Паямяки, Сойкелинмяки (Леппясенмяки) и Патья раскопаны могильники эпохи крестовых походов. На двух последних могильниках захоронения совершались и в Средневековье после смены обряда

на христианский. На территории деревни насчитывается по крайней мере четыре поселения эпохи крестовых походов и Средневековья, культовый центр с культовым камнем, каменными насыпями и водным источником, восемь отдельных культовых камней с чашевидными выемками, скопления древних каменных насыпей и отдельные каменные кучи (рис. 34) (Сакса 1984б: 112–117; Saksa 1997: 69–76). Материалы памятников этого района и отдельные находки предоставляют, таким образом, возможность рассмотреть не только материальные следы двух важнейших эпох в ранней истории карел, но и сам переход от эпохи викингов к эпохе крестовых походов, а также выделить характерные для этих периодов черты, проследить их зарождение и развитие.

Наскалинмяки I. Могильник с погребениями на каменной вымостке раскопан Т. Швиндтом в 1917 г. (7291: 1–17) (рис. 34, 8). Тремя годами ранее на этом месте нашли меч позднего типа X по Петерсену, относящийся уже к эпохе крестовых походов (6923) (Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 55). Могильник, по С.А. Нордману, в целом относится к XI в.; часть вещей еще моложе (Nordman 1924: 126, 139). Современные датировки вещей не противоречат этому выводу. Равноплечная фибула (7291: 1) группы 7 по Э. Кивикоски датируется второй половиной X – XI вв. (Kivikoski 1938: 13), наконечники копий (7291: 2 и 3) относятся к формам XI в. (Kivikoski 1951: 16, 17, kuv. 802, 803, 809; Кирпичников 1966а: 14–15 (тип V, переходит также в XII в.), удила (7291: 11) представлены популярной в XI в. формой, ставшей около 1100 г. преобладающей (Кирпичников 1973: 16–17 (тип IV); Taavitsainen 1976: 80). Топор-секира типа M по Петерсену (7291: 5) относится к тому же времени, его употребление продолжалось в Карелии и в XII в. (Nordman 1924: 139; Кирпичников 1966а: 30, 39 (тип VII); Wuolijoki 1972, 26–31, 43). Овальное кресало имеет аналогии в новгородских слоях XII – начала XIII вв. (Колчин 1959: 103). Кроме вещей, на вымостке найдены обломки медных котлов, керамика, куски кварца, древесина и кальцинированные кости.

Рядом с могильником на том же поле найдены бронзовая кольцевая фибула (7754: 60), бронзовая подковообразная фибула (7754: 61), наконечники копий (2924: 10, 4421: 3 и 10333: 4), топор карельского типа (4421: 4), овально-выпуклая фибула типа H/IB2a (4421: 5), копоушка, удила (7901: 67), овально-выпуклая фибула типа H/IA (4636: 2), кольцевая фибула (2924: 11) и другие изделия, их фрагменты и керамика (Schwindt 1893: 92).

Наскалинмяки II. На том же земельном участке, на котором был исследован могильник Наскалинмяки, найдены овально-выпуклая фибула типа C индивидуальные с округлыми концами (2924: 10), наконечник копья (9415: 35), двуспиральный цепедержатель типа I: 1 (7901: 69). На этом месте найдено большое количество позднее утраченных древних вещей, а также зафиксирована каменная вымостка и черная углистая земля. Речь может идти о разрушенном могильнике эпохи викингов (рис. 34, 8).

Хенномяки. Могильник с погребениями на каменной вымостке расположен в 40 м к западу от раскопа Т. Швиндта 1917 г. и в 750 м от берега озера (в 450 м от старой (коренной) береговой линии) на высоте около

30 м от уровня воды (рис. 34, 9). Здесь были найдены следующие предметы: наконечник копья типа М, серп, мотыга, удила (2 экз.), фрагмент шейной серебряной гривны, обломки медных котлов, обломок железного прута, керамика, оплавленная стекловидная масса, шлак, кальцинированные кости, уголь и кальцинированные кости (7625: 1–10). Перечисленные вещи в совокупности датируются временем около 1000 г. (Hackman 1921: 47–48, fig. 23; Кочкуркина 1981: 15–17, № 6–8; 88–89, № 98, № 101; 112, № 143; Uino 1997: 314–315; Saksa 1998: 70–71; Creutz 2003: 476–477). А. Европеус, проводивший в 1920 г. на месте находки вещей раскопки, установил, что речь идет о могильнике с трупосожжениями на каменной вымостке. Ранее на могильнике случайно были найдены наконечник копья типа М, наконечник стрелы, поясные накладки типа рис. 144–145, 241–243 по Т. Арне (Arne 1914: 128, 149) или рис. 907 по Э. Кивикоски (Kivikoski 1973: 120), железный браслет, фрагмент шейной гривны, два бронзовых перстня, бронзовая подковообразная фибула, бронзовые пронизки. Арабская монета с отверстием для подвешивания и западноевропейская (немецкая) монета (чеканена в 936–1002 гг.) датируют могильник второй половиной X – XI вв. На каменной вымостке найдены также фрагменты серебряных, бронзовых и железных изделий, стеклянные и каменные бусы, шлак, керамика и кальцинированные кости.

На участке Хеннонмяки обнаружена также одна могила, отличавшаяся от других карельских грунтовых могил. Это единственная в деревне Лапинлахти могила в срубной раме, расположенная к тому же в отдалении от остальных средневековых могильников (рис. 34, 9). Погребенный в ней был ориентирован головой на север. К инвентарю погребения относились остатки сильно поврежденных ржавчиной железных предметов в области груди, нож с костяной рукоятью, перстень, костяная зубочистка (?), два медных кольца в лобной области и — в качестве шейных украшений — латунная цепочка, бронзовые пронизки, раковины каури и сплетенная из шерстяной нити лента, подобная которой украшала также волосы погребенной женщины (7776: 15–19). Судя по инвентарю, могилу следует отнести к историческому времени. Саму срубную конструкцию нельзя считать характерной исключительно для могил языческого времени, поскольку среди инвентарных могил могильника Калмистомяки в Ряйсяля найдена коллективная безинвентарная могила более позднего времени на три человека с конструкцией из досок с выступающими наружу углами, так же как и в Хеннонмяки. К тому же все срубные внутримогильные конструкции на Карельском перешейке относятся к последнему этапу эпохи крестовых походов (напр.: Кекомяки-5, Тонтинмяки-9/1888, 13/1888).

В других частях дер. Лапинлахти также были сделаны находки древних вещей. На холме Купарисенмяки найдены двуспиральный цепедержатель типа I: 1, перстень, бронзовая кольцевидная фибула, подвеска с христианской символикой (7754: 67–70), зооморфная подвеска (2591), овально-выпуклая фибула типа Н/С (1922: 409), бубенчик (2590: 1). На «поле Виролайнена» собраны овально-выпуклая фибула типа Н/С (2520: 32), пронизка типа I: 2, зооморфная подвеска и наконечник копья (2520: 30–31). На участке Лопо-

сенняки найдены позолоченная серебряная подвеска (4421: 6) и наконечник копья (4636: 13). На участке Ликонлахти — подковообразная фибула с круглыми головками и утолщением в средней части дуги (4636: 1). В различное время в Национальный музей Финляндии из Лапинлахти поступали вещи без информации о точном месте находки. К таким относятся наконечники копий (2520: 34 и 7994: 14), оплавленная овально-выпуклая фибула типа F4 (4636: 3) и зооморфная подвеска (10236) (Schwindt 1893: 92; Nordman 1924: 152; Uino 1997: 314–317; Saksa 1998: 70–71).

Каменные насыпи

Исследованная Й. Войонмаа в июле 1936 г. насыпь располагалась в части деревни под названием Аркунтанхуа на земле А. Каллонена на высокой террасе в 50 м к северо-востоку от раскопа А. Европеуса 1921 г. (каменная насыпь конца эпохи Меровингов). Ее диаметр составлял 12–13 м, высота 0,1–0,5 м, площадь 120 кв. м. В южной части камни были выбраны ранее. Раскопками исследована восточная часть насыпи на площади 28 кв. м. Находки: нож, гвоздь, железный предмет, обломок железного котла, шлак, керамика, зубы животных и кости (10500: 1–8) были сделаны среди камней, перемешанных с черной землей на глубине 15–30 см. В этой же восточной части насыпи по периметру фиксировались большие камни.

В мае 1938 г. Э. Кивикоски исследовала оставшуюся нераскопанной в 1936 г. часть насыпи. В ней найдены топор скандинавского типа, обломки лезвия ножа и других железных предметов, керамика, обломок оселка, кусок шлака, бронзовый предмет и каменное тесло (10818: 1–9).

В остальных разобранных местными жителями каменных кучах этой части деревни, по их словам, находили обломки металлических изделий, котлов, глиняных сосудов и оселков, топоры, наконечники копий, шлак, кости животных.

На «поле Виролайнена» на земле М. Купаринена в разобранных местными жителями насыпи был найден фрагмент острия наконечника копья (7754: 65). А. Европеус в 1920 г. в остатках насыпи нашел керамику и шлак (7754: 66). Позднее на этом месте найдены топор скандинавско-балтийского типа и керамика (10819: 1, 2).

Две овально-выпуклые фибулы типа F2 и шиферное пряслице найдены на холме Купарисенняки при разборке каменной кучи на земле Укконена (10333: 1–3). На поле оставалось еще 7–8 насыпей, две из которых раскопал Й. Войонмаа в 1936 г. Он посчитал их полевыми, поскольку в них не было вещей и следов поддержания огня (Uino 1997: 313–316; Saksa 1998: 71–72).

«Культовый центр» в западной части деревне Ольховка

В 1979 г. во время разведочных работ в западной части дер. Ольховка в 500 м к северо-западу от могильника Патья на вершине высокого холма коренного берега оз. Суходольского нами обнаружена группа каменно-земляных насы-

пей, в центре которой находился большой культовый («жертвенный») камень с чашевидными выемками (рис. 34, 14, 16; 39; 40; 41). На обращенном к озеру северо-восточном склоне холма на дне небольшого оврага находится источник воды (Сакса 1984б: 115–117; Кирпичников, Назаренко, Сакса, Шумкин 1992: 64–74; Saksa 1998: 72–73). Группа состоит из 78 насыпей, большая часть которых в диаметре 3–5 м, высотой 0,3–0,5 м. Насыпи в восточной части скопления большие по размерам, часть из них имеет овальную форму, достигая в высоту 1 м. В ряде случаев в центре насыпи имеется большой камень.

В 1979 и 1980 гг. Приозерским археологическим отрядом ЛОИА АН СССР были раскопаны пять насыпей в восточной части группы (Сакса 1984б: 112–117; Saksa 1985а: 46–47). Исследованная в 1979 г. куча (№ 1) была в диаметре 5×3 м, высота ее составляла 0,3 м. Насыпь была сооружена между двумя большими камнями. Камни насыпи имели следы обжига, особенно заметные в центральной части, где и были сделаны находки: пять фрагментов круговой керамики и бронзовая накладка с заклепками.

В 1980 г. исследованы три насыпи (№ 2, 3, 4). Насыпь 2 находилась в 15 м к юго-востоку от раскопанной в 1979 г. каменной кучи и в 25 м к западу от культового камня. Диаметр ее составлял 5 м, высота — 0,53 м. В этом случае более мелкие камни были сложены поверх и между более крупных, верхние части которых, как и центральный валун, видны на поверхности. Камни насыпи на всю толщину до основания были обожжены, среди них в черной земле насыпи найдено большое количество керамики, в том числе и из беложгущейся глины. Эта керамика принадлежит к типу, который был одним из преобладающих в культурных слоях XIV в. крепости Корелы (Кирпичников 1979: 72). Такая же керамика встречена на средневековых поселениях в дер. Ольховка и других на Карельском перешейке (Saksa 1985а: 47–48, fig. 8). Кроме керамики, в насыпи найдены шарообразный кусок кварца, кости животных и зубы коровы. По углю из насыпи она датируется временем 1275±10 AD (Ле-3206). Насыпь 3 находилась в 9 м к северо-западу от первой и в 35 м от жертвенного камня к западу-северо-западу. Длина насыпи по линии юго-восток–северо-запад составляла 6,5 м, ширина — 4 м и высота — 0,35 м. И в этом случае более мелкие камни были сложены между крупными, из которых большая часть относилась к кольцевой наружной обкладке. Под камнями вскрылось углисто-зольное пятно, которое, расширяясь к основанию насыпи, заполнило область диаметром 2 м. В этом пятне найдены круговая керамика и подковообразная фибула с витой дугой без иглы грубой работы — вероятно, продукция местного кузнеца (рис. 29, 4). На границе насыпи и материкового песка найдена глазчатая бусина конца эпохи викингов, начала эпохи крестовых походов (рис. 29, 2) (Ranta 1994: 93, kuv. 3: e). В основании насыпи в ее северо-западной части расчищена каменная вымостка размерами 0,8×0,5 м, рядом с которой найдены фрагменты керамики из беложгущейся глины и бедренная кость коровы.

Четвертая из исследованных насыпей находилась в северо-западной части скопления ближе к началу склона берегового уступа. Диаметр насыпи пре-

вышал 5 м, высота со стороны склона достигала 1,35 м, с противоположной стороны — 0,3 м. В насыпи, в большей мере с ее южной стороны, наблюдался мощный слой черной земли с углями и золой, в котором найдена такая же керамика, как и в остальных исследованных насыпях, а также глиняная обломка, кости животных и зубы коровы. С северной стороны к насыпи примыкала меньшая каменно-земляная насыпь диаметром 2 м. Между этими насыпями и отчасти под ними выявлены два очага из камней и темная земля. Слой темной земли продолжался к северу и западу от насыпей. В нем зафиксирована каменная вымостка, границы которой выходят за рамки раскопанной площади. Вымостка не разбиралась ввиду возможного продолжения раскопок. По-видимому, речь в данном случае может идти о средневековом поселении, предшествующем сооружению опять же средневековой каменной насыпи.

С северной стороны жертвенного камня сложена небольшая каменная куча, ограниченная большим принесенным со стороны камнем. В самой насыпи найдены средневековая керамика и круглый камень-тёрочник. Подобные кучи из камней зафиксированы с северной стороны и у других культовых камней деревни и также у жертвенных камней в других районах Карельского перешейка.

Еще одно скопление каменных насыпей выявлено в 800 м западнее на северном, обращенном к озеру склоне возвышения коренного берега (рис. 34, 15). Оно состояло из десятка насыпей, сложенных из крупных камней. Раскопаны были небольшая насыпь в центре скопления, в которой не было находок вещей, и четвертая часть большой насыпи в северной части группы. В насыпях не зафиксированы следы поддержания огня, единственно под большой насыпью на границе камней и материка (гравий) отмечен тонкий слой золистого почвенного слоя — след подзола или истлевшего дерна, в котором найдена узколезвийная мотыга, относящаяся к историческому времени. Насыпь полностью не раскопана, поскольку в ее центре растет, как зачастую и в случае с другими насыпями, великолепная береза (рис. 42). Почвенный слой на этом склоне не превышал 10 см, поэтому он не мог служить полем. Насыпи, если не предполагать их погребальный или ритуальный характер, могли сложиться при очистке склона под покос или поля для подсечного земледелия.

Жертвенные камни в западной части деревни Ольховка

За время после первой разведки 1978 г. на территории деревни Ольховка выявлено девять культовых камней с чашевидными выемками (рис. 34, 16–24), четыре из которых уничтожены в процессе мелиоративных работ 1992 г. (№ 18, 19, 20, 23). Наиболее восточный из этих камней (№ 17) расположен рядом с могильником Пятя примерно в 200 м от него к юго-западу на склоне глубокой береговой лощины. На его поверхности насчитывается 7 чашевидных углублений. В 200–250 м от него к западу на краю поля находились два камня, которые были вывезены в ходе мелиоративных работ за пределы поля (№ 18 — одно углубление, № 19 — четыре углубления). Четвертый

камень находится в центре рассмотренного выше скопления каменных насыпей («святилища») (№ 16 — 6 выемок). Пятый камень (вывезен в ходе мелиоративных работ за пределы поля) (№ 20 — 9 выемок) находился от него в 300–350 м к западу-северо-западу на поле, в начале ведущей к озеру ложбины. Шестой, наиболее крупный, расположен на берегу текущего в озеро ручья в 300 м от предыдущего и также в верхней части прибрежной ложбины (№ 21 — 5 выемок). Седьмой и восьмой, расположенные по соседству, выявлены примерно в 400 м от шестого к северо-западу в верхней части глубокой, ведущей к озеру ложбины (№ 22, 23 — 4 и 5 выемок). Из этих последних камень № 23 сдвинут в ложбину в 1992 г. Девятый камень (№ 24 — 1 выемка) обнаружен северо-западнее за полями на заросшем лиственными деревьями высоком коренном берегу озера примерно в 300 м от последних камней и с восточной стороны текущего по дну ложбины ручья (рис. 34).

С северной стороны четырех упомянутых первыми камней наблюдаются кучи камней. У основания камней 1, 4, 5, 7 и 9 произведены раскопки. Во всех случаях, кроме последнего камня, найдена средневековая керамика. Рядом с камнями 7 и 8 в примерно 100 м к западу от них выявлены остатки поселения с культурным слоем (темная земля). Найденные в нем фрагменты шведских курительных трубок относят его к XVI в. (Сакса 1984б: 112–117; Курбатов 1995: 180–183).

Средневековые поселения в деревне Ольховка

В процессе разведочных и раскопочных работ конца 1970-х — первой половины 1980-х г. в дер. Ольховка выявлены и частью изучены 4 средневековых поселения, располагающихся цепью на коренном берегу оз. Суходольское (см. главу 4) (Сакса 1984б: 112–117; Saksa 1985а: 46–49; 1998: 75–76) (рис. 34, 2–4, 13). Расстояние между поселениями составляло 0,6–0,8 км, выявленная площадь 2500–3000 кв. м. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что они соответствуют однодворным или малодворным деревням писцовой книги Водской пятины 1500 г., составляющим в Карелии подавляющее количество поселений. Наиболее восточное из поселений (Ольховка I, № 3) выявлено вблизи грунтового могильника Леппясенмяки на соседнем с ним холме в примерно 150 м от него к западу (рис. 34, 1, 2; 35). На поселении изучено 266 кв. м площади. Культурный слой практически не сохранился, поскольку территория поселения постоянно распахивалась, однако на уровне материка сохранились выложенные камнями очаги, остатки жилой постройки и углубленных в землю сооружений не совсем понятного назначения, различные ямы. От вскрытой в западной части раскопа постройки сохранилась значительная часть сложенного насухо из камней фундамента и развал печи-каменки в северо-западном углу. По сохранившимся камням фундамента можно определить площадь постройки в 16 кв. м при длине стен в 4 м. Следует отметить, что печь находилась со стороны озера и, следовательно, вход располагался напротив нее, с западной или южной сто-

роны. Стены постройки ориентированы строго по сторонам света. Рядом с этой, по-видимому, жилой постройкой с ее западной стороны выявились две большие ямы, в которых найдены в большом количестве кости коровы, лошади, кабана и других животных, керамика, глиняная обмазка, куски дерева и отдельные бытовые вещи. С южной стороны дома расчищены три располагавшихся в одну линию очага. С обеих сторон этой линии очагов находились большие, диаметром до 2 м, утопленные в землю каменные конструкции, одна из которых (южная) расширялась вглубь. Диаметр очагов достигал 1 м, глубина 0,2–0,3 м. Остальные заполненные камнями ямы и мусорные ямы имели глубину в 0,5–0,7 м.

В нескольких метрах от последних к югу выявлены еще два каменных очага, из которых второй был больше обычных, 2 м в диаметре. В очагах среди камней наряду с углями встречались обгоревшая глина, керамика и, в ряде случаев, кости животных. Следует особо упомянуть, что на дне очажных ям зачастую оставляли различные предметы: оселок, обструганный кусок кости, нож с бронзовой оковкой рукояти. Нож найден на дне неглубокой, заполненной углем и золой ямки, выкопанной с северной стороны большого очага. Среди камней очага встречались также обкатанные, напоминающие по форме и размерам куриные яйца камни, так называемые «камни бога Укко» (громовержца по финской мифологии). На поселении, помимо бытовых предметов, найдены фрагмент бронзовой подковообразной фибулы, относящейся ко времени около 1200 г. (Nordman 1924: 128, fig. 104) (рис. 29, 8), шлаки и стекловидная масса. О производственной деятельности на поселении говорит большое количество железных шлаков, большая часть которых найдена в шурфах с восточной стороны селища, уже на склоне поселенческого холма рядом с остатками углубленных в землю сооружений. По всей видимости, здесь в отдалении от деревянных построек деревни находилась кузница. Следует в этой связи упомянуть, что во время разведочных работ в деревне Ольховка в шурфах по коренному берегу озера Суходольского часто встречались жилы озерной руды, содержание железа в которых достигало около 50%.

Последующие разведочные работы в деревне показали, что на втором поселении Ольховка II (№ 4), расположенном на холме коренного берега под названием Купарисенмяки, сохранился культурный слой и остатки построек (рис. 34, 3). Дальнейшие раскопки на этом месте не проводились. В этой части коренного берега озера и ранее делались находки вещей позднего железного века и эпохи Средневековья (1922: 409; 2590: 1; 2591: 1; 7754: 67–70; 10333: 1–3). На холме Купарисенмяки еще в 1920-е и 1930-е гг. сохранялись каменные насыпи (возможно, погребальные) и целый ряд углублений в земле, в одном из которых найдены кальцинированные кости (123 гр.) и угли (11129: 1–2) (Saksa 1998: 76; см. также Uino 1997: 316).

Третье из выявленных в Ольховке средневековых селищ (Ольховка III) (№ 5) также располагалось на холме коренного берега озера (рис. 34, 4). От него сохранились лишь пятна черной земли и незначительное количество керамики. Поле, на котором располагалось поселение, интенсивно распахива-

ется. Такая же ситуация наблюдается на месте поселения Ольховка IV (№ 6), располагавшегося рядом с могильником Патья к востоку от него (рис. 34, 13). Еще одно селище в дер. Лапинлахти (Ольховка) упоминается Т. Швиндтом в отчете за 1905 г. Оно располагалось на коренном берегу озера Суванто (Суходольское) на «поле Виролайнена». В отчете упомянуты очаги, остатки «похожие на место кузницы», но без каких-либо находок (Saksa 1998: 76; см. также Uino 1997: 313). Можно предположить, что речь идет об одном из обнаруженных нами поселений в этой зоне. По всей видимости, это Ольховка III. Помимо приведенных выше, еще одно средневековое поселение, возможно, располагалось в западной части рассмотренного нами выше скопления ритуальных каменных куч, где между двумя насыпями были открыты очаги из камней, вымостка из камней и слой черной земли. Не исключено также, что и остатки поселения нового времени (XVII в.) на северо-западной окраине деревни — это лишь поздняя часть более древнего поселения, возникшего еще в эпоху Средневековья.

Найденная на поселениях керамика представлена типами, ставшими известными благодаря раскопкам Т. Швиндтом карельских грунтовых могильников и более поздним исследованиям крепости Корела, Тиверского городка, древних карельских городищ на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье (Schwindt 1893; Кирпичников 1979; Кочкуркина 1981; 1982; Saksa 1985a; Сакса 1985б). Совершенно такая же керамика обнаружена при раскопках каменных ритуальных (культовых) насыпей в дер. Ольховка. Другими словами, карельские грунтовые могильники, расположенные рядом с ними селища и каменные насыпи «культового центра» представляют один и тот же хронологический горизонт эпохи крестовых походов.

Серебряный брактеат из могилы 21 в Патья, бронзовая нательная иконка из могилы 23 того же могильника, а также радиоуглеродная датировка каменной насыпи № 2 (1275±AD (Le-3206) документируют существование этого единого культурно-исторического комплекса памятников уже в XIII в. Из них могильники Патья и Лепясенмяки, как и культовый центр в западной части деревни, продолжили свое существование и после смены обряда с наступлением исторического времени. Еще в большей степени это касается средневековых деревень по берегу озера.

Население района Лапинлахти в железном веке и Средневековье

Археологические памятники деревни Лапинлахти (Ольховка) занимают временной отрезок от эпохи меровингов до средневековья включительно. Это делает возможной попытку получить картину развития населения и его культуры в рамках одной небольшой поселенческой структуры, ее связей с остальными областями древней Карелии и внешним миром. Наиболее ранним свидетельством существования здесь, на южном берегу оз. Суходольского, постоянного населения железного века является относящаяся к концу эпохи Меровингов погребальная каменно-земляная насыпь на «поле

Виролайнена». Население стабилизируется к эпохе викингов, когда на территории деревни существовали как минимум два могильника, Хеннонмяки и Наскалинмяки.

Могильники расположены в непосредственной близости один от другого — их разделяет лишь расстояние в 40 м, однако, судя по относящемуся к одному и тому же времени инвентарю, они были двумя самостоятельными могильниками (рис. 34, 8–9). Вещевые находки могильника Хеннонмяки (арабская монета с отверстием для подвешивания 902–903 гг., половинка кельнской монеты 936–1002 гг., два наконечника копий типа М, поясные накладки из бронзы, обломок шейной серебряной гривны и другие) свидетельствуют, что могильник, вероятно, возник во второй половине X в., однако время его активного использования приходится на XI в. Подковообразная фибула типа 16 по Х. Сальмо относится уже к типам XII–XIII вв. (Salmo 1956: 71–72). Поддающиеся датировке находки второго могильника Наскалинмяки, а именно: поздний вариант меча типа Х по Петерсену, наконечники копий типов G и M, топор-секира типа M (по Петерсену), равноплечная фибула типа 7 по Кивикоски, овальное кресало и удила также относят и этот могильник к XI — отчасти XII вв. (Saksa 1998: 69–71, 77).

На этой же территории в различное время были найдены наконечник копья типа G (4421: 3), топор карельского типа (4421: 4), наконечник копья типа M, фрагмент поврежденной огнем шейной гривны, нож, пять фрагментов круговой керамики с линейным и волнообразным орнаментом (10820: 1–4), подковообразную фибулу бронзовую (7754: 61), бронзовую кольцевидную фибулу (7754: 60), черешковый наконечник копья типа рис. 1651 по Аспелину (4421: 3), топор карельского типа (4421: 4) и карельскую овально-выпуклую фибулу типа H/IV: 2 (4421: 5).

Оба рассмотренных могильника следует включить в более широкий контекст, поскольку именно в XI в. на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье население утверждается и стабилизируется; новые могильники возникают в Метсяпиртти (Запорожское) (Коукунниemi), Куркиёках (Куупала), Сортавале (Хелюля, городище Паасонвуринвуори). Найденные на этих могильниках вещи представлены в основном перечисленными выше типами предметов вооружения и украшений. Подобные вещи, происходящие, по всей видимости, из разрушенных могильников, найдены как отдельные находки в значительном количестве также случайно, при полевых работах на этой территории (Saksa 1994a: 32–43; 1994b: 98–104; 1998: 97).

Материалы могильников Наскалинмяки и Хеннонмяки, как и найденные на соседних полях вещи позднего железного века, проливают дополнительный свет на проблему перехода от эпохи викингов к эпохе крестовых походов. Существование могильников в какой-то мере и в XII в. относит характерные для погребального обряда эпохи викингов явления к начальному этапу эпохи крестовых походов (1150–1300 гг.). Также и грунтовые могильники эпохи крестовых походов могли находиться рядом с могильниками с трупосожжениями на каменной вымостке эпохи викингов, на что напрямую

указывают погребения Паямяки-1917 (7291: 18–32) и Паямяки-1931 (9415: 1–34) и отдельные находки вещей на территории земельных участков Наскалинмяки и Хеннонмяки (рис. 34, 5–6, 8–10). К этим случайным находкам в дополнение к перечисленным выше относятся бронзовая пронизка, зооморфная подвеска-уточка и карельская овально-выпуклая фибула типа Н/IC (2520: 30–32), овально-выпуклая фибула типа С2 с заостренными концами (2924: 10), кольцевая фибула (2924: 11), наконечник копья (2924: 13), овально-выпуклые фибулы типов Н/IA (4636: 2) и F4 (4636: 3), наконечник копья (4636: 13), 48 обломков медных котлов (7754: 58), наконечник копья, шлак, керамика (7754: 65, 66), удила (7901: 67), наконечник стрелы (7901: 68), двуспиральный цепедержатель (7901: 69), пряслице (7901: 71), наконечник копья (10333: 4), наконечник копья типа М, фрагмент шейной гривны, нож, керамика (10820: 1–4). На той же береговой полосе найдены серебряный перстень (7754: 62), подковообразная фибула (типа Salmo 3С), коньковая подвеска, гарпун, кресало, обломок бронзовой пластины и обломки глиняных горшков (10229: 1–6), коньковая подвеска (10236), топор типа М, бронзовая спиралька, кольцевая фибула, железная поясная пряжка, фрагменты изделия из железа, шлак (10267: 1–6), две карельские овально-выпуклые фибулы типа F2 и шиферное пряслице (10333: 1–3), нож железный, обломки железных котлов, других изделий, 28 фрагментов керамики (10500: 1–8), сланцевое тесло, топор, фрагменты керамики, бронзовое изделие, обломок лезвия ножа, обломок оселка. Шлак (10818: 2–9), наконечник копья типа М, пострадавший в огне фрагмент шейной гривны, нож железный и 5 фрагментов глиняных сосудов (10820: 1–4) (Uino 1997: 310–317; Saksa 1998: 69–71).

Часть перечисленных находок происходит из каменных насыпей (7754: 58; 7754: 65; 10333: 1–3; 10500: 1–8, 10818: 2–9 и 10820: 1–4). Попали ли перечисленные вещи в каменные кучи случайно из разрушенных могильников при полевых работах (кучи, следовательно, следует считать полевыми) или хотя бы часть насыпей являлась погребальными или культовыми (то есть археологическими памятниками) — это вопрос, на который в данный момент нет однозначного ответа. А. Европеус, к примеру, предполагал, что найденные в каменной куче на «поле Купаринена» (Купарисенмяки) обломок наконечника копья, шлак и керамика (7754: 65–66) попали в насыпь случайно (отчет за 1920 г.). Саму каменную грудку он считал сложенной из собранных на поле камней. Позднее рядом с этим местом нашли проушной топор скандинавско-балтийского типа и круговую керамику (10819: 1–2). Также найденные А. Каллоненом бронзовый перстень (9415: 36) и кусок медной пластины происходят из большой каменной насыпи, под которой были обожженные камни и зола, что может указывать на более ранний могильник с трупосожжениями на каменной вымостке. Наконечник копья типа М, фрагмент шейной гривны, нож и керамика (10820: 1–4) также найдены в каменной насыпи на месте, где было много камней, что также является косвенным свидетельством возможного наличия могильника эпохи викингов. И в других насыпях этой расположенной у деревни зоны концентрации археологических памятников и отдельных на-

ходок вещей обнаруживались вещи эпохи крестовых походов. К ним относятся две карельские овально-выпуклые фибулы типа F2 и шиферное пряслице (10333: 1–3) из насыпи на участке Купарисенмяки, железный нож, обломки железных предметов, глиняных горшков, шлак, кости и зубы животных из каменной кучи, раскопанной Й. Войонмаа в 1936 г. на участке Наскалинмяки (10500: 1–8) (Uino 1997: 313–317; Saksa 1998: 69–78). Принимая во внимание исследованные в конце 1970-х и первой половине 1980-х гг. каменные насыпи в западной части деревни, можно предположить, что традиция, начавшаяся с возведения в конце эпохи Меровингов на «поле Виролайнена» погребальной каменной насыпи не прерывалась на рассматриваемой территории вплоть до позднего железного века и раннего Средневековья (Сакса 1984: 112–117; Saksa 1998: 71–74). Эта традиция лишь функционально видоизменилась в форму ритуальных, культовых каменных сооружений.

Вещевые аналогии находкам из Лапинлахти

Рассмотрение аналогий вещевым находкам из карельских грунтовых могил имеет своей целью найти место различным формам карельских вещей и украшений из одного конкретного региона (в данном случае Лапинлахти–Ольховка) в более широком, охватывающем памятники эпохи крестовых походов всей территории древней Карелии хронологическом контексте. Подобное сопоставление позволит выявить общую динамику развития населения древней Карелии и его культуры внутри рассматриваемой эпохи. Результаты этого сравнительного анализа представлены в форме диаграмм, которые отражают количество аналогий вещам из конкретной могилы среди вещевых находок из остальных карельских могильников (рис. 44). Аналогии в инвентаре конкретных погребений представлены в тексте.

Среди рассмотренных выше предметов имеются некоторые типы наконечников копий, датировка которых достаточно широка; они были в употреблении в XII и XIII вв. (типы III и IV по А.Н. Кирпичникову (1966а: 7, 14) (2520: 34, 2924: 13, 4421: 3, 4636: 13, 7754: 65, 10333: 4). Часть карельских овально-выпуклых фибул относится к типам, которые не встречены в карельских грунтовых могилах эпохи крестовых походов береговой зоны в Лапинлахти (Леппясенмяки, Патья) или которые находятся в могилах «второй», более удаленной от коренного берега зоны (Паямяки-1917, 1931). К ним относятся:

фибула типа Н/IA (4636: 2), аналогии которой имеются в Ряйсяля Ивасканмяки (1922: 419) и Миккели Тууккала (2481: 41, 42);

фибулы типа Н/С (1922: 409 и 2520: 32), аналогии которым имеются в Паямяки-1917 (7291: 21), Рауту Хаапакюля (7066: 1), Настола Руухиярви (5374: 1), Руокалаhti Хямеенсаари (12005) и Миккели Тууккала (2481: 44, 13917);

фибула типа С2 с заостренными концами (2924: 10), аналогии которой находятся лишь в Каукола Кулхамяки (2924: 10) и на городище Паасонвуринвуори в Сортвалле;

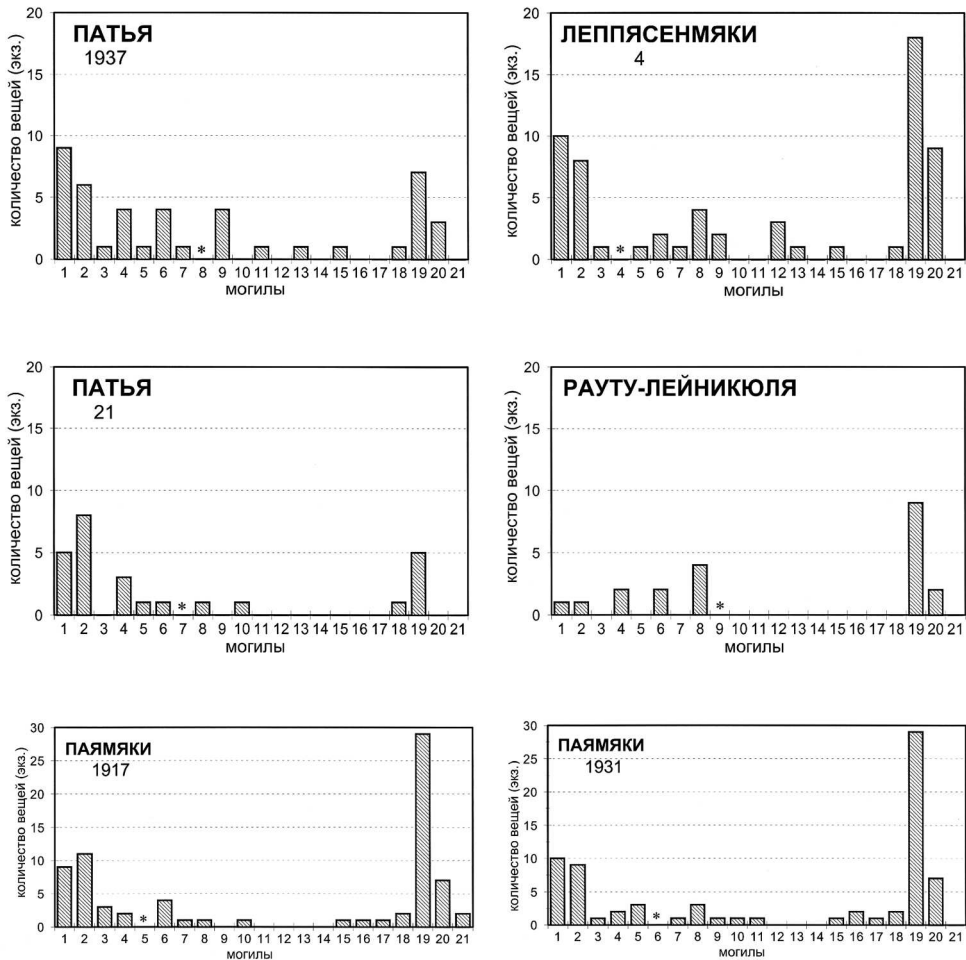

Рис. 44. Аналогии находкам украшений из могильников в Саккола Лапинлахти ((Паямяки-1917 (пункт 5), Паямяки-1931 (пункт 6), Патья-1937 (пункт 8), Патья-21 (пункт 7), Леппясенмяки-4 (пункт 4)) и Рауту Лейникюля (пункт 9) в могилах, могильниках или в целом на территории Карелии и Саво

Цифры в вертикальном столбце обозначают количество вещевых аналогий, горизонтально расположенные — сравниваемые места находок: 1 — Ряйсяля Ховинсаари Тонтинмяки, 2 — Каукола Коверила Кекомьяки, 3 — Каукола Коверила Кулхамьяки, 4 — Саккола Лапинлахти Леппясенмяки-4, 5 — Саккола Лапинлахти Паямяки-1917, 6 — Саккола Лапинлахти Паямяки-1931, 7 — Саккола Лапинлахти Патья-21 и отдельные находки из разрушенных могил могильника, 8 — Саккола Лапинлахти Патья-1937, 9 — Рауту Лейникюля, 10 — Ряйсяля Ивасканмяки (Халконен), 11 — Кякисалми Суотниemi, 12 — Кякисалми, случайная находка могилы, 13 — Хиитола Кюлялахти, случайная находка могилы, 14 — Хиитола Кильпола, случайная находка могилы, 15 — Хиитола, случайные находки вещей, 16 — Куркиёки Сяккимьяки, случайная находка могилы, 17 — Куркиёки, случайные находки вещей, 18 — Сортавала Паасонвуори и случайные находки вещей, 19 — Миккели Тууккала, 20 — Миккели Висулахти, 21 — Миккели Мойсио. Эта нумерация мест находок аналогий сохраняется и на диаграммах, изображенных на рис. 43, 49, 51, 77. Сравнимые пункты обозначены в диаграмме звездочкой

Фибулы типа F2 (10333: 1 и 2), аналогии которым известны в Сортавала Каннас (или Путсинлахти) (2231: 26), Куркиёки Хямеенлахти (2616: 7) и Каукола Коверила (6910: 30);

Фибула типа F4 (4636: 3), аналогии которой находятся в Метсяпиртти Коукунниemi (6436: 7) и Каукола Монтонен.

Представленный список свидетельствует, что перечисленным фибулам не находится много аналогий как в самой деревне Лапинлахти, так и в целом в карельских грунтовых могильниках. Из этого ряда выпадает одна фибула типа Н/ПВ2а, найденная случайно на одном из полей на участке Наскалинмяки (4421: 5), аналогии которой известны в материале могилы Паямяки-1931 (9415: 2), могиле 3/1886 из Ряйсяля Ховинсаари (2491: 39), Каукола Кекомьяки, мог. 5 (2595: 17, 28), Куркиёки Сяккимьяки (2053: 2а, 2б) и Куркиёки Терву (5446: 1). Заметна связь с Северо-Западным Приладожьем (шесть аналогий), Каукола (пять фибул) и Миккели и, в целом, всей Восточной Финляндией (шесть фибул).

То, что фибулы данных типов из случайных находок в Лапинлахти практически не встречаются в грунтовых могилах рассматриваемого времени в этой же деревне, требует объяснения, которое будет легче сделать, рассмотрев материал обеих известных карельских грунтовых могил эпохи крестовых походов из Лапинлахти. В инвентарь могилы Паямяки-1917 (№ 7) входили овально-выпуклые фибулы типов Н/ИС и Н/ПВ: 2 а, b, цепедержатели типов I: 3а и II: 2, подковообразная фибула типа III, нож с ножнами типа I: 1 и другие вещи (таблица XI) (7291: 18–32). Более всего аналогий этим изделиям найдено в Миккели Тууккала (29, из которых 23 цепедержателя типа II: 2, остальные — фибулы типа Н/ПВ: 2 а, b (5 экз.) и ножны ножа типа I: 2), на могильниках Каукола Кекомьяки (10 экз.) и Ряйсяля Тонтинмяки (8 экз.). В соседней могиле Паямяки-1931 найдено пять аналогичных вещей (за исключением перечисленных выше фибул), на могильнике Патья — четыре и Лепсясенмяки — две. На могильнике Каукола Кулхамьяки их найдено три, Ряйсяля Ивасканмяки — одна, Куркиёки Сяккимьяки — одна и Миккели Мойсио — одна (рис. 45, 1). На месте могилы Паямяки-1917 ранее были найдены бронзовая овально-выпуклая фибула типа Н/ИС и наконечник копья.

В могиле Паямяки-1931 (№ 7) найдены овально-выпуклые фибулы типов Н/ПВ: 2 и Н/ПВ: 2 а, b, пронизки типа I: 2b, цепедержатели типа II: 2, копушка типа I: 1, детали ножен ножа типа I: 2, бронзовая рукоять ножа и другие вещи (таблица XI) (9415: 1–16). Также большая часть аналогий и этим предметам происходит из Миккели Тууккала (29, из которых 23 цепедержателя типа II: 2, пять фибул типа Н/ПВ: 2а, b и одни ножны ножа типа I: 2), Каукола Кекомьяки (7 экз.) и Ряйсяля Тонтинмяки (6 экз.). На могильнике Патья насчитываются четыре аналогии, в инвентаре могилы Паямяки-1917 — три, на могильнике Лепсясенмяки — две, и по одной аналогии происходит из Рату Лейникюля, Ряйсяля Ивасканмяки и Кекомьяки Кулхамьяки (рис. 45, 2). Диаграмма дает такую же картину, как и в случае с предыдущей могилой, что отражает схожесть обоих погребений между собой. Рассмотренные две мо-

гилы из Лапинлахти так же, как составляющие по своему инвентарю, входят в группу всех карельских могил эпохи крестовых походов.

Что касается тех карельских овально-выпуклых фибул, которые в Лапинлахти большей частью найдены вне могил как случайные находки, то аналогии им из других мест представлены также случайными находками. Что касается находок на могильниках, как, например, в Миккели Тууккала, то и здесь они собраны вне могил в земле между могилами. Наиболее естественным объяснением этого факта представляется разница в хронологии между вещами, составляющими инвентарь могил, и найденными вне могил. Последние также являются типично карельскими украшениями, но происходят, по-видимому, из более ранних могил на могильниках, разрушенных либо при сооружении более поздних сохранившихся могил, либо при позднейшей распашке. Это наблюдается, к примеру, в случае с наиболее крупным могильником Ряйсяля Тонтинмяки (Ховинсаари). Предположение подтверждается исследованиями по хронологии карельских овально-выпуклых фибул (Lehtosalo 1966: 24–25, 27–39; Linturi 1980: 78–79, 81, 86–91; 1982: 137–138). Самые ранние погребения по обряду трупоположения эпохи крестовых походов могли находиться в неглубоких грунтовых ямах и поэтому легко разрушаться при интенсивной многолетней распашке территории могильников. Следует также помнить, что захоронения по обряду трупосожжения предшествующего времени были поверхностными, совершаемыми на каменных вымостках на древней дневной поверхности.

Рассмотрим далее располагавшиеся непосредственно на коренном берегу озера могильники Леппясенмяки и Патья. Мы рассматриваем их в нашем анализе аналогий карельским украшениям в последнюю очередь, поскольку оба возникли позднее рассмотренных уже на этапе расцвета карельской культуры эпохи крестовых походов и на обоих могильниках продолжали хоронить и после смены обряда на христианский. В то время как рассмотренные выше могильники располагались вблизи могильников предшествующей эпохи викингов. На них нет находок вещей позднее эпохи крестовых походов.

Из четырех исследованных могил могильника Леппясенмяки (№ 8) лишь в одной (№ 4) найдены типичные карельские украшения эпохи крестовых походов. В данном случае рассматривается лишь набор нагрудных украшений: овально-выпуклые фибулы, пронизки, цепедержатели, копоушки, ножи с ножнами и серебряные подковообразные фибулы, которые можно сопоставлять с находками из других карельских женских могил. Более всего аналогий инвентарю могилы 4 (табл. XI) находится на могильнике Миккели Тууккала (18), далее следуют Патья, Ряйсяля Тонтинмяки и Каукола Кекомьяки, в которых найдено по шесть аналогий. Одна аналогичная вещь найдена в могиле Паямяки-1917 и две в могиле Паямяки-1931. Две аналогии происходят из Рауту Лейниккюля и одна из Каукола Кекомьяки (рис. 45, 3). Найденным рядом с могилой ножнам ножа типа II: 2 аналогий не известно.

Большая часть могил могильника Патья (№ 9) (22 погребения) относится к историческому времени. К сожалению, еще большая часть могил была раз-

рушена до раскопок после обнаружения могильника Т. Швиндтом в 1905 г. На территории могильника собран целый ряд древних вещей, в том числе два обломка железных стержневидных перекрестий мечей (4636: 9, 10), «находка оружия» (меч, два наконечника копий, пружинные ножницы и два гвоздя (10710: 2–5) и предметы из женского погребения (10710: 1) (Патъя-1937) (Uino 1997: 310–311; Saksa 1998: 80–81; Кирпичников, Сакса, Томантера 2006: 54–55). Из раскопанных Э. Кивикоски в 1938 г. погребений лишь два (№ 21 и № 23) были инвентарными (Kivikoski 1942: 79–87). К вещам первого относились копоушка, нож с ножнами, щиток серебряной подковообразной фибулы, нижняя часть украшенного бронзовыми спиральками передника, пружинные ножницы, серп и шведский брактеат 1220–1250 гг. Второе погребение сопровождалось лишь бронзовой нательной иконкой XIII–XIV вв.

Предметам инвентаря из могилы Патъя-1937 (таблица XI) более всего аналогий находится в Миккели Тууккала (5) и Каукола Кекомьяки (4). Две аналогии насчитывается в Ряйсяля Ивасканмяки и по одной в Леппясенмяки и Суотниemi. За пределами могильников подобные вещи найдены на городище Паасонвуори (1) и Хиитола Кюлялахти (1) (рис. 44, 4).

Найденным в могиле 21 ножнам ножа типа I: 2 аналогии имеются в Каукола Кекомьяки (3), Ряйсяля Тонтинмяки (3) и по одной в погребения Патъя-1937, Паямяки-1917, 1931 и в Саккола Ояниemi. Отдельно найденным вещам аналогии обнаруживаются в Хиитола Кильпола (фибула типа H/IIA:4), Кекомьяки (2), Тонтинмяки (2), Паямяки-1931 (2) и по одной в могиле Леппясенмяки-4, в Кильпола, на городище Паасонвуори, в Миккели Тууккала найдено 23 экз. (цепедержатель типа II: 2), по одному экземпляру в Ряйсяля Ивасканмяки, Тууккала (копоушка типа I: 1a), Кекомьяки и Ивасканмяки (1 экз.), Суотниemi (1 экз.) и Тууккала (3 экз.) (ножны ножа типа III), Тууккала (3 экз.) (ножны типа IV), Леппясенмяки, мог. 4 (1 экз.) (подковообразная фибула типа I: 1), Кекомьяки (3 экз.), Тонтинмяки (1 экз.) и Сортавала Рантуэ (1 экз.) (подковообразная фибула типа II: 2). Таким образом, наибольшее количество аналогий отдельно найденным вещам с могильника Патъя происходит с могильника Миккели Тууккала (9 экз.) и Каукола Кекомьяки (6 экз.). В Ховинсаари Тонтинмяки их найдено три, по две в могиле Леппясенмяки-4, Паямяки-1931, Ряйсяля Ивасканмяки и Хиитола Кильпола. По одному экземпляру найдено в Суотниemi, Сортавала Рантуэ и городище Паасонвуори. С тремя аналогиями ножнам ножа из могилы 21 возрастает по аналогиям доля могильников Кекомьяки и Тонтинмяки. На самом могильнике Патъя им известна лишь одна аналогия, так же, как и в инвентаре обоих могил Паямяки и в Ояниemi (рис. 44, 5).

Диаграммы распространения аналогий находкам из могил Леппясенмяки-4 и Патъя-1937 схожи между собой; в обоих случаях более всего аналогий находится на могильниках Тонтинмяки и Кекомьяки на Карельском перешейке и в Миккели Тууккала. Аналогии встречены также в могилах близкой округи: Паямяки в Лапинлахти, в обоих сравниваемых между собой могилах, и в Лейникюля в Рауту. Незначительные различия в распределении аналогий

в диаграммах происходят от хронологических различий в составе погребального инвентаря сравниваемых могил (таблица XI, рис. 44). Если обратиться к конкретным могилам могильников Тонтинмяки и Кекомьяки, из которых происходят аналогии, то это могилы Тонтинмяки-1/1886, 3/1886, 5/1888, 6/1888 и Кекомьяки-5 и 6. Наибольшее количество аналогий украшениям из могил Леппясенмяки-4 и Патья-1937 наблюдается в могиле 5 в Кекомьяки, которая является одной из наиболее ранних в этом могильнике (три по каждой из сравниваемых между собой могил).

На следующем этапе обратимся к рассмотрению взаимной схожести, проявившейся в инвентаре могил могильников Патья и Леппясенмяки с одной стороны, Паямяки-1917 и Паямяки-1931 с другой. Диаграммы отмечают, что, как в случае с первой парой могильников на коренном берегу озера Суванто, так и со второй парой, расположенной на второй береговой линии, сохраняется отчетливая связь с инвентарем могил могильников Тонтинмяки, Кекомьяки и Тууккала. Различие же между могилами этих двух береговых зон проявляется в том, что параллель между двумя могилами Паямяки видна на четырех предметах украшения, также как и между могилами Патья и Леппясенмяки, в то время как между могилами Паямяки и могилами коренного берега — в 1–3 вещах. Большая степень корреляции в этом случае наблюдается между могилами Паямяки-1831 и Патья-1937 (3 одинаковых вещи) (рис. 44).

В свете представленного выше материала культурное и демографическое развитие в районе Лапинлахти могло происходить следующим образом. По окончании эпохи Меровингов (одно погребение и одиночный наконечник копья) в начальной половине эпохи викингов на этой территории не прослеживаются следов человеческого пребывания и деятельности. Только во второй половине эпохи викингов появляются новые могильники на расстоянии около 400–500 м от уступа коренного берега озера (до 1818 г.) (Хеннонмяки и Наскалинмяки) (рис. 34). В эпоху крестовых походов (1050–1300 гг.) на этих местах продолжали совершаться захоронения (Паямяки-1917, 1931, отдельные находки вещей) и лишь в конце XII — первой половине XIII вв. новые поселения (Ольховка I–IV) и могильники (Леппясенмяки (Сойккелинмяки), Патья и, вероятно, Купарисенмяки) возникают уже на коренном берегу озера (рис. 34). Как поселения, так и могильники этой береговой зоны продолжили свое существование и в эпоху Средневековья. Это была уже сложившаяся поселенческая структура, в которой существовали поселения (как правило, на береговых всхолмлениях) и могильники на соседних холмах (в схожих топографических условиях). То обстоятельство, что эти небольшие поселения и соответствующие им по величине могильники находятся на определенном фиксированном расстоянии (0,6–0,8 км) один от другого, не может объясняться исключительно топографией. Устойчивость этой системы определяется тем, что в основе этой новой поселенческой структуры лежало земледелие, и плодородные земли между поселениями занимали поля. Сложение этой деревенской структуры инспирировали именно происшед-

шие в хозяйстве перемены. Эффективное сельское хозяйство способствовало возможности получать необходимые для жизнедеятельности продукты на территории проживания, формированию деревенской структуры расселения, дальнейшему росту населения, развитию ремесла и собственно земледелия и животноводства. На поселениях и в культовых каменных насыпях эпохи крестовых походов и Средневековья найдено большое количество костей домашних животных, а на могильнике — три серпа, один из которых происходит из могилы 21. Серп и пружинные ножницы почти непременно присутствуют в составе приложенных вещей карельских женских могил (табл. XI). Такое изменение приоритетов в хозяйственной деятельности, как мы выше отмечали, кардинальным образом повлияло на всю поселенческую структуру. Можно говорить об устойчивости новой социально-экономической структуры и значительном повышении степени экономической безопасности населения. Духовная «безопасность» обеспечивалась возникшим в это же время на самом большом прибрежном холме общим культовым центром с жертвенными камнями и каменно-земляными насыпями (рис. 34, 14, 16).

Рассмотренные социально-экономические изменения в хозяйстве, следовательно, повлекли за собой и изменения в духовной культуре населения, связанные с необходимостью и внедрением новых ритуалов, поклонением новым защитным силам.

По-видимому, не все население эпохи викингов поменяло место проживания ближе к плодородным землям берега озера. Скудный археологический материал свидетельствует, в частности, что обе могилы на участке Паямяки относятся примерно к тому же времени, что и могилы с набором карельского инвентаря береговой зоны. Различия во времени совершения захоронений настолько незначительны, что их трудно выявить с помощью современных методов датирования. Проведенный нами сравнительный анализ инвентаря могил все же показывает, что могилы Паямяки-1917 и 1931 несколько старше. Рядом с ними стоит погребение Патья-1937, что видно по табл. IX.

На территории прихода Саккола находки эпохи крестовых походов известны в Ояниеме (бронзовые детали ножен (6297)), Нойсниеме (овально-выпуклая фибула типа Н/ПВ: 2 а, б (1922: 410)), и Сипилянмяки (клад серебряных вещей (8121: 1–6)). В деревне Портовое (Келья) (№ 47) на противоположном от Ольховки берегу озера Суходольское мы в 1979 г. нашли следы средневекового поселения. Другое аналогичное селище выявлено в том же году в деревне Удальцово (Рииска) (№ 48), также на коренном берегу озера Суходольское. В этой деревне Т. Швиндт нашел цепедержатель и старое кладбище (человеческие кости, целый костяк, углистые слои, фрагмент керамики (2520: 29; 2495: 1)) (Schwindt 1893: 92). В настоящее время на месте этого поселения с хорошим культурным слоем построен элитный дачный поселок.

В деревне Кивиниеме прихода Саккола (Лосево) в месте впадения Вуоксы в Суходольское озеро (Лосевские пороги, возникшие в середине XIX в.) в 1920 г. случайно найдена бронзовая рукоять меча с трехчастным навершием

типа Па по А.Н. Кирпичникову с обломанным у основания клинком. Рукоять украшена растительным орнаментом и датируется временем карельских грунтовых могильников (XII — может быть, частично XIII в.) (Кирпичников, Сакса, Томантера 2006: 55–56). В этой же деревне на том же берегу Вуоксы находится земляной рудут нового времени.

Рауту (Сосново)

В соседнем с Саккола приходе Рауту известны следы двух карельских могильников. В дер. Хаапакуля (№ 10) найдены две грунтовые могилы, в которых погребенные находились головой к северу. Из инвентаря в могилах были лишь серп и нож. Здесь же были замечены обожженные камни, рядом с которыми найдены каменные жернова (7066: 8) и маленькая кольцевидная фибула (7066: 2). Из вещей эпохи крестовых походов на могильнике найдена лишь одна овально-выпуклая фибула типа Н/IC (7066: 1). Три заполненных темной землей ямы в Хаапакуля исследовал А.М. Тальгрэн. В одной из них были два обожженных камня и два фрагмента круговой керамики, череп лошади, зубы и кости лошади во второй, перегнившее дерево и развал горшка в третьей. Тальгрэн принял их за остатки жилищ эпохи язычества (Tallgren 1918: 50; Кочкуркина 1981: 88–89; Uino 1997: 285; Saksa 1998: 83). Второй могильник, в котором сохранилась лишь одна случайно найденная могила, находился в дер. Лейникюля (№ 11) на юго-восточном берегу одноименного озера (рис. 13; 34, 6). В сохранившийся инвентарь могилы входили овально-выпуклая фибула типа С3, два бронзовых крестовидных цепедержателя, две пронизки с двумя привесками, обломок серебряной нагрудной броши и бронзовая спиралька (10691: 1–5) (Uino 1997: 283–287; Saksa 1998: 83).

В приходе Рауту найдены два монетных клада (Мустиланмяки и Вехмайнен Пяннионмяки). Первый содержал девять восточных и восемь западноевропейских монет с ушками для подвешивания. Клад был зарыт в середине XI в. (*terminus post quem* AD 1046) (Nordman 1924: 124; Salmo 1948: 35–36; Grandberg 1966: 211–213; Кочкуркина 1981: 25, № 71; Uino 1997: 283). Ю. Талвио, отмечая большую изношенность монет, считает возможным их использование в качестве украшений в течение нескольких десятилетий (Talvio 1979: 7–10; см. также Потин 1967: 6, 256). Во втором кладе насчитывалось 433 целых и 49 обломков серебряных западноевропейских монет (482 монеты), большая часть которых были немецкими (471). Остальные были датскими (5), англосаксонскими (3 и одно подражание), богемскими (1) и восточными (1). Кроме этого, клад содержал подковообразную фибулу, 2 височных кольца и 4 пластинчатые подвески (8117: 1–8). Монеты и вещи найдены «в одной куче», и на месте находки была береста. Клад был закопан во второй половине XI в. (*terminus post quem* AD 1068) (Nordman 1924: 69–93, 124; Salmo 1948: 36; Granberg 1966: 214; Talvio 1979: 15–16; Кочкуркина 1981: 25–27, № 72; Uino 1997: 286).

Каукола (Севастьяново)

Находки позднего железного века и эпохи крестовых походов

В приходе Каукола памятники и отдельные находки рассматриваемого времени известны в деревнях Коверила, Ярвенпяя, Рокосина и Сяппяс. В Коверила Т. Швиндтом раскопаны два могильника эпохи крестовых походов — Кекомяки и Кулхамяки (рис. 13; 45). В Сяппяс найдены железная подковообразная фибула, железный ключ, керамика. Наиболее ранние находки в приходе относятся к эпохе викингов: рукоять меча (1922: 432) и дамаскированный наконечник копья (2298: 169) из Рокосина, браслеты из Коверила Кулхамяки (3717) и Каукола (9051), обломок лировидного кресала из Игнаттала (3089: 77) и, возможно, наконечник копья (2298: 170) из Ярвенпяя. Из вещей эпохи крестовых походов отметим находки овально-выпуклых фибул типа F в Кулхапелто (F1) (5174: 395), в Коверила (F2) (6910: 30) и в деревне Монтонен (F4) (4636: 7). В Рокосина найдены фибула типа E (2535: 2) и цепедержатель (2535: 3), обломок серпа и фрагмент керамики (2557). Бронзовый цепедержатель найден в Коверила на склоне скального холма Кулхакаллио (2535: 4) (Uino 1997: 231–241; Saksa 1998: 83–86).

Рукоять меча из Рокосина относится к типу E по Петерсену, который датируется IX — началом X вв. Мечи этого типа и их части найдены в Ряйсяля Тимоскала (7994: 15), Ряйсяля и в Муола Кюреля (Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 48–50, 61, рис. 6–8).

Могильник Кекомяки

Кекомяки представляет собой низкий холм с пологими склонами посреди полей в дер. Коверила (Богатыри), находящийся в 400 м к северо-востоку от берега озера Ковериланярви (Богатырское) (рис. 13, 30, 1). На холме, большая часть которого распахивалась, находили древние вещи, в том числе поступившие в 1884 г. в Национальный музей Финляндии два бронзовых цепедержателя (2298: 167–168). В 1886 г. Т. Швиндт исследовал на юго-западном склоне холма четыре инвентарные грунтовые могилы и в 1888 г. Еще две. В четырех могилах было более чем по одному погребенному (№ 1, 3, 4, 5), из них два мужских и шесть женских погребений. В общей сложности погребений насчитывается 14. Все исследованные могилы конструктивно представляли собой срубные рамы и погребальные камеры в случае с коллективными захоронениями. Из исследованных могил лишь в четвертой, находившейся в отдалении от других и к югу от них, не было типичного карельского инвентаря (Schwindt 1893: 15–50; Кочкуркина 1981: 98–103, № 114–116; 114, № 167; Uino 1997: 231–233; Saksa 1998: 84–86).

В случае с этим могильником мы также попытаемся, опираясь на представленный выше анализ погребального инвентаря и обряда карельских грунтовых могил, определить место его погребений во всей более широкой, изменяющейся во времени картине карельской культуры эпохи крестовых походов.

Наиболее ранней могилой могильника можно считать могилу 5, в которой внутри деревянной срубной конструкции захоронены мужчина, женщина и ребенок. Она датируется концом XII — XIII вв. Женское погребение в могиле сопровождалось фибулами Н/ПВ: 2а и F3 (2595: 17, 28; 2595: 82, 85), серебряными подковообразными фибулами типа I: 1а (2595: 7) и II: 2 (2395: 11, 80), пронизками типа I: 2с (2595: 337, 340) и цепедержателями типа I: 3а (2489: 84, 87) (табл. XI). Мужское захоронение наряду с другими предметами (металлические детали пояса, перстни, крест нательный), сопровождалось мечом с литой бронзовой рукоятью и трехчастным навершием с изображением «усатого человека» (2595: 54, 75), практически полная аналогия которому найдена в дер. Малы под Изборском (Kivikoski 1973: Abb. 1169; Кирпичников 1966а: 54, табл. XXIV; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 53, 62, 68, рис. 11, рис. 29, 30). Инвентарь мужского и женских погребений, как и сопутствующие (напутственные) им вещи, свидетельствуют о богатстве и высоком социальном положении погребенных в этой могиле членов семьи.

Аналогии (8) женским украшениям находятся в первую очередь в других могилах могильника (могилы 1, 2, 3, 6 и одна случайная находка цепедержателя). На могильнике Ховинсаари Тонтинмяки известно пять аналогий (все из могил 1/1886 и 1/1888), в Саккола Лапинлахти также пять (две случайные находки, могильник Патья (2) и Паямяки-1917), на соседнем могильнике Кулхамяки три, в Куркиёках четыре, из которых три в могиле Сяккимяки и одна в Терву. В Хиитола найдено две аналогичные вещи (Кавосалми, Петкола), в Сортавале (Рантуе) одна. В Миккели Тууккала находится лишь одна аналогия, в Миккели Мойсио две и в Лаппее Каускила одна (рис. 45, 1–2).

Следующая по времени могила 1 (конец XII — XIII вв.), в которой четверо умерших (двое мужчин и две женщины, одна поверх другой) захоронены внутри деревянной срубной камеры. В набор украшений костюма одной женщины входят головное украшение сюкерё, фибулы типа С2/3а (2489: 70, 78), пронизки типа I: 2а (2489: 71, 79), цепедержатели типа I: 1 (2489: 72, 80), ножны ножа типа II: 1 (2489: 32, 33) и копоушка типа I: 2а (2489: 35). Вторую погребенную сопровождали булавка для волос, серебряная нагрудная брошь, фибулы типа С2/3а (2489: 87, 92), серебряная подковообразная фибула типа I: 1а (2489: 232), пронизки типа I: 2а (2489: 93) и I: 1 (2489: 88), цепедержатели типа I: 3а (2489: 89, 94), копоушка типа I: 2а (2489: 66) (табл. XI). Меч, рукоять которого с дисковидным навершием и перекрестием с тремя расширениями украшена орнаментом из серебряной проволоки (2489: 121а), украшенный растительным орнаментом бронзовый наконечник ножен меча, два наконечника копий (2489: 168, 223), металлические детали пояса, перстни, круглая пластинчатая и кольцевидная фибулы (2489: 106, 187) из мужских погребений, как и значительное количество напутственных вещей, усиливают представление о высоком статусе погребенных в этой коллективной могиле (Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 52–53, 63, 69, рис. 16–33).

Аналогии вещам из женских захоронений этой могилы распределяются, в основном, как и в случае с предыдущей могилой 5, в могилах своего мо-

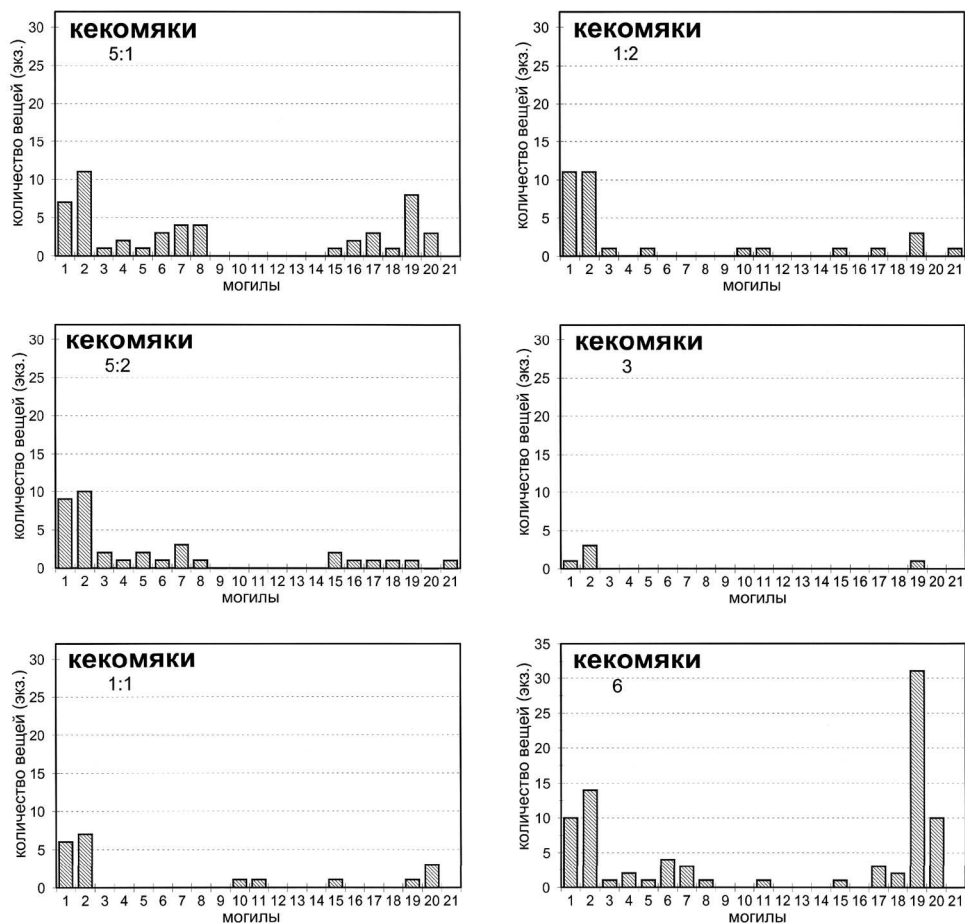

Рис. 45. Аналогии находкам украшений из могильника Кекомьяки в Каукола Коверила (пункт 2) в Карелии и Саво. Могилы Кекомьяки-5:1, 5:2, 1:1, 1:2, 3, 6)

гильника 15 (6 экз. (погребение 1: 1) — могилы 1: 2, 5, 6 и 9 экз. (погребение 1: 2) — могилы 1: 1, 5, 6), Ховинсаари Тонтинмяки-15 (5 — могилы 3/1886 и 1/1888) и 10 — могилы 1/1886, 3/1886, 1/1888, 5/1888). На могильнике Кулхамьяки известна лишь одна аналогия. По одной или двум аналогиям находится в Суотниemi (мог. 3), Лапинлахти (Паямяки-1917), Ивасканмяки, Хиитола (Кильпола и Петкола), Куркиёки (Сяккимьяки), а также на Тиверском городке. В районе Миккели обнаруживаются четыре аналогии (рис. 45, 3–4).

Сохранившимся в разрушенной могиле 3 подковообразной фибуле типа II: 2 и ножнам ножа типа I: 2 аналогии находятся в могилах Кекомьяки 2, 5 и 6 и по одной в Тонтинмяки 1/1886, Патья, Рантуэ и Тууккала (рис. 45, 5). Меч с дисковидным навершием рукояти и перекрестием с тремя дисковидными расширениями, украшенные орнаментом из серебряной проволоки

(2489: 281), наконечник копья (2489: 278), топор (2489: 375), кольцевая фибула (2489: 331), металлические детали пояса, перстни, крест нательный и другие вещи неопровержимо свидетельствуют также в пользу высокого статуса погребенных и в этой значительно разрушенной коллективной могиле (Кирпичников, Сакса, Томантера 2006: 52–53, 64, 70, рис. 17, 34–38).

Могила Кекомаки-6 также датируется концом XII – XIII вв., но в этих рамках она моложе предыдущих. В могиле захоронена лишь одна женщина, которую сопровождал полный набор украшений костюма: украшение волос сюкерё, серебряная нагрудная брошь, фибулы типа С2/3а (2495: 119, 128), серебряные подковообразные фибулы типа I: 1а (2595: 108) и II: 2 (2595: 135), пронизки типа I: 1 (2489: 123, 131), цепедержатели типа II: 2 (2489: 124, 133) и нож с ножнами (2595: 143, 146) (табл. XI).

И в этом случае большая часть аналогий происходит из могил могильника Кекомаки (могилы 1, 2, 3, 5, 6), что опять же свидетельствует в пользу предположения о хронологической близости рассматриваемых могил. Десять аналогий насчитывается в могильнике Тонтинмяки (могилы 1/1886, 1/1888, 3/1888, 5/1888, 6/1888, 13/1888). До одиннадцати поднимается количество аналогий в Лапинлахти (Патья (4), Лепсясенмяки, мог. 4 (2), Паямяки-1917 (1), -1931 (3 и одна случайная находка). На могильнике Тууккала количество аналогий поднимается до 31, но это происходит за счет цепедержателей типа II: 2, типичных для этого могильника в районе г. Миккели в Восточной Финляндии (область Саво) и отсутствующих в других могилах рассматриваемого могильника (табл. XI). Отдельные аналогии встречаются на могильниках Кулхамяки, Тонтинмяки и Суотниемеи (мог. 3), Тиверском городке, в Куркиёках (Терву и Сяккимяки), Сортавале (Рантуэ и городище Паасонвуори), Хиитола Кильпола (рис. 45, 6).

Наибольшее количество аналогий вещам карельских типов в целом находится в вещевом материале могильника Тонтинмяки (31), среди погребального инвентаря и отдельных находок в Лапинлахти (17) и в Миккели Тууккала (38), где, впрочем, 29 из них относятся к цепедержателям типа II: 2. В приходе Ряйсяля (исключая могильник Тонтинмяки), несмотря на обилие находок вещей эпохи крестовых походов, встречено лишь четыре аналогии изделиям из могил могильника Кекомаки: по одной в Ивасканмяки и Ховинсаари и две на Тиверском городке. На могильнике Суотниемеи имеется три аналогии, в Приладожской Карелии 13 (5 в Куркиёках, 5 в Хиитола и 3 в Сортавале). Следует принимать во внимание и размеры могильника, но, к примеру, в части аналогий в Лапинлахти пик приходится на могилы 5 (5 экз.) и 6 (11 экз.) в Кекомаки, притом, что и могила 1 не уступает им в богатстве инвентаря.

Могильник Кулхамяки

Могильник Кулхамяки находился на северо-восточном берегу оз. Ковериланярви (оз. Богатырское) на восточном пологом склоне высокого скалистого одноименного холма (рис. 13; 45, 2). На расположенном здесь поле

в конце XIX в. находили древние вещи, в том числе и позднее утраченные овально-выпуклую карельскую фибулу и рукоять меча. Т. Швиндт провел на могильнике раскопки в 1886 и 1888 гг., в результате которых были исследованы две потревоженные грунтовые могилы с карельским инвентарем (1/1886 (2488: 1–20) и 1/1888 (2596: 1–16)). В практически полностью разрушенной могиле 1/1886 нашли предметы как женского, так и мужского инвентаря, в том числе наконечник копья типа G по Я. Петерсену, овально-выпуклую карельскую фибулу типа F1 и топор карельского типа (2488: 2, 7, 8). Могила 1/1888 с мужским и женским погребениями была ориентирована по линии север-юг. К сохранившимся предметам инвентаря относятся овально-выпуклая карельская фибула типа С2 индивидуальные с заостренными концами, круглая серебряная нагрудная брошь, подковообразная фибула типа I: 1a и фрагмент фибулы типа II, пронизки типа II, цепедержатели типа I: 3a, копоушка типа I: 2 в женском погребении и топор карельского типа в мужском. К случайным находкам на могильнике относятся также овально-выпуклые фибулы типа H/IV: 2 a, b (3336: 240), F1 (5174: 395) и массивный бронзовый браслет X–XI вв. с сужающимися концами (3717) (Schwindt 1893: 11–15; Кочкуркина 1981: 23, № 47; 98, № 114–115; 114, № 166; Uino 1997: 231; Saksa 1998: 86).

В разведочных траншеях 1886 г. Т. Швиндтом на поле с восточной стороны холма Кулхамяки были вскрыты три каменные с большой примесью золы вымостки, назначение которых осталось неизвестным. Одна из них достигала размеров 2,3×1,2 м и простиралась на глубину до 1 м.

В 1979 г. нами на восточном и юго-восточном склонах Кулхамяки проводились разведочные работы с целью выявить новые могилы. В шурфе № 1 под слоем гумуса и слоя смешанного с углями песка на глубине 32–36 см от поверхности земли на уровне материка (светлая глина) были расчищены три заполненных камнями очага диаметром 70–80 см и глубиной 20–40 см. Камни очагов были сильно прокалены, и в них было много угля. Найдены три фрагмента средневековой керамики. Во втором шурфе на глубине 20–30 см от поверхности выявилась вымостка из прокаленных камней мощностью 40–43 см, на которой было также много углей. На дальнейшие раскопки не осталось времени, поскольку в задачу экспедиции входили разведочные работы и в других районах Карельского перешейка. В 1993 г. на этом месте был построен элитный кирпичный дом.

Основной поселенческий центр в этой части Карельского перешейка в эпоху крестовых походов располагался, таким образом, на северном берегу оз. Ковериланярви (Богатырское), откуда был прямой выход в озеро Вуоксу и всю водную систему Вуоксы и через нее — в Ладожское озеро и в Финский залив, а также непосредственно в Северо-Западное Приладожье и далее на Север (рис. 13). По-видимому, это обстоятельство объясняет необычное даже для богатых в целом карельских могильников количество роскошных, украшенных серебряной инкрустацией мечей, поясов с металлическими деталями, серебряных нательных крестов, перстней и кольцевых фибул

в мужских погребениях, серебряных брошей-медальонов, подковообразных фибул и других характерных для карельского праздничного убора украшений — в женских.

Ряйсяля (Мельниково)

Земли бывшего прихода располагались в нижнем течении Вуоксы. На его территории известны многочисленные археологические памятники эпохи каменного и железного веков. Наиболее ранние находки железного века относятся к римскому железному веку. Эти топоры (10834: 2, Ламмасмяки), наконечники копий и блоковидные кресала (2298: 22, Тиури; 1922: 401, Хумалайнен) свидетельствуют о значении Вуоксы как водного пути и роли пушной охоты уже в начале железного века. Начавшийся в это время в Европе рост торговой активности не обошел и периферийные области Карелии.

Одним из самых известных доисторических памятников района является Калмистомяки — прибрежный холм, на котором обнаружены и исследованы поселения бронзового века и раннего железного века и могильник позднего железного века и Средневековья (№ 15) (рис. 13, 46). Второй известный пункт — Тиверский городок, на котором, помимо следов поселения эпохи крестовых походов и Средневековья, найдены вещи эпохи викингов и керамика раннего железного века, в том числе и трехчастное навершие рукояти меча (КМ 502) (Appelgren 1891: 98–106; Кочкуркина 1981: 30–62; Кирпичников 1984: 144–149; Taavitsainen 1990: 239–240; Uino 1997: 297–300; Saksa 1998: 87–96; Сакса 1999: 192–198; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 51, 67, рис. 28).

Кроме этих, существовавших продолжительное время памятников, на территории прихода имеется значительное количество отдельных находок железного века, главным образом эпохи викингов и крестовых походов. Эпохой Меровингов датируются наконечники копий из Ряйсяля (Калмистомяки (10081: 1), Тиури (ViM E 3425–98 (шифр существовавшего до войны Выборгского музея) и Ховинсаари (2298: 157), однолезвийный меч из Ряйсяля Ристиниттю (9585) и бронзовый браслет (23349) из последнего пункта.

Находки первой половины эпохи викингов происходят из дер. Хютинлахти (семь подковообразных фибул, молоток и обломок замка (3693: 1–3), ланцетовидный наконечник копья (2836: 14), дер. Уннункоски (Хоппендорф) (восемь массивных сужающихся к концам браслетов (2924: 12, 2836: 17, 3001: 9, 3130: 1–5, 3318), 2 шейные гривны (3130: 6–7), бронзовая пластина и кусок дерева (3130: 8–9). В Ряйсяля найдены обломок меча типа Е с перекрестием, топор с прямой спинкой и кресало (7994: 15–17), а на холме Калмистомяки — два ланцетовидных наконечника копий (2298: 150) (Schwindt 1893: 94; Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 49, 61, рис. 8). В дер. Ховинсаари на горе Куусиконмяки и в дер. Хютинлахти найдены четыре наконечника копий типа Е (2298: 158, 2836: 13, 14; 2590: 9) и черенок ножа, обломок оселка

и круговая керамика в каменной куче. В Ховинсаари найден также массивный бронзовый браслет с сужающимися концами (2334: 1). Два наконечника копий типа Е найдены в деревне Ивасканмяки на небольшой полевой горке Хакамяки (1922: 428, 429). В дер. Тимоскала найдено перекрестие меча типа Е (2298: 151), в Раммансаари — наконечник копья типа К (3310: 28), а в Сяркисало — наконечник копья типа Е (1922: 414). Из деревни Тиури происходит массивный браслет с сужающимися концами (1922: 430). Еще один массивный браслет с сужающимися концами найден в Киисанлахти (2206: 8). Массивный бронзовый браслет упоминается в связи с находками предметов эпохи крестовых походов в Кивипелто (Schwindt 1893: 97).

В дер. Раутакопра (Паксунмяки) найдены указывающие на остатки возможного погребения обломок клинка меча, двое удил, рукоять плети, нож и овальное железное кольцо (3751: 1–6). На этом месте был также найден утраченный позднее меч. В 1936 г. Й. Войонмаа зафиксировал каменные насыпи, которые сохранились по настоящее время.

Большей частью из этих же самых деревень происходят и более поздние вещи второй половины эпохи викингов и начала эпохи крестовых походов. На полуострове Ховинсаари найдены четыре подковообразные фибулы (1922: 413 (Salmo 10), 1922: 414 и 2836: 16; 5606: 2 (Salmo 8)) и половинка пятой (2298: 155 (Salmo 8)), подковообразная фибула с цапфами на головках (5606: 1–2) и обломок равноплечной фибулы (5606: 1) (группа 7 по Кивикоски), бронзовая рукоять ножа, украшенная изображением птичьей головки (2298: 154). Наконечник копья с инкрустированной серебром втулкой (11174) найден в дер. Сяркисало. В дер. Уннункоски на о-ве Каттилансаари найден бронзовый браслет со вставкой (2768: 1) и второй такой же — в дер. Няпинлахти (Хювясниemi) (10082). По рассказам местных жителей, два подобных браслета были найдены на полях дер. Хумалапелто (Schwindt 1893: 98). В дер. Хютинлахти в одном месте найдены наконечник копья типа М, топор финского типа с изогнутой спинкой, два железных острия с деревом на рукоятях, фрагмент деревянного сосуда с бронзовой обкладкой, оселок, обломок кости (3472: 5–10). Возможно, это остатки разрушенной могилы. В этой же деревне Хютинлахти на поле Асикайнена найдены семь подковообразных фибул (3693: 1a-g (Salmo 10)), наконечник копья типа G и железный нож на участке Вякеля (2999: 47–48) и трехчастные удила на участке Вякипарта (2816: 4). В Ряйсяля найдена серебряная подковообразная фибула (2306: 2).

Часть найденных предметов, как, например, некоторые типы наконечников копий и топоров, были в употреблении и после эпохи викингов. Наконечники копий найдены в Ряйсяля (2744: 29; 3247: 28), в Тиури (2816: 3, типа М), Ховинсаари (2836: 13, 1922: 414 и 1922: 415, тип G). Топоры типа М обнаружены в Сяркисало (3118: 9) и Ховинсаари (2491: 6, 2592: 33, 3118: 9). В Ховинсаари найдены также три топора (2592: 183 (с бородкой), 2592: 177 и 2836: 12 (миниатюрный, нетипичный)). Еще один топор с бородкой найден в дер. Уннункоски (3551:15). В дер. Тиури найдено лировидное кресало

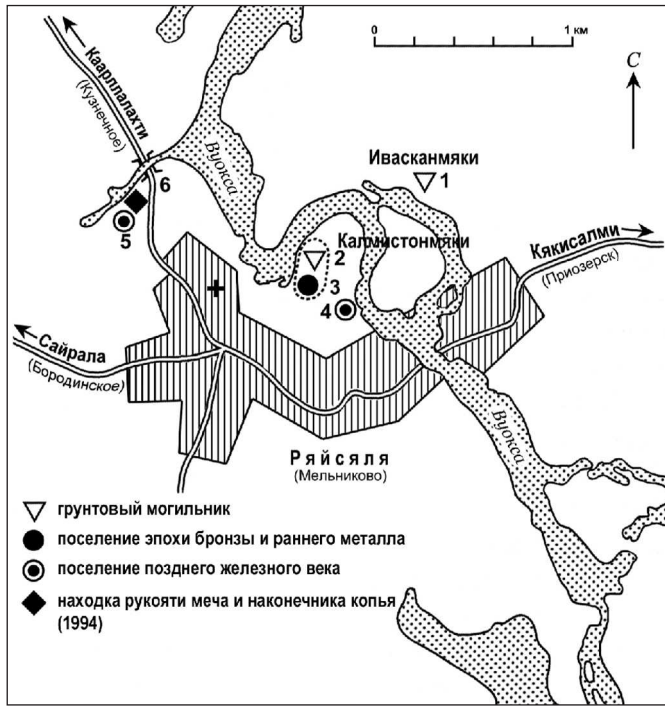

Рис. 46. Археологические памятники района пос. Мельниково (Ряйсяля)
 1 — могильник Ивасканмяки, 2–3 — поселение эпохи бронзы и раннего железа
 и могильник Калмистомяки, 4, 5 — средневековые поселения,
 5 — место находки рукояти меча и наконечника копья
 (1994)

(2590: 7). В 1994 г. в Мельниково (Ряйсяля) на берегу ручья, на холме найдены инкрустированная серебром рукоять меча с дисковидным навершием и наконечник копья (рис. 19). Они, как и еще один подобный наконечник копья, найденный в Мельниково на берегу Вуоксы в 1980-х гг., относятся уже к эпохе крестовых походов.

Находки эпохи викингов из прихода Ряйсяля свидетельствуют, что постоянное население в эту эпоху распространилось на всю территорию нижнего течения Вуоксы от Тиверского городка до дер. Уннункоски на западном берегу оз. Вуоксы. Наиболее заселенными районами были Кивипелто, Хютинлахти, Раутакопра, Уннункоски и Тимоскала, то есть примыкающие с юго-западной стороны к озеру Вуоксе земли нижнего течения реки Вуокса (рис. 13, 15–21). В эпоху крестовых походов крупные поселенческие центры сложились в районе дер. Тиури (Васильево) (Тиверский городок и окрестности) и пос. Ряйсяля (Мельниково) (рис. 46). Еще один известный центр существовал на п-ове Ховинсаари на южном берегу оз. Вуокса (рис. 13, 31) (Schwindt 1893: 93–99; Nordman 1924: 123–128, 141–196; Кочкуркина 1981: 22–23, 113–114; Wuolijoki 1979: 44–58; Uino 1997: 287–309, 355–388; Saks 1998: 86–107).

Тиверский городок

Это островное укрепление располагается у Тиверских порогов примерно в 14 км к югу от пос. Мельниково (рис. 13, 47, 48). До искусственно произведенного спуска воды в Вуоксе в районе Кивиниеми (ныне Лосево) в 1857 г. оно располагалось на острове, омываемом двумя рукавами р. Вуоксы. После падения уровня воды в Вуоксе в этой части Карельского перешейка на 2,5 и более метров осталась одна узкая западная протока (рис. 4). Тиверский городок, находясь на одном из самых сложных и стратегически важных участков восточного рукава Вуоксы, контролировал и обслуживал речной путь из Финского и Выборгского заливов в Ладогу, формируя совместно с Выборгом и Корелой систему прикрытия центральных районов карельской земли от неприятеля.

Относительно даты возникновения упомянутого укрепления среди исследователей нет единого мнения. Финские археологи, начавшие работы на городище еще в конце XIX в., принимали за время его сооружения X в. или время около 1000 г. (Айлио, Хакман), не исключая и более позднюю дату — XII в. (Ринне) (см. Taavitsainen 1990: 239–240; Uino 1997: 297–300; Saksa 1998: 87–88; Сакса 1999: 193). С.И. Кочкуркина относит основание Тиверского городка ко времени между 1293 и 1323 гг., ссылаясь на то, что Ореховский договор запрещал возведение новых пограничных крепостей по обе стороны границы и, с другой стороны, возведение крепости на Вуоксе стало актуальным после строительства шведами Выборгского замка в 1293 г. (Кочкуркина 1976: 70; 1981: 59–60). А.Н. Кирпичников, справедливо отмечая, что Ореховский мир часто нарушался и что новгородский летописец не отмечает городка во время походов шведов в устье Вуоксы в 1295, 1322 и 1337 гг., полагает, что основание городка у Тиверских порогов могло состояться в конце 1330-х гг. или даже во второй половине XIV в. (Кирпичников 1984: 145–146). В письменных источниках Тиверский городок впервые упомянут в списке «всем градом руским далним и ближним», составленном в 1390–1396 гг. Последнее упоминание содержится в новгородской летописи, в записи о взятии его шведами зимой 1411 г. (Кирпичников 1964: 144–146; Кочкуркина 1981: 31).

В настоящее время, когда практически все категории карельских древностей подверглись детальному исследованию, создана их хронологическая шкала и, что не менее важно, проведены дополнительные полевые работы, стало возможным обратиться к рассмотрению материалов раскопок 1970-х г. с учетом более полной картины развития Карелии на момент сооружения упомянутых карельских крепостей. Среди материалов раскопок Тиверского городка присутствует ряд ранних вещей эпохи викингов и начала эпохи крестовых походов: половинка подковообразной фибулы со спиральными головками (6699: 1), трехчастное бронзовое навершие рукояти меча (502), наконечник копья (2672: 9), массивный бронзовый браслет со вставкой (2788: 2) и фрагмент браслета с сужающимися концами с поперечными зигзагообразными линиями,

вставка от браслета (по С.И. Кочкуркиной равноплечная фибула (1981: 53, табл. 4, 18), серебряная магдебургская монета XI в., фрагмент подковообразной фибулы с цапфами на головках, бронзовый бубенчик, глазчатые бусы, железный ключ, черешковый наконечник стрелы и топор (Кочкуркина 1981: 40–61; Taavitsainen 1990: 239–240; Uino 1997: 300; Saksa 1998: 89–91; Сакса 1999: 193). Все они обнаружены в южной части городища. Здесь же при рытье погребка в конце XIX в. был найден клад серебряных вещей (Кочкуркина 1981: 35–36). В состав его входили 11 украшенных филигранью бусин, двойная плетеная цепочка с наконечниками, головное украшение из серебряной проволоки («сюкерё»), круглая с филигранью подвеска, две восточные монеты с ушками (894–902, 976 гг.), круглый медальон, две новгородские монетные гривны и три отпиленных от них кусочка (рис. 49) (2740: 1–18) (Shwindt 1893: 88–89; Talvio 1980: 15; Кочкуркина 1991: 36; Uino 1997: 188, fig. 6: 11; Saksa 1998: 89; Сакса 1999: 193–194). Часть перечисленных серебряных украшений характерна и для других карельских кладов из Сипилянмяки в приходе Саккола и Кильпола в Хиитола. В них также находились типичные для карельского праздничного костюма подковообразные фибулы, отсутствующие в Тиверском кладе. Сюкерё встречены в могиле 6 могильника Кекомаки (2595: 109) и Тонтинмяки-1/1888 (2592: 5) и как отдельные находки на могильниках Леппясенмяки и Патья в Лапинлахти. Серебряные броши-медальоны (часто у карел переделанные в нагрудные фибулы) также входили в инвентарь упомянутых выше карельских могил (табл. XI). Следует особо отметить, что сюкерё, круглые медальоны и подковообразные плоские либо овально-выпуклые фибулы с растительным или плетеным орнаментом входили в набор инвентаря именно могил периода расцвета средневековой карельской культуры (Кочкуркина 1962: 93–101; Appelgren–Kivalo 1910: 63–90; Salmo 1956: 69–94). В настоящее время этот период устанавливается в промежутке от конца XII и до конца XIII — начала XIV вв. (Saksa 1998: 163–166, 249–253, 255–258; Сакса 1999: 194). Следует также подчеркнуть, что подковообразные фибулы, отсутствующие в рассматриваемом кладе, были редки для памятников в целом богатого находками XII–XIV вв. района нижнего течения р. Вуоксы (бывший приход Ряйсяля). На самом Тиверском городке найдена лишь одна серебряная игла от подковообразной фибулы (Кочкуркина 1976: 69, рис. 5, 2), а на самом большом могильнике этого времени Ховинсаари Тонтинмяки (ныне пос. Крогово, п-ов Большой) всего два экземпляра (мог. 1/1886 (2491: 32) и мог. 1/1888 (2592: 2) (тип I: 1a)) (Saksa 1998: 89). Таким образом, зарытие клада произошло именно в тот период, когда материальная культура карел достигла своего расцвета. Этому не противоречат и монетные гривны из клада (Янин 1956: 161–162; 1985: 365–366).

Следует отметить, что погреб, при рытье которого был обнаружен клад, был вырыт в валу. Клад, таким образом, был заложен в толще вала или, что более вероятно, вещи остались в культурном слое, перекрытом позднее валом. Остановимся на этом последнем предположении подробнее, поскольку оно имеет прямое отношение к строительной истории укрепления острова.

Попытки изучения вала предпринимались уже в конце прошлого века, когда Т. Швиндт и А. Хакман произвели раскопки на месте находки клада, затронув и часть вала (рис. 47, 1). Тогда в черной углистой земле вблизи материка нашли кальцинированные кости, внутри вала среди валунов также была черная земля, в которой найдены обломки глиняных сосудов, наконечник стрелы от арбалета, фрагмент браслета со вставкой, обломки оселка, ножа и железной пластины с пятью отверстиями (Schwindt 1893: 86–90; Кочкуркина 1981: 36; Uino 1997: 297–298; Saksa 1998: 91–92; Сакса 1999: 194–195). Швиндт не отмечает при описании раскопок никаких особенных конструкций, лишь валуны в основании.

К изучению оборонительных сооружений Тиверского городка вернулись в начале 1970-х гг. А.Н. Кирпичников и С.И. Кочкуркина. При этом изучению подверглись как вал, защищавший южную часть острова (С.И. Кочкуркина), так и каменная стена в северной части острова (А.Н. Кирпичников) (рис. 47, 48). С.И. Кочкуркина прорезала вал траншеей (раскоп IV) в южной оконечности городища в непосредственной близости от погребца и раскопа конца XIX в. к западу от них (Кочкуркина 1976: 65–66; 1981: 32, 45–48). При этом выяснилось, что в основании вала находились огромные валуны, лежавшие непрерывной цепочкой (ширина 6–7 м) в один ряд на чистом материковом песке. Среди них находились более мелкие камни, валуны сверху засыпаны культурным слоем, взятым с территории городища, вал в этой части городища имеет прослойку желтого материкового песка, что говорит о его подсыпке. В засыпке вала обнаружены фрагменты гончарной керамики, наконечники стрел и целый ряд других предметов (Кочкуркина 1981: 47). В основании вала было расчищено углисто-зольное пятно размерами 3,2×2 м, в центральной части которого нашли семь ладейных заклепок, два фрагмента круговой керамики, кость животного (?), и человека (?), кальцинированные кости и куски коры. Место находки окружало кольцо из камней. Кочкуркина считает сооружение жертвенным, посвященным защищающим вал силам. Наличие в вале культурного слоя С.И. Кочкуркина объясняет необходимостью постоянного его поддержания в порядке, для чего необходимую землю брали с площадки городища. Вал подновлялся как минимум дважды, что видно в разрезе вала (Кочкуркина 1981: 45). В то же время в профиле представленного в монографии разреза вала видно, что нижняя часть вала является продолжением культурного слоя городища (Кочкуркина 1981: 46, рис. 15). Во всяком случае, видимый в разрезе слой песка начинается с поверхности культурного слоя (рис. 50). Второй этап сооружения вала (подсыпка над слоем песка) в соответствии с этим произошел, следовательно, уже после того, как культурный слой на городище сформировался. В верхней части вала найдены шесть наконечников стрел, из которых три были самострельными и один бронебойный. В нижнем, втором слое вала обнаружены фрагменты гончарной керамики, шесть ладейных заклепок, миниатюрный железный ключ, поясная пряжка, половинка подковообразной фибулы со спиральными головками, боевой топор, пряслице и шило (Кочкуркина 1981: табл. 4, 15; 5,

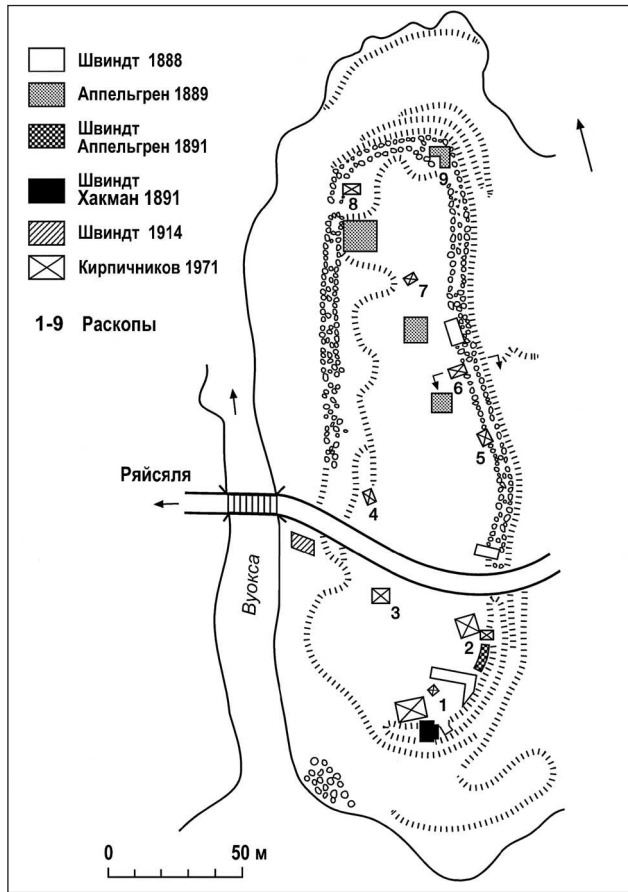

Рис. 47. План Тиверского городка по Х. Аппельгрэну (1891), Т. Швиндту (1893) и А.Н. Кирпичникову (1984). 1-9 — раскопы

2, 11, 12; 6, 8; 7, 5, 6, 21). Аналогичная картина отмечается и в раскопе X, заложенном примерно в 25 м от предыдущего на восточном отрезке вала и примыкающей к нему территории (рис. 48). Культурный слой в этой части достигал максимально 88 см. И в этой части вал подсыпался материковой землей и культурным слоем. Основание вала составляли большие камни на уровне материка. Высота каменного основания в этой части достигала от 0,5 до 1,03 м. При раскопках на этом участке обнаружено много фрагментов керамики, предметы бытового инвентаря, украшения (пастовая бусина, копоушка), оплавленный кусочек меди, кости животных, кальцинированная косточка (Кочкуркина 1981: 32, 48).

В 1888 г. Т. Швиндт раскопал в юго-восточной части острова небольшую разведочную траншею с внутренней стороны вала (рис. 47, 2). Среди находок были 143 фрагмента гончарной керамики, шлак железный, кости животных, обломок скобеля, три обломка точильных камней, медная и железная пласти-

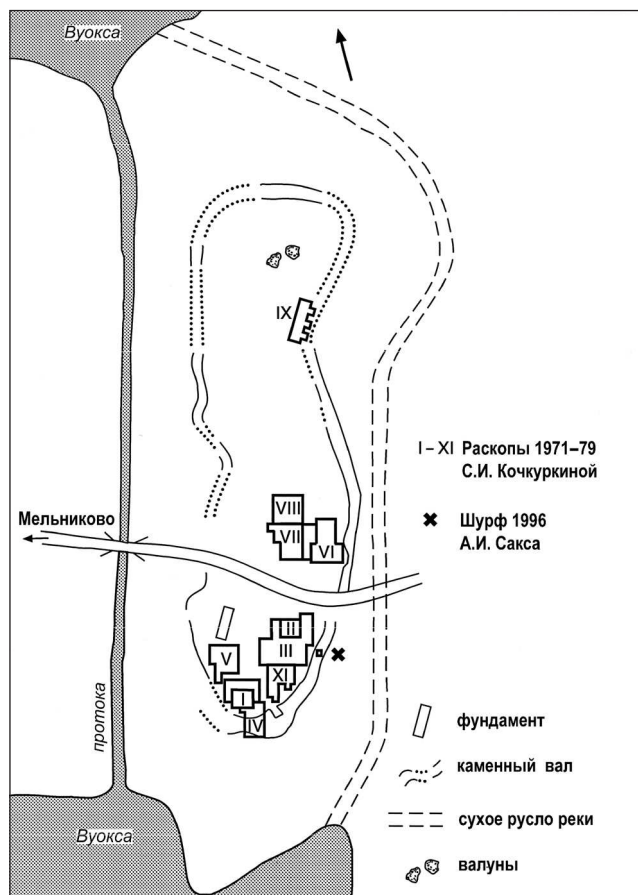

Рис. 48. План Тиверского городка по С.И. Кочуркиной (1981).
I–XI — Раскопки С.И. Кочуркиной 1971–1974 гг.

ны, шип ледоходный, два железных гвоздя и бусина глиняная (2591: 1–10) (Schwindt 1893: 87). В 1891 г. Швиндт вместе с А. Хакманом раскопал участок вала рядом с погребом с его западной стороны у места находки клада серебряных вещей (рис. 47, 1). В раскоп входил как сам вал, так и прилегающий к нему участок культурного слоя до уровня материка. Они нашли у материка в черной золистой земле сгоревшие кости как под валом, так и рядом с ним. Внутри вала среди материковых камней была черная земля с керамикой, а также вещи: броневой наконечник самострельной стрелы, обломок вставки от бронзового браслета, обломок маленького оселка (2788: 1, 2, 7). С северо-восточной стороны погребов заполнения вала было таким же, как и с его западной стороны. Здесь лишь не было сожженных костей. Из вещевых находок отметим обломок острия ножа, железную пластину с пятью отверстиями и маленький обломок оселка (2488: 5, 6, 8). В том же году произвели раскопки в восточной части вала к северу от шоссе рядом с местом, где вал

переходит в каменную стену (Schwindt 1893: 86, 87). В раскопе найдено много железных криц и несколько фрагментов керамики. Швиндт не отмечает ничего особенного в конструкции вала; кроме материковых камней, никаких искусственных каменных сооружений в основании вала не было зафиксировано (Schwindt 1893: 87–90).

Исследования вала городища

При раскопках в различных местах вала было установлено, что он насыпан из взятого непосредственно на острове культурного слоя. Встреченные в его верхней части наконечники стрел (Schwindt 1893: 89; Кочкуркина 198: 47) говорят больше о последнем этапе существования поселения, чем о возрасте вала. Найденные же в этой массе земли другие предметы: копоушка, бусина из стекловидной массы, обломок вставки от массивного бронзового браслета, половинка подковообразной фибулы со спиральными концами, железный ключ и керамика (Schwindt 1893: 87, 89, 90, kuv. 140–164, 479, 509; Кочкуркина 1981: 47, 48) свидетельствуют, что вал появился лишь после того, как культурный слой на городище уже сформировался. Время его сооружения с большой долей вероятности можно отнести к концу эпохи крестовых походов (1050–1300 гг.) и даже более позднему времени. Если исходить из предположения, что клад был оставлен в культурном слое, тогда вала на месте его находки еще не было в конце XII и, возможно, даже в первой половине XIII вв.; именно к этому времени относится часть вещей клада, а также обнаруженные в засыпке вала копоушка и керамика. Керамика представлена формами, которые, судя по материалам из Новгорода и Корелы, были в употреблении и в XIV в. (Schwindt 1893: kuv. 140–164; Кирпичников 1979: 71–73; Кочкуркина 1982: 127–132; Смирнова 1956: 242–246). На этом основании сооружение вала (или один из этапов его строительства) возможно даже отнести к XIV в. К сожалению, в материалах раскопок С.И. Кочкуркиной нет таких данных, которые позволили бы сделать заключение о какой-либо конкретной по времени разнице в выделяемых ею двух этапах подсыпки вала. Обнаруженная в траншее раскопа IV прослойка песка не выделяется в других раскопах на этом валу (рис. 48). Она может иметь и случайный характер: в каком-то месте, подсыпая вал, прорезали культурный слой до материкового песка. Найденные в засыпке вала вещи различного времени и интенсивный черный слой этой земли могут указывать на то, что вал был насыпан с использованием слоя площадки городища после разрушительного вражеского нападения и перед угрозой нового. Это предполагает, что поселение на острове было уничтожено пожаром, в результате которого и формируется такого рода культурный слой. Учитывая, что земля и найденные в насыпи вала вещи не отличаются от того, что раскопано и обнаружено на самой площадке, то предшествующее сооружению вала поселение, как и весь этап существования городка, укладываются в один и тот же временной и историко-культурный интервал —

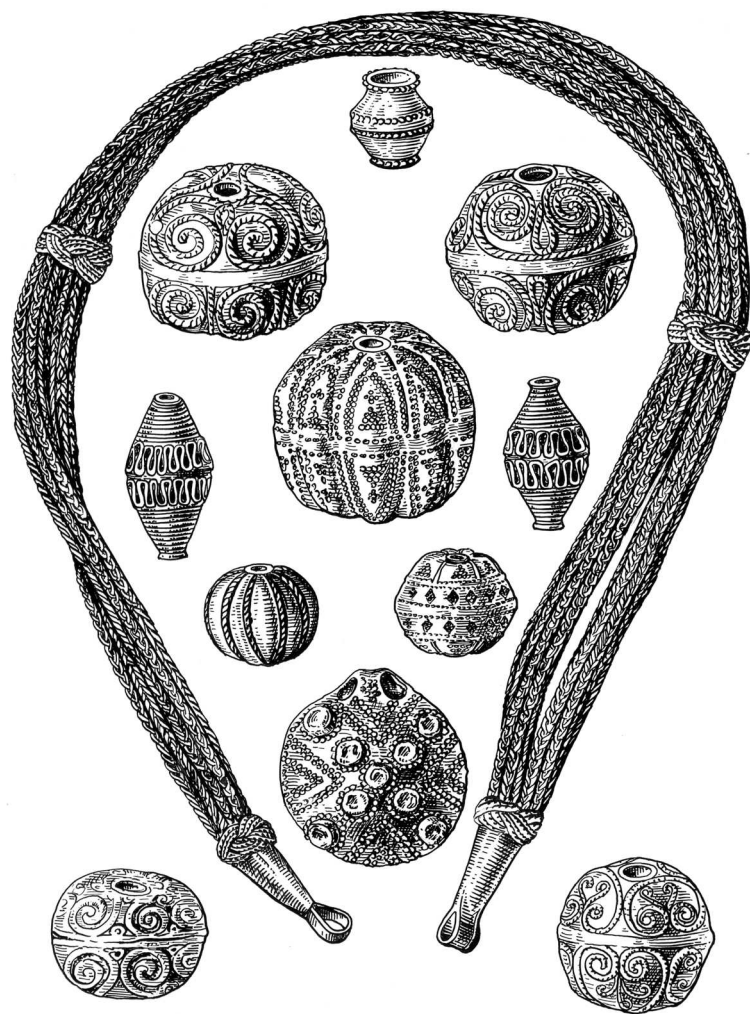

Рис. 49. Серебряные вещи из Тиверского клада

вторую половину эпохи крестовых походов и начало раннего Средневековья (конец XII — XIV вв.).

В 1996 г. нами была зачищена восточная стенка раскопа Х С.И. Кочкуркиной. На месте открылась поставленная на культурном слое стена из трех рядов камней высотой до 1 м, которую перекрывала черная земля. Единственная находка — наконечник стрелы от арбалета — была сделана непосредственно под дерном. Вал южной части городища, следовательно, не однороден и имеет в своей строительной истории несколько этапов, которые предстоит еще прояснить. Так же неясно хронологическое соотношение вала и каменной стены в северной части городища. Последняя тоже построена на культурном слое (Кочкуркина 1981: 48–50).

Исследования остатков построек городища

На площадке городища внутри вала и каменной стены имеются остатки построек, часть которых относится к новому времени. Из видимых, отчасти и на поверхности земли, остатков древних жилищ с очагами в 1889 г. были раскопаны четыре (d, e, f и g) (Appelgren 1891: 103–104) и в 1971–1974 гг. пять (Кочкуркина 1981: 37, 51–59). Из исследованных Х. Аппельгреном фундаментов внутри d и e не было ничего найдено, на месте фундамента f обнаружены остатки очага, керамика и железная пластина (2672: 1–3), в g — обломок острия лезвия ножа, расплющенный фрагмент овально-выпуклой фибулы, обломок оселка, керамика, обгоревшая глина, шлак, три железных гвоздя, кости и зубы животных, обломки горшков с поливой и целый горшок (2672: 4–11) (Appelgren 1891: 104; Taavitsainen 1990a: 239; Uino 1997: 298; Saksa 1998: 93). По подсчетам С.И. Кочкуркиной, на острове находится 14 одновременных фундаментов жилых построек, от которых еще сохранились нижние части стен (1981: 55). К сделанным ею находкам в жилищах относятся бронзовая пластина, лепная и гончарная керамика, пять ножей, цепь и крюк для подвешивания котла, шип ледоходный, оселок, два пряслица, «разделочная пластина», пять наконечников стрел, овально-выпуклая фибула типа Н, разделитель ремня, обломки бронзовых изделий, 24 куска шлака и пять обломков тиглей (фундамент I); три цилиндрических изделия, обломки ключа и замков, два кресала, три оселка, крюк железный, пряслица из глины и камня, четыре ножа, топор, восемь наконечников стрел, вставка от бронзового браслета, копоушка (типа II: 1), бубенчик, три бусины, бронзовый браслет из тонкого дрота, пять обломков бронзовых предметов, обломки железных изделий, железное острие, шлак, лепная и гончарная керамика, обломки тиглей, глиняная обмазка (фундамент II); два ножа, две железные накладки, оселок, долото, кресало, обломки тиглей, шлак, два глиняных горшка, лепная и гончарная керамика (фундамент III); железные гвозди, шило, осколки кремня, медные перстень и пряжка, медная пластина, две стеклянные бусины, поясные пряжка и кольца, веретено, ножи, кресало, обрывок цепи, заостренное железное изделие, «разделочная пластина», пряслица, грузила от сетей, самострельный болт, черешковый наконечник стрелы, большое количество шлака, глиняная обмазка, керамика, обломки тиглей, кости животных (фундамент IV); керамика, ножи, ледоходные шипы, обрывок железной цепи, железные кольца и обломки тиглей (фундамент V) (Кочкуркина 1981: 51–54). Находки внутри фундаментов не отличаются, следовательно, в целом по характеру от находок в культурном слое и их нельзя использовать для достоверной датировки жилищ. Также в очагах, основания которых устроены на материке, найдены керамика и вещи, трудно поддающиеся датированию. Датирование по радиоуглеродному методу, к сожалению, не было проведено. То обстоятельство, что все исследованные, так же, как и видимые на поверхности фундаменты, ориентированы по линии северо-запад–юго-восток и расположены в линию на площадке городища, указывает на строительную

деятельность по единому плану. Камни фундаментов построек поставлены на материк; их сохранившаяся высота составляет 0,2–0,8 м (Кочкуркина 1981: 51–54). Имеется, следовательно, вероятность предполагать, что фундаменты построек «прорезали» культурный слой и, таким образом, могут относиться к тому же хронологическому этапу, что и вал или каменная стена.

Материалы раскопок С.И. Кочкуркиной

В процессе раскопок 1970-х гг. за пределами фундаментов жилищ были сделаны следующие находки: две копоушки, долото, сверло, молоток, арбалетный наконечник стрелы, оселки, каменные грузила от рыболовных сетей, керамика (раскоп I); гарпун, три наконечника стрел, ножи, пряслице, зооморфная подвеска, копоушка, свинцовая печать, грузила от сетей, керамика (раскоп IV); два ромбовидных в сечении наконечника стрел, бронебойный наконечник стрелы от арбалета, пробойник, овальное кресало, замок, ножи, пряслице, перстень, подвеска, игла от подковообразной фибулы и керамика (раскоп V); семь ножей, обломок серпа, бронебойный наконечник стрелы от арбалета, наконечник стрелы, копоушка (тип II: 1), пряжка поясная и керамика (раскоп XI); 13 наконечников стрел различных типов, боевой топор, кресала, фрагменты замков, ножи и другие изделия из железа, керамика (раскоп III). В этом же раскопе встречен целый ряд вещей карельских типов: овально-выпуклая фибула типа J, пронизка типа I: 1 с двумя привесками, серебряная игла от подковообразной фибулы, две копоушки из серебра и меди (бронзы?) (типа II: 1 и близкая к типу I: 2), рукоять ножа медная (бронзовая?). В дополнение к этому в раскопе III найдены серебряное ромбовидное изделие, бронзовые перстень, накладки, пинцет, фрагмент изделия (браслета?) из круглого дрота и спиральки, серебряный разделитель ремня, стеклянные и каменные бусы. Раскопы VI–VIII были разбиты в центральной части площадки Тиверского городка к северу от шоссе (рис. 46). В раскопе VI нашли четыре наконечника стрел, семь ножей, кресало, три ключа от замков различных типов, фрагмент замка, железный крюк, ушки от котла, цилиндрическое изделие из железа, долото, оселки, железную спицу, большое количество шлака, семь обломков тиглей, лепную и круговую керамику (Кочкуркина 1981: 44–45). О находках из раскопов VII и VIII в рассматриваемой монографии С.И. Кочкуркиной нет информации. В их пределах исследованы два фундамента жилищ: № IV в раскопе VII и № V в раскопе VIII, внутри которых были сделаны и вещевые находки. В раскопах VI–VIII раскрыты 28 костяков и захоронений, сделанных во время осады городка либо после. Часть из них находилась в могильных ямах, другая часть — в культурном слое и внутри остатков жилищ (Кочкуркина 1981: 44, 53–54, 56–58).

По С.И. Кочкуркиной, на территории городища имеется лишь один культурный слой (горизонт), который датируется концом XIII и, главным образом, XIV вв. (1981: 38, 59). Более ранние находки и лепная керамика свидетельствуют, что остров был заселен уже на рубеже тысячелетий, что

не означает непрерывности в заселении от этого времени до начала XIV в., когда под угрозой реальной опасности остров был укреплен и стал военным центром (1981: 61–62). Среди керамики из культурного слоя острова есть более ранняя, относящаяся к раннему железному веку.

Этапы истории Тиверского городка в свете современных исследований

Эпоха крестовых походов и начало Средневековья, несомненно, являются последним этапом развития Тиверского городка и одновременно периодом его расцвета. Выше в настоящей работе нами подробно рассмотрен этот период в масштабе всей древней Карелии. Следует сразу оговорить, что без новых раскопок на многие вопросы, касающиеся истории городка на Вуоксе, однозначные ответы дать невозможно. Изделия карельских типов с городища указывают на тот же хронологический горизонт, к которому относятся погребенные в могилах 5/1888 (пронизки типа I: 1), 7/1888, 9/1888 и 13/1888 (копоушки типа II: 1) на могильнике Тонтинмяки (п-ов Ховинсаари в этом же регионе нижнего течения Вуоксы) (табл. VIII) (Saksa 1998: 94; Сакса 1999: 196). На вторую половину эпохи крестовых походов указывают и зооморфная подвеска конца XIII – XIV вв. (тип XX по Е.А. Рябинину (1981: 39–43, № 681), бронзовые рукояти ножей, овально-выпуклые фибулы типов Н и J. Неслучайно и то, что все украшения конца XII – XIV вв., так же как предметы вооружения и более ранние находки предметов эпохи викингов, происходят из южной части городища (Appelgren 1891: 102–106; Schwindt 1893: 87–90; Кочкуркина 1981: 45–59). Редкие обломки украшений из северной части (половинка расплющенной овально-выпуклой фибулы и обломки изношенного браслета) могли использоваться как металлом для вторичной обработки. В северной части выявлены, прежде всего, следы производственной деятельности, особенно металлообрабатывающего ремесла. Это была именно производственная, а не жилая зона (Кочкуркина 1981: 59). Это различие в материалах двух частей городища наблюдается и на поверхности земли, где подчеркивается различием в характере укреплений: каменно-земляной вал в южной части городка и каменная стена в северной. Полагаю, что вал является более ранним сооружением по отношению к каменной стене, что было отмечено и А.Н. Кирпичниковым (1984: 149). Есть основания полагать, что вал на первоначальном этапе истории городища защищал лишь южную часть острова, на которой и сосредоточены практически все доисторические находки. На каком-то этапе и здесь принялись возводить каменную стену, но либо уже построенная стена пострадала во время вражеского нашествия и на ее остатках возвели вал из земли культурного слоя городища, либо по каким-то причинам она осталась недостроенной и ее компенсировали насыпкой вала. Северная часть этого более раннего вала могла проходить поперек острова (с северной стороны шоссе), где и в настоящее время наблюдается невысокая валообразная насыпь. На этом месте в южной части раскопа VI С.И. Кочкуркиной была расчищена каменная гряда шириной 0,8–1,2 м. Исследователь не

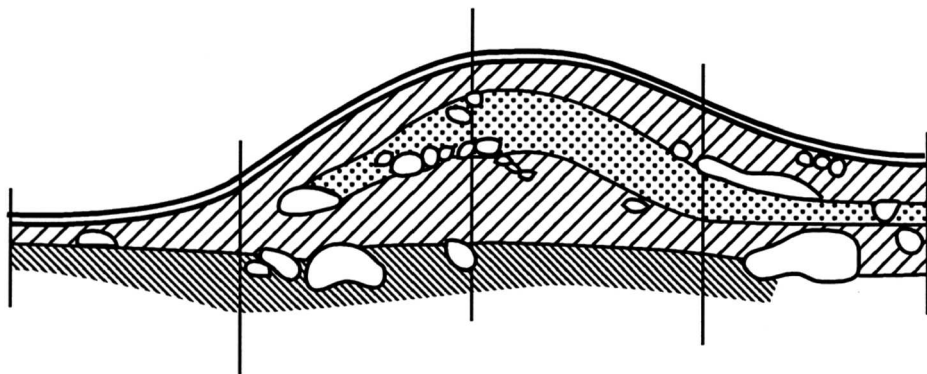

Рис. 50. Профиль вала Тиверского городка (раскопки С.И. Кочкуркиной 1971–1972 гг.)

исключает возможности, что она возникла во время функционирования Тиверского городка, но полагает, что гряда окончательно оформилась, когда в XIX в. на нее приносили камни с картофельного поля (Кочкуркина 1981: 55). Когда же в таком случае укрепления охватили весь периметр острова, и какие внешние обстоятельства послужили поводом для этого?

Из письменных источников этого времени важнейшим является Новгородская I летопись. Применительно к истории Тиверского городка прежде всего следует принять во внимание известия о событиях времени после строительства Выборгского замка, поскольку шведы (а именно они и могли сжечь городок) приходили ранее в Ладогу по Неве (последние из этих походов сделаны были в 1284 и 1292 гг.). Путь из Выборга в Ладогу лежал по Вуоксе мимо Тиверского городка, и поэтому при усилении внешней (шведской) угрозы карелам следовало его укрепить. Шведы предпринимали походы на Кякисалми (с 1310 г. Корелу) в 1294–95, 1314, 1322, 1337 и 1338 гг. Целью походов 1294–95 и 1322 гг. было захватить военным путем крепость, в то время как во время походов 1314, 1337 и 1338 гг. карелы выступали как союзники шведов, поскольку карельская знать боролась с все усиливающимися попытками Новгорода ограничить ее самостоятельность.

В свете этого можно предположить, что Тиверский городок, так же, как и в случае с Кякисалми, шведы могли захватить и сжечь во время похода 1294–95 г. Известно, что до завоевания Западной Карелии шведами на месте будущего Выборгского замка и в Кякисалми были уже карельские укрепления. Несомненно, таковое существовало и у Тиверских порогов. Последние раскопки в Приозерске показали, что первоначальное поселение в устье Вуоксы возникло задолго до его первого упоминания в летописи; нижний строительный горизонт здесь датируется самое позднее первой половиной XIII в. (Saksa, Kankainen, Saarnisto, Taavitsainen 1990: 65–68; Saksa 1992: 16–17. 1998: 116–125; Kankainen, Saksa, Uino 1995: 41–47; Uino, Saksa 1997:

262–269; Сакса 1999: 196–204). Раскопки на Замковом двореке в Выборгском замке 1980-х гг. показали ту же картину; на острове задолго до основания шведами замка существовало древнее карельское поселение. Время его активного функционирования приходится на XIII в., к которому относятся карельские и другие вещи из слоя (Tjulenev 1982: 25–33; 1983: 79–86; Тюленев 1984: 118–125; 1995: 15–18, 68–70, рис. 3–5). Как в Кякисалми-Кореле, так и на Тиверском городке есть находки старше эпохи крестовых походов (1050–1300 гг.). Эпоха крестовых походов, точнее, XIII в., во всех этих трех случаях с «вуоксинскими» поселениями является той временной границей, ниже которой находятся расположенные в выгодном месте поселения с не вполне четко определяемыми функциями, как в случае с Тиверским городком (Кочкуркина 1981: 60), либо временный лагерь или место сбора воинов (в случае с Корелой) (Кирпичников 1979: 54), а выше — укрепленное карельское торгово-ремесленное поселение. Т. Швиндт также предполагал, что на месте Тиверского городка в его южной части существовал предшествующий поселению могильник, часть которого сохранилась под валом, но не нашел поддержки у коллег (Schwindt 1893: 98). С.И. Кочкуркина считает это вряд ли возможным (1981: 36). Последние раскопки в Кореле принесли новые данные к продолжению дискуссии по этому вопросу. Существует большая доля вероятности, что на острове, до того как в XIII в. было построено карельское укрепление Кякисалми (с 1310 г. Корела), в эпоху Меровингов и викингов существовал могильник (подробнее об этом см. в разделе о Кореле (Карельском городке) (Saksa 1992a: 5–17; 1998: 109–125; Сакса 1999: 197–204).

Между Тиверским городком, Кякисалми-Корелой и Выборгом, помимо того, что они находятся на островах, есть общее и в том, что они сформировали в XIII в. единую цепь укреплений, которая сделала Вуоксу внутренней карельской артерией, осью, на которой формировалась Карельская земля. В этой системе все же было одно слабое место, а именно: тот, кто сумел бы завладеть ими, получал контроль над всей Карелией. Это хорошо понимали шведы, отправившиеся в 1294–95 г. из только что отстроенного Выборгского замка завоевывать восточную часть Карельской земли.

В источниках ничего не говорится о судьбе Тиверского городка во время похода 1294–95 гг. и в последующее время. Это, однако, по нашему мнению, не может быть достаточным основанием для утверждения, что укрепленного поселения на острове в то время еще не было. Новгородская летопись лишь отмечает под 1295 г., что шведы поставили город в Кореле, а новгородцы его «розгребоша» (НПЛ 1950: 32–93). Шведская хроника Эрика рассказывает о захвате крепости в устье Вуоксы как об одном из эпизодов сражения за Карелию (Рыдзевская 1978: 112). Как для шведов, так и для новгородцев стратегически важными были оба устья Вуоксы (западное и восточное) и защищавшие их укрепления (Выборг и Кякисалми-Корела). Вокруг борьбы за обладание ими и разворачиваются известия хроник.

Есть основания предполагать, что восстановление и укрепление Тиверского городка произошло, как и в случае с Кякисалми, после шведского по-

хода и, вполне вероятно, не без помощи новгородцев — еще одна параллель в судьбе обоих рассматриваемых пунктов. Вал Тиверского городка — его древнейшую часть — можно относить в свете сказанного выше к периоду конца XIII — начала XIV вв. Второй этап укрепления острова мог бы произойти в предшествующее подписанию Ореховецкого мирного договора время, когда борьба между Новгородом и Швецией в бассейне Невы, на Ладоге и в Карелии усилилась (шведский поход в Ладогу 1317 г., безуспешная попытка захватить Корелу в 1322 г., постройка новгородцами крепости на Ореховом острове в истоке Невы в 1323 г.).

Что касается каменной стены, то следует учитывать, что в «Списке русских городов, дальних и ближних», относящемся к 1390-х гг., Тиверский городок уже назван (Кирпичников 1984: 145; Кочкуркина 1981; Тихомиров 1952: 225). В 1404 г. Новгород передал смоленскому князю Юрию 13 пригородов, в числе которых значился и Тиверский (Материалы... 1941: 89). Стало быть, к концу XIV в. он достиг статуса города (града) и должен был иметь укрепления по всему периметру острова. Все перечисленные выше события в той или иной мере могли повлиять на строительство и расширение укреплений. По мнению А.Н. Кирпичникова, основание городка могло состояться в конце 1330-х гг., когда Корелой управлял Валит-корелянин, с чьим именем легенда связывает строительство на севере первых каменных укреплений. Не исключается возможность отнесения времени основания Тиверского городка и ко второй половине XIV в. (Кирпичников 1984: 145–146). О строительстве какой-то крепости карелами в XIV в. также свидетельствует упоминание летописи под 1375 г. о строительстве корелой семидесятской нового городка (Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 50–51). Поскольку все же понятие «семидесятская корела» не расшифровано, локализация упомянутого в летописях городка затруднительна. Тиверский городок, по всей видимости, был разрушен во время упомянутого в летописи под 1411 г. шведского похода (НПЛ, 402–403; Кочкуркина 1981: 59; Кирпичников 1984а: 145).

Находки в деревне Ивасканмяки

Деревня Ивасканмяки располагалась напротив пос. Ряйсяля (Мельниково) на противоположном берегу Вуоксы (рис. 13, 17–18; 46, 1). Здесь на месте дома Хайконена (№ 17) и вблизи его было найдено много древних вещей, часть из которых поступила в 1877 г. в Национальный музей Финляндии: пять овально-выпуклых фибул типа Н (НВ: 2а, б (1922: 417), НВ2б (1922: 418), IА (1922: 419), IВ (1922: 20), одна испорченная огнем (1922: 421), одна типа К (1922: 422)), наконечник ножен ножа типа III с акантовым орнаментом (1922: 423), бронзовая рукоять ножа (1922: 424), бронзовая копоушка типа I: 1а (1922: 425), бронзовая игла от фибулы (1922: 426), побывавшая в огне бронзовая пронизка типа I: 2а (1922: 427), два наконечника копий типа Е по Петерсену (1922: 428, 429). По рассказам местных жителей, на этом же холме были найдены топор, наконечник копья, ружейный ствол (?),

серебряная монета, рукоять ножа и овально-выпуклая фибула. В 1884 г. Т. Швиндт привез в музей найденную на холме пешню (2298: 162). На месте Швиндтом отмечено наличие черной земли и камней (Schwindt 1893: 95–96; Nordman 1924: 153; Uino 1997: 303; Saksa 1998: 96).

В этой же деревне у дома Оллинахо (№ 18) в 1894 г. была сделана находка, указывающая на возможную женскую могилу: две овально-выпуклые фибулы типа С2/1b, кольцевая фибула, бронзовое кольцо, 13 бронзовых бусин, две пронизки с двумя привесками типа I: 2, шесть бубенчиков и шесть бронзовых спиралек, бронзовая рукоять ножа и лезвие ножа, кусок кремня (3130: 10–17). Ранее на этом месте были найдены серебряная фибула и наконечник копья (Nordman 1924: 153; Uino 1997: 303–304; Saksa 1998: 97).

Значение вещевых находок в деревне Ивасканмяки, несмотря на их случайный характер, велико именно потому, что они дополняют картину развития населения и его культуры на этой части территории древней Карелии в эпоху крестовых походов. Среди этих вещей есть овально-выпуклые фибулы, которые неизвестны в материалах могильника Тонтинмяки (Ховинсаари), так же как и на Тиверском городке, что означает, что они представляют свой узкий период в рамках эпохи крестовых походов. Аналогии им все же находятся в других местах.

Овально-выпуклые фибулы типа Н/ПВ: 2a, b (варианты) найдены в Саккола Нойсниemi (1922: 410), Миккели Тууккала (2481: 40, 170, 172, 189, 190), Ряйсяля Тиури (4661: 3), Саккола Лапинлахти (Паямяки-1931) (9415: 1), Муола Канниланйоки (9454) и Салла Каллунги (13687). Фибулы типа Н/ПВ: 2b происходят из Куркиёки Терву (2011: 14), Миккели Тууккала (2481: 38, 46, 298, 337, 339) и Висулахти (13769: 88), Хиитола Кильпола (5418: 19) и из неизвестного места (2705: 1). Фибулы типа Н/IA найдены в Миккели Тууккала (2481: 41, 42) и Саккола Лапинлахти (миниатюрная) (4636: 2). Фибулы типа Н/IV, помимо Ивасканмяки, найдены также в Холлола Кирккайланмяки (10048: 1, 2) (Lehtosalo 1966: 35–38).

Аналогии овально-выпуклым фибулам типа С2/1b известны лишь в Миккели Висулахти (13769: 97, 98) (Linturi 1980: 30). Фибуле типа К нет аналогий, поскольку экземпляр из Ряйсяля Ивасканмяки является единственным в своем роде (Ailio 1922: 60).

Копоушкам типа I: 1a аналогии находятся в Саккола Патья (10817: 43) и Миккели Тууккала (2481: 81), пронизкам типа I: 2a — в Каукола Кекомьяки, мог. 1 (2489: 71, 79, 93) и в Ховинсаари Тонтинмяки, мог. 3/1883 (2491: 66), а ножам типа III в Каукола Кекомьяки, мог. 1 (2489: 169, 170), Саккола Лапинлахти (Патья) (10817: 36) и Миккели Тууккала (2481: 167).

Пик распространения аналогий вещам с участка у дома Хайконена приходится на район Миккели (14 аналогий). В Каукола Кекомьяки только из одной могилы 1 происходят пять находок. Четыре аналогии найдено в Саккола Лапинлахти. В остальных перечисленных выше местах известно по одной аналогии (рис. 51, 1). Аналогии фибулам из находки у дома Оллинахо происходят из могильника Миккели Висулахти (2 экз.). Пронизки типа I: 2

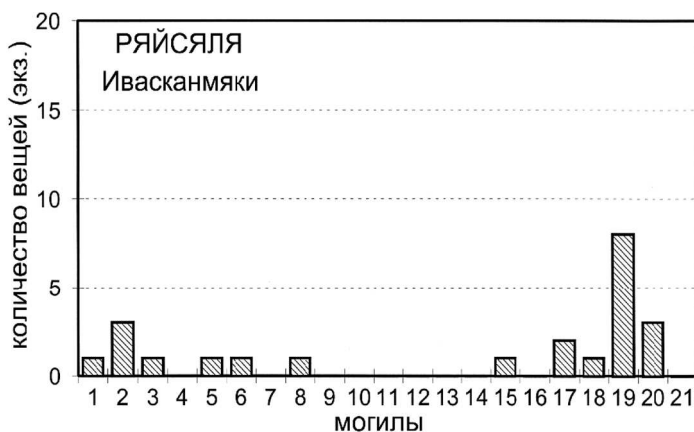

Рис. 51. Аналогии находкам украшений из Ивасканмяки (Халконен) (пункт 10) в Карелии и Саво

из этой же находки встречены во многих карельских грунтовых могилах: Каукола Кекомьяки-1 (2489: 71, 79, 93) и Кекомьяки-5 (2595: 21, 32), Ховинсаари Тонтинмяки-1/1886 (2491: 16), —3/1886 (2491: 66), Ряйсяля Ивасканмяки (1922: 427), Саккола Паямяки-1931 (9415: 5, 6), Саккола Патья-1937 (10710), Патья (10817: 27), Рауту Лейникюля (10691: 4). В Восточной Финляндии подобные пронизки найдены в Миккели Тууккала (2481: 337, 340; 2481: 55, 61) и Лаппэа Каускила (1 экз.). Бронзовые бусы и кольцевидные фибулы были распространены в рассматриваемое время на широкой территории Восточной Прибалтики и Северо-Запада России.

Могильник Тонтинмяки

Могильник Тонтинмяки на п-ове Ховинсаари (дер. Кротово, п-ов Большой) на южном берегу оз. Вуокса в приходе Ряйсяля является самым крупным из исследованных карельских грунтовых могильников XII–XIV вв. на Карельском перешейке (рис. 13, 19; 52, 1). В 1886–1888 гг. Т. Швиндт раскопал на этом холме 25 могил, 11 из которых относились к эпохе крестовых походов (табл. II). (Schwindt 1893: 51–81). Из последних в восьми сохранилась большая часть нагрудных женских украшений костюма (табл. XII), что позволяет провести объективный поиск аналогий этим вещам.

Тонтинмяки-1/1886. Наибольшее количество аналогий украшениям из этой могилы (9 экз.) происходит из могил 5: 1 (3), 6 (2), 1: 2 (2), 1: 1 (1) и 3 (1) могильника Кекомьяки в приходе Каукола и собственно самого могильника Тонтинмяки (7 экз.) из могил 6/1888 (3), 5/1888 (2), 3/1886 (1) и 1/1888 (1). В могилах Паямяки-1931 и Патья-1937 из Саккола Лапинлахти найдено по 4 экземпляра. Остальные аналогии происходят из могильников Лепсясенмяки, мог. 4 (2), Паямяки, мог. 1917 г. (2), Патья (4), Рауту Лейникюля (1), Кякисалми Суотниemi (1), Каукола Кулхамьяки (1) и из Ряйсяля (1), Ряйсяля

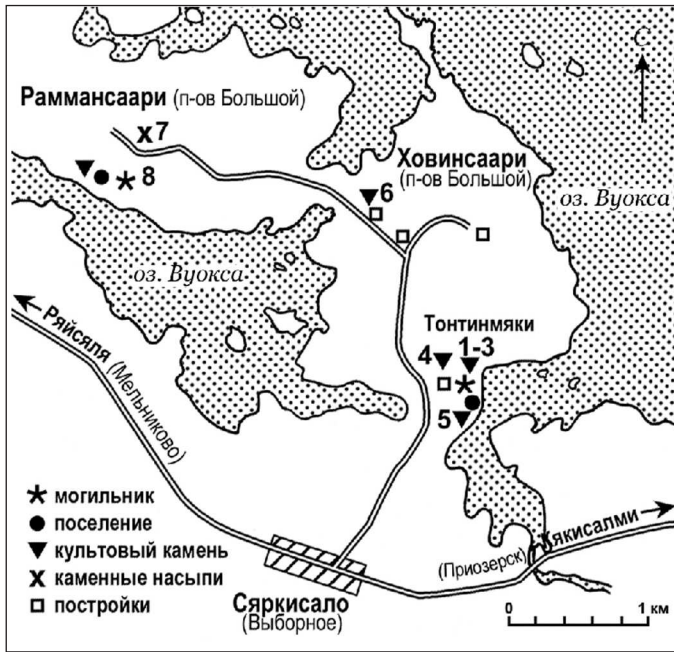

Рис. 52. Археологические памятники на п-ове Большой (Ховинсаари, Раммансаари).

1–3 — Ховинсаари Тонтинмяки (могильник, поселение и культовый камень),
4–6 — культовые камни, 7–9 — Раммансаари (могильник, поселение, культовый камень)

Сяркисало (1) и Кивипелто (1), Саккола Наскалинмяки (1), Ояниемеи (1) и Рииска (1), Миккели Тууккала (2) и Кюхкюля (1). Обращает на себя внимание большое количество аналогий (14) в Саккола Лапинлахти (рис. 53, 1).

Тонтинмяки-3/1886. Верхняя часть могилы повреждена. И в случае с этой могилой наибольшее количество аналогий (13) происходит из погребений могильника Каукола Кекомьяки: 5: 1 (3), 5: 2 (3), 1: 1 (2) и 1: 2 (3). В могилах 3 и 6 найдено лишь по одной. В других могилах могильника Тонтинмяки найдено 5 экземпляров (1/1886 (1), 1/1888 (2), 5/1888 (1), 6/1888 (1)). Три подобных украшения найдено в Куркиёки Сяккимьяки. На могильнике Каукола Кулхамьяки найдено две аналогии, и столько же в Саккола Паямяки (могилы 1917 и 1931) и в Миккели Мойсио. В Саккола Лапинлахти, в могилах Патья-1937 и Патья-21, Саккола Ояниемеи, Ряйсяля Ивасканмяки, Хиитола Петкола, Куркиёки Терву и Миккели Тууккала известно лишь по одной находке аналогичных украшений (рис. 53, 2).

Тонтинмяки-1/1888. Наибольшее количество аналогий украшениям из этой могилы (21 экз.) происходит из женских могил могильника Кекомьяки: захоронения 1: 1 (4), 1: 2 (6), 5: 1 (2), 5: 2 (3), 6 (4). С соседнего с ним разрушенного могильника Кулхамьяки происходит четыре аналогии. В других погребениях рассматриваемого могильника Тонтинмяки известно лишь две находки вещей аналогичных форм (могилы 1/1886 и 3/1886). В Саккола Ла-

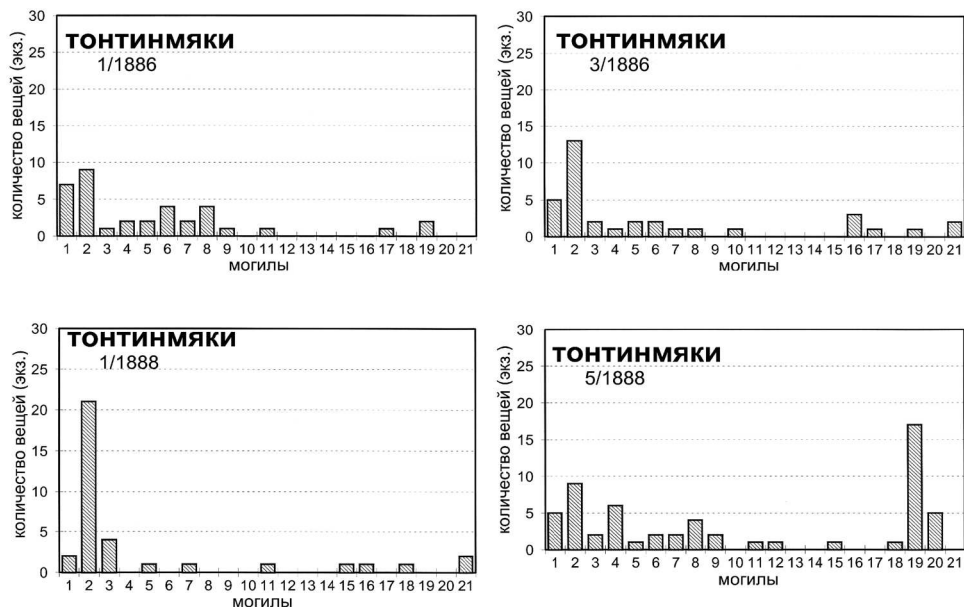

Рис. 53. Аналогии находкам украшений из могил могильника Тонтинмяки (пункт 1) в Карелии и Саво. Могилы 1/1886, 3/1886, 1/1888, 5/1888

пинлахти известны две аналогии, в могиле 4 могильника Леппясенмяки и на могильнике Патъя. Остальные аналогии приходятся на могилу 3 в Суотниemi (1), Куркиёки Сяккимяки (1), Хиитола Петкола (1) и Сортавала Рантуэ (1). Две аналогии известны в Миккели Мойсио (рис. 53, 3).

Тонтинмяки-5/1888. В материале этой могилы сохраняется влияние инвентаря могильника Кекомьяки — в общей сложности насчитывается девять аналогий из захоронений 1: 1 (1), 3(2), 5: 1 (3), 6 (3), в то время как на своем могильнике лишь пять (могилы 1/1886 (2), 3/1886, 6/1888, 9/1888). На могильнике Кулхамьяки встречены две аналогичные вещи. Заметна также доля в памятниках дер. Лапинлахти — 15 аналогий. Шесть аналогий происходит из могилы 4 на Леппясенмяки, четыре из могилы Патъя-1937, две из Патъя-21, одна из Паямяки-1917 и две из Паямяки-1931. Две аналогии обнаруживается в Рауту Лейникюля и одна — в Суотниemi-3. По одной аналогии найдено в крепости Корела, на Тиверском городке, в Ряйсяля Ховинсаари и Сяркисало, в Саккола Ояниemi, Каукола Рокосина, Хиитола Кюлялахти и на городище Паасонвууринвуори в Сортавале. В Миккели Тууккала насчитывается 18 аналогий, из которых 10 пронизок типа II и 6 крестовидных цепедержателей типа II: 1 (рис. 53, 4).

Тонтинмяки-6/1888. В могилах могильника насчитывается пять аналогий (1/1886 (2), 3/1886, 5/1888, 7/1888), на могильнике Кекомьяки три (погребения 3, 5: 1 и 5: 2). В Саккола Лаппинлахти семь (Леппясенмяки-4, Паямяки-1917 и —1931, Патъя-21 (2), Патъя-1937, Наскалинмяки). В районе Кексгольма найдено две и в Микели Тууккала четыре аналогичные вещи.

По одной аналогии известно в Яааккимаа Микли, Ряйсяля Кивипелто, Саккола Рииска и Ояниemi.

Тонтинмяки-7/1888. Верхняя часть могилы сильно потревожена. Аналогии сохранившимся в могиле украшениям найдены в трех могилах могильника Тонтинмяки (6/1888, 9/1888, 13/1888, по одной в каждой), на Тиверском городке (3), Хиитола Коккола (1) и Миккели Тууккала (2).

Тонтинмяки-9/1888. Верхняя часть могилы полностью разрушена, однако часть украшений обнаружилась за пределами погребальной срубной рамы. Аналогии им обнаруживаются в могилах Тонтинмяки-5/1888 (1), 7/1888 (1) и 13/1888 (1), Кекомьяки-3 (2), Кулхамьяки (1), Леппясенмяки-4 (2), на Тиверском городке (3) и в Хиитола Коккола (1). В Миккели Тууккала найдено 12 аналогий, из которых 10 пронизок типа II.

Тонтинмяки-13/1888. Это единственная могила с трупосожжением на могильнике. Аналогии вещам из нее происходят из могил Тонтинмяки-7/1888 (1) и 9/1888 (1), Кекомьяки-6 (2), Леппясенмяки-4 (1), Памяки-1917 (1) и -1931 (2), Патья (отдельные находки (2)), Тиверский городок (3), Хиитола Коккола (1) и Кильпола (1), городище Паасонвуринвуори в Сортавале (1). В Миккели Тууккала насчитывается 25 аналогий, из которых 23 – цедедержатели типа II: 2.

Мужские погребения могильника не настолько выражены по деталям погребального обряда и составу инвентаря, как женские. Сказывается также значительная доля безинвентарных (2/1886, 4/1886, 1/1887, 2/1887, 3/1887, 11/1888, 12/1888, 2/1896), малоинвентарных (2/1888, 14/1888, 15/1888/16/1888, 17/1888, 18/1888, 1/1896) и поврежденных могил (табл. I–III, VI, IX). Так, в могиле 1/1886 (коллективная) на возможное захоронение мужчины указывают топор типа М, кресало, нож и поясная пряжка, так же, как и в случае с могилой 1/1888, где рядом с женским захоронением найдены наконечник копья, удила и коса. В могиле 2/1888 обнаружены лишь нож и кресало, в могиле 3/1888 (потревожена) топор типа М, два наконечника стрел, нож, разделитель пояса и крест нательный, в могиле 4/1888 (коллективная, потревожена) лишь удила, бронзовый котел и горшок за пределами срубной конструкции, в могиле 5/1888 (коллективная) были нож, кресало и пояс из костыльковой цепи, в могиле 8/1888 (потревожена) топор, нож, кольцевидная фибула и четыре стеклянные бусины, в могиле 9/1888 (коллективная, потревожена) топор карельского типа, кресало, нож. В могиле 10/1888 найден лишь нож в ножнах, а в могиле 13/1888 (коллективное ТПС) три ножа, два кресала, четыре поясные пряжки и другие менее выразительные вещи. В могиле 14/1888 найдены наконечник копья и кресало, в разрушенной могиле 15/1888 лишь один нож, как и в могилах 17 и 18, а в могиле 16 поясная пряжка (Schwindt 1893: 51–81; Кочкуркина 1981: 23, № 39; 62–65, № 82–85; 91–96, № 110–112; 113–114, № 160; Uino 1997: 290–296; Saksa 1998).

Могильник Тонтинмяки на п-ове Ховинсаари (дер. Кротово, п-ов Большой) на южном берегу озера Вуокса является самым большим из раскопанных на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье, что по-

звolyет считать его в определенной степени эталонным. Инвентарь женских могил богат по количеству вещей и типовому составу карельских украшений. Хронологически могилы охватывают значительный период эпохи расцвета средневековой карельской культуры и представляют различные погребальные конструкции и варианты погребальной обрядности. Аналогии найденным вещам встречены в других могильниках и как отдельные находки на всей территории древней Карелии, включая район Миккели в восточно-финской области Саво. Сравнительные диаграммы показывают, как аналогии распределяются по могильникам и могилам. Причин различий в распространении вещей может быть несколько: хронологические, производственные и социальные (включая брачные связи). Их рассмотрение все же следует провести только после того, как будет рассмотрен вещевой материал других территорий. Как уже выше отмечалось (глава 4), датировка могил попадает на время от второй половины XII в. до начала XIV в. Наиболее ранними могилами можно считать женские захоронения 1/1886, 6/1888, 7/1888 и мужское захоронение 3/1888, которые датируются XII — первой половиной XIII вв. Могила Тонтинмяки-5/1888 хронологически близка им (конец XII — XIII вв.). Более младшими являются могилы 1/1888 и 3/1886. Могилы 8/1888 (мужская) и 9/1888 относятся к XIII — началу XIV вв. Не совсем четко выявляется в этом ряду место могилы 13/1888 с трупосожжением, однако ее в целом можно отнести к XIII в. Конструктивные формы могильных сооружений варьируются от деревянных срубных рам, сделанных из толстых балок или половинок бревен (9/1888 и 13/1888) до погребальных камер из толстых балок (1/1886, 1/1888, 3/1888, 4/1888, 6/1888, 7/1888, 8/1888). В могилах 3/1886 и 5/1888 не сохранилось следов погребального сооружения (табл. II). Деревянные срубные рамы содержали коллективные захоронения, в то время как в камерах встречены были лишь одиночные захоронения.

На п-ове Ховинсаари имеются случайные находки вещей эпохи крестовых походов за пределами могильника Тонтинмяки: три бронзовые копоушки (3118: 10–12) на земле Лаукконена, овально-выпуклая фибула типа С3 (531) и бронзовая подковообразная фибула (Salmo 10) (1922: 413) на поле Пойкселкя, бронзовая рукоять ножа, украшенная изображением головы хищной птицы (2298: 154) на горке Аутионмяки или прилегающем к ней поле, фрагмент бронзовой копоушки типа I: 1 (2298: 156) на поле Хюннинена рядом с Тонтинмяки и бронзовая пронизка типа I:1 (Schwindt 1893: 98–99; Nordman 1924: 153; Uino 1997: 290, 296; Saksa 1998: 100–101). Летом 1887 г. Швиндт раскапывал некоторые из находящихся рядом с холмом Куусиккомяки небольших каменных куч, в которых нашел угли, золу, а также нож, оселок и два фрагмента керамики (2533: 24–26). В доме Хюннинена ему передали найденные на поле удила, железный разделитель пояса и бронзовый натальный сердцевидный крест (2535: 6–8) (Schwindt 1893: 99).

В соседней с Ховинсаари деревне Раммансаари, расположенной на том же п-ове Большом в его северо-западной оконечности (рис. 50, 7–9), найдены бронзовый цепедержатель типа I: 3b (2298: 159), медный образок (2298:

160), топор карельского типа с массивным обухом (5606: 3), ланцетовидный наконечник копья (3247: 28) и, вероятно, шесть стеклянных и каменных бусин, кресало и железное кольцо (6195: 6–9) (Nordman 1924: 153; Kivikoski 1975: 144, Abb. 1187; Uino 1997: 290, 296–297; Saksa 1998: 101).

Могильник на п-ове Большом (Раммансаари)

Во время разведочных работ 1978 г. и раскопочных работ 1987–1988 гг. на холме Тонтинмяки, расположенном на восточном берегу п-ова Большой (также Героев) (относится к дер. Кротово), нами была обследована также остальная часть полуострова, включая земли бывшей дер. Раммансаари в западно-северо-западной его части, откуда происходят перечисленные выше находки. Раммансаари, о чем свидетельствует и само название этой части полуострова, когда-то, как и Ховинсаари, был самостоятельным островом, соединяясь ныне с Ховинсаари узким перешейком. От материка (дер. Сяркисало — Беличье) полуостров отделяется узким заливом (рис. 52). Здесь, как отмечалось выше, на участках Пупути и Охво, на противоположном от дер. Беличье берегу полуострова, в конце XIX в. были случайно найдены вещи IX–XIII вв., часть из которых, в том числе бронзовый цепедержатель, подковообразная фибула, топор карельского типа, наконечник копья, попали в Национальный музей Финляндии. Находки указывают на наличие могильника (или двух могильников?). Рядом с домом Охво также находилось «русское кладбище», то есть позднесредневековый православный могильник.

Во время ознакомительных посещений конца 1980-х гг. был составлен план территории бывшей деревни Раммансаари, произведена фотосъемка, выявлены скопления каменных насыпей и определены наиболее вероятные места нахождения средневекового могильника и поселения. В 1998 г. нам стало известно, что группа «черных археологов» с помощью металлоискателя обнаружила ранее неизвестный и поэтому неисследованный, хорошо сохранившийся карельский грунтовый могильник, из могил которого были вынуты все металлические украшения, предметы вооружения и орудия труда. Год спустя удалось получить фотографии украшений из разграбленных могил и приобрести не ушедшие к коллекционерам изделия из железа. Уже первый взгляд на вещи дает основание предположить, что речь идет о совершенно уникальном и одном из самых ранних могильников эпохи крестовых походов. К коллекции предметов украшения относятся восемь овально-выпуклых фибул, три спиралеконечных цепедержателя, четыре пронизки с ушками, две подковообразные фибулы, четыре бронзовых бусины, три копоушки, нож с бронзовой рукоятью в ножнах с металлическими обкладками, бронзовые спиральки, две серебряные подвески-лунницы, ромбоцитковое височное кольцо, три перстня, два бубенчика, два обломка прорезных зооморфных подвесок, великолепная полая двухглавая зооморфная подвеска группы VI по Е.А. Рябинину (1981: 41) с привесками в форме бубенчиков, 6 синих стеклянных бусин, поясная накладка и трехчастный разделитель пояса (Приложение I, рис. 124–127). Особо следу-

ет выделить серебряную круглую брошь, ближайšie аналогии которой происходят из могильников Каукола Кулхамьяки на Карельском перешейке (2596: 4) и Тууккала в Восточной Финляндии (2481: 83) (рис. 125, 17). С внутренней стороны последней имеется руническая надпись «Ботви владеет мною».

Предметы вооружения, орудия труда и бытовые вещи представлены девятью топорами, одним целым наконечником копья и обломком второго, двумя наконечниками стрел, двумя мотыгами, двумя косами, двумя удилами, двумя фрагментами пружинных ножниц, двумя железными ушками и обломками бронзовых котлов (Приложение 1, рис. 123–126).

Из восьми овально-выпуклых фибул шесть относится к фибулам с ракообразным орнаментом (тип Н (Н1/1А (2 экз.), Н1/1В (4 экз.) и две — к типу D (с акантовым орнаментом) (рис. 124, 1–6). Кредким в находках этого времени в Карелии привозным украшениям относятся ромбоцитковое височное кольцо, единственная аналогия которому на Карельском перешейке найдена в Рауту (Сосново), подвески-лунницы и перстни, неизвестные на территории древней Карелии, но широко распространенные, как и ромбоцитковые височные кольца, в древнерусских курганных могильниках Новгородской земли (рис. 125, 12–15). Не вполне типичный облик инвентаря классических карельских грунтовых могил проявляется и в находках топоров из мужских погребений. Из девяти топоров лишь два относятся к обычным для карельских могил топорам с широким обухом; остальные представлены широколезвийными топорами-секирами типа М (тип VII по классификации А.Н. Кирпичникова (1966а: 29, 30, 39, рис. 6)) (3 экз.), финскими топорами с изогнутой спинкой (тип V по классификации А.Н. Кирпичникова (1966а: 30, 37–38, рис. 6)) (3 экз.) и одним топором скандинавского типа с бородкой (тип VI по классификации А.Н. Кирпичникова (1966а: 30, 38–39, рис. 6)) (рис. 126, 1–6).

Проведенные нами в 2000 г. раскопки (расчистка) разрушенных могил показали, что они были одиночными и необычно низкими, лишь на 0,4–0,5 м углубленными в материк и ориентированными по линии север-юг (рис. 53–56). Никаких следов деревянных сооружений в них не зафиксировано. В то же время выявлены остатки каменной вымостки на месте разграбленных могил (рис. 56). Близкое расположение к поверхности земли этих могил может служить объяснением тому, почему ранние карельские грунтовые могилы ранее не были найдены и материал представлен лишь случайными находками на могильниках. Ранние, почти поверхностные могилы могли быть уничтожены при сооружении более поздних могил или в процессе хозяйственной деятельности.

Население нижнего течения Вуоксы (Ряйсяля-Мельниково) в эпоху крестовых походов и раннем Средневековье

На основе представленного выше археологического материала складывается картина развития населения и его культуры на территории нижнего течения Вуоксы (от пос. Мельниково (Ряйсяля) до пос. Горы (Уннункоски) на за-

падном берегу оз. Вуоксы) в эпоху крестовых походов и раннем Средневековье (рис. 13, 15–21). Наиболее ранние предметы эпохи крестовых походов происходят из находок в дер. Ивасканмяки на противоположном от Ряйсяля восточном берегу Вуоксы (ныне входит в пос. Мельниково). Из найденных на участке Хайканена вещей к ним относятся овально-выпуклые фибулы типов Н/IA и Н/IB, несмотря на то, что их привязка к конкретному хронологическому периоду представляется затруднительной (Lehtosalo 1966: 24). У фибул типа Н/IB: 2b нет по Лехтосало-Хиландер прямых датировок, но она относит их к XII в. на том основании, что они подобны фибулам типа Н/IB:2a. Варианты фибул серий Н/IB: 2 а и b бытуют еще в XIII в. (Lehtosalo 1966: 31–32). Среди украшений, найденных у дома Оллинахо, овально-выпуклые фибулы типа С2/1b относятся к наиболее ранним в группе фибул с зооморфным орнаментом (тип С). Они датируются XII в. (Linturi 1980: 81, 101). С другой стороны, кольцевидная фибула датируется XIII–XIV вв. (Sarvas 1971: 59). Бронзовые бусы также в основной своей массе бытовали в XIII в. (Schwindt 1893: kuv. 209, 210, 210a, 273, 274). Пронизки с одной парой ушек типа I: 2 принадлежат инвентарю ранних могил (Каукола Кекомьяки-1, 5, Ховинсаари Тонтинмяки-1/1886 и 3/1886, Саккола Паямяки-1931 и Пяття-1937) (табл. XI).

Как уже выше отмечалось, фибулы отмеченных типов не представлены в инвентаре могил могильника Тонтинмяки. На территории всего прихода лишь овально-выпуклая фибула из дер. Тиури (4661: 3) относится к тому же типу (Н/IB: 2, серии a, b), что и одна из фибул из Ивасканмяки (1922: 417). Вторая из фибул типа Н, найденных в Тиури, происходит с Тиверского городка (Кочкуркина 1981: 52, 128, табл. 4, 1). Она близка фибулам группы Н/IB (Lehtosalo 1966: 26). Из найденных на Тиверском городке четырех копоушек три относятся к типу II: 1, известному на могильнике Тонтинмяки лишь в поздних могилах 7/1888 (2592: 168), 9/1888 (2592: 192) и 13/1888 (2592: 244) (табл. VII, XI). В это же время (в XIII и, отчасти, в XIV вв.) в употреблении у жителей Тиверского городка были и другие украшения эпохи крестовых походов: овально-выпуклые фибулы типов Н и J, копоушки типа I: 2, пронизки типа I: 1, ножи с бронзовыми рукоятями и зооморфные подвески типа XX по Е.А. Рябиницу (1981: 39–43, № 681).

Представляется вероятным, что находки карельских украшений в дер. Ивасканмяки происходят из наиболее раннего могильника (могильников?) эпохи крестовых походов на территории нижнего течения Вуоксы. Найденные в 1994 г. в пос. Мельниково инкрустированная серебром рукоять меча с дисковидным навершием и наконечник копья хронологически относятся к эпохе крестовых походов (рис. 19). На месте находки раскопки не производились, но сама топография места находки, его расположение на холме на берегу впадающей в Вуоксу небольшой речки и наличие на холме каменной насыпи с большим центральным камнем указывают на вероятность существования здесь и могильника в предшествующее время позднего железного века (рис. 46, 6).

Вторая археологическая находка рассматриваемого времени сделана в 1980 г. в 400–450 м к юго-юго-востоку от холма Калмистомяки (поселения бронзового и железного веков) в Мельниково (Ряйсяля). В процессе разведочных работ на пологом, ведущем к Вуоксе восточном склоне прибрежного холма было выявлено поселение с культурным слоем мощностью 20–30 см (№ 20) (Сакса 1985б: 81) (рис. 46, 4; 57). В двух шурфах размерами 2×2 м найдены обломки гончарных сосудов, железный шлак и две весовые гири. Позднее, во второй половине 1980-х гг., на этом же склоне при полевых работах был найден наконечник копья. Есть основания полагать, что речь идет о том же самом поселении, которое было открыто при мелиоративных работах в 1937 г. и на котором на следующий год на месте находки трех каменных очагов Э. Кивикоски заложила раскоп площадью 21 кв. м. Вокруг очагов был зафиксирован культурный слой, найдены несколько фрагментов круговой керамики, обгоревшие куски глины и, в том числе, один обломок глиняной обмазки.

На берегу Вуоксы у усадьбы Иваска летом 1881 г. в углистой земле были найдены многочисленные орнаментированные фрагменты керамики и глиняное грузило (Schwindt 1893: 96).

На центральной территории поселка Мельниково нашлись свидетельства существования здесь поселений и в эпоху Средневековья. В 1980-е гг. вблизи от находки рукояти меча и копья на поле была собрана коллекция фрагментов керамики эпохи крестовых походов и Средневековья.

На холме Калмистомяки в процессе раскопок А.М. Тальгреном в 1914 г. поселения бронзового века были выявлены 16 безинвентарных могилы (лишь рядом с одной (№ 6) нашли бронзовый перстень и железную накладку ножен ножа) (рис. 46, 3). Там же были найдены керамика позднего железного века и железный нож (6675: 4, 11, 13, 16, 17, 24, 32, 33, 42, 43, 67, 70, 77–80). Могилы «конца языческого времени и начала христианской эпохи», отдельные вещи и керамику на холме Калмистомяки находили и раньше, в конце 1880-х гг. (Schwindt 1893: 94–95).

На территории нижнего течения Вуоксы известен целый ряд случайных находок времени эпохи крестовых походов и Средневековья: овально-выпуклая фибула типа Н/ПВ: 1 (11747), бронзовый энколпион (2298: 161), серебряная подковообразная фибула (Salmo 15) (2306: 2), круглая выпуклая серебряная брошь и маленькая серебряная кольцевая фибула, латунные язычок от поясной пряжки и разделитель ремня, серебряный перстень-печатка (4661: 5–9), наконечник копья с фасетированной втулкой (2999: 49) В деревне Хютинлахти (ныне не существует) при прокладке дороги найдены бронзовый котел и коса (3327: 1–2). При раскопках Т. Швиндта в 1897 г. на этом месте найдены наконечник копья типа III по А.Н. Кирпичникову, топор, оселок и фрагменты круговой керамики (3472: 5–11). На месте находки зафиксированы угли, обгоревшие камни, а неподалеку — два очага. Швиндт считал находку мужской могилой (Schwindt 1893: 95; Kivikoski 1973: Abb. 1184–1185, 1187).

В свете рассмотренного выше материала у нас имеются основания утверждать, что наиболее динамично развивающимися территориями нижнего течения Вуоксы в железном веке и в эпоху Средневековья были Тиверский городок с окрестностями (ныне несуществующая деревня Тиури), Ряйсяля, Ивасканмяки (Мельниково), Уннункоски, Хютинлахти, Раутакопра, Тимоскала (территория современных деревень Горы, Хвойное) и на южном берегу оз. Вуокса у второго рукава нижнего течения Вуоксы — Сяркисало, Ховинсаари и Раммансаари (Кротово-Выборное) (рис. 13, 15–21). В эпоху крестовых походов, когда первостепенное значение для ведения хозяйства приобретают пригодные для развития земледелия и животноводства земли, новые поселения возникают в первую очередь на пологих, хорошо прогреваемых солнцем берегах и прибрежных невысоких холмах, характерных для этой части Карельского перешейка. Поселения и могильники эпохи крестовых походов, а также указывающие на их наличие отдельные вещи, выявлены в Ховинсаари и Раммансаари (п-ов Большой (Героев), Ряйсяля и Ивасканмяки (Мельниково), Уннункоски и Кивипелто (Горы, Хвойное), то есть в местах с хорошими плодородными почвами, занятыми и в настоящее время полями и выгонами для скота. Неслучайно именно на этих земельных участках выявлены культовые камни с выемками, связываемые, в том числе, и с культом плодородия. Принято также считать, что ими отмечали места жертвоприношений, каковыми, помимо могильников и культовых мест — святилищ, были и края древних полей. В этом случае, и это зафиксировано этнографически, к ним приносили в том числе и зерно первого урожая (Аугрää 1942: 179–208).

Усадьба своеземца Григория Рокульского

На полуострове Ховинсаари в южной части оз. Вуокса последовательное развитие местной поселенческой структуры продолжалось и в эпоху Средневековья. В процессе наших разведочных работ на Карельском перешейке в 1978 г. на ведущем к озеру пологом восточном склоне холма Тонтинмяки были выявлены следы поселения, исследованного в 1987–1988 гг. (Сакса 1985: 81; Saksä 1985a: 47; 1998: 103–105). Раскопками на поселении Ховинсаари было исследовано около 200 кв. м площади (рис. 52, 2; 58). Культурный слой селища представлял собой темный, насыщенный углями слой гумуса, в котором встречались остатки перегнивших деревянных конструкций, часть из которых была углублена в материк — чистый мелкозернистый песок. Встречено также много средневековой керамики, костей домашних животных, кусков обожженной глины. К вещевым находкам относятся бусина из горного хрусталя, бронзовый перстень, два бронзовых нательных крестика и снабженная отверстием для подвешивания костяная печатка с изображением воина в островерхом шлеме с копьём в левой руке и прямоугольным по форме щитом в правой (рис. 29, 1, 3, 5–7). Как крестики, так и печать по определению А.С. Белецкой (крестики) и А.Н. Кирпичникова (изображение на

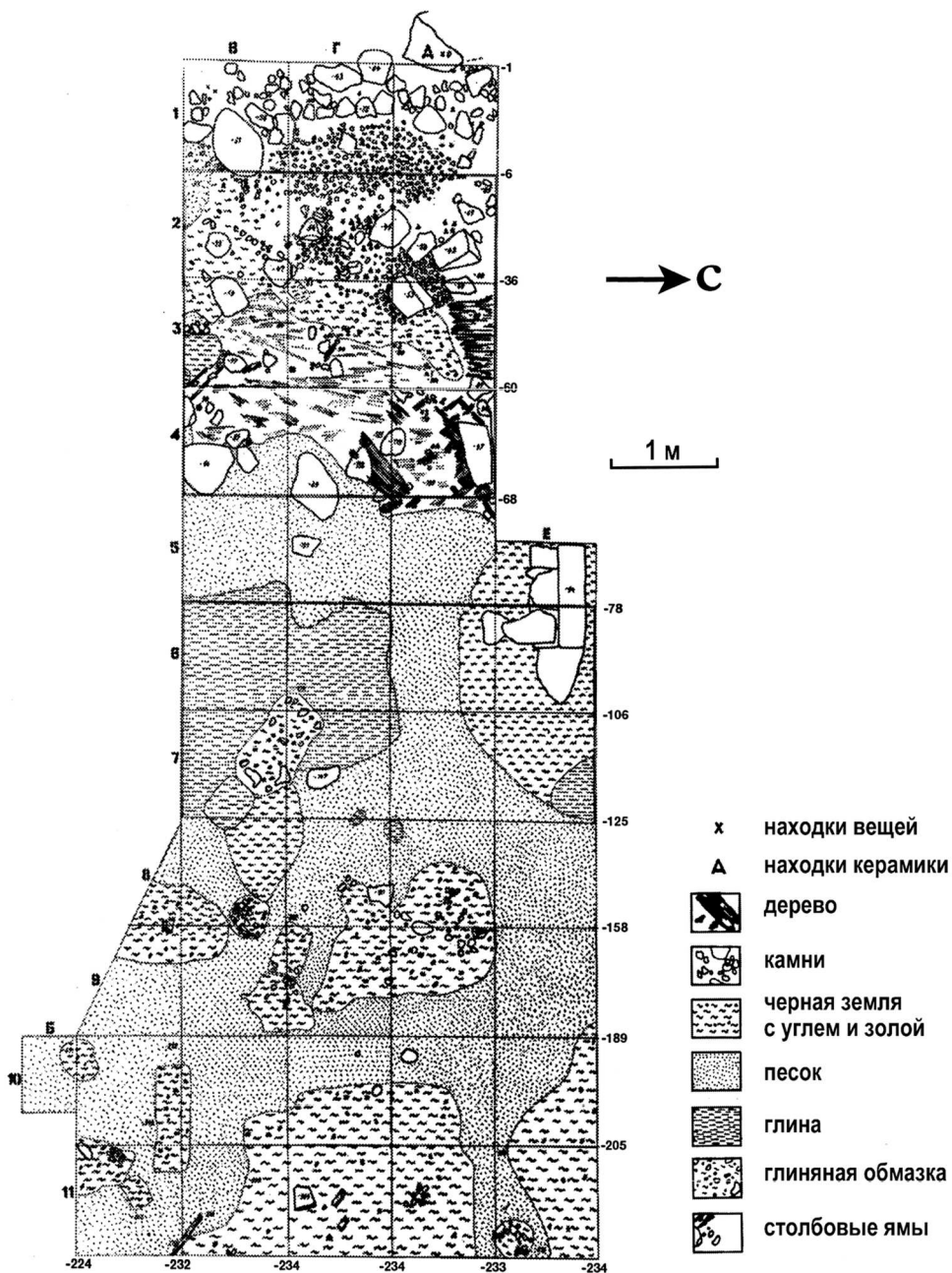

Рис. 58. Поселение на полуострове Большом (Ховинсаари). План

печати), относятся к Средневековью, точнее, к XV в. Изображение воина на печати напоминает находку серебряного перстня из могильника Суотниemi с аналогичным сюжетом (рис. 28). Первыми представляются известные по

письменным источникам карельские племенные вожди — «валиты» (избранные) с их неперенными символами (атрибутами) власти. В части находки печати следует принять во внимание, что именно на Ховинсаари в последней четверти XV в. находилась усадьба с часовней представителя одного из пяти «родов карельских детей», известного по письменным источникам своеземца Григория Рокульского (Kuujo 1958: 18–19; Kirkinen 1970: 69). Найденная на поселении керамика, часть которой относилась к керамике из беложгущейся глины, представлена формами, которые становятся ведущими в крепости Корела, начиная со второй половины XIV в. (Кирпичников 1979: 72).

Среди находок на поселении присутствуют и более ранние изделия — би-пирамидальная бусина из горного хрусталя конца эпохи викингов и изготовленный из плоского бронзового браслета с наружным выступающим валиком в центральной части перстень (рис. 29, 7). Последний представляет собой обнаружившуюся при раскопках в крепости Корела в 1989–1990 гг. «загадку». Суть ее в том, что бронзовые пластинчатые браслеты с выступающими на наружной поверхности валиками были в употреблении в соседней Финляндии в младшем железном веке и в предшествующее время, начиная с VII в. (Kivikoski 1947a: 48, 2; 1973: 49, Abb. 262, 69, Abb. 455). В крепости Корела три фрагмента подобных браслетов найдены в залегающем под горизонтом новгородского времени слое крупнозернистого песка (Saksa 1992a: 15, 16, kuv. 11; 1998: 104–105, kuv. 29, 3). Находки на Ховинсаари и в Кореле являются для всей территории древней Карелии уникальными. Следует сказать, что и на могильнике Тонтинмяки подобных браслетов и их фрагментов обнаружено не было. Находки ранних вещей на поселениях, бесспорно, свидетельствуют о том, что поселение было заложено на месте более древнего могильника, или в непосредственной близости от него. В 1993 г. вновь появился повод оказаться на холме Тонтинмяки, поскольку на этом привлекательном участке берега оз. Вуоксы было начато строительство кирпичного коттеджа (рис. 59). Строительство с помощью областной инспекции по охране и использованию памятников истории и культуры при поддержке общественности и средств массовой информации удалось остановить. При осмотре выкопанного строителями котлована была зафиксирована наполовину разрушенная грунтовая могила с керамикой и место другой могилы, от которой сохранилось лишь пятно углистой земли с мелкими камнями (мог. 2, 3/1993) (рис. 60; 61). В процессе зачистки прилегающего с юга к фундаментной траншее участка на уровне материка (светлая глина) выявилось пятно темной земли вытянутой формы, ориентированное по линии ССЗ–ЮЮВ. В нем фиксировались мелкие пережженные камни, уголь и зола. Длина пятна составляла 2,5 м, ширина 1–1,4 м, глубина ямы 0,4 м. Пятно сужалось к северу, где приобретало округлую форму. В центральной части пятна фиксировалась заполненная углистой землей ямка от столба диаметром 0,25 см. В 1,6 м к юго-востоку от нее за пределами пятна расчищена вторая подобная столбовая ямка глубиной 0,5 м (рис. 62). По внешнему виду пятно напоминало грунтовую могилу (мог. 4/1993), однако при его расчистке не было найдено никаких указываю-

п-ов Большой (Тонтинмяки). План раскопа 1993 г.
могилы 2/1993, 4/1993

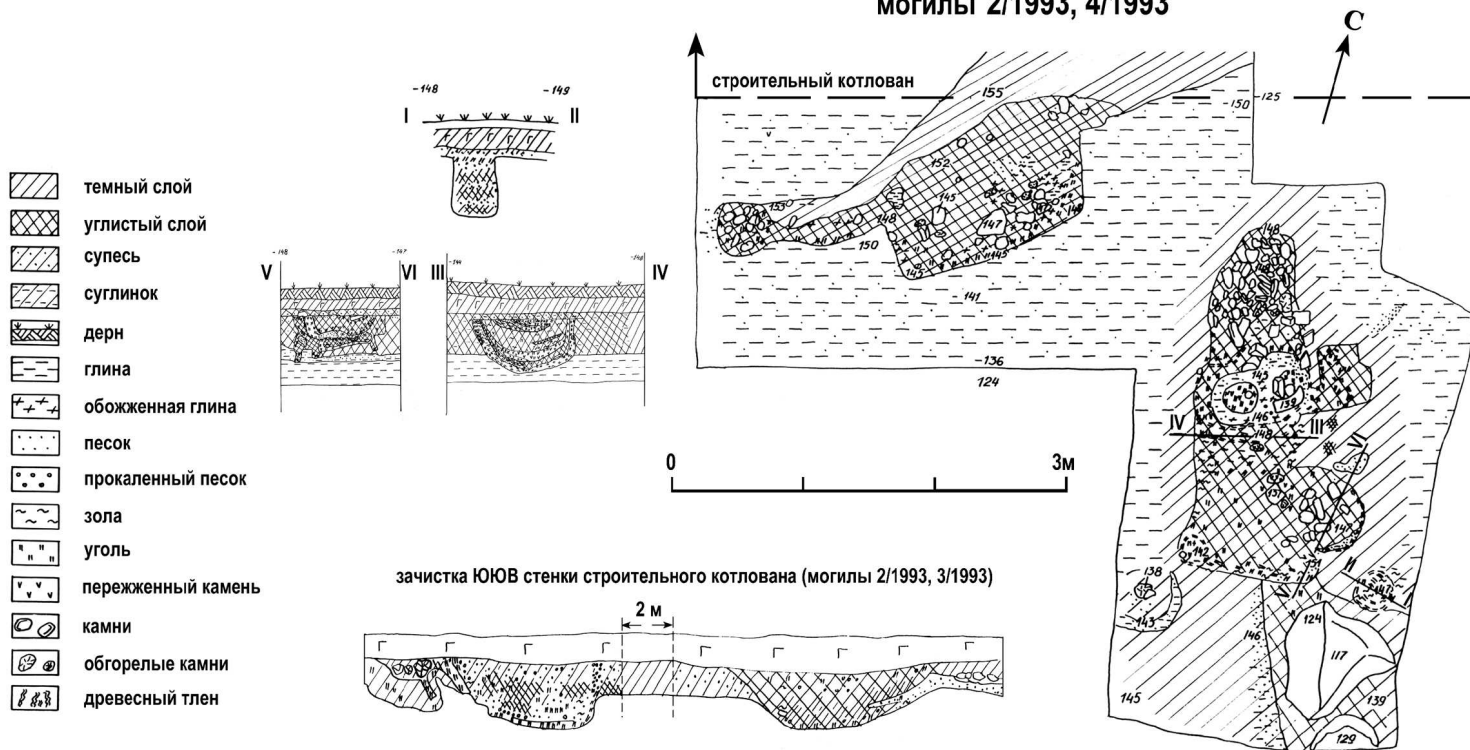

Рис. 61. Могилы 2, 3 на полуострове Большом (Ховинсаари) в стенке котлована.
Могилы 2, 4. План, разрез

щих на захоронение вещей или свидетельств. В двух разрезах в центральной части пятна (III–IV, V–VI) и в его выступающей юго-восточной части (I–II) хорошо видно, что его заполнение формировалось в несколько этапов. Для всех фиксируемых прослоек характерно наличие черной земли с золой и углями, сильно пережженных камней. По-видимому, речь идет об очаге (очагах?), сложенном на поселении на этапе, когда значительная часть культурного слоя (мощность 25–30 см) уже сформировалась. Глубина очажной ямы составляла около 40 см, и она лишь на 10–15 см углублялась в материк. На месте раскопок собраны фрагменты лепной и круговой керамики.

Несомненно, к этому же жилому и производственному комплексу относится раскопанное Т. Швиндтом в 1888 г. на этом же холме Тонтинмяки место кузницы и выплавки железа, а также различные очаги и каменные вымостки (Schwindt 1893: 70–71, 78–81; Leppäaho 1949: 44–46). Многочисленные фрагменты керамики и обломки бронзовых пластин (котлов?) собраны на поле к югу и западу от холма (Saksa 1998: 105).

Культовые камни на п-ове Ховинсаари (Большой)

На полуострове Большом во время разведки 1980 г. нами выявлено четыре культовых (жертвенных) камня (рис. 52, 3–6). Наиболее крупный из них находится примерно в 400 м к югу от холма Тонтинмяки (рис. 52, 5). Его размеры 4,1×6,1 м. Высота камня достигает 2,7 м, и на его вершине и на площадке несколько ниже насчитывается девять чашевидных углублений. В 1987 г. у основания камня были произведены раскопки. С северной стороны камня под слоем гумуса была сложена невысокая каменная куча, ограниченная с двух сторон крупными камнями. В насыпи найдено два фрагмента средневековой керамики. С южной стороны у камня была выложена каменная вымостка из мелких камней шириной 0,5 м и мощностью 0,7 м. С западной стороны вымостка ограничивалась большим камнем, восточная же ее часть осталась нераскопанной. На поверхности вымостки прослежено зольно-углистое пятно, в пределах которого нашли три фрагмента круговой керамики, два из которых относились к венчикам. По форме они соответствовали сосудам типа 4 из раскопок в крепости Корела и относятся к форме, ставшей преобладающей начиная со второй половины XIV в. (Кирпичников 1979: 72, 73). Один фрагмент представлен керамикой из беложгущейся глины.

Второй культовый камень находится примерно в 300 м от холма к западу во дворе дома (рис. 52, 4). Его размеры 3,7×2,7 м, высота 2,1 м. В верхней части камня насчитывается 11 углублений. Камень подвергался сильному воздействию огня. Третий камень находится на самом холме Тонтинмяки и на нем видна лишь одна чашевидная выемка. Размеры камня 2,1×3,3 м, высота 1,2 м (рис. 52, 3). Третий камень обнаружен примерно в 1 км от Тонтинмяки к северо-западу во дворе отдельно стоящего дома. Его размеры 6×4,5 м, высота 1,5 м. На плоской поверхности камня насчитывается 17 чашевидных выемок (рис. 52, 6).

Еще один жертвенный камень с семью выемками упоминается Т. Швиндтом в отчете о поездке 1904 г. О камне на самом высоком месте холма рядом с могильником упоминает и А.М. Тальгрэн. Камень достигал в высоту 2 м, и на нем было много выемок (Uino 1997: 309). По-видимому, речь идет о стоящем на вершине холма у места нашего раскопа камне, у которого была повреждена значительная часть его поверхности, и по этой причине выемки не сохранились.

Находки эпохи Средневековья в нижнем течении Вуоксы

Пятый из найденных в приходе Ряйсяля жертвенных камней выявлен в дер. Хярскеенсаари (Хвойное). На его поверхности имеется лишь одна, но тщательно выполненная выемка. В 400 м к югу от камня на обращенном к реке залесенном склоне холма выявлены каменные насыпи неопределенного назначения. На соседнем пологом участке берега Вуоксы зафиксированы следы (темная земля, керамика) средневекового поселения. Еще в финское время на этом поле находили древние вещи: бронзовый браслет с сужающимися концами эпохи викингов, большой медный перстень-печатку, круглую медную пластину, спиралеконечный цепедержатель типа I: 2 и редкую для Карелии подвеску, украшенную круглыми петлями и волнистым орнаментом (1198: 152, 153) (Schwindt 1893: 97). Единственная аналогия последней происходит из погребения с ТПС на холме Хернемяки в Хелюля под Сортавалой. Она датируется временем около 1000 г. Форма украшения является типичной для финно-угорских памятников бассейна Оки и Верхней Волги. В 1887 г. Т. Швиндт у дома на прибрежном поле нашел фундаменты старых домов и у них — половинку заклепки, оселок и пять фрагментов керамики (2555: 1–3). Следы поселения фиксировались и с южной стороны дома (Schwindt 1893, 97). В настоящее время никаких следов дома не сохранилось. По всей видимости, отмеченные Т. Швиндтом находки происходят из того же места, что и обнаруженное нами в 1980 г. средневековое поселение.

Ниже по течению от Хвойного (Хярскеенсаари, Кивипелто) также наблюдаются следы средневекового населения. Выше уже отмечались находки эпохи викингов в районе пос. Горы (Раутакопру, Уннункоски). Средневековых поселений и могильников, так же как и памятников эпохи крестовых походов, на этой территории не выявлено. В то же время, в процессе разведочных работ 1970-х и 1980-х гг. на этой территории выявлено значительное количество каменных насыпей, из которых лишь некоторые могут быть полевыми. Часть же каменных выкладок по своей конструкции или форме скопления может быть отнесена к погребальным или, во всяком случае, к древним каменным сооружениям. К примеру, у основания одной такой насыпи в пос. Горы в 1990 г. была найдена керамика позднего железного века. Каменные насыпи в пос. Горы зафиксированы как на левом берегу Вуоксы у порогов и выше у границы леса, так и на правом. В несуществующей деревне Раутакопра на левом берегу Вуоксы примерно в 2 км выше и к юго-западу от

пос. Горы скопление каменных насыпей выявлено на вершине прибрежного холма, окруженного с трех сторон водой. На холм можно попасть лишь по узкому перешейку. До спуска воды в Вуоксе в 1857 г. холм представлял собой остров.

Кякисалми-Корела (Корельский город)

Первые известия о карельском укреплении в устье Вуоксы связаны с попытками шведов взять под свой контроль приладожскую (восточную) часть Карельской земли, центром которой являлась небольшая островная крепость Кякисалми (Корела новгородских источников) (рис. 63; 64). Попытка эта не удалась, и новгородцы, осознав опасность, прогнали шведов и в том же 1295 г. значительно укрепили отвоеванную крепость. В 1310 г. на реке Узерве (Уусиярви — Новая река) они срубили на порогах новый город, «ветхий сметавше» (Кирпичников 1984: 125; НПЛ 1950: 92, 93, 333). Летописные известия и относящийся к тому же времени рассказ шведской хроники о событиях в Карелии вызвали дискуссию о местоположении первоначального карельского поселения 1294/95 г. Его помещали как на самом острове, где и поныне находится Старая крепость и где с конца XIX в. археологически известны слои с вещами карельских типов, так и на различных островах в районе устья Вуоксы на территории современного города Приозерска (Громов, Шаскольский 1976: 6; Кирпичников 1979: 55–56; 1984: 124–126; Ailio 1921: 62; Komonen 1931; Куцjo 1958; Rinne 1932: 266; Schvindt 1898: 1; Taavitsainen 1990: 240–242).

Несмотря на хорошую освещенность ранней истории города в источниках XIII–XV вв., как русских, так и шведских, наличие дискуссионных вопросов, неясность строительной биографии, планировки, отсутствие данных о первоначальных укреплениях и, наконец, времени основания, планомерные археологические исследования древней Корелы были предприняты лишь в 1972–1973 и 1975–1976 гг. А.И. Кирпичниковым (рис. 64). После первых раскопок Т. Швиндта в крепости в 1891 г. (две траншеи) прошло немногим более 80 лет.

Целью раскопок 1970-х гг. было дополнить данные письменных источников по истории города на Вуоксе археологическими материалами, изучить культурные напластования и выявить их стратиграфию, получить достоверные данные о постройках и материальной культуре периода Средневековья.

Раскопы А.Н. Кирпичникова 1970-х гг. (10) охватили значительную часть внутренней площадки крепости. Наиболее перспективный участок обнаружился в северо-восточном углу крепостного двора, где раскопки проводились в течение 1972, 1975 и 1976 гг. (рис. 64, раскопы 2, 9, 10) (Кирпичников 1979: 52–73. рис. 1: 1984: 125–134; Kirpitsnikov 1983: 72–73). Автор раскопок, рассматривая вопрос о соотношении первоначально упомянутой в летописи карельской крепости Кякисалми (1295 г.) и построенного новгородцами

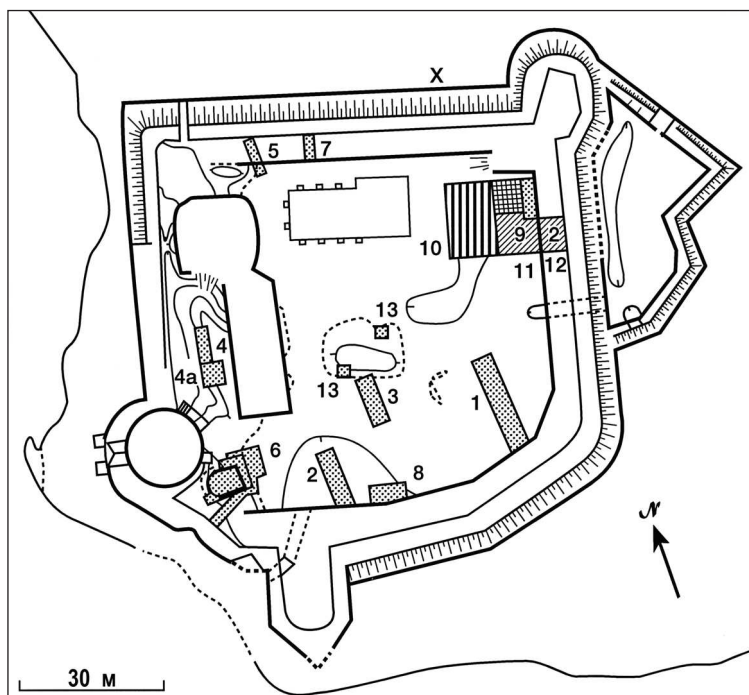
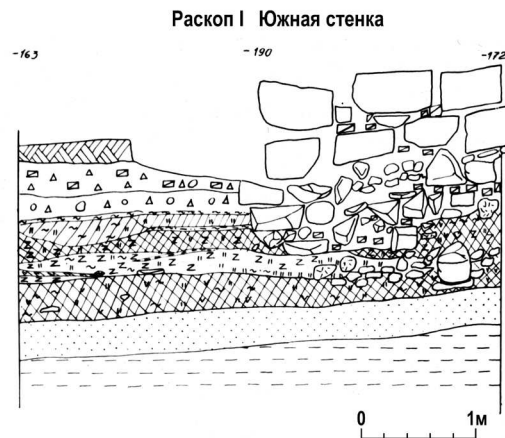
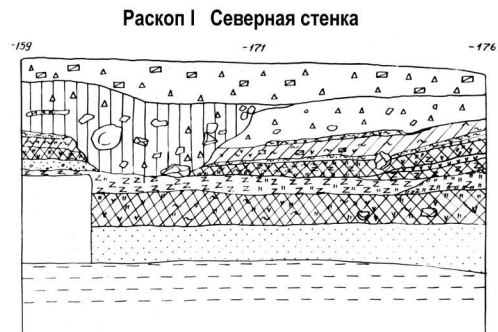
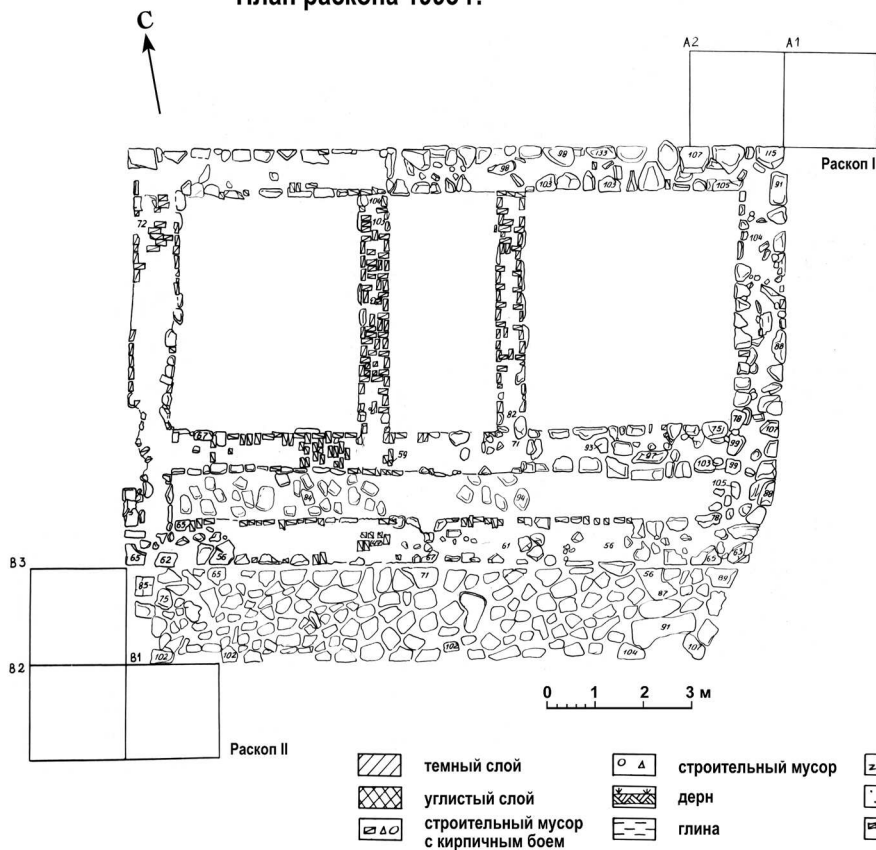

Рис. 64. Крепость Корела.

План по А.Н. Кирпичникову (1979). 1–10 — раскопы 1970-х гг., 11 — раскоп 1989–1990 гг., 12 — раскоп 1992 г. (куртина), 13 — раскопы 1993 г., x — шурф за северной стеной крепости

в 1310 г. нового «города», приходит к выводу, опираясь на летописные источники и результаты раскопок, что заново построенный «Корельский городок» (Корела) существовал на новом месте. Строительство 1310 г. осуществлялось по единому плану и в течение короткого срока (Кирпичников 1979: 56–57; 1984: 126). Раскопками 1970-х гг. выявлено, что культурные остатки, связанные с периодом Средневековья, подразделяются на два утолщающихся к краям острова строительных горизонта общей толщиной 0,5–2,6 м. Толщина верхнего горизонта, выявленного на глубине 0,5–0,7 м (у края острова на глубине до 1,5–2,6 м), составляла 0,2–0,9 м. Его выявленная по данным дендрохронологии дата — 1360–1380 гг. Границей между этим и лежащим ниже горизонтом является углистый слой, сопоставимый с отраженным летописью пожаром 1360 г. Общая толщина нижнего горизонта 0,3–1 м. Дендрохронологически он относится к 1310–1360 гг. Дерево в культурном слое значительно лучше сохранилось в окраинной части города. При разборке нижнего строительного горизонта в разных местах острова обнаружено 8 срубных жилищ со стороной 3,5–5 м и печами в одном из углов. Для увеличения площади острова строители возвели по его краю подкладочную деревянную платформу, на которой установили дома и, вероятно, круговые укрепления из городней. По расчетам А.Н. Кирпичникова, в крепости 1310 г. было построе-

Крепость Корела. Кордегардия
План раскопа 1993 г.

	темный слой		строительный мусор		щепа		зола		камни
	углистый слой		дерн		песок		уголь		обгорелые камни
	строительный мусор с кирпичным боем		глина		кирпичи		переженный камень		древесный тлен

Рис. 65. Крепость Корела. Фундамент здания кордегардии 1780 г. и место раскопа 1993 г. План

но 100–110 изб с населением — включая женщин и детей — 300–330 человек (Кирпичников 1979: 59–60). При исследовании нижнего строительного горизонта в соседстве с русскими изделиями встречены вещи карело-финского облика, и это приводит к заключению, что наряду с новгородцами в «городе» проживали также карелы, что согласуется с известиями летописи. Постройки верхнего горизонта сохранились хуже. Подавляющее большинство изделий этого горизонта бесспорно связано с русским городским ремеслом. Первоначальные укрепления Корельского городка при раскопках выявлены не были; они, вероятно, перекрыты трассой укреплений позднейшей поры. Из летописи известно, что после тотального пожара 1360 г. городские укрепления были усилены боевой каменной башней — «костром», открытой при раскопках 1972 г. в юго-западном углу крепости (Кирпичников 1979: 52–73; 1984: 122–144, рис. 57–60).

В 1989 г. экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством автора данной работы приступила по инициативе А.Н. Кирпичникова к новому циклу исследований на территории крепости в г. Приозерске. Целью работ было получение новых данных о культурном слое и, прежде всего, наиболее древних его напластованиях, учитывая опыт и материалы раскопок 1970-х гг. Под место раскопок был выбран участок площадью 50 кв. м в северо-восточном углу крепостного двора между раскопом 10 А.Н. Кирпичникова 1976 г. и куртиной крепости (рис. 64, раскоп 11). С северной стороны его границей был раскоп 1975 г. (№ 9). Раскопки на этом участке продолжили и в следующем, 1990 г. Объектом исследований 1992 г. была восточная куртина: раскоп этого года (30 кв. м) стал продолжением раскопа 1989–90 гг. к востоку (рис. 64, раскоп 12). Работы 1993 г. носили прикладной характер. Следовало определить состояние фундамента здания кордегардии 1780 г., которое предполагалось восстановить. Исследованы были юго-западный (12 кв. м) и северо-восточный (8 кв. м) углы основания здания (рис. 64, 13; 65).

Основным, давшим стратиграфию всех культурных напластований, хорошо сохранившиеся горизонты дерева и большое количество предметов материальной культуры, был раскоп 1989–90 гг. (рис. 64, раскоп 11). Он, собственно говоря, являлся полигоном, на котором использовались и отработывались методы полевой археологии и естественных наук, принятые в России и Финляндии. Результаты работы этой Российско-Финляндской междисциплинарной экспедиции подробно представлены на различных конференциях и опубликованы в различных изданиях (подробнее об этом см.: Saksa 1998: 107–125; Uino 1997: 261–269). Остановимся на кратком изложении результатов.

Вся верхняя часть земли в раскопе состояла из строительного мусора — обломков кирпичей, кусков извести и известняка с включениями обломков стекла, костей животных, гвоздей, обломков глиняных сосудов, а также крупных камней — остатков ранее здесь находившихся, но впоследствии разобранных построек XVII–XVIII вв. Мощность этого слоя 80–130 см. Под ним фиксировались тонкие, в 20–30 см, слои и линзы глины, ниже которых

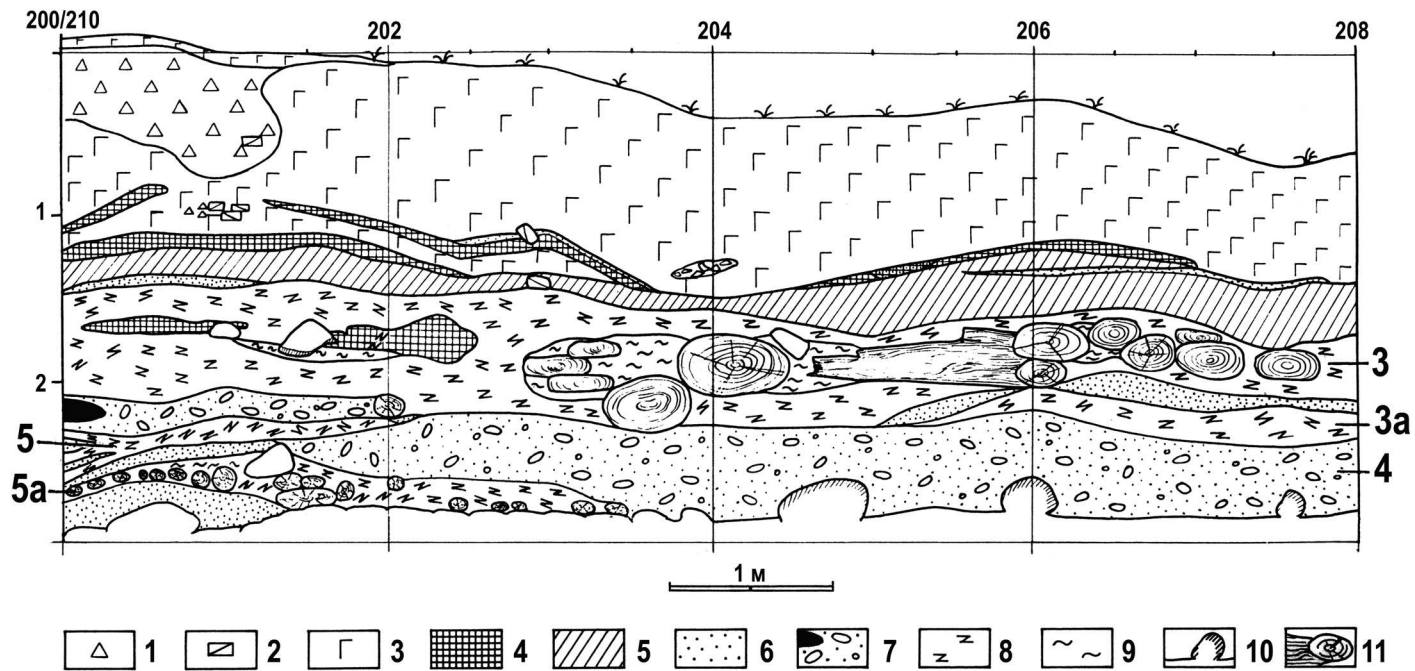

Рис. 66. Крепость Корела. Стратиграфия раскопа 1989–90-х гг. Западная стенка раскопа

следовал слой черной «жирной» земли толщиной в 20–40 см — верхний горизонт напластований периода Средневековья (рис. 66). На большей части раскопа непосредственно под слоем дерна встречены большие камни, после выемки которых выявилась нижняя часть каменной постройки со стенами шириной в 2 м. Ее восточная стена осталась не вскрытой, так как она перекрыта более поздней куртиной.

Стены постройки сохранились на высоту 80–200 см. Постройка, как показали последующие раскопки, была поставлена непосредственно на мощные бревна конструкции новгородского времени. Ее строители лишь заложили под фундамент один слой продольных бревен. Вход, на месте которого был положен большой плоский камень, находился на уровне глиняных прослоек, то есть около 1 м ниже уровня современной дневной поверхности (рис. 66; 74). На этом же уровне находится поверхность, с которой был выкопан котлован для этой постройки. Время ее строительства можно определить с помощью карт шведского периода (XVII в.). Каменная постройка на этом месте видна на карте 1680 г. (Schvindt 1898: 91, приложения). Однако ее нет на карте 1650 г., так же как и на позднейшей карте 1697 г. Стало быть, искомая постройка была возведена между 1651 и 1680 гг. По картам того времени видно, что в крепости именно в этот период проводились капитальные строительные работы: спрямлялись стены, менялись формы угловых бастионов, на дворе крепости появлялись новые постройки (Schvindt 1898: 89). Эта деятельность продолжалась и позднее, что видно и из того, что на месте восточной стены рассматриваемой постройки прошла обновленная и расширенная куртина. Постройка, занимая большую часть раскопа, разделила его на две части: западную и восточную (внутри стен). В обеих частях фиксировался упомянутый выше слой черной земли, в котором было много древесной щепы, обломков гончарных сосудов, костей животных, а также вещи: янтарный крестик с процарапанным на поверхности восьмиконечным крестом, игральная фишка, восемь вислых свинцовых печатей (рис. 67; 71–73). Последние найдены в пределах одного квадрата и относятся к наместникам новгородского владыки, утверждавшим акты землевладения. Они являются остатком небольшого «семейного» архива и датируются серединой — третьей четвертью XV в. (Сакса, Янин 1996: 187–194). Никаких остатков построек в этом слое не было. Единственное, в юго-западном углу раскопа на месте находки печатей зафиксирована линза глины диаметром 1 м и толщиной 20 см. Там же были камни, уголь и зола — вероятные остатки печи. Обращает на себя внимание факт отсутствия слоев московского времени (последняя четверть XV–XVI вв.). При раскопках куртины в 1992 г. эта загадка раскрылась — эти слои составили заполнение куртины. Тогда же было выяснено, почему столь мощная каменная постройка, о которой выше шла речь, существовала такое короткое время. Она просто оказалась помехой при модернизации укреплений крепости в конце XVII в. Внутри куртины нами была обнаружена предшествующая ей каменная стена шириной 2 м, которая одновременно служила и задней стеной упомянутой постройки (рис. 68). Эта сте-

Рис. 67. Крепость Корела. Свинцовые печати XV в. из раскопок в Кореле в 1989 г.

на прослежена также на месте северо-восточного бастиона крепости. Ниже слоя черной земли на глубине 230–250 см был выявлен горизонт дерева, состоящий в западной части раскопа из настила из толстых бревен, уложенных в направлении С-СЗ–Ю-ЮВ, под которыми лежали несколько поперечных (рис. 69; 60). Внутри постройки зафиксированы нижняя часть сруба с полом из тонких стволов ели, а также угол второй, уходящей под куртину постройки. При раскопках 1992 г. было замечено, что отмеченный горизонт дерева продолжается и под выявленной тогда каменной стеной. Горизонт застройки новгородского времени, таким образом, в этой части острова выходил за границы крепости шведского и более позднего русского времени. Для этого горизонта имеется серия дендрохронологических и радиоуглеродных дат. Датирование произведено в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, в лаборатории Геологической службы Финляндии и в отделе экологии ун-та Йюенсуу (дендрохронология). В общей сложности дендрохронологически датированные 7 спилов относят его ко времени 1330–1370-е гг. и, учитывая,

что кора не сохранилась и бревна могли утратить по различным причинам верхние кольца, эту дату можно еще омолодить (Zetterberg, Saksa, Uino 1995: 215–220). Внутри каменной постройки при разборке основания сруба с полом ниже его на слое крупнозернистого песка прослежено одно отдельное бревно. Поскольку составляющие нижний венец сруба бревна были плохой сохранности, для радиоуглеродного датирования был взят образец дерева из пола, давший конец XIII в. (Kankainen, Saksa, Uino 1995: 41–47; Saksa 1998: 115; Saksa, Kankainen, Saarnisto, Taavitsainen, 1990: 65–68; Uino 1997: 265–266). Налицо противоречие в датировке лежащих на одном уровне бревен двух частей раскопа. Можно объяснять его использованием двух методов датирования, если бы конструктивно эти части не различались: в восточной части бревна составляли платформу, а внутри постройки за каменной стеной обнаружены были срубы, поставленные на слои крупнозернистого песка. Под бревнами же платформы прослеживался слой щепы и песка, а лишь затем следовал слой такого же песка с включением мелких камней. В этом горизонте дерева были найдены грузила и поплавок от рыболовных сетей, пряслица, обломки кремня, донышко от берестяного туеса, поясная пряжка.

Чрезвычайно интересным оказался слой крупнозернистого песка толщиной 40–60 см, ранее принимаемый за материк. Он начинался на глубине 180–220 см от дневной поверхности (рис. 66). В этом слое фиксировались прослойки древесной щепы, а также обнаружено значительное количество различных предметов и изделий из металла, дерева, кожи. Среди находок преобладают пряслица, грузила для сетей, точильные камни, обломки бронзовых пластин, капли застывшей бронзы. Много керамики, бус, украшений из бронзы, в том числе и карельских типов (рис. 70–72). Из бытовых предметов выделяются два цилиндрических замка. Никаких деревянных конструкций в этом горизонте не обнаружено. Слои щепы, наиболее интенсивный из которых зафиксирован в средней части слоя крупнозернистого песка (толщиной 5–10 см), а также вертикально стоящие кольца свидетельствуют о какой-то деятельности на острове в момент возникновения этого слоя. Об этом же свидетельствует более мощная прослойка щепы и обрезков дерева в юго-западном углу раскопа, выступая своеобразным клином, основная часть которого скрыта за пределами раскопа. Анализ находок из верхней и нижней частей слоя песка показывает, что между ними нет какой-либо значительной разницы во времени; они также не различаются по структуре — весь песок этого слоя происходит из одного места. Наличие в нем украшений карельских типов (рукояти ножей, овально-выпуклые и подковообразные фибулы, цепедержатели крестовидные и их фрагменты) и керамики, среди которой имеется характерная именно для карельских городищ форма с прямым венчиком и тремя валиками на внешней стороне, приводит к предположению, что песок на окраинную часть острова был принесен из места, на котором уже существовали культурные отложения. По-видимому, в срединной части острова находилось возвышение, на котором располагалось первоначальное карельское поселение, а еще ранее, по всей видимости, могильник. Предпо-

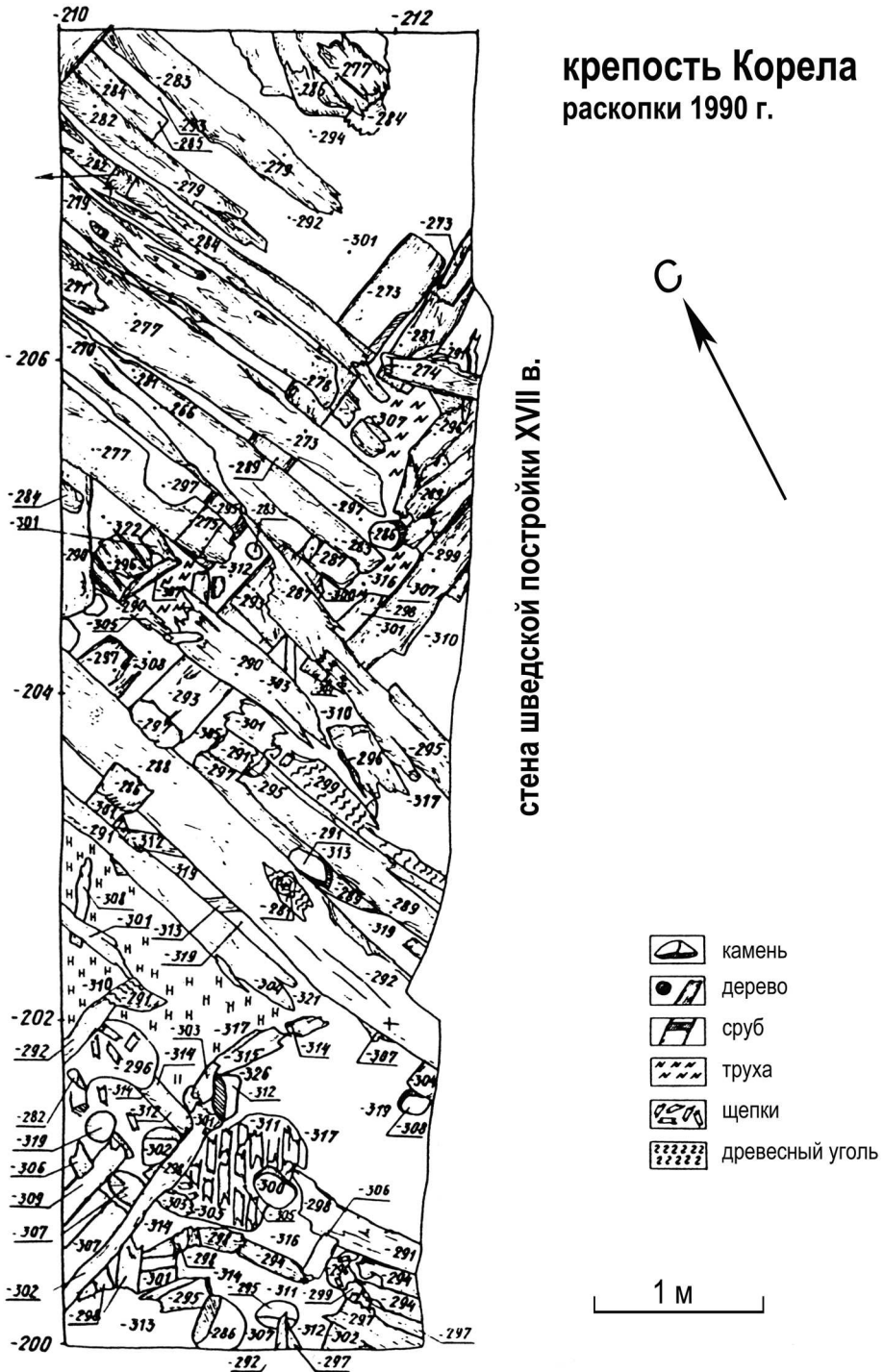

Рис. 70. Крепость Корела. План горизонта дерева XIV в.

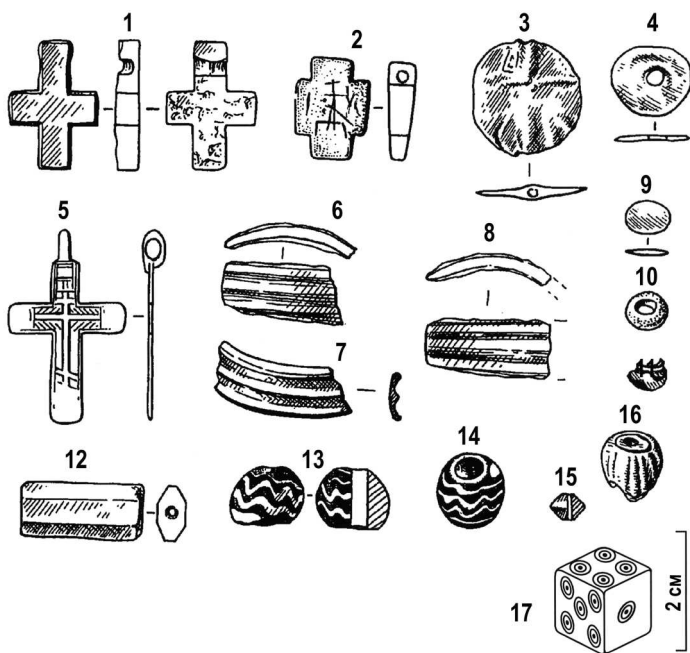

Рис. 71. Крепость Корела. Находки из нижних горизонтов

1 — крестик каменный, 2 — крестик янтарный, 3 — печать свинцовая, 4 — накладка бронзовая, 5 — крестик из слоя строительного мусора, 6, 7, 8 — обломки бронзовых браслетов, 9 — медная монета XV в., 10–16 — каменные и стеклянные бусы, 17 — игральная фишка

ложение основывается на находке в слое вещей последней четверти I тыс. — начала второго тыс. н. э. (равноплечные фибулы эпохи Меровингов и эпохи викингов, обломки пластинчатых браслетов с тремя рельефными валиками на поверхности, топор, некоторые типы бус, подковообразная фибула типа 10 по Х. Сальмо) (рис. 71, 1–5, 7–13; рис. 72, 6–8, 12; 73, 7, 12–13), а также на факте отсутствия в слое лепной керамики, что не характерно для культурного слоя поселения, но обычно для могильников VII–XI вв. в Восточной Финляндии и Карелии.

Ниже этого слоя на глубине 260 см от дневной поверхности в юго-западной части раскопа выявлен еще один горизонт дерева, лежащий непосредственно на материке — голубой глине, неровности которого сnivelированы подсыпкой из мелкозернистого песка (рис. 66, 74). Это самый край первоначального поселения, представленный лежащими в направлении З-В бревнами и составляющими прибрежную платформу. Целая серия радиоуглеродных дат относит время существования этого поселения к XIII в. (рис. 74) (Kankainen, Saksa, Uino 1995: 41–47; Saksa 1992: 16–17; 1998: 116–125; Uino 1997: 266–267).

Раскопки 1989–90 гг. выявили еще одну особенность, связанную с этой островной крепостью. Проведенные нами в июле 1990 г. нивелировочные

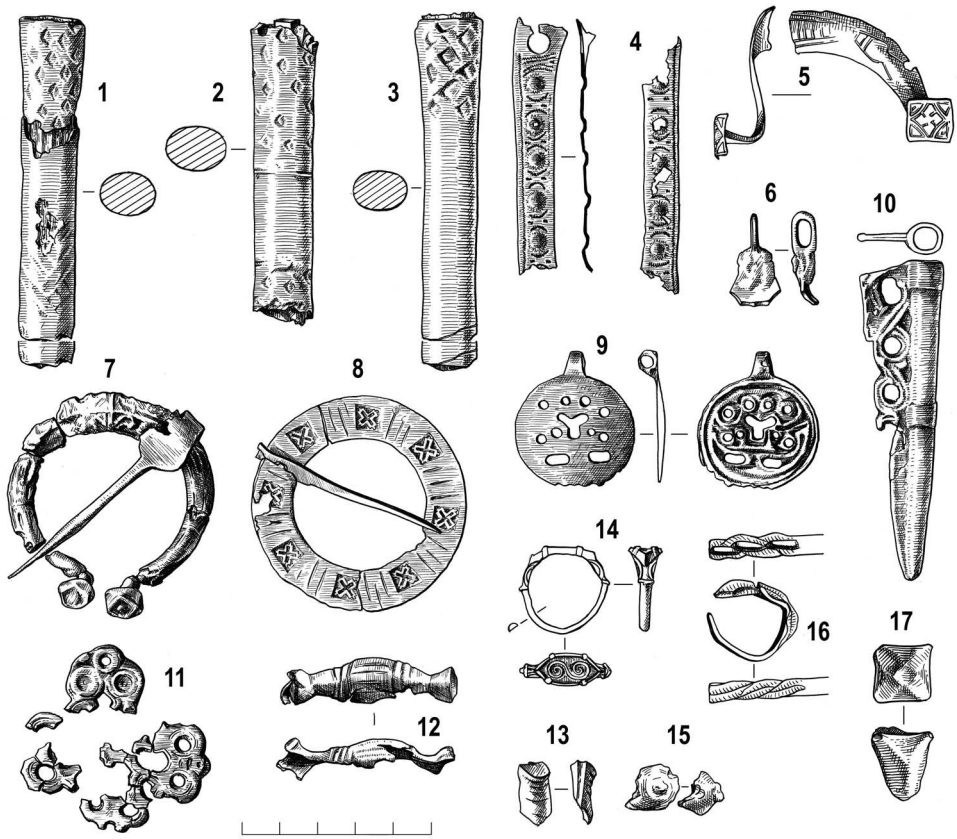

Рис. 72. Крепость Корела. Находки из нижних горизонтов

1–3 — рукояти ножей бронзовые, 4 — накладка ножен бронзовая, 5 — фрагмент подковообразной серебряной фибулы, 7 — фибула подковообразная бронзовая, 8 — фибула кольцевая бронзовая, 9 — подвеска бронзовая, 10 — игольник, 11 — цепедержатель, 12 — равноплечная фибула, 13 — фрагмент равноплечной фибулы, 14, 16 — перстни серебряные, 15 — фрагмент бронзовой бусины, 17 — головка шейной гривны

замеры показали, что нижний горизонт дерева находится лишь на 34 см выше современного уровня Вуоксы, который до спуска воды в районе Кивиниеми (Лосево) в 1857 г. был на 2,5–4 м выше (Серроваага 1984: 18). Значительно выше уровень воды в районе Кексгольма был и в XVII в., что хорошо видно из шведских и русских карт этого времени (рис. 75, 76). Следовательно, на момент возникновения поселения на острове уровень воды был близок к современному и на этом участке находились пороги, отмеченные новгородской летописью. Теперь уже совершенно ясно, что вся история древнего Корельского городка связана с этим островом. Постоянный подъем уровня воды Вуоксы, связанный с наклоном и поднятием земной коры на территории Финляндии и Карельского перешейка, а также вражеские набеги вынуждали укреплять и расширять остров, поднимая его берега и укрепляя их деревян-

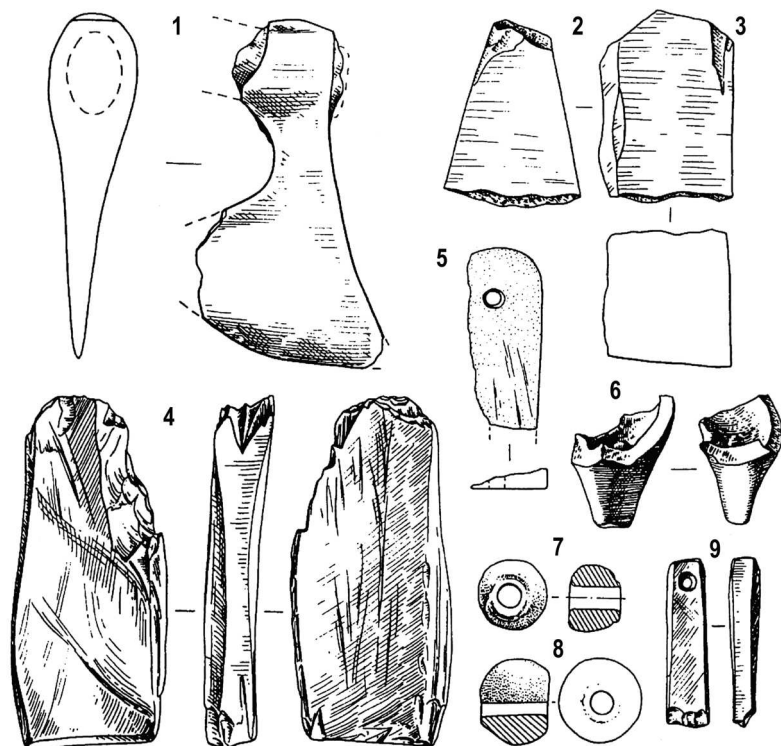

Рис. 73. Крепость Корела. Находки из нижних горизонтов

1 — топор, 2–4 — камни точильные, 5, 9 — оселки сланцевые, 6 — обломок тигля, 7, 8 — пряслица, 9, 10 — грузила от сетей, 11 — поплавок из сосновой коры

ными настилами. Следы этой деятельности, отмеченные также летописью под 1295 и 1310 гг., хорошо выявились при раскопках 1989–90 гг.

В итоге можно заключить, что цикл проведенных в 1970-х гг. под руководством А.Н. Кирпичникова раскопочных работ и исследования средневековых напластований в древней Кореле не только раскрыл характер застройки города и особенности его материальной культуры, но и определил узловые моменты будущих раскопок. Последние, в свою очередь, поставили целый ряд новых вопросов, как-то: происхождение вещей VIII–XI вв. в культурном слое, размеры и особенности застройки нижнего строительного горизонта XIII в., занятия его жителей, последовательность строительных этапов и связанной с ними динамики расширения острова, особенности материальной культуры на каждом из этих этапов, изменение гидрологической обстановки на протяжении всей истории существования крепости на Вуоксе. В настоящий момент можно все же утверждать, что главными занятиями жителей первоначального карельского поселения, наряду с рыбной ловлей, были ремесло и торговля. Достаточное развитие получило и сельское хозяйство: в окрестностях крепости, как явствует из последних палеоботанических

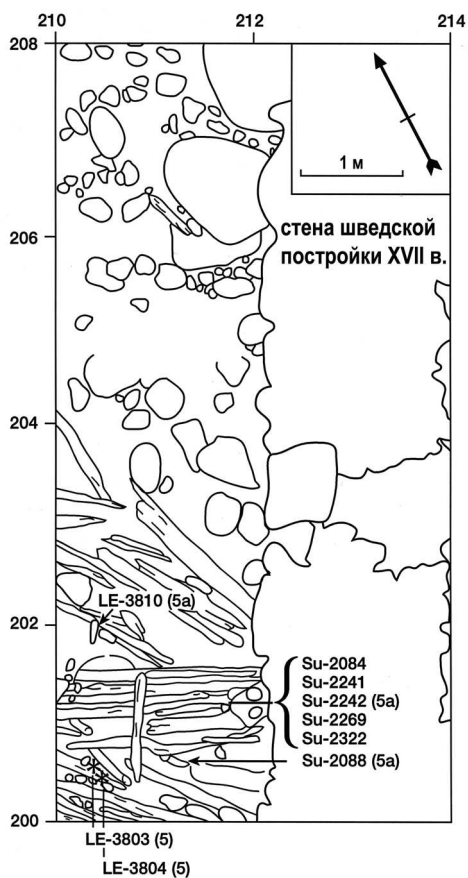

Рис. 74. Крепость Корела.
План нижнего горизонта
с обозначением мест взятия
образцов для радиоуглеродных дат

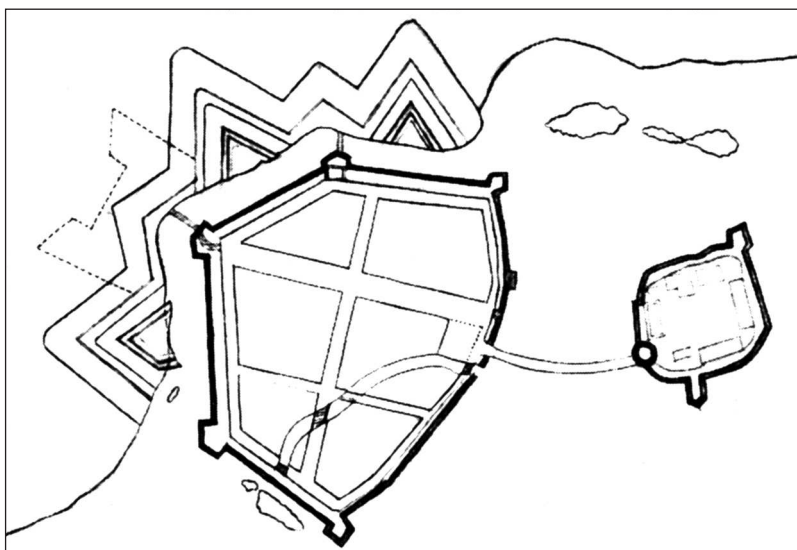

Рис. 75. Крепость Кексгольм на шведской карте XVII в.

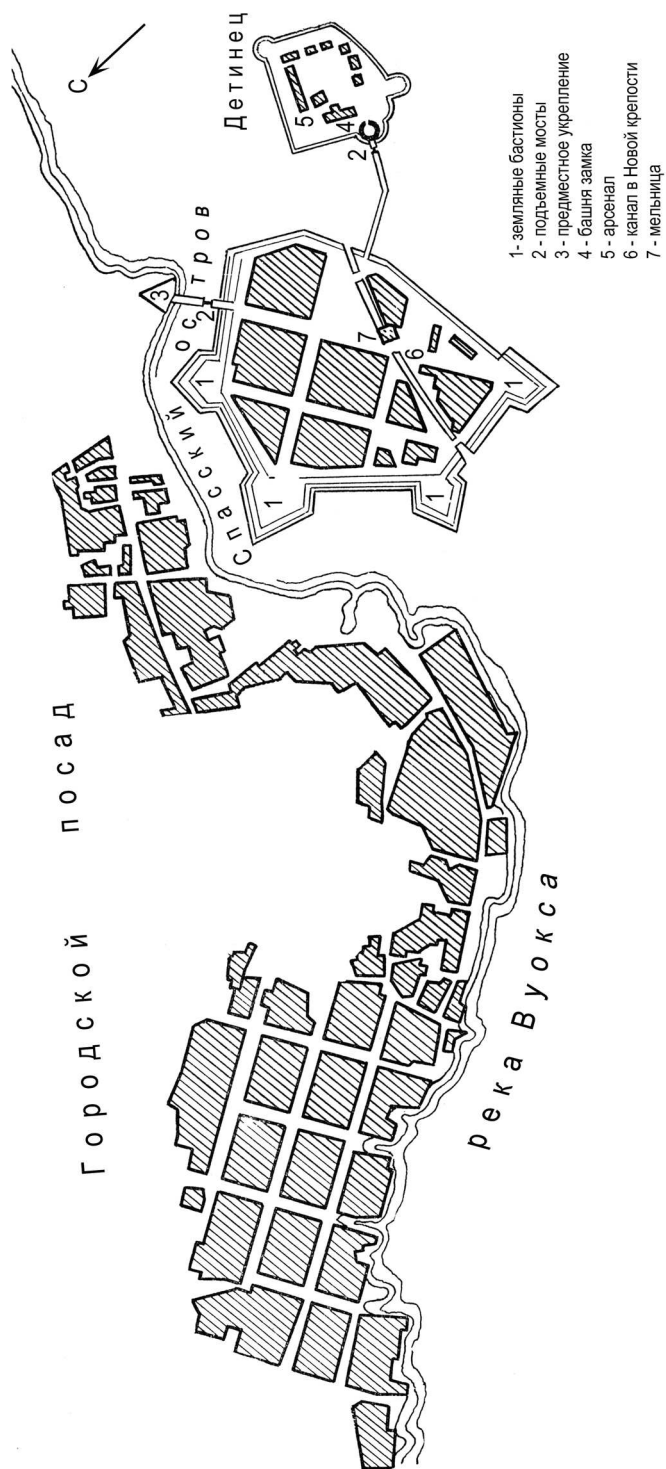

Рис. 76. Крепость Кекстольм на русской карте XVIII в.

исследований, уже в XIII в. существовали постоянно обрабатываемые поля (Lempäinen 1995: 83–94; Uino 1997: 156–164). Эта ориентация на сложение и развитие торгово-ремесленного и укрепленного племенного центра сохранялась на протяжении всего Средневековья.

Факт возникновения к концу XII–XIII вв. на Вуоксе новой системы укреплений — племенных карельских центров, ориентированных также на торгово-ремесленную деятельность, фиксирует этап сложения качественно нового территориального и этнокультурного образования — Карельской (Корельской) земли. В основе жизнедеятельности ее населения лежали в значительной мере определяющиеся ее географическим положением факторы: удобные водные пути, возможности пушной охоты и торговли, плодородные земли. Системообразующую роль играла водная система Вуоксы, на территории которой и концентрируется основной массив средневекового населения. Основным элементом системы расселения была деревня, как правило, однодворная, с прилегающими к ней земельными и прочими угодьями, а также находящимся рядом кладбищем. Общинами могли являться наиболее богатые рыбой места ловли, оборона, торговые операции и другие формы экономической деятельности, требующие больших усилий. В основе безопасности этой экономически и культурно процветающей системы, помимо рассмотренных выше укреплений и поголовного вооружения мужского населения, лежали также хорошо отлаженные политические и торгово-экономические, взаимовыгодные связи с Новгородом. С последней четверти XIII в. характер этих связей меняется в сторону наибольшей зависимости от Новгорода в связи с изменившейся внешнеполитической ситуацией; Карелия стала порубежной территорией.

Суотниemi (Яркое)

Могильник находится в пос. Яркое (Суотниemi), расположенном примерно в 7,5 км к востоку от Приозерска, на северном берегу озера Вуокса в глубине небольшой бухты на южном склоне характерного для этих мест невысокого холма (рис. 13; 32). Из пяти раскопанных Т. Швиндтом в 1885 г. могил могильника Суотниemi лишь одна была женской. Это погребение 3 с трупосожжением, в котором находились овально-выпуклые фибулы типа С2/3а (2487: 46), Н (оплавлена) (2487: 47) и F1/2 (2487: 49, 65), ножны ножа типа III (2487: 53) и другие вещи. Эта наиболее древняя могила могильника датируется концом XII — XIII вв.

Аналогии фибулам и другим элементам комплекса нагрудных украшений из могилы находятся на могильнике Кекомьяки, в могилах 1 и 6 (в целом восемь экземпляров), по две аналогии из мог. 1/1888 в Тонтинмяки и Ивасканмяки и по одной из Кулхамьяки, Кулхапелто, Патья, Пюхьярви, Кексгольма (крепость), городища Паасонвуринвуори и Тууккала в Миккели.

В мужской могиле 1 был найден меч с трехчастным навершием рукояти и дуговидным перекрестьем, украшенными серебряной инкрустацией (2487: 5),

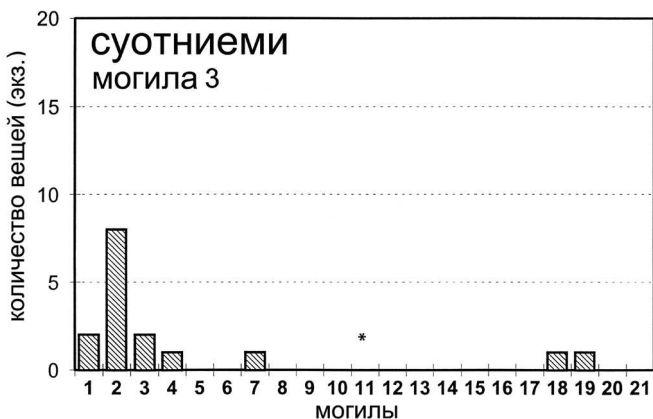

Рис. 78. Аналоги вещам из могилы 3 в Суотниemi в Карелии и Саво

а также наконечник копья (2487: 6), кольцевидная фибула (2487: 2), шейная лента, нож и пряжка поясная. Мужскими были также могила 2, в которой найдены два разделителя пояса (2487: 20–21), топор (2487: 27), серебряный перстень-печатка с изображением святого воина с копьем и щитом (2487: 33) (рис. 28) и серебряная шейная плетеная цепочка, на наконечниках которой закреплено кольцо из серебряной проволоки с шестью украшенными филигранью бусинами и тремя украшенными круглыми (два боковых) и восьмиугольным (центральный) щитками крестами (2487: 34) (рис. 27) и могила 4 (серебряная кольцевидная фибула (2487: 72), наконечник копья (2487: 83) и два топора (2487: 84)). Пятая могила была разрушена практически полностью (Schwindt 1893: 1–11; Кочкуркина 1981: 96–98, № 113; Uino 1997: 258–261; Saksa 1998).

На территории пос. Яркое на месте предполагаемого могильника раскопки проводились в 1980, 1982, 1987 и 1991 гг. Раскопками 1980-х гг. изучали южный склон холма Риихимяки, находящегося примерно в 300 м к северу от берега оз. Вуокса (рис. 32). Площадь раскопа составила 46 кв. м. Непосредственно под дерном выявилась плотная каменная вымостка, отвечающая описанию Т. Швиндта («камни как бы предварительно расколоты»). Камни были сложены в один ряд, и среди них встречена типичная для древней Карелии керамика, шлаки железные, нож железный и ключ от замка, относящийся к форме XIII в. (Колчин 1959: 82). Мощность вымостки достигала 30 см. В вымостке и под ней, особенно в южной части, фиксировались следы огня. Вымостка в южной части, где подстилающая ее скала сменялась песком, обрывалась (была нарушена). В расположенной южнее склона холма низине был заложен разведочный шурф размерами 2×4 м, в котором на уровне материка был расчищен очаг из камней и встречено много железных шлаков. На западном склоне холма находится культовый камень с более чем 20 выемками, из которых 14 выделяются исключительно четко. Размеры камня 2×2 м, высота 1,5 м (рис. 33). В раскопе у основания камня также зафиксирована вымостка, в которой собрано большое количество железных шлаков.

В 1991 г. раскопки в пос. Яркое продолжили на склоне другого соседнего холма — Лейлумаки, расположенного в примерно 300 м к востоку-юго-востоку от Риихимяки, где, как выяснилось, и находился раскопанный Т. Швиндтом могильник. Вершина холма представляла собой открытую скалу, на поверхности которой выбиты 9 чашевидных выемок и вписанный в круг крест. Раскоп площадью 44 кв. м был заложен на южном краю площадки холма в непосредственной близости от его южного склона. В нем под слоем дерна и гумуса выявилась вымостка из камней с острыми колотыми гранями. Особенно плотной она была у большого, расколовшегося от огня материкового камня в северном углу раскопа, достигая здесь мощности 30–50 см. С северной и южной сторон этого большого камня были углубления, заполненные камнями и черной землей с золой и углями. Пятна черной земли с углями и обожженные камни, могущие быть трактованными как очаги, фиксировались и в других частях раскопа. В вымостке собрана большая коллекция мелких фрагментов керамики, большей частью лепной. К вещевым находкам относятся двушипный черешковый наконечник стрелы, распространенный в младшее римское железное время и эпоху переселения народов (Kivikoski 1973: 53, Abb. 315; Niekkanen 1979: 69–71, kuv. 24, 1), игла от бронзовой овально-выпуклой фибулы, бронзовое кольцо и обломок бронзовой пластины, два ножа железных, круглая бусина из горного хрусталя, глиняная бусина, шиферное пряслице, кусок жевательной смолы, куски обожженной глины, кости кальцинированные и зубы животных. В восточной части раскопа под дерном в черной перемешанной земле собрано значительное количество кусков железного шлака (около 500 экз.), включая две крицы. Связь этой находки с более ранними вещами не подтверждается, поскольку в этом же перемешанном слое были найдены также обломки фаянсовой посуды.

Значительная коллекция представлена фрагментами керамики (около 520 экз.), большей частью лепной неорнаментированной. Лишь на части обломков сосудов прослеживается линейный или волнистый орнамент. Фрагменты мелкие, из грубого темного теста или более тонкого теста, дающего при обжиге желто-коричневый цвет.

По нагару на керамике из культурного слоя и углю из очагов получено несколько радиоуглеродных дат: очаг 2 (Hel-3160) 1180 ± 100 BP (cal AD 740–980), очаг 5 (Hel-3161) 1070 ± 90 BP (cal AD 900–1030). По наросту на керамике из слоя рядом с очагом 5 получена дата (Hela-11) 1490 ± 60 BP (cal AD 540–630). Макрофоссный анализ трех образцов из заполнения очага 5 проведен доцентом Тертту Лемпийнен из ун-та Турку. В образце 2 нашли одно семя ржи и одно овса, а также ягоду можжевельника, возможно, попавшую вместе с ветками для поддержания огня в очаге. Во всех трех образцах фиксируются семена таких культурных индикаторов, как капуста полевая/редька (*Brassica/Raphanus*), марь белая (*Chenopodium album*), звездчатка злаковидная (*Stellaria media*) и подмаренник полевой (*Galium spurium*), характерные для мест поселений и обрабатываемых полей (Uino 1997: 259–260; Lempiäinen 1997: 399–400).

Исследованная нами вымостка в целом не была нарушена, лишь в ее юго-восточной части фиксировались позднейшие перекопы. В пределах раскопа также не были найдены ожидаемые грунтовые могилы. Также и в шурфах к северу, югу и востоку от раскопа следы вероятных могил не зафиксированы. В ряде шурфов южного склона холма зафиксированы следы карьера для песка фаянсового завода, в котором и были обнаружены могилы в конце XIX в. Раскопки в пос. Яркое целесообразно продолжить и для выявления открытой в 1991 г. каменной вымостки и очагов. Указывающие на эпоху Меровингов и викингов датировки говорят о постоянной заселенности этого места уже начиная с VI–VII вв. Вымостки из камней были характерны для могильников эпохи викингов в Финляндии и Карелии — так называемые полттокенттякалмисто, однако в нашем случае погребений этого времени не выявлено. Речь, по-видимому, идет о поселении, культурный слой на котором формировался в течение продолжительного времени.

Хиитола, о-в Кильпола

Остров Кильпола находится в Ладожском озере у побережья северной части Карельского перешейка примерно в 15 км к северу-северо-западу от г. Приозерска у границы Республики Карелия с Ленинградской областью (рис. 13, 24). В сущности, с него и географически начинается территория Северо-Западного Приладожья. На острове начиная с конца XIX в. сделаны многочисленные находки вещей эпохи крестовых походов, включая находку клада серебряных вещей в дер. Кильпола. Более ранние находки долгое время на острове были неизвестны. Лишь в 1985 г. во время разведочных работ мы получили известие о находке серебряной монеты в западной части острова. Место находки представляет собой небольшое, используемое под картофельное поле всхолмление на берегу залива Хаапалаhti (рис. 79, 1). При тщательном осмотре места никаких других находок не было сделано и культурный слой не зафиксирован. С другой стороны, место идеально отвечает топографии карельских могильников IX–XIV вв. Монета датируется временем около 1020 г. (рис. 81) (информация финского нумизмата Т. Талвио). Она представляет собой выполненное на территории современной Швеции подражание английскому динарию Этельреда II, каковые получили распространение по всей территории бассейна Балтийского моря. В Финляндии, по Талвио, найдены две монеты, изготовленные по той же матрице. В этой же деревне Хаапалаhti на поле Симо Тутти в западной части прибрежного каменистого холма найден топор типа М по Петерсену (2520: 47), распространенный во второй половине эпохи викингов — начале эпохи крестовых походов (Schwindt 1893: 105; Nordman 1924: 126; Кочкуркина 1981: 23, № 48; Uino 1997: 219–220; Saksa 1998: 127). В этой же деревне в конце XIX в. находили человеческие кости и безинвентарные могилы на участке Латсимяки в западной части Хаапалаhti на берегу залива, где

была найдена бронзовая цепочка (2486: 3), и прибрежном холме Хасситарха, где также у дома Таттари найдена овально-выпуклая фибула типа Н/ПВ:2b (5418:19) (Schwindt 1893: 105; Кочкуркина 1981: 115, № 174; Uino 1997: 119–120). На обращенном к заливу берегу холма Лавакумпу найден нателный крест XVI–XVII вв. (Uino 1997: 219).

В деревне Кильпола на северном берегу пролива Кильпола на участке Ханнукайнена в 1880-е гг. были найдены человеческие кости и меч с шаровидным навершием (3247: 18). Участок поэтому назывался «калмисто» (могильник) (рис. 79, 2). Относительно этого меча существуют противоречивые сведения. О находке его на этом месте упоминает Т. Швиндт, и П. Уйно в своей диссертации также отмечает находку меча на «могильнике Ханнукайнена», но относит находку меча под номером 3247: 18 к району дер. Мустола в Куркиёках (усадьба Келлонкоски) (Schwindt 1893: 103–104; Uino 1997: 217, 223–224; Saksa 1998: 127). В 1885 г. Швиндт раскопал на участке три детские могилы, в двух (1 и 2) из которых на шее погребенных детей было по серебряной бусине (2486: 4, 6). В первой могиле между бедренными костями найден украшенный шнуровым орнаментом костяной футляр (2486: 5). Все погребенные были ориентированы головой на запад. На месте могил зафиксирована черная земля с углями и найдены железные шлаки. На вершине холма раскопана большая (диам. 3,5 м) округлая в плане «могила», на дне которой был слой угля, перемешанный со сгоревшими костями. Позднее Швиндт получил найденные на этом месте пряслице, бусину из стекловидной массы (черную с волнистыми линиями) и две лапчатые привески (2520: 37–39) (Schwindt 1893: 103–104; Kivikoski 1973: 143, Abb. 1165; Кочкуркина 1981: 104, № 119; Uino 1997: 217; Saksa 1998: 127).

В последующее время Швиндт продолжил раскопки «могильника Ханнукайнена». На могильнике в 1896 г. были найдены овально-выпуклая фибула типа С1/1а, зооморфная подвеска, медный игольник, бронзовая кольцевая фибула и каменное пряслице (3247: 13–17), послужившие поводом для раскопок в том же году. Швиндтом были раскопаны пять могил, по трем из которых сохранились описания. Сведения об ориентировке могил отсутствуют и лишь известно, что в могиле 3 костяк находился в черной каменистой земле, в которой было много железных шлаков. Рядом с костяком найдены железный гвоздь и кусок кремня. В могиле 4 найдены бронзовый перстень и обломки железного изделия, а в могиле 5 — обломки железной полосы (Schwindt 1893: 104; Nordman 1924: 153; Кочкуркина 1981: 104, № 119; 115, № 171; Uino 1997: 216; Saksa 1998: 127). Из датирующих вещей фибулы — типа С1/1а относятся к XI в. (Linturi 1980: 71, 77–78), кольцевидная фибула к XIII–XIV вв. (Sarvas 1971: 59–62), коньковая подвеска типа XIX по Е.А. Рябинину — к XII–XIII вв. (Рябинин 1981: 38–39). Овально-выпуклая фибула типа С1/1а является единственным представителем этой группы фибул в Карелии.

Имеется также целый ряд случайных находок на земле семьи Ханнукайненов. Так, у каменного коровника в смешанной с углями земле находили «странный вида маленькие медяшки». Раскопки Швиндта на этом месте в

1885 г. не принесли новых находок. Позднее на поле нашли навершие рукояти меча (3247: 10) и овально-выпуклую фибулу типа Н/ПА: 4 (5237: 8).

Расположенные по берегам разделяющего остров Кильпола на две части залива (на сегодняшний день части носят наименования о-в Кильпола (северная часть) и о-в Пакастинсаари (южная часть)) земли деревни Кильпола богаты археологическими находками эпохи крестовых походов и Средневековья. Летом 1884 г. Т. Швиндт получил в свое распоряжение найденные в различных местах деревни вещи: бронзовый спиралеконечный цепедержатель типа I: 1, украшенную пальметками подвеску и трехчастный разделитель ремня (2298: 174–176) с участка Пейсти, дисковидное навершие рукояти меча, неопределимое железное изделие (2298: 177–178) и каменную бусину (2590: 16), найденные на прибрежном поле Йерикяйнена, три трехчастных бронзовых разделителя ремня (2298: 182–184), найденные под большим камнем на горе Тюмяляньяки, каменную бусину, фрагмент крестовидного цепедержателя типа II: 2 и поясную накладку на горе Киисанмяки (земля Борисова) (2298: 179–180), где, утверждают, раньше была часовня и находили человеческие кости, фрагмент игольника (2520: 36), стеклянную черную бусину с желтыми прожилками (2520: 38) и металлическую иконку XV–XVI вв. (Schwindt 1893: 104–105; Nordman 1924: 126; Кууо 1958b: 27; Кочкуркина 1981: 23, № 49; 115, № 171, 173; Uino 1997: 214–219; Saksä 1998: 127).

В этой же деревне Кильпола Швиндт на горе Кауппилянмяки исследовал могильник, на котором погребенные были захоронены головой на север и перекрыты слоем земли с углями толщиной 5 см (Schwindt 1893: 105). По рассказам местных жителей, в окрестностях Кауппилянмяки находили много бронзовых и серебряных вещей. При раскопках 1885 г. на холме были найдены кости, уголь, обгоревшие камни и куски обожженной глины. Позднее Швиндту были переданы глазчатая бусина (2590: 16) и каменный крест из песчаника (2590: 17) (Schwindt 1893: 105; Кочкуркина 1981: 23, № 49; Uino 1997: 219; Saksä 1998: 127).

С острова Кильпола происходит также клад серебряных вещей, найденный под камнем на горе Пиимяляньяки в дер. Кильпола неподалеку от устья залива на его южном берегу в 1896 г. находка включала в себя серебряные головное украшение сюкерё, круглую брошь-медальон, подковообразную фибулу типа I: 2 и фрагмент серебряной цепи с наконечником на одном конце (3641: 1–4) (рис. 37).

Вещи эпохи крестовых походов были найдены и в других деревнях острова. В дер. Тоунаа на юго-юго-западном склоне холма Ёопонкумпу найдена овально-выпуклая фибула типа С2/1а (2520: 40). Выше уже упоминались находки топора типа М и фибулы типа Н/ПВ: 2b из деревни Хаапалахти. В 1885 г. Швиндт провел разведочные раскопки на многих участках и холмах деревни, найдя при этом во многих местах человеческие кости (Schwindt 1893, 105; Кууо 1958b; Uino 1997, 220; Saksä 1998, 128).

В 1985 г. нами были проведены разведочные работы на о-ве Кильпола, однако следов поселений или могильников, других древних остатков найдено

не было. Основная причина «негативного результата» состоит в том, что в настоящее время остров не заселен (за исключением единичных дач) и используется для выпаса скота. При небольших площадях (как правило, однодворных) средневековых поселений, отсутствии видимых на поверхности земли погребальных памятников и полном отсутствии распашки земли на острове даже от самой тщательной и тотальной шурфовки трудно ожидать быстрых результатов.

Новые исследования на о-ве Кильпола были предприняты в 1992 г. Задача небольшой Российско-Финляндской исследовательской группы, в которую, помимо автора данной работы, входили археолог проф. Ю.-П. Таавитсайнен из университета Турку и геолог проф. М. Саарнисто из Центра геологических исследований Финляндии, состояла в определении возраста реки Невы путем исследования донных отложений внутренних озер острова. Идея состояла в том, что скоротечные и масштабные изменения уровня воды в водоемах, в данном случае в Ладожском озере, можно проследить и датировать по изменению характера донных отложений небольших многочисленных озер расположенного в северо-западной части Ладоги о-ва Кильпола. Согласно их высотным отметкам, многие из озер до рождения Невы перекрывались водами Ладожского озера, уровень воды в которой в этой части достигал 21 м над у. м. (см. об этом подробнее в разделе о Ладожской трансгрессии в данной работе). С возникновением Невы и сбросом воды озера в его южной части уровень воды в нем резко упал более чем на 10 м и часть расположенных близко к поверхности углублений дна озера на острове стали закрытыми внутренними водоемами. Характер донных отложений в них кардинально изменился: на осадочные породы ладожского периода стали накапливаться осадки растительного (органического) происхождения и смытая талыми и дождевыми водами почва с берегов. Для исследования были выбраны три озера: окруженные скалами Револампи и Витсалампи, а также Суури Кокколампи (рис. 80). Витсалампи до падения уровня воды в озере было узким проливом на острове, бывшем тогда гораздо меньше. Изоляция озера от Ладоги видна в образцах донных отложений в резкой смене серой глиняной массы на коричневый по цвету ил, или, другими словами, донных отложений крупного водоема на донные отложения небольшого озера. Изменяется так же резко содержание диатомных водорослей. Образцы донных отложений датировались в лаборатории Центра геологических исследований Финляндии. Результат — 3100 лет тому назад, то есть по исторической хронологии рождение Невы приходится на начало эпохи бронзы (Саарнисто, Сакса, Таавитсайнен 1993: 27–29; Саарнисто, Сакса, Таавитсайнен 1994: 75–77; Saarnisto, Grönlund 1996: 206–214).

Споро-пыльцевой анализ образцов донных озера Суури Кокколампи показал, что прошло несколько столетий после возникновения Невы, прежде чем началось земледельческое освоение прилегающей к нему территории. Возможно предположить, что в центральных частях острова, к примеру, на месте деревень Кильпола или Хаапалампи, обработка земли под посевы

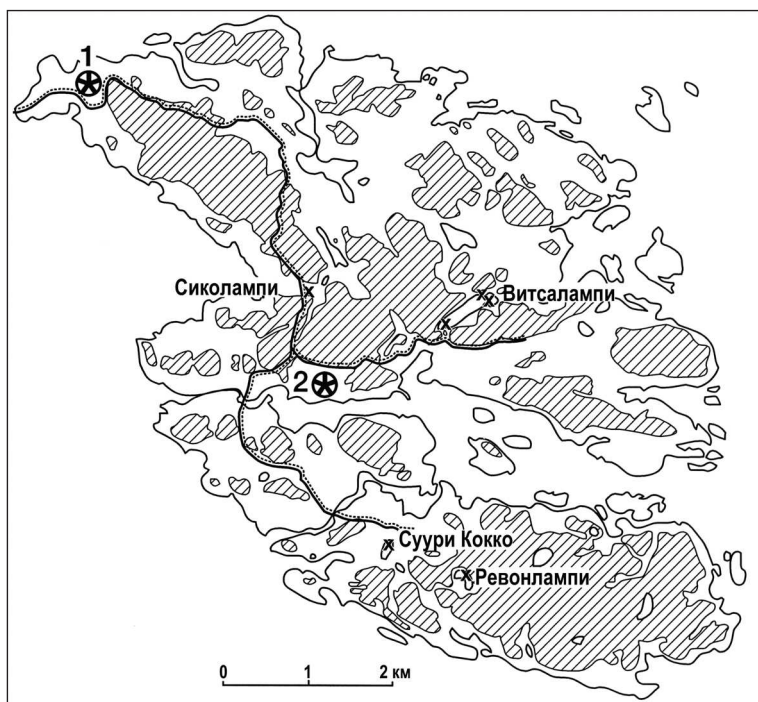

Рис. 80. Остров Кильпола

1 — Место находки монеты XI в. с острова Кильпола, 2 — Кильпола, могильник Ханнукайнен. Крестиками обозначены места взятия образцов донных отложений. Штриховка обозначает территорию острова до рождения Невы

началась раньше. На данный момент можем лишь утверждать, что первые свидетельства земледелия относятся к младшему римскому железному веку (200–400 л. н. э.). После этого следы земледельческой деятельности в образцах донных отложений озера неоднородны. Вызывает большое удивление, что в диаграмме прослеживаются лишь слабые следы земледелия в конце железного века, несмотря на то, что археологические находки свидетельствуют о присутствии и развитии населения на острове начиная с XI в. (Taavitsainen, Ikonen, Saksa 1994: 29–40).

Результат можно трактовать таким образом, что эти незначительные следы земледельческой деятельности являются результатом освоения небольших участков леса для подсеки, в то время как интенсивное земледелие и другая хозяйственная деятельность сосредоточились на ограниченной территории вокруг существующих деревень. Примечательное противоречие наблюдается также между индикаторами занятий земледелием в раннее римское время и полным отсутствием археологического материала данного времени. Отсутствие археологических свидетельств может объясняться слабой изученностью территории, или также тем, в римский железный век в этой части Карелии еще не было развитой культуры металла. В этом

смысле результаты споро-пыльцевых анализов из озера Суури Кокколампи сопоставимы с результатами исследований во Внутренней Финляндии, где также фиксируются прерывистые и незначительные следы занятий земледелием в железном веке и даже в эпоху бронзы, то есть во время, которое практически не представлено археологическими находками, либо эти свидетельства чрезвычайно скудны (Simola, Grönlund, Uimonen-Simola 1988: 28–32; Poutiainen, Grönlund, Koponen 1995: 153–159; Grönlund 1995: 22–35; Saksa 1998: 128–129).

Археологические находки материковой части прихода Хиитолы

В 1884 г. Т. Швиндт при посещении дер. Ханнола (Липола), расположенной напротив о-ва Кильпола, на поле рядом с поросшим соснами холмом раскопал захоронение с западной ориентировкой в гробу с ножом (1/1884) (2298:173). На следующий год им были исследованы три безинвентарные могилы, ориентированные головой на запад-юго-запад (2/1885, 3/1885) и юго-юго-запад (4/1885). Над могилами зафиксированы прослойки черной земли с включениями углей и обгоревшими камнями и кусками глины. Глубина могил — 0,75 м от поверхности земли и 0,27 м от тонкого слоя черной земли, выше которого опять был перемешанный с гумусом слой песка с камнями (Schwindt 1893: 102–103; Kuujo 1958b: 27; Кочкуркина 1981: 104, № 118; Uino 1997: 220; Saksa 1998: 129).

На прибрежном поле Таттари в соседней с предыдущей дер. Хуйскунниemi в основании каменистого холма в 1880-е гг. были найдены две овально-выпуклые фибулы типа C2/1a (2298: 185, 186), а на поле Кокко — медный перстень с изображением на печатке воина со щитом и копьем (2298: 187) (Schwindt 1893: 106; Kuujo 1958b: 28–29; Кочкуркина 1981: 115, № 175; Uino 1997, 221; Saksa 1998, 129).

В дер. Кавосалми Т. Швиндт в 1885 г. исследовал холм Калмистокумпу, где раскопал костяк, ориентированный по линии запад-восток. Ранее на холме находили многочисленные кости. На соседнем поле была найдена овально-выпуклая фибула типа F3 (Schwindt 1893: 106; Ailio 1922: 35, 78; Кочкуркина 1981: 104, № 120; Uino 1997: 221; Saksa 1998: 129).

В дер. Нехвола найдена поврежденная огнем крупная пастовая глазчатая бусина конца эпохи викингов или начала эпохи крестовых походов (2520: 42) и узкий медный перстень более позднего времени (2520: 43). На холме Пихлямяки, где находили много человеческих костей, по Т. Швиндту, в древние времена был большой могильник, на котором умерших хоронили в колодах из толстых деревьев. На могильнике найден маленький оселок с отверстием на одном конце (2486: 1) (Schwindt 1893: 106–107; Кочкуркина 1981: 104, № 121; Uino 1987: 221; Saksa 1998: 130).

В дер. Мустола рядом с холмом Паямяки Т. Швиндт летом 1885 г. раскапывал могильник, где погребенные были захоронены в гробах из толстых досок головой на юго-запад. Раскопки проводились и в других местах дерев-

ни, в которых были находки костей и различных вещей. На холме Аркимяки найден обрывок бронзовой цепи (2520: 44), и у дома Пакаринена — бронзовая пластина с отверстиями (2520: 46).

В дер. Петкола на поле Рускианриута находили древние вещи, из которых лишь один спиралеконечный цепедержатель типа I: 1b (1922: 434) попал в Национальный музей. В этой же деревне у шоссе находится холм под названием Калмисто (могильник), на вершине которого стоит дом, на полях которого находили «старые медяшки» (цепедержатель и крестик). Летом 1885 г. Швиндт раскопал на холме костяк, ориентированный на северо-северо-запад (Schwindt 1893: 107). При посещении мною спустя ровно 100 лет в 1985 г. деревни, от которой остался упоминаемый Швиндтом дом, местные жители не могли вспомнить ничего примечательного, помимо того, что в огороде несколько лет назад была найдена монета, ныне утраченная. По описанию, она была небольшая и белого цвета с изображением креста на одной стороне и мужчины с другой — речь идет о западноевропейской монете XI в.

Также и в дер. Тенхола на земле Кокко имеется холм Рантакумпу, известный как могильник, на котором во многих местах при распашке находили кости и «русские кресты». На поверхности холма прослеживаются на поверхности четырехугольные каменные обкладки с неглубокими углублениями внутри. Их приблизительные размеры — 2 м в длину (по линии запад-восток) и 0,6 м в ширину. В 1885 г. Швиндт раскопал на холме несколько костяков, в том числе одно погребение внутри каменной обкладки. Весь холм был перекопан грабителями могил. Из вещей был найден лишь один оселок (2486: 2) (Schwindt 1893: 107–108).

Случайные находки были сделаны в дер. Вейяла (серебряная витая шейная гривна, два наконечника копий (5349: 4, 5), Коккола на прибрежном поле (две копоушки типа I: 2 (3247: 11, 12) и в неизвестном месте — узкий наконечник копья. На мысу Калмистониemi в дер. Кюлялахти (№ 31) в 1928 и 1932 гг. найдены бронзовый крестообразный цепедержатель (8887), овально-выпуклая фибула типа C2/2 (9533: 1) и наконечник копья (9533: 2). Еще один наконечник копья и рукоять ножа (?) оказались утраченными. На берегу залива Пеконлахти в этой же деревне найдены наконечник стрелы со срезанным острием (9533: 3) и двушипный гарпуновидный дротик (9533: 4) (Киуцjo 1958b: 28). На северном берегу оз. Вейяла на мысу Коукунниemi Н. Клеве в 1928 г. зафиксировал 77 каменных насыпей диаметром 2–8 м и высотой около 1 м. Половина одной насыпи (3×4 м, высота 0,5 м) была им раскопана, и при этом следов погребения не найдено. Н. Клеве сравнивал их с западно-финскими каменными грудями типа «хииденкиуас». Часть насыпей, по его мнению, могла быть полевыми кучами (Uino 1997: 223).

В районе Хиитола известны несколько высоких скальных холмов с топонимом «Линнавуори» (городище). Один холм возвышается в дер. Асила в устье р. Хиитоланйоки на ее южном берегу, второй «примерно в 1 версте от дома Йеркунена» и третий — в самом поселке недалеко от вокзала Хиитола (Appelgren 1891: 121–122). Проведенный нами во второй половине 1980-х гг.

осмотр упомянутых «городищ» не дал положительных результатов. Не было обнаружено валов или их остатков, культурного слоя, каменных куч или других следов древней человеческой деятельности. На площадке городища Райваттала в пос. Хиитола Аппельгрэн летом 1889 г. зафиксировал по крайней мере пять куч из небольших камней диаметром 1–1,2 м и высотой 0,1–0,2 м. Кучи были покрыты дерном, и в земле встречались угли. Исследователь принял их за очаги языческого времени (Appelgren 1891: 122). В 1980-е гг. каменные кучи уже не наблюдались.

Примыкающая к Карельскому перешейку с севера часть Северо-Западного Приладожья (Приладожской Карелии), административно подчиненная Республике Карелия и включающая в себя земли бывшего прихода Хиитола, при значительном количестве находок вещей рассматриваемого времени все же отличается по характеру памятников и материальной культуре от Карельского перешейка. На этой территории практически неизвестны карельские грунтовые могильники XII–XIV вв. Редки находки предшествующей эпохи викингов при полном отсутствии погребальных комплексов или культурных слоев этого времени на городищах. Большая часть обнаруженных могильников и могил относится уже ко времени развитого и позднего Средневековья, фиксируя значительно возросшее к этому времени количество населения. Могильники с захоронениями по христианскому обряду и находками «русских крестов», относящиеся ко времени до шведской оккупации начала XVII в., последующего ухода православных карел в Тверскую Карелию и переселения на их место из Финляндии лютеранского населения, известны на рассматриваемой территории в следующих пунктах: на **острове Кильпола** в ныне несуществующих деревнях Кильпола на полях Пааво и Эско Ханнукайненых, холмах Саволайсенмяки и Кайвомяки, **Хаапалахти** на холмах Латсимяки, Хасситарха, Оменамяки и Калмистокумппу (поле Таннинена), **Тоунаа** на холме Калмистомяки, а также на побережье Ладожского озера в деревнях (большая часть которых ныне не существует), **Липола** на поле Калмистопелто, **Кавосалми** на холме Калмистокумппу, **Нехвола** на холме Пихлаянмяки, **Тенхола** на холме Рантакумппу (или Сяссюнякумппу (горка с часовней)), **Кюлялахти** на горке Калмистомяки, **Мустола** на участке Петкола, **Пяйяла** на холме Калмистомяки и **Копсала** на поле Пупутти. На некоторых из этих могильных горок находили вещи эпохи крестовых походов, а именно в деревнях Кильпола, Хаапалахти, Тоунаа, Хуйсконниemi, Кавосалми, Коккола (Вейяла), Кюлялахти (рис. 13, 24–31).

Следует также отметить, что для находок типичных карельских украшений эпохи крестовых походов на этой территории характерно отсутствие многих своего рода неперенных металлических элементов традиционного женского карельского костюма XII–XIV вв., таких как серебряные головные украшения сюкерё, шейные ленты, нагрудные броши-медальоны, подковообразные плоские фибулы и фибулы с выпуклой дугой, ножи с бронзовыми рукоятями и ножны с бронзовыми накладками, пронизки и украшенные бронзовыми спиральками передники. Отсутствуют также орудия труда и

топоры карельского типа, характерные для могильников Карельского пере- шейка. Собственно карельские украшения на этой территории представлены лишь находками овально-выпуклых фибул с ракообразным, зооморфным и ленточным орнаментом (типов Н, С и F), копоушек (о-в Кильпола) и цепе- держателей, спиралеконечных и крестообразных. Неизвестны также захоро- нения в срубных деревянных рамах и камерах, как и нет сведений о коллек- тивных могилах. Выделяется лишь остров Кильпола, материалы памятников которого более близки материалам Карельского перешейка (рис. 13, 24; 34).

Куркиёки

В районе пос. Куркиёки по берегам многочисленных, характерных для этой части Северо-Западного Приладожья, глубоко врезающихся в побережье за- ливов выявлено значительное количество археологических памятников раз- личных эпох, собрана большая коллекция случайных находок (Кочкуркина 1981: 18–19, 24, 28–29, 66–72, 105, 115; Uino 1997: 243–258; Saksa 1998: 131– 150) (рис. 13, 32–39). Из памятников эпохи крестовых походов и эпохи ран- него Средневековья наиболее известными следует назвать могильник Кал-

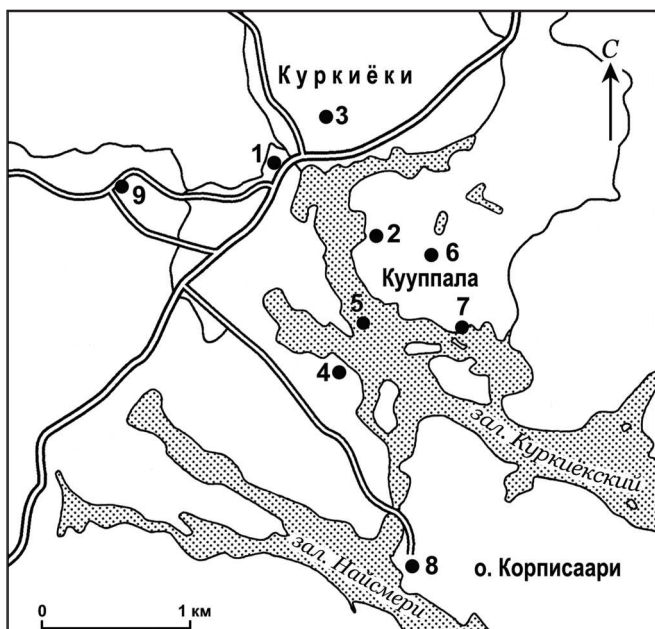

Рис. 82. Археологические памятники района пос. Куркиёки

1 — городище и могильник Лопотти, 2 — могильник и поселения на холме Калмистомяки в Кууппала, 3 — могила на холме Сяккимяки, 4 — городище Хямеенлинна, 5 — о-в Виллапекко (находка топоров), дер. Кууппала, предполагаемое место находки клада монет, 7 — городище Ямяки, 8 — городище Корписаари, 9 — могильник Куусиккомьяки в Рахола

мистомяки (Кууппала), городища (линнамяки) Лопотти и Хямеенлинна и целый ряд других находок. Также и в соседних с пос. Куркиёки населенных пунктах сделан целый ряд находок вещей XII–XIV вв.

Могильник Калмистомяки (Кууппала)

Раскопки 1927–1928 и 1937–1938 гг.

Могильник стал известен в 1927 г., когда торговец книгами Ю. Кауппи из Куркиёк сообщил, что на принадлежащем Ивану Рьяккеляйнену холме Калмистомяки найдены «три копьё, меч и топор» (рис. 13, 32; 81, 2). Из них два наконечника копий (тип G) и топор попали в Национальный музей Финляндии (8800: 1–3); о дальнейшей судьбе меча ничего не известно.

На холме Калмистомяки в ныне несуществующей деревне Кууппала раскопки проводились в три этапа: в 1927–28 гг. (Н. Клеве), 1937–38 гг. (Й. Войонмаа) и в 1985–87 гг. и в 1995 г. (А. Сакса) (рис. 82). В раскопках 1987 г. принимал участие В.Я. Шумкин, а в 1995 г. — В.И. Тимофеев, поскольку в эти годы исследовались также поселения эпохи раннего металла и неолита, профильные для обоих исследователей. Исследованиями было установлено, что на этом месте находятся поселения эпохи неолита и раннего металла, а также могильник позднего железного века и эпохи Средневековья и, возможно, средневековое поселение (Saksa 1998: 131). Захоронения на могильнике производились и со сменой обряда с языческого на христианский.

Калмистомяки (Могильный холм) называется выступающий к югу склон возвышенности древнего коренного берега Ладожского озера на противоположном от поселка Куркиёки берегу Куркиёкского залива (финск. Лайккаланлахти) в примерно 200 м от современной береговой черты и 1,4 км от поселка к юго-востоку (рис. 82, 2). С северной стороны от местонахождения памятников произрастает сосновый лес, а с южной стороны находится низменность между прибрежными холмами, по которой протекает в залив небольшой ручей. Все находки сделаны на южном, обращенном к низменности склоне холма. Могильник находится в той же средней части склона, что и поселение каменного века. Часть могил, особенно наиболее ранние, относящиеся к могильнику с трупосожжениями на древней дневной поверхности (полттокенттякалмисто) XI — началу XII вв., оказалась разрушенной в процессе многовековой человеческой деятельности на этом участке.

Во время всех раскопочных сезонов на Калмистомяки находили могилы, кости и (в значительном количестве) отдельные вещи. В 1927 г. в заложенном на месте находок черепов раскопе площадью 15 кв. м обнаружили сохранившуюся нижнюю часть скелета, ориентированного по линии запад-восток. Из найденных на могильнике вещей к железному веку относились крестовидная бронзовая пластина (8784: 68), обломок косы и удила (8784: 105, 106), обрывок железной цепочки (8784: 66), фрагмент орнаментированного костяного гребня (8784: 62) и многочисленные фрагменты керамики.

В 1928 г. на склоне холма заложили раскоп длиной 40 м, шириной 1–3 м и общей площадью около 91 кв. м, в котором было расчищено уже десять грунтовых могил, из которых лишь в погребении 7 были найдены две бронзовые поясные накладки (8885: 52, 53) и в западной части могилы — 6 бронзовых спиралек. Все погребенные были захоронены головой на запад, лишь могила 7 ориентирована по линии северо-запад–юго-восток. К сожалению, точная привязка раскопа к местности затруднительна по имеющейся полевой документации. К отдельно найденным вещам в раскопе относятся две заклепки (8885: 48, 54), удила (8885: 49), железное кольцо (8885: 50), железный гвоздь (8885: 51), железное изделие в форме кресала (8885: 55), шейный бронзовый колокольчик коровы (8885: 56), обломок бронзовой подковообразной фибулы (8885: 57), два обломка бронзовой пластины (8885: 58, 59), наконечник копья типа М (8885: 60), фрагмент орнаментированного костяного предмета (8885: 61), 79 фрагментов керамики эпохи викингов, эпохи крестовых походов и Средневековья, а также остатки ткани, дерева и бересты из могилы 6, шлаки, обгоревшая глина, кальцинированные и несожженные кости, угли. После раскопок на их месте нашли еще удила (8892).

Раскопки на Калмистомяки были продолжены в 1937 г., поскольку на склоне в его нижней части нашли клинок меча с клеймом SPBWPNS/SNEWENTS, фрагмент наконечника копья (типа М?), удила (10372: 1–3) и несколько позднее — наконечник копья (10721). Были разбиты четыре раскопа (I–IV). Материал каменного века и эпохи раннего металла встречался в раскопах I, II и IV, в то время как керамика и отдельные вещи позднего железного века и раннего Средневековья — на всей раскопанной площади. В раскоп I попали две могилы, выделяющиеся на уровне материка коричневыми и желтыми пятнами. Ниже расположенная могила была выкопана в глине. Почти в каждом квадрате встречались кальцинированные кости, куски обгоревшей глины, шлак и побывавшие в огне вещи. К эпохе крестовых походов относятся найденные в полевой земле бронзовый цепедержатель, половинка овально-выпуклой фибулы типа Н (10670: 145), железная кольцевая фибула, подковообразная фибула типа 17 по Сальмо (10670: 187), бронзовая рукоять ножа редкой ажурной формы (10670: 141). К другим находкам относятся железные гвозди, куски костей, керамика, шлаки. Непосредственно у поверхности земли нашли серебряную фибулу. На следующий, 1938 г. доисследовали раскоп II, и при этом была найдена грунтовая могила без сопровождающих вещей и собран ряд вещей из разрушенных могил: топор, тигель для выплавки бронзы и фрагмент второго, подковообразная фибула, железные гвозди, керамика, кости. Войонмаа расчистил на склоне также треугольную по форме каменную вымостку со сторонами 10 м, на которой были найдены упомянутые выше тигель и фрагмент второго (10872: 104; 10670: 67). Й. Леппяхо был склонен принимать вымостку за остатки кузницы эпохи крестовых походов (Leppäho 1949: 49). Позднее на Калмистомяки был найден наконечник копья типа К (Kuujo 1958b: 29–30; Saarnisto, Siiriäinen 1970: 16; Saksa 1994: 32; Кочкуркина 1981: 19, № 13; 66, № 89; 105, № 126; Саарнисто, Сакса, Таавитсайнен 1994: 75–77; Uino 1997: 245–247).

Раскопки 1985–1987 гг.

Могильник был нами заново открыт летом 1985 г. с помощью полученных от Музейного ведомства Финляндии карт и материалов отчетов о раскопках 1920-х и 1930-гг. В ходе разведочной шурфовки на южном склоне холма Калмистомяки были выявлены остатки поселения каменного века и могильника позднего железного века и эпохи Средневековья (рис. 86). В большей части из 18 шурфов (1×1 м) встречены фрагменты неолитической и средневековой керамики, сланцевые и кварцевые отщепы. На самой вершине холма находится задернованная каменная насыпь, напоминающая так называемые лопарские груды (лапинраунио) внутренних озерных областей Финляндии. Диаметр насыпи составляет 8 м, высота 0,8 м. Она окружена неглубоким ровиком с двумя перемычками с западной и южной стороны. В центре насыпи наблюдается небольшое углубление. Первые могилы на могильнике встречены в шурфе 12, заложенном в непосредственной близости от раскопа II 1937 г. Шурф был расширен до размеров 4×4 м. Уже в слое гумуса собраны обломки керамики эпохи неолита и, в меньшем количестве, железного века. На уровне материка расчищен неолитический очаг и три детские могилы длиной 90, 95 и 110 см и шириной соответственно 40, 50 и 55 см при глубине 30 см. Кости в могилах не сохранились, в них найдены были лишь короткие железные гвозди (по 2, 1 и 1 экз). Ориентированы могилы были по линии северо-запад–юго-восток (могилы 1 и 2) и северо-восток–юго-запад (могила 3). На уровне материка, на котором могилы выделялись пятнами темной земли, на месте могил 1 и 2 по продольным сторонам замечены выделяющиеся небольшим выступом «ушки». В земле над могилами нашли три куска железного шлака и пять фрагментов средневековой керамики.

Для раскопа 1986 г. выбрали узкий участок в нижней части склона, северная граница которого проходила в 55 м к югу-юго-востоку от фундамента дома Рьяккёляйнена. В задачу раскопок входила также привязка к раскопам финских археологов 1920–1930-х гг. Раскоп был ориентирован по линии север-юг. Его длина составляла (включая два квадрата раскопа 1985 г.) 20 м, ширина 4–6 м при общей площади 88 кв. м (рис. 83). В слое гумуса собраны обломки неолитической ямочно-ребенчатой керамики и круговой керамики позднего железного века и раннего Средневековья, наконечники стрел из кремня и сланца, обломки кварца и фрагменты бронзовых пластин. У самой дневной поверхности встречены куски дерева, кальцинированные кости, камни и вымостки из камней. Исходя из того, что среди камней встречены уголь и кальцинированные кости, обломки бронзовых изделий и две поясные накладки эпохи викингов (такие же, как и ранее найденная под инвентарным номером 8885: 53), на этом месте в XI в. находился могильник с трупосожжениями на древней дневной поверхности (полттокенттякалмисто).

В раскопе расчищено семь достоверных грунтовых могил и несколько указывающих на возможные могилы углублений в материке. Все могилы были ориентированы по линии, близкой к направлению запад-восток. В могиле 1 (кв. 1, 2) сохранились остатки черепа и костяка. У правого колена погребен-

ного найден нож, а на уровне пояса с левой стороны — овальное кресало. Остатки костяка зафиксированы и в могиле 2, а в могилах 5 и 6 найдены остатки гроба. На уровне материка в кв. 12 найдены удила и изящное сланцевое тесло в кв. 17. На большей площади раскопа материк представлен чистым песком. Граница между песком и твердой светлой глиной проходила по границе квадратов 14 и 16 и поднималась к северо-востоку через квадраты 17 и 19 на высоте 19,50 м от уровня моря. Песок занимал нижнюю, южную часть раскопа и всего склона.

С южной стороны раскопа сделали разведочную прирезку площадью 16 кв. м с целью выявить новые инвентарные могилы рядом с могилкой 1. Высотная отметка разведочного раскопа в его верхнем, северо-западном углу составляла 18 м над у. м. Верхний, представленный гумусированным песком слой в раскопе имел мощность около полуметра, ниже которого залегал слой чистого влажного песка толщиной 0,5 м, под которым расчищен слой серого песка, в котором выявлено три скопления асбестовой керамики и угольное пятно. Радиоуглеродная дата угля из слоя (2920 ± 380 ВР, Ле-4145) относит выявленное поселение к эпохе раннего металла или, по общей периодизации, к началу эпохи бронзы (Сакса 1989: 94; Сакса, Тимофеев 1996: 52–53; Saksala 1998: 135). Могилы в раскопе не были обнаружены, также как и другие находки железного века или Средневековья.

Раскопки 1987 г. проводились на том же южном склоне холма Калмистомяки. Были продолжены исследования остатков древнего могильника и поселения каменного века, перекрытого могильником, а также открытого в предыдущий сезон поселения эпохи раннего металла. Для этого к основному раскопу 1986 г. с его восточной и западной стороны прирезали два раскопа площадью 32 кв. м каждый. Третий раскоп открыли с южной стороны разве-

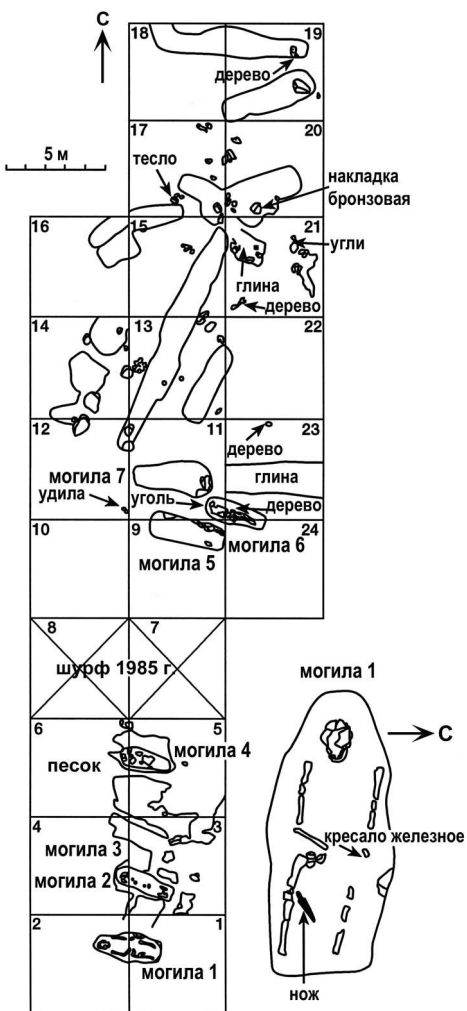

Рис. 83. Могильник на холме Калмистомяки в Кууппала, Куркиёки. План раскопа 1986 г.

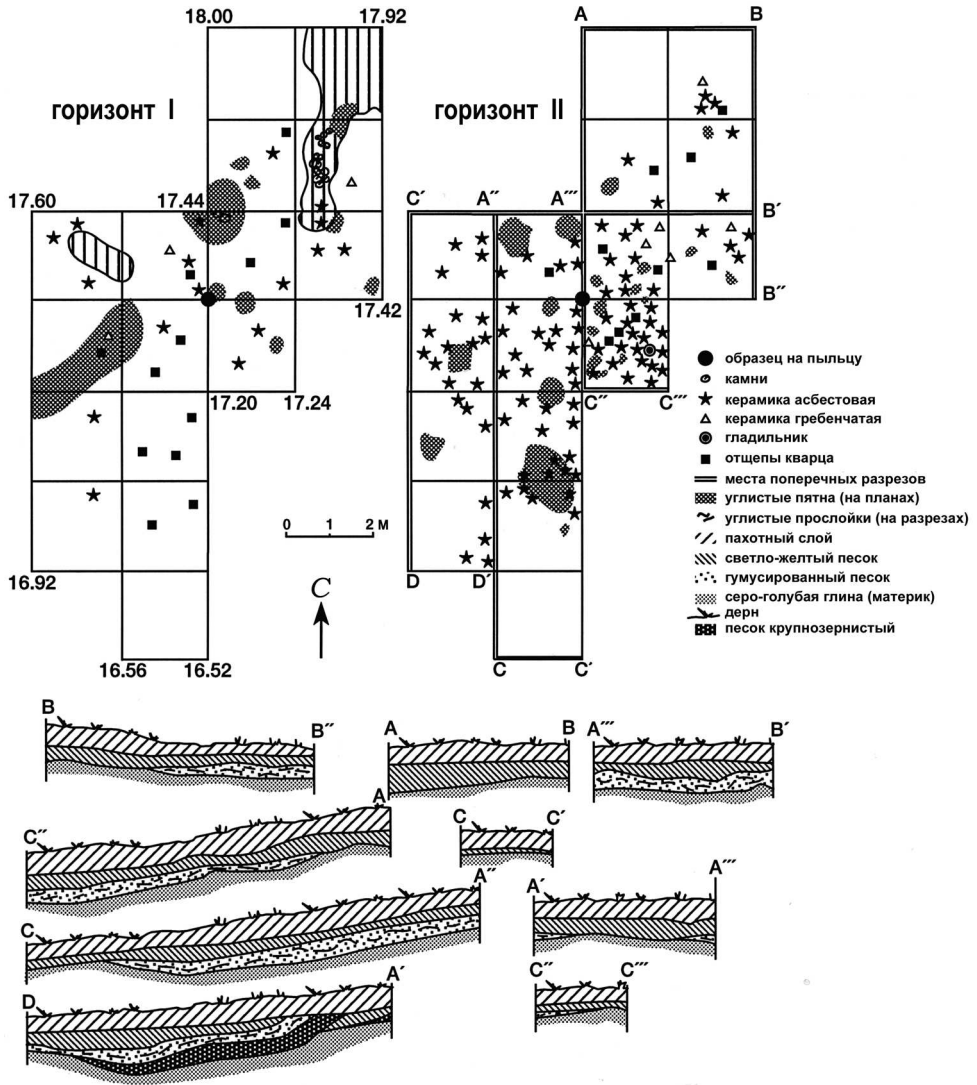

Рис. 84. Холм Калмистомяки в Куоппала. Поселение эпохи раннего металла. Раскопки 1987 г.
План I и II горизонтов

дочного раскопа 1996 г. на месте поселения эпохи раннего металла (рис. 84). Площадь последнего составляла 64 кв. м. В двух расположенных выше по склону раскопах отчетливых следов могил не обнаружено; вещи были найдены в полевой земле, как и при довоенных раскопках финских археологов. В западном раскопе найдены топор типа С по Петерсену, две целые равноплечные фибулы группы 7 по Э. Кивикоски и оплавленный в огне фрагмент третьей подобной (рис. 84, 1–2, 6). Из восточного раскопа происходят трехчастный бронзовый разделитель ремня с двумя бронзовыми привесками —

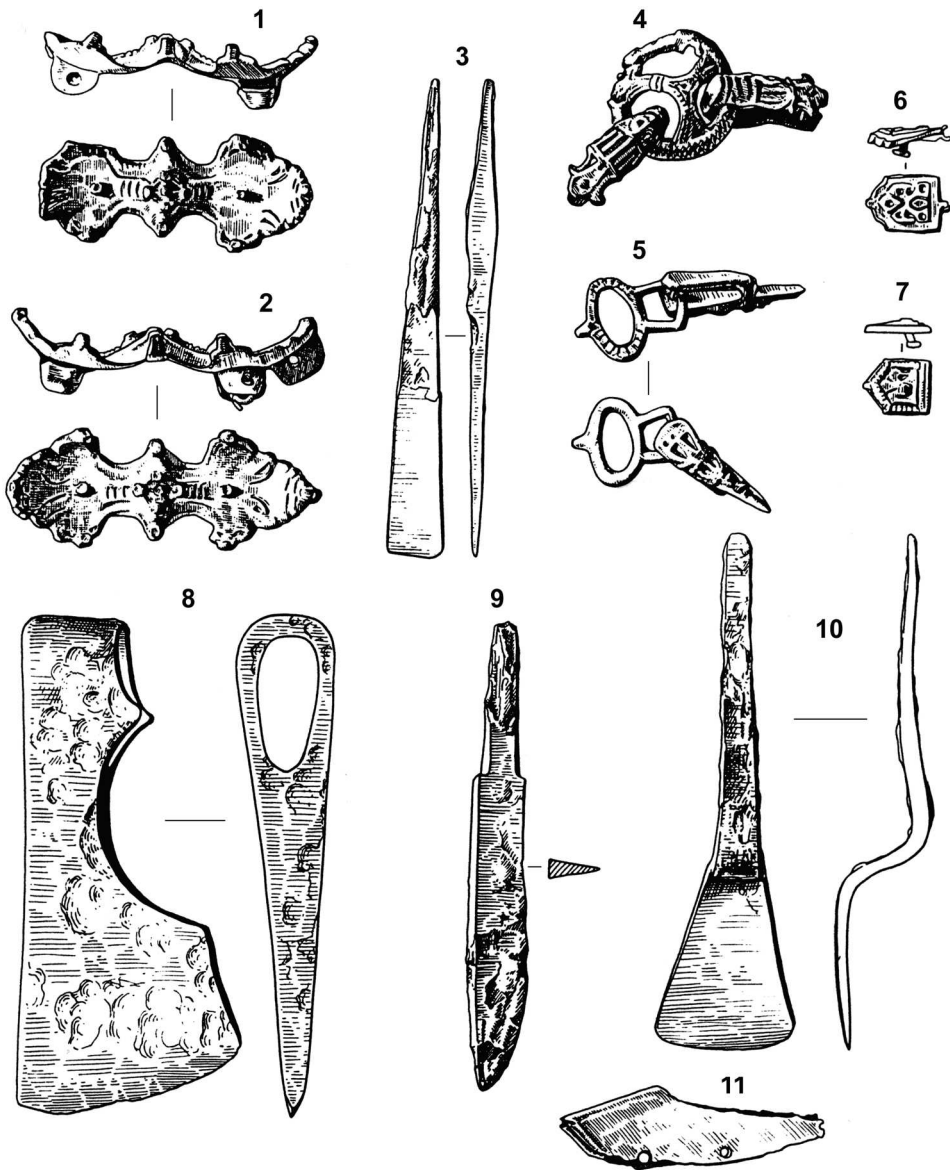

Рис. 85 (1–11). Вещи из раскопок 1987 г. на холме Калмистомяки в Куоппала
 1, 2 — фибулы равноплечные, 3 — наконечник стрелы, 4 — разделитель ремня,
 5 — пряжка поясная, 6, 7 — накладки поясные, 8 — топор, 9 — нож,
 10 — инструмент с изогнутой ручкой, 11 — наконечник ножен ножа бронзовый

ременными наконечниками с дегенерированным зооморфным орнаментом, лировидная бронзовая поясная пряжка, пострадавшие в огне копоушка и овально-выпуклая фибула (типа Н ?), бронзовый наконечник ножен ножа, два черешковых наконечника стрел-срезней и характерное для карельских

могил (могильник Ховинсаари: 2592: 46, 117, 186) доловидное изделие с изогнутой ручкой (рис. 85, 3–7, 9–11). Находки датируются XI–XIV вв. Материк на этом месте представлен серым суглинком.

В раскопе 3 на глубине около метра под толстым слоем песка выявлен культурный слой из смешанного с гумусом и углями песка мощностью 40–50 см, в котором найдено несколько фрагментов дегенерированной ямочно-гребенчатой керамики, кварцевые отщепы, уголь и значительное количество крупных фрагментов асбестовой керамики. Находки располагались в полосе шириной около 10 м и проходящей по линии юго-запад–северо-восток, что, вероятно, соответствует береговой черте древнего водоема. Поверхность северного края культурного слоя проходит на высотной отметке 17,30 м над у. м., а южного — на отметке 16,50 м над у. м. (рис. 84).

Раскопки 1995 г.

Более масштабные раскопки проведены на Калмистомяки в 1995 г. Были разбиты три раскопа: I и II — каждый по 72 кв. м и раскоп III площадью 80 кв. м (рис. 88). На раскопах I и II продолжили исследование известных по предыдущим раскопкам поселения эпохи неолита и могильника позднего железного века и раннего Средневековья. Раскоп III был разбит в нижней части склона холма для продолжения исследования открытого в 1986–87 гг. поселения эпохи раннего металла. Этот последний раскоп открыли в шести метрах к востоку от границы разведочного раскопа 1987 г. на поселении эпохи раннего металла, но на той же высоте и в той же предполагаемой прибрежной зоне. Мы рассмотрим в первую очередь материал соседних объединенных раскопов I и III и, прежде всего, находки позднего железного века и раннего Средневековья.

Материал раскопа I (23,61 м и 21,56 м над уровнем моря) представлен главным образом находками каменного века. К предметам позднего железного века относятся наконечник ножен меча известного в Балтийском регионе в XII в. типа, трехчастный разделитель ремня с сохранившимися возникшими при отливке заусеницами, лировидное кресало, накладка ремня в форме рыбы (аналогичная найдена при довоенных раскопках), заклепка, два двушипных наконечника стрел, два ножа, пряслице из розового шифера, три бусины из горного хрусталя и копоушка типа I: 2 (рис. 87). Вещи относятся ко второй половине эпохи викингов и эпохе крестовых походов.

Раскоп III (21,56 м и 18,78 м над у. м.) располагался между раскопом I и раскопом 1987 г., являясь продолжением раскопа I с южной стороны. В нем было мало материала каменного века, но он попал непосредственно на могильник; в нем было выявлено 18 погребений, большей частью ориентированных по линии запад-восток или юго-запад–северо-восток (рис. 87). Лишь две могилы были инвентарными (№ 6 и 8), в остальных сохранились отдельные фрагменты костей или зубы либо они были совершенно пусты. Глубина могил была небольшой, около 20 см от уровня материка. В могиле 8 у ее восточного края в ногах погребенного, кости которого не сохранились, нашли

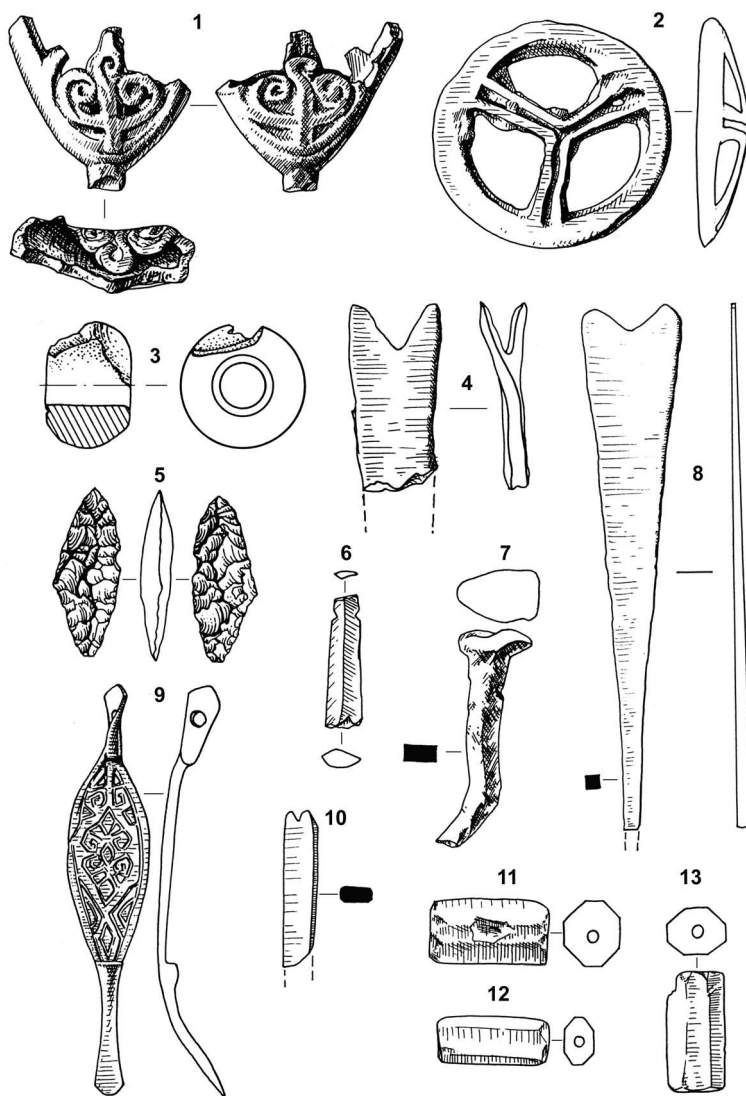

Рис. 87 (1–13). Могильник Калмистомяки в Кууппала. Вещи из раскопок 1995 г.
 1 — наконечник ножен меча, 2 — разделитель ремня, 3 — пряслице, 4, 8 — наконечники стрел,
 5 — наконечник стрелы кремневый неолитический, 6, 10 — грузила от удочек сланцевые
 неолитические, 7 — гвоздь железный, 9 — копоушка бронзовая, 11–13 — бусы сердоликовые

мотыгу, удила и фрагмент серпа (рис. 89, 1–3). Это, можно сказать, хорошо подходящая и продуманная комбинация вещей для могилы земледельца. По сохранившимся остаткам дерева в могиле она датирована XV в. (480±70 ВР, Su-2654). Следует в этой связи упомянуть, что на другом берегу залива в Куркиёках — центре Кирьяжского погоста уже существовала православная церковь. В центральной части второй инвентарной могилы (№ 6) найдена

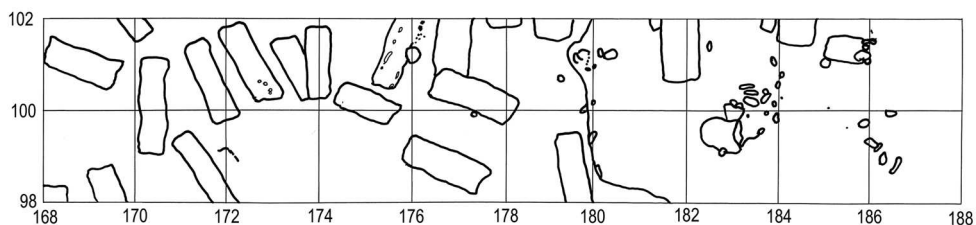

Рис. 88. Могильник Калмистомяки в Кууппала. Раскоп III 1995 г. Могилы

бронзовая литая рукоять ножа редкого типа (рис. 88, 4) и под ней два наколенника стрел и прямоугольная железная поясная пряжка.

В южной, нижней части раскопа, где часть могил располагалась по линии юг-север, расчищено неравномерное кольцо из камней, частью которого был камень со следами с вогнутой плоской поверхностью. Камень имел форму неровного квадрата с размерами 40×35 см при толщине 8–11 см. Вес его составлял около 15 кг. Материал — обычный серый гранит. Внешняя поверхность камня была слегка вогнута, формируя хорошую поверхность для растирания злаков. Вторая из наиболее коротких граней камня была преднамеренно округлена. Камень, несомненно, был отобран в соответствии с требованиями, предъявляемыми к основанию зернотерки. Выше по склону был найден более мелкий камень из такого же гранита полусферической формы с гладкой поверхностью размерами 11×7 см. Отчетливых следов трения или износа на камнях не наблюдалось; лишь их форма и закругленный край указывают на возможное применение их в качестве зернотерок. На севере Европы подобные камни для растирания зерен часто встречаются на поселениях железного века. В ряде случаев они встречены и в погребениях. находка из Куркиёк представляет раннюю форму, на место которой в раннем Средневековье, вероятно, начиная с XIII в., пришли ручные жернова.

В раскопе II под слоем дерна и гумуса мощностью 20–25 см непосредственно над культурным слоем поселения каменного века прослежен темный гумусированный слой с примесью углей и золы мощностью 20–25 см. Это «жирный» темный культурный слой продолжается за пределами слоя неолитического поселения, где на уровне материка (глина) расчищен очаг, радиоуглеродная дата которого 770 ± 40 ВР (поверхность) и 840 ± 40 ВР (низ) (SU-2652, -2653). Поэтому, несмотря на полное отсутствие находок, слой этот можно отнести к поселению позднего железного века (Saksa 1998: 131–139).

Другие памятники и находки в деревне Кууппала

В Кууппала еще в 1866 г. на берегу залива Хямеенлахти был найден клад серебряных монет, в котором, как утверждали, было много сотен монет (рис. 81, 6). Большая часть монет была продана некоему русскому, и лишь незначительная часть попала в нумизматический кабинет Хельсинкского

университета. Позднее монеты клада находились в различных частных коллекциях. В конце концов в университетской коллекции оказалось 43 монеты, из которых 30 были немецкими, 9 — англосаксонскими, 1 — ирландской, 2 — датскими и 1 — куфической. Считается также почти достоверным, что подаренные позднее магистром М. Салениусом Выборгскому музею 23 монеты эпохи викингов, из которых 13 были немецкими, 9 — англосаксонскими и 1 — венгерской, происходят из того же клада. В настоящий момент из известных монет клада наиболее младшей считается монета Эдуарда Исповедника начала 1050-х гг. (Talvio 1980: 12–13).

Примерно в 1,5 км к востоку от рассмотренного нами могильника Калмистомяки (Ряккёляйнен) находится посреди полей вторая возвышенность под названием Калмистомяки, на склоне которой находили при рытье погребов человеческие кости, куски ткани и как будто бы какие-то металлические изделия. Раскопки на холме не проводились.

Примерно в 1,4 км к юго-востоку от нашей исходной точки на северном берегу залива Кюрёсалми возвышается высокая скалистая гряда под названием Ямяки, длина которой в направлении северо-запад–юго-восток составляет около 400 м (№ 33) (рис. 13, 33; 81, 7). Максимальная высота горы от поверхности воды в Ладоге 50 м, ширина площадки составляет 40–100 м. Согласно Х. Аппельгрёну, «склоны горы крутые, местами отвесные, за исключением устьев некоторых ущелий, где имеются более пологие каменистые поверхности» (Appelgren 1981: 143–145). Поперек этих ложбин поставлены каменные валы, сохранившиеся в том же виде, что и 100 лет назад, когда их зафиксировал Х. Аппельгрён. Городище не имеет единой площадки, поверхность его в целом неровная. Проведенные в 1985 г. с использованием армейского миноискателя разведочные работы на городище показали отсутствие каких-либо металлических находок эпохи железного века и Средневековья, так же, как и отсутствие культурного слоя. По-видимому, возвышенность служила для населения всей территории городищем-убежищем.

На острове Васиккасаари напротив городища Ямяки найден топор типа М по Петерсену (8753: 1) (Uino 1987: 245, 256; Saksa 1988: 139–140).

Городище Хямеенлахти

Раскопки 1888–89 гг. и 1986–87 гг.

Городище Хямеенлахти (Хямеенлахден линनावуори) расположено на противоположном от городища Ямяки берегу Куркиёкского залива (Лайккалахти) в месте его слияния с заливом Хямеенлахти на южном берегу устья последнего (№ 34) (рис. 13, 34; 81, 4; 91; 90). «На востоке оно ограничено водой, с запада низкими полями, на юго-западе долиной. Городище представляет собой почти лысую гору, лишь в ложбинах растет частая ольха. Оно делится на две части. Находящееся с западной стороны возвышение поднимается на высоту 45 м над Ладогой и его можно назвать основной частью городища: это самая высокая часть длиной 100 м по линии север-юг и 70 м по линии запад-

восток с относительно ровными сторонами. ее склоны отвесны с северо-восточной и юго-западной сторон; с юга на вершину ведет длинная и пологая лощина между двумя скальными выступами длиной около 30 м. Восточная, обращенная к заливу сторона ниже площадки городища; она представляет собой террасу шириной около 100 м, южный склон которой круто обрывается к воде и на которую можно попасть по скалам с юга. С севера на террасу ведет широкая и пологая лощина и узкий (13–15 шагов) проход под уступом верхней площадки городища». Это описание Х. Аппельгрена (Appelgren 1891: 126), как и сделанный им план городища, в значительной степени соответствуют и современной ситуации, с той лишь разницей, что южная и западная части площадки городища заросли ольхой и можжевельником (рис. 89). Валу же хорошо сохранились в том же виде. Остатки нижнего вала в виде камней основания можно отыскать в нижней части лощины, ведущей с южной стороны на площадку городища. Он проходит между двумя скальными языками и его длина 33 м. В верхней части той же лощины и тоже между двумя выступами скалы наблюдается второй хорошо сохранившийся вал длиной 40 м, шириной (в основании) 3,5 м и высотой 1,5 м.

Аппельгрена упоминает в южной части площадки городища невысокий четырехугольный холм размерами 2×3 м с выступающими по краям камнями, который он считал основанием постройки для размещения стражи (Appelgren 1981: 127). К настоящему времени следов от него не сохранилось, так же как и от многочисленных (около 60) каменных задернованных куч, девять из которых были Аппельгреном раскопаны. В настоящее время наиболее высокая обращенная к заливу часть площадки городища представляет собой открытую скальную поверхность, отчасти покрытую тонким слоем черной земли. Лишь в заросшей ольхой и можжевельником северной и особенно западной части площадки сохранился культурный слой и прослеживаются небольшие всхолмления. Мощность культурного слоя составляет 10–15 см.

Раскопки на городище проводились в 1888–1889 гг. (Х. Аппельгрена) и 1986–1987 гг. (А. Сакса). Аппельгрена сосредоточился на изучении каменных куч и отчасти пространства между ними. Раскопками 1980-х гг. исследовался проход в валу с южной стороны площадки городища шириной 1,8 м, сделанный во времена Аппельгрена владельцем этого земельного участка для вывоза черной земли культурного слоя на поля, а также примыкающая с внутренней стороны вала часть поверхности городища и ее западная часть (рис. 89; 91).

Аппельгрена раскопал в 1888 г. в общей сложности шесть куч. Раскопки продолжили в августе 1889 г., когда были разобраны еще три насыпи и пространство вокруг них. Камни куч представляли собой плиты шириной 0,20–0,50 м или небольшие булыжники. Диаметр куч составлял 2–4 м (реже 6 м) при высоте 0,20–0,40 м. Вещи были найдены как в самих кучах, так и в окружающем их тонком культурном слое (Appelgren 1891: 128–136). Во всех кучах встречены угли и зола, зачастую прослойками в 10–20 см (кучи 3 и 7), а также камни, как в основании, так и в самой куче (кучи 1, 2, 3, 4, 6 (каменное

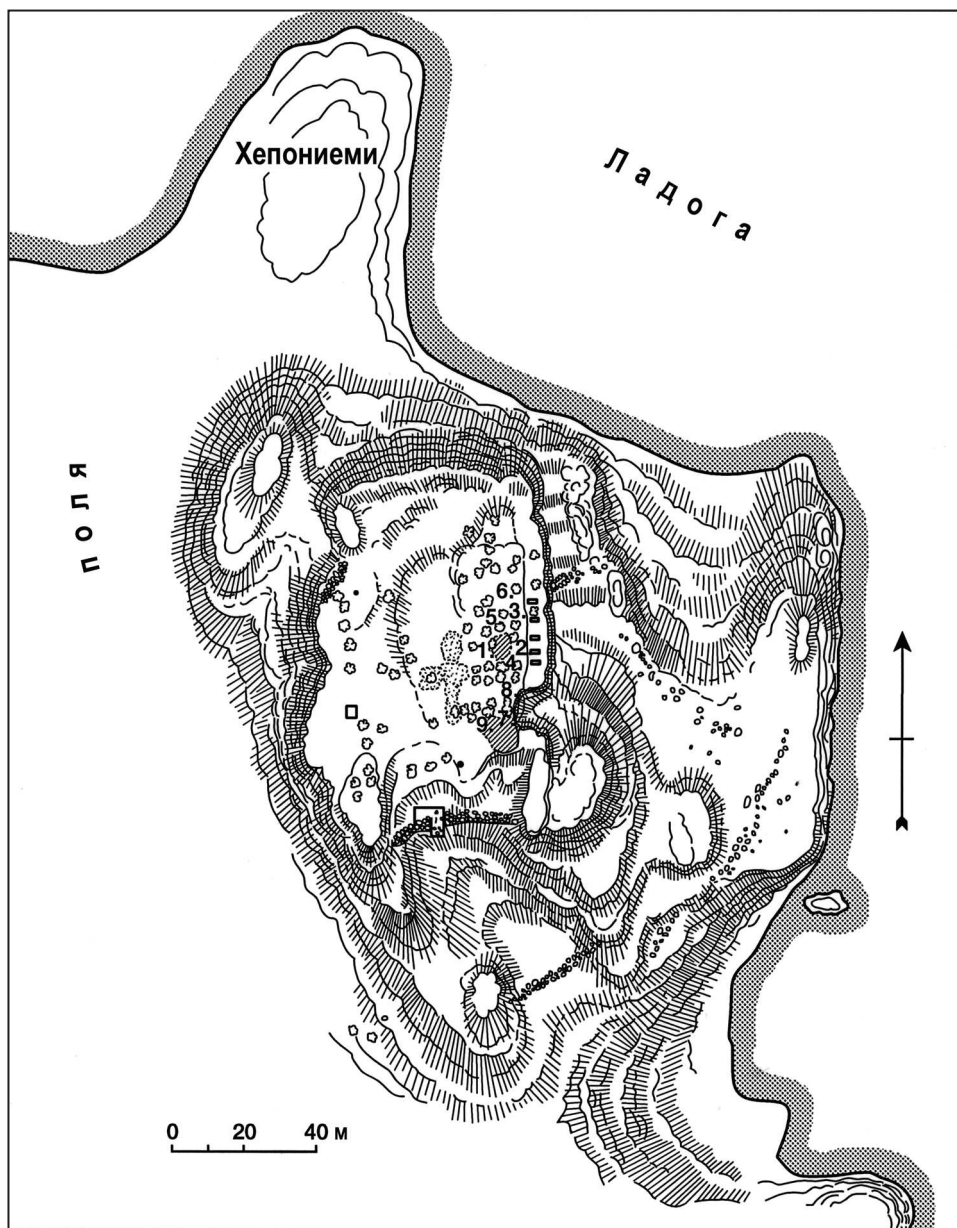

Рис. 90. Городище Хамеенлинна, Куркиёки. План

кольцо) или перекрывающие насыпь (7, 8, 9)). В упомянутых последними были как булыжники, так и плиты шириной 0,20–0,50 м. Описание насыпей дополняют кальцинированные кости (кучи 1, 3, 4, 5, 6, 8), зубы лошади (2, 3, 4, 5, 6) и керамика (во всех кучах). В кучах 7 и 8 найдены несгоревшие кости животных.

Находки вещей сделаны во всех кучах. Большая их часть представлена бытовыми предметами (ножи, обломки оселков, иглы, ключи от замков, замок, пряслица, светец). Встречаются также обломки изделий из железа и бронзы, фрагменты медных котлов и украшения. Из украшений большую часть составляют бусы (кучи 2, 4, 6, 7, 8). В насыпях 2 и 8 найдены перстни, серебряный и два бронзовых, а в кучах 3 и 7 — бронзовая и железная подковообразные фибулы. Из предметов вооружения найден лишь один наконечник стрелы из кучи 2. Найдены также три монеты (кучи 8 и 9) и три обломка монет (с западной стороны куч 7 и 8).

Аппельгрэн исследовал также пространство за пределами куч, раскопав, в частности, с южной стороны насыпей 7 и 9 траншею длиной около 9 м и шириной 1–2 м. Толщина культурного слоя составляла 10–20 см и он представлял собой темный гумус с примесью угля и золы, в котором встречались обломки глиняных сосудов, оселков и медных котлов, железная пластина и кусок железа, заклепка, нож, три бронзовые спиральки, осколок кремня, шлак, зубы лошади и кусочки кальцинированных костей. Найдены также два наконечника стрел, пружинные ножницы, обломок обуха топора, пряслице из розового шифера и пять бусин (Schwindt 1883: 5; Appelgren 1891: 125–143, № 264; Rinne 1914: 47, 68; Luoto 1984: 158–159; Taavitsainen 1990: 242–243; Кочкуркина 1981: 68–72, № 91; Uino 1997: 249–250; Saksa 1998: 141–145).

В 1986–87 гг. раскопы заложили в двух местах и дополнительно заложили пять шурфов на террасе под обрывом восточной части площадки (рис. 89). Самый большой раскоп (52 кв. м) располагался на месте пролома в верхнем вале (рис. 92). Не исключено, что в конце XIX в. лишь расширили место древнего воротного прохода. Здесь под камнями в черной земле у скальной поверхности нашли три фрагмента керамики, пять кусков шлака и крицу. На вершине вала с восточной стороны прохода под дерном на камнях вала обнаружен обломок лезвия топора. Раскоп расширили с внутренней стороны вала западнее прохода с целью изучить внутреннюю сторону вала и примыкающий к нему культурный слой. В этой части раскопа под слоем дерна выявилась на площади 12 кв. м каменная вымостка. Ввиду разведочного характера работ и недостатка времени раскопки были приостановлены и раскоп законсервирован.

В западной части площадки в раскопе площадью 16 кв. м обнаружены только 26 фрагментов круговой раннесредневековой керамики. В шурфах на восточной террасе внизу, под метровым скальным откосом, обнаружены обгоревшие куски дерева, образующие на поверхности террасы полосу шириной 1–1,5 м. Полученная радиоуглеродная датировка (570 ± 100 BP) (Le-4563) подтверждает сложившееся на основании формы этих обуглившись древесных остатков предположение о деревянном укреплении в виде бревенчатого тына по краю площадки городища, который был подожжен и обрушен (обрушился) на нижнюю террасу. Именно данные радиоуглеродного датирования позволили связать остатки этих укреплений со шведским набегом 1396 г. на Кирьяжский погост. На этой же площадке найдены мотыга того же типа, что и на могильнике эпохи викингов Наскалинмяки в Сакко-

ла Лапинлахти и наконечник стрелы типа 3 АПШ по Хиекканену (Hiekkanen 1979: 71–73, kuv. 25). Наконечник стрелы относится к листовидной форме и редко встречается в Финляндии в материале памятников эпохи Меровингов и эпохи викингов (Hiekkanen 1979: 71–73). С другой стороны, в Новгороде один экземпляр найден в слое XIV в. (тип 22 по Медведеву 1959: 168). Аналогичные находки из других древнерусских городов также относятся к эпохе Средневековья (Медведев 1959: 163, 168, рис. 15, 18). На месте находки обгоревших древесных остатков фиксируются черная углистая земля и прокаленный до красноватого цвета песок на поверхности скалы. Найденная под валом керамика, по определению В.И. Кильдюшевского, относится к формам XII в. или, самое позднее — XIII в. Керамика из куч и культурного слоя датируется XIV–XV вв. Среди обломков глиняных сосудов есть такие (Appelgren 1891: 142, kuva 107), которые известны лишь на территории древней Карелии по материалам раскопок крепости Корелы, Тиверского городища и городища Паасонвуринвуори, а также крепости Орешек.

По материалам городища прослеживается, таким образом, как минимум два строительных этапа (периода существования). Первый, наиболее ранний, закончился в конце XII в. или в XIII в., когда валы (или, по крайней мере, верхний вал) были возведены. На этом этапе на месте вала, в стороне от деревянных построек площадки городища, вероятно, находилась кузница.

Результаты проведенных на городище раскопок ставят вопрос о хронологическом соотношении каменных куч и культурного слоя и, как часть этой проблемы, о датировке раннего этапа существования городища. Одной из отправных точек можно считать надежные с точки зрения стратиграфии находки под подошвой вала. На самой площадке городища также имеются находки старше XII–XIII вв. Следует учитывать также и нижний вал, который совсем не обязательно относится к тому же времени, что и верхний.

Внимание к себе привлекают прежде всего надежно датированные монеты. Найденная в куче 8 половинка арабской монеты (2673: 41) датируется 911–912 гг. (Granberg 1967: 216). Две фризские монеты из насыпи 9 относятся к XI в. (Salmo 1948: 35; Talvio 1979: 14). Дата *terminus post quem* обломка котла — X в. (Taavitsainen 1990a: 242). Все три приведенные выше монеты найдены в основании куч непосредственно у поверхности скалы (Appelgren 1891: 134–135). Над монетой из кучи 8 прослежен слой угля и золы и находящийся между двумя красноватыми по цвету прослойками золы тонкий слой золы. Также и в насыпи 9 над монетами выявлена прослойка красноватой по цвету золы, перекрытая тонким слоем угля. Как нам представляется, имеются основания предполагать, что монеты происходят из культурного слоя, сформировавшегося на месте насыпей до их возведения уже на первом этапе существования поселения. Следует отметить, что и фрагменты монет, найденные к западу от куч 7 и 8, происходят из культурного слоя.

В материале из культурного слоя нет, к сожалению, узко датированных вещей. Наконечники стрел типа 3ВХ по Хиекканену (Hiekkanen 1979: 143) (2673: 52, 2 экз.) были в употреблении уже в эпоху викингов (Kivikoski 1973:

117, Abb. 872). На территории северо-западных областей Древней Руси подобные черешковые фасетированные ромбовидные наконечники стрел бытовали в X–XIV вв. (Медведев 1966: 68). Наконечник стрелы типа 3F1X по Хиекканену (Hiekkanen 1979: 144) (2613: 9) по новгородским аналогиям датируется XII–XIV вв. (Медведев 1966б: 63).

Пастовых и стеклянных бус найдено восемь экземпляров, из них в культурном слое одна бусина черного цвета с желтыми поперечными зонами и четыре золотостеклянных. Бусины из каменных куч представлены также различными типами. В насыпях 2 и 4 они были черными, одна с красными полосами и вторая с тремя белыми глазками. На бусине из кучи 6 были три разноцветные вставки на желтом фоне, а в насыпи 7 найдена одна маленькая плоская бусина. Бусины с украшением в виде глазок появляются в находках уже с эпохи викингов и продолжают существовать в XII–XIII вв. Время бытования золотостеклянных бус занимает более короткий отрезок времени — XI–XII вв. (Щапова 1956: 177–178; Ranta 1994: 92–97).

Железная подковообразная фибула со спиральными головками (2673: 27) типа 3А по Сальмо из основания кучи 7 датируется VIII–X вв. (Salmo 1956: 17; Lehtosalo-Hilander 1982: 100). Цилиндрический замок из насыпи 9 и ключи от цилиндрических замков из куч 3, 4 и 8 представлены бытовавшими в XII–XIII вв. типами (замок типа В), с конца XII в. и до начала XIV в. (В-1) и с конца XIII в. до середины XV в. (Г и Д) (Колчин 1958: 81–83, рис. 67, 5; 70; 81, 1). Пряслица из красного шифера, как известно, после нашествия монголов (1240 г.) уже не производились. Серебряная подковообразная фибула карельского типа и игла от подобной фибулы (2613: 26, 29), бронзовый ложновитой перстень (2673: 43), фрагмент обуха топора карельского типа (2673: 53) и кольцевидная фибула (2673: 64) датируются эпохой крестовых походов (1050–1300 гг.). Круговая керамика имеет аналогии в памятниках Карелии эпохи крестовых походов и раннего Средневековья (XII–XIV вв.). Аналогии этой керамике в керамическом материале из раскопок в крепости Корела, Орешек и других древних городах Новгородской земли относятся ко времени XIV–XV вв. Как уже отмечалось, в массе находок есть керамика, известная по материалам раскопок памятников Карельской земли и нижнего, датирующегося XIV в., горизонта крепости Орешек. Наши раскопки в крепости Корела 1989–90 гг. показали, что подобная керамика в значительном количестве встречается в слое крупнозернистого песка, что означает ее бытование до времени постройки новгородцами в 1310 г. новой крепости Корела на месте карельского укрепленного поселения Какисалми (Saksa 1998: 118–120).

Керамический материал городища Хямеенлахти и Тиверского городка (Appelgren 1891: 142, kuv. 107; Schwindt 1893: 52, kuv. 477), как и более поздние находки на Тиверском городке и городище Паасонвуриувуори, дают основание утверждать, что речь идет о раннем местном типе горшков, изготовленных на гончарном круге. Для них характерны прямая шейка с прямым или слегка загнутым внутрь верхним краем и идущие по наружной поверхности шейки сосуда два или три валика. В материале раскопок С.И. Кочкур-

киной на Тиверском городке и городище Паасонвуринвури доля керамики этого типа (I A) составляет 3%. По ее мнению, это ранняя форма, близкая еще лепной керамике и датирующаяся X–XI вв. (Кочкуркина 1982: 127–128, 132, рис. 30). Серебряный спиральный перстень из насыпи 2, вероятно, относится уже к историческому времени. Фрагмент каменной керамики из кучи 4 датируется не ранее XII в. (Taavitsainen 1990a: 242).

Наиболее ранние находки с городища Хямеенлахти, таким образом, относятся к эпохе викингов. Наряду с монетами к таковым относятся железная подковообразная фибула со спиральными головками, бронзовый спиральный перстень, все виды бус и, возможно, два наконечника стрел типа ЗВИХ по Хиекканену. Часть этих предметов происходит из каменных куч, но всегда из нижних частей. Половинка арабской монеты из кучи 8 найдена непосредственно у поверхности скалы. В основании куч найдены также бронзовый спиральный перстень и ложновитой перстень, выточенное из кости двучастное пряслице и овальная желтая бусина. Две фризские монеты из кучи 9 также найдены у поверхности скалы. Остальные изделия (цилиндрический замок, костяное пряслице, нож для расщепления лучины (?), плоское бронзовое кольцо, оселок, обломки по крайней мере пяти горшков) были найдены, по Аппельгрёну, в разных местах насыпи, большей частью ближе к поверхности скалы в ее восточной части (Appelgren 1891: 135–136). Подковообразная фибула со спиральными головками из кучи 7 найдена в ее нижней части, так же как и два обломка оселков, два фрагмента керамики и два осколка кремня. В верхней части насыпи найдены выточенное из кости пряслице, круглые медные пластины с отверстиями, маленькая плоская бусина, ушко от котла, фрагменты керамики, лопаточная кость коровы и другие кости, а также позвонок рыбы. В куче зафиксирован по всей ее площади слой угля, перекрытый небольшими каменными плитами и булыжниками. Маленькая бусина черного цвета с тремя белыми вставками найдена за пределами каменного кольца в куче 4, как и большая часть остальных вещей: две склепанные бронзовые пластины, железный ключ, железная полоса, оселок, звено цепи, обломок каменной керамики, несколько фрагментов керамики, куски обожженной глины, зубы лошади и кальцинированные кости.

В насыпи 6, помимо желтой бусины с тремя многоцветными вставками, найдено несколько фрагментов керамики, большой кусок кости, зуб лошади и кальцинированные кости. В куче было несколько составляющих полукруг камней, обгоревшее дерево и угли (Appelgren 1891: 130–132). Вещи эпохи крестовых походов происходят отчасти из тех же насыпей, что и упомянутые выше находки (в кучах 4, 7 и 8 — ключ, в куче 9 — замок). Наконечник стрелы типа ЗФИХ по Хиекканену найден в куче 2, где также найдены бусина черного цвета с красными зонами и спиральный перстень. Из этих вещей только перстень найден внутри каменного кольца. В куче 3 наряду с другими вещами найдены бронзовая подковообразная фибула и железный ключ. Они, как и многие другие древние вещи, находились с внешней стороны слоя угля внутри кучи толщиной 0,10–0,20 м (Appelgren 1891: 129).

При рассмотрении материала городища Хямеенлахти трудно отказаться от ощущения, что многие из найденных в кучах вещей, особенно из нижних частей насыпей, или найденные в них за пределами прослоек угля и золы, происходят из тех частей культурного слоя, на которых позднее были сооружены каменно-земляные кучи. И именно в тех случаях, в которых Аппельгрэн достаточно подробно приводит стратиграфические наблюдения (насыпи 1, 4, 7, 8 и 9), большая часть вещей найдена в нижних частях под прослойками сгоревшего дерева и угля либо с их внешней стороны. Если предположить, что городище уничтожено в 1396 г. и, судя по находкам, после этого не было восстановлено, формирование культурного слоя прекратилось в том же году. В случае, если насыпи возникли после разрушения городища, следует предположить продолжение какой-то деятельности на его площадке. Не следует исключать и возможность использования при сооружении каменно-земляных насыпей земли из культурного слоя. С.И. Кочкуркина предполагает, что всхолмления возникли вследствие вымывания культурного слоя. Дождевая и талая вода смыла землю культурного слоя на вершине горы, оставляя его только в углах каменных фундаментов домов и на местах очагов или печей-каменок (Кочкуркина 1981, 71). Такое объяснение можно было бы принять, если бы многие из насыпей не были бы перекрыты камнями и если бы почти в каждом из них не встречались прослойки золы или угля. Следует также иметь в виду, что вряд ли на небольшой площадке было поставлено такое количество домов с печами или очагами. Аппельгрэн сам считал эти кучи с пятнами золы остатками костров язычников (Appelgren 1891, XLVII). На наш взгляд, имеющиеся данные позволяют лишь предположить, что насыпи возникли на вершине горы после разрушения городища и связаны с использованием огня, возможно, в ритуальных целях.

Относительно времени возникновения поселения на прибрежной возвышенности в устье залива Хямеенлахти можно сказать, что на основании найденных на площадке городища вещей мы не можем утвердительно говорить о времени ранее второй половины эпохи викингов. По всей видимости, уже на начальном этапе это был ремесленно-торговый центр. Следует обратить внимание на почти полное отсутствие украшений женского костюма. Это обстоятельство говорит о том, что городище не следует сравнивать и сопоставлять с другими карельскими городищами, такими как Кякисалми, Тиверский городок, городище Паасонвууринвуори и дошведский Выборг, где женские украшения найдены в большом количестве.

Городище Ранталиннамяки на о-ве Корписаари

Примерно в 2,5 км от городища Хямеенлахти к ЮЮВ или в сторону Ладоги в месте соединения узкого пролива Уйтонсалми с заливом Найсмери в западной части о-ва Корписаари круто поднимается из воды до высоты около 25 м от уровня воды скальная возвышенность под названием Ранталиннамяки (Берего-

вое городище) (рис. 12, 35; 81, 8; 93). На вершину скалы можно попасть только по пологому юго-восточному склону, со стороны которого площадка городища защищена примерно двухметровым обрывом, наверху которого сооружен защищающий эту часть городища вал из камней, смешанных с землей (рис. 94). Высота вала с внутренней стороны составляет 1–1,3 м, и он производит впечатление хорошо сохранившегося сооружения. С наружной стороны высота вала с учетом террасы составляет 3 м. В его центральной части имеется проход шириной 2,5 м, ограниченный более крупными валунами. Вал не окружает всю площадку городища, ограждая только не защищенную естественными отвесными уступами юго-восточную часть. Обращенный к ЗСЗ от прохода отрезок вала имеет длину 45 м, северо-восточный — 13 м. К противоположным концам высота вала значительно уменьшается. Внутренняя поверхность площадки совершенно неровная и почти треугольная в плане. Ее размеры: 75 м по линии СЗ–ЮВ и 60 м по линии ЮЗ–СВ. На вершине горы растет несколько сосен и можжевельник. Рассматриваемое городище, как и другие городища района Куркиёк, не сильно изменилось за последние 100 лет; отсутствуют лишь следы вала на юго-западном склоне возвышенности — составлявшие его камни не выделяются среди развала других камней (Schwindt 1883: 4; Appelgren 1891: 123–124, № 260; Rinne 1914: 63; Taavitsainen 1990: 242; Uino 1997: 255; Saksa 1998: 145–146).

Летом 1985 г. городище было нами заново выявлено и на его площадке проведены разведочные работы с помощью армейского миноискателя. В ходе работ выявилось полное отсутствие культурного слоя на городище. На небольшой ровной площадке в юго-западной части площадки ближе к ее центру выявлен П-образный в плане очаг, составленный из трех крупных камней с ровными внутренними сторонами. В восточной части площадки найдены наконечник стрелы, нож и обломок ножа, а в северо-западной части — вток от копья и шлак. Культурного слоя на месте находок вещей не было. Наконечник стрелы представляет тип 3 по Медведеву, используемый главным образом при охоте и датируемый по новгородским находкам концом XI — серединой XII вв. (Медведев 1959: 152, 164, рис. 13, 12). В очаге найдена плоская железная сковорода, принадлежащая к хорошо известному по материалам раскопок курганов Юго-Восточного Приладожья типу. Такие сковороды встречаются в курганах середины — второй половины эпохи викингов и, отчасти, еще и XII в. (Кочкуркина 1973: 13–17; Назаренко 1983: 11–15; Кочкуркина, Линеvский 1985: 161–167). В 1992 г. нами в 2 м к СЗ от проема было зачищено основание вала с его внутренней стороны с целью взятия образца для возможной радиоуглеродной датировки. По углю из слоя под основанием вала получена калиброванная дата 1275–1320 или 1335–1365 cal AD (68% вероятности) и 1265–1390 cal AD (95% вероятности) (Su-2289). Проведенная зачистка внутренней поверхности вала выявила его строение. Вал перекрывался слоем гумуса, под которым следовал слой песка и обгоревших камней, подстилаемых слоями угля и песка, залегавшими на скале. И в этом случае выясняется, что вал был сооружен относительно поздно, в конце эпохи крестовых походов или начале Средневековья.

Городище Лопотти

Городище (линнавуори) Лопотти (№ 36) находится на территории пос. Куркиёки в месте слияния рек Куркиёки и Рахоланёки, с южной стороны последней (рис. 13, 36; 81, 1; 95). Склоны возвышенности отличаются крутизной лишь с северной стороны. С южной и восточной сторон на вершину линнавуори можно попасть по ведущим наверх тропинкам. Более труднодоступен западный склон возвышенности, в верхней части которого по сторонам ведущей к наиболее высокой северной части вершины горы тропинки еще заметны остатки вала (наиболее северный вал в западной части возвышенности по Аппельгрёну (Appelgren 1891: 147)). Собственно вершина в северной части возвышенности имеет длину около 200 м и ширину 100 м. Во второй половине XIX в. остатки каменных валов были видны еще в пяти местах: три в западной части и два в восточной. На вершине горы в то время наблюдались земляные холмики и ямы. У подошвы возвышенности с ее южной стороны на месте современного шоссе Аппельгрёном был раскопан могильник эпохи викингов (Appelgren 1891: 145–159, № 267; Кочкуркина 1975: 167–173; 1981: 66–68, № 90; 1982: 18; Taavitsainen 1990a: 243; Uino 1997: 115, 181, fig. 6: 8, 247; Saksala 1998: 194–195, kuva 70).

Раскопки на городище проводились в два этапа. Летом 1888 г. Аппельгрён раскопал на вершине возвышенности холмики 2 и 3, углубления 4 и 5 и небольшой участок у ее северной оконечности. На следующий год Т. Швиндт исследовал небольшую территорию в северной, наиболее возвышенной части. В 1971 г. С.И. Кочкуркина исследовала в пяти раскопах в общей сложности 444 кв. м площади северной части площадки городища, и в 1987 г. автором этих строк были заложены два разведочных раскопа общей площадью 18 кв. м в той же северной половине городища.

Находки были сделаны во всех раскопах. В земляных холмиках, один из которых был в центре самой высокой северной части вершины возвышенности и второй — в ее северной части, нашли фрагменты керамики, уголь, кальцинированные кости и железную заклепку. В траншее длиной 17 м и шириной 0,80 м, раскопанной на запад от холмика 2, нашли наконечник стрелы, обожженные кости и куски глины. В углублении 4 найдены обожженная глина, тонкая бронзовая пластина, много кальцинированных костей и человеческие зубы, обломки глиняных сосудов, обломок каменного сосуда, два фрагмента бронзового филигранного украшения, обломок оселка и два куска оплавленного стекла. В углублении 5 не было находок, но за его пределами найдены фрагмент крышки (вставки) бронзового массивного браслета и куски обожженной глины. Обе ямы находились с южной стороны площадки городища. В раскопе Швиндта у северного края площадки были найдены два обрывка бронзовой цепи, около десяти фрагментов спирального браслета, маленькая бронзовая пластина с отверстием, два побывавших в огне фрагмента массивных бронзовых браслетов со вставками, обломок железной подковообразной фибулы со спиральны-

ми концами, две обгоревшие 8-угольные бусины из горного хрусталя и фрагмент третьей, два оплавленных куска сине-зеленого стекла (расплавившиеся бусы), семь фрагментов керамики и кальцинированные кости (Appelgren 1891: 151–159).

В 1971 г. С.И. Кочкуркина выявила в северо-западном углу северной части площадки городища остатки четырех построек с очагами, образовывавших вместе с вскрытыми в раскопе каменными стенами единую оборонительную линию. Находки представлены сланцевым теслом эпохи неолита, найденным под юго-восточным углом постройки в раскопе I, фрагментов керамики, железного колчедана и обломков неопределимых вещей. По мнению исследователя, среди находок (украшения, гвозди, долота, железные накладки, ключи, оселки) нет датирующих вещей (Кочкуркина 1975: 172; 1981: 67–68). С.И. Кочкуркина считает, что на возвышенности в XI–XII вв. по-видимому, было неукрепленное поселение и только позднее, с повышением угрозы внешнего нападения, в XIV–XV вв. построили укрепления. О внезапном разрушении городища нет свидетельств (Кочкуркина 1975: 172; 1981: 67–68). В раскопах 1987 г. встречено только 17 фрагментов средневековой керамики XV–XVI вв.

Х. Аппельгрэн не представил своей датировки городища. Среди находок все же имеются пригодные для датировки вещи. Спиральные браслеты (2645: 2, 3) были в употреблении на протяжении почти всего железного века. Подковообразные фибулы со спиральными головками (2645: 5) относятся к этой же группе (Мальм 1967: 152–153). Массивные бронзовые браслеты со вставками (2612: 39; 2645: 4) датируются второй половиной эпохи викингов и XI в. Наконечники стрел типа ЗВІХ по Хиекканену (2612: 29) были в употреблении в эпоху крестовых походов и в Средневековье (Ниекканен 1979: 99). Наконечник стрелы со срезанным лезвием относится к эпохе викингов и эпохе крестовых походов (Таавитсainen 1990а: 243). Керамика представлена характерными для памятников XII–XV вв. в Карелии типами. На городище Лопотти не найдены типичные карельские типы украшений, что может указывать на то, что в эпоху крестовых походов его основная функция была оборонительной; городище, во всяком случае, нельзя назвать древним городом в собственном смысле этого слова.

Городища района Куркиёк, как становится очевидным из вышеизложенного, все относятся к одному хронологическому и культурно-историческому горизонту, отчетливо представленному и другими памятниками этого микрорегиона. Археологически отчетливо фиксируемые следы постоянного населения в этих местах появляются во второй половине эпохи викингов. В эпоху крестовых походов оно закрепляется и создает цельную поселенческую структуру со своими поселениями, могильниками, городищами, функции которых в отдельных случаях (Хямеенлахти) выходили за рамки оборонительных. На этой основе произошло дальнейшее развитие населения уже в историческое время на значительной территории Северо-Западного Приладожья.

Другие находки района Куркиёк

Кроме известного благодаря многолетним археологическим раскопкам могильника Кууппала Калмистомяки, в самом поселке Куркиёки, его окрестностях и на территории бывшего прихода имеются и другие находки могильников: на горе Сяккимяки в пос. Куркиёки и в дер. Рахола (рис. 13, 37–38; 81, 3). Случайные находки вещей, отмечающих возможное наличие могилы или могильника, известны во многих местах. При этом зачастую вещи эпохи викингов и эпохи крестовых походов находят на одних и тех же земельных участках. В деревне Хямеенлахти на берегу одноименного залива найдены два наконечника копий (2011: 13 и второй случайно найден в 1992 г.) и овально-выпуклая фибула типа F2 (2616: 7), на о-ве Каннансаари найден бронзовый гребень (2674: 7), на о-ве Корписаари — топор типа М (10542), в дер. Риеккала наконечник копья типа М (6188: 1). В этой же деревне на горе Куошамяки примерно в 100 м от берега в расщелине скалы найден массивный бронзовый браслет с сужающимися концами, украшенный крестовидным орнаментом (9889). В соседней деревне Левонпелто найдены два железных гарпуна и железное острие (10449: 5–7). В Куркиёках на холме Андерсина найден воткнутым в землю меч с дисковидным фасетированным 8-угольным в сечении навершием (6590: 2). На горе Коймяки найден наконечник копья с длинной втулкой (8874), а на берегу мыса Нярениеми — бронзовый массивный браслет со вставкой (5703: 3).

В деревне Отсанлахти найдена овально-выпуклая фибула типа С2/1а (3108: 4). Карельские овально-выпуклые фибулы найдены в деревнях Соскуа (Н/ПВ: 1 (2819: 6)) и Терву (Н/ПВ: 2а (5446: 1), Н/ПВ: 2b (2011: 14)), а также в могиле на Сяккимяки (Н/ПВ: 2а (2053: 2а, 2b)). В Соскуа на одном из полей найден наконечник копья (2819: 6). В Терву, помимо фибулы, найден еще целый ряд отдельных вещей, все на одном участке: топор типа М, удила и серп (3081: 32–34), обломок лезвия топора типа М и пружинные ножницы (5237: 4, 5) и массивный бронзовый браслет со вставкой (5237: 9). Подобные браслеты найдены на Сяккимяки (2616: 5) и в деревне Руммунсуо на участке Эклунда (5504: 2), где найдена также серебряная фибула (5504: 3). В деревне Лапинлахти на земле Э. Хякли найден бронзовый перстень. Имеется также ряд вещей, место находки которых точно не известно (обломанный боевой топор, нож, удила и наконечник копья (2674: 3–4, 7992)).

Могильники, следовательно, помимо деревни Кууппала (Калмистомяки), существовали в рассматриваемое нами время также на территории деревень Хямеенлахти и Терву. Остатки могильника эпохи крестовых походов и раннего Средневековья фиксируются также в дер. Соскуа на левом берегу р. Соскуанёки. В этой же деревне на восточном берегу Соскуанёки имеется возвышенность Линнамяки (городище) без следов укреплений, которое было отчасти исследовано С.И. Кочкуркиной в 2005 г. В 1880 г. в центре пос. Куркиёки на склоне скальной возвышенности Сяккимяки (№ 37) случайно раскопали женскую могилу, в которой нашли бронзовую рукоять ножа, вышеупомянутые две овально-выпуклые фибулы типа НП: В2а (2053: 2а, 2b), две

бронзовые подковообразные фибулы (2053: 3а, 3б), бронзовые копоушку и бусину (2053: 4, 5). В 1889 г. Т. Швиндт раскопал на Сяккимяки в одной могиле и рядом с ней втульчатый наконечник копья, нож железный, железное кольцо, бронзовый цепедержатель, ключ от замка, оселок, нож, обломки медного котла и глиняных сосудов, кости, в том числе и зубы животных. Позднее на склоне горы нашли обломок лезвия большого ножа (2053: 1–5; 2616: 5; 2644: 1–13; 8904) (Kuujjo 1958b: 29–34; Lehtosalo 1966: 29–32; Wuolijoki 1972: 55–58; Kivikoski 1973: 144, Abb. 1185; Uino 1997: 243–245, 250–258; Saksa 1998: 147–149).

Второй исследованный могильник в районе Куркиёк находился на холме Куусиккомьяки в дер. Рахола (№ 38). Здесь в 1935 г. при выемке песка на глубине около 1 м нашли мужское захоронение в деревянном срубе, сопровождавшееся топором карельского типа с массивным обухом (10264). Летом следующего года на месте находки произвел раскопки Й. Леппяхо. На южном склоне холма были вскрыты еще шесть могил, в которых умершие были захоронены по линии юг-север (могилы 1 и 2) и северо-запад-юго-восток (могилы 3, 5 и 6). Единственно могила 4 была ориентирована по линии восток-запад. Во всех могилах встретили кости и остатки гробов; из вещей нашли только два ножа в земле могильника (10512: 1–2).

Остров Виллапекко представляет собой низкий небольшой скальный остров посреди Куркиёкского залива напротив городища Хямеенлахти (рис. 12, 39; 81, 5; 96). Его размеры около 70×30 м, и лишь часть поверхности в центре острова, где имеется небольшая лощина, покрыта слоем песка и земли. На острове в разное время найдено в общей сложности 49 топоров позднего железного века, из которых большая часть представлена финскими прямыми топорами с изогнутой спинкой (18 экз.) и эстонскими топорами с изогнутой спинкой (16 экз.). Карельских рабочих топоров с массивным обухом найдено только 2 экз. (Wuolijoki 1972: 44–58). В находке обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди топоров полностью отсутствуют топоры типа М по Петерсену, широко распространенные в Карелии именно в то время, к которому относится подавляющее количество составляющих ее топоров, а именно, в конце эпохи викингов — эпоху крестовых походов. Топоров типа М на территории древней Карелии найдено 14 экземпляров, из которых четыре происходят с территории прихода Куркиёки. С другой стороны, эстонские и финские проушные топоры с изогнутой спинкой редки для памятников Карелии. Рассматриваемые эстонские топоры найдены в количестве пяти экземпляров: Куркиёки Лопотти (2163: 3), Куушпала Калмистомяки (1986 г.), крепость Корела (1990 г.) и из неизвестного места в районе Сортавалы. Финских топоров с изогнутой спинкой найдено пять экземпляров: Каукола Кекомьяки, мог. 5 (2595: 3), Ряйсяля (3472: 6) и три из разграбленных могил на п-ове Большом (Раммансаари) (1998 г.). Эстонских топоров с прямой спинкой на о-ве Виллапекко найдено три экземпляра. Остальные топоры этого типа найдены в Куушпала Калмистомяки (8800: 3), Сортавала Хелюля (10904: 1), Салми Мантсинсаари (10716: 2), Метсяпиртти

Коукунниemi (6919: 2) и в Ряйсяля (7994: 16) (Wuolijoki 1972: 39–40, 46–47, 53–54; Uino 1997: 247; Saksä 1998: 148–149). Находку топоров принято считать жертвенной, а сами жертвоприношения — совершенными неоднократно на протяжении всего того времени, к которому топоры различных типов относятся. При этом подчеркивается значение подсечного земледелия для древней экономики Карелии. Остров, таким образом, являлся своеобразным святилищем древних земледельцев (Lehtosalo-Hilander 1984: 385; Uino 1997: 247).

Мы, со своей стороны, считаем возможным, что находка представляет собой единый комплекс и топоры попали в землю одновременно в начале или середине эпохи крестовых походов, когда все рассматриваемые предметы были единовременно в употреблении. Возможно, топоры представляют собой своеобразную привозную партию товара, на что указывают их разделение по типам и зона распространения. Небольшой остров посреди густо заселенной территории мог служить хорошим местом, чтобы оставить их до наступления, например, времени ярмарки.

Население района Хиитола-Куркиёки в позднем железном веке и раннем Средневековье

Археологические памятники и отдельные находки вещей в Северо-Западном Приладожье позднего железного века и раннего Средневековья отмечают значительный рост населения и усиление его организации к началу исторической эпохи. Начавшееся в XI в. на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии последовательное развитие населения и его культуры, приведшее к сложению поселенческих центров в эпоху крестовых походов, наиболее наглядно на рассматриваемой территории представлено в материалах памятников района Куркиёк (Куупшала Калмистомяки, Сяккимяки, Хямеенлахти, Терву, Соскуа). В Хиитола отчетливые следы постоянного населения в эпоху крестовых походов выявляются только на о-ве Кильпола, а на побережье прослеживаются в деревнях Хуйскунниemi, Кавосалми, Нехвола, Петкола, Коккола и Кюлялахти (рис. 13, 24–39).

Типичные для карельских грунтовых могил украшения в районе Хиитола-Куркиёки найдены в количестве 22 экземпляров, из которых 15 — это овально-выпуклые фибулы. Цепедержателей и копоушек найдено по два экземпляра, головных украшений сюкерё, круглых брошей-медальонов и подковообразных фибул — по одному экземпляру, а пронизки отсутствуют полностью. Наибольшее количество аналогий этим украшениям находится в районе Миккели. Общее количество аналогий достигает 39, из которых девять овально-выпуклых фибул типа С2/1а и шесть типа Н/ПВ: 2b и 29 цепедержателей типа П: 2. В Каукола Коверила насчитывается 12 аналогий, в Саккола Лапинлахти 12 и в Ряйсяля (главным образом Ховинсаари) восемь экземпляров. В районе Сортавалы найдено только два экземпляра. Поздние безинвентарные могилы на о-ве Кильпола, в Кавосалми, Нехвола, Петкола и

Кюлялахти в Хиитола, на Калмистомяки (Кууппала) и Соскуа в Куркиёках свидетельствуют, что поступательное развитие населения на этой территории продолжалось на тех же местах и с наступлением исторического времени. В это же время возникают новые могильники в Ханнола, Мустола и Тенхола в Хиитола и в Рахола и Соскуа в Куркиёках; в этих пунктах известны безинвентарные погребения, которые нельзя пока считать вполне христианскими из-за некоторых наследованных от языческого времени черт в погребальной обрядности (следы поддержания огня в процессе совершения погребения, шлак в могилах, отличающаяся от западной ориентировка могил и т. д.).

Археологические памятники Северного Приладожья

На всем протяжении от Куркиёк до Сортавалы известны лишь единичные памятники железного века и чрезвычайно мало отдельных находок вещей. В приходе Лумиваара в деревне Харвиа в северной оконечности острова Осиппала находится возвышенность Линनावуори (городище) высотой 30 м над уровнем Ладоги, вершина которой достигает в ширину 25 и 80 м в длину по линии северо-запад–юго-восток. Каменные валы высотой до 2 м фиксируются со всех сторон за исключением отвесного юго-западного склона. На северо-восточном конце вал поворачивает под прямым углом на северо-запад — косвенное указание на позднее, возможно, средневековое происхождение укреплений. С юго-восточной стороны имеется воротный проход. Археологические раскопки на городище не проводились (Appelgren 1891: 160–161; Куцjo 1958: 41–42; Uino 1987: 270; Saksa 1998: 150).

В деревне Мякисало в приходе Импилахти на небольшом острове Ладожского озера под названием Лапинсаари (Лопарский остров), возвышающемся на 21 м над водой и окруженном по всему периметру валами, особенно мощными в устьях ложины, пересекающей остров с юга на север, раскопки не проводились (Shwindt 1883: 7; Appelgren 1891: 179–180 (no 297); Uino 1997: 227).

Более известное городище расположено в южной оконечности о-ва Мякисало, на небольшом, выступающем в Ладожское озеро мысу, возвышающемся на более чем 70 м над уровнем воды (рис. 96). Склоны возвышенности почти отвесны со всех сторон, за исключением обращенного в сторону острова. Ограниченная каменными валами-стенами и уступами скалы площадка, посередине которой проходит ложбина глубиной 2–3 м, занимает пространство 70×40 м. Каменные валы-стены отличаются своей высотой. Площадку со стороны острова (с северной стороны) защищает стена с двумя воротными проходами высотой до 3 м, от которой под прямым углом поворачивает к юго-западному склону вал длиной 23 м. На городище в конце XIX в. и в довоенные годы финские ученые проводили натурные исследования, продолженные в 1970 и в 1981 гг. С.И. Кочкуркиной (Appelgren 1891: 178–179, № 269; Спиридонов 1987: 49–51; Taavitsainen 1990: 245; Uino 1997: 226–227). Раскопки на городище провел в 1983–1984 гг. А.М. Спиридонов. В шурфах

на площадке не отмечено признаков культурного слоя, так же, как и в разведочном раскопе 2×6 м. Встречены лишь некоторое количество углей и вероятное место очага. Существующее в каменной стене расширение с поперечными «контрфорсами» Спиридонов трактует как остатки башни. По мнению автора раскопок, городище построено после середины XIV в. и служило городищем-убежищем (Спиридонов 1987: 49–51).

В деревне Сур-Микли в приходе Яааккимаа на восточном берегу озера Кирккоярви среди полей и покосов возвышается Линнамяки (рис. 12, 40; 97). Высота возвышенности составляет примерно 25 м, размеры площадки около 40×90 м. Остатки валов наблюдаются с северо-восточной, восточной, юго-восточной, южной и юго-западной сторон. На площадке с внутренней стороны вала Х. Аппельгрэн в 1888 г. насчитал 19 одинаково маленьких и низких холмиков, из которых восемь им были раскопаны. Почти во всех холмиках были перекрытые песком или гравием слои угля или золы. В общей сложности в насыпях найдено восемь фрагментов круговой керамики, а также куски кремня и кварца (2614: 1–4) (Appelgren 1891: 162–164, № 279; Kuujo 1958: 42–43; Кочкуркина 1981: 72–73, № 92; Спиридонов 1987: 49–51; Taavitsainen 1990: 243; Uino 1997: 227–228; Saksa 1998: 150–151).

Раскопки на городище провел в 1983–84 гг. А.М. Спиридонов, раскопавший часть площадки и небольшой участок за пределами вала на террасе юго-восточного склона общей площадью 56 кв. м (Спиридонов 1987: 49). Он установил, что валы и каменные стены отчасти разрушены или от них остались лишь камни основания. В основном раскопе I был найден лишь обломок кремня, а на склоне — около десяти фрагментов поздней глазурованной керамики. В раскопе I были исследованы также две нечеткие по форме каменные вымостки, которые окружал перемещенный из другого места слой песка, смешанного с углем. Спиридонов сопоставил их с зафиксированными и раскопанными Аппельгрэном холмиками и отметил их поздний характер относительно времени функционирования городища. Исследователь включает памятник в категорию городищ-убежищ.

На территории бывшего прихода Яааккимаа известны и случайные находки предметов железного века: каменное овальное кресало (2245: 539), датированное старшим железным веком, точное место находки которого неизвестно, а также подковообразная фибула с цапфами на головках эпохи викингов, шесть стеклянных бус и одна бронзовая (4757: 1–7, 4852) из дер. Метсямикли, найденные на восточном берегу оз. Парконярви. В этой же деревне под полом школы при закладке фундамента печи нашли овально-выпуклую фибулу типа Н/IIA:1 (4635: 19) и вторую — вариант «индивидуальных» фибул с уплощенным орнаментом типа Н/IIВ: 3 (5649: 3) — на земле П. Еркку (3071: 36–43; 4635: 19; 4760: 1–2; 5649: 3; 10669).

В деревне Миинала (№ 41) в 1937 г. найден человеческий костяк, перекрытый слоем золы. Раскопки Й. Войонмаа (59 кв. м) не принесли новых находок. Также и в дер. Сорола (№ 42) обнаружены остатки христианского средневекового кладбища. Утверждают, что около 1870 г. в деревне нашли четыре на-

ходившихся рядом скелета, и у одного из погребенных в области шеи были коричневые стеклянные бусы на медной проволоке (Nordman 1924: 126; Kuujo 1958: 34–35; Lehtosalo 1966: 36–37; Кочкуркина 1981: 24, № 57; 106, № 128, 129; 116, № 185; Uino 1987: 227–230; Saksa 1998: 150–151) (рис. 13, 41–42).

Археологические памятники района Сортавалы

Наиболее ранними находками железного века района Сортавалы являются овальное каменное кресало из неизвестного места и погребение VI в. на о-ве Риеккала (Нукутталаhti) (рис. 7–8; 97). Находки эпохи викингов более многочисленны. Следы постоянного населения на это время

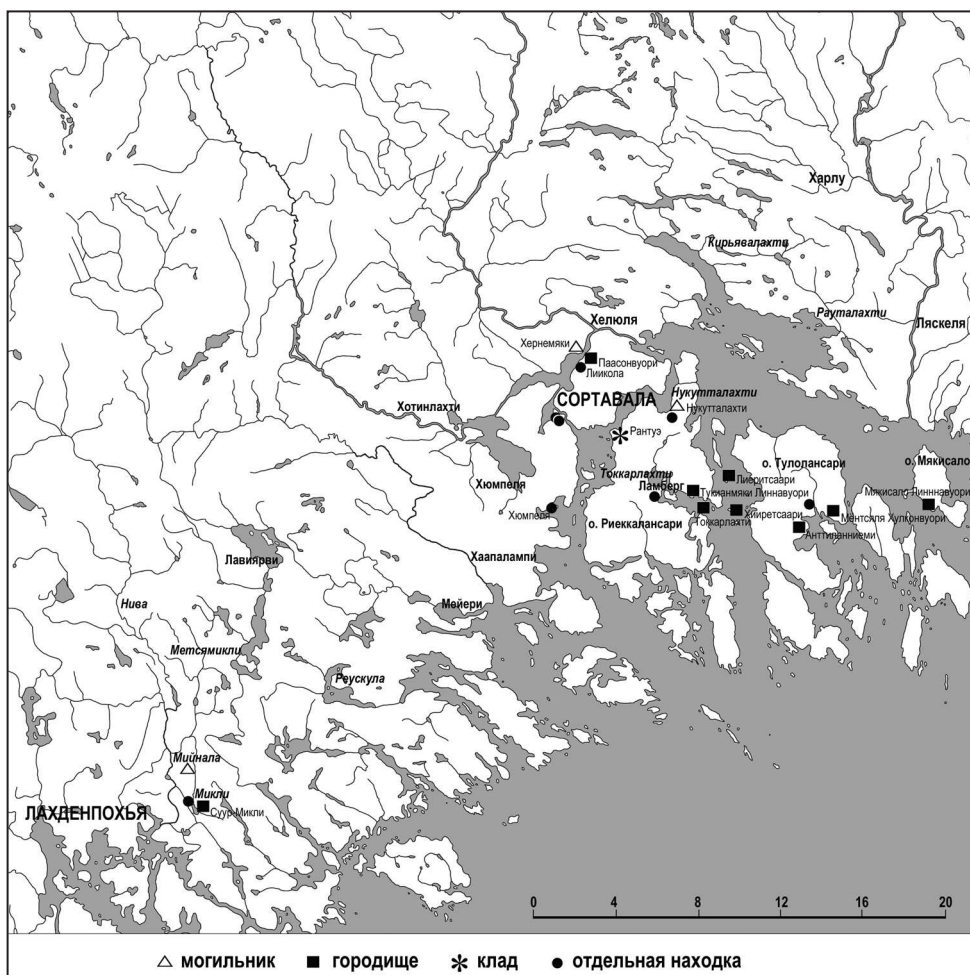

Рис. 97. Карта археологических памятников Северо-Западного и Северного Приладожья

фиксируются в Хелюля (могильник Хернемяки, городище Паасонвуори) (рис. 11; 97–98; 100). В г. Сортавале у лодочной станции найдена равноплечная фибула группы 7 по Кивикоски (6763) (10904: 5) и в пригороде Кюмёля — массивный бронзовый браслет со вставкой и угли (11159: 1–2). Из неизвестного места в Сортавале происходят подковообразная фибула с цапфами на головках и наконечник копья типа Е по Петерсену (22254: 537, 538), наконечник копья типа Е (22245: 2512) и топор с изогнутой спинкой (22245: 2508). В деревне Лиикола (рис. 97) у западной стороны основания горы Ликоланвуори у большого камня найден изогнутый вдвое дамаскированный меч типа Н без навершия рукояти и скандинавский топор с прямой спинкой типа L по Петерсену (22245: 2600; 22245: 1474: 1). А. Европеус в 1929 г. отметил наличие на месте слоя мелких камней с углями, в котором найден фрагмент керамики (9084). Возможно, это свидетельство наличия могильника с трупосожжениями на дневной поверхности. На острове Риеккала в дер. Телкиниеме на берегу залива Токкарлахти (участок Ламберг) (рис. 97) найден наконечник копья, близкий типу G по Петерсену (8606: 2). Некоторое количество вещей эпохи викингов найдено при раскопках на городище Паасонвуори (Kivikoski 1939: 1–11; 1944: 5–8; Kuujo 1970: 17; Кочкуркина 1981: 19–20, № 14; 24, № 58, 59; 75–79, рис. 22; 106, № 130; Uino 1997: 329–333, 337; Saksa 1998: 151).

Городище Паасонвуори

Городище Паасонвуори (№ 43) располагается между гор. Сортавалой и пос. Хелюля примерно в 1 км к югу от места слияния рек Тохмаёки и Хелюлянкёки у места сужения озера Лиикола (рис. 13, 43; 97–98). Возвышенность, на вершине которой располагается городище, поднимается на 79,2 м над у. м. и на 73,5 м выше уровня озера. Вершина ее свободна от растительности. Склоны крутые со всех сторон, кроме южной, с которой доступ на площадку городища защищен нижним валом длиной около 45 м. Второй вал длиной 38 м, шириной 3 м и высотой 1–1,6 м находится на юго-восточной стороне площадки городища и третий, перпендикулярный к нему, находится на ее восточной стороне (рис. 99). Длина его 23,5 м, ширина 2,5 м, высота 1–1,6 м (рис. 97). Вал поставлен на поверхность скалы из камней, перекрытых черной землей, принесенной, по-видимому, с площадки городища (Appelgren 1891: 166–168; Кочкуркина 1981: 73–87, № 93; 1986: 25–31; Kochkurkina 1990: 69–80; Taavitsainen 1990: 244; Uino 1997: 333–334; Saksa 1998: 151–155).

В 1978–1980 гг. на городище произвела раскопки С.И. Кочкуркина. В юго-западной части площадки были заложены три раскопа (I, II, IV) и один в западной (III). Раскоп I занимал площадь в 236 кв. м. В нем были расчищены пять фундаментов жилищ, из которых фундаменты I, II и VI были раскопаны полностью, а III и V — лишь частично. В процессе раскопок были исследованы также два очага, печь и разрушенные погребения с ТПС

X–XI вв. Количество находок достигает 347, из которых 272 происходят из первого горизонта и 75 из второго. Находки представлены украшениями, предметами вооружения, используемыми при обработке железа, охоте и рыболовстве, занятиях земледелием, а также бытовыми предметами. Второй раскоп площадью 172 кв. м был заложен к северо-востоку и юго-востоку от первого. В нем были доисследованы фундаменты III и V из раскопа I, раскопаны конструкции неизвестного назначения и остатки разрушенного могильника. В этом раскопе найдены 221 различных предметов в первом слое и 229 во втором. Раскоп III (120 кв. м) открыли в 7 метрах от предыдущего к северо-западу. В нем вскрыт фундамент VI, найдены 71 предмет в первом слое и 45 во втором. В раскопе IV (32 кв. м) исследовано основание вала и каменная вымостка, которую исследовательница городища склонна считать поздней. Находок вещей в первом горизонте было 11 и во втором — 45; часть из них можно отнести к Средневековью.

Толщина культурного слоя составляла 0,1–0,8 м. Он представлял собой пылеватый песок, в котором прослеживались прослойки песка, глины и угля. На всей раскопанной территории было много камней. Кочкуркина считает, что до возникновения городища на возвышенности в X в. или начале XI в. находился могильник с захоронениями по обряду ТПС. Одно хорошо сохранившееся погребение представляло собой овальный задернованный холм высотой 0,5 м в северной части возвышенности. В холме под дерном в черной земле с примесью угля и обгоревшей до красного цвета глины выявлена каменная вымостка прямоугольной формы, ориентированная по линии северо-восток–юго-запад и с размерами 2,2×1,4 м. На всей площади на глубине 0,25 м находились кальцинированные кости. В южной части вымостки на глубине 0,15 м нашли три ледоходных шипа, а в северной — шлак, медную пластину и фрагмент керамики. За пределами вымостки нашли два человеческих зуба. Под вымосткой залегал слой серой глины и ниже — скала. На той же площади нашли серебряную пластину и пробойник (Кочкуркина 1981: 75–77). Вызывает все же сомнение, что речь в этом случае идет о погребении, еще и потому, что все предметы эпохи викингов в пяти скоплениях вещей найдены в противоположной стороне исследованной раскопками площади, в юго-западной и западной частях площадки городища. Внутри фундамента I нашли многогранную сердоликовую бусину и лировидное кресало. На границе раскопов I и II найдены фрагмент массивного бронзового браслета, железная бритва, стеклянная бусина, желтая пастовая бусина и равноплечная фибула. Еще одну группу находок составляли навершие меча типа S, обломок равноплечной фибулы, две железные бритвы, два вкладыша от бронзового браслета, топор, наконечник дротика и пастовая бусина желтого цвета. Под печью в фундаменте V и рядом с ней найдены пять обгоревших бусин из сердолика и серебряная накладка. Из раскопа III происходит зооморфная поясная накладка. В раскопе II найдены восемь фрагментов лепной керамики. Датированные эпохой викингов изделия и их фрагменты встречены как в нижних, так и в верхних частях культурного слоя (Кочкуркина 1981: 76–77).

Относящиеся к эпохе крестовых походов вещи найдены во всех раскопах, большая часть все же внутри фундаментов. Камни фундамента I (6,72×6,4 м) были поставлены на культурный слой со следами пожара. Печь, вероятно, находилась в северном углу, поскольку именно там найдено большое количество сожженных костей и глиняной обмазки. Скопления керамики обнаружены в юго-западной и восточной части постройки. В число находок внутри фундамента и в непосредственной близости от него входили вток от копья, грузила от сетей из глины и камней, овальное кресало, рыболовный крючок, подковообразная фибула, кольцевая серебряная фибула редкого типа и игольник — в первом горизонте. Во втором горизонте найдены долото, скобель, пряслице из розового шифера, бронзовая рукоять ножа, сердцевидная и серебряная бутылкообразная подвески. В юго-восточном углу раскопа нашли лировидное кресало X–XI вв., керамику из беложгущейся глины и монеты XIX в.

Фундамент II (8×6 м) поставлен на толстом слое угля. Очаг — заполненная камнями и углем яма овальной формы с каменной обкладкой — размещался в его центральной части ближе к южной стене. В очаге найдены обломки одного гончарного сосуда, обломок тигля, куски обожженной глины, бронзовая спиралька, обломок медной пластины и обожженные кости. К вещевым находкам первого горизонта относятся зооморфная подвеска типа XIX по Е.А. Рябини-ну (Рябинин 1981: 36, 38–39), три бусины, фрагмент костыльковой цепи, фрагмент крестика, поясное кольцо, бытовые предметы, а также шлак, глиняная обмазка и керамика. Во втором горизонте найдены фрагменты керамики, шлак, куски глиняной обмазки, обожженные кости, бытовые вещи, медная пластина, кольцевая фибула, накладки, копоушка, обломки браслета и пластинчатой подвески и нож с бронзовой рукоятью. На месте фундамента II в Средневековье производились какие-то работы, следом которых остался слой светлой глины на камнях. В восточной части фундамента расчистили каменную вымостку округлой формы (1,92×2,16 м), назначение которой осталось невыясненным. Под ней обнаружили топор эстонского типа с изогнутой спинкой, бронзовую рукоять ножа и кольцо от удил.

Фундамент постройки III сохранился лишь отчасти. Его камни находились в культурном слое мощностью 0,2 м, под которым прослеживались тонкая (0,04 м) прослойка глины и слой пожара. На этой площади найдены кости, в том числе обгоревшие, два человеческих зуба, бронебойный арбалетный наконечник, обломок топора, поясное кольцо, долото, пробойник и незначительное количество глиняной обмазки. В северной части фундамента IV (7,8×4,92 м) находились камни печи, под которыми был уголь и обгоревший до красного цвета песок. В первом горизонте здесь были найдены следующие вещи: ключ от замка типа Б-1 по Колчину (Колчин 1959: 79, рис. 67, 5, 82), кольца бронзовое и железное, железная спица, круглая решетчатая подвеска, подковообразная фибула и железная кольцевая фибула с тремя наружными утолщениями по дуге и три черешковых наконечника стрел, один из которых со срезанным лезвием. К находкам второго горизонта относились овально-

выпуклая фибула типа F1, бронзовая бусина и спиральки, железная бритва, поясное кольцо, обломки косы и серпа, нож, фрагменты керамики, глиняная обмазка, обожженные кости и зубы животных.

Постройка V (около 8×6 м) была поставлена на материке. Впрочем, С.И. Кочкуркина в другом месте (Кочкуркина 1981: 83) отмечает наличие слоя угля в нижней части фундамента данной постройки, объясняя его происхождение строительной деятельностью на территории. Каменная печь располагалась у южной стены. В пределах фундамента собрано более 1000 кусков глиняной обмазки, 86 фрагментов керамики, большое количество обожженных костей, а также найдены точильный камень, светец и обломок тигля. Исследовательница считает, что печь была поставлена на более ранний культурный слой, в котором находились вещи X–XI вв. (Кочкуркина 1981: 84). Внутри фундамента в первом горизонте были найдены серебряная овально-выпуклая фибула типа С2 индивидуальные и медная (бронзовая?) овально-выпуклая фибула типа Н/ПВ или Н/ПС, серебряный цепедержатель типа II: 1 и ажурная треугольная подвеска. Во втором горизонте найдены серебряный цепедержатель типа II: 2, две лировидные поясные пряжки, керамика, глиняная обмазка и обожженные кости, а на поверхности северной стены — точильный камень, овальное кресало, светец и большое количество глиняной обмазки. На поверхности южной стенки найдено железное острие (веретено?), На этом месте также найдены шлак, керамика, украшения и железные спицы.

Постройка VI, также поставленная на уровне материка, была исследована лишь отчасти. Очаг располагался у южной стенки; от него сохранился культурный слой с большим содержанием угля, обожженных костей и керамики. Внутри нее найдены овально-выпуклая фибула типа С1/1b, зооморфная подвеска типа XX по Е.А. Рябину, серебряный перстень, пастовая бусина, кольцевая фибула, пластинчатая подвеска, поясные кольца (4 экз.), веретено, светец и гвозди. Во втором горизонте было меньше находок: нож с бронзовой рукоятью, наконечник дротика, бронебойный арбалетный наконечник и два скобеля (Кочкуркина 1981: 81–84, таблицы 9–12; Lehtosalo 1966: 22, 26; Linturi 1980: 15–16, 39–43; Рябинин 1981: 36, 39–43). Из исследованных фундаментов построек большая часть была ориентирована по линии юг-север, лишь фундамент V поставлен по линии северо-восток–юго-запад.

На раскопанной территории были также исследованы открытые конструкции, как то наружные очаги и различные каменные выкладки. На их месте и рядом найдены угли, сгоревшее дерево, кости и глина, шлаки и керамика. Из вещей найдены два ножа, пастовая бусина черного цвета с белыми полосками, мотыга, пробойник, ботало, обломок косы, переделанный в волочило, подковообразная фибула со спиральными головками, звездчатое кольцо, подвеска, разделитель ремня, молоток, ледоходный шип, веретено, замок типа Б по Колчину (Колчин 1959: 81–82), лезвие ножа, орнаментированная (бронзовая?) рукоять, обломок тигля, точильный камень, гарпун, бутылкообразная подвеска, обрывок цепи, веретено, бритва, гвозди и ряд вещей X–XI вв. (Кочкуркина 1981: 85). В раскопе IV у вала найдены наконеч-

ник стрелы, кольцо от удила, обломок серпа, железная пластина, гвозди, керамика и другие изделия. Культурный слой на этой территории мощнее, чем в других раскопах. Строительная деятельность на площадке продолжалась и в Средневековье (Кочкуркина 1981: 78–79).

По мнению исследователя городища С.И. Кочкуркиной, на вершине возвышенности находился, вероятно, в X в. и начале XI в. могильник с ТПС, следы которого встретили в раскопах I, II и III, а также в северной части раскопанной территории, где одно хорошо сохранившееся погребение было исследовано. В XII–XIV вв. городище служило городищем-убежищем, которое продолжало использоваться, судя по формам построек, и позднее. Наряду с валами в систему защитных сооружений входили также постройки из камня. По-видимому, уже в начале существования городища на поселении возник пожар, по причине чего большая часть построек поставлена на культурном слое. Жизнь на городище возобновилась в позднем Средневековье, и в XVIII в. на нем располагался воинский гарнизон (Кочкуркина 1981: 85–87).

Подавляющая часть датированных находок представлена вещами карельских типов и датируется эпохой крестовых походов. Имеются все же основания для попытки более детально рассмотреть этапы истории городища Паасонвуори. Наиболее ранней находкой является навершие меча типа S по Петерсену, являющееся единственной надежно датированной X в. вещью (Petersen 1919: 142). Все остальные ранние изделия (топор скандинавского типа с прямой спинкой, бритвы, сердоликовые и часть других бус, поясная накладка готландского типа, равноплечные фибулы группы 7 по Кивикоски, часть подковообразных фибул, обломки спиральных и массивных бронзовых со вставками браслетов, лировидное кресало) датируются эпохой викингов; часть — ее второй половиной и XI в. Согласно наблюдению Ю.-П. Таавитсайнена, часть из наиболее ранних металлических предметов побывала в огне и отчасти расплавилась, что нехарактерно для более поздних изделий. На местах находок этих ранних оплавленных вещей найдены также шлаки (Taavitsainen 1990: 244). К этому можно добавить, что, на наш взгляд, нет достаточно твердых оснований считать изученное в северной части «хорошо сохранившееся погребение X — начала XI вв.» (Кочкуркина 1981: 75–77) действительно погребением с ТПС. Вопрос о характере самого раннего, первоначального этапа истории Паасонвуоринвуори остается еще в достаточной степени открытым. Могильник эпохи викингов — это очень приемлемая характеристика еще и потому, что и на других древних карельских городищах (Тиверский городок, Лопотти) в их южных частях или на южных склонах возвышенности находились следы могильников, предшествующих этапу существования собственно укрепленного поселения. С другой стороны, нельзя исключить и использование древних вещей в качестве металлического лома.

Из вещей эпохи крестовых походов наиболее ранними являются топор эстонского типа с изогнутой спинкой, относящийся к концу эпохи викингов и эпохе крестовых походов (Wuolijoki 1972: 10, 43), игольник, круглую решетчатую подвеску, подковообразные фибулы типа 13 и 16 по Сальмо

(Salmo 1956) и лировидные поясные пряжки. Часть изделий, как, к примеру, замок типа Б, ключ от него и овальное кресало с заостренными концами, находились в употреблении уже в XII в., часть же украшений и других предметов вошли в обиход только в XIII в. (зооморфная подвеска типа ХХ по Е.А. Рябиницу и серебряная кольцевая фибула). Вещи карельских типов (овально-выпуклые фибулы и крестовидные цепедержатели) являются характерной принадлежностью костюма карельской женщины в эпоху крестовых походов.

На городище Паасонвуори следы постоянного пребывания человека отчетливо фиксируются, по крайней мере, с XI в. Находки вещей эпохи крестовых походов перекрывают практически весь период 1050–1300 гг. Обстоятельства находок карельских украшений дают основание предполагать продолжение функционирования могильника на том же самом месте и в эпоху крестовых походов. Так, например, две овально-выпуклые фибулы и два крестовидных цепедержателя нашлись в одном месте — внутри фундамента V. Слой пожара, несомненно, свидетельствует о наличии поселения, но, к сожалению, радиоуглеродное датирование угля из слоя не производилось. По находкам рабочих инструментов и хозяйственных принадлежностей складывается картина существования поселения на этом месте во второй половине эпохи крестовых походов или в раннем Средневековье. Вопрос о дате начала его существования остается открытым.

Находки эпохи крестовых походов в окрестностях г. Сортавалы

На острове Тулолансаари в различное время сделан целый ряд находок древних вещей, указывающих на существование здесь постоянного населения в эпоху крестовых походов (рис. 97). В дер. Путсинлахти на берегу залива Ликолахти на земле Яаатинена найдены овально-выпуклые фибулы типов F2 (2231: 26) и H/II B:2 (варианты a, b) (2231: 27). В той же деревне на поле Киркконверья, где, по Т. Швиндту, в последней четверти XIX в. местными жителями были раскопаны несколько могил и найдены позднее утраченные бронзовые украшения, найдены многобусинное серебряное височное кольцо, разделитель ремня с утолщениями и круговая керамика (2647: 1–3). На противоположном от дер. Путсинлахти берегу залива, на мысу Анттиланниemi у северного подножия городища Ниеменлинна находится холм Калмакенкку, на поверхности которого были видны углубления от могил, в которых находили кости. В 1889 г. Швиндт произвел на холме раскопки, исследовав две могилы. В первой находился потревоженный костяк, во второй при останках погребенного нашли железную поясную пряжку и перстень (2646: 1–2). На месте второй могилы был расчищен очаг, на котором найдены обломки гончарных сосудов и два оселка. Ранее на холме был найден бронзовый перстень (Killinen 1890: 61, 67; Nordman 1924: 154; Кочкуркина 1981: 116, № 187, 188; Uino 1997: 325–326; Saksa 1998: 155).

В деревне Хюмпёля (рис. 97) на земле Пиккарайнена найдены две овально-выпуклые фибулы типа Н/ПС: 3, два крестовидных цепедержателя типа II: 1 и подковообразная фибула с витой дугой типа 19 по Сальмо (3452: 7–11). В этой же деревне обнаруживаются следы двух грунтовых могильников, на месте одного из которых при расчистке поля около 1850 г. нашли «кости, фибулы, длинные бусины и серебряные капли» (Killinen 1890: 62–63; Nordman 1924: 154, fig. 137; Кочкуркина 1981: 116 (№ 189); Uino 1987: 328; Saksa 1998: 155). В северной части о-ва Риеккала в дер. Нукутгалахти на участке Рантала в 1921 г. А. Европеус обнаружил поселение конца железного века или раннего Средневековья (№ 44). На месте в разрезе канавы и шурфах выявлен культурный слой с гончарной керамикой, глиняной обмазкой с отпечатками поверхности бревен, кусками шлака (7899: 1–2). На этом месте найдены также остатки печи из каменных плит. На северном берегу о-ва Риеккала в дер. Рантуэ у часовни Мииккула найден клад серебряных вещей, включающий витую шейную гривну, две подковообразные фибулы типа II: 2 и три круглые пластинчатые подвески (8121: 1–6) (рис. 38). В музее г. Сортавалы хранились подвеска и два оселка с отверстиями для подвешивания из дер. Телкиниemi на о-ве Риеккала. В дер. Риеккала на земле Пулкинена при земляных работах на холме найдены кости, черная земля и шлак. На этом же острове в дер. Телкинниemi на участке Ламберг С.И. Кочкуркина в 1974 г. исследовала прямоугольную каменную вымостку, ориентированную по линии СЗ–ЮВ, трактуемую ею как погребение. На вымостке найдены 13 фрагментов керамики, четыре кусочка кальцинированных костей и бронзовая спиралька, не дающие находке точной датировки (Hackman 1925: 52–53; Nordman 1924: 154; Кочкуркина 1981: 106, № 130; 117, № 199; Uino 1997: 328–329; Saksa 1998: 155–156).

В дополнение к рассмотренному выше городищу Паасонвуори на островах Ладожского озера в районе Сортавалы выявлен целый ряд городищ с укреплениями, но без культурного слоя и доисторических находок. Нами уже в связи с находками в дер. Путсинлахти на о-ве Тулолансаари упоминалось выше городище Ниemenlinna на мысу Анттиланниemi (рис. 97, 101). Это городище примечательно своими оборонительными стенами и полным отсутствием культурного слоя, что характерно и для других средневековых городищ этой части Приладожья. Городище Ниemenlinna представляет собой возвышенность с относительно пологим южным склоном и более крутым северным. Она разделяется на две части по линии север–юг ложиной, расширяющейся к югу. Каменные укрепления представляют собой отвесные стены с северной и южной сторон. С восточной стороны также можно наблюдать части подобной стены. Стены защищают террасу с южной стороны и закрывают ложины с южной стороны. В стене имеются два воротных прохода. Апельгреном были зафиксированы с внутренней стороны пять куч камней, назначение которых осталось невыясненным. Предполагается, что это могут быть запасы метательных камней. Натурные обмерные работы провела на городище в 1970 г. С.И. Кочкуркина, которая отметила также наличие каменных куч. При разведочных работах на

городище в 1989 г. нами был разобран юго-восточный сектор каменной кучи с внутренней стороны и справа от центрального воротного входа. Никаких прослоек угля или золы, равно как и находок, не обнаружено. Также и в шурфах с внутренней стороны у основания южной стены не зафиксирован культурный слой (Schwindt 1883: 6; Killinen 1890: 66–67; Appelgren 1891: 174–176 (no 294); Uino 1998: 336). На о-ве Тулолансаари на расстоянии 1,5 км от предыдущего к В-СВ и на противоположном от него берегу залива Ладожского озера находится городище Мёнтсяля Хулконвуори (Лапинлинна) (рис. 97). Напротив городища расположен остров Кирккосаари, на котором был православный могильник, церковь св. Ильи и монастырь Вайсила, сожженный в 1636 г. Вершина возвышенности Хулконвуори поднимается на высоту 48 м над уровнем Ладоги и со всех сторон окружена каменной стеной — валом, образующим почти правильный прямоугольник. В 1878 г. на площадке городища были зафиксированы полусферические каменные насыпи, однако десятилетие спустя Appelgren отмечал полное отсутствие следов таковых. Раскопки на городище не проводились. Ю. Ринне был склонен все же относить его ко времени до XIII в. (Schwindt 1883: 6; Appelgren 1891: 176–178, № 295; Rinne 1914: 69; Uino 1997: 336; Saksa 1998: 155–156). На наш взгляд, возникновение укрепления следует относить к эпохе Средневековья, конкретнее, к XIV–XV вв., то есть ко времени периодических обострений борьбы Новгорода со Швецией в Карелии.

На втором большом, соседнем с Тулолансаари острове этой северной части Ладожского озера Риеккалансаари (Риеккала) также выявлен целый ряд городищ (рис. 97). Островное городище Линнасаари расположено в устье залива Токкарлахти в восточной части острова (рис. 97, 102). Его высота над уровнем воды Ладоги составляет 32 м. Размеры этого почти квадратного в плане острова 180×180 м. Наиболее крутые скальные склоны находятся с западной и северо-западной сторон. Глубокая лощина делит остров на две части, северо-восточную и меньшую по размерам юго-западную. Хорошо сохранившиеся каменные валы защищают оба входа в лощину (рис. 103–105). В южной части юго-западной половины возвышенности имеется терраса шириной около 20 м, которая с южной стороны также защищена валом. Защищенная валами и отвесными склонами территория образует площадку с размерами около 80×100 м. На террасе проводил раскопки в 1889 г. Т. Швиндт, вскрывший два очага и небольшую дугообразную каменную вымостку, на которой нашли металлическую пластину и оселок (2648: 1–2). О раскопках на площадке городища он упоминает еще в записях 1879 (?) г. Тогда «копали в трех местах, в каждом из которых было много угля и обожженных камней». Найдены были оселок и медная пластина (Uino 1997: 328). Осмотр городища проводился С.И. Кочкуркиной в 1974 г. и автором данной работы в 1989 г. По результатам осмотра можно отметить хорошую сохранность валов (Schwindt 1883: 6; Killinen 1890: 65; Appelgren 1891: 171–174 (n. 291); Rinne 1914; Taavitsainen 1990: 244; Uino 1997: 328). Второе городище Тукианмяки Линнавуори находится на северном берегу того же залива Токкарлахти в 800 м к северо-западу от предыдущего островного городища Линнасаари

(рис. 96). Вершина возвышенности возвышается на 44 м над уровнем воды в Ладожском озере. Она разделяется на две части ложиной шириной 20–50 м и длиной 80 м. Валы из камней и земли фиксируются по периметру обеих частей (рис. 106). Раскопки на городище проводил Т. Швиндт, в 1879 (?) г. отметивший наличие углей и обуглившейся бересты и полное отсутствие других находок. Осмотр городища проводила С.И. Кочкуркина в 1970 г. (Schwindt 1883: 5–6; Killinen 180: 64–65; Appelgren 1891: 169–170 (№ 289); Rinne 1914; Uino 1997: 334). К западу от упомянутых городищ в разделяющем острова Риеккалансаари и Тулолансаари проливе Паролансалми находятся два островных городища: Хииретсаари и Лиеритсаари. Первый располагается напротив устья залива Токкарлахти (рис. 97). Высота небольшого (примерно 300×200 м) о-ва Хииретсаари над уровнем Ладоги составляет 15 м в наиболее высокой северной части. На острове наблюдаются остатки невысоких каменных валов. Интересно отметить в этой связи, что имеются сведения о вывозе камней с острова в Санкт-Петербург. При осмотре острова в 1994 (?) г. нами выявлены остатки валов. Раскопки на городище не проводились. При беглом осмотре городища следов культурного слоя не выявлено. Осмотр городища проведен также С.И. Кочкуркиной в 1970 г. (Schwindt 1883: 7; Killinen 1890: 66; Appelgren 1891: 173–174, № 292; Uino 1997: 334). Остров Лиеритсаари находится в проливе Паролансалми менее чем в двух километрах к С-СЗ от Хииретсаари (рис. 96). Склоны составляющей его возвышенности не отличаются крутизной. Наиболее пологий юго-западный склон защищен каменным валом с двумя проходами длиной около 50 м. При осмотре нами острова в 1996 г. в его южной части зафиксированы каменоломни (Schwindt 1883: 7; Killinen 1890: 66; Appelgren 1891: 174, № 293; Uino 1997: 335–336).

На исследуемой территории имеется еще целый ряд возвышенностей с названием Линнамяки (городище), при осмотре которых не были выявлены остатки укреплений или каких-либо других следов человеческой деятельности. Поэтому мы в данной работе их не рассматриваем (см.: Uino 1997: 336–337). Топонимом «Линнамяки» в Финской Карелии и Финляндии помимо укрепленных валами или каменными стенами городищ отмечали также и другие труднодоступные и высокие возвышенности.

Население Северного Приладожья в эпоху крестовых походов

В эпоху крестовых походов (1050–1300 гг.) население вышло за пределы сформировавшихся уже в эпоху викингов поселенческих центров Метсямикли, Сортавала и Хелюля (Хернемяки, Лиикола, Паасонвуори) (рис. 12, 43–45; 97; 98). Находки этого времени встречены в дер. Микли в Яааккимаа, на городище Паасонвуори, а также на островах Риеккала и Тулолансаари (рис. 12; 40–45). Могильники эпохи Средневековья выявлены в Яааккимаа (Миинала и Сорола), а также на островах Риеккала и Тулолансаари. Несмотря на то, что материал эпохи крестовых походов района Яааккимаа-

Сортавала достаточно скуден в сравнении с материалом Карельского перешейка и района Куркиёк, он все же дает представление о направлении развития местных общин в позднем железном веке и раннем Средневековье и на этой территории, позволяет определить местные особенности в развитии культуры, направление культурных связей.

В общей сложности на северном побережье Ладожского озера найдено 19 украшений карельских типов, из которых шесть происходит с городища Паасонвуори. По распространению аналогий им на первое место выходит район Миккели (15 аналогий), и эта связь еще более укрепитя, если овально-выпуклую фибулу отнести к типу Н/ИС (в районе Миккели найдено 15 экз.). Значительное количество аналогий насчитывается в Саккола (16), Каукола (10), Ряйсяля (6) и Кякисалми-Кореле (6). В районе Куркиёк выявляется лишь одна аналогия — овально-выпуклая фибула типа F2, а в районе Хиитола — два цепедержателя типов II: 1 и II: 2. Таким образом, выясняется, что более оживленный обмен происходил с более отдаленными областями Карельского перешейка и Восточной Финляндии, в то время как соседние территории Северо-Западного Приладожья слабо представлены в вещевых аналогиях.

ГЛАВА 6

Этапы развития населения древней Карелии и его культуры в эпоху крестовых походов (1050–1300 гг.)

В эпоху так называемых шведских крестовых походов в Финляндию и Карелию Карелия оформляется как культурная область, которая проявляется в археологическом материале через посредство так называемых вещей карельских типов и содержащих их могил, а также через другие археологические памятники: городища и неукрепленные сельские поселения, культовые памятники и клады серебряных вещей и монет (рис. 13). Эти памятники обозначают зону распространения карельской культурной области, ее границы и зону культурных контактов. Ядром этой древней Карелии — Карельской земли древнерусских летописей — были плодородные земли по нижнему течению р. Вуоксы и Северо-Западное Приладожье. Вуокса стала главной карельской внутренней артерией, связующим и объединяющим фактором. Самосознание населения этой территории основывалось на общих военно-политических, экономических и культурных интересах и, наконец, общей заинтересованности в определенных и принятых всеми формах управления землей, ее «держания» старейшинами-валитами. Это сделало возможным зарождение Карельской земли как культурно-исторической общности карел, в рамках которой племя видоизменялось в народность.

Процесс зарождения общей культурной области проходил неравномерно в разных частях этой территории, как это явствует из представленных выше археологических материалов. В некоторых районах развитие поселенческой структуры происходило на основе более древнего населения, как в Саккола Лапинлахти, окрестностях Тиверского городка, Ряйсяля, Кякисалми-Корелы, Куркиёк и Сортавалы Хелюля. В других местах население возникает или закрепляется только в эпоху крестовых походов, как это происходило в Рауту, Ряйсяля Ховинсаари, Каукола Коверила, Хиитола Кильпола, а также на других, археологически менее изученных территориях Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья. В центральных районах перешейка плотное постоянное население возникает еще позднее и находит отражение уже в письменных источниках во время создания писцовой книги Водской пятины 1500 года.

В предыдущих главах мы рассмотрели процесс увеличения населения и развитие его культуры и хозяйства в рамках каждого конкретного поселенческого центра. В последующих главах попытаемся представить хронологию этого процесса и его содержание в рамках позднего железного века и раннего Средневековья. Хронологической верхней границей является время после Ореховского мирного договора, раздел Карельской земли (древней Карелии) на новгородскую и шведскую части (1323 г.) и последующая окончательная утрата остатков племенной самостоятельности (последняя четверть XIII — первая половина XIV вв.).

В последнее столетие эпохи викингов постоянное население закрепилось на всей основной территории будущей Карельской земли, что отражается в возникновении именно в XI в. продолжительное время функционировавших могильников (Сакса 1985: 94–97; 2001, 95–100; Saksa 1992b: 472–477; 1994a: 32–44; 1998: 157). На место отдельных воинских захоронений X — первой половины XI вв., зачастую находящихся в местах, где отсутствуют следы поселения этого времени (Валкярви Уосуккала, Муола Юля-Кууса, Лопотти Линनावуори, Выборг Эссаари, Метсяпиртти КоукунниEMI), приходят могильники постоянно проживающего на данной территории населения (Саккола Лапинлахти, Куркиёки Куушпала). Следует также учесть многочисленные находки вещей XI–XII вв., напрямую указывающие на наличие могильника или близость его. Это постоянно проживающее на ограниченной поселением территории и осуществляющее на ней и в ближайшей округе хозяйственную деятельность население и послужило основой дальнейшего подъема культуры в эпоху крестовых походов.

Причина перемен в росте населения и развитии культуры не могла состоять только в предполагаемом переселении в конце железного века нового населения из Западной Финляндии или Юго-Восточного Приладожья. Естественно предположить, что должна была быть какая-то причина, какой-то фактор, закрепляющий население на одной постоянной территории, а именно — форма осуществляемой поблизости от места поселения хозяйственной деятельности, позволяющей поддерживать жизнедеятельность растущего населения. Такой новой формой хозяйства являлось земледелие, поскольку именно развитие земледелия сделало возможным отражающийся в археологическом материале рост населения, приведший к зарождению и развитию представленных выше поселенческих центров. Прямыми свидетельствами земледельческой деятельности в археологическом материале являются мотыги, косы, серпы и косвенно также рабочие топоры (подсека). К следам занятий земледелием и скотоводством можно причислить также находимые на поселениях и в могилах кости различных домашних животных, зерна злаковых растений, находки пружинных ножниц, обрывков шкур и фрагментов шерстяных тканей. Убедительные свидетельства последовательного развития земледелия, начиная именно с конца эпохи викингов (XI в.), получены нами в ходе палеоэкологических исследований последнего десятилетия на рассматриваемой территории.

Начало эпохи крестовых походов (1050–1100-е гг.)

Развитие поселенческой структуры на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье в первой половине эпохи крестовых походов проявляется в археологическом материале следующим образом. Появившееся уже в среднем железном веке и, самое позднее, в позднем железном веке постоянное население продолжало обитать в Саккола Лапинлахти, Ряйсяля

(Тиверский городок, территория самого поселка Ряйсяля, Ховинсаари), Кякисалми-Кореле, Суотниemi, Куркиёках (территория самого поселка, Кууппала, Хямеенлахти) и в районе Сортавалы (Хелюля). Логично предположить, что именно на этой территории должны найтись ранние формы типичных карельских вещей эпохи крестовых походов, такие, к примеру, как наиболее ранние формы овально-выпуклых фибул. Таковые найдены в Лапинлахти (Н/IA (4636: 2) и Н/IC (1922: 409, 2520: 32, 7291: 21) и Ряйсяля Ивасканмяки (Н/IA (1922: 419) Н/IB (1922: 420). Оплавившиеся в огне фибулы (возможно, из могил с ТПС) найдены в Ряйсяля Ивасканмяки (1922: 421), Суотниemi (2487: 47) и в Куркиёки Кууппала (10670: 143 и найденная в 1986 г.). В районе Кексгольма найдены две побывавшие в огне фибулы типа Н/IIA: 1 (5832: 1a, b), вместе с другими украшениями со следами патины от воздействия огня (Lehtosalo 1966: 23–26, 35–36). Из фибул с зооморфным орнаментом наиболее ранняя, относящаяся к подгруппе C1/1a по Линтури, найдена на о-ве Кильпола в деревне Кильпола (3247: 13). Еще одна фибула типа C1 найдена на городище Паасонвуори в 1979 г. (Linturi 1980: 13–18, 101). Большая часть этих вещей найдена случайно как отдельные находки, и только незначительная часть происходит из разрушенных погребений. Никакой прямой типологической связи между сделанными на одной территории находками этих украшений не прослеживается. Имеются, правда, находки входящих в один тип, но относящихся к различному времени вариантов украшений на одной территории, как, например, овально-выпуклые фибулы типа Н, относящиеся к подгруппам (вариантам) Н/IA, Н/IC, Н/IIA:4, Н/IID: 2a и b из Саккола Лапинлахти. Однако аналогичные украшения, помимо Карелии и Восточной Финляндии, известны и на более удаленных территориях (Lehtosalo 1966: 35–37).

Трудности в определении начального этапа карельской культуры позднего железного века могут происходить и из того, что уже в эпоху крестовых походов, вероятно, в XIII в., произошел новый переломный момент в ее развитии. В могилах этого времени больше изделий из серебра и более декорированных украшений (появляются круглые броши-медальоны из серебра, новые варианты серебряных подковообразных фибул, цепедержателей, ножен ножа, овально-выпуклых фибул). В мужских погребениях центрального, ближайшего к племенному центру на Вуоксе (Кякисалми-Корела) района Карельской земли (могильники Каукола Кекомаки, Суотниemi) обычными становятся мечи с украшенными акантовым растительным орнаментом литыми бронзовыми или инкрустированными серебром рукоятями, серебряные кольцевидные фибулы, пояса с металлическими накладками, кресты нательные, перстни-печатки. Расположение могильников в непосредственной близости от деревень, сам тип могильников и деревень (однодворные или малодворные деревни и им соответствующие небольшие родовые кладбища), форма и конструкция могил (деревянные срубные рамы, деревянные камеры («домики мертвых»), коллективные родовые захоронения) отражают изменившиеся формы расселения и хозяйственной деятельности.

Также и в духовной культуре происходят существенные изменения, важнейшим из которых является переход от трупосожжения на древней дневной поверхности к грунтовым могилам. Перемена в погребальной обрядности произошла в относительно короткий срок — в конце XI — первой половине или середине XII в. При том, что это время относится к начальному периоду эпохи крестовых походов и в обиходе стали появляться новые формы украшений, относимых к типично карельским, традиции погребальной обрядности эпохи викингов, прежде всего обряд трупосожжения, продолжались до начала или даже середины XII в. В конце XII и в XIII в. появляются новые «классические» могильники эпохи крестовых походов в Ряйсяля Ивасканмяки и Ховинсаари Тонтинмяки, Саккола Лапинлахти (Леппясенмяки, Паямяки, Патъя), Рауту (Лейникюля), на территории Кякисалми-Приозерска, в Суотниemi, Каукола Коверила (Кекомьяки, Кулхамьяки), на о-ве Кильпола, в Куркиёках (Сяккимьяки). К этому же времени относятся поселения в дер. Рииска, Кейя и Лапинлахти на оз. Суходольское (Суванто), Тимоскала в нижнем течении Вуоксы, Салитсанранта на озере Отрадное (Пюхьяярви), Коверила на озере Богатырское (Ковериланярви), Ховинсаари и Суотниemi на озере Вуокса, Куупшала и Нукутталахти в Северо-Западном Приладожье (рис. 13).

Сельские поселения — небольшие однодворные деревни — и такие же небольшие относящиеся к этим деревням могильники являются надежными индикаторами постоянного населения. На этих же территориях известны жертвенные камни с выемками и культовые места (рис. 12; 29–31; 37–40; 50; 61) (Saksa 1985a: 46–48; 1998, 158–159). В эту эпоху «пришло время» и возникновению городов как центров населенной округи, ремесла и торговли. С течением времени часть из них развивалась в укрепленные или административные центры. Самое позднее, в XIII в. карелами были построены крепость Кякисалми (до постройки Корелы в 1310 г.), Тиверский городок и Выборг (до 1293 г., дошведский), важнейшей функцией которых, наряду с вышеупомянутыми, был контроль за судоходством по Вуоксе и его обеспечение. Это видно по тому, что Выборг и Кякисалми были поставлены в конечных точках Вуоксинской водной системы у ее выходов в Финский залив и Ладожское озеро, а Кякисалми и Тиверский городок — еще и на узловых, сложных с точки зрения судоходства местах порогов (рис. 13). Городище Хямеенлинна в Куркиёках первоначально возникло как ремесленный и торговый центр округи, который в XII в. был защищен валами, приобретя оборонительные функции. Городище Паасонвуори в Хелюля становится укрепленным поселенческим центром, по-видимому, только во второй половине эпохи крестовых походов или в раннем Средневековье.

Развитый этап эпохи крестовых походов (конец XII в. — 1300 г.)

Следствием происшедших в эпоху крестовых походов кардинальных перемен в экономике, культуре и социальной структуре стало возникновение новой поселенческой структуры. Основной хозяйственной, социальной и

поселенческой единицей этой системы становится деревня со своими полями и угодьями. Глубину перемен отражают также изменения, происшедшие в религиозных представлениях карел. Проведенные нами в 1980-х гг. на Карельском перешейке исследования показали, что культовые камни на п-ове Большом (Ховинсаари, Раммансаари), в пос. Яркое (Суотниemi) и в дер. Ольховка (Лапинлахти) использовались при отправлении культов и совершении приношений в эпоху крестовых походов и, по всей видимости, в Средневековье. «Жертвы», как это было и в XIX в., по-видимому, приносили в виде продуктов земледелия, животноводства и рыболовства. Это же относится и к культовым каменным кучам в дер. Ольховка (Лапинлахти), в которых найдена такая же керамика, как и в основании культовых камней, на карельских поселениях и городищах, в грунтовых могилах.

Этот относящийся уже к концу языческого времени этап расцвета древнекарельской культуры продолжался, как выше было установлено, относительно недолго, чуть более ста лет. По этой причине значительных перемен в культуре не произошло. Несмотря на то, что все грунтовые могилы эпохи крестовых походов составляют относительно гомогенную группу, некоторые хронологические различия и динамика в развитии в них наблюдаются. Наиболее ранние украшения встречены в составе находки (разрушенный могильник?) на поле Симо Хайкканена в дер. Ивасканмяки. Входившие в нее овално-выпуклые фибулы (6 экз.) относились к различным вариантам фибул с ракообразным орнаментом типа Н: Н/IA (1922: 419), Н/IV (1922: 420), Н/II:2b (1922: 418) и Н/II: 2 варианты серий а и b, а также сильно оплавленная фибула типа Н (1922: 421). Единственное исключение составляет фибула типа К (1922: 422). Из перечисленных лишь фибулы типа Н/II: 2 варианты серий а и b найдены в Карелии в могилах (Паямяки 1917 и 1931), остальные представлены отдельными находками и встречаются на более широкой территории, включающей Восточную Финляндию и Ладожскую Карелию (Lehtosalo 1966: 23–32, 35–37). Остальные вещи из находки — пронизка типа I: 2a (1922: 427), обкладка ножен ножа типа III и рукоять ножа (1922: 423) и копоушка типа I: 1a (1922: 425) — встречаются в наиболее ранних грунтовых могилах (таблица VIII). В той же деревне у дома Олинахо позднее нашли две овално-выпуклые фибулы с зооморфным орнаментом типа C2/1b (3130: 10, 11), которым имеется только две аналогии в Миккели Висулахти (могила 16). По-видимому, к инвентарю той же могилы относятся две пронизки с двумя ушками и подвесками типа II, бронзовые бусины и простейшая кольцевая фибула (Linturi 1980: 80).

Из раскопанных могил и других сохранившихся могил, инвентарь которых стал доступен археологам, наиболее ранними можно считать датированные концом XII–XIII в. погребения Паямяки-1917 и -1931 и Леппясенмяки-4 в Лапинлахти, погребения 1: 1, 1: 2, 1: 3, 1: 4, 3, 5: 1, 5: 2 и 6 на могильнике Кекомьяки и погребение 2 на могильнике Кулхамьяки в дер. Коверила (Бога-тыри), погребения 1/1886, 3/1886, 7/1886, 1/1888, 3/1888, 5/1888, 6/1888 на могильнике Тонтинмяки и могилы 1 и 3 на могильнике Суотниemi. Уже на

том основании, что многие могилы этой группы происходят из одних и тех же могильников, а сами могильники представляют собой кладбища небольших однодворных или малодворных деревень, можно предположить, что захоронения в этих могилах были совершены в разное время. Между ними, следовательно, должна быть относительная хронологическая разница.

Из таблицы IX следует, что в погребениях 1: 1, 1: 2, 6 могильника Кекомаки, мог. 1/1888 из Тонтинмяки и мог. 3 из Суотниemi найдены серийно выполненные овально-выпуклые фибулы типа С2/3а. На хронологическую близость этих могил указывают и другие украшения из могил. Инвентарь погребения 1: 2 из Кекомаки почти полностью идентичен инвентарю могилы 1/1888 из Тонтинмяки: круглые серебряные броши, подковообразные фибулы типа I: 1а, цепедержатели типа I: 3а, копоушки типа I: 2 и пронизки типа I: 2а. Диаграмма 22 показывает, что почти все аналогии украшениям из женской могилы 1/1888 из Тонтинмяки (21 экз.) находятся в материале могильника Кекомаки, в то время как в могилах своего могильника отыскивается лишь две. Есть основания предположить, что захороненная на холме Тонтинмяки в могиле 1/1888 женщина была родом из деревни Кекомаки на противоположной, северной стороне озера Вуоксы. Видимо, она в результате брачных связей попала со своим праздничным костюмом на южный берег озера, на п-ов Ховинсаари. Близко к этим погребениям находится могила 2 из Кулхамьяки (круглая серебряная брошь, подковообразная фибула типа I: 1а, цепедержатель типа I: 3а и копоушка типа I: 2). Отличается овально-выпуклая фибула, представленная типом С2 индивидуальные с заостренными концами. В эту же группу входит погребение I: 1 из Кекомаки (фибула типа С2/3а, копоушка типа I: 2 и пронизка типа I: 2а). Отличается цепедержатель, относящийся к типу I: 1. В могиле 6 из Кекомаки были фибула типа С2/3а и подковообразная фибула типа I: 1а. Появляется подковообразная фибула типа II: 2 с выпуклой дугой, которая также входит в инвентарь погребений 5: 1 и 5: 2 в Кекомаки, в которых были также круглые серебряные броши. Различаются овально-выпуклые фибулы (в погребении 5: 1 типа Н/ПВ: 2а, в погребении 5: 2 — F3). В погребении 5: 2 отсутствует подковообразная фибула типа I: 1а.

В группе мужских погребений в эту же хронологическую группу входят погребения I: 3, I: 4, 3 из Кекомаки и могила 1 из Суотниemi, в которых были шейные ленты, кольцевые фибулы, крестики «скандинавского типа» с тремя утолщениями на концах (кроме Суотниemi-1), перстни (кроме Суотниemi-1), пояса, мечи (кроме Кекомаки-1: 4), наконечники копий и котлы. Из этих могил особенно близки между собой были три погребения из Кекомаки. В эту группу можно включить также погребение 5: 3 из Кекомаки, в котором не было шейной ленты и перстня, но находились крестик, пояс, меч, наконечник копья и котел (таблица VI, IX).

В представленном выше обращает на себя внимание то обстоятельство, что большая часть погребений этой узкой хронологической группы происходит из могильника Кекомаки (1: 1, 1: 2, 1: 3, 1: 4, 3, 5: 1, 5: 2, 5: 3, 6) и только

два из Суотниемеи (1 и 3) и одно из Тонтинмяки (1/1888) (таблицы VI, VII, VIII, IX и XI). На могильнике Тонтинмяки, кроме могилы 1/1888, только одна могила 3/1886 может быть сопоставлена с погребениями 5: 1 и 5: 2 из могильника Кекомаки (овально-выпуклая фибула типа Н/ПВ: 2а, цепедержатель типа I: 3а и ножны ножа типа I: 2 (таблица XI)). Это обстоятельство ставит вопрос о хронологической связи между могильниками и отдельными могилами на них, особенно между Тонтинмяки и Кекомаки, о близости которых в инвентаре могил свидетельствуют диаграммы 45 и 46.

Распространение типичных для этой группы погребений украшений (овально-выпуклые фибулы типов С2/3а, Н/ПВ: 2а, F3, круглые серебряные броши, подковообразные фибулы типов I: 1а и II: 2, пронизки типов I: 1 и I: а, цепедержатели типа I: 3а, копоушки типов I: 1 и I: 2, ножны ножей типов I: 1 и II) со всей очевидностью показывает, что большая их часть (40) приходится на могильник Кекомаки: из девяти найденных на рассматриваемой нам территории фибул типа С2/3а шесть происходит из могил 1 и 6 (три оставшиеся найдены в Тонтинмяки-1/1888 (две) и Суотниемеи-3); из 13 цепедержателей типа I: 3а пять происходит из могил 1 и 5 в Кекомаки (остальные в Кулхамяки (два), Тонтинмяки-3/1886 и —1/1888 (три), по одному в Паямяки-1917, Куркиёки Сяккимяки, Хиитола Петкола, один найден случайно и два происходят из Миккели Мойсио); из пяти копоушек типа I: 2 две найдены в могилах 1: 1 и 1: 2 (еще по одной найдено в Кулхамяки, Тонтинмяки-1/1888 и в Хиитола Коккола); из пяти подковообразных фибул типа I: 1а три находились в погребениях 1: 2, 5: 1 и 6 (еще одна в Кулхамяки и две в Тонтинмяки (в могилах 1/1886 и 1/1888) и из семи подковообразных фибул типа II: 2 пять происходит из погребений 2, 3, 561, 5: 2 и 6 (остальные найдены в Саккола Патъя и Сортавала Рантуэ). Также и пронизки типов I: 1 и I: 2а, копоушки типа I: 2 и ножны ножа типа II концентрируются на территории могильников Кекомаки и Тонтинмяки (таблица XI). В единственной могиле соседнего могильника Кулхамяки насчитывается пять аналогий, в Тонтинмяки 17, в Лапинлахти на могильниках Леппясенмяки, Паямяки и Патъя 14, в Суотниемеи только три. Таким образом, можем констатировать, что во время, когда рассмотренные захоронения были совершены, население концентрировалось в области нижнего течения Вуоксы и на южном берегу оз. Суванто (Суходольское).

Сравнительные диаграммы распространения карельских вещей свидетельствуют, что с могильниками Кекомаки и Тонтинмяки сопоставимы могильники дер. Лапинлахти. Аналогии вещам из последних (Лапинлахти) проявляются в вещевых находках из погребений Кекомаки-5: 1 (15 аналогий в целом), 5: 2 (8 аналогий) и 6 (11 аналогий) и Тонтинмяки-1/1886 (14 аналогий), 3/1886 (7 аналогий), 5/1888 (15 аналогий) и 6/1888 (6 аналогий). Вещам из погребений Кекомаки-5: 1, 5: 2 и 6 более всего аналогий находится на могильнике Патъя (16) и могилы Паямяки-1931 (8). Последняя могила по вещевым аналогиям более всего сопоставима с вещевым материалом погребений Кекомаки-5: 1 (три) и 6 (четыре). Вещам из могилы Тонтинмяки-1/1886

более всего аналогий находится на могильнике Патья (шесть) и в могиле Паямяки-1931 (четыре). Могила 5/1888 из Тонтинмяки по аналогиям вещам сопоставима с могилой 4 из Леппясенмяки (шесть) и могильником Патья (шесть). Вещевой материал могилы Паямяки-1917 лишь в малой степени (одна–две аналогии) отражается в инвентаре всех могил могильников Кекомаки и Тонтинмяки (рис. 44, 45, 53), что, по-видимому, объясняется предполагаемым временным разбросом вещей в самой могиле (Lehtosalo 1966: 25). Диаграммы находок вещей из Лапинлахти опять же свидетельствуют и о том, что этим вещам находится значительно больше аналогий в могилах отдаленных могильников Кекомаки и Тонтинмяки, чем в погребениях на соседней территории (Рауту) (рис. 44).

Обращение к аналогиям вещей из карельских грунтовых могил в погребениях в Лапинлахти дает нам дополнительный повод для рассуждений о возможных хронологических различиях между могилами или, напротив, о принадлежности их к одной и той же хронологической группе. В могиле Патья-1937 имелись вещи, которым находят аналогии в могилах Леппясенмяки-4, Паямяки-1931 и Лейникюля (по четыре в каждой), в то время как на своем могильнике и в могиле Паямяки-1917 только по одной. Украшения из могилы Леппясенмяки-4 четыре аналогии насчитывается в могиле Патья-1937 и лишь по две в могилах Паямяки-1931 и Лейникюля. Вероятное хронологическое различие между могилами 1917 г. и 1931 г. в Паямяки проявляется в том, что в последней имелись украшения, которым в могиле Патья-1937 насчитывается три аналогии, в то время как украшениям из Паямяки-1917 в той же могиле имеется лишь одна. При этом в могиле Паямяки-1931 их четыре (рис. 44). Таким образом, выстраивается хронологическая цепочка: Паямяки-1917, Паямяки-1931, Патья-1937, Лейникюля, Леппясенмяки-4. Инвентарь могил из Лапинлахти также отражает взаимную хронологическую близость разных могил на могильниках Кекомаки и Тонтинмяки. Например, в свете набора вещей из могил Патья-1937 и Паямяки-1931 погребения 5: 1 и 6 на могильнике Кекомаки близки могиле 1/1886 из Тонтинмяки и обоим упомянутым могилам из Лапинлахти. В эту же хронологическую группу входит также могила 5/1888 из Тонтинмяки и добавляется Леппясенмяки-4 и, в меньшей мере, могила из Лейникюля. Вещевой материал могил Паямяки-1917 и –1931 представлен аналогиями лучше в инвентаре могилы Тонтинмяки-3/1886 (по две аналогии из каждой) и могилы Кекомаки-5: 2 (две аналогии из могилы 1917 г. и одна из могилы 1931 г.) (диаграммы на рис. 44, 45, 53). В могиле Тонтинмяки-6/1888 находится по одной аналогии из всех могил деревни Лапинлахти (таблица VIII). В составленную по материалам погребальных находок из Лапинлахти хронологическую цепочку на этом этапе можно включить также могилы из Кекомаки и Тонтинмяки. В новой редакции она выглядит следующим образом: Паямяки-1917, Тонтинмяки-6/1888(?), 1/1886–3/1886, Кекомаки-5: 1, 5: 2, 6, Паямяки-1931, Патья-1937, Лейникюля, Тонтинмяки-5/1888, Леппясенмяки-4.

На этом этапе опять встает вопрос о той, обнаруживаемой среди наиболее ранних могил группе, ядром которой являются могилы с овально-выпуклыми фибулами типа С2/3а. Это женские погребения Кекомаки-1: 1, 1: 2, 5: 1, 5: 2, 6, Кулхамяки-2, Тонтинмяки-1/1888, Суотниemi-3 и мужские погребения Кекомаки-1: 3, 1: 4, 3, 5: 3 и Суотниemi-1. Из них Кекомаки-5: 1, 5: 2 и 6 выше нами упоминались в хронологической цепи погребений могильников Кекомаки, Тонтинмяки и деревни Лапинлахти, относящихся к группе относительно молодых могил. С другой стороны, рассматривая внутреннюю хронологию могильников, мы определили две из упомянутых могил (5: 2 и 5: 1) как относящиеся к наиболее ранним на могильнике Кекомаки. Также и могилы Тонтинмяки-1/1886 и 3/1886 принадлежат к наиболее ранним на своем могильнике. Исходя из этого, могилы Кекомаки-1 (две женщины и двое мужчин), 3 (мужчина и женщина), 5 (две женщины и один мужчина), 6 (одна женщина), Кулхамяки-2 (женщина), Суотниemi-3 (одна (?) женщина) и Тонтинмяки-1/1888 (женщина) формируют хронологически относительно молодую группу, в которой погребения могилы 5 в Кекомаки являются наиболее ранними. С одной стороны от них располагаются обе могилы из Паямяки и могилы 1/1886, 3/1886 и 6/1888, а с другой — Патья-1937, Кекомаки-6, Кулхамяки-2, Суотниemi-1 и -3, Тонтинмяки-1/1888, а также коллективные могилы 1 и 3. Свою группу составляют Тонтинмяки-5/1888 и могилы из Леппясенмяки и Лейникюля, которые близки могиле Патья-1937 (таблица XI). Вполне возможно, что они относятся к тому же времени, то есть ко времени могил Патья-1937, Тонтинмяки-1886 и Кекомаки-5: 1.

Вопрос о проявляющихся в погребальном инвентаре связях между районами нижнего течения Вуоксы и оз. Суванто (Суходольское) является также вопросом о хронологии могил и о происходящих со временем изменениях в погребальном инвентаре. Имеются основания подчеркнуть, что в некоторых из рассмотренных выше могил основного ядра группы ранних женских могил (Кекомаки-1: 1, 1: 2, 3 и Тонтинмяки-1/1888) нет вещей, которым находилось бы более чем одна или две аналогии в Лапинлахти (рис. 44; 45; 53). Диаграммы по материалам могильников Лапинлахти, с другой стороны, свидетельствуют, что связь с центрами в Коверила и Ховинсаари сохраняется во все время существования этих могильников. Изменения происходили на уровне отдельных могильников на территории одной деревни или отдельных же могил сопоставляемых территорий (например, вещам из могил Кекомаки-5 и 6, входящих в рассматриваемую группу, находятся аналогии в Лапинлахти (рис. 44, 45). Можно даже предположить, что «ритм» в совершении захоронений на могильниках одного региона мог не совпадать, поскольку часть могил содержит вещи, которым вовсе не находится в других местах аналогий, хотя и есть все основания полагать, что и другие могильники существовали в это же время.

Могилы, образовавшие в результате рассмотрения вещевого инвентаря определенную хронологическую группу, классифицируемые по погребальному обряду, относятся в этом случае к различным группам: могилы Кеко-

мяки-1, 3, 5 и 6 входят в группу II; могилы Тонтинмяки-1/1888, Кулхамьяки-2 и Суотниemi-1 относятся к группе III. Все могилы из Лапинлахти входят в группу I (таблица V). На этом основании можно предположить, что рассмотренные нами черты погребального обряда являются в большей степени локальными; как хронологические, продиктованные временными изменениями в погребальном обряде их можно рассматривать только на материале больших, функционировавших продолжительное время могильников, таких, как Ховинсаари Тонтинмяки.

ГЛАВА 7

Карелия в эпоху крестовых походов и Средневековья.

Итоги развития

Представленная выше хронологическая цепочка могил может служить основой картины развития на территории всей древней Карельской земли. Опираясь на нее, можно выделить различные группы могил внутри определенных этапов эпохи крестовых походов с помощью найденных в них вещей (главным образом женских украшений) и по их распространению. При этом с большой долей вероятности к наиболее ранней группе могил (XII в. — первая половина XIII в.) можно отнести Паямяки-1917 и -1931, Тонтинмяки-1/1886, -3/1886, и -6/1888.

Распространение вещей (таблица XI) показывает, что в могилах Тонтинмяки-1/1886, 3/1886 и Паямяки-1931 находится много предметов, аналогии которым имеются в могилах следующей хронологической группы, особенно в погребении Кекомаки-5: 1 и Тонтинмяки-1/1886. Причиной этого, скорее всего, являются не локальные различия в моде, поскольку наблюдение касается могил различных могильников, а именно хронология комплексов. Точная датировка невозможна и по той причине, что древний владелец вещей за время своей жизни мог поменять часть украшений из набора украшений костюма. Примером того, что так могло произойти, являются могилы Паямяки-1917 и Тонтинмяки-1/1886 (таблица XI).

В следующую группу (конец XII — XIII вв.) входят погребения Кекомаки-5: 1, 5: 2, Тонтинмяки-5/1888, Патья-1937, Лейникюля и Леппясенмяки-4. Характерные для могил этой группы украшения отчасти присутствуют в инвентаре погребений предыдущей группы (овально-выпуклые фибулы типа Н/ПВ: 2а, пронизки типа I: 2b, цепедержатели типа I: 3а, ножны ножей типа I: 2, копоушки типа I: 1), в большей степени — в могилах Тонтинмяки-1/1886 (3 экз.) и Паямяки-1931 (3 экз.).

Третью группу (конец XII — XIII вв.) формируют Кекомаки-1, 3, 5, 6, Кулхамьяки-2, Тонтинмяки-1/1888, Суотниеми-1 и 3. Данная группа является наибольшей и основной, что хорошо видно по таблицам IX и XI. Территориально могилы этой группы ограничиваются районом южного и северного побережья оз. Вуоксы. Второй регион, хорошо представленный памятниками рассматриваемого времени, расположен на южном берегу оз. Суходольское (Суванто) в дер. Ольховка (Лапинлахти). Эта территориальная удаленность отражается в археологическом материале различиями в погребальном обряде и украшениях, что усложняет датировку могил обоих регионов и отнесение их к определенным хронологическим горизонтам. Это именно те проблемы, которые проявляются при рассмотрении этой основной третьей группы карельских могил эпохи крестовых походов и попытке создать обоснованную,

опирающуюся на тщательный детальный анализ археологического материала картину эволюции населения и его культуры в древней Карелии в эпоху крестовых походов.

Как выше уже было отмечено, у могил рассматриваемой группы наблюдается связь по украшениям с могилами более ранней хронологической группы — могилы Тонтинмяки-1/1886 и 3/1886 (круглая брошь (в этом случае бронзовая), подковообразная фибула типа I: 1а, ножны ножей типа I: 2 и II, копоушка типа I: 1 в первой могиле и овально-выпуклая фибула типа H/ПВ: 2а, цепедержатель типа I: 3а, пронизка типа I: 2а и ножны ножа типа I: 2 — во второй) (таблица XI). С другой стороны, и в группе поздних могил находятся украшения из могил основной группы: серебряные круглые броши из Леппясенмяки-4 и Лейникюля, цепедержатель типа I: 3а из Паямяки-1917, а также игла для украшения волос и шейная лента из Леппясенмяки-4; в могилах наиболее старшей группы ножны ножа типа I: 2 и копоушка типа I: 1 входят в набор украшений могил Тонтинмяки-5/1888 и Патья-1937. Следует отметить, что и в могиле Паямяки-1931 найдены вещи этих типов, одновременно с серийно изготовленной фибулой типа H/ПВ: 2а, что сближает ее с погребением Кекомаки-5: 1, в которой имеются также все эти три украшения (таблицы VII, XI).

Судя по всему, часть этих могил, в состав инвентаря которых входили одинаковые овально-выпуклые фибулы типа С2/3а (Кекомаки-1: 1, 1: 2, Суотниemi-3, Тонтинмяки-1/1888 и соответствующие им мужские погребения Кекомаки-1: 3 и 1: 4) следует расположить в таблице между могилами Тонтинмяки-1/1886, Паямяки-1931, Кекомаки-5: 1 с одной стороны и могилами Леппясенмяки-4 и Тонтинмяки-5/1888 — с другой. Более точное определение времени совершения захоронений в этих могилах вряд ли возможно, учитывая то, что как фибулы типа С2/3а, так и найденные в Лапинлахти фибулы типа С3 идентичны между собой в своих группах (Linturi 1980: 33–34, 50–51). Это, как и остальной погребальный инвентарь, означает, что погребения совершены внутри короткого промежутка времени (таблица XI).

В ходе проведенного рассмотрения могил стало очевидно, что в рамках выделенных нами трех групп проявляются еще более мелкие группы почти идентичных между собой могил. Одну такую группу составляют погребения Тонтинмяки-1/1888 и Кекомаки-1: 2, к которым примыкает потревоженная могила Кулхамяки-2 (таблица XI). Во вторую входят мужские погребения Кекомаки-1: 3, 1: 4, 3 и Суотниemi-1 (таблицы IX, XI). С другой стороны, присутствие в погребении определенных серийно выполненных украшений не всегда — во всяком случае, когда речь идет о могилах различных территорий — означает, что и остальной инвентарь могил идентичен между собой. Примером могут служить содержащие овально-выпуклые фибулы погребения Паямяки-1931, Тонтинмяки-5/1888 и Кекомаки-5: 1.

Карельские грунтовые могилы эпохи крестовых походов, как видим, не составляют отчетливых, заметно отличающихся между собой хронологических групп. Причиной этого в первую очередь является, как выше указывалось,

короткий период существования карельской культуры рассматриваемого исторического отрезка, проявившегося в материале грунтовых могильников ее расцвета. Существуют и другие причины. Несмотря на это, имеется возможность составить на основе погребального инвентаря могил относительную хронологическую цепочку уже по всей эпохе крестовых походов.

Наиболее ранние следы проявления материальных элементов карельской культуры фиксируются в Лапинлахти (Ольховка) (овально-выпуклые фибулы типа Н/IA и Н/IC), Мельниково (Ряйсяля) (находка рукояти меча и наконечника копья в 1994 г.), Ряйсяля Ивасканмяки (фибулы типа Н/IA и Н/IB), возможно, в Куркиёки Кууппала, где на могильнике Калмистомяки найдены оплавившиеся в огне овально-выпуклая фибула типа Н и копоушка. Ранние варианты овально-выпуклых фибул найдены в Хиитола Кильпола (C2/1a) и на городище Паасонвуринвуори (C2/1b) у гор. Сортавалы. Датируются они концом XI–XII вв.

Из исследованных археологами и других случайно найденных могил с сохранившимся инвентарем наиболее ранними можно считать могилу 6/1888 на могильнике Тонтинмяки в Ховинсаари (Кротово, п-ов Большой) и находку могилы из неизвестного места в районе Кексгольма (Приозерска), в которую входили овально-выпуклая фибула типа Н/IIA, цепедержатель типа I: 2, пронизка типа I: 2a, неорнаментированная серебряная подковообразная фибула с плоской дугой типа I и плоскими головками и копоушка типа II: 1 (Lehtosalo 1966: 26–27). Несколько моложе могилы 1/1886 и 3/1886 из Тонтинмяки. Приблизительно в это же время, то есть в конце XII — начале XIII вв. были совершены захоронения Паямяки-1917 и Паямяки-1931 в Лапинлахти (Ольховка). И только на этом этапе возникли могильники Кекомаки и Кулхамьяки в дер. Коверила (Богатыри). Это видно и по тому, что аналогии вещам из могильника Кекомаки появляются в материале могильника Тонтинмяки, начиная с могил 1/1886 и 3/1886 (рис. 53). Наиболее ранними погребениями на могильнике Кекомаки являются 5: 1 (женское) и 5: 3 (мужское). Женское захоронение 5: 2 из этой же коллективной могилы совершено после того, как два предыдущих (5: 1 и 5: 3) уже были в могиле. В это же время, очевидно, появились могила Кекомаки-6 и, по всей видимости, могилы 1 и 3 на могильнике Суотниemi, а также мужское захоронение 3/1888 на могильнике Тонтинмяки. В последующее время в течение XIII в. начинается относительно быстрый рост могильника Кекомаки, в то время как в Тонтинмяки не наблюдается значительного количества новых могил. Диаграммы распространения женских украшений показывают, что уже в материале могил Тонтинмяки-1/1886 и 3/1886 аналогии вещам из могильника Кекомаки превышают по количеству аналогии вещей из могил своего могильника. В материале могилы 1/1888 они уже преобладают количественно (рис. 53, таблица XI). Речь в данном случае может идти о достаточно прочных связях между рассматриваемыми регионами, проявлением которых является переселение именно женщин из Коверила в Ховинсаари, поскольку на материале мужских погребений такое явление в распространении вещей

не просматривается (таблица IX). К этому же времени относятся могилы Кекомаки-1, 2 и 3 и Тонтинмяки-1/1888. Оставшиеся за пределами рассмотрения женские погребения Тонтинмяки-7/1888, 9/1888, 13/1888 и мужские Кекомаки-2, Суотниemi-2, 4 и Тонтинмяки-8/1888 (таблицы VI, VII, IX, XI) очевидно, также были совершены в XIII в., но их более точное размещение в хронологическом ряду карельских могил на современном уровне вещеведения не представляется возможным. Не исключено также и то, что часть датируемых XIII в. могил относится к концу этого столетия или даже к XIV в.; датировки аналогий некоторым предметам из этих могил по культурным слоям Корелы, Орешка, Новгорода не исключают такую возможность. Однако датировка инвентаря и, стало быть, и названных могил в целом XIII в. представляется более обоснованной (Сакса 1998: 64–72; 2000: 126–128; 2001: 100–104; 2007: 188–201; Saksа 1998: 164–165; Кирпичников, Сакса 2002: 134–144).

Найденные в могилах относящиеся к определенным типам и их вариантам вещи и аналогии им на других могильниках, поселениях и в кладах, случайные находки этих вещей дают представление о динамике и плотности расселения, внутренних карельских и внешних связях на всей рассматриваемой территории. Аналогии наиболее ранним карельским вещам из могилы Тонтинмяки-6/1888 и из находки могилы в районе Кексгольма, так же, как и вещам из могил Тонтинмяки-1/1886, 3/1886, Паямяки-1917 и Паямяки-1931, Кекомаки-5 и 6 встречены на могильниках Кекомаки и Кулхамяки, в районе Кексгольма и Суотниemi, в Лапинлахти на участках Наскалинмяки и Леппясенмяки и на могильниках Паямяки и Патья, в дер. Ояниemi, Рииска, в Хаапакюля и Лейникюля в Рауту, в Ряйсяля, в Ивасканмяки, Кивипелто и Сяркисало, на Тиверском городке в Ряйсяля, в Кавосалми, Коккола, Кильпола и Петкола в Хиитола, в Куркиёках в Соскуа и Терву, в дер. Микли в Яааккимаа, на городище Пасонвуори и в дер. Путсинлахти в Сортавале и, наконец, в Восточной Финляндии, в Мойсио, Кюхкюля и Тууккала в Миккели. Аналогии украшениям из почти полностью идентичных между собой могил Кекомаки-1, Кулхамяки-2 и Тонтинмяки-1/1888 известны в Лапинлахти, в районе Кексгольма, в Ивасканмяки и на Тиверском городке, в Хиитола и Коккола, в Тууккала. Аналогии вещам из могил Тонтинмяки-5/1888, Леппясенмяки-4, Паямяки-1931 и Лейникюля обнаруживаются в Кекомаки и Рокосина, Суотниemi, Ивасканмяки, Сяркисало, на Тиверском городке, Ояниemi и Кюлялахти.

При рассмотрении карельского археологического материала эпохи крестовых походов не может остаться незамеченным, что область распространения ранних вещей шире, чем более поздних. Большая часть последних концентрируется на значительно более узкой территории; очевидно, что к этому времени во многих поселенческих центрах были свои кузницы, которые удовлетворяли в первую очередь интересы ближайшей округи. Это наблюдение наглядно подтверждается распространением овально-выпуклых фибул, ранние формы которых разошлись по обширной территории (Linturi

1980: 65; 1982: 135–138; Lehtosalo 1966: 23–24, 35–36; Saksa 1998: 38–40, 165; Сакса 2006: 63–74; 2007: 200–201). Во второй половине эпохи крестовых походов (конец XII – XIII вв.) увеличивается не только количество могил, но и общее количество находящихся в употреблении украшений. Появляются местные формы украшений и центры их изготовления. Такие центры были в Каукола (фибулы типа С2/3, пронизки типов I: 1 и I: 2a, копоушки типа I: 2, подковообразные фибулы типов I: 1a и II: 2), Ряйсяля (фибулы типа С3), на территории Хиитола-Куркиёки (фибулы серийной группы С2/1), Саккола (фибулы типа С3 (?), пронизки типа I: 2b). Карты распространения карельских вещей показывают нам, как определенные формы украшений распространяются на выходящей за пределы поселенческих центров, но все же относительно ограниченной территории, как это видно по овально-выпуклым фибулам типов Н/ПВ: 2a, b, С2/3a и С2/3b, С3, пронизкам типов I: 1, I: 1b, I: 2a и I: 2c, подковообразным фибулам типов I и II, а также по многим вариантам копоушек и ножен ножей (рис. 22–26). На этом основании все же трудно делать выводы о возможных центрах производства (на уровне деревни). Следует также учитывать, насколько тесные отношения существовали между тремя соседними общинами в Каукола, Ряйсяля и Саккола. У первых были одинаково хорошо налаженные связи с населением Приладожской Карелии, как это видно особенно по материалам могил 5 и 6 на могильнике Кекомьяки в Каукола (рис. 44, 45, 53). У населения Северо-Западного Приладожья, с другой стороны, были более тесные связи с населением района Тууккала и соседних с ним мест в Восточной Финляндии, чем с населением Карельского перешейка. Не всегда предметы украшения перемещались как предметы торговли, но иногда и с носившими их женщинами.

Эти проявляющиеся в распространении женских украшений связи между населением различных территорий видны, как правило, в большей мере в отдельных составных частях или предметах из набора женских украшений костюма: в овально-выпуклых фибулах, пронизках, цепедержателях, копоушках и ножнах ножей, чем в их комбинации (в целых наборах украшений), отражающих основную тенденцию местного развития. Деревенские кузнецы в первую очередь удовлетворяли потребности своей деревни и ближайшей округи. Очевидно, что часть украшений перемещалась с их носителями, чему примером могут служить захоронения Тонтинмяки-1/1888, 3/1886 и 5/1888, в которых для большей части украшений ближайшие аналогии находятся в могилах могильника Кекомьяки (рис. 53).

Проведенный нами анализ карельских грунтовых могил эпохи крестовых походов и карты распространения вещей свидетельствует, что население достаточно стабильно развивалось на одних и тех же отмеченных находками могильников, городищ, сельских поселений и культовых объектов местах. Представление, которое возникает о древней Карелии на основе рассмотрения археологического материала — это представление о богатом, за короткое время достигшем высокой степени социального, экономического и культурного развития обществе. Это общество отличалось значительной степенью

устойчивости, которая обеспечивалась как выгодным географическим положением и разнообразными природными ресурсами (удобные водные пути, плодородные земли, возможности охоты, в том числе и пушной), так и высокой военно-политической (система городищ, практически поголовная оснащённость мужского населения оружием (мечи и наконечники копий в могилах), торговля, совместные военные походы (налаженные взаимовыгодные связи с Новгородом)) и социальной (племенные вожди-валиты, погосты) организацией общества. Существенную роль играло наличие обозначенных выше природных факторов и возможность их использовать по мере необходимости. В эпоху викингов это были удобные водные пути и возможности пушной охоты. В эпоху крестовых походов на первый план выходит плодородные земли и лишь во вторую очередь — водные пути, охота и рыболовство, также имеющие немаловажное значение для экономики и торговли карел.

Не следует оставлять без внимания в рассуждениях о прочности карельского общества эпохи крестовых походов также и религиозные представления карел, кардинально видоизменившиеся с установлением земледелия и животноводства в качестве основы их жизнедеятельности. Жертвенные места с культовыми камнями, каменными выкладками, рощами и водными источниками предоставляли возможность обращаться к высшим силам с просьбами хорошего урожая, сохранения скота, удачи в охоте, рыбной ловле и т. д. Они служили местами совместных отправлений различных культов. Карельские могилы с деревянными срубными конструкциями как своеобразные соответствия обычному дому и земным представлениям о необходимом в загробной жизни являются ценным источником не только по погребальным обрядам, но и по конкретным аспектам материальной культуры. Обнаруженные в коллективных могилах на могильниках Кекомьяки и Тонтинмяки деревянные срубные камеры — подземные «домики мертвых» (таблицы I–III) могут служить свидетельством того, что и «настоящий» дом был, возможно, разделен на две половины, мужскую (восточную) и женскую (западную). Внутримогильные срубные конструкции также дают представление о плотницких навыках карел. Эти навыки могли быть приобретены лишь в условиях интенсивной строительной деятельности. Таким образом, не только поселения и находящиеся рядом с ними могильники, но и сама конструкция могил говорит о сложившейся деревенской системе расселения. Жители этих деревень активно занимались сельским хозяйством (мотыги, серпы, косы, кости домашних животных в могилах и жертвенных местах). Непосредственно о самых разнообразных занятиях свидетельствуют также найденные в могилах орудия труда, украшения, льняные и шерстяные ткани.

Переход от языческого погребального обряда к христианскому продолжался достаточно долго. Многие могилы, в том числе и датированная XV в. могила № 8 из Куркиёк (Кууппала Калмистомьяки), свидетельствуют о длившемся многие десятилетия переходном периоде. Уже глубоко в Средневековье сохранялся обычай класть в могилы шлаки, использовать при похоронном обряде огонь.

Время расцвета Карельской земли

Этот рассмотренный нами выше период расцвета племенной культуры карел, выразившийся не только в сложении своей «национальной» культуры, но и в формировании хорошо известной по летописным источникам Карельской земли со своей социальной иерархией, хорошо выстроенными военно-политическими отношениями с Новгородом, определенной экономической независимостью, в основе которой опять же был учет новгородских интересов «на свейском рубеже» и интересов карельской племенной знати в Новгороде, был по историческим меркам недолог. Немалую роль в этом подъеме играла также внутренняя прочность карельского общества, основанная на выдержавшей проверку временем деревенской (малодворной) системе расселения (известной также и по писцовой книге 1500 г. Водской пятины) и соответствующей ей экономике, и в немалой степени на возможности использования выгодных природно-географических факторов, как то: плодородные суглинки долины реки Вуоксы и северо-западного побережья Ладожского озера, удобные водные пути с возможностью совершения по ним прямых торговых операций вплоть до северной части Ботнического залива и побережья Белого моря, рыбные и пушные ресурсы (рис. 107, 120–122, 123). Духовная «безопасность», игравшая в древних языческих охотничьих и земледельческих обществах немаловажную роль, обеспечивалась исполнением различных обрядов на святилищах (в культовых центрах), а также с использованием различных жертвенных сооружений, располагавшихся, как правило, на возвышенностях.

Именно по причине краткосрочности процессов развития культуры на высшей ступени язычества больших изменений в ней не произошло. Она как бы оформлялась, «цементировалась», и поэтому была мало подвержена внешним влияниям, развиваясь самодостаточно с использованием внутренних духовных ресурсов и выработанных за два-три столетия ремесленных навыков и, почему бы и нет, эстетических вкусов потребителей продукции карельских ювелиров.

Видимое по представленным нами в предшествующих главах материалам могильников и кладов экономическое благополучие базировалось в первую очередь на процветающем для того времени сельском хозяйстве, без чего была бы невозможна неоднократно нами уже отмеченная устойчивая система расселения. Следует также при характеристике карельского общества рассматриваемого нами времени, степени его социально-экономического процветания, учитывать наличие в археологическом материале могильников, культурных поселений и кладов таких импортных ювелирных и бытовых вещей, как женские и мужские украшения, предметы вооружения с «парадным» украшением рукояти меча и втулки копья с серебряной инкрустацией (рис. 17–18, 21). Становится очевидным, что эти небольшие деревенские общины имели достаточный потенциал и для занятий успешной торговлей в масштабах всего региона Балтийского моря.

Экономика и хозяйство населения Карельской земли

Нами в предыдущих главах, посвященных исследованию конкретных археологических памятников и древних поселенческих центров на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье (район Хиитола-Сортавала), приводились данные палеоэкологических исследований, целью которых было изучение развития земледелия в этом чрезвычайно интересном регионе и — в более общем плане — влияния деятельности человека на окружающую среду. Мы в этой заключительной части работы остановимся лишь на общих рассмотренных выше вопросах и итогах.

Земледелие. В раскопанных еще в последней четверти XIX в. карельских грунтовых могилах было найдено значительное количество кос, серпов, мотыг, рабочих топоров и костей домашних животных (корова, лошадь, свинья, овца), что определенно означало, что в рассматриваемое нами время эпохи крестовых походов (1050–1300 гг.) основой экономики карел были земледелие и скотоводство. Принято было считать, что наличие значительного количества рабочих топоров в подавляющей части мужских погребений означало ведущую роль подсеки в земледелии. Имеющийся у нас в наличии археологический материал дает основание считать, что, во всяком случае, на Карельском перешейке в XIII в., как и в остальных соседних районах Новгородской земли, получило распространение использование под пашни постоянных полей (Кириянов 1959: 312, 319–320; 330–335; Кириянова 1979: 73–82; 1989: 228–229; Кочкуркина 1986: 84–90). Именно в XIII — начале XIV вв. в Карелии стали возникать небольшие постоянные поселения с прилегающими к ним полями и другими сельскохозяйственными и природными угодьями. Они, как уже ранее неоднократно подчеркивалось, вполне сопоставимы с деревнями Передней Карелии времени присоединения к Москве новгородских земель, переписанных в писцовой книге Водской пятины 1500 г. Из злаковых культур в это время культивировались рожь, овес и ячмень. Пшеницу высевали более в центральной части Карельского перешейка на территории будущего прихода Рауту, одного из средневековых поселенческих центров (Ronimus 1906: 11–13, 58; Kirkinen 1994: 77–81). Вероятно, эту ситуацию можно проецировать и на более раннее время эпохи крестовых походов и начала Средневековья, когда и возникли рассматриваемые нами деревни (Сакса 1984: 116; 2000: 126; 2007: 183–188; Saksa 1985: 46; 1992: 476). Проведенные в последнее десятилетие с участием финских ученых из университетов городов Йюенсуу и Турку, а также Геологического центра Финляндии исследования принесли новые материалы по истории обработки земли. Выяснилось, что на о-ве Кильпола в Северо-Западном Приладожье следы ранних опытов занятиями земледелием относятся к римскому железному веку, в то время как в диаграммах донных отложений из озер на острове пыльца злаковых отсутствует в более позднее время конца железного века. Подобные наблюдения сделаны и по анализам образцов донных отложений Внутренней Финляндии (Taavitsainen, Ikonen, Saksa 1994: 37–38; Saksa, Grönlund,

Simola, Taavitsainen, Kivinen, Tolonen 1996: 371–376). Наиболее приемлемым объяснением можно считать деятельность охотников за пушниной середины — третьей четверти I тыс. н. э., совершавших на Карельский перешеек и другие, соседние с ним районы пушной охоты в Восточной Финляндии продолжительные сезонные промысловые поездки (см. главы III, IV настоящей работы). На рассматриваемой территории земледелие становится ведущей формой экономики лишь начиная с XI в.

Скотоводство является, пожалуй, наименее изученной темой. Найденные на поселениях, в культовых каменных насыпях, у культовых камней и в могилах кости домашних и диких животных еще ждут своего исследователя. В них, в целом, без процентного соотношения, найдены кости коровы, лошади, овец и свиней. Из найденных в Новгороде берестяных грамот знаем, что налоги в Карелии платили и шерстяными тканями (грамота № 130 из датированного 1396–1409 гг. культурного слоя) (Арциховский, Борковский 1958: 66). Остатки шерстяных тканей встречены и в карельских грунтовых могилах эпохи крестовых походов. Большое количество костей лошади и зубов найдено нами в культовых каменных насыпях этого же времени в дер. Ольховка (Лапинлахти). Настолько много, что имеются основания говорить о культе лошади. Лошади из Карелии были хорошо известны и ценимы в Новгороде. К примеру, в берестяной грамоте № 266 из слоя 1369–1382 гг. предлагается взять в дорогу «кони карельские» (Арциховский, Борковский 1963: 93–94). Карельские лошади вывозились также в XIV в. в Финляндию и через Выборг в Швецию (Кочкуркина 1986: 91; Saksa 1998: 198). Роль лошади в Карелии также отражает легенда Коневецкого монастыря в Ладожском озере о «Конькамне» и приносимых к нему в жертву лошадей.

Охота, рыболовство, промысловая деятельность в древней Карелии были, наряду с земледелием и скотоводством, не только существенными статьями дохода (за исключением отраженных в летописи неурожаев и голодных годов), но и одним из видов постоянной (иногда сезонной) деятельности. Свидетельства этому известны по письменным источникам. Часть шкурок куницы, бобра, нерпы и белок уходила в оплату даней, но часть свободно продавалась или менялась на различные товары у сборщиков налогов (Кочкуркина 1986: 91–92; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 91). В Задней Карелии охота и промыслы играли еще более важную роль в экономике; подати здесь платили от «лука», то есть продуктами охоты, а не земледелия, как на Карельском перешейке. В Карелии в Средневековье исключительно важным промыслом было рыболовство. Хорошие рыбные ловли и места нереста были объектами, достойными упоминания в мирных и торговых договорах между Новгородом и Швецией (Ореховский мирный договор, земельные и другие акты XV в.) (Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. 1941: 99–123). Также и новгородские берестяные грамоты рассказывают, насколько важным промыслом была рыбная ловля (грамоты № 259, 260, 280) (Янин 1975: 137–139, 201). Роль рыбной продукции как важнейшей статьи в торговле конца эпохи язычества и в раннее Средневековье подчеркивается ма-

териалами раскопок 1970–1990-х гг. в крепости Корела и 1999–2004-х гг. в Выборге, в процессе которых в нижних слоях середины XIII – XV вв. были найдены многие десятки поплавок из сосновой коры и грузил от сетей, но на удивление мало костей и шелухи рыб при исключительно хорошей сохранности органики в ранних культурных слоях (Saksa 1998: 198; Saksa, Belsky, Kurbatov, Poljakova, Suhonen 2002: 37–64; Saksa, Saarnisto, Taavitsainen 2003: 15–20; Сакса 2002: 150–164; 2004: 569–584). Рыболовство как важный промысел горожан не отражено в средневековых источниках по истории Выборга, но хорошо известно по древнерусским писцовым книгам и другим письменным источникам относительно Корелы (Куцjo 1958а: 19–20; Громов, Шаскольский 1976: 22; Saksa 1998: 198).

Ремесло карел представлено многочисленными предметами, инструментами и изделиями ремесленников из культурных слоев поселений и могил, которые демонстрируют высокий уровень и хорошее качество работы. Карельские ремесленники добывали озерную и болотную руду, плавилы железо, изготавливали из него оружие, орудия труда, ремесленные инструменты и другие изделия, производили самые разнообразные украшения из бронзы и серебра. Остатки кузниц найдены в Ховинсаари Тонтинмяки, в Хиитола и Куркиёки Куушала (Leppäaho 1949: 44–46). В могиле 2 на могильнике Кекомьяки в Каукола Коверила были инструменты кузнеца (Schvindt 1893: 32–34). Шлаки в большом количестве находятся повсеместно на поселениях и могильниках; в 1985 г. на городище Хямеенлахти в Куркиёках нами найдена железная крица. К эпохе крестовых походов карельские ювелиры достигли высокой степени специализации в изготовлении украшений карельского женского костюма. Ювелиры, специализировавшиеся по литым бронзовым украшениям, фибулам, пронизкам, цепедержателям, рукоятям ножей, использовали для их украшения зооморфный, ленточный, ракообразный, спиральный и другой орнаменты, а также орнаменты с растительными мотивами. Изготовители бронзовых копоушек, ножен ножа и серебряных подковообразных фибул украшали их поверхность гравированным растительным и ленточным орнаментом, демонстрируя хорошее знание материала и используя все стилевые возможности орнаментальных мотивов и различную технику (рис. 21–26) (Кочкуркина 1986: 49–64; Saksa 1990а: 69–73; 1998: 197–200; Сакса 2006: 63–74). По манере проводить линию и заполнять поверхность изделия орнаментом, по самим орнаментальным мотивам можно определить руку конкретного мастера и изделия одной «школы» или кузницы и тем самым выявить территорию распространения украшений, рынки сбыта (Saksa 1998: 199; Сакса 2006: 63–74).

Имеются веские основания полагать, что у карел было организовано также самостоятельное клинковое производство, выраженное в выработке не позднее XII в. национальной формы мечей с латунными литыми рукоятями, украшенными «национальным» линейно-завитковым и растительным орнаментом (Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 44–45, 47).

Картирование распространения украшений карельских типов XII–XIV вв. со всей очевидностью показывает, что вещи определенных форм рас-

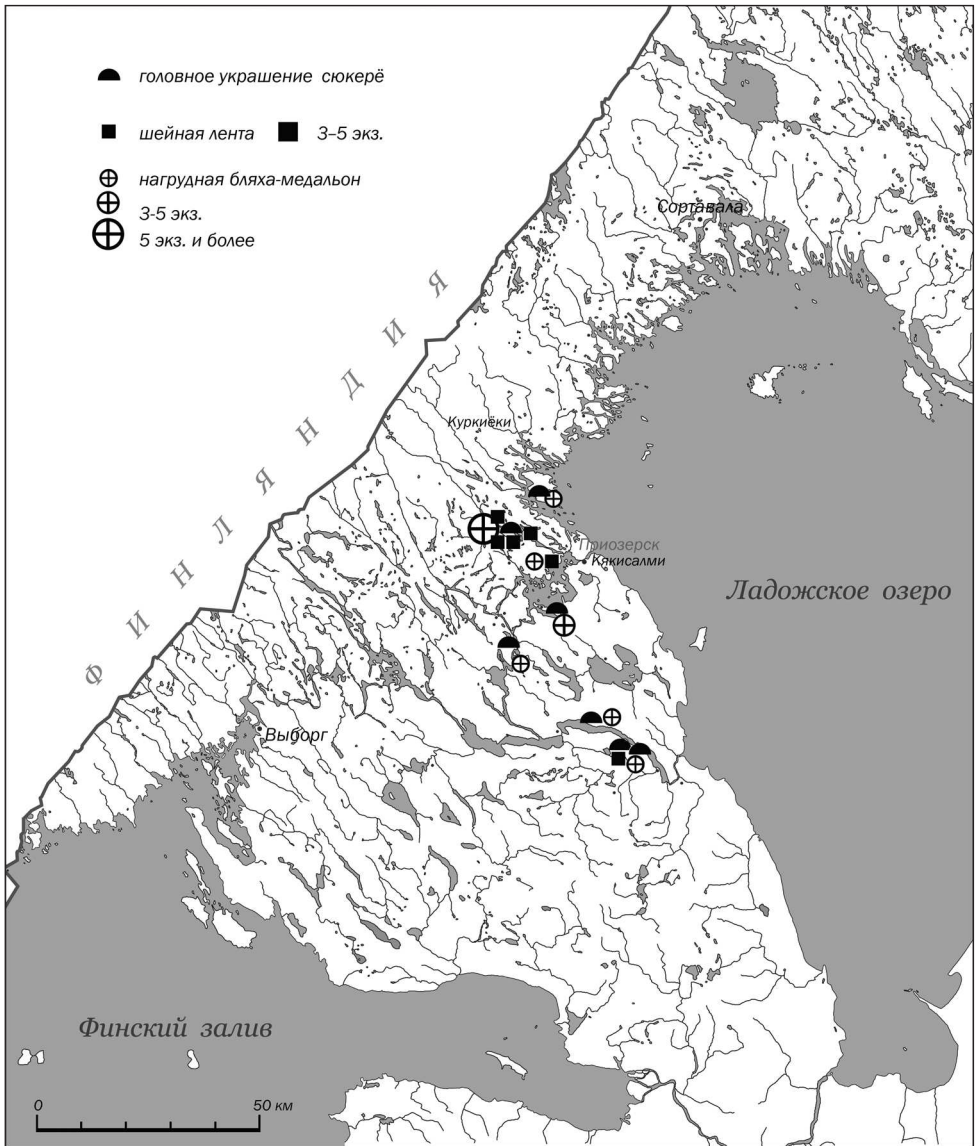

Рис. 107. Распространение головных украшений сюкерё, шейных лент и нагрудных брошей-медальонов

пространялись в большей части на ограниченной территории (рис. 107–115). Часть украшений распределялась внутри конкретной общины, часть же имела более широкое распространение. По овално-выпуклым фибулам, представляющим самую многочисленную группу находок, можно заключить, что на ограниченной Карельским перешейком и северо-западным и северным берегами Ладожского озера территории древней Карелии существовало не-

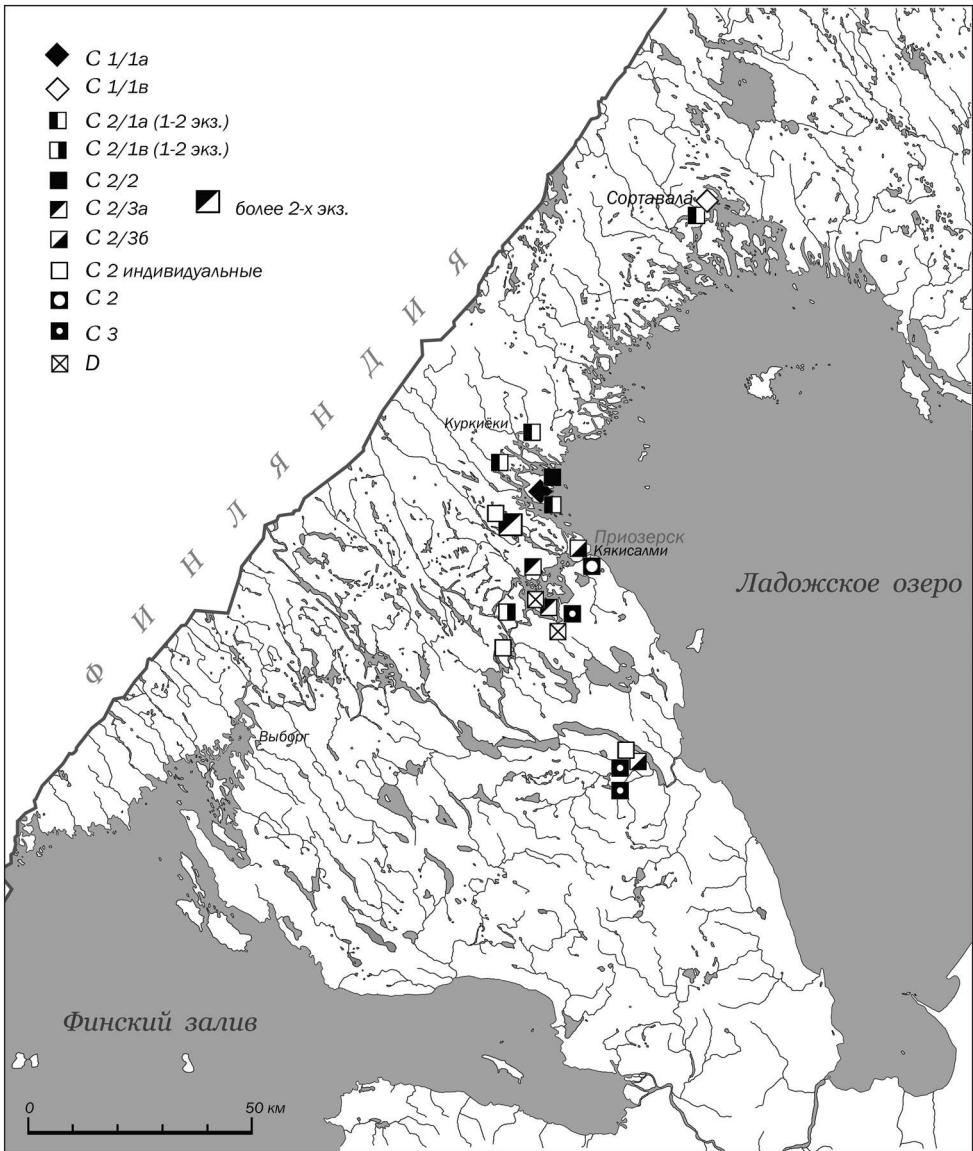

Рис. 108. Распространение овално-выпуклых фибул типов С и D

сколько центров их производства (Linturi 1980: 65–69). В данном случае следует учитывать, что каждую фибулу было возможно копировать и каждая последующая копия имела свое распространение (Tomanterä 1994: 48–49). Между различными территориями распространения украшений различных типов прослеживаются свои характерные особенности. Различия этого рода между территориями Саво и Карелии нами детально рассмотрены в главе «Древняя Карелия и соседние земли». Различия проявляются в вариантах

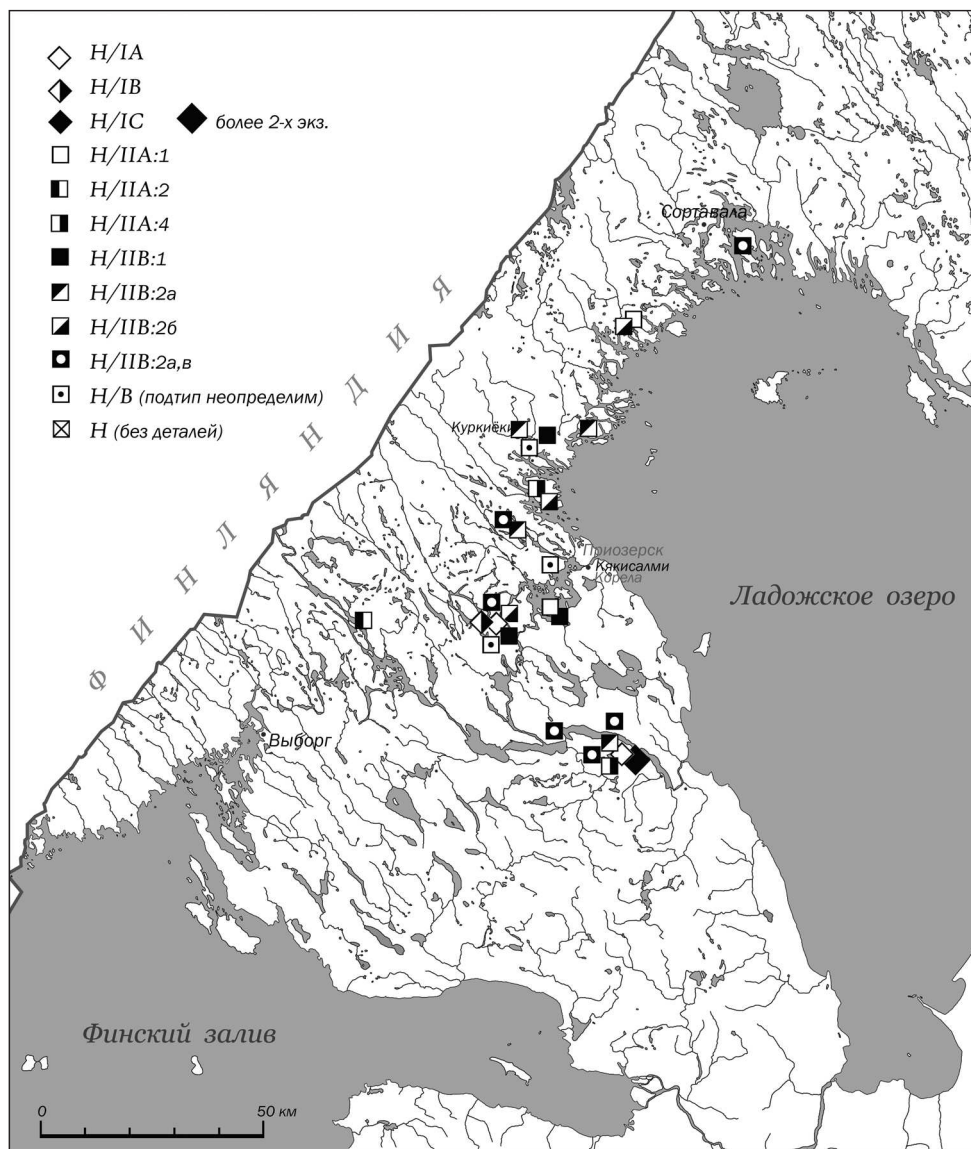

Рис. 109. Распространение овално-выпуклых фибул типов Н

форм и орнаментации общих для всей территории Карельской земли типов украшений, составляющих сложившийся к XII–XIII вв. «национальный» узор карельского женского костюма.

В украшениях, следовательно, проявляются местные варианты, которые отражают особенности в костюме местных общин. И даже в этом случае достаточно обоснованного наблюдения мы не можем достоверно определить, в какой степени на эти различия влияли происходящие со временем

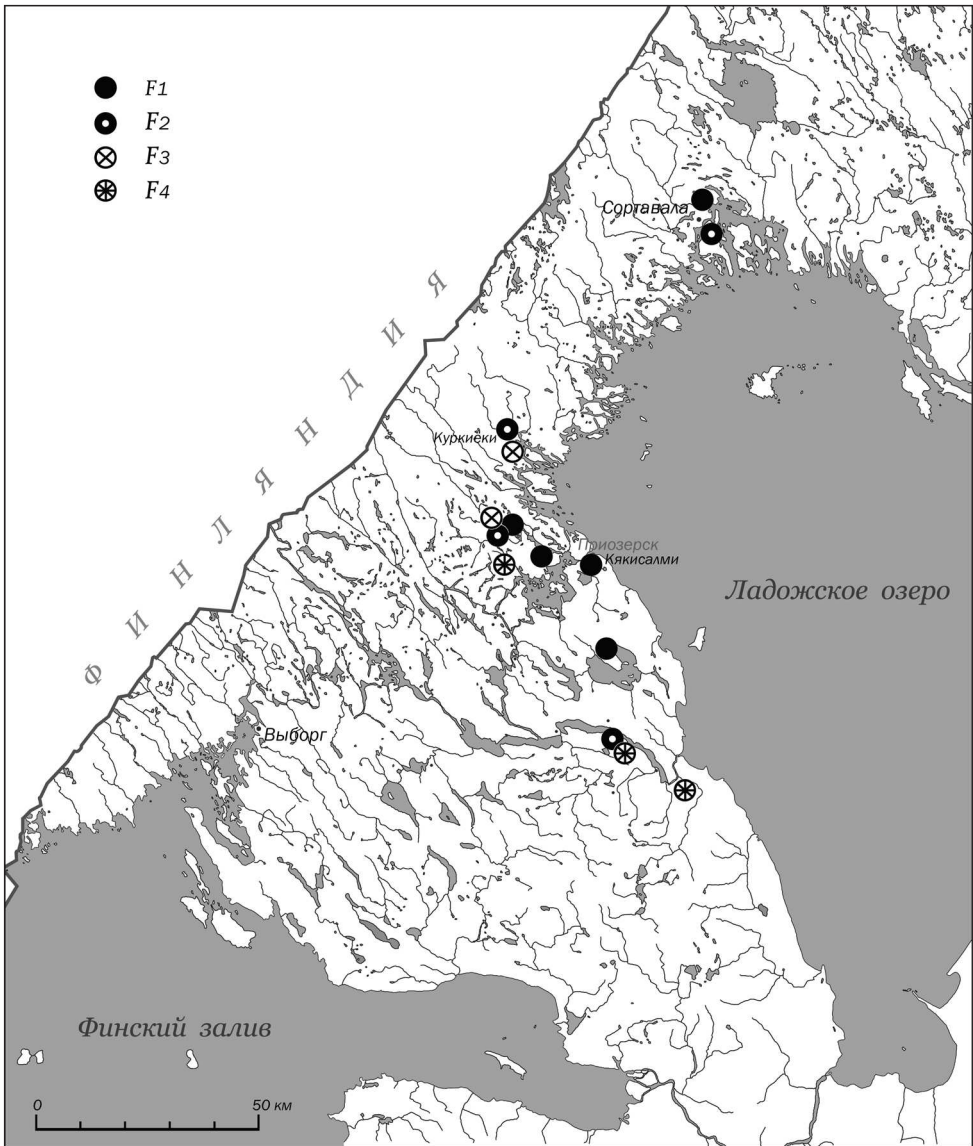

Рис. 110. Распространение овално-выпуклых фибул типов F

изменения в формах украшений. Во всяком случае, проведенное нами типологическое исследование, основанное на деталях в форме, орнаментации и даже манере нанесения орнаментации на вещи, дает основание полагать, что конкретные выделенные нами формы украшений бытовали одновременно. Также и распространение аналогий украшениям внутри карельских древних общин отражает существовавшие между ними связи (рис. 44, 45, 53, 107–115).

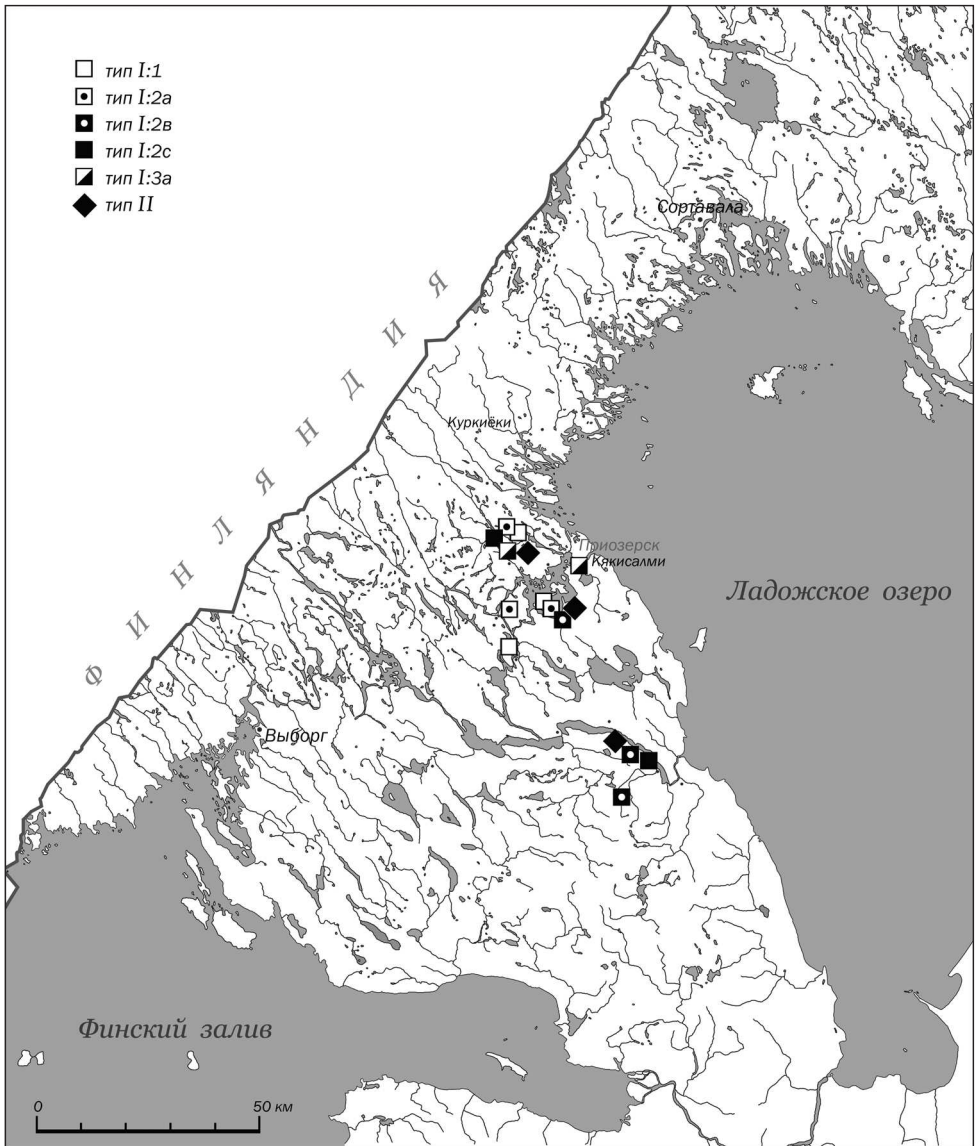

Рис. 111. Распространение пронизок по типам

К сожалению, материал Северо-Западного Приладожья недостаточен для выводов о деталях местного варианта карельского костюма. Имеются данные все же утверждать, что и на этой территории древней Карелии существовало свое производство украшений, свидетельства чему были получены также и при наших раскопках на могильнике Калмистомяки в Кууппала в Куркиёках. Культурные связи в области распространения карельских типов украшений между центральными районами Карельского перешейка и При-

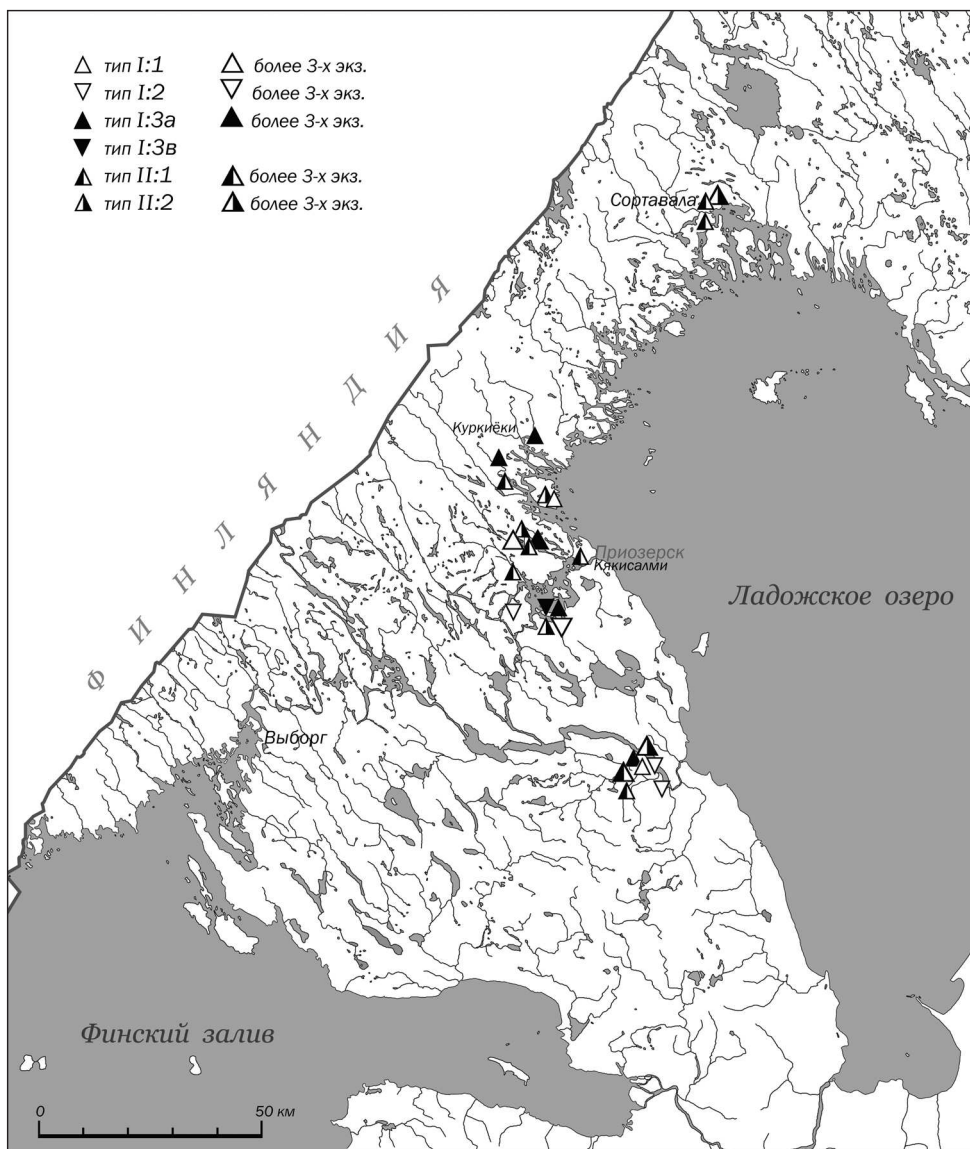

Рис. 112. Распространение цепедержателей по типам

ладожской Карелией прослеживаются по диаграммам, изображенным на рис. 44, 45, 53.

На основании рассмотрения украшений карельских типов мы можем обоснованно утверждать, что в каждом поселенческом центре (в который входило несколько деревень) существовали свои кузницы и мастера. Что же касается большого количества находок овально-выпуклых фибул и их широкого распространения, следует учитывать, что наплечные парные фибулы служили

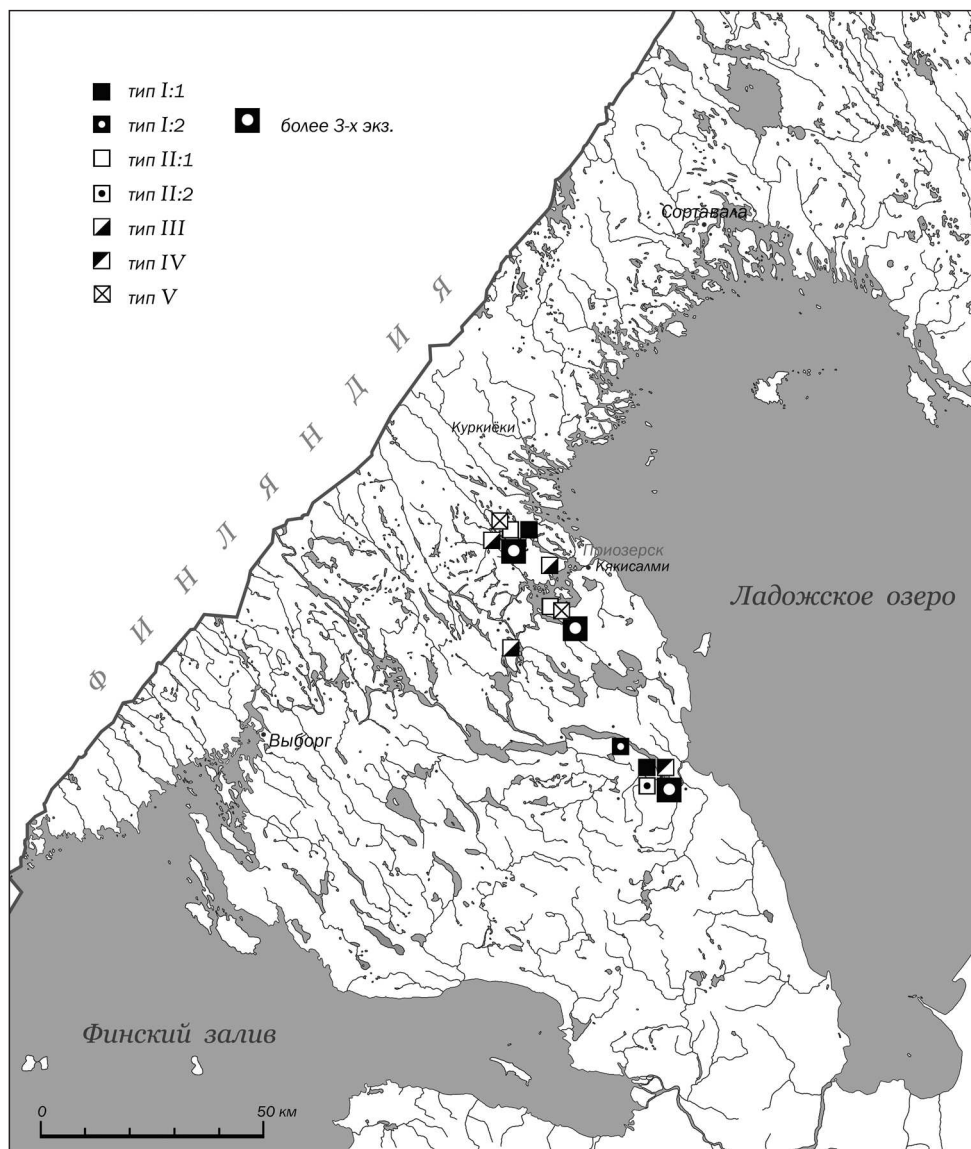

Рис. 113. Распространение ножен ножей по типам

непеременным и функционально значимым элементом женского костюма. Их распространение отвечает зоне распространения типа женской одежды с наплечными, скрепляющимися в данном случае фибулами ляжками.

Проявляющиеся в археологическом материале профессиональное умение карельских кузнецов и их уровень технической подготовки указывают на существование определенных «школ», в рамках которых этот уровень мастерства достигался. На современном уровне исследования можно пред-

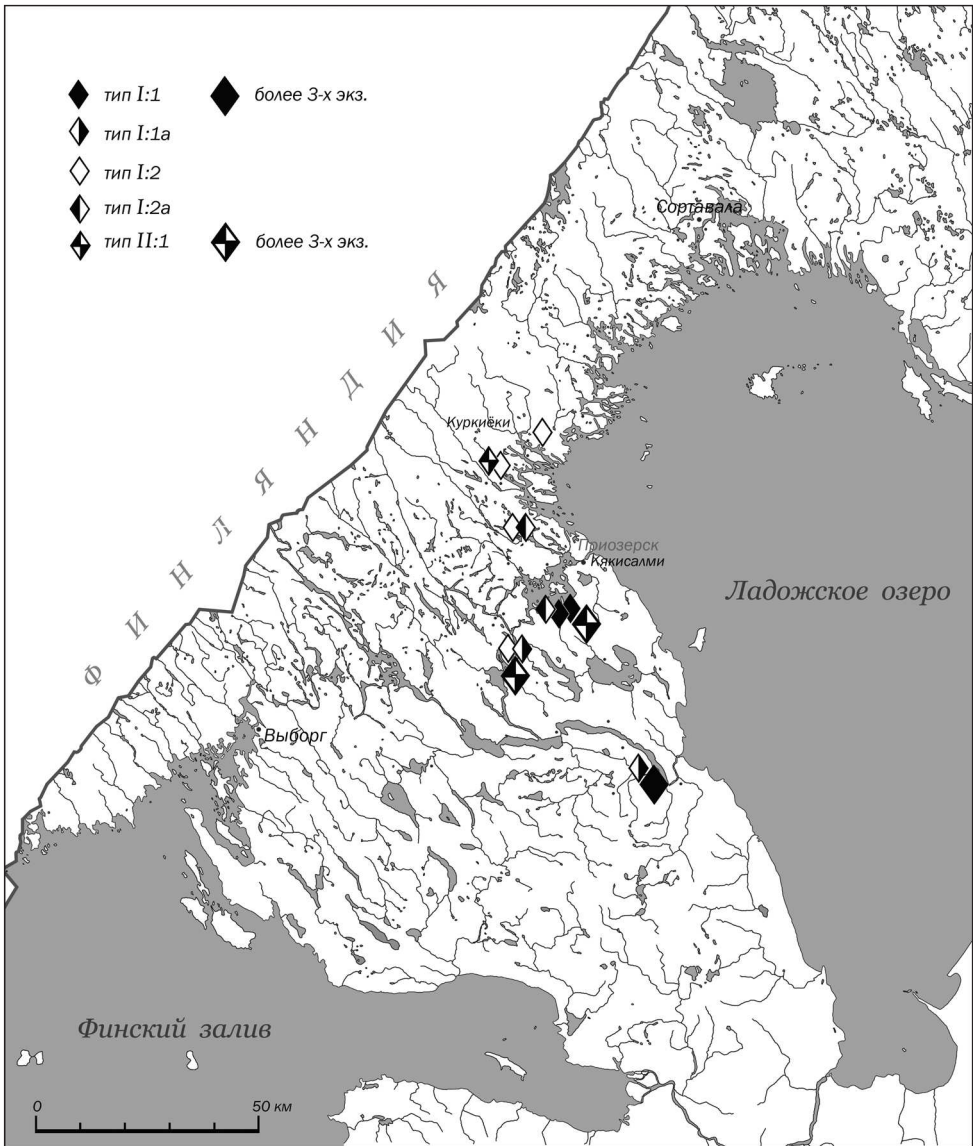

Рис. 114. Распространение копоушек по типам

полагать, что такими школами ремесла были укрепленные городища Карелии — собственно торгово-ремесленные центры: Какисалми-Корела, Тиверский городок, городище Хямеенлахти в Куркиёках, Паасонвуори в Сортавале. При раскопках этих укрепленных торгово-ремесленных поселений обнаружен богатый материал именно по связанной с обработкой металла производственной деятельности на них (Appelgren 1891: 126–136; Кирпичников 1979: 59–73; Кочкуркина 1981: 38–61, 68–85; 1986: 49–55, рис. 13, 14; Saksa 1992a: 8: 10–

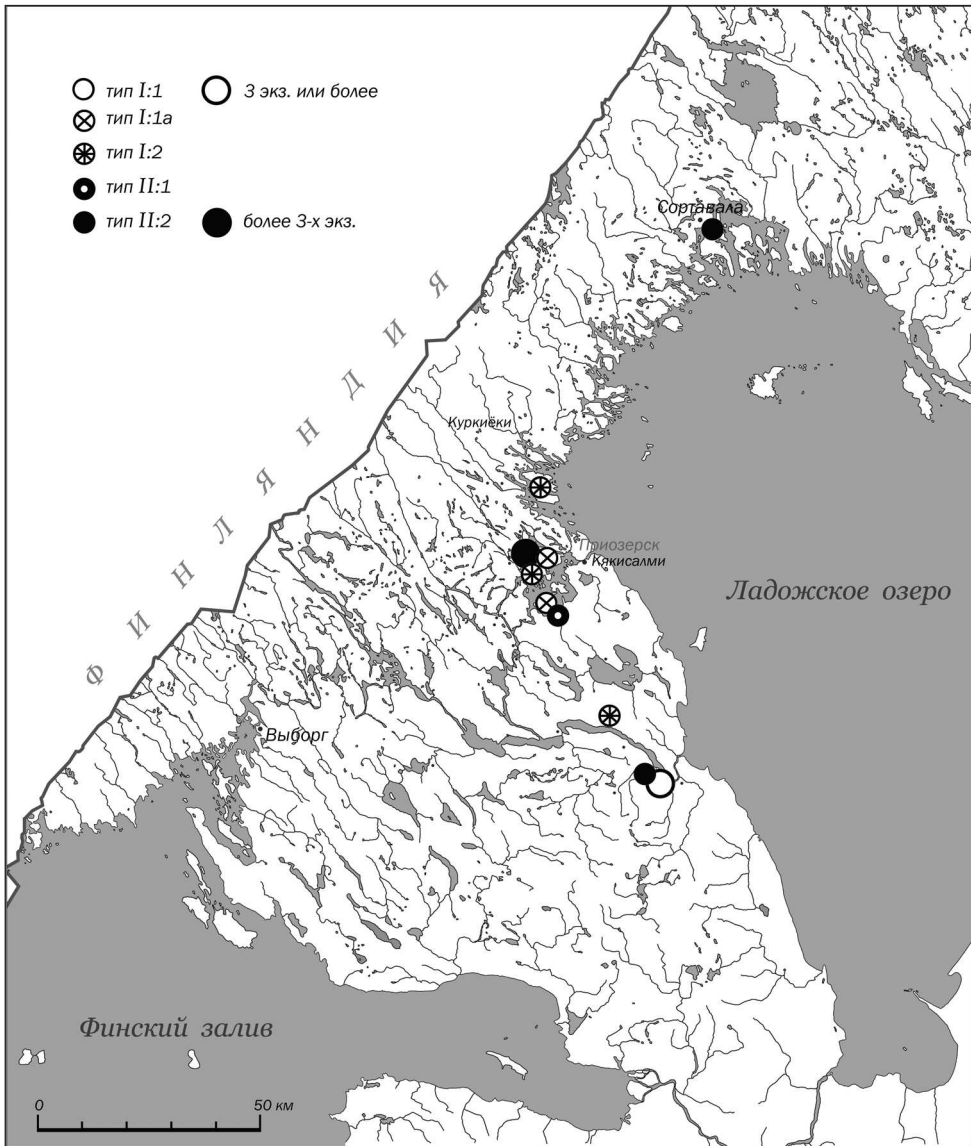

Рис. 115. Распространение серебряных подковообразных фибул по типам

11, 16–17, kuv. 3; 1998: 199–200; Сакса 1999: 192–205; 2006: 63–74; 2007: 204). В Выборгском замке на Кузнечном дворе также найдены остатки мастерской, существовавшей там до возникновения шведского укрепления, в которой изготавливались и ремонтировались костяные и металлические предметы (Тюленев 1995: 22). Имеющиеся среди находок в Карелии такие, к примеру, ценные привозные изделия, как серебряные броши-медальоны, распределяются по территории достаточно равномерно: они найдены в Каукола Кекомьяки,

Ряйсяля Тонтинмяки и на Тиверском городке, в Суотниemi под Приозерском, Саккола Леппясенмяки, Патъя и Сипилянмяки, в Хиитола Кильпола, Миккели Тууккала (табл. XI). Большая часть находок приходится все же на могильники Кекомаки (6 экз.) и Тонтинмяки (3 экз.) в Карелии и Тууккала (6 экз.) в Саво. В распространении вещей карельских типов выделяется ближайший к центру древней Карелии Кякисалми-Кореле (с 1310 г.) район озера Вуоксы (Узервы русских летописей (Уусиярви — Новое озеро)), а именно, могильники Каукола Кекомаки, Суотниemi и Ряйсяля Тонтинмяки (рис. 13, табл. XI) и соответствующие им поселенческие центры. Также и на южном берегу оз. Суходольское (Суванто) в Саккола Лапинлахти наблюдается концентрация находок карельских украшений (рис. 13, табл. XI). По всей видимости, у проживающих на выгодных водных путях и плодородных прибрежных землях были лучшие возможности приобрести себе блестящие украшения.

О происхождении карельского ювелирного искусства

В связи с рассмотрением производственной деятельности карельских ремесленников естественно встает вопрос о происхождении карельской культуры XII–XIV вв. О происхождении карельских украшений и их орнаментации были высказаны различные предположения. Особенно это касается бронзовых овально-выпуклых фибул и серебряных подковообразных с плоской или выпуклой дугой (Appelgren-Kivalo 1910; Ailio 1922; Nordman 1924; 1945; Strandberg 1938; af Hällström 1948; Salmo 1956; Lehtosalo 1966; Lehtosalo-Hilander 1988; Linturi 1980; Huurre 1980; см. также Кочкуркина 1986: 55–64; Uino 1997: 166–170; Saksa 1998: 200–201; Сакса 2006: 63–74).

Исходной областью в происхождении карельского растительного и шнурового орнамента принимались либо Византия через посредство Древней Руси, либо Готланд. Также и в Финляндии искали свои прототипы (Lehtosalo-Hilander 1988: 27–29). Страндберг подчеркивал значение именно Новгорода в зарождении орнаментации карельских серебряных подковообразных фибул (Strandberg 1938: 167, 173–202). Это его предположение получило подтверждение в свете новых данных из раскопок в городе. В средневековых слоях Новгорода найдены многочисленные предметы из дерева и кожи, украшенные растительным и шнуровым орнаментом (см. например: Колчин 1971: 24, рис. 7, 8, 25, табл. 1, 2, 1, 4, 6–9, 11; 3, 1, 4–12, 19, 21, 26–35; 5, 1–4; 7, 3, 4, 6; 9; 13; 17, 2; 18, 1–3, 6; 23, 1; 25, 4; 42, 4; 43; 46). При раскопках в Новгороде найдены и аналогичным образом украшенные металлические изделия (Седова 1981: 85, 90, 109, 117, 146, 148, рис. 30: 1, 3, 4; 32: 4; 42: 3–9; 44: 1–3, 7, 9; 57: 8; 58: 5–11, 17).

Своей проблемой является поиск ответа на вопрос о том, каким образом возникла богатая и самобытная карельская культура эпохи крестовых походов и как появились изготовившие эти великолепные украшения мастера. Вопрос этот явно недостаточно рассматривался в литературе, возможно,

потому, что при современном состоянии изученности материала ясный и однозначный ответ на него вряд ли возможен. Полагаем, что высокая культура изготовления бронзовых и серебряных украшений развилась в среде местных карельских ремесленников. Эти мастера уже в эпоху викингов приобрели навыки работы с металлом, копируя ставшие популярными в Балтийском регионе формы украшений (подковообразные фибулы, браслеты, шейные гривны, металлические части поясов и др.). При этом был проявлен свой вкус, основанный на своих (не только мастеров, но и потребителей изделий) эстетических представлениях, определенная избирательность в выборе только части из доступных, ставших общепалтийскими или общепинскими украшениями. Изготавливались даже свои варианты общепризнанных в регионе украшений, как то: массивных бронзовых браслетов с волнистым орнаментом, который в Карелии и Саво становится угловатым (см. главу 3 настоящей работы). Такая практика зафиксирована и в случае с кузнецами из области Хяме в Центральной Финляндии (Schulz 1994: 124–136). Таким образом, была достигнута необходимая степень технической подготовки, ремесленного мастерства. Но до следующего этапа создания собственной карельской культуры и достижения ее расцвета к XIII в. потребовалось около столетия культурного, и, полагаем, профессионального общения с мастерами Новгородской земли и других прибрежных земель восточной части Балтийского моря. Это был период активного участия в международной торговле, но для возникновения своей развитой культуры требовалась своего рода «революция» в экономике и социальной организации карельского общества. Новой карельской племенной культуре, как одному из явлений подобного рода в рассматриваемом регионе Балтики, «пришло время» родиться.

Строго говоря, сами карелы, в сущности, не изобрели особенно много нового. Овально-выпуклые фибулы в рассматриваемое нами время были в употреблении в Финляндии, а у ливов, к примеру, были в употреблении такие же типы фибул, как и у карел (Tõnisson 1974). Копушки встречаются у пермских и мерянских народов. Зооморфные подвески, пронизки с различными привесками, бронзовые бусы, ножи с украшенными бронзовыми накладками ножнами и другие предметы входили в убор многих финно-угорских народов Восточной Европы на территории от области расселения ливов в современной Латвии до Коми (Археология СССР...: 23–24, 49, 116–162, табл. X, XVIII, LIII; Кочкуркина 1978: 139–145; Савельева 1987: 86, 88–99, 148–149, рис. 29: 77–93; 30: 1–10; 34: 36–40; 37: 115, 117; Saveljeva 1992: 495–502, Abb. I, 3–8, 10, 18–19, 28; Kirkinen 1990: 251–261; 1994: 23). Большие, подобные карельским серебряные подковообразные фибулы и их обломки найдены также в кладах материковой Эстонии и на о-ве Сааремаа в количестве более 30 экземпляров (Tõnisson 1962: 182–274, Tahv. XXIV: 1, 6; XXV: 1; XXVI: 1; Eesti esialugu..., 356–367; Selirand 1989: 142–144). В кладах из Маэтагуси и Тырма в северной части Эстонии находились серебряные подковообразные фибулы с карельской орнаментацией. Древняя Карелия, следовательно, была окружена миром, в котором образцы или идеи для творчества были уже готовы или зарожда-

лись. Нужно было быть лишь готовыми для их заимствования и творческого переосмысления. Для этого требовалась лишь необходимая степень экономического и социально-культурного развития. Это стало возможным в Карельской земле в XII–XIII вв. по изложенным нами выше причинам.

Торговля карел

Карелы со всеми основаниями еще и в XIX в. считались торговым народом; они и в более древние времена совершали продолжительные торговые поездки. Археологический материал и средневековые письменные источники целиком это подтверждают. Торговля и другие культурные связи с соседними территориями и народами, более того, существенным образом повлияли на формирование карельской культуры и на само существование карельского средневекового общества. Это стало возможным по неоднократно нами подчеркиваемым природным и географическим факторам, как то: удобное и выгодное в геополитическом плане географическое положение, удобные водные пути, плодородные земли, возможности пушной охоты, наличие в реках и озерах ценных пород рыб и мест их нереста и другое (рис. 120–122). Карельский перешеек, начиная с каменного века, был областью взаимодействия культур, территорией культурных контактов и своеобразным мостом для заселения Финляндии в мезолитическое время (см. главу 2 данной работы). Позднее, уже в историческое время, территория Карельского перешейка стала пограничной и спорной территорией между Швецией и Новгородом до и даже после подписания Ореховецкого мира 1323 г., разделившего Карельскую землю на две части, новгородскую и шведскую (рис. 116).

В рассматриваемое нами время (последняя четверть I — первая половина II тыс. н. э.) с южной стороны расселения карелы проживали словене, ижора и приладожская лопь (скандинавы — эпизодически), с западной и северо-западной стороны — финские племена сумь и емь, с юго-востока — древние вепсы и опять же загадочная приладожская лопь, «за морем» на другом берегу Финского залива — эстонские, ижорские и водские племена. На севере находились обширные населенные лопарями области, к которым вели прямые водные пути (рис. 117, 119) и которые были хорошо известны по скандинавским источникам, где также упоминаются и древние карелы, и их земля «Кирыялаланд».

В то время, когда карелы как этническая общность и их собственная «национальная» культура только формировались (VIII–XI вв.), эти области были зоной активной деятельности, в которой участвовали как внешние факторы, как то: скандинавы, русь и западные финны (сумь), так и местные племена. Последние, проживающие на путях международной торговли по Неве и Волхову, были в эпоху викингов вовлечены в эту деятельность как поставщики в первую очередь шкурок ценных животных и других промысловых товаров. Возникали международные торгово-ремесленные поселения (Старая Ладога и другие) и местные, в какой-то степени подобные центры (на-

Рис. 116. Граница между Швецией и Новгородом по Ореховскому миру 1323 г. (по К. Julku, 1987)

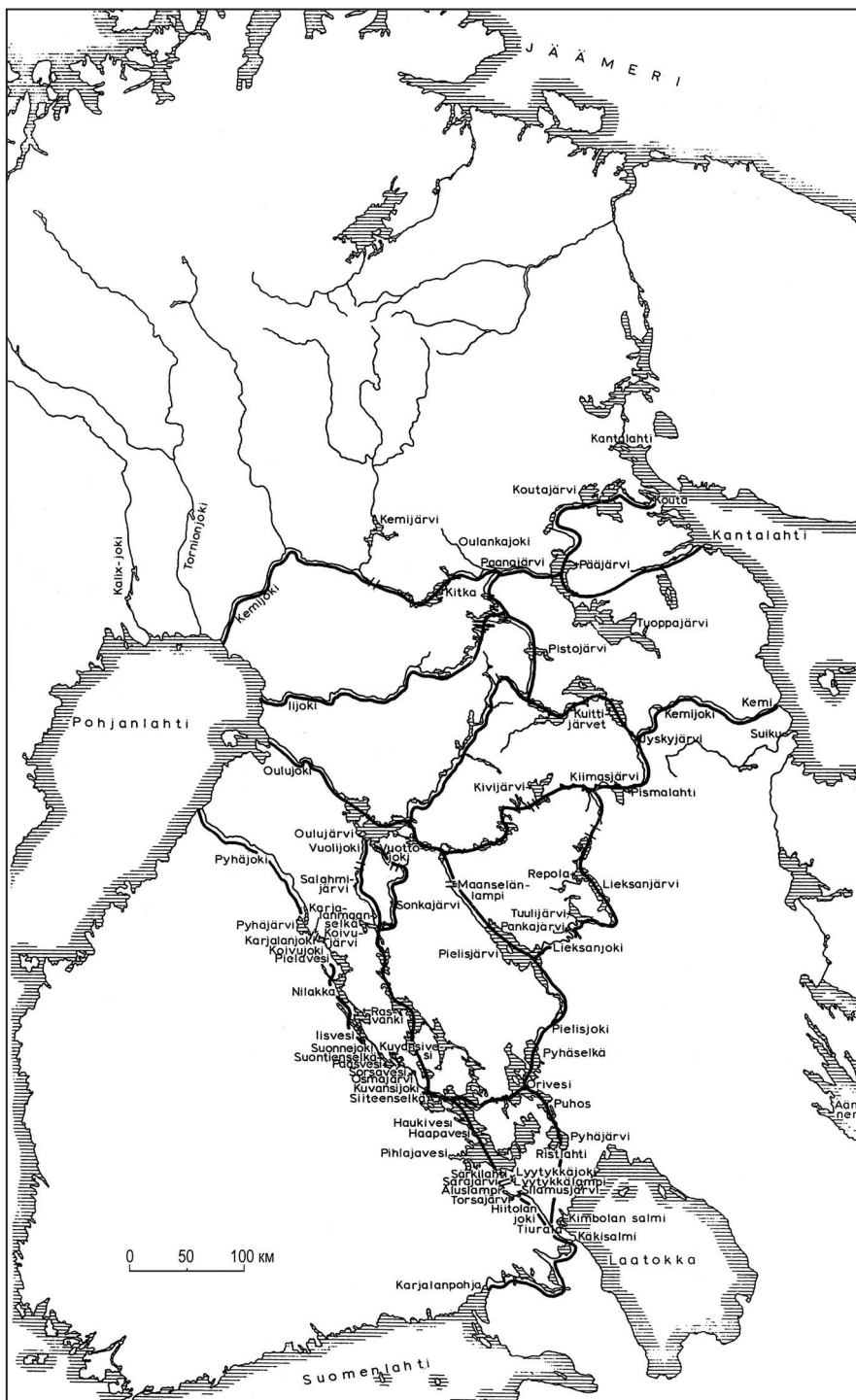

Рис. 117. Карта водных путей, ведущих от Ладоги на Север (по К. Julku, 1987)

пример, Сясьское городище в Юго-Восточном Приладожье и городище Хямеенлинна в Северо-Западном Приладожье). Эта активная международная деятельность радикальным образом повлияла на социально-экономическое развитие прибалтийско-финских племен Приладожья. Возник целый социальный слой непосредственно участвующих в международной торговле, посещающих центральные пункты и поднявшихся на общий уровень. В преимущественном положении оказались население Юго-Восточного Приладожья (приладожская чудь) и древние карелы на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье с проходящими по их территории водными путями и промысловыми угодьями. Следствием было появление ценных украшений и предметов вооружения (всё иноземного производства) в погребениях, восточного серебра в кладах и могилах.

С окончанием эпохи викингов и прекращением функционирования Восточного пути и связанной с ним международной торговли культура «курганного» населения Юго-Восточного Приладожья затухает, в то время как у населения Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья «начинаются новые времена». Географическое положение с прямым выходом в Финский залив и далее в Балтийское море оказалось, вкуче с такими факторами, как плодородные земли и другие природные ресурсы, решающим в начинавшемся расцвете древней Карелии.

Карелы на севере Финляндии

Важнейшим и традиционным направлением торгово-экономической деятельности карел было северное. О деятельности карел на Севере уже в эпоху викингов существуют свидетельства древнескандинавских источников (Бубрих 1947: 17, 31; 1971: 17; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 99–132; Сакса 2007: 334–335). Древнейшее упоминание находится в изданной на латинском языке «Истории Норвегии» (1170 г.) в ее географической части (*Historia Norvegiae* 1880: 74–75). В ней упоминаются проживающие на юго-восток от Норвегии языческие племена карел, квенон, рогатых лапландцев и обеих Биармий (Julku 1986: 81–86). В саге об Олаве Святом (начало XIII в.) в рассказе о поездке ярла Свейна под 1015 г. упоминается находящийся на востоке Кирьялаланд, откуда можно было попасть в Древнюю Русь. Кирьялаланд упоминается также в сборнике саг «Красивая кожа» (около 1220 г.), в котором рассказывается о норвежских королях до 1177 г. включительно (*Farskinna* 1902–1903: 154). О завоевании Кирьялаланда рассказывается во фрагменте саги об Олаве Святом Снорри Стурлусона, посвященном деяниям конунга Упсалы Эйрика (около 1230 г.) (*Sturlason* 1945: 115–116). Упомянутый в саге военный или даннический поход Эйрика произошел в 850-е или 860-е гг. (Nerman 1914: 19; 1929: 50–51). В известной саге Эгиля Скаллаgrimссона рассказывается, в частности, о столкновении квенского вождя Фаравида и предводителя норвежцев Торольфа Квелдунсона с карела-

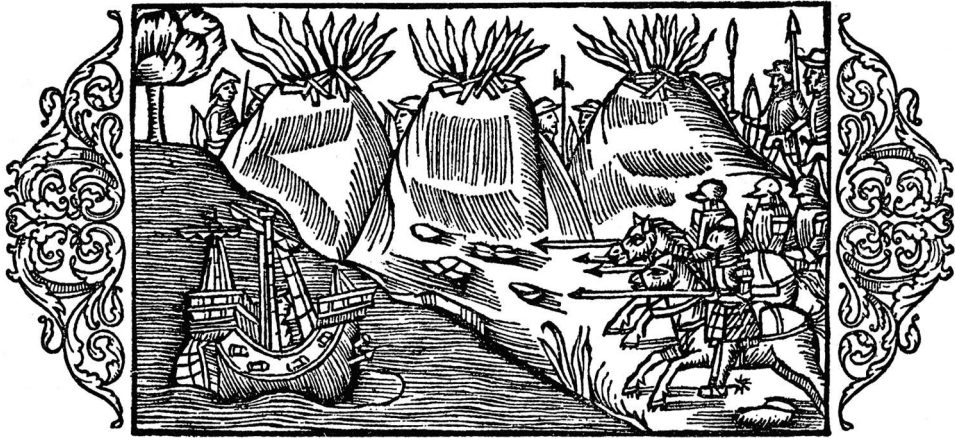

Рис. 118. Сигнальные огни на возвышенностях.
Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

ми, которое произошло, когда квены совместно с норвежцами прошли через Финмаркен в землю карел (Карьялаланд), где и победили карел в сражении. Несколько позднее произошел еще один совместный с норвежцами зимний поход квенон на карел (Egils-saga... 1809: 56–59, 68, 69; Julku 1986: 72–78). Написанная около 1200–1230-х гг. сага рассказывает о событиях конца IX — X вв. Походы Торольва в Финмаркен, Квенланд и Кирьялаланд относят к 880-м гг. (Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 107–112). Речь с другой стороны может идти о переносе в саге более поздних событий во времена Харальда Прекрасноволосого (Рыдзевская 1934: 512–513; Anthoni 1948: 1–12; Häme 1979: 75–77; Gallen 1984: 252–253; Julku 1986: 76–77; Pöllä 1988: 81–85).

Перечисленные выше сведения сопряжены с рядом исследовательских проблем. Все занимающиеся рассмотрением саг исследователи исходят из того, что упомянутые в источниках в связи с их пребыванием в Финмаркене и проживающие рядом с квенами и финнами (читай, лопарями) карелы (*kirjalat*, *kirjalat*) пришли к устью Ботнического залива и в Финмаркен с Ладоги, места своего постоянного проживания. Считается очевидным, что древние карелы были единой этнической группой. Проблема же состоит в том, что на исходной территории карел не известен карельский археологический материал ранее XII в.

На наш взгляд, проблему можно попытаться разрешить с другой стороны, а именно — используя сам этноним *kirjalat* (kirjalat). Что он мог значить для скандинавов в эпоху викингов и раннее Средневековье? Нет сомнений, что Кирьялаланд была заметной и важной частью известной в то время скандинавам территории между Скандинавией и Древней Русью. Она располагалась рядом с Квенландом, Биармией и Финляндом. Туда можно было попасть морем (ярл Свейн) и по земле (Фаравид и норвежцы). Привлекает внимание

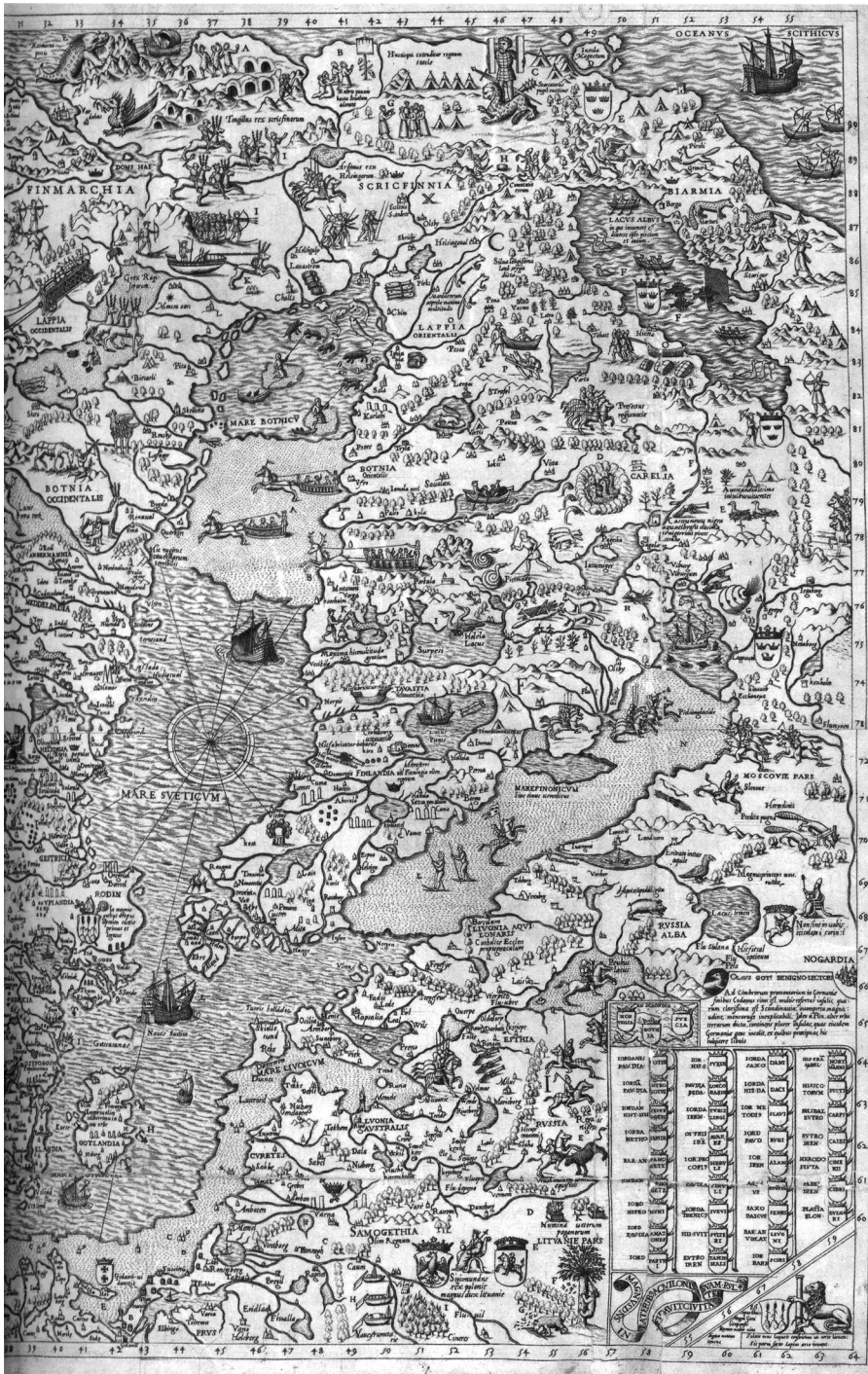

Рис. 119. Карта Северных стран (фрагмент).
Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

повторяющееся в источниках известие, что карел застигали «на горе». В этой связи следует вспомнить толкование Бубрихом этнонима «кирьялар» как производное от балтийского слова гирья, гарья — гора, лес (Бубрих 1947: 17, 31; 1971: 17). Карелы, следовательно, жили на горах. Наличие гор на Севере, на которых зажигались сигнальные костры, документируется сведениями в «Истории народов Северных стран» Олауса Магнуса (Olaus Magnus (перевод на финский) 1973: 62–63) (рис. 118). Или речь в данном случае идет о карельских городищах на возвышенностях линнавуори в Северо-Западном Приладожье? В какой степени также можно говорить о этнически «чистых» карелах? Можно предположить, что на раннем этапе освоения северных территорий в этом процессе наряду с карелами участвовали и бывшие за пределами этого этноса люди. Речь могла идти о направленных из конкретных мест торговых поездках и сборе дани с лопарей в Финмаркене. Нет достаточных оснований полагать, что уже в это время у древних карел могла быть значительная группа постоянно проживающего на Севере населения (см. напр.: Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 102). Учитывая формы деятельности на этой территории норвежцев и кульфингов (*kulfinigar*), у карел для успешной торговой деятельности и сбора дани среди местного населения должна была быть подобная организация, то есть хорошо снаряженные вооруженные отряды. Своей проблемой было сохранение собранных шкур. Это можно было осуществлять лишь на хорошо защищенных труднодоступных возвышенностях (Сакса 2007: 334–335). В этом смысле заслуживает внимания упоминание в саге об Эгиле о том, что после победы над норвежцами и квенами карелы в качестве трофеев получили большое количество различных ценных мехов: горноста, бобра, соболя, куницы и других (*Egils-saga...* 1809: 56–59, 68–71; Julku 1986: 72–76; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 107–112).

Освоение богатств Севера и его заселение могли происходить по той же модели, что и в самой Карелии в IX–X вв. (Saksa 1994a: 32–38; 1994b: 98–100; 1998: 203; Сакса 2007: 335). На первом этапе в этом процессе участвовали прибывшие извне активные элементы, деятельность которых ограничивалась наиболее выгодными формами, а именно — сбором дани и меновой торговлей с местным населением (рис. 120). Часть местного охотничьего населения оказывалась вовлеченной в эту деятельность, затем возникают опорные пункты и очаги постоянного населения. Часть принадлежащих пришельцам предметов — предметов вооружения, охоты и украшений — переходит в руки местного населения, после чего их и без того нечеткий этнический фон археологически практически не выявляется.

Карельская торговля пушниной и европейские рынки

Карелы, стало быть, участвовали в качестве важных посредников в европейской пушной торговле еще до рождения собственно карельской культуры во второй половине XII — XIII вв. Также и территория древней Карелии

Рис. 120. Меновая торговля на Севере.

Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

была уже известна как заселенная карелами область. За пушнину приобретались мечи, наконечники копий, топоры и украшения. Они были либо западноевропейские (оружие), либо скандинавские, западно-финские или общепольские (украшения). Из последних наиболее популярными были массивные ладьевидные бронзовые браслеты (Nordman 1924: 119–121, Fig. 97–100; Kivikoski 1937: 238–240; 1973: 101–102, Abb. 736, 740; Сакса 2007: 335). Во второй половине эпохи викингов увеличивается количество общепольских и западно-финских украшений в материале находок: общепризнанными становятся различные подковообразные фибулы, шейные гривны и равноплечные фибулы (Kivikoski 1973: 93–97, 99–100, Abb. 679, 690, 692, 696, 704, 705, 727, 728).

О торговле карел на европейских рынках, и, в частности, на новгородском направлении говорят монетные и вещевые клады XII в. По своему составу карельские монетные кладки близки древнерусским, что подтверждает, что Карелия была частью монетного обращения Древней Руси. Монетное серебро поступало в Приладожскую Карелию с юга, через Старую Ладогу и Новгород (Nordman 1921: 91–92; Потин 1968: 16, 140–141, 149, 167; Talvio 1979: 17–18; 1980: 174; Kirkinen 1994: 30–35). С другой стороны, о связях с Западом свидетельствует материал клада из в Хейнйоки Ристсеппяля, содержащий исключительно монеты с территории Германской империи, большей частью фризские (Nordman 1942: 288–293; Talvio 1979: 13–14, 16).

Расположенные на севере территории Внутренней и Северной Финляндии входили в зону стратегических интересов карел и в эпоху крестовых походов (1050–1300 гг.). Их активность в Финмаркене в XIII–XIV вв. подтверждается уже разнообразными письменными источниками, в том числе договорами и переговорами между Новгородом и Норвегией об обложении

Рис. 121. Пушная охота на Севере.
Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

Рис. 122. Ловля лосося на Севере.
Из книги Олауса Магнуса «История народов Северных стран» (1555 г.)

данью лопарей на спорных территориях. Необходимость проведения переговоров была обоснована нападениями норвежцев и финнов на карел (жалоба новгородских представителей) и, соответственно, утверждения норвежских посланников о нанесении карелами ущерба финнам и норвежским представителям (Kirkinen 1963: 83; 1970: 34–35; Рыдзевская 1970: 323–327; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 113–114). Переговоры завершились в 1252 г. подписанием мира (Antiquites russes..., t. II, 1852: 493–494). Позднее, в 1326 г., договор был продлен (Шаскольский 1945: 38–61; 1970: 63–71; Kirkinen 1970: 34; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 113–116). Сведения

о военных походах карел в Северную Норвегию в 1270-е — начале 1300-х гг. содержатся и в исландских источниках (*Islandske Annaler...* 1888; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 116–119). Кирьяланд упоминают также древнескандинавские географические сочинения XIII — начала XIV вв. (*Antiquites russes...*, т. II, 1952: 447; Мельникова 1986: 92–101; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 119–122).

Археологические следы пребывания карел известны в Шведской Лапландии, где в материале жертвенных мест среди разнообразных украшений и их обломков находится много вещей из Ладожской Карелии и даже более отдаленных восточных областей, как то: овально-выпуклые и подковообразные фибулы, обломок бронзовой рукояти ножа и др. (Arne 1914: Fig. 59; Serning 1956: bild. 1). В Северной Финляндии насчитывается около 200 находок вещей позднего железного века, большей частью из Суомуссалми, Куусамо и Салла (Huurre 1983: 327–328, 432; 1986: 129). Клады серебряных вещей и монет найдены в Юли-торнио (вещевой), Куусамо (два вещевых (Таваярви, Лямся) и один монетный XI в. (Куусамо)), Инари (вещевой), Салла Аатсервайнен (монетно-вещевой с весами и гирьками начала XII в.) (Salmo 1948: 37–39). Среди случайных находок господствуют подковообразные фибулы (около 30 экз.) всех популярных в X–XIII вв. типов (Huurre 1983: 350–358; 1986: 134–146). Об их «национальной» принадлежности практически ничего не известно; аналогии находятся в Скандинавии, Прибалтике и на территории Древней Руси, где эти предметы имели широкое употребление, приобретая тем самым интернациональный характер. Этнически определяемыми являются четыре скандинавские скорлупообразные фибулы IX–X вв., четыре карельские овально-выпуклые фибулы и две западно-финские круглые выпуклые фибулы. Две зооморфные подвески и серебряное височное кольцо происходят из древнерусских областей.

Клады серебра представляют большой интерес с точки зрения пушной торговли на Севере. Наиболее типичными для них предметами являются подковообразные фибулы с плоскими головками и фибулы с тонкой плоской дугой, плетеные из нескольких дров шейные гривны, цепочки, плоские, в том числе топоровидные подвески, круглые тонкие выпуклые фибулы. Этот набор серебряных предметов еще и потому интересен, что подобные изделия находятся в кладах Эстонии, Карелии и Северо-Запада России. Следовательно, ценность этих предметов хорошо представляли во всех примыкающих к Балтийскому морю областях. Также следует отметить, что эти вещи найдены только в составе кладов и место их производства не выявлено. На Севере эти изготовленные из серебра украшения были, по-видимому, по большей части символами социального авторитета. На этой территории, где основным богатством, объектом торговли и средством обмена были шкурки пушных животных, эти серебряные изделия не могли иметь такого значения, как в земледельческих районах, население которых лучше понимало именно их материальную ценность (Сакса 1990: 83–87; Saksa 1998: 204; Сакса 2007: 335–337; см. также Olaus Magnus (перевод на финский) 1973: 49–50). Наряду с кладами серебра об интенсивности пушной торговли в позднем железном

веке и раннем Средневековье говорит большое количество находок наконечников копий (13 экз.), топоров (около 50 экз.) и наконечников стрел (около 30 экз.), все из которых представляют самые лучшие, и имевшие большую популярность в Балтийском регионе формы. Оба найденных в Северной Финляндии меча являются западноевропейскими. Среди этих предметов вряд ли можно выделить привезенные именно карелами еще и по той причине, что, вероятнее всего, у карел были такое же снаряжение и набор товаров, как и у остальных участников пушной торговли. Можно предположить, что и формы украшений определялись более вкусами местных женщин, а не этническим происхождением торговца.

На основании анализа находок можно все же сделать вывод, что рассматриваемые северные пушные районы осваивались в эпоху викингов из различных центров. Для нас в данном случае важно констатировать, что эти районы и их ресурсы стали важной составной частью европейской экономической системы раннего Средневековья. Освоение Севера происходило не в форме обычной колонизации, а служило интересам европейской торговли, в более позднее время — удовлетворению социально-экономических и политических потребностей зародившихся государств и их знати. В эпоху государственности на смену обменной торговле и грабительским походам пришли регулярный сбор налогов и межгосударственные соглашения о разделе территорий. С другой стороны, как отмечают письменные источники, еще в XIII–XIV вв. находилось место и грабительским походам.

Свидетельством пребывания карел в бассейнах рек Кемийоки и Торнионйоки являются указывающие на Карелию топонимы (Vahtola 1980: 559–560; 1986: 82–119). Наиболее известное свидетельство о поездках карел на Север — это описание Ноусиа Рюсся (русский) карельского пути из Кексгольма в Оулу в Эстерботнии, сделанное им в 1556 г. фогту Турку Симо Туоманпойке и Якко Тейти, которое они и изложили в своём отчете. На маршруте этого пути найдено значительное количество находок вещей позднего железного века, в том числе и в Северной Карелии (Lukkarinen 1917: 1–7; K p nen, Kirkinen 1969: 37–41, kuv. 15).

Карелы постоянно проживали в Эстерботнии, во всяком случае, уже начиная с XIV в., что видно из известия 1345 г., согласно которому епископ Турку Хемминг крестил проживающих в Торнио карел в католическую веру (Гадзяцкий 1941: 174; Kirkinen 1976: 29). 1365-м г. датируется сведение о том, что «северные карелы» совершали торговые поездки не только в Улвила, Або и Стокгольм, что было им разрешено, но также в Ревель и другие запрещенные места (Гадзяцкий 1941: 173). Ситуация изменилась в XIV в., когда в результате происходивших в районе Оулу сражений новгородцев со шведами побережье Эстерботнии осталось за Швецией (Kirkinen 1976: 26–31). Карельские интересы в Эстерботнии приняты во внимание и при составлении Ореховского мирного договора. Это следует из того, что все четыре упомянутых в его тексте пограничных пункта между Саво и Эстерботнией находятся на водных путях, что должно было, по мнению финского историка Х. Киркинена,

гарантировать карелам свободный и удобный путь с Карельского перешейка через внутренние области Финляндии до Эстерботнии (рис. 119) (Kirkinen 1976: 24–26).

Карелы во внутренних областях Финляндии

Уже сам факт того, что территория современной финской провинции Северная Карелия по Ореховскому мирному договору 1323 г. осталась за Новгородом, свидетельствует, на наш взгляд, что она входила в состав Новгородской карельской земли (рис. 117). К сожалению, в тексте договора ничего не говорится о жителях приграничных областей, а лишь о линии границы, использовании земель и вод, перебежчиках, безопасности торговцев на воде и на суше. Из этого документа и других источников XIV в. как, к примеру, мирного договора 1326 г. Новгорода с Норвегией и древнерусских летописей, становится очевидным, что обширные северные области вплоть до Кольского полуострова были карельской промысловой зоной (Kirkinen 1963: 83; 1970: 34–35; Saksa 1998: 205; Сакса 2007: 338–342). Договор 1256 г. Александра Невского с норвежцами был заключен после походов 1223 и 1226 гг. новгородцев и карел против Норвегии и по «старому миру». В берестяных новгородских грамотах XIV и начала XV вв. встречаются упоминания о карелах, которых послали на Каяно море (№ 286), но в случаях, когда упоминаются географические названия или деревни: Погоская, Кюлолаская и Кюрьеская корила (№ 248) или проживающие в Лайдиколе, Калинитце и Куроле карелы (№ 278) (Арциховский, Борковский 1963: 104, 112; Янин 1975: 66–67), становится ясным, что они располагались в Приладожской Карелии. Кюлаский (или Кюлолакский) и Кюрьеский (или Кирьесский) погосты упоминаются в ряде древнерусских летописей в рассказе о походе 1395 г. шведов в Карельскую землю (Материалы по истории Карелии... 1941: 89). В ряде случаев упомянутым в берестяных грамотах деревням близкие соответствия находятся в переписной окладной книге Водской пятины 1500 г.: Королья = Каарлахти в Каукола и Ладикола = Лайкала в Куркиёках (см.: Ronimus 1906: 21, 38). Отраженные в берестяных грамотах события во внутренних областях Карелии — это главным образом пограничные стычки между карелами и саволаками (№ 248, 286, 249) (Арциховский, Борковский 1963: 72–76, 113; Kirkinen 1964: 141; 1976: 31–32). В берестяных грамотах упоминаются насильно отобранные товары и рыба, но в то же время отсутствуют известия о сожженных или разграбленных деревнях, продуктах сельского хозяйства, домашнем скоте. Создается впечатление, что в Северной Карелии в XIV в. еще не было постоянного деревенского расселения или, во всяком случае, деревень не было в области пограничья между Швецией и Новгородом. С другой стороны, пребывание здесь карел представляется постоянным, хорошо видимым в источниках явлением. Какие-то опорные или контрольные пункты должны были существовать, во всяком случае, после заключения мирного договора.

К началу XIV в. у карел были уже серьезные позиции, помимо Эстерботнии (Похьянмаа), также и в Двинской Карелии. В это же время принадлежавшие Новгороду северные части Саво и Карелии были заселены, по-видимому, редким лопарским населением и могли интересовать карел лишь с точки сбора дани с лопарей и транзитного прохода к Ботническому заливу (в Эстерботнию) и Белому морю (Двинская Карелия и Кольский п-ов) (рис. 117, 119). Происходящие с этой территории археологические материалы характеризуют ее как зону промысловой деятельности. Охотники эпохи Меровингов оставили в память о себе по одному наконечнику копья и стрелы и два каменных блоковидных кресала в Северной Карелии и уже тринадцать такого же типа изделий в Саво. К эпохе викингов в Северной Карелии относится уже восемь находок: три наконечника копий, четыре топора и одна круглая фибула. В Саво к этому же времени можно отнести 34 вещевые находки, из которых принадлежащими промысловым охотникам можно назвать 27 предмета. В это время в Саво появляются первые могильники. В эпоху крестовых походов (1050–1300 гг.) в Саво в районе г. Миккели возникает поселенческий центр (Kirkinen 1987: 83–89; Lehtosalo-Hilander 1988: 190–224; Uino 1997: 172–174; Saksa 1998: 167–172, 206; Сакса 2006: 143; 2007: 338–340).

В Саво известны также многочисленные культовые камни с выемками, два центра концентрации которых находятся в районе Савонлинна и Керимяки. Рядом с ними сделано на удивление мало находок железного века, в то время как в Западной Финляндии и на Карельском перешейке они, как правило, располагаются на древних могильниках или по краям древних полей (Äygrää 1942: 179–208; Sarmela 1970: 147–154; Huurre 1971: 32–36; Simola, Grönlund, Huttunen 1984: 12–25; Saksa 1985b: 81–83; Uino 1997: 90–100). В Саво большая часть жертвенных камней находится на берегах озер или проливов, рядом с заливами, даже на островах (Saksa 1998: 206).

О заселении Саво рассказывают также городища, которые известны в районах Миккели, Пуумала, Сулкава и Тайпалсаари (Taavitsainen 1990a: 237–238). В южной части этой исторической области в эпоху крестовых походов возникает зона постоянного населения, границы которой на севере проходили по линии Пиексамяки–Йоройнен, на западе по линии Кангасниemi–Мянтюхарью, на юге по линии Лаппеенранта–Йоутсено–Иматра–Руоколаhti и на востоке восточнее Савонлинна. Центром этой зоны был поселенческий центр в районе Миккели, откуда и началось освоение близлежащих таежных территорий. В финской Южной Карелии поселенческий центр возник в районе Лаппеенранта Каускила, где был исследован грунтовый могильник эпохи крестовых походов и раннего Средневековья (Salo 1957: 35–55; Hirviluoto 1984: 90–95).

В Северной Карелии количество находок не увеличивается и в эпоху крестовых походов. Два топора карельского типа найдены в Нурмексе и один в Тохмаярви. Две карельские овально-выпуклые фибулы найдены в Мекриярви и Липери и одна, возможно, в Китээ.

Северная Карелия, таким образом, в эпоху крестовых походов стала пограничной зоной между наступающим населением из Карелии с одной стороны и Саво — с другой. С ее северо-западной стороны в районе Куопио, Маанинга и Вехмерсалми найдено несколько вещей позднего железного века, что отмечает направление освоения этой зоны. Историки установили, что сельскохозяйственное население пришло в Северную Карелию из Ладожской Карелии (Гадзяцкий 1941; Kuujo 1958b; Kirkinen 1970; Saloheimo 1971).

Начавшееся в позднем железном веке освоение карелами пушных ресурсов Севера, как мы выяснили, продолжилось в эпоху крестовых походов и раннем Средневековье. С укреплением позиций карел в Эстерботнии и Двинской Карелии масштабы сбора дани у лопарей и возможности пушной торговли увеличились. Роль карел в качестве посредников в европейской пушной торговле сохранилась и упрочилась.

Расцвет и утрата целостности и независимости

Следует иметь в виду, что по мере того, как карельское население на основной территории Карельского перешейка и Ладожской Карелии увеличивалось и экономически развивалось, в карельской торговле произошли структурные изменения. В XI в. на Балтике возникла благоприятная ситуация для развития торговли. Внешняя конъюнктура дала возможность карелам участвовать в торговле в масштабах всего Балтийского региона, активными участниками которой в XI–XII вв. были Готланд и Новгород. Именно этим временем (вторая половина XI в.) датируются все найденные в Карелии монетные клады, в которых в общей сложности было около 1370 монет (Talvio 1980: 5–16; Кочкуркина 1981: 25–29). Изделия готландского ремесла — серебряные броши, филигранные бусы и плетеные цепочки — являются заметной частью карельской культуры эпохи крестовых походов (Nordman 1924: 28–69; 1925: 29). Они получили широкое распространение в Балтийском регионе (Nordman 1924: 5–69). Подобные украшения изготавливались также в Киеве и других городах Древней Руси (Nordman 1924: 19–27; 1944: 39; 1945: 228; Седова 1956: 233; Stenberger 1958: 215, 218, 220–221; Antoniewicz 1970: 50–56; Даркевич, Монгайт 1978: табл. XI–XIII, XIV–XVI). Продуктами ганзейской торговли были серебряные кольцевидные фибулы (Sarvas 1971: 59–62). Из оружия практически все мечи, некоторые типы наконечников копий и топоров были западноевропейскими. У части найденных на Карельском перешейке вещей нет конкретного «адреса»; они на рубеже эпохи викингов и крестовых походов широко распространились в Северной Европе, Прибалтике и Древней Руси. Также ткани были предметом торговли.

Через посредство Новгорода и других центров Новгородской земли в Карелию распространилась так называемая (в Финляндии) керамика славянского типа. Состав медных сплавов изготовленных в Карелии украшений, так же как и технические приемы карельских ремесленни-

ков соответствуют используемым новгородскими мастерами (Васильева 1982: 185–188; Хомутова 1982: 188–208). Такая продукция новгородских ювелиров, как бронзовые зооморфные подвески и бусы, была особенно популярна в среде прибалтийско-финских племен. Особо следует отметить изделия с христианской символикой: крестики, энколпионы, иконки, подвески с изображением Марии Оранты (Purhonen 1998: 113, 115, 212–217, kuv. 126, 127; Мусин 2002: 179–190, рис. 106, 110–113, 117, 209, рис. 124; Корзухина, Пескова 2003). Часть полученной оплаты за ценные меха возвращалась в Карелию в виде серебряных монет, серебра или изделий из серебра. В новгородских берестяных грамотах полученные из Карелии товары оцениваются в рублях (напр.: № 249, датированная концом XIV в.) (Янин, Зализняк 1986: 197). В составе клада на Тиверском городке было пять обрезков новгородских серебряных гривен (Talvio 1980: 14–15, kuv. 4). Серебряный медальон с изображением «процветшего креста» найден в кладе из дер. Кильпола в Хиитола, в кладе из Рауту были ромбоцитковое височное кольцо и привеска в виде серьги, а в кладе из Сортавала Рантуэ — многобусинное височное кольцо. Типичные для Новгорода и Новгородской земли пластинчатые браслеты с орнаментом «волчий зуб» и плетеные браслеты найдены в кладах Северной Финляндии и также в Центральной и Северо-Западной Финляндии (Kivikoski 1973: 135, Abb. 1081, 1083, 1084). Также в самом Новгороде и других центрах Новгородской земли найдены, в свою очередь, карельские вещи (Орешек, Старая Ладога, Копорье). Есть они и в курганах Ижорского плато.

В новгородских берестяных грамотах в качестве карельских привозных товаров упоминаются меха куницы и белки, а также лосось (№ 259, 260, 278, 280, 403) (Янин 1975: 135–142). Также можно упомянуть лошадей и мясо северных оленей (№ 266, 275).

Карелы в рассматриваемое время хорошо знали побережье Балтийского моря и Швеции, куда неоднократно совершали торговые поездки и военные набеги (Рыдзевская 1978: 109, 111; Huurre 1979: 222). В прямых контактах с карелами были заинтересованы и их западноевропейские партнеры. О поездках в Карелию немецких и готландских купцов упоминается в мирных и торговых договорах Новгорода с Готландом, Любеком и немецкими городами 1262 и 1263 гг. и в проекте договора 1269 г., по которым Новгород не нес ответственности за то, что случится с иноземными купцами в Кореле (Грамоты..., 57, 59; Goetz 1916: 95; Kirkinen 1963: 85–87; Linna 1989: 86–87, № 67, 69). Карелия, следовательно, была одним из факторов международной торговли на Балтике и, находясь географически между Новгородом и странами Балтийского побережья, формировала своего рода один из углов этого треугольника. В этой системе Новгород был не только серьезной экономической силой, но и своеобразным посредником, поскольку многие иноземные товары и большая часть монетного серебра поступали в Приладожскую Карелию и далее вплоть до Северной Финляндии через Новгород (Потин 1968: 16, 140–141, 149, 167; Nordman 1921: 91–92; Talvio 1980: 174; Сакса 2007: 340–341).

Карелия, начиная с 1270-х гг., упоминается в древнерусских летописях как часть Новгородской земли, часть «волости новгородской». Начинается новый период, совпавший с изменением международной ситуации в восточной части Балтики, на которую стали влиять новые факторы, прежде всего открытое противостояние между Новгородом и Швецией. В эту борьбу вмешалась папская курия, после чего она приняла характер противостояния Запада и Востока. Характерной практикой XIII в. стали папские буллы и письма шведского короля, в которых запрещалось пlyingим к русским и к язычникам Карелии, Ижоры, Лопи и Води передавать им оружие, железо, продовольственные товары, корабельный лес и древесину, а также другие товары, которые можно использовать против христиан (булла папы Григория X от 9.1.1275 и письменное разрешение шведского короля Биргера от 4.3.1295 Любеку и другим участвующим в торговле на Балтике городам) (Linna 1989: 90, 109–110, № 75, № 116). Десять лет спустя после запретительной буллы 1275 г. готландцам разрешили торговать с карелами с тем условием, что они не будут провозить запрещенные товары (письмо короля Магнуса от 7.10.1285) (Linna 1989: 99, № 96). Свобода торговли и обеспечение безопасности купцов опять стали важной темой в отношениях между Швецией и Новгородом.

Новым явлением в Карелии стало возникновение городских центров, в которых концентрируются торговля и ремесленная деятельность. Карелия все в большей степени вовлекается в рыночные отношения Новгородской земли. В летописных источниках упоминаются избитые немцами (в 1283 и 1317 гг.) в Ладожском озере обонежские купцы и «ладожане гости» в Кореле, побитые там корелой с немцами (шведами) в 1337 г. (НПЛ, 338, 348). Самобытность карельской культуры в городских условиях теряется; в слоях Корелы второй половины XIV в. большая часть находок представлена изделиями новгородского городского ремесла (Кирпичников 1979: 68–75; Сакса 1999: 199).

Мы имеем полное основание в итоге утверждать, что для карел на всех этапах их истории торговые и внешние связи в целом имели важное значение для развития их экономики и культуры. Население древней Карелии на своей традиционной территории на всём протяжении позднего железного века и эпохи крестовых походов имело возможность почти без препятствий и в выгодных природно-географических условиях развивать своё хозяйство и культуру. Еще в Средневековье на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии возникало много новых деревень. Другими словами, археологический материал XIV в., как и переписные книги 1500 г. и XVI в., свидетельствуют, что местные природные ресурсы на территории Древней Карелии не были исчерпаны до конца и рост населения еще не достиг своей критической точки.

Из письменных источников исторического времени известно, что после того как Швеция завоевала западную часть Новгородской Карелии, Новгород усилил свою административную власть в Карельской земле. В конце XIII–XIV вв. Новгород управлял Карелией и другими пограничными зем-

лями через князей, которые получали в наместничество целые области или их части, что означало притеснение населения и усиление налогового гнета. Следствием было недовольство карел и карельские мятежи первой половины XIV в. В это же время, в 1330-е и 1340-е гг., как и на протяжении всего XIV в., Новгород и Швеция неоднократно оказывались в состоянии войны друг с другом. В 1396 г. шведы захватили два погоста в Ладужской Карелии. О постоянных стычках и состоянии опасности говорит и тот факт, что многие городища Северо-Западного Приладожья, согласно последним исследованиям, были построены в это время (Сакса 2007: 341–342).

Имеются, следовательно, все основания полагать, что не только постоянный рост населения и его давление на территорию вынуждали карел переселяться на север в Заднюю Карелию, но и изменившаяся политическая ситуация, угроза военных набегов и экономических притеснений. Судьба карел отныне зависела не от их собственных усилий, а от политики двух борющихся между собой средневековых государств.

ГЛАВА 8

Древняя Карелия и соседние территории

Карелия и Саво (к вопросу о происхождении населения Саволакского погоста)

Как отмечалось выше, внутреннее поступательное развитие нарождающихся поселенческих центров эпохи Меровингов в древней Карелии испытало существенные перемены в связи с событиями эпохи викингов, круто изменившими ситуацию в обширном регионе, частью которого была Приладожская Карелия. Активизация международной торговли в регионе Ладожского озера и вовлечение в неё местных жителей предопределило «вырывание вперед» населения Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья по сравнению с населением отдаленных таежных районов озерной Восточной Финляндии. Активно формируется местный рынок пушной торговли, развивается земледелие. Сыграли роль и существующие, но в полной мере ранее не используемые в предшествующее время удобные водные пути и наличие плодородных земель. Последних в Восточной Финляндии мало, что и предопределило ограничения возможности развития центров с земледельческим населением в доисторическую эпоху. Таежная охота продолжала играть на значительной территории этих обширных областей в Восточной Финляндии (область Саво) ведущую роль. Это фиксируется находками вещей, большинство из которых составляют предметы вооружения и охоты (рис. 13).

Возникновение первых постоянных могильников в Восточной Финляндии приходится на эпоху викингов (конец IX — X вв.). Более ранние находки в Миккели-Кюхкюля являются пока единственными. Именно в Кюхкюля в 1930-х гг. исследован могильник, часть погребений в котором совершена в конце IX — X вв. Все захоронения, в том числе и относящиеся ко времени XI—XII вв., совершены в каменных насыпях. Неподалеку выявлены следы могильника другого вида с захоронениями на древней дневной поверхности — так называемый полттокенттякалмисто. Еще один такого рода могильник эпохи викингов обнаружен в районе Миккели-Мойсио. Захоронения здесь сделаны в расщелинах скалы и на каменистой площадке у ее подножия. Есть в примыкающем к г. Миккели районе и другие места находок, указывающих на возможное наличие могильников. К ним относятся населенные пункты Вуолинго и Рантакюля, на землях которых найдены вещи XI в. (Lehtosalo-Hilander 1988: 171–179; Taavitsainen 1990b, 94–95; Kotskurkina 1992, 208; Uino 1997, 172–173; Saksa 1998, 168; Сакса 2006: 141–152).

Основная масса находок железного века Восточной Финляндии приходится, таким образом, на середину и вторую половину эпохи викингов (X—XI вв.), когда возникают сразу несколько могильников. Подавляющая часть

вещей, найденных отдельно и в составе погребений, представлена вещами западно-финского облика: как предметами вооружения, так и украшениями. Происходят они либо из области Хяме, где определенные типы вещей получили наибольшее распространение, либо из западных областей Финляндии (Lehlosalo-Nilander 1988: 155–170). Причем среди них нет парадных изделий, получивших распространение в густонаселенной к этому времени Западной Финляндии, а встречаются лишь достаточно распространенные виды фибул, наконечников копий и других предметов. Видимо, это объясняется тем, что в земледельческом освоении Восточной Финляндии, в отличие от территории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья, участвовали, как и в торговле с коренным населением, рядовые члены земледельческих общин из Западной (сумь) и Центральной (емь) Финляндии и практически отсутствовали дружинные элементы. По-видимому, этим объясняется и отсутствие крупных кладов, характерных для Западной и Северной Финляндии, а также Приладожской Карелии.

При сравнении археологического материала эпохи викингов Восточной Финляндии с карельским отчетливо видно происшедшее в эту эпоху расхождение путей культурно-исторического развития этих двух соседних регионов. Если общими временными исходными точками в Восточной Финляндии и в Приладожской Карелии можно считать эпоху Меровингов, когда создается основа оседлого земледельческого населения при участии и под влиянием переселенцев из Западной Финляндии, то впоследствии уже в первой половине эпохи викингов в Приладожской Карелии приоритетными направлениями развития становятся пушная торговля и использование удобных водных путей. Отражением такого изменения является появление погребений хорошо снаряженных воинов в сопровождении мечей, наконечников копий и топоров лучших европейских образцов. Примечательно, что эти могилы оставлены вдоль водных путей: Эссаари в заливе у Выборга, Уосуккала и Юля-Кууса на Вуоксе, Лопотти и Мянтинсаари на побережье Ладоги (рис. 11–13). Погребальный обряд — погребение на каменной вымостке — характерен для Западной Финляндии в эпоху викингов. В Лопотти (на территории пос. Куркиёки) захоронение включало неопределимое количество женских погребений с большим количеством украшений западно-финского, скандинавского и прибалтийского происхождения (рис. 12). На примере этого захоронения видно, как, попадая в этот район активного международного общения, в данном случае, вероятнее всего, из западнофинских областей, мобильные, профессионально вооруженные люди теряют некоторые присущие их исходной территории черты в погребальной обрядности, заимствуя черты формирующейся в зоне интенсивных международных контактов интернациональной общепалтийской культуры.

Иная картина складывается на основании материалов конца эпохи викингов обоих рассматриваемых соседних регионов. Для могильников этого периода характерна близость к местам с постоянным населением. Как правило, здесь же находятся могильники или другие свидетельства наличия

населения в XII–XIV вв. и в более позднее историческое время (рис. 11, 13). На самих могильниках XI в., в отличие от предшествующих им могильников с одиночными погребениями, захоронения производились неоднократно на протяжении продолжительного времени. Могильники принадлежат уже местной общине, но характерный для эпохи викингов обычай хоронить на ровной дневной поверхности с использованием каменной вымостки, хотя и менее однородной, чем ранее, и с меньшим количеством камней. Изменения в обряде происходят и в сторону обеднения сопровождающего погребального инвентаря (сокращение устойчивого набора воинского снаряжения до единичных топоров и наконечников копий, стрел, уменьшение количества и состава предметов украшений, других сопутствующих вещей).

XI в., таким образом, знаменуется не только становлением и развитием поселенческих центров на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье, но и активизацией местного населения в области торговых связей в зоне восточной части Балтийского моря (Готланд, Новгород). Это было сравнительно спокойное время, когда молодые государства бассейна Балтийского моря еще не приступили к внешней экспансии. В то же время, по мере оформления территориально-племенных образований, возникает почва (территориальные и экономические претензии) для конфликтов между ними. В XII в. обостряются отношения корелы с емью, что выливается в отраженные летописью межплеменные столкновения, одно из которых (1143 г.) является в то же время первым упоминанием корелы в Новгородской первой летописи. Межплеменные конфликты косвенно указывают также на то, что корела уже сформировалась как этническая общность, имеющая свою племенную территорию, свои экономические интересы и зону влияния.

Культура населения восточнофинской области Саво в эпоху крестовых походов была сходной с карельской; в финской историографии эту культуру объединяют под общим названием культура Саво-Карелии. Принято считать, что население Саво (Саволакс — один из трех переданных Новгородом по Ореховскому миру 1323 г. Швеции западных карельских погостов) ведет свое происхождение от переселенцев с Карельского перешейка (Åugärpää 1939; Rinne 1947; Kivikoski 1961: 270–271; Lehtosalo-Hilander 1988: 220–224; Taavitsainen 1990b: 104–108; Uino 1997: 172–174; Saksa 1998: 167–172; Кочкуркина 1982: 57–75; Сакса 2006: 141–152). Самый известный могильник эпохи переселения народов находится в Тууккала, примерно в пяти километрах к югу от г. Миккели (Heikel 1889; Lehtosalo-Hilander 1988: 193–224; 1994: 26–34; Poutiainen 1992: 99–109; 1994: 51–56; Kotskurkina 1992, 207–208; Lehtinen 1994: 62–66; Nousiainen, Lehtinen 1994: 12–18; Kirkinen 1996: 22–23, 56; Saksa 1998: 167). Второй из наиболее известных грунтовых могильников выявлен в Висулахти на восточной окраине города Миккели в оконечности залива Савилахти (Nousiainen, Lehtinen 1994: 12–16). Последние, проведенные в 1980-е и 1990-е г. раскопки показали, что необходимо отказаться от старых представлений о принадлежности могильников карельским переселенцам (Nordman 1924: 191–196; Tallgren 1931: 192). Также нет оснований считать их исключительно

результатом слияния культурных влияний со стороны карел и еми (Äugärää 1939: 51–62). К настоящему времени стало очевидным, что район Миккели был заселен начиная с эпохи неолита, и население эпохи крестовых походов является прямым продолжением этого аборигенного населения (при некоторой доле переселенцев с запада, продвинувшихся в Восточную Финляндию из области Хяме уже в эпоху Меровингов и викингов, а также карел, переселившихся в район Миккели начиная с XII в.) (Lehtosalo-Hilander 1988: 215–224; 1994: 27). П.-Л. Лехтосало-Хиландер в своей работе о древней истории области Саво пишет «За два-три столетия в районе Миккели образовался такой центр, в котором поселились пришедшие с разных сторон люди. Они оставили свои следы в материальной культуре, но основную массу населения составляли потомки первоначального населения этих мест» (Lehtosalo-Hilander 1988: 223). С.И. Кочкуркина считает, что схожесть могильников эпохи крестовых походов Саво и Карелии не может объясняться лишь культурными заимствованиями. Речь может идти о единой культурной области. Отдаленность, иное этническое окружение и политические события повлияли на изоляцию населения Саво в первой половине XIV в. от основной территории карелы, что отразилось в появлении своеобразных черт в местной археологической культуре. Переселение карел в Саво произошло не в XII–XIV вв., а значительно ранее, по-видимому, в конце I тыс. н. э. Наряду с карелами в озерной области района Миккели проживала также и емь, что повлияло на появление самобытной культуры области Саво (Kotkurkina 1992: 212–213).

При рассмотрении вопроса о происхождении населения района Миккели следует проделать короткий экскурс в более раннюю историю Карелии и Восточной Финляндии, учитывая, что на обеих рассматриваемых территориях известны памятники всех периодов железного века.

В раннем железном веке Карельский перешеек и Восточная Финляндия были малозаселенными территориями, освоение которых со стороны областей с постоянным населением происходило в форме подсечного земледелия, охоты и рыболовства. Свидетельствами этой промысловой деятельности остались находки случайно утраченных железных топоров, наконечников копий и каменных блоковидных кресал (Lehtosalo-Hilander 1988: 152–153). Следы местного населения являются поселения с керамикой эпохи раннего металла и так называемые «лопарские груды» (Huurte 1984: 304–305; Lehtosalo-Hilander 1988: 141–154; Taavitsainen 1990b: 92–93; Saksa 1998: 167; Saksa 2006: 141–152).

На Карельском перешейке уже в эпоху Меровингов возникают центры постоянного населения. В районе Миккели в 1993 г. была обнаружена и исследована первая каменная погребальная насыпь эпохи Меровингов (Schulz 1994: 57–59). Находка была ожидаемая, поскольку она хорошо вписывается в уже существующие представления о путях развития рассматриваемого региона в железном веке. Новые находки вещей эпохи Меровингов и викингов были сделаны в районе городов Савонлинна и Ристина (Lehtinen 1994: 62; Routiainen 1994: 56; Saksa 1998: 167).

Линии развития Карелии и Саво стали расходиться в первой половине эпохи викингов, когда в археологическом материале Карельского перешейка стало ощущаться влияние балтийско-волжского торгового пути (Saksa 1992c: 100–104; 1994a: 32–41; 1994b: 98–103; 1998: 168; Сакса 2006: 141–152). На Карельском перешейке по Вуоксе и в Северо-Западном Приладожье известен целый ряд воинских погребений IX–X вв., в то время как в Саво известны только две вещевые находки старше этого времени (Taavitsainen 1990b: 93–94). Количество находок заметно возрастает во второй половине эпохи викингов и в то же время существенно меняется их характер: на место господствующих в предшествующий период орудий труда (18,7%) и оружия (9,7%) приходят украшения, составляющие к концу эпохи викингов большинство находок (63,9%). Новая категория находок — это средства передвижения (7,7%) (Taavitsainen 1990b: 93–94). Большая часть украшений представлена западнофинскими формами, но встречаются и восточные типы, как, например, характерные для Карелии и Саво массивные бронзовые браслеты со вставками и встречающиеся в Юго-Восточном Приладожье, Саво и Хяме овально-выпуклые фибулы с цапфами типа А по Айлио. К предметам, поступившим в Саво по восточным торговым путям, можно отнести серебряные скандинавские фибулы из Миккели Папинсаари, четыре дирхема, серебряную подвеску и четыре серебряных браслета из Савитайпале Сянярви и подвеску пермского типа из Юва Каусала (Huurre 1980: 163; Taavitsainen 1990b: 94; Lehtosalo-Hilander 1988: 179–183).

К концу эпохи викингов появляются уже могильники и целый ряд укazyвающих на возможное наличие могильников находок вещей из разных частей области Саво: в Тайпалсаари (Халиланлахти Ваммониemi и Куреллахти Маммонниemi), в Миккели (Мойсио и Кюхкюля), в Вуолинго (Тююнеля), в Рантакюля (Рантала и Мянтюранта) и в Куопио (Хаминалахти Мусталахти) (Lehtosalo-Hilander 1988: 162–189; Taavitsainen 1990b: 94–95; Kotskurkina 1992, 208; Nousiainen, Lehtinen 1994: 12–16; Uino 1997, 172–173; Saksa 1998: 168; Сакса 2006: 141–152). По форме они представляют собой типичные западнофинские могильники с трупосожжениями на каменных (каменно-земляных) насыпях или сложенной на древней земной поверхности каменной вымостке. Инвентарь погребений состоит из вещей западнофинских типов (Taavitsainen 1990b: 95).

Из всех перечисленных выше мест только район Миккели сформировался к концу эпохи викингов как поселенческий центр с постоянным населением и развитым хозяйством. Наиболее ранний могильник на этой территории обнаружен в Кюхкюля. Он представляет собой трупосожжения под каменными насыпями, датируемые в интервале от эпохи Меровингов (600–800 гг.) до XII в. Ю.-П. Таавитсайнен, впрочем, предположил, что каменно-земляные насыпи Кюхкюля не являются погребальными, и, что, по крайней мере, часть из них могла быть кучами отходов с поселений. Такие же сомнения он выдвигал и относительно другого могильника в районе Миккели-Мойсио Латокаллио (Taavitsainen 1990a: 74). При характеристике ранних могильников в области

Саво следует принимать во внимание, что, несмотря на общее мнение финских исследователей о западнофинском типе этих памятников, их конструкция, состав инвентаря и способ размещения предметов погребального инвентаря в могиле очень изменчивы и обладают своими особенностями. Наряду с могильником в Кюхкюля, подобные, напоминающие так называемые лопарские груды (лапинраунио) захоронения известны в Тайпалсаари (Маммониеми). Но в Мойсио (Латокаллио) и Тайпаалсаари (Ваммониеми) погребения уже совершены в расщелинах скалы, а в Вуолинго (Тююнеля) и в Рантакюля (Рантала, Мянтьюранта) в эту же вторую половину эпохи викингов выкопаны грунтовые могилы. Часть захоронений из этих мест представлена отдельными могилами. Можно предположить, что речь в этих случаях идет о влиянии представителей западнофинской культурной области на местную погребальную традицию, но не исключительно лишь о захоронениях западнофинских переселенцев. Также и распределение могильников и отдельных погребений и их размещение на местности не свидетельствуют, на наш взгляд, напрямую в пользу переселившейся сюда из земледельческих районов Западной Финляндии части земледельческого населения, а лишь о промысловых поездках в озерную область Саво его представителей (Saksa 1998: 168; Сакса 2006: 141–152). Характер этих поездок и их продолжительность с течением времени не могли не меняться. Наше предположение подтверждается и результатами палеоэкологических исследований: эпизодические и краткосрочные попытки занятий земледелием на этой территории в эпоху Меровингов получили развитие только в XII в. и относятся уже к совершенно новому времени эпохи крестовых походов (Simola, Grönlund, Uimonen-Simola 1988: 15–32; Grönlund 1995: 22–33). По-видимому, в Саво в эпоху викингов, так же, как и в Карелии, приоритеты в экономической деятельности были направлены в область пушной охоты и торговли пушниной, что не оставляло места более производительному (с точки зрения конечного результата) и доходному земледелию. Наиболее важным было знать промысловые районы с точки зрения возможностей пушной охоты, а реки и озера использовались как водные пути. Могильники и отдельные находки вещей и сосредоточены именно вдоль водных путей (Taavitsainen 1990b: 96–97; Saksa 1998: 168–169; Сакса 2006: 141–152).

Поселения, относящиеся исключительно к эпохе викингов, на рассматриваемой территории не известны; единственно в Миккели-Алавалкола имеются материалы XI в. На ближайших к могильнику Мойсио полях (Анила, Кюхкюля) найдены следы поселений, которые датируются лишь в целом железным веком (Nousiainen, Lehtinen 1994: 13–17; Poutiainen 1994: 52–56). Судя по находкам, эти поселения, вероятнее всего, относятся ко времени перехода от эпохи викингов (IX–XI вв.) к эпохе крестовых походов (1050–1300 гг.) или к собственно эпохе крестовых походов. Во всяком случае, на поселении у скалы Латокаллио в Мойсио найдены материалы, датирующиеся XIII в. и периодом Средневековья (Schulz 1994: 57–61). Также нет достаточных оснований датировать известные на этой территории древние городища временем ранее эпохи крестовых походов (Taavitsainen 1990a: 237–238).

Исследования последних лет и многочисленные ранее обнаруженные отдельные предметы из района Миккели показывают, что постоянное население на этой территории появилось в то же время, что и на западном побережье Ладожского озера, а именно — в эпоху Меровингов. Культура этого времени и последующей эпохи викингов, как в Карелии, так и в Саво, имела отчетливо выраженный западнофинский облик, с той лишь разницей, что в Саво отчетливо прослеживается влияние со стороны центральных областей Финляндии, из Хяме (территория расселения еми), в то время как на Карельском перешейке аналогии украшениям происходят из Юго-Западной Финляндии — области расселения суми. Господствующим обрядом погребения в эпоху викингов в Карелии стало трупосожжение на поверхностной каменной вымостке. В Саво же продолжался обряд погребения в каменной насыпи. При этом сама форма могильника (погребального сооружения) не представляется устоявшейся. В Саво также не обнаружены характерные для начальной половины эпохи викингов в Карелии воинские погребения с типичным для этой категории захоронений инвентарем. Заметны и различия в комбинации вещей. К примеру, в Саво найдено лишь три равноплечные фибулы группы 7 по Э. Кивикоски, в то время как в Карелии конца эпохи викингов это был ведущий тип украшений (Kivikoski 1973: 93–94, Abb. 679; Saksa 1994a: 41; 1994b, 101; 1998, 169; Сакса 2006: 141–152). Объяснением этому может быть более удобный путь для доступа в Карелию ставших там в рассматриваемую эпоху популярными форм украшений из соседнего региона. Карелия к концу эпохи викингов стала составной частью западнофинской культурной области, после чего ее уже с этого времени следует считать общефинской. В этом имеющем отчетливые формы в материальной культуре развитии наглядно проявились процессы формирования культурно-исторических зон в Восточной Прибалтике от Скандинавии до Финляндии, Эстонии и Древней Руси. Саво оставалась в то время еще своеобразной периферией, территорией таежной охоты и ранних опытов занятий земледелием.

Ситуация меняется ко времени наступления эпохи крестовых походов (1050–1300 гг.). Следует отметить, что в Саво вещи эпохи викингов встречаются достаточно равномерно в южной, центральной и северной частях этой исторической провинции, в то время как находки эпохи крестовых походов, большая часть из которых представлена карельскими овально-выпуклыми фибулами, концентрируются в южной части в регионе Миккели, Юва, Лапшеенранта и Руоколаhti (Lehtosalo-Hilander 1988: 159–220; Taavitsainen 1990a: 71–74, 77–85, 103–107; Poutiainen 1992; Saksa 1998: 169). Также область распространения могил сократилась до районов Миккели и Лапшеенранта. Вблизи г. Миккели новые грунтовые могильники появились в Тууккала, Кюхкюля и Кивисакасти. В то же время продолжалось использование возникших в предыдущее время могильников Кюхкюля и Мойсио. В районе Лапшеэ возник новый грунтовый могильник в Каускила (Salo 1957: 35–53).

Карелия и Саво в эпоху крестовых походов

Изменения в расположении могильников и распространении других древних находок с наступлением новой эпохи крестовых походов требуют объяснения. Принято считать, что выбор места для поселения в рассматриваемую эпоху в значительной мере зависел от природных условий. Могильники района Миккели располагаются в глубине наиболее западного залива Саймы на перекрестке водных и сухопутных путей и, с другой стороны, в благоприятной для развития земледелия зоне (Huurre 1984: 314–315; Lehtosalo-Hilander 1988: 223; Taavitsainen 1990b: 96–97, 100–102; Ortman 1991: 7–10; Kirkinen 1994: 19–25; Saksa 1998: 169; Сакса 2006: 141–152). Выяснено, что в районе Миккели в позднем железном веке занимались подсечным земледелием, животноводством, охотой и рыболовством (Lehtosalo-Hilander 1988: 199–204; Kirkinen 1994: 21). Наиболее раннее свидетельство занятий земледелием обнаружено в образце донных отложений, взятом в заливе Каттиланлахти вблизи Миккели. Это пыльца ржи, которая датируется временем около 1100 г. н. э. Непрерывное, постоянное занятие земледельческой деятельностью на этой территории фиксируется с 1280-х гг. (Simola, Grönlund, Uimonen-Simola 1988: 30, taulukko 2).

Какое же население оставило эти могильники и стоит за следами этой хозяйственной деятельности? Другими словами, как следует трактовать наглядно проявляющийся в археологическом материале позднего железного века района Миккели отчетливый карельский облик культуры, и даже на таких могильниках западнофинского типа, как Кюхкюля и Мойсио Латокаллио? В какой степени на основании археологического материала можно утверждать о переселении части населения из Приладожской Карелии в Восточную Финляндию в район Миккели? Насколько сильным было это карельское влияние, и к какому времени оно относится?

Лехтосало-Хиландер считает, что на могильниках района Миккели лишь начиная с середины XII в. выявляются могилы с отчетливым карельским влиянием (Lehtosalo-Hilander 1988: 223). В этой связи следует обратиться к рассмотрению поселенческой ситуации на это время на исходной территории, на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье. Необходимо в первую очередь отметить, что именно в это время формируются отчетливо структурированные поселенческие центры карелы, складывается именно та культура карельских грунтовых могильников и поселений (селища, городища), которая известна нам по раскопкам последней четверти XIX — XX вв. В силу различных отмеченных нами выше факторов, происходящих от геологической истории региона, его географического положения и сложившейся в Восточной Прибалтике исторической ситуации, у населения Карельского перешейка, главным образом долины Вуоксы, а также Северо-Западного Приладожья (Куркиёки, Сортавала) в XIII–XIV вв. возникли новые возможности экономического развития с опорой на развитое земледелие, рыболовство и торговлю, в том числе и мехами. Это развитие неминуемо

должно было привести к увеличению количества населения, проживающего на достаточно ограниченной территории, к демографическому «взрыву». Однако как материал могильников и поселений конца XII–XIV вв., так и более поздние, возникшие на этой территории уже в раннее Средневековье новые поселения свидетельствуют, что какого-либо заметного поселенческого кризиса не произошло, поскольку свободного места и хороших сельскохозяйственных угодий и земель было достаточно и новым поколениям. Проживающее на ограниченной территории одной или нескольких связанных между собой деревень население с развитым хозяйством и промыслами, позволяющими обеспечить приемлемые условия существования, естественно имело большие возможности для реализации своих потенциальных возможностей, в том числе и в области культуры. Есть основания говорить о своего рода интенсивном и многопрофильном хозяйстве этого времени.

Отмеченные выше находки карельских вещей в районе Миккели, равно как и возникшие к этому времени грунтовые могильники карельского облика в Тууккала и Висулахти, не могут трактоваться в свете обозначенной выше культурно-исторической ситуации на территории древней Карелии лишь как результат переселения с Карельского перешейка части населения в XII в. Вопрос необходимо рассмотреть и с опорой на хронологию развития в обоих рассматриваемых регионах в достаточно узкий период времени, ограниченный существованием так называемых карельских украшений эпохи крестовых походов (1050–1300 гг.). Важным представляется определить, на какое время приходится начало карельского влияния в Саво, возможно ли, что оно относится к предшествующему времени расцвета карельской культуры (XII – начало XIV вв.) этапу, то есть ко времени лишь случайных находок вещей формирующихся карельских типов, когда они еще не составляли традиционного погребального убора. Какие из ранних карельских украшений в районе Миккели были самыми ранними и как в последующем происходили контакты в области материальной культуры между двумя сопоставляемыми территориями? На какой момент в Саво возникло самостоятельное (на уровне сельских общин) производство ставших популярными украшений? В чем и как, помимо уже отмеченного в литературе (Lehtosalo-Nilander 1988: 223–224), проявляются различия между культурой карельского типа и собственно классической культурой исторической Карелии? Проявляется ли и в материале эпохи крестовых походов в Саво происшедший в Карелии в XIII в. подъем культуры? Количество и значимость вопросов определяются многими причинами. Это и слабая изученность, проявившаяся в упадке интереса к этим проблемам в последние десятилетия, и сам характер материала, требующий почти немислимых для нашего времени человеческих и материальных ресурсов, и далее вплоть до переориентации общественных интересов, организации научной деятельности в профильных институтах, наконец.

Результаты детального анализа находок карельских украшений из области Саво (Миккели, главным образом) и сопоставление их с материалом из раскопок в Карелии представлены на таблице XII.

Детальный типологический анализ всего комплекса находок украшений карельских типов наглядно свидетельствует, что население района Миккели в эпоху крестовых походов выработало свой вариант карельской культуры со своим отчетливым отпечатком, со своими местными особенностями. На данном этапе исследования нет достаточных оснований полагать, что «карельский» облик культуры населения рассматриваемой территории привнесен исключительно переселенцами из Приладожской Карелии в благоприятные для хозяйственного освоения районы области Саво в Восточной Финляндии. Как «карельские» формы украшений в Миккели (9 экз.), так и «саволакские» в Карелии (16 экз., из которых 9 цепедержателей типа II: 2) не формируют самостоятельных групп. Речь идет о разновременных вещах различных групп. Местных, «саволакских» вариантов «карельских» вещей в Миккели, в частности, из района Тууккала, известно 46 экз., из которых 14 овально-выпуклых фибул, и к этому 13 экз. из могильника Висулахти. «Общих» украшений карельских типов в районе Миккели найдено 79, из которых 35 представлены овально-выпуклыми фибулами, в Карелии 70, из которых 37 — овально-выпуклые фибулы. Эти находки распределяются территориально и хронологически достаточно равномерно, что может определяться и модой определенного времени на определенные формы украшений (к примеру, крестовидные цепедержатели типа II: 2). Большая часть украшений найдена на ограниченной территории (пронизки, копоушки, ножны ножей, подковообразные серебряные фибулы). Это вещи, в которых более всего проявляются персональные, индивидуальные черты. Среди овально-выпуклых фибул имеются варианты, которые были распространены на ограниченной территории, и формы, обнаруживаемые на значительном расстоянии от исходной территории. На основании имеющихся находок можно утверждать, что именно в конце рассматриваемого периода овально-выпуклые фибулы по типам концентрируются на более ограниченной территории (Lehtosalo 1966: 35–38; Linturi 1980: 114). Карта распространения определенных типов украшений зависит также от таких субъективных причин, как технологическое использование отдельных украшений как моделей, возникновение новых моделей, интенсивность копирования и, наконец, производственная манера литейщиков и рынок сбыта продукции (Tomanterä 1994: 37–49). Есть все основания полагать, что в период подъема в древней Карелии в среде растущего населения и роста его благосостояния потребность в продукции ремесленников существенно возросла.

«Карельские» формы вещей в Миккели и «саволакские» в Карелии, так же, как и «общие» для обеих территорий, выявлены на всей населенной к тому времени области в Карелии и Саво и свидетельствуют о регулярных и интенсивных связях между рассматриваемыми областями во все время существования карельской культуры эпохи крестовых походов. Другими словами, речь идет об общей материальной культуре населения древних областей Карелия и Саво. На ее возникновение повлияли те же обозначенные выше факторы. Важнейшими из них являются возникновение постоянных

Рис. 123. Поселенческие центры Карелии и области Саво в XI–XIV вв.

поселенческих центров сельского населения, в которых развивалось основанное на земледелии хозяйство, и отличавшееся своеобразием ремесленное производство (рис. 123).

Вопрос о происхождении носителей этой культуры и о том, в какой мере в ее развитии участвовало местное аборигенное население, остается открытым (см.: Huurre 1984: 311; Lehtosalo-Hilander 1988: 215–216; Kotskurkina 1992: 207–208; Uino 1997: 173; Сакса 2006: 141–152). Посещавшие Карелию и Саво в раннем железном веке с промысловыми целями охотники не оказали существенного влияния на жизнь немногочисленного местного населения. Утраченные ими топоры, наконечники копий и овальные каменные кресала остались отдельными, позднее случайно найденными экземплярами. Они никак не повлияли на формирование местной материальной культуры. Также попытки занятий подсечно-огневым земледелием остались эпизодическими и незначительными. Следы такой деятельности выявляются при палеоботанических

исследованиях как прерывистые и, как правило, слабые (Simola, Grönlund, Uimonen-Simola 1988: 28–32; Grönlund, Simola, Uimonen-Simola 1990, 79–85).

События эпохи викингов в бассейне Балтийского моря и, прежде всего, усиление торговой активности, вовлекли в свою орбиту подобные Карелии и Саво регионы, являющиеся к тому времени по своей сути населенными редким аборигенным населением промысловыми землями, находящимися за пределами образованной Скандинавией, Прибалтикой, Древней Русью и Юго-Западной Финляндией культурной области позднего железного века и раннего Средневековья. Начиная с этого времени, в Карелии и Саво начинает ощущаться все в большей степени влияние этих соседних регионов находящихся на более высокой степени развития. У этого влияния были свои региональные особенности, зависимые от географического расположения конкретного региона, его ресурсов, наличия удобных водных путей, общей ситуации в зоне прохождения транснациональных торговых путей. Так, на Ладоге влияние скандинавов наглядно проявляется в Юго-Восточном Приладожье, в то время как в Северо-Западном Приладожье и в целом на территории древней Карелии оно практически не фиксируется. И это при том, что рассматриваемые территории обладают одинаково разветвленной речной сетью, а также богатыми промысловыми ресурсами. Определяющим фактором было направление торговой активности и водных путей.

Начавшийся в эпоху Меровингов в Карелии и Саво процесс формирования поселенческих центров с постоянным населением с наступлением эпохи викингов получил в Карелии особое развитие под влиянием усиления торговой активности в районе бассейна Ладожского озера (Saksa 1994a: 35–38; 1994b: 102–103). Проявившиеся в последующую эпоху крестовых походов различия, в частности, в погребальной обрядности и инвентаре могил и в целом в археологических памятниках обоих сопоставляемых регионов ведут своё начало именно с событий этой эпохи. Наблюдаемое в памятниках IX–XI вв. отчетливое западнофинское влияние проявляется в Карелии иным, чем в Саво, образом. Характерные для Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья воинские захоронения первой половины эпохи викингов полностью отсутствуют в Саво. Во второй половине эпохи викингов в Приладожской Карелии господствующим становится обряд погребения на сооруженной на древней дневной поверхности каменной вымостке. В погребальном инвентаре и в случайных находках преобладают вещи западнофинского (из Юго-Западной Финляндии) происхождения. В то же время в Саво погребальный обряд определяется как не устоявшийся, а вещи тяготеют к центральнофинской области Хяме (Huurre 1979: 171; 1984: 311; Lehtosalo-Hilander 1984: 133–135; 1988: 162–79; Taavitsainen 1990a: 71–72; 1990b: 100–102, 116; Kotskurkina 1992, 209; Uino 1997, 172–173; Saksa 1998: 171; Сакса 2006: 141–152).

Сложившаяся в регионе в позднем железном веке ситуация объясняет также и те различия, которые проявляются в погребальном обряде грунтовых могил эпохи крестовых походов района Миккели при сопоставлении

с собственно карельскими могилами (см.: Lehtosalo-Hilander 1988: 220–224; Taavitsainen 1990a: 104–107; Saksa 1998: 171; Сакса 2006: 141–152). Наиболее наглядными из них являются отсутствие деревянных срубных рам и срубных камер («домиков мёртвых») с коллективными захоронениями на могильниках и предметов вооружения, орудий труда и посуды в могилах. Женщины района Миккели использовали в уборе украшения карельских типов, но составленный из бронзовых спиралек узор был уже своеобразным, местным. На могильнике Тууккала в Миккели погребенные (рассматриваются лишь инвентарные могилы) были захоронены с преобладающей западной ориентировкой (северо-западная в могилах 34–37, 39, 41, западная в могилах 11, 9, 11–13, 22, 26–27, юго-западная в могилах 2–3, 5, 16–17, 31–32, 40), и лишь в одном случае (могила 20) умерший был захоронен головой на восток и в двух случаях (могилы 30 и 42) — на северо-восток. Выделяется могильник Тууккала и наличием, по-видимому, сидячих погребений («кучи костей»), а также кучками кальцинированных костей без сопровождающего инвентаря (могилы 4, 6, 8, 10, 28). В могилах могильника Висулахти в Миккели преобладающей ориентировкой также являлась западная или близкая к ней. В Карелии могилы были ориентированы по линии север-юг или близкой к ней. Все эти особые черты свидетельствуют о том, что и религиозные представления жителей района Миккели отличались своеобразием.

Представления о происхождении и формировании средневекового населения района Миккели под влиянием исследований последних двух десятилетий существенно изменились (Lehtosalo-Hilander 1988: 223–224; 1994: 26–27; Taavitsainen 1990a: 103–108; 1990b: 100–102; Lehtinen 1994: 64; Saksa 1998: 168–172; Сакса 2006: 141–152). Ранее считалось, что карельский облик культуры этого района в эпоху крестовых походов явился следствием начавшегося в XII в. переселения части карельского населения в область Саво. Сравнительный анализ материала могильников Карелии и Саво показывает, что картина происхождения постоянного населения этих областей и формирования его культуры оказывается более сложной по сравнению с предшествующими представлениями и зависимой от многих факторов (Кочкуркина 1982, 71–72; Сакса 1985, 116; Kotskurkina 1992, 211–213; Uino 1997, 173; Saksa 1998: 172; Сакса 2006: 141–152). Следует принимать во внимание, что район Миккели в эпоху крестовых походов представлял собой в значительной мере самостоятельный регион с имеющим, по всей видимости, местное происхождение населением. Поэтому представляется неверным утверждение о заимствовании им культуры или ее переносе новым карельским населением. Более обоснованным, на наш взгляд, является представление об общей карельско-саволакской культурной области. Более того, имеются основания полагать, что именно в области Миккели возникло избыточное давление населения, поскольку на этой территории, как и в целом в регионе южного Саво, проблемой уже в Средневековье и особенно в более позднее время было ограниченное количество пригодных для земледелия земель. В Приладожской Карелии ситуация была совершенно иной.

Древняя Карелия и Ижорская земля

В истории прибалтийско-финских племен Северо-Запада России по настоящее время не выяснены в полной мере вопросы их этнической истории, происхождения, взаимные этнические, языковые и культурные контакты. Это касается и ранней истории соседних и близкородственных племен ижоры и карелы. Начиная с исследований академика А.И. Шёгрена, ижора считается близкой в этногенетическом отношении кареле и даже производной с ней от общего корня. Нерешенным оставался вопрос о том, являются ли рассматриваемые племена отдельными и своего рода равноправными частями единой когда-то этнолингвистической общности, или ижора отделилась позднее от уже сформировавшихся древних карел.

Сторонниками позднего отделения ижоры от карел и позднего ее происхождения были в первую очередь лингвисты, считавшие, что ижора является частью карельского племени, которая сравнительно поздно уже в Средневековье переселилась к побережью Невы и к устью Ижоры и оказалась, таким образом, в изоляции от основного племенного массива (Бубрих 1947: 32; Аристе 1956: 21–22; Laanest 1986: 158). Также и часть археологов рассматривала проблему происхождения ижоры, исходя из представленных выше представлений и заключений лингвистов, то есть соглашаясь с теорией позднего отделения ижоры от древних карел и позднейшей изоляции. Обнаруженные на южном побережье Ладожского озера и на южном побережье Финского залива единичные средневековые могильники с вещами карельских типов оказались достаточными для археологического обоснования приведенной выше лингвистической теории, учитывая еще и то обстоятельство, что на традиционной, известной по письменным источникам территории проживания ижоры на южном берегу Финского залива не были известны памятники I тысячелетия н. э. (Седов 1953: 200–202; 1987: 42–43; Рябинин 1986: 32). Благодаря этому научному единодушию упомянутая гипотеза получила всеобщее признание и утвердилась в науке (Nissilä 1961: 133; Дубровина 1962: 144; Шаскольский 1979: 45; Федоров 1983: 97).

Сторонники другой гипотезы исходили из представления, что на побережье Ладожского озера или в Южном Приладожье некогда существовало «пракарельское» население, продвинувшееся в среднем и позднем железном веке на Карельский перешеек и южное побережье Ладожского озера и Финского залива (Nirvi 1961: 99–132; Kirkinen 1963: 15–16). В результате этого передвижения и произошли карелы и ижора, у которых, таким образом, существовала общая основа.

Согласно представлениям эстонских ученых Х.А. Моора и А.Х. Моора, в основе ижоры следует рассматривать древнее автохтонное население эпохи каменного века. Первоначально проживавшие по Неве ижоры достаточно рано продвинулись на запад по низменному побережью Финского залива вплоть до устья Нарвы (Моора Х., Моора А. 1965: 70).

Противоречивые представления о происхождении рассматриваемого племени в значительной степени вызваны слабой археологической изученностью территории его проживания по южному побережью Финского залива от Сойкинского полуострова до г. Ораниенбаума (Ломоносов) (см. Tallgren 1939: 57; Шаскольский 1979: 46). Отдельные лишь частично исследованные могильники, случайно найденные отдельные могилы и вещи не служили достаточной основой для определения ранней этнической истории ижоры (Tallgren 1939: 79–108; Седов 1953: 200–202; 1987: 42–43; Рябинин 1977: 113–117; 1986: 27–40; 1990: 34–38; Конькова 1995: 43–62; Kon`kova, Saksa 1996: 513–518).

В настоящее время, учитывая и новые находки карельских овально-выпуклых фибул на р. Мге (1994 г.), и другие подобные ранее сделанные находки украшений типично карельских типов на Ижорской возвышенности (грунтовый могильник Инкере Войскорова, находки в курганах) и в Южном Приладожье (могильные находки в Мышкино и Пупышево), мы имеем основание лишь уверенно утверждать о влиянии карельской материальной культуры на население западной области Новгородской земли. Это влияние проявлялось на фоне формирования в это время (XII–XIII вв.) на территории Водской и Ижорской земель древнерусской курганной культуры со своим характерным набором погребального инвентаря (Рябинин: 1988; 1989; 1990а; 1990в; 2001). Оно имело по-своему эпизодические, хронологически и территориально ограниченные проявления. Несомненно, повлияло и то, что все проявлялось уже на «излете» язычества, в условиях усиления административной власти Новгорода на подвластных ему заселенных прибалтийско-финскими племенами корелой, водью и ижорой территориях (Сакса 2006: 15–28).

Древняя Карелия и Олонецкий перешеек

Археологические памятники Олонецкого перешейка позднего железного века стали известны после раскопок В.И. Равдоникаса в 1929–1930 гг. и Э. Кивикоски в 1943 г. Упомянутые исследования проводились на курганах в бассейнах рек Видлица, Тулокса и Олонка. Особое внимание было уделено низким погребальным насыпям по рекам Видлица и Тулокса, в которых погребенные были захоронены внутри деревянных срубных рам (Равдоникас 1934: 4, рис. 1, 11–19; Kivikoski 1944, 9–23; Кочкуркина 1989: 229–245, 247). По Равдоникасу, у деревни Видлица находятся наиболее представительные курганы этого типа. Это овальные в плане или состоящие из двух-трех соединенных курганов погребальные насыпи около 1 м высотой, в которых погребенные захоронены на уровне материка внутри деревянных срубных конструкций из толстых деревянных балок. Погребальный инвентарь представлен типичными для курганной культуры Юго-Восточного Приладожья изделиями, но в то же время в нем имеются характерные для карельской культуры западного

берега Ладожского озера вещи (орнаментированные так называемым романским орнаментом фибулы, поясные накладки и др.) (Равдоникас 1934: 5). Равдоникас считал, что курганы видлицкого типа представляют собой промежуточную форму между собственно курганами и грунтовыми могилами. К тому же на этой территории известны и грунтовые могильники (Равдоникас 1934: 6). На основании своих исследований В.И. Равдоникас представил гипотезу происхождения карел, согласно которой предки карел переселились из Юго-Восточного Приладожья на западный берег озера через Олонецкий перешеек. Курганы Видлицкого типа, в которых прослеживаются черты как приладожской курганной культуры, так и культуры карельских грунтовых могильников, оказываются, таким образом, оставленными переселившимся с юго-восточного берега на северо-западный берег Ладожского озера населением (Равдоникас 1940: 6–7, 25). Подобное представление о происхождении карел ранее представлял уже А.М. Тальгрэн (Tallgren 1916). Э. Кивикоски также не исключала возможность переселения с восточного берега Ладоги (Kivikoski 1944).

Проведенные позднее на территории Юго-Восточного Приладожья археологические раскопки радикально изменили представления о происхождении и генезисе населения Приладожья и его культуры. С.И. Кочкуркина считает, что выделенные В.И. Равдоникасом специфические черты видлицких курганов не могут служить достаточным основанием для миграционной теории (Кочкуркина 1973: 63–66). Новые данные о приладожской курганной культуре, ее происхождении и генезисе получены в результате раскопок В.А. Назаренко. По его мнению, различия между южной и северной частями Приладожской курганной культуры происходят от того, что до возникновения курганной культуры на этой территории практиковались различные погребальные обряды. В южной части погребения совершались в «домиках мертвых» — в низких, поставленных на дневной поверхности бревенчатых небольших домах с двускатной крышей и земляными скамьями внутри, в то время как в северной части — в грунтовых ямах (Назаренко 1983). По мнению А.М. Спиридонова, наиболее ранняя форма ранне-средневековых могил в Северном и Восточном Приладожье представлена погребениями на ровной древней дневной поверхности, подобных тем, что известны на о-ве Мантсинсаари. Аналогичные захоронения были исследованы в дер. Симон-Наволоок на р. Видлица и в дер. Рабола на р. Тулокса. Подобный обряд представлен на р. Олонке вкопанными в низкие курганы ямками с кальцинированными костями и инвентарем. На рубеже X–XI вв. появляются первые грунтовые могилы, часть которых еще вкопана в курганы, но в XI в. зарождается ставший на реках Видлице и Тулоксе господствующим обряд погребения внутри сооруженных на дневной поверхности бревенчатых срубов, поверх которых насыпалась низкая земляная насыпь (Спиридонов 1987: 5). А.М. Спиридонов также добавляет, что подобные видлицким ранние погребальные конструкции выявлены в Вологодской области на реках Чагода и Суда. В известной мере «домики мертвых» по

рекам Сясь, Тихвинка и Паша также относятся к этой традиции. В северной части рассматриваемой территории наряду с памятниками Видлицы и Тулоксы деревянные конструкции известны в курганах рубежа X–XI вв. на р. Ояти и на северном берегу Онежского озера в дер. Челма. А.М. Спиридонов появление новых элементов в местной погребальной обрядности объясняет приходом нового населения на северо-восточный берег Ладоги и на Онежское озеро с южных районов приладожской курганной культуры и Верхней Волги. Это пришлое население стало в XI в. господствующим в бассейне рек Видлица и Тулокса (Спиридонов 1987: 5–6).

По нашему мнению, не может быть сомнений в том, что курганы Видлицкого типа относятся к миру Приладожской курганной культуры. В это же рассмотренное нами время, в X–XI вв. на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье господствовал погребальный обряд, при котором пережженные кости и вещи рассыпались на сооруженной на древней дневной поверхности каменной вымостке. Этот погребальный обряд означает, что эта часть Приладожья была включена в западнофинскую культурную область (Сакса 1989: 94–97; 2001: 97–98; Saksa 1992с: 96–105; 1998: 179), в то время как археологические культуры Олонецкого перешейка и Юго-Восточного Приладожья испытывали влияние культур Верхней Волги. Граница между этими соседними культурами была не только границей между двумя родственными древнекарельской и древневепской областями; между пос. Салми и р. Видлицей на восточном побережье Ладожского озера в позднем железном веке и раннем Средневековье сформировалась граница между двумя различными культурными областями.

«Карелизация» населения Олонецкого перешейка и рождение Олонецкой Карелии относится уже к процессам исторического времени, на которые, помимо переселения населения, влияли также изменившиеся демографические, языковые и (в немалой степени) экономические условия на плодородной земледельческой равнине южной части Восточного Приладожья.

Древняя Карелия и Новгород

Корела и Новгород — тема, традиционная для российской историографии. В то же время карельская тематика продолжает оставаться на периферии исследований, связанных с Новгородом (хотя при раскопках новгородской экспедиции были найдены и исследовались также и карельские вещи) (Седова 1981: 223–261; Варфоломеева 1994: 166–182; Варенов 1997: 94–105; Покровская 2001: 2001: 67–78; 2004: 161–174; 2005: 120–132; Степанов 2004: 58–66; Сакса 2006: 15–28).

В связи с рассмотрением заявленной в названии темы важны материалы, устанавливающие взаимоотношения Новгорода и Карелии (Спицын 1896: 48–52, табл. X, 17; XI, 12; XIX, 26; Насонов 1951: 79–116; Седов 1953: 190–229; Янин 1975: 135–142; 2001: 65–83; Кирпичников, Рябинин 1990: 101–124;

Носов 1990: 170–205; Saksa 1996: 27–37; 1998: 167–183; Сакса 2006: 15–28). Как и по каким законам происходило внутреннее развитие на периферийных территориях? Кратко представляя эту исследовательскую тему, следует, пожалуй, остановиться на проблемах колонизации территории и ее хозяйственного и административного освоения. Первая рассматривается на археологическом материале, вторая — на материале главным образом письменных источников. Правда, обнаружение в раскопках новгородских слоев берестяных грамот и, как стало в последнее время очевидно по работам В.Л. Янина, и некоторых других предметов (Янин 2001: 31–45), несколько эту грань стирает, но все же...

Согласно нынешним представлениям, возникновение Новгорода относится к первой половине или середине X в. (Носов 1985: 86; 1990: 170–199; Nosov 1987: 73–84). До прихода в Приильменье славян здесь проживали финно-угры — летописная «чудь», оставившая многочисленные сохранившиеся и до наших дней следы в топонимике края (Ильмень-Илмаярви, Мста-Мустаёки и т.д.). Следы этого древнего субстратного населения сохранились слабо, чего не скажешь о находящейся в устье Волхова Старой Ладоге и ее округе, включая сюда и южное побережье Ладожского озера (Кирпичников 1984: 137–143; Петренко 1994: 42). Эта зона привлекала сюда также скандинавов и славян (Kirpitsnikov, Rjabinin 1987: 49–72; Сталсберг 1994: 46–49; Кирпичников, Сарабьянов 1996: 59–99).

Одним из главных путей продвижения славян (назовем их на этом этапе ладожанами и новгородцами) был путь, ведущий по Волхову. Далее пути шли в Заонежье, Заволочье и Подвинье, которые были богаты мехами, рыбой, тюленем и другими продуктами фауны (Насонов 1951: 79–80; Голубева, Кочкуркина 1991: 75–79; Макаров 1986: 61–62; Рябинин 1993: 114–131). Старая Ладога, как известно, была важнейшим центром транспортировки рабов и меха в богатые серебром страны арабского халифата.

В этой ситуации огромная, протянувшаяся от Карельского перешейка до р. Нарова территория, заселенная корелой, ижорой и водью, осталась практически свободной от чьего-либо внешнего влияния. Там развивались свои, относительно близкие материальные культуры, при том, что погребальная обрядность была различной: корела и ижора хоронили своих умерших в грунтовых могилах, а водь — под курганной насыпью. Это все же относится ко времени сложения и расцвета этих культур (XII–XIII вв.). Изученный Е.А. Рябининым на водской территории у д. Валговицы могильник представлял собой захоронения по обряду трупосожжения, характерные также для Эстонии, Финляндии и Карелии этого же времени (Рябинин 1983: 482–493; Конькова 1995: 43–62; Kon`kova, Saksa 1996: 513–518).

Происшедшие в XII в. изменения вызваны в значительной степени экономическими причинами и, прежде всего, развитием земледелия, резко увеличившим здесь возможности демографического роста населения. Характерно увеличение могильников, фиксируемых практически у каждой современной деревни (Лапшин 1990: 98–112). Привлекательные в земле-

дельческом отношении и богатые запасы железных руд земли Ижорского плато влекли сюда и новое население из более южных областей Новгородской земли. Отсюда и характерный для славянского населения курганный обряд погребения и значительное количество вещей новгородских типов (Седов 1953: 200–202; 1987: 42–43; Рябинин 1990а: 35; 1990в: 19–21, 54; 2001: 102–110). В то же время украшения, которые можно отнести к карельским, встречаются крайне редко. Выше уже упоминались две овально-выпуклые фибулы типа С и вторая пара фибул типа Н, происходящие, вероятно, из разрушенного могильника на р. Мге в 2004 г. Остальные находки из курганов представлены главным образом бронзовыми рукоятями ножей, а также двумя серебряными подковообразными фибулами из Волковиц и двуспиральным цепедержателем из Ново-Сиверской. Целая группа карельских украшений найдена в Инкери Войскорова (Рябинин 2001: 35, 62–63, Рис. 1). Обращает на себя внимание то, что наибольшая часть карельских украшений найдена в бассейне связанной с Невой р. Ижоры (Инкери Войскорова), где нет курганов, и в погребальных насыпях центральной и западной части курганного ареала.

К западу от Ижорской возвышенности карельское влияние более ощутимо. В Южном Приладожье, неподалеку от Орешка, в деревне Мишкино обнаружено женское погребение с карельским инвентарем. В Пупышево, расположенном неподалеку от реки Волхов, при земляных работах обнаружили 30 костяков, рядом с которыми собрали целый ряд карельских и древнерусских изделий, относящихся главным образом к XIII в. Среди них следует отметить две карельские овально-выпуклые зооморфные фибулы (Tallgren 1928: 20; 1938: 95, 102–103, Fig. 28; Uino 1990: 12–13; Кирпичников, Рябинин 1990: 140; Рябинин 1990в: 34–38, 64–65). Этот могильник вполне обоснованно связывают с приладожской лопью, известной по средневековым письменным источникам (Кирпичников, Рябинин 1990: 135–142, 144). При раскопках в Орешке в слоях XIV–XV вв. были обнаружены три карельские овально-выпуклые фибулы, декоративный двуспиральный цепедержатель и бронзовая рукоять ножа (Рябинин 1990в: 35; Кирпичников, Сакса 2002: 134–144).

Влияние карельской культуры достигло территории проживания води и ижоры в тот исторический момент, когда плодородные земли Ижорского плато были освоены и там укоренилась культура, в которой славянские и прибалтийско-финские элементы дополняли друг друга. Здесь также нужно учитывать неоднородный этнический состав самих новгородских «колонистов» — обстоятельство, которому уделялось еще недостаточно внимания. Неслучайно, что в Поволжье, в районе Костромы (Пьяньково) было обнаружено женское подкурганное погребение, содержавшее практически полный набор карельских женских украшений (Третьяков 1931: 20). Может быть, и карелы были здесь «новгородскими» переселенцами?

На наш взгляд, проявляющееся в археологическом материале северо-западных земель Великого Новгорода отчетливое карельское влия-

ние объясняется несколькими причинами. Речь может идти не только о культурном влиянии, но и о возможном переселении небольших групп, а также о торговых и военных контактах. В XII–XIII вв. прежде редконаселенная территория стала новгородской житницей и регионом железодельного производства. Здесь появилось новое население. В последнее время выделяется два основных направления освоения Ижорского плато: из Северо-Восточного Причудья и из Верхнего Полужья (Лесман 1982: 72–73; Рябинин 2001: 104–105). Отметим, что голодные годы, из которых самым тяжелым был 1215 г., когда, согласно летописи, вожане перемерли, а оставшиеся рассеялись, несомненно, повлияли на этнический состав этих земель (НПЛ 1950: 54). В 1241 г. при осаде Копорья в войсках Александра Невского, помимо новгородцев и ладожан, мы находим также ижору и карел (НПЛ 1950: 78).

Часть из найденных в курганах «чудских» украшений была произведена в Новгороде, откуда они поставлялись в населяемые финно-угорским населением земли (Рябинин 1981: 39–53). Возможно, что таким же образом туда попадала какая-то часть и произведенных в Карелии украшений. Экономический потенциал обеих соседних территорий являлся хорошей основой для торговых контактов, из которых только часть оставила следы в археологическом материале. Из папских булл мы знаем, насколько стратегически важными на Балтике были железо и зерно.

Карельское культурное влияние и возможное переселение небольших групп карел на рассматриваемую территорию не оказало существенного влияния на поселенческую и культурную картину: подавляющая часть вещевого материала из курганов представлена общими финно-угорскими и славянскими (новгородскими) типами; в западной части ареала проявляется также эстонское влияние (Рябинин 1990а: 19–23, 59. Рис. 1). Единственным чисто карельским можно считать погребение из Мишкино. Одиночные изделия карельского ремесла — подковообразные фибулы, спиралеконечные цепедержатели и бронзовые рукояти ножей — происходят главным образом из курганов центральной части Ижорской возвышенности (Рябинин 1990в: 62–63, рис. 1).

С точки зрения возможных путей расселения карел северное направление было самым естественным. Туда на Север вели удобные водные пути, выходящие к Ботническому заливу и Белому морю. В Двинской Карелии, к примеру, в XV в. уже фиксируются значительные карельские земельные владения. И неслучайно, что в южной части Карельского перешейка — пограничной с Ингерманландией территории — не найдено ни одного карельского по происхождению изделия. Исключением можно считать находку двух «карельских» овально-выпуклых фибул типа «А» по Айлио, которую следует лишь формально считать карельской, поскольку на территории самой древней Карелии находок именно этого типа фибул нет (Ailio 1922: 13–16). Связи с населением южного берега Финского залива осуществлялись, следовательно, морским путем — по Неве. Зимой по льду это было еще легче сделать, что

активно и практиковалось населением двух находящихся в пределах прямой видимости северного и южного берегов вплоть до 1930-х гг. Местом ярмарки могло быть, к примеру, Копорье, центр Водской земли, куда можно было попасть из Финского залива по реке Копорке. Неслучайно значительная часть карельских вещей концентрируется в относительной близости от крепости, как также неслучайно и то, что в культурных слоях самого Копорья найдены предметы финно-угорского происхождения, в том числе бронзовая рукоять ножа и одежные бронзовые булавки, характерные для населения средневековой Эстонии и соседних с ней новгородских «чудских» территорий (Кирпичников, Овсянников 1979: 106–107, рис. 2: 1–3; Кирпичников 1984: 150–178, рис. 71, 72; Рябинин 2001: 112).

При многих общих чертах культуры у прибалтийско-финских племен рассматриваемой зоны и при том, что эти племена вплоть до последней четверти XIII в. сохраняли относительную самостоятельность, то есть формально не входили в состав новгородских земель, историческая судьба карелы кардинально отличается от судеб води и ижоры. Во-первых, карельские земли до XIV в. не были объектом новгородской крестьянской колонизации и, стало быть, организованного налогообложения. Да и в XIV в., и позднее состав населения здесь не изменился. Строительство форпостов на шведской границе расценивалось как важная военно-политическая задача в условиях лояльности карельской знати, имевшей значительные экономические привилегии и фактическую власть на своей племенной территории. Карелы к XII в. сформировали свою самобытную культуру со всеми элементами, где не было достаточно места для посторонних вторжений. Лишь мужской инвентарь с предметами вооружения, поясами, кольцевидными фибулами был в значительной степени интернационален. Набор же женских украшений достиг такого развития, что в каждом поселенческом центре (в отличие, скажем, от води, где многое определялось поставками продукции новгородских ремесленников) сформировались к XII в. свои варианты женского костюма.

Это, однако, не означает ограниченности внешних связей карел. И пример Новгорода — точнее, результаты раскопок в городе — ярко демонстрирует их интенсивность в этом направлении. В Новгороде вообще найдено чрезвычайно большое количество предметов прибалтийско-финских типов XII–XIII вв. (Рябинин 1993: 117–118; Носов, Хвоцинская 2004: 125–133; Носов 1990: 53–54; 2007: 31, рис. 1). В этом городе также постоянно проживали представители финно-угорских народов (Голубева, Варенов 1978: 57–69; Носов 1990: 51). Среди вещей находятся и карельские. Они представлены практически всеми металлическими составляющими женского костюма: овально-выпуклыми фибулами (4 экз.) (ещё одна подобная найдена на Рюриковом городище (тип В), пластинчатой подковообразной фибулой, Ф-видными пронизками (6 экз.), цепедержателями крестовидными (1 экз.) и двуспиральными (4 экз., среди которых один декоративный), бронзовыми рукоятками ножей с «романским» орнаментом (4 экз.), составными ножна-

ми женских ножей с «акантовым» орнаментом и их фрагментами (9 экз.), копоушкой бронзовой ажурной, бусами бронзовыми орнаментированными (20 экз.) (Варфоломеева 1994: 166–182; Варенов 1997: 94–105; 2005: 120–132; Степанов 2004: 58–66, рис. 4г; Сакса 2006: 15–28; Носов, Хвошинская 2004: 125–133; Носов 2007: 31, рис. 1, 4). Наибольшее количество перечисленных вещей обнаружено на Неревском (11 экз. и 20 экз. бус бронзовых) и Троицком (11 экз.) раскопах. Вещи по раскопам распределяются достаточно равномерно. Карелы, следовательно, проживали постоянно в городе. Также и название Людина конца могло указывать на проживавших там карел-людиков (Егоров 1929: 8; Янин, Алешковский 1971: 38–55; Носов 1984: 13; Сакса 2006: 15–28). О статусе карел в Новгороде и связях между Карелией и Новгородом рассказывают берестяные грамоты, одна из которых написана на карельском языке (№ 292) (Арциховский, Борковский 1963: 120; Носов 1990: 51; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 79–80). В 1269 г. собирался военный поход на корелу, но новгородцы «умолиша не ити на корелу». Полки были отосланы назад (НПЛ 1950: 80). Этот эпизод подчеркивает, насколько важны были для новгородцев связи с корелой. Берестяные грамоты XIV в. уже свидетельствуют, что связи с Карелией концентрировались в руках отдельных влиятельных боярских родов (Янин 1975: 135–142; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990: 77–78).

Прямые свидетельства контактов между Карелией и Новгородом относятся ко времени не ранее середины XIII в., что вполне согласуется с летописными известиями, согласно которым корела лишь со времени около 1270 г. стала «волостью» Новгородской земли. В 1270 г. корела «со всею волостью новгородской» участвовала в недельном стоянии в Голино против полков Ярослава (НПЛ 1950: 89). Область корелы упоминается в «Слове о погибели Русской земли» (1238–1246 гг.) (Памятники литературы... 1981: 130–131). Более ранние известия о карельско-новгородских связях (например, под 1143, 1149, 1191 и 1240 гг.) говорят о наличии в тот период тесных и, вероятно, взаимовыгодных военно-союзнических отношений. Это же следует из текста договора 1269 г. Новгорода с немецкими и ганзейскими купцами и с Готландом, и из проектов соответствующих договоров 1262–1263 гг. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949: 57, 59, № 29, 31). Согласно им, Новгород не отвечал за безопасность иноземных купцов в Карелии, где, исходя из текста договора, у последних были свои торговые интересы. Есть еще одна заслуживающая внимания область совместной с новгородцами деятельности в рассматриваемое время, а именно сбор дани с лопарей на Севере, где карелы зачастую вступали в конфликты с норвежцами. Однако последние уладили их путем переговоров и подписания соглашений с Новгородом в 1251–1252 и 1336 гг. (Шаскольский 1945: 38–61; Kirkinen 1994: 41).

Влияние Новгорода в Карелии проявляется прежде всего путем взаимодействия местными ремесленниками различных технологических приемов (одинаковые медные сплавы, такая же технология изготовления ножей

и т. д.), а также импорта серебра и некоторых вещей (крестики и другие предметы христианского назначения), и в распространении славянской керамики (Кирпичников, Овсянников 1979: 72; Кочкуркина 1982: 126–132; Хомутова 1982: 188–208; Васильева 1982: 185–188).

Лишь с постройкой Корелы в 1310 г. (как ответ на захват шведами Западной Карелии и постройки ими Выборгского замка в 1293 г.) и общим усилением административной власти (назначение наместника), новгородское влияние стало все более отчетливо проявляться и в материальной и духовной культуре Карелии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монография «Древняя Карелия. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли» основывается на рассмотрении археологического материала железного века и эпохи крестовых походов. Речь идет также о периоде, для которого имеются письменные источники о Карелии, что означает, что она уже оформилась как географическое, административное и культурное явление. Географические границы древней Карелии определяются по распространению так называемых карельских вещей (главным образом украшений). В эту территорию входят Карельский перешеек и часть Ладожской Карелии между поселками Хиитола и Салми. В дополнение к этому в финской провинции Саво, в районе г. Миккели, найдены могилы с карельскими вещами. Принимая во внимание, что формирование населения и культуры этой территории происходило в течение столетий, зависело от различных внутренних и внешних факторов, в настоящем исследовании рассматриваются археологический материал предшествующего железному веку времени, а также связи с соседними областями.

Работа состоит из введения, восьми глав и заключения. В первой ее части (главы I–II) представлена история археологического изучения исследуемой территории и рассматривается формирование природного и историко-географического ландшафта Карельского перешейка. Именно особенности ландшафта центральных районов Карельской земли с разветвленной системой рек и озер, богатыми природными ресурсами и плодородными землями создали благоприятные предпосылки для демографического, экономического и культурного подъема периода Средневековья. В третьей главе рассматривается история населения от древнейших времен до начала формирования собственно карельской средневековой культуры и центров постоянного земледельческого населения (XI столетие). В следующей части книги (глава IV) анализируются карельские могилы эпохи крестовых походов (XII–XIV вв.), прежде всего инвентарь и погребальный обряд. Это сделано с целью создать методическую основу для всего исследования, выработать своего рода «инструмент», используя который, можно максимально приблизиться к раскрытию основной темы монографии. В результате рассмотрения погребального инвентаря выделено три группы женских и две группы мужских могил. Хотя между входящими в группы могилами и существует разница во времени совершения захоронения, детальный анализ инвентаря приводит к выводу, что в основном могилы хронологически достаточно близки друг другу. Наиболее старые могилы датируются второй половиной XII в. или его концом — первой половиной XIII в., могилы следующей группы — XIII в., наиболее младшие тем же XIII — началом XIV вв. К сожалению, радиоуглеродное датирование материала из карельских могил не проводилось, другие же методы

датировки не позволяют определить точные даты, хотя из анализа материала становится очевидным, что имеется группа могил, содержащих, по всей вероятности, изделия одного ювелира или вышедшие из одной мастерской. Они, следовательно, относятся к очень узкому, в пределах одного поколения временному горизонту. Установление относительной хронологии более возможно. Опираясь на это, становится возможным привязать также находки с поселений или городищ, клады и отдельные находки к определенному хронологическому пласту.

В пятой главе рассматриваются древние поселенческие центры. В ней по исторически сложившимся сельским приходам XIX–XX вв. приводятся все памятники и отдельные находки железного века и эпохи крестовых походов, на основании которых представляется картина развития населения на этой территории в рассматриваемое время. Существенным здесь является также то, что с использованием результатов анализа материала, изложенных в предыдущей главе, рассматриваются вещевые аналогии из других районов Карелии и соседних областей. Это сделано с целью определить относящиеся к одному и тому же хронологическому горизонту вещи на всей территории их нахождения. В этой же главе анализируются результаты раскопок Тиверского городка и древней Корелы.

Поселение на месте Тиверского городка возникло, по-видимому, насколько это позволяют определить вещевые находки, в конце XII — первой половине XIII вв. Судя по тому, что вал насыпан из земли культурного слоя, он был возведен в то время, когда на острове уже существовало поселение. Найденные в засыпке вала предметы различного времени и ее интенсивный черный цвет могут указывать на то, что вал насыпали после разрушительного вражеского набега и под угрозой повторения нападения, используя материал из земли уничтоженного поселения. Городок, следовательно, на каком-то этапе был сожжен и заново отстроен. Это могло произойти во время одного из шведских набегов в восточную часть Карельского перешейка. Из них походы 1294/95 и 1322 гг. ставили своей целью захват крепости Корелы, в то время как во время походов 1314 и 1337 гг. карелы, согласно летописи, были на стороне шведов. В свете этого можем представить, что Тиверский городок, так же, как и Кякисалми (Корелу), шведы могли захватить и сжечь уже во время первого похода в 1294–95 гг. Возведенный после этого вал, исходя из того, что наиболее древние находки сосредоточены в южной части острова, защищал эту часть его территории. Лишь позднее возвели укрепления по всему периметру острова. Их южная часть представлена валом, внутри которого фиксируется (во всяком случае, в нескольких местах) каменная стена, а северная — каменной стеной. Это могло произойти во время, предшествующее подписанию Ореховского мирного договора, когда борьба между шведами и новгородцами на Ладогe, Неве и в Карелии усилилась.

Цель проведенных в 1989–1990 и 1992–1993 гг. в крепости Корела раскопок — изучение всех культурных напластований внутри крепостного двора и, прежде всего, наиболее древних частей культурного слоя, принимая во

внимание вопросы, вставшие в результате раскопок 1970-х гг. В верхней части слоя новгородского времени наряду с другими находками обнаружили восемь свинцовых печатей, принадлежавших наместникам владыки новгородского и датирующихся серединой — третьей четвертью XV в. находка подчеркивает значение Корелы как административного центра новгородского времени. Значительным можно считать выявление еще одного, ранее не известного горизонта дерева, относящегося к XIII в. Бревна этого горизонта уложены на уровне материка (синяя глина) на тонкой подсыпке из мелкозернистого песка. Находящийся выше горизонт бревен датируется серединой XIII в. — 1370-ми гг. Между этими горизонтами прослежен слой крупнозернистого песка толщиной до 0,5 м, в котором найдено значительное количество древесной щепы, обломков глиняных сосудов и вещи: точильные камни, пряслица, полавки и грузила от сетей, украшения, из которых заметная часть была карельскими. Среди них обнаруживаются одна целая равноплечная фибула эпохи Меровингов и фрагмент подобной, а также ряд вещей эпохи викингов. Слой песка, вероятно, образовался на том этапе, когда на крепостном острове стали строить находящиеся на его поверхности дома, которые датируются концом XIII в. Этот слой был насыпан для поднятия уровня земной поверхности в прибрежной зоне острова. На том основании, что в слое песка находится много карельских вещей эпохи крестовых походов, песок могли перенести на берег новгородцы в тот момент, когда карельский городок был опустошен, то есть в 1295 г. Фиксируемая граница этого более древнего городка указывает, что первоначальная крепость по площади была значительно меньше предыдущей. По-видимому, в ее центральной части находился песчаный холм, песок которого и использовался для подъема береговой черты.

Шестая и седьмая главы являются логическим продолжением анализа материалов по отдельным районам. В них рассматриваются этапы развития населения и материальной культуры на протяжении эпохи крестовых походов в Карелии, используя данные анализа материала, проведенного в предшествующих главах. В представленных диаграммах инвентарь каждой могилы сравнивается с материалом могил и других находок в Карелии и Саво, благодаря чему выявляется единый хронологический горизонт карельских вещей. Используя вещевые аналогии и относительную хронологию, разработанную в предыдущей главе, получаем картину развития населения в эпоху крестовых походов, которая подразделяется на два периода: начало эпохи крестовых походов (1050—XII в.) и период расцвета карельской культуры в эпоху крестовых походов (конец XII в. — 1300 г.). В последней главе рассматриваются соседние с Карелией территории. Это сделано с целью показать характер и глубину взаимовлияния населения позднего железного века и культур Карелии, Саво, Ижорской земли и Олонецкого перешейка, а также место древней Карелии среди земель восточной части Балтийского моря. Отдельная тема этой главы — связи с Новгородом, влияние которого на развитие во всем отмеченном выше регионе было очень сильным. Материал соседних территорий очень важен и с точки зрения решения проблемы

происхождения карел; принимались же курганы Олонецкого перешейка за доказательство переселения части населения из Юго-Восточного Приладожья на северо-западный берег Ладоги.

Рассмотрение связей между древней Карелией и соседними областями начинается с Саво; район г. Миккели является ключевым при выяснении происхождения и развития культуры эпохи крестовых походов этой древней провинции. Сравнение материалов Карелии и Саво показывает, что на протяжении всего времени существования могильников на обеих территориях развивались свои варианты украшений; в Саво, следовательно, саволакские варианты карельских украшений. Оседлое население обеих областей ведет свое начало с эпохи Меровингов. В эпоху викингов в Карелии начинает сказываться сильное влияние проходящего через Неву и Ладогу торгового пути, вследствие чего социально-экономическое развитие на Карельском перешейке ускоряется. Начиная с XI в. приоритетным становится развитие земледелия. Происходит становление земледельческого населения, возникают деревни и поселенческие центры.

Также и археологический материал южного побережья Финского залива свидетельствует, что ижора, во всяком случае, судя по археологической культуре (форма могил и погребальные обряды, материальная культура), не произошла от корелы, как ранее принято было считать. Согласно современным представлениям, на заселенной ижорой территории происходило самостоятельное развитие культуры, и речь может идти более о языковом родстве, чем о сравнительно поздно разделившихся частях еще в железном веке бывшего единым народа. В реальности родство, по-видимому, было более близким до того времени, когда прибалтийско-финские народы региона Финского залива и Ладоги приобрели археологически уловимый облик благодаря развитию самобытных черт в металлической культуре, сформировавшейся в позднем железном веке.

Новгород и его влияние в регионе являются существенной темой касающихся Карелии исследований. В настоящей работе эта тема также присутствует. Новгородское влияние в карельском археологическом материале более всего прослеживается в используемых кузнецами технологических решениях, керамическом производстве и по относящимся к христианству вещам. Находки карельских вещей в Новгороде и соответствующие находки из Новгородской земли свидетельствуют, что наиболее тесные связи существовали в XIII–XIV вв., когда Карелия уже была частью новгородских земель. Эти находки не только рассказывают о славянском влиянии на финно-угорские народы, но и об обратном влиянии, а также ставят вопрос о более сложном, чем принято считать, происхождении и раннем развитии Новгородского государства и этническом составе новгородцев.

В последней части нашего исследования рассматриваются также влияние и деятельность Новгорода и в целом Древней Руси на более широкой территории Севера. Начавшееся с VIII в. активное использование ведшего через Неву, Ладогу и Волхов Волжского пути и оживление международной

торговли повлияли на экономический подъем и социальное развитие в прилегающих к Ладожскому озеру территориях. С развитием торговли значение местных ресурсов и водных путей возрастало. В условиях, когда скандинавов и тесно с ними связанных славян более интересовали ведущие на юг (к Черному морю и странам арабского халифата) и северо-восток (Заволочье и Белое море) пути, Карельский перешеек и северо-западное побережье Ладоги остались как бы ничейной территорией. Этим воспользовались близкие по организации к отрядам викингов группы западных финнов, взявшие под свой контроль местную торговлю пушниной и водные пути. Материал рассматриваемой территории начальной половины эпохи викингов — это почти исключительно воинские захоронения и находки предметов вооружения. Речь в этом случае, как представляется, не идет о поселенческой волне из Западной Финляндии, которая, будучи естественным продолжением заселения области Хяме, достигла к концу VIII — началу IX вв. берегов Ладоги, как считают финские ученые, а о пришедших морем прямо через Финский залив западных финнов, которых здесь привлекали возможности пушной торговли вблизи международных центров торговли.

Развитие населения и культуры в Карелии заметно ускорилось начиная с XI в., когда наряду с возникшими еще в эпоху Меровингов поселенческими центрами появляются новые по всей территории, известной под названием древняя Карелия. На восточном побережье Ладоги сформировалась граница культур, разделившая прежде единую «пракарельскую» область. По одну сторону ее на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье развивалась так называемая древнекарельская культурная область с сильным западно-финским влиянием, а по другую — древневепсская область, зависимая от культурных импульсов со стороны древнерусской и скандинавской культур.

Когда проживающие между Западной Двиной и Белоозером прибалтийско-финские народы (ливы, воль, ижора, карелы и вепсы) в эпоху крестовых походов (вторая половина XII — XIII вв.) сформировали свои культуры, то инновации, идеи и прототипы вещей естественным образом распространялись внутри этой зоны. Внешнее влияние оказывали ранее сложившиеся центры Западной Финляндии, Эстонии и Новгорода. В этой ситуации карелы смогли, благодаря своему географическому расположению и культурно-исторической обстановке, развить свою самобытную культуру, влияние которой распространялось на юге за границы Невы в Ижорскую землю и южное побережье Ладоги.

Период расцвета Карелии эпохи крестовых походов закончился с разделом Карельской земли по Ореховскому миру в 1323 г. на шведскую и новгородскую части и усилением административного гнета Новгорода в первой половине XIV в. После этого ситуация в Карелии зависела уже более от борющихся между собой Новгорода и Швеции, чем от самих карел.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А., Давыдова Н.Н., Квасов Д.Д. История Ладожского озера в голоцене по данным споро-пыльцевого и диатомового анализов // История озер Северо-Запада. Л., 1967. С. 113–132.

Аристе Р. Формирование прибалтийско-финских языков в древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956. С. 5–25.

Археологический атлас Литовской ССР. Вильнюс, 1978.

Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987.

Археология Латвийской ССР. Рига, 1974.

Археология республики Коми. Сыктывкар, 1997.

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–57 гг.). М., 1958. С. 66–120.

Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 65–120.

Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров / Сборник статей советских и венгерских археологов. М., 1972. С. 10–31.

Бискэ Г.С. Четвертичные отложения и геоморфология Карелии. Петрозаводск, 1959.

Богуславский О.И. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX–XII вв. // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 132–157.

Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18. СПб., 1895.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Бубрих Д.В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 5. Л., 1971. С. 3–22.

Варфоломеева Т.С. Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. Из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 26–28 января 1994 г.). Вып. 8. Новгород, 1994. С. 166–181.

Васильева Е.С. Характеристика медных сплавов с городищ Тиверск и Пассо // Кочуркина С.И. Древняя Корела. Л., 1982. С. 185–208.

Гадзяцкий С.С. Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941.

Герасимов Д.В., Лисицын С.Н., Тимофеев В.И. Материалы к археологической карте Карельского перешейка (Ленинградская область) // Памятники каменного века и периода раннего металла. СПб., 2003.

Голубева Л.А., Варенов А.Б. Полые коньки-амулеты Древней Руси // СА. № 2. 1978. С. 228–239.

Голубева Л.А., Кочуркина С.И. Белозерская весь. Петрозаводск, 1991.

Горюнова В.М., Овсянников О.В. Клад конца X – начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского п-ова) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 211–220.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНиП). М.; Л., 1949.

Гроздилов Г.П. Курганы у деревни Челмужи // Археологический сборник. Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1947. С. 111–114.

Гроздилов Г.П., Третьяков П.Н. Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н.И. Репниковым в 1909–1913 гг. // Старая Ладога (сборник статей). Л., 1948. С. 71–140.

Громов В.И., Потемкин Л.Е., Шаскольский И.П. Корела-Кексгольм-Приозерск. Исторический очерк. Л., 1963.

Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87. М.; Л., 1961.

Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам нарвской экспедиции) // МИА. № 144. Л., 1967.

Даркевич И.П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) // САИ. Вып. Е 1–57. М.; Л., 1966.

Даркевич В.Е., Монгайт А.Л. Клад из Старой Рязани. М., 1978.

Долуханов П.М. Последнедниковая история Балтики и хронология неолита // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963. С. 57–76.

Долуханов П.М. О колебаниях уровня озер на Северо-Западе Европейской части СССР в среднем и позднем голоцене. М., 1969.

Дубов И.В. Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья: историко-археологические очерки. Л., 1982.

Дубровина З.М. Из истории финского населения Ленинградской области // Вестник Ленинградского университета. № 20. Серия истории языка и литературы. Вып. 4. Л., 1962.

Егоров В.А. Карельские «люди» в древнем Новгороде // Сборник ЛОИКФУН. Вып. 18. Л., 1929.

Журжалина Н.Р. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. № 2. М., 1961. С. 122–140.

Исаченков В.А. Формирование рельефа северо-запада Русской равнины. М., 1975.

Исаченков В.А. Происхождение рельефа поверхности дочетвертичных пород северо-запада Русской равнины // Доледниковый рельеф северо-запада Русской равнины. Л., 1982. С. 3–18.

История Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского озер, Байкала и Ханки. Л., 1990.

Каменецкий И.С., Маршак В.И., Шер Ю.А. Анализ археологических источников (возможности формализации подхода). М., 1975.

Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.

Кёппен П.В. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.

Кильдюшевский В.И. Карельские вещи из раскопок древнего Орешка // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб., 2008. С. 75–87.

Киртичников А.Н. Древнерусское оружие // САИ. Вып. Е 1–36. М.; Л., 1966. Т. 1.

Киртичников А.Н. Древнерусское оружие // САИ. Вып. Е 1–36. М.; Л., 1966. Т. 2.

Киртичников А.Н. Древнерусское оружие // САИ. Вып. Е 1–36. Л., 1971. Т. 3.

Киртичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Вып. Е 1–36. Л., 1973.

Киртичников А.Н. Историко-археологические исследования древней Корелы (Корельский город XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 52–74.

- Кирпичников А.Н.* Древний Орешек. Л., 1980.
- Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
- Кирпичников А.Н.* Приладожская лопь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 137–143.
- Кирпичников А.Н.* Ладога на международных водных путях эпохи раннего Средневековья. Новые археологические подтверждения // Великий Волжский путь: Материалы второго этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Ч. 2. Казань. 2003. С. 80–88.
- Кирпичников А.Н., Назаренко В.А., Сакса А.И., Шумкин В.Я.* Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 64–74.
- Кирпичников А.Н., Петренко В.П.* Тиверский городок // КСИА. Вып. 139. 1974. С. 106–113.
- Кирпичников А.Н., Сакса А.И.* Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 134–144.
- Кирпичников А.Н., Сакса А.И.,* при участии *Лены Томагери.* Мечи средневековой Карелии // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. Доклады Российско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории. Пушкинские Горы. 7–10 октября 2004 г. СПб., 2006. С. 41–72.
- Кирьянов А.В.* История земледелия Новгородской земли. МИА. № 65. М., 1959.
- Кирьянова Н.А.* О составе земледельческих культур Древней Руси СА. № 4. 1979. С. 72–84.
- Кирьянова Н.А.* Новые материалы по земледелию Новгородской земли // Естественные методы в археологии. М., 1989. С. 228–229.
- Клейн Л.С.* Археологические источники. Л., 1978.
- Колчин В.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959. С. 7–120.
- Колчин В.А.* Новгородские древности. Резное дерево // САИ. Вып. Е 1–55. М., 1971.
- Колчин В.А.* Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.
- Колчин В.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1982. С. 156–177.
- Конькова О.И.* Ижорские могильники // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 74–77.
- Конькова О.И.* Исследования ижорских средневековых могильников. Итоги и перспективы // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 31–35.
- Конькова О.И.* Ижора и корела: проблема ранней дифференциации // Русский Север и проблема локальных групп. СПб., 1995. С. 43–62.
- Корзухина Г.Ф.* Русские клады. М.; Л., 1954.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб., 2003.
- Косменко М.Г.* Двуслойное поселение в устье р. Суни // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 136–165.
- Кочкуркина С.И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII. Л., 1973.
- Кочкуркина С.И.* Памятники типа Линнавуори в Карелии // Скандинавский сборник. Вып. XX. Таллинн, 1975. С. 167–173.

- Кочкуркина С.И.* Тиверск // КСИА. Вып.146. 1976. С. 63–70.
- Кочкуркина С.И.* Территория летописной корелы в XII–XIV вв. (по археологическим данным) // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 41–70.
- Кочкуркина С.И.* Контакты населения Северо-Западного Приладожья с Эстонией и Финляндией в I – нач. II тыс. н. э. Скандинавский сборник. Вып. XXIII. Таллинн, 1978. С. 131–147.
- Кочкуркина С.И.* Археологические памятники корелы. V–XV вв. Л., 1981.
- Кочкуркина С.И.* Древняя корела. Л., 1982.
- Кочкуркина С.И., Спирidonов А.М., Джаксон Т.Н.* Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990.
- Кочкуркина С.И.* Народы Карелии: история и культура. Петрозаводск, 2004. С. 207.
- Кочкуркина С.И.* Этнокультурные процессы эпохи Средневековья // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит–Средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 230–275.
- Курбатов А.В.* Культовые камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // *Лапшин В.А.* Археологическая карта Ленинградской области. Часть 2. СПб., 1995. С. 179–193.
- Ладожское озеро (развитие рельефа и условия формирования четвертичного покрова котловины). Петрозаводск, 1978. С. 205.
- Лак Г.Т., Экман И.М.* О трансгрессии Ладожского озера в голоцене // Доклады Академии Наук СССР. Вып. 222. М., 1972. С. 175–178.
- Лапшин В.А.* Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1. Западные районы. Л., 1990.
- Лапшин В.А.* Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб., 1995.
- Лебедев Г.С.* Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 180–190.
- Лебедев Г.С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.
- Лехтосало-Хиландер П.-Л.* Финские племена в свете истории костюма // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 130–136.
- Лиги П.* О води на территории Эстонии // Teaduste Akadeemia Toimetised 2. Tallinn, 1986. S. 156–167.
- Лийва А.А., Сарв А.А., Экман И.М.* К истории послеледникового (голоценового) развития Ладоги // Природа, береговые образования и история развития внутренних водоемов и морей Восточной Прибалтики и Карелии. Петрозаводск, 1971. 23–26.
- Литтури Э.* Зооморфные овально-выпуклые фибулы Финляндии и Приладожской Карелии // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 148–155.
- Макаров Н.А.* Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X–XIII вв. // СА. № 3. 1986. С. 60–71.
- Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. (По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья). М., 1997.
- Макаров Н.А.* Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X–XIII вв. // СА. № 3. 1986. С. 60–71.
- Малаховский Д.В., Арсланов Х.А., Гей Н.А., Диноридзе Р.Н., Козырева М.Г.* Новые данные голоценовой истории Ладожского озера // Эволюция природных обстано-

вок и современное состояние геосистемы Ладожского озера / Российская Академия наук, Русское географическое общество. СПб., 1993. С. 61–73.

Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застежки // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 164–166.

Марков К.К. Развитие рельефа северо-западной части Ленинградской области. М.; Л., 1931.

Марков К.К., Корецкий В.С., Шлямина Е.В. О колебаниях уровней Ладожского и Онежского озер в послеледниковое время // Тр. Комисс. по изуч. четвертичного периода 1934. Т. 4. Вып. 1. С. 71–129.

Мартынов А.И. Памятник летописной корелы на Соловецких островах // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1999. С. 175–176.

Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941.

Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 44–58.

Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Луки и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е 1–36. 1966.

Мейландер С.Ф. Финны — часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник: антропология, археология, этнография. М., 1982. С. 10–32.

Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, период, комментарий. М., 1986.

Михайлов К.А., Соболев В.Ю. Новгородские наборные пояса XI–XII вв. // Археологические вести 7. СПб., 2000. С. 222–228.

Моора Х.А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956. С. 49–141.

Моора Х.А., Моора А.А. Из этнической истории води и ижоры // Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллинн, 1965. С. 63–85.

Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.

Назаренко В.А. Классификация погребальных памятников Южного Приладожья // Статистико-комбинаторные методы в археологии. Л., 1970.

Назаренко В.А. Погребальная обрядность приладожской чуди. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Л., 1983. С. 18.

Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Чудь заволочская // Финны в Европе. VI–XV вв. Вып. 2. М., 1990. С. 93–101.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование Древнерусского государства. М., 1951. С. 260.

Никитина Г.Ф. Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э.. М., 1974.

Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

Носов Е.Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.

Носов Е.Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник. Материалы между-

народной научной конференции 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород, 2007. СПб., 2007. С. 23–58.

Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В. Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И.В. Дубова. СПб., 2004. С. 125–133.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования) // Российская Академия наук. Институт истории материальной культуры. Труды. Т. XVIII. СПб., 2005. С. 402.

Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950.

Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.

Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978.

Панкрушев Г.А. Происхождение карел. (По археологическим данным) // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980. С. 48–159.

Пёлля М. Карелы в Приботнии // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. Вып. 4. Л., 1988. С. 81–85.

Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 1500 года (ПОКНВП) // Временник Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 12. М., 1852.

Покровская Л.В. Ювелирные украшения Новгорода X–XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Ларентьевича Янина. М., 1999. С. 51–64.

Покровская Л.В. Финно-угорские украшения в городском уборе средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология (материалы научной конференции). Новгород, 25–27 января 2000 г. Вып. 14. Новгород, 2000. С. 139–149.

Покровская Л.В. Комплекс ювелирных украшений усадьбы В Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология (материалы научной конференции: Великий Новгород, 18–20 января 2005). Вып. 19. Великий Новгород, 2005. С. 120–132.

Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Нумизматика 3. Труды Государственного Эрмитажа IX. Л., 1967. С. 137–156.

Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.. Л., 1968.

Равдоникас В.И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // ИГАИМК. Вып. 94. 1934.

Равдоникас В.И. Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР // КСИИМК. Вып. VII. 1940.

Руденко С.Н. Опыт применения методов естественных наук к исследованию неолитических памятников. Доклады отделения и комиссии Географического общества СССР. Л., 1970. С. 38–59.

Рыдзевская Е.А. К варяжскому вопросу: местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси. Известия АН СССР. Серия VII. Отделение общественных наук. № 7. 1934. С. 485–532.

Рыдзевская Е.А. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе I. Связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л., 1970. С. 323–330.

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978.

Рябини́н Е.А. Древности воды и ижоры в Ленинградской области (историография вопроса) // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 113–117.

Рябини́н Е.А. Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. ЕИ–60. 1981.

Рябини́н Е.А. Древнейшие памятники воды в Новгородской земле // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. Л., 1983. С. 482–493.

Рябини́н Е.А. Средневековая ижора (Итоги и перспективы исследования) // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 27–40.

Рябини́н Е.А. Ижора // Финны в Европе. VI–XV вв. Прибалтийско-финские народы. Вып. 2. М., 1990. С. 34–38, 62–63.

Рябини́н Е.А. Водь // Финны в Европе. VI–XV вв. Прибалтийско-финские народы. Вып. 2. М., 1990. С. 19–21, 59.

Рябини́н Е.А. Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 114–131.

Рябини́н Е.А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001.

Саарнисто М., Сакса А., Таавитсайнен Ю.-П. Древняя Ладога и человек на ее берегах. Ежегодные Российско-Финляндские гуманитарные чтения «Шегрен — академик Императорской Академии наук. К 200-летию со дня рождения». Санкт-Петербург, 5–7 октября 1993 г. Тезисы докладов. РАН. Санкт-Петербургский научный центр. СПб., 1993. С. 27–29.

Саватеев Ю.А. Археологические исследования на территории Карелии // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 5–40.

Савельева Е.А. Чудские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. С. 200.

Сакса А.И. Древности Карельского перешейка по археологическим данным // Вопросы угроведения. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1979. С. 75–76.

Сакса А.И. Разведочные работы Приозерского отряда // АО-1978. М., 1979. С. 30–31.

Сакса А.И. Исследование средневековых памятников на Карельском перешейке // АО-1980. М., 1981. С. 30.

Сакса А.И. Древности Карельского перешейка (по материалам карельских могильников) // КСИА. Вып. 166. 1981. С. 51–56.

Сакса А.И. Археологические памятники Карельского перешейка конца I — начала II тыс. н. э. // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Тарту, 1982. С. 194–195.

Сакса А.И. Работы Приозерского отряда // АО-1982. М., 1983. С. 29–30.

Сакса А.И. Карельская земля в XII–XIV вв. (по археологическим данным) // Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1984. С. 1–20.

Сакса А.И. Комплекс археологических памятников у д. Ольховка (Лапинлахти) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 112–117.

Сакса А.И. Исследование новых средневековых памятников на Карельском перешейке // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 81–84.

Сакса А.И. Древности карел на современном этапе исследования // Новое в археологии Прибалтики и на соседних территориях. Таллинн, 1985. С. 108–118.

Сакса А.И. Исследование археологических памятников Северо-Западного Приладожья и пути его интенсификации // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. М., 1987. С. 224–225.

Сакса А.И. Исследования Ленинградской областной экспедиции // АО-1987. М., 1988. С. 24–26 (совместно с В.А. Лапшиным).

Сакса А.И. Финляндия в позднем железном веке // II Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1989. С. 172–173.

Сакса А.И. Средневековая корела (к вопросу о происхождении этнической общности) // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. Том 1. М., 1989. С. 94–97.

Сакса А.И. Приполярная Финляндия на рубеже I и II тысячелетия // КСИА. Вып. 200. 1990. С. 83–88.

Сакса А.И. 100 лет археологического изучения корелы // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 22–30.

Сакса А.И. Финляндия и Карелия в позднем железном веке // Congressus Septimus internationalis. fenno-ugristarum: Summaria dissertationum. Debreen, 1990. S. 200.

Сакса А.И., Тюленев В.А. Корела // Финны в Европе VI–XV вв. Вып. 2. М., 1990. С. 68–82.

Сакса А.И. Из истории древнего населения области по данным археологии // Мы живем на одной земле. Население Ленинградской области. СПб., 1992. С. 61–71.

Сакса А.И. Древняя Ладога и человек на ее берегах // Ежегодные Российско-Финляндские гуманитарные чтения «Шегрен — академик Императорской Академии наук. К 200-летию со дня рождения». Тезисы докладов. СПб., 1993. С. 27–29 (совместно с М. Саарнисто и Ю.-П. Таавитсайненом).

Сакса А.И. Корела-Кякисалми как этап освоения реки Вуоксы // Приозерск-Кексгольм-Кякисалми в истории России и Финляндии. К 700-летию основания города. СПб., 1994. С. 8–10.

Сакса А.И. Международные исследования на Карельском перешейке в Приладожской Карелии // Археологические изыскания. Вып. 14. СПб., 1994. С. 101–104.

Сакса А.И. Северная (Финская) Карелия: формирование этнокультурного ареала // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Сыктывкар, 1994. С. 63–65.

Сакса А.И. Древние жители Куппалы — свидетели этапов истории Ладоги // Вопросы геологии и археологии. Санкт-Петербург, 1994. С. 75–77 (совместно с М. Саарнисто и Ю.-П. Таавитсайненом).

Сакса А.И. Северные прибалтийско-финские племена в эпоху Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 114–122.

Сакса А.И. Тальгрэн и русская археология по материалам переписки // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. СПб., 1996. С. 27–34 (совместно с Ю.-П. Таавитсайненом).

Сакса А.И. Исследования на северо-западном побережье Ладожского озера // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. Материалы пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г. СПб., 1996. С. 52–55 (совместно с В.И. Тимофеевым).

Сакса А.И. Карелия и Ладожская область в I — начале II тыс. н. э. // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога 22–23 декабря 1996 г. Материалы к чтениям. СПб., 1996. С. 15–17.

Сакса А.И. Свинцовые печати из раскопок в Кореле // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 23–25 января 1996 г.). Вып. 10. Новгород, 1996. С. 187–194 (совместно с В.Л. Яниным).

Сакса А.И. Поздняя и постгляциальная история озер Карельского перешейка // Первый международный симпозиум по изучению Ладожского озера. / Гидрография 322. 1996. С. 119–204 (совместно с Н.Н. Давыдовой, Х.А. Арслановым, В.И. Хомутовой, И.И. Красновым, Д.В. Малаховским, М. Саарнисто, Д.А. Субетто).

Сакса А.И. Город Корела — центр Приладожской Карелии (по археологическим данным) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. СПб., 1997. С. 179–185.

Сакса А.И. Древняя Карелия в IX–XIII веках // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб., 1997. С. 95–96.

Сакса А.И. Первые русско-финские города // *Austrveg* 3. Tallinn, 1997. С. 27–28 (совместно с А.Н. Кирпичниковым).

Сакса А.И. Поселенческие центры как фактор расцвета Карелии в X–XIV вв. // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998. С. 157–160.

Сакса А.И. Археологическое наследие древней корелы // Культурное наследие Российского государства. СПб., 1998. С. 64–72.

Сакса А.И. К вопросу о заселении Приладожской Карелии в позднем железном веке // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. СПб., 1998. С. 20–25.

Сакса А.И. Итоги изучения карельских крепостей эпохи средневековья // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 192–205.

Сакса А.И. Археологическое наследие древней корелы // Культурное наследие Российского государства. Вып. 2. СПб., 2000. С. 121–129.

Сакса А.И. Формирование культуры карел железного века — хронология процесса и факторы воздействия // *World Congr. for Central and East Europ. Studies* 6. Tampere, 2000. С. 368–369.

Сакса А.И. Средневековая корела. Формирование этнической и культурной общности (Корельская земля новгородских летописей) // Вуокса. Вып. 2. Т. 1. Приозерск, 2001. С. 95–112.

Сакса А.И. История населения Приладожской Карелии и области Саво с древнейших времен и до XIV в. // Очерки исторической географии. СПб., 2001. С. 257–271.

Сакса А.И. Выборг и Карельская земля // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб., 2002. С. 76–79.

Сакса А.И. Древняя Карелия и Новгород // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 88–92.

Сакса А.И. Средневековая Корела: формирование этнической и культурной общности // Программа спец. курсов по археологии. СПб., 2002. С. 80–84.

Сакса А.И. Выборг — город четырех исторических традиций (итоги исследований 1998–2000 гг.) // Культурное наследие Российского государства. Вып. 3. СПб., 2002. С. 150–164.

Сакса А.И. Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 134–144 (совместно с А.Н. Кирпичниковым).

Сакса А.И. Выборг — первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) // Проблемы балтийской археологии: Сб. научных трудов. Калининград, 2003. С. 129–140 (совместно с С.В. Бельским, А.В. Курбатовым, Н.Ю. Поляковой).

Сакса А.И. Новые данные по ранней истории средневекового Выборга (предварительные итоги археологических исследований 1998–2000 гг.) // Страницы Выборгской истории. Выборг, 2004. С. 569–584.

Сакса А.И. Древняя Карелия в эпоху железного века (к вопросу о происхождении летописной корелы) // IN SITU: К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. С. 282–307.

Сакса А.И. Карельский перешеек — формирование природного и историко-географического ландшафта // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2. Новосибирск, 2006. С. 35–44.

Сакса А.И. Новгород, Карелия и Ижорская земля в эпоху средневековья // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 15–17 ноября 2005 года. Великий Новгород, 2006. С. 15–28.

Сакса А.И. Хозяйство и ремесло населения древней Карельской земли // Российская археология. № 3. М., 2006. С. 63–74.

Сакса А.И. Карелия и Саво. К вопросу о происхождении населения Саволакского погоста // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. Доклады Российско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории. Пушкинские Горы. 7–10 октября 2004 г. СПб., 2006. С. 141–152.

Сакса А.И. Карелы в системе международной торговли в Восточной Прибалтике в средние века // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород, 2007. СПб., 2007. С. 332–342.

Сакса А.И. Древняя Карелия во второй половине I — первой половине II тыс. н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Санкт-Петербург, 2007. С. 1–42.

Сакса А.И. Население Карельской земли в эпоху средневековья (по материалам карельских грунтовых могил) // Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М., 2007. С. 183–205.

Сакса А.И. Древняя Карелия и Ижорская земля // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб., 2008. С. 128–146.

Свердлов М.Б. Ладога в IX–XII вв. в общерусском контексте // Ладога и истоки российской государственности. СПб., 2003. С. 173–187.

Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // СА. № XVIII. М., 1953. С. 190–229.

Седов В.В. Водь. Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987. С. 34–42.

Седов В.В. Ижора. Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987. С. 42–49.

Седов В.В. Предметы древнерусского происхождения в Финляндии и Карелии // КСИА. 1987. № 179.

Седов В.В. Прибалтийские финны // Финны в Европе VI–XV вв. Вып. 1. Л., 1990. С. 8–26.

Седова М.В. Ювелирные изделия Великого Новгорода (X–XV вв.) // МИА. № 65. 1959. С. 223–261.

- Седова М.В.* Ювелирные изделия Великого Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Сикала А.-Л.* Верования финнов в древности // Финны в Европе. VI–XV вв. Вып. 1. Л., 1990. С. 145–165.
- Смирнова Г.П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. № 55. 1956.
- Сорокин П.Е.* Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Выпуск 2. Древности Ижорской земли. СПб., 2008. С. 88–127.
- Сорокин П.Е., Шаров О.В.* О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб., 2008. С. 167–200.
- Спирidonов А.М.* Городища-убежища древней Корелы // КСИА. Вып. 190. 1987. С. 49–51.
- Спицын А.А.* Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках А.К. Ивановского // МАР 20. СПб., 1896.
- Спицын А.А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР 28. СПб., 1901.
- Спицын А.А.* Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова // МАР 29. СПб., 1903.
- Спицын А.А.* Археологический альбом // Записки отдела русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества II. СПб., 1915. С. 224–250.
- Степанов А.М.* Археологические исследования в северо-восточной части Плотницкого конца Великого Новгорода (по материалам Андреевского II раскопа) // Труды Всероссийского историко-этнографического музея. Новоторжский сборник (история, археология, историческая география). Вып. 1. Торжок, 2004. С. 58–66.
- Таавитсайнен Ю.-П.* Таёжная Финляндия района Саво в эпоху железного века // Финны в Европе VI–XV вв. Вып. 1. Л., 1990. С. 91–106.
- Тихомиров В.И.* Список русских городов, дальних и ближних // Исторические записки 40. М., 1952. С. 214–259.
- Тимофеев В.И.* Новые находки мезолита и раннего неолита в Ленинградской области в 1982–1984 гг. // Всесоюзная археологическая конференция. Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы докладов. Баку, 1985. С. 346–348.
- Тимофеев В.И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России. Санкт-Петербург, 1993. С. 8–34.
- Третьяков П.Н.* Костромские курганы // ИГАИМК 10. Вып. 6–7. Л., 1931.
- Тюленев В.А.* К вопросу о дошведском поселении на месте Выборга // Новое в археологии СССР и Финляндии. Ленинград, 1984. С. 118–125.
- Тюленев В.А.* Исследования древнего Выборга. СПб., 1995.
- Федоров И.Т.* Расселение ижоры в XIX–XX вв. // Советская этнография. Вып. V. М., 1983. С. 97–104.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Фехнер М.В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959. С. 149–224.
- Фехнер М.В.* Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М., 1968. С. 210–214.
- Фриденваль А.* Могильник в Курнале, в провинции Санкт-Юргенс, Естляндской губернии. Ревель, 1911.

Хартанович В.И., Чистов Ю.К. Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. М., 1984. С. 74–105.

Хвоцинская Н.В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовые). СПб., 2004.

Хвоцинская Н.В. Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 39–50.

Хирвилуото А.Л. Грунтовый могильник Кирккайланмяки в Холлола // Новое в археологии ССР и Финляндии. Л., 1984. С. 90–95.

Хомутова Л.С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасонвури по результатам металлографического анализа // *Кочкуркина С.И.* Древняя корела. Л., 1982.

Хуурре М. Концепции финских археологов о происхождении племени карелов и культуры Карелии в эпоху железного века // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 138–142.

Шаскольский И.П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. Вып. 14. М., 1945. С. 38–61.

Шаскольский И.П. Русско-норвежский договор 1326 года // Скандинавский сборник. Вып. 15. Таллинн, 1970. С. 63–71.

Шмидехельм М.Н. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллинн, 1955.

Экман И.М., Лак Г.Т. О трансгрессиях Ладожского озера в голоцене // Доклады Академии наук СССР. Вып. 222. М., 1975.

Экман И.М., Лак Г.Ц., Лийва А.А. К истории Ладожской трансгрессии // История озер в голоцене. Л., 1975. С. 38–45.

Янитс Л.К. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956. С. 142–171.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.

Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1975.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

Янитс Л.К. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайоги. Таллинн, 1959.

Ahtela E. Piirteitä Vähäkylän rautakautisesta asutuksesta // Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste 25. Helsinki, 1981. S. 1–151.

Ailio J. Die Steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finnland. I, II. Helsingfors, 1909.

Ailio J. Die geographische Entwicklung des Ladogasees in postglazialer Zeit // Bulletin de la Commission geologique de Finlande 45. Helsinki, 1915.

Ailio J. Suomen vanhat linnat // Oma maa. № 11. Helsinki, 1921. S. 50–66.

Ailio J. Karjalaiset soikeat kupurasoljet: katkelma Karjalan koristetyylin kehityshistoriasta // SMYA XXXII (3). Helsinki, 1922.

Ailio J. Suomen muinaislinnaista // Työväen kalenteri XVIII. Helsinki, 1925. S. 81–92.

Alenius T., Grönlund E., Simola H., Saksa A. Land-use history of Riekkalansaari Island in the northern archipelago of Lake Ladoga, Karelian Republic, Russia // Veget Hist Archaeobot (2004) 13. S. 23–31.

Antiquites russes d'apres les monuments historiques des Islands et des anciens Skandinaves. T. 2. Copenhaque, 1852.

Antoni E. Egils sagas berättelse om Torolf Kveldulvsson farder over fjallen. Hist. Tidskr. för Finland 33. 1948. S. 1–12.

Antoniewicz W. Ein Medallion mit der Darstellung der betenden Mutter Gottes (Maria Orans) aus Kekomäki in Karelien // *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora.* Tallinn, 1970. S. 50–56.

Appelgren H. De runda djurspännena i Finland // FM. Helsinki, 1897. S. 1–13.

Appelgren H. Suomen muinaislinnat // SMYA XII. Helsinki, 1891.

Appelgren-Kivalo H. Romansk ornamentik // FM. Helsinki, 1910. S. 83–90.

Arslanov Kh.A., Davidova N., Khomotova, V., Krasnov I., Malakhovskiy D., Saarnisto, M., Saksa A.I., Subetto D. Deglaciation of Karelian Isthmus: the Vuoksi system and its role in Lake Ladoga evolution. 1st Intern // Lake Ladoga symposium, Abstracts, Sankt-Petersburg, 1993. S. 43.

Arslanov K., Saveljeva A., Gei N., Klimanov V., Chernov S., Chernova G., Kuzmin G., Tertychnaja T., Subetto D., Denisenkov V. Chronology of vegetation and paleoclimatic stages of northwestern Russia during the Late Glasial and Holocene. Radiocarbon 41. 1999. S. 25–45.

Arne T.J. La Suede et l'Orient. Upsala, 1914.

Backsbacka C. Föremålsbestandet i 1000-talets finska myntförande skattfynd // Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste 11. Helsinki, 1975.

Belsky S., Saksa A., Suhonen M. Stadsarkeologi i Viborg // Medeltidsarkeologisk tidskrift 2003:1. Lund, 2003. S. 14–30

Björkman T. Kuusamon Lämsän hopea-aarre // SM 64. Helsinki, 1957. S. 17–34.

Blomqvist R. Spännen och soljor // Kulturen. Lund, 1947.

Carpelan Chr. Om asbetskeramikens historia i Fennoskandien // FM 1978. Helsinki, 1979.

Carpelan Chr. Later Iron Age Finds from Northern Finland // Славяне и финноугры. Археология, история, культура. СПб., 1997.

Clark G. The Earlier Stone age settlement of Scandinavia // Cambridge University Press. 1975.

Creutz Kr. Tension and Tradition. A study of Late Iron Age spearheads around the Baltic Sea // Theses and Papers in Archaeology N.S. A 8. Jyväskylä, 2003.

Davydova N.N. Postglacial history of lakes Ladoga and Onega according to diatom analyses of bottom sediments // Mitteilungen / Internationale Vereinigung für theoretische und angewandte Limnologie 17. 1969. S. 317–378.

Davydova N.N., Arslanov K.A., Homutova V.L., Krasnov I.I., Malakhovskiy D.V., Saarnisto M., Saksa A.I., Subetto D.A. Late- and postglacial history of lakes of the Karelian Isthmus // The First International Lake Ladoga Symposium / Hydrobiologia 322. 1996. S. 199–204.

Delusin I. The Holocene pollen stratigraphy of Lake Ladoga and the vegetational history of its surroundings // Annales Academiae Scientiarum Fennicae Series A III 153. 1991.

Delusin I., Donner J. Additional evidence of the Holocene transgression in Lake Ladoga on the basis of an investigation of beach deposits on the island of Mantsinsaari // Bulletin of the Geological Society of Finland 67, II. Helsinki, 1995. S. 39–50.

Dolukhanov P.M. The Quaternary history of the Baltic. Leningrad and Soviet Carelia // The Quaternary history of the Baltic / Acta Universitatis Upsaliensis, Symposia Universitatis Upsaliensis Annum Quingentesimum Celebrantis 1. Upsala, 1979. S. 115–125.

- Donner J.* The Quaternary history of Scandinavia. Word and Regional Geology 7. Cambridge University Press. Cambridge, 1995.
- Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982.
- Egils saga, sive Egili Skallagrimii Vita, Havniae, 1809. S. 56–71.
- Eronen M.* The history of the Litorina Sea and associated Holocene events // Societas Scientiarum Fennica, Commentationes Physico-Mathematicae 44. Helsinki, 1974. S. 79–195.
- Erä-Esko A.* Germanic animal art of Sallin's Style I in Finland // SMYA. 63. Helsinki, 1965.
- Europaesus A.* Muinaistutkimuksen tehtäviä Karjalassa // Kalevalaseuran Vuosikirja 3. Helsinki, 1923. S. 61–75.
- Europaesus A.* Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland. 1 // Acta archaeologica 1:1. København 1930. S. 165–190.
- Fagskinna // Noregs kononga tal. Udgivet for Samfund til ungivelse af gammel nordisk litteratur ved E. Jonsson. B. 30. København 1902–1903.
- Gallen J.* Länsieurooppalaiset ja skandinaaviset Suomen esihistoriaa koskevat lähteet // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Bitrag till kannedom av Finlands natur och folk. Utgivna av Finska Vetenskaps-Societeten. H. 131. Helsinki, 1984. S. 249–263.
- Goetz L.K.* Deutsch-Russische Handelsvertraagr des Mittelalters. Hamburg, 1916.
- Granberg B.* Forteckning över kufiska myntfynd i Finland // Studia Orientalia XXXIV. 1967.
- Grönlund E.* A palaeoecological study of land-use history in East Finland // Joensuu yliopiston luonnontieteellisiä julkaisuja 31. Joensuu, 1995.
- Grönlund E., Simola H., Alenius T., Lahtinen J., Miettinen J., Kivinen L., Saksa A., Davydova N., Taavitsainen J.-P., Tolonen K.* Palaeoecological studies of three small lakes in western Lake Ladoga region: Holocene vegetation dynamics, history of agriculture and effects of vegetation and land-use changes on aquatic ecosystems // Proceedings of the 2nd Lake Ladoga Symposium / University of Joensuu, Publications of Karelian Institute 117. Joensuu, 1997. S. 391–395.
- Grönlund E., Simola H., Lahtinen J.* Forest composition and land-use changes reflected in the stratigraphy of siliceous algae in the varved sediment of Lake Ohalampi (Karelian Isthmus, NW Russia) // Abstracts, 7th Int. Symp. on Palaeolimnology, Germany 1997 / Würzburger Geographische Manuskripte 41. 1997. S. 85–86.
- Grönlund E., Simola H., Saksa A., Kotchkurkina S.* Pollen analytical evidence of Late Mediaeval establishment of arable field cultivation in the environs of the Svir Monastery, eastern Lake Ladoga // Climate and environment during the last deglaciation and Holocene in NW Russia and the Baltic. Abstracts: 21. International workshop St. Petersburg, Russia, March 28 – April 2. Sankt-Peterburg, 2001. S. 21.
- Grönlund E., Simola H., Taavitsainen J.-P., Saksa A.* Land-use history on the Karelian Isthmus – a project outline // Fennoscandia archaeologica XII. Helsinki, 1995. S. 35.
- Grönlund E., Simola H., Uimonen-Simola P.* Early agriculture in the eastern Finnish Lake District // Norwegian Archaeological Review 23. Oslo, 1990. S. 79–85.
- Hackman A.* Die ältere Eisenzeit in Finnland I. Helsinki, 1905.
- Hackman A.* Trouvailles préhistoriques. Age du fer // Atlas de Finlande / Fennia 17. Helsinki, 1911. S. 15–40.
- Hackman Å.* Fövärv till Finlands Nationalmuseum åren 1920–1922 // FM 32. Helsinki, 1925. S. 24–53.

Hackman A. Das Brandgräberfeld von Pukkila in Isokyro // SMYA. 41. Helsinki, 1938. *af Hällström O.* Lisää suomalaisten soikeiden kupurasolkien syntyhistoriaan // SM 1947–1948. Helsinki, 1948. S. 45–69.

Heikel A.O. Tuukkalan löytö // SMYA. X. Helsinki, 1889. S. 179–224.

Hiekkanen M. Suomen rautakauden nuolenkärjet // Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste 19. Helsinki, 1979.

Historia Norvegiae. Monumenta historica Norvegiae // Latingske kildeskripter till Norges historia i middelalderen. Kristiania, 1880.

Huurre M. Lisää kuppikivistä // Kotiseutu. Helsinki, 1971. S. 32–36.

Huurre M. 9000 vuotta Suomen esihistoriaa. Keuruu, 1979.

Huurre M. Oval tortose brooches with knob ornaments // Fenno-ugri et slavi / Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste 22. Helsinki, 1980. S. 162–170.

Huurre M. Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia // Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia I. Kuusamo, 1983.

Huurre M. Itä-Suomen rautakautinen asutus arkeologian valossa // Suomen väestön esihistorialliset juuret // Bidrag till kannedom av Finlands natur och folk 131. Helsinki, 1984. S. 303–318.

Huurre M. Esihistoria // Kainuun historia I. Kajaani, 1986. S. 7–184.

Huurre M. 9000 vuotta Suomen esihistoriaa. Kuudes painos. Keuruu, 2000.

Huurre M. Viipurin läänin kivikausi // Karjalan synty / Viipurin läänin historia I. Jyväskylä, 2003. S. 151–244.

Hyypä E. Beiträge zur Kenntnis der Ladoga- und Ancylustransgression // Bulletin de la commission geologique de Finlande 128. Helsinki, 1942 (1943). S. 122–127.

Häme M. Egilin saagan lapinkuvan ajoituksesta // Oulun yliopisto. Historian laitos / Eripainossarja 48. Oulu, 1979. S. 71–82.

Islandske Annaler // Udg. af G. Storm. Kristiania, 1888.

Julku K. Kvenland – Kainumaa // Studia historica septentrionale 11:1. Oulu, 1986.

Julku K. Oulujokilinja karjalaisten kaukoliikenteen väylänä keskiajalla // Studia historica 1. Oulu, 1983. S. 65–99.

Jungner H. Radiocarbon dates I // Radiocarbon dating laboratory University of Helsinki. Report 1:1. Helsinki, 1979.

Kankainen T., Saksa A., Uino P. The Early History of the Fortress of Kakisalmi, Russian Karelia – Archaeological and Radiocarbon Evidence // Fennoscandia archaeologica XII. Helsinki, 1995. S. 41–47.

Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissa. Helsinki, 1963.

Kirkinen H. Lisälähteitä Karjalan keskiajan historiaan // Historiallinen Aikauskirja 2. Helsinki, 1964. S. 139–147.

Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä I. Venäjän Karjala renessanssiajalla (1478–1617). Helsinki, 1970.

Kirkinen H. Karjala taistelukenttänä. Karjala idän ja lännen välissä II. Helsinki, 1976.

Kirkinen H. Karjalaiset, alkuheimo vai yhteensulautuma. Ongelman esittely // Karjalan synty. Symposio 30.6.–2.7.1976 Joensuu. Alustukset. Joensuun korkeakoulu. Monistesarja. № 24A. Joensuu, 1977. S. 8–12.

Kirkinen H. Bysantin perinne ja Suomi. Joensuu, 1987.

Kirkinen H. Merjasta Mikkeliin. Kadonneen sukulaiskansan jäljillä // Inkerin teillä. Porvoo, 1990. S. 242–265.

Kirkinen H. Karjalan historia juurista Uudenkaupungin rauhaan // Karjalan kansan historia. Porvoo, 1994. S. 13–171.

- Kirkinen T.* Use of a Geographical Information System (GIS) in modeling the Late Iron Age settlement in Eastern Finland. *Environmental Studies in Eastern Finland // Reports of the Ancient Lake Saimaa Project.* University of Helsinki Department of Archaeology. Helsinki Papers in Archaeology 8. Helsinki, 1996. S. 19–61.
- Kirpitsnikov A.N., Rjabinin E.A.* Fennougrische Volkstamme und Nordrussland // *Fennoscandia archaeologica* IV. Helsinki, 1987. S. 49–72.
- Kirpichnikov A.N., Saksa A.I.* The Finnish Population of the Medieval Cities // *Finnouugri et slavi.* 1977. *Cultural Contacts in the Area of the Gulf of Finland in the 9–13 Centuries.* Saarijärvi, 1999. S. 23–28.
- Kirpichnikov A.N., Tomanterä L., Saksa A.I.* New Studies of Viking Age and Medieval Swords from the Collection of the National Museum of Finland // *Fenno-ugri et slavi* 2002. *Dating and Chronology.* Saarijärvi. 2004. S. 28–35.
- Kivikoski E.* Studier zur Birkas Handel // *Acta archaeologica* 8. København 1937. S. 229–250.
- Kivikoski E.* Likarmade spännen från vikingatiden // *FM* 45. Helsinki, 1938. S. 10–28.
- Kivikoski E.* Die Eisenzeit im Auraflussgebiet // *SMYA.* XLIII. Helsinki, 1939.
- Kivikoski E.* Svenskar i österled under 500-talet // *Finskt Museum* 46 Helsinki, 1939. S. 1–11.
- Kivikoski E.* Lisiä Karjalan ristiretkikauden ajanmääräykseen // *Kalevalaseuran vuosikirja* 22. Helsinki, 1942. S. 79–87.
- Kivikoski E.* Zur Herkunft der Karelier und ihrer Kultur // *Acta Archaeologica.* Vol. XV. København 1944.
- Kivikoski E.* Suomen rautakauden kuvasto. Porvoo, 1947.
- Kivikoski E.* Suomen esihistoria // *Suomen historia* I. Porvoo, 1961.
- Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
- Kon'kova O.I., Saksa A.I.* Karjalaiset ja inkeroiset — läheisiä sukulaiskansoja? // *Historia fenno-ugrica* 1:1. *Congressus primus historiae fenno-ugricae.* Oulu, 1996. S. 513–518.
- Kotskurkina S.I.* Karjalaisten varhaista historiaa // *Suomen varhaishistoria.* Rovaniemi, 1992. S. 207–214.
- Kotskurkina S.I.* Karjalaan liittyvät kirjalliset tiedot (X–XVI vuosisadoilla) // *Historia fenno-ugrica* 1:1. *Congressus primus historiae fenno-ugricae.* Oulu, 1996. S. 613–620.
- Kuujo E.* Käkisalmen kaupungin ja maalaiskunnan historia I // *Käkisalmen historia.* Lahti, 1958. S. 1–219.
- Kuujo E.* Kurkijoen vaiheet asutuksen alusta vuoteen 1570 // *Kurkijoen kihlakunnan historia.* Pieksämäki, 1958. S. 9–85.
- Kvasov D.D.* The Late-Quaternary history of large lakes and inland seas of Eastern Europe // *Annales Academiae Scientiarum Fennicae A III Geologica-Geographica,* Helsinki, 1979.
- Kömönen A.* Käkisalmen vanha linna. Käkisalmi, 1931.
- Könönen T.A., Kirkinen H.* Keskiajasta Stolbovan rauhaan // *Pohjois-Karjalan historia* I. Joensuu, 1969. S. 1–183.
- Laanest A.* Izuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia. Tallinn, 1986.
- Lamm Kr.* Clasp Buttons // *Excavations at Helgö IV. Workshop. Part I.* Stockholm, 1972.
- Latvijas PSR Arheologija. Riga, 1974.
- Lavento M.* Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus // *SMYA.* 109. Helsinki, 2001.

Lavento M. Viipurin läänin pronssikausi ja varhaismetallikausi // Karjalan synty / Viipurin läänin historia. Jyväskylä, 2003. S. 245–290.

Lavento M, Halinen P, Timofeev V, Gerasimov D, Saksa A. An archaeological field survey of Stone Age and Early Metal Period settlement at Kaukola (Sevastjanovo) and Räisälä (Melnikovo) in Karelian Isthmus in 1999 // Fennoscandia archaeologica XVIII. Helsinki, 2002. S. 3–25.

Lehtosalo-Hilander P.-L. Keski- ja myöhäisrautakausi // Suomen historia I. Porvoo, 1984. S. 251–405.

Lehtosalo P.-L. Rapukoristeisten solkien ajoituksesta // SM. Helsinki, 1966. S. 22–39.

Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari I–III // SMYA 82 (1–3). Helsinki, 1982.

Lehtosalo-Hilander P.-L. Viikinkiajan aseita – leikkejä luvuilla ja lohikäärmeillä // SM. Helsinki, 1985. S. 5–36.

Lehtosalo-Hilander P.-L. Esihistorian vuosituhannet Savon alueella // Savon historia I. Kuopio, 1988. S. 11–264.

Lehtosalo-Hilander P.-L. Suur-Savon suuruuden alku-uusi sukellus hopeasolkien sailaisuuksiin // Baskerilinja. Unto Salo 60 vuotta. Turku, 1988. S. 15–30.

Lehtosalo-Hilander P.-L. Päijät-Hämeen rautakauden arvoituksia. Päijät-Hämeen arkeologia-seminaarin 1979 esitelmät. Lahden museo- ja taidelautakunta // Selvityksiä ja kannanottoja XV/1980. Lahti, 1980. S. 46–81.

Lempiäinen T. Medieval Plant Remains from the Fortress of Käkisalme, Karelia (Russia) // Fennoscandia archaeologica XII. Helsinki, 1995. S. 83–94.

Leppäaho J. Räisälän Hovinsaaren Tontinmäen paja, sen langanvetovälineet ja langan vedosta (vanutuksesta) yleensä // SM. Helsinki, 1949. S. 44–93.

Leppäaho J. Spateisenzeitliche Waffen aus Finnland // SMYA. 61. Helsinki, 1964.

Lietuvos TSR archeologijos atlasas IV. I–XIII a. radiniai. Vilnius, 1978.

Ligi P. Kirde-Eesti vадja kalmete uurimise tulemusi // Teaduste Akadeemia Toime- tised 3. Tallinn, 1988. S. 267–282.

Ligi P. National romanticism in archaeology: The paradigm of Slavonic colonization in North-West Russia // Fennoscandia archaeologica X. Helsinki, 1993. S. 31–40.

Linkola K. Studien über den Einfluss der Kultur auf die Flora in den Gegenden nördlich von Ladogasee I–II // Acta Societatis pro Fauna et Flora Fennica 45 (2). Helsinki, 1921. S. 1–491.

Linna M. Suomen varhaiskeskiajan lähteitä // Historian Aitta XXI. Jyväskylä, 1989.

Linturi E. Ristiretkiajan eläinkoristeiset kupurasoljet // Helsingin yliopiston arkeologian lait. Moniste 24, Helsinki, 1980.

Linturi E. Nauhasoljet. Studia minora. Professori Carolo Frederico Meinander die caroli MCMLXXXII gratia dedicaverunt discipuli // Helsingin yliopiston arkeologian lait. Moniste 29. Helsinki, 1982. S. 130–144.

Lukkarinen J. Eräs muinainen kulkutie Laatokan ja Oulunsuun välillä // SM 24. Helsinki, 1917. S. 1–7.

Löugas V. Das mitteleisenzeitliche Steingrab von Lehmja Loo in der Nähe von Tallinn // Honos Ella Kivikoski // SMYA. 75. Helsinki, 1973. S. 117–131.

Meinander C.F. Esihistoria // Etelä-Pohjanmaan historia I. Helsinki, 1950.

Meinander C.F. Die Bronzezeit Finnlands // SMYA. 53. Helsinki, 1954.

Meinander C.F. Dämits: En essä om förromersk järnålder // FM 76. Helsinki, 1969. S. 27–69.

Meinander C.F. Kivikautemme väestöhistoria // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk 131. Helsinki, 1984. S. 29–37.

- Miettinen J., Grönlund E., Simola H., Huttunen P.* Paleolimnology of Lake Pieni-Kuupalanlampi (Kurkijoki, Karelian Republic, Russia): isolation history, lake ecosystem development and human impact // *Journal of Paleolimnology* 27. 2002. S. 29–44.
- Moora H.* Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932.
- Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu, 1938.
- muinaisjaannokset. Helsinki, 1918.
- Nerman B.* Sveriges aldsta konungalanger som kalla for svensk historia. Uppsala, 1914.
- Nerman B.* Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngerer Eisenzeit // *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvites Akadmiens handlingar* 40: 1. Stokholm, 1929.
- Nerman B.* Die Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm, 1935.
- Nirvi R.E.* Inkeröismurteiden asema // *Kalevalaseuran vuosikirja* 41. Helsinki, 1961. S. 99–132.
- Nissilä V.* Inkeri-nimen etymologiasta // *Kalevalaseuran vuosikirja* 41. Helsinki, 1961. S. 133–139.
- Nordman C.A.* Anglo-Saxon coins found in Finland. Helsinki, 1921.
- Nordman C.A.* Karelska järnåldersstudier // *SMYA*. XXXIV: 3. Helsinki, 1924.
- Nordman C.A.* Schatzfunde und Handelsverbindungen in Finnlands Wikingerzeit // *Acta archaeologica* 13. København 1942. S. 272–293.
- Nordman C.A.* Smyckefyndet från Sipilänmäki i Sakkola // *SMYA*. XLV. Helsinki, 1945. S. 221–237.
- Nosov E.N.* New data on the Rurik Goroditschke near Novgorod // *Fennoscandia archaeologica* IV. Helsinki, 1987. S. 73–86.
- Nunez M.* A model for the early settlement of Finland // *Fennoscandia archaeologica* IV. Helsinki, 1987. S. 3–18.
- Olaus Magnus Gothus.* Pohjoisten kansojen historia. Suomea koskevat kuvaukset. Keuruu, 1973.
- Orrman E.* Geographical factors in the spread of permanent settlement in parts of Finland and Sweden from the end of the Iron Age to the beginning of Modern Times // *Fennoscandia archaeologica* VIII. Helsinki, 1991. S. 3–21.
- Ovsyannikov O. V.* From the White Sea Land to the Lower Ob – the ancient trade route to the Arctic // *Fenno-ugri et Slavi* 1992. Prehistoric economy and means of livelihood. Helsinki, 1994. S. 78–87.
- Pankrusev G.A.* Karjalaisten alkuperä arkeologisten tietojen valossa // *Karjalan synti*. Symposio 30.6–2.7.1976 Joensuu. Alustukset. Joensuun korkeakoulu / Monistesarja A № 24A. Joensuu, 1977.
- Paulsen P.* Axt und Kreutz in Nord- und Osteuropa. Bonn, 1956.
- Petersen J.* De norske vikingesverd. Entypisk-kronologisk studie over vikingetides vaaben. Videnskapselskapet skrifter II // *Hist.-filos. Klasse*. № 1. Kristiania, 1919.
- Poutiainen H., Grönlund E., Koponen M.* Joining the forces: Archaeologists and palaeoecologists in the traces of North Karelian settlement and land-use history // *Fennoscandia archaeologica* XII. Helsinki, 1995. S. 153–160.
- Purhonen P.* Kristinuskon saapumisesta Suomeen. Uskontoarkeologinen tutkimus // *SMYA* 106. Helsinki, 1998.
- Pälsi S.* Kaivaus Pitkäjärven kivikautisella asuinpaikalla Räisälässä v. 1915 // *Suomen Museo* 25. Helsinki, 1918. S. 1–6.
- Pälsi S.* Ein Steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti Kirchspiel Antrea, Lan Viborg // *SMYA* 28,2. Helsinki, 1920. S. 3–19.

Pöllä M. Laatokan länsirannikon asujaimiston etnisen koostumuksen muutokset rautakaudella ja Karjalan synty // Suomen synty / Studia historica septentrionalia 21. Rovaniemi, 1992. S. 416–447.

Ramsey W. Eisgestaute Seen und Rezession des Inlandeises in Südkarelien und Nevaltal // Fennia 50. Helsinki, 1928. S. 1–21.

Rinne J. Suomen Karjalan vanhat linnat // Karjalan kirja. Porvoo, 1932. S. 260–273.

Rjabinin E.A. The Chud of the Vodskaja Pyatina // Fennoscandia archaeologica IV. Helsinki, 1987. S. 87–104.

Ronimus J.V. Novgorodin Vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Karjalan silloinen asutus. Joensuu, 1906.

Saarnisto M., Siiriäinen A. Laatokan transgressioraja. SM 77. Helsinki, 1970. S. 10–22.

Saarnisto M., Grönlund T. Shoreline displacement of Lake Ladoga – new data from Kilpolansaari. Hydrobiologia 322. 1996. S. 205–215.

Saarnisto M., Grönlund T., Ikonen I. The Yoldia Sea – Lake Ladoga connexion. Biostratigraphical evidence from the Karelian Isthmus // Dig it all, Papers dedicated to Ari Siiriäinen. Helsinki, 1999. S. 117–130.

Saarnisto M. Karjalan geologia. Karjalan luonnonmaiseman synty // Karjalan synty / Viipurin läänin historia I. Jyväskylä, 2003. S. 21–80.

Saarnisto M., Saksa A. Radiohiiliajoituksia Viipurin arkeologisilta kaivauksilta // Viipurin linnaläänin synty Viipurin läänin historia II. Jyväskylä, 2004. S. 259–261.

Saarnisto M., Saksa A. Radiocarbon dates from archaeological excavations in Viipuri. The corner site of former Uudenportinkatu and Etelävalli // Fennoscandia archaeologica XXI. Helsinki, 2004. S. 37–42.

Saksa A.I. Medieval Karelia on European trade routes // Iskos 4. Helsinki, 1984. S. 93–97.

Saksa A.I. The medieval Korela (the question of the origins and formation of the ethnic community) // VI Международный конгресс финно-угроведов. Т. 4. Этнография. Археология. Антропология. Сыктывкар, 1985. С. 157.

Saksa A. Results and perspectives of archaeological studies on the Karelian Isthmus // Fennoscandia archaeologica II. Helsinki, 1985. S. 37–49.

Saksa A., Kankainen T., Saarnisto M., Taavitsainen J.-P. Kakisalmen linna 1200-luvulta // Geologi 42. Helsinki, 1990. S. 65–68

Saksa A.I. On the study of ancient Karelian craft centers // Iskos 9. Helsinki, 1990. S. 69–73.

Saksa A. Käkisalmen maasta esiin kaivettu historia // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita 10. Lahti, 1992. C. 5–17.

Saksa A.I. Karjala ennen kolmatta ristiretkea // Suomen varhaishistoria // Studia historica septentrionalia 21. Rovaniemi, 1992. S. 468–479.

Saksa A.I. Karelia and the West Finnish cultural area in the Late Iron Age // Cultural heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn, 1992. S. 96–105.

Saksa A.I. Rautakautinen Karjala – Karjalan synty // Kahden Karjalan valilla Kahden Riikin riitamaalla. Studia Carelica Humanistica 5. Joensuu, 1994. S. 29–45.

Saksa A.I. On the factors influencing the formation and development of Karelian culture between the eleventh and thirteenth centuries // Fenno-ugri et Slavi 1992. Helsinki, 1994. S. 98–104.

Saksa A.I. Arkeologiset tutkimukset Kannaksella ja Karjalassa // Karjalainen viesti 2. Joensuu, 1992. S. 7–10.

Saksa A.I. Rautakautinen Karjala-Karjalan synty // Kahden Karjalan välillä Kahden Riikin riitamaalla / *Studia Carelica Humanistica* 5. Joensuu, 1994. S. 29–45.

Saksa A. Ancient history of the population of the present-day Leningrad Region // Karelia and St. Petersburg. Joensuu, 1996. S. 27–37.

Saksa A. Uudemmat arkeologiset tutkimukset Kurkijoella Laatokan Karjalassa // *Karjalainen Viesti* 2. Joensuu, 1997. S. 1–5.

Saksa A. Rautakautinen Karjala. Muinai-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // *Studia Carelica Humanistica* II. Joensuu, 1998.

Saksa A., Grönlund E., Simola H., Taavitsainen J.-P., Kivinen L., Tolonen K. The history of environment and development of agriculture on the Karelian Isthmus and NW Ladoga region: a palaeoecological and archaeological study // *Congressus octavus internationalis fenno-ugristarum*, Pars VII. Jyväskylä, 1996. S. 371–376.

Saksa A., Suhonen M. Viipurin kaupunkikaivaukset 1999–2000 // *Hiidenkivi* 2/2001. Helsinki, 2001. S. 26–29.

Saksa A.I. Archaeological Cronology of Medieval Vyborg – preliminary results of the excavations of 1998–2000 // *Fenno-ugri et slavi* 2002. Dating and Chronology. Saarijärvi, 2004. S. 98–109.

Saksa A., Belsky S., Suhonen M. Kaupunkiarkeologia Viipurissa // *Suomen keskiajan arheologian seura* 2/2002. Turku, 2002. S. 4–10.

Saksa A., Belsky S., Kurbatov A., Polykova N., Suhonen M. New archaeological excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // *Fennoscandia archaeologica* XIX. Helsinki, 2002. S. 37–64.

Saksa A.I., Uno P., Hiekkänen M. Ristiretkiaika 1100–1300 jKr. // *Karjalan synty Viipurin läänin historia* I. Jyväskylä, 2003. S. 383–474.

Saksa A. Viipurin kaupunkikaivaukset 1999–2001 // *Viipurin linnaläänin synty Viipurin läänin historia* II. Jyväskylä, 2004. S. 88–90.

Saksa A., Saarnisto M., Taavitsainen J.-P. 1200-luvun lopun raadiohiiliajoitus Viipurista // *Suomen keskiajan arheologian seura (SKAS)*. 3/2003. Turku, 2004. S. 15–20.

Salmo H. Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland // *SMYA XLII*: 1. Helsinki, 1938.

Salmo H. Deutsche Mützen in vorgeschichtlichen Funden Finnlands // *SMYA XLVII*. Helsinki, 1948.

Salmo H. Finnische Hufeisenfibeln // *SMYA* 56. Helsinki, 1956.

Salo U. Lappeen Kauskilaan varhaiskeskiaikainen kalmisto // *SM*. Helsinki, 1957. S. 35–55.

Salo U. Die frühromische Zeit in Finnland // *SMYA* 67. Helsinki, 1968.

Saloheimo V. Pohjois-Karjalan asutusmuodot 1600-luvulla. Kylä- ja pitäjäkartat // *Joensuun korkeakoulun julkaisuja* A2. Joensuu, 1971. S. 1–182.

Sarmela M. Uhrikivet ja uhripuut // *Kotiseutu*. Helsinki, 1970. S. 147–155.

Sarvas P. Ristiretkiajan ajoituskysymyksiä // *SM*. Helsinki, 1971. S. 51–63.

Saveljeva E.A. Die ethnokulturellen Kontakte der Perm Wytschegodskaja mit den westlichen Nachbarvolkern // *Suomen varhaishistoria. Studia historica septentrionalia* 21. Rovaniemi, 1992. S. 495–506.

Schulz H.-P. Frühmittelalterliches Metallhandwerk in der Provinz Häme, Finnland // *Fenno-ugri et slavi* 1992. Prehistoric economy and means of livelihood. Helsinki, 1994. S. 124–145.

Schwandt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sitä seuraavilta ajoilta Käkisalmen kihlakunnan alalta saatujen löytöjen mukaan // *SMYA XIII*. Helsinki, 1893.

- Schvindt T.* Käkisalmen pesälinnan ja entisen linnoitetun kaupungin rakennushistorian aineksia. *Analecta Archaeologica Fennica* 11, 2. Helsinki, 1898.
- Selirand J.* Viron rautakausi // *Studia archaeologica septentrionalia* 1. 1989.
- Selirand J.* Eestlaste matmiskombet varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11–13. sajand). Tallinn, 1974.
- Serning I.* Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid // *Acta lapponica* XL. 1956.
- Siikala A.-L.* Suomalainen samanismi. Mielikuvien historia. Helsinki, 1992.
- Simola H.* Karjalan luonto // *Karjalan synty / Viipurin läänin historia I.* Jyväskylä, 2003. S. 81–116.
- Simola H., Grönlund E., Huttunen P.* Ovatko Kerimäen uhrikivet rautakautisia? // *Piirtoja länsisuomalaiseen menneisyyteen.* Joensuu, 1984. S. 12–27.
- Simola H., Miettinen J., Grönlund E., Saksa A.* Paleocological reflection of rapid land use change in the northern Lake Ladoga region // *Proc. of the 3 Intern. Lake Ladoga Symp.* Joensuu, 2000. S. 504–507.
- Simola H., Grönlund E., Miettinen J.* Asutuksen historia ja maankäytön vaiheet Sortavalan seudun järvien sedimenteissa // *Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja* 132. Joensuu, 2001. S. 7–19.
- Simola H., Grönlund E., Uimonen-Simola P.* Etelä-Savon asutushistorian paleoekologinen tutkimus // *Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuskeskuksen julkaisuja* 84. Joensuu, 1988. S. 1–55.
- Simola H.* Karjalan luonto // *Karjalan synty / Viipurin läänin historia I.* Jyväskylä, 2003. S. 81–116.
- Spiridonov A.M.* Karelian in the north of Fennoscandia in the 11–13th centuries — a view from the east // *Suomen varhaishistoria. Studia historica septentrionalia* 21. Rovaniemi, 1992. S. 559–567.
- Strandberg R.* Les broches d'argent careliennes en form de fer a cheval et leurs ornements. *ESA XII.* Helsinki, 1938. S. 167–202.
- Snorri Sturluson.* *Heimskringla. Islenszk fornrit. B. 37.* Reykjavik, 1945.
- Subetto D., Wohlfarth B., Davydova N., Sapelko T., Björkman L., Solovieva N., Wastergård S., Possnert G., Khomutova V.* Climate and environment on the Karelian Isthmus, northwestern Russia, 13000–9000 cal. Yrs BP. // *Boreas* 31. 2002. S. 1–19.
- Taavitsainen J.-P.* Joitakin ajatuksia kuolaimista ynnä muista rautakautisista hevoskauluista // *Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste* 12. Helsinki, 1976.
- Taavitsainen J.-P.* Ancient Hillfords of Finland // *SMYA* 94. Helsinki, 1990.
- Taavitsainen J.-P., Ikonen L., Saksa A.* On early agriculture in the archipelago of Lake Ladoga // *Fennoscandia archaeologica* XL. Helsinki, 1994. S. 29–40.
- Taavitsainen J.-P., Simola H., Grönlund E.* Cultivation history beyond the periphery — early agriculture in the North European boreal forest // *Jurnal of World Prehistory* 12. 1998. 199–253.
- Tallgren A.M.* Suomen Karjalan rautakaudesta // *Karjalan kirja.* Porvoo, 1910.
- Tallgren A.M.* Fornsaker från Olonec på Historiska Museet i Helsingfors // *FM* 23. Helsinki, 1916. S. 24–35.
- Tallgren A.M.* Suomen esihistorialliset ja ajaltaan epämääräiset kiinteät muinaisjäänökset. Helsinki, 1918.
- Tallgren A.M.* Die russischen und asiatischen archeologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands // *ESA* 111. Helsinki, 1928. S. 160–172.
- Tallgren A.M.* Suomen muinaisuus // *Suomen historia I.* Porvoo, 1931.
- Tallgren A.M.* The Prehistory of Ingria // *ESA XII.* Helsinki, 1938. S. 79–108.

Talvio T. Entisen Suomen Karjalan esihistorialliset rahalöydöt // SM 86. Helsinki, 1979. S. 5–20.

Talvio T. The Finnish Coin Hoards of the Viking Age // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste 22. Helsinki, 1980.

Tjulenev V.A. Entisajan Viipurin uusista arkeologisista tutkimuksista // Viipurin kaupungin historia I. Lappeenranta, 1982. S. 25–33.

Tjulenev V.A. Die festung Wyborg im 13. bis 16. Jahrhundert aus der Sicht der neueren bautechnisch-archaeologischen Forschungen // Burgen und Schlösser 24. Braubach-Rhein, 1983. S. 79–86.

Tjulenev V.A. The inscribed medieval sword from excavation in Vyborg (With reference to the arms of ancient Karelians) // Fenno-ugri et slavi 1983 / Iskos 4. Helsinki, 1984. S. 107–111.

Tjulenev V.A. Viipurin arkeologisen tutkimuksen tuloksia // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita 8. Helsinki, 1987.

Tömanterä L. Soikea kupurasolki Mikkelistä // Sihti 2. Mikkeli, 1992. S.106–109.

Tömanterä L. Mikkelin pronssit // Kalmistojen kertomaa. Rautakautinen Mikkelin seutu idän ja lännen välissä. Mikkeli, 1994. S. 35–50.

Tõnisson E. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. jh. – Anfang 13. jhs.). Tallinn, 1974.

Tõnisson E. Eesti aardeleidud 9–13. sajandist // Muitsed kalmed ja aarded / Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut Arheoloogiline kogumik 2. Tallinn, 1962. S. 182–274.

Uino P. Laatokanlinnan vaiheita // Studia prehistorica Fennica C F Meinander dedicata. Iskos 6. Helsinki, 1986. S. 217–235.

Uino P. Arkeologisia löytöjä Inkerinmaalta // Dokumentteja Inkerinmaalta. Studia Carelica Humanistica II. Joensuu, 1990.

Uino P. Karjalan tutkimus ja pohjoinen Fennoskandia // Suomen varhaishistoria / Studia historica septentrionalia 21. Jyväskylä, 1992. S. 605–612.

Uino P. Inkerinmaan esihistoria // Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri / Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 547. Helsinki, 1992. S. 11–34.

Uino P. On the sources and research problems of the Iron Age in Karelia // Cultural heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn, 1992.

Uino P. Keskirautakausi n. 300–800 jKr. // Viipurin läänin historia I / Karjalan synty. Jyväskylä, 2003. S. 291–312.

Uino P. Viikinkiaika n. 800–1100 jKr. // Viipurin läänin historia I / Karjalan synty. Jyväskylä, 2003. S. 313–382.

Uino P. Ancient Karelia. Archaeological studies. Muinais-Karjala. Arkeologisia tutkimuksia // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 104. Helsinki, 1997. S. 426.

Uino P., Saksa A.I. Results and perspectives of archaeological investigations at the castle of Käkisalmi (Kexholm) // Castella Maris Baltici. Stockholm, 1993. S. 213–217.

Vahtola J. Torniojoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty // Studia historica septentrionalia 3. Rovaniemi, 1980. S. 555–563.

Vahtola J. Onomastinen metodi Suomen varhaishistorian tutkimuksessa // Turun Historiallinen Arkisto 41. Turku, 1986. S. 82–119.

Vahtola J. Pohjois-Pohjanmaan rannikon asutuksen synty // Suomen varhaishistoria / Studia historica septentrionalia 21. Rovaniemi, 1992. S. 613–621.

Wuolijoki H. Suomen rautakauden silmäkirveet // Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste 4. Helsinki, 1972.

Vuorela I., Saksala A., Lempiäinen T., Saarnisto M. Pollen and macrofossil data on deposits in the wooden Fortress of Kakisalmi, dated to about AD 1200–1700 // *Annales Botanici Fennici* 29/3. 1992. S. 187–196.

Zerbin A.S., Saksala I.P. Neuvostotieteen käsitys karjalaisten alkuperästä // *Karjalan synty / Alustukset*. Joensuun korkeakoulu. Monistesarja A № 24A. Joensuu, 1977.

Zetterberg P., Saksala A., Uino P. The early history of the fortress of Kakisalmi, Russian Karelia, as evidenced by new dendrochronological dating results // *Fennoscandia archaeologica* XII. Helsinki, 1995. S. 215–220.

Äyräpää A. Katsaus Savon muinaisuuteen // Viidennet museopäivät Kuopiossa. Kuopio, 1939.

Äyräpää A. Uhrikivi — kipujen kivi // *Kalevalaseuran vuosikirja* 22. Helsinki, 1942. S. 179–208.

Äyräpää A. Etelä-Karjalan esihistorian pääpiirteet // Neljannet museopäivät Viipurissa / Suomen museoliiton julkaisuja 5. Helsinki, 1935. S. 37–63.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. М.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.; Л.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.; Л.

ЛОИКФУН — Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей. Л.

МАР — Материалы по археологии России. СПб.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

ОАК — Отчет Археологической комиссии. СПб.

СА — Советская археология. М.; Л.

САИ — Свод археологических источников. М.; Л.

FM — Finskt Museum. Helsingfors.

ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.

SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.

SM — Suomen Museo. Helsinki.

Рис. 8. Инвентарь погребения из Нукутгалаhti.
1, 2 — браслеты, 3 — перстень спиральный, 4, 5 — аграф-пуговицы,
6 — кварцевый скребок, 7 — нож с изогнутой ручкой

Рис. 19. Находки (меч и копье) из Мельниково

Рис. 33. Суотниemi (Яркое). Жертвенный камень

Рис. 35. Лапинлахти (Ольховка).
Могильник Леппясенмяки (1) и поселение Ольховка I (2). Вид с СЗ

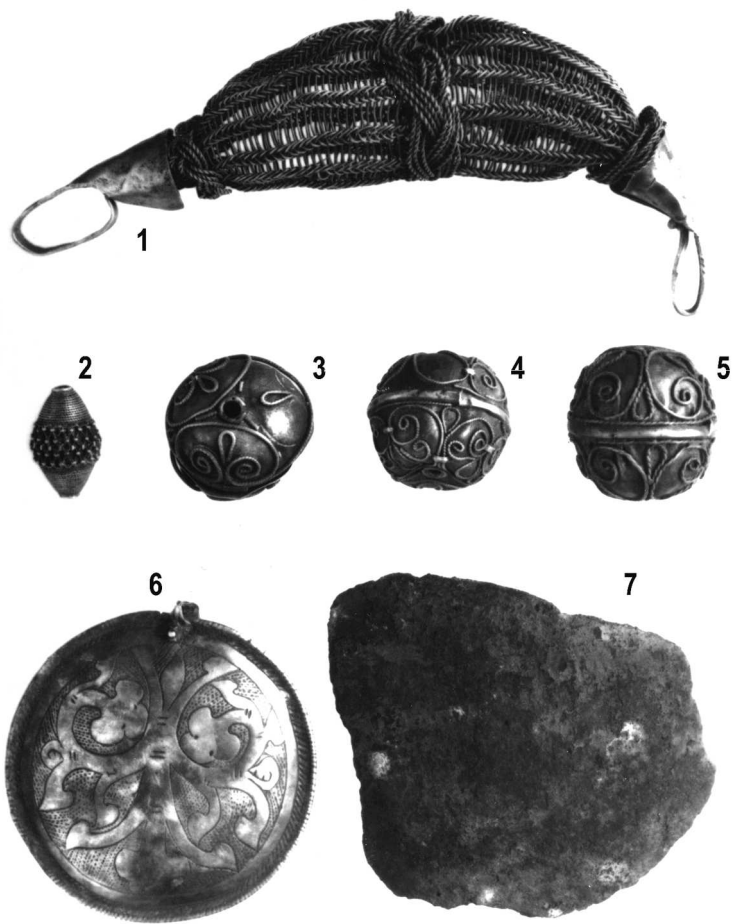

Рис. 36. Вещи из клада в Саккола Сипилянмяки.
1 — сюкерё, 2-5 — бусины филигранные, 6 — подвеска, 7 — фрагмент керамики

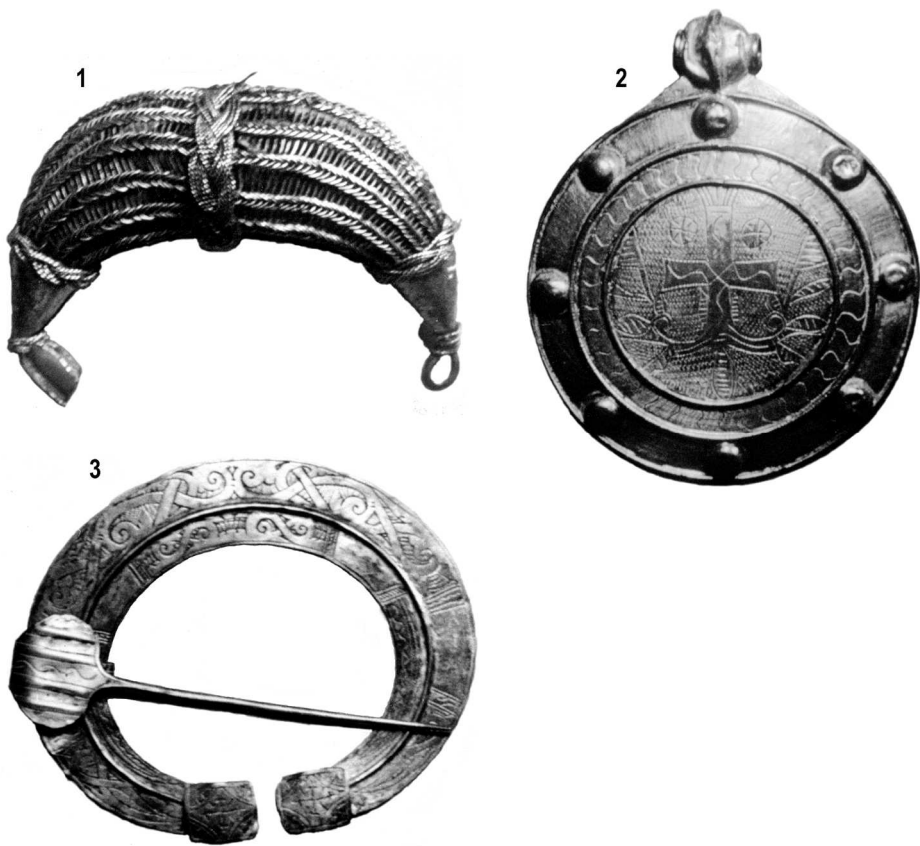

Рис. 37. Вещи из клада в Хиитола Кильпола.
1 — сьюкерё, 2 — медальон, 3 — подковообразная серебряная фибула

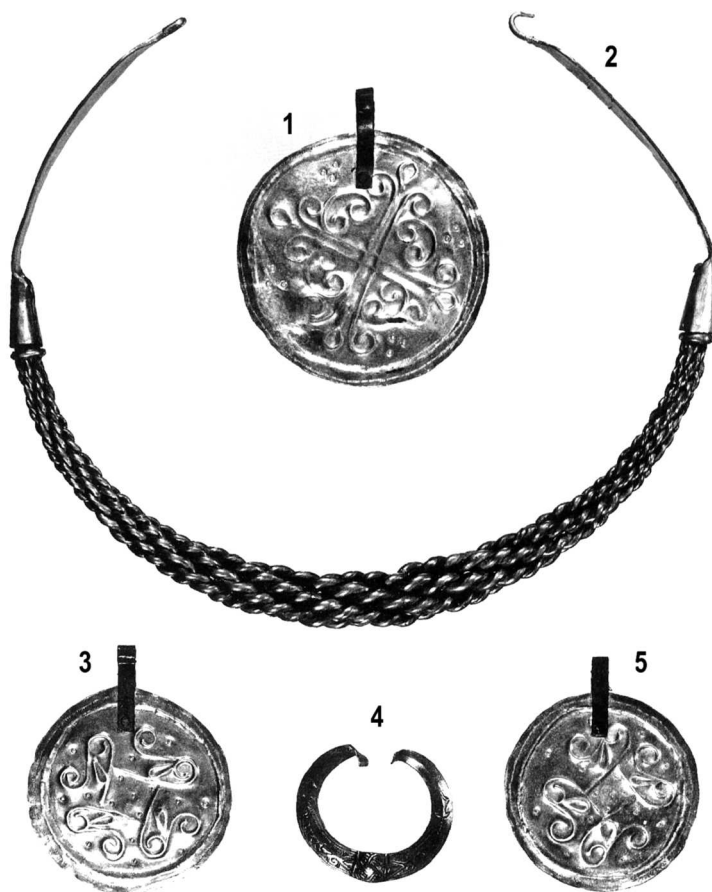

Рис. 38. Вещи из клада в Сортавала Рантуэ.
1, 3, 5 — монетовидные привески, 2 — гривна шейная витая, 4 — фибула подковообразная

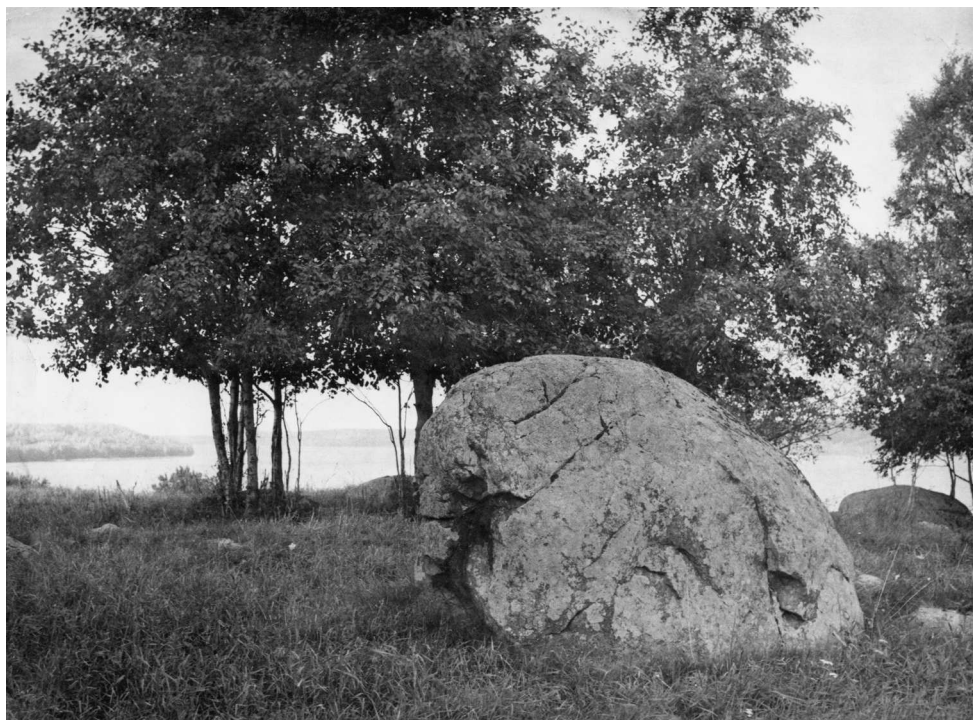

Рис. 39. Ольховка (Лапинлахти). Культурный центр. Культурный (жертвенный) камень № 1. (№ 16). Вид с ЮЮВ

Рис. 40. Ольховка (Лапинлахти). Культурный центр (святилище) (№ 14)

Рис. 41. Ольховка (Лапинлахти). Культовый камень № 1. Выемки

Рис. 42. Ольховка (Лапинлахти). Каменная насыпь в западной части деревни. Вид с ЮЗ

Рис. 54. Могильник Раммансаари. Вид с ЮВ

Рис. 55. Могильник Раммансаари. Раскоп на месте разграбленных могил. Вид с ЮВ

Рис. 56. Могильник Раммансаари. Расчистка места разграбленной могилы. Вид с юга

Рис. 57. Средневековое поселение в Мельниково. Вид с ЮЗ

Рис. 59. Фундамент жилого дома на полуострове Большом (Ховинсаари)
на месте средневекового могильника. Вид с ЮЗ

Рис. 60. Разрушенная могила на полуострове Большом (Ховинсаари). Вид с СЗ

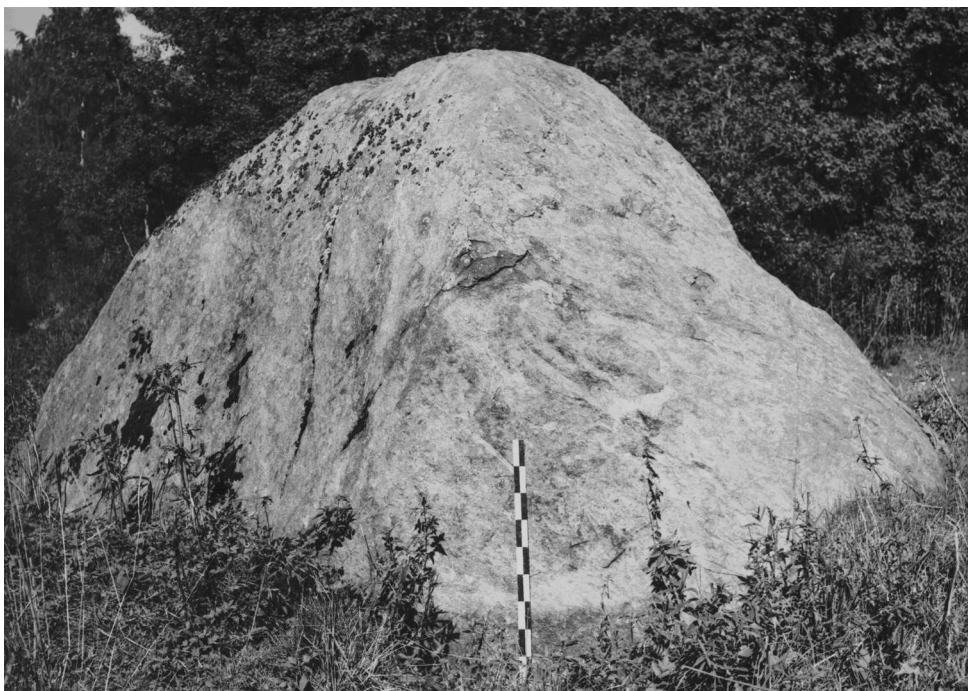

Рис. 62. Культный камень №4 на полуострове Большом (Ховинсаари). Вид с СВ

Рис. 63. Крепость Кякисалми-Корела-Кексгольм. Вид с СЗ

Рис. 68. Крепость Корела. Каменная стена Кексгольмской крепости конца XVII в. Вид СВ

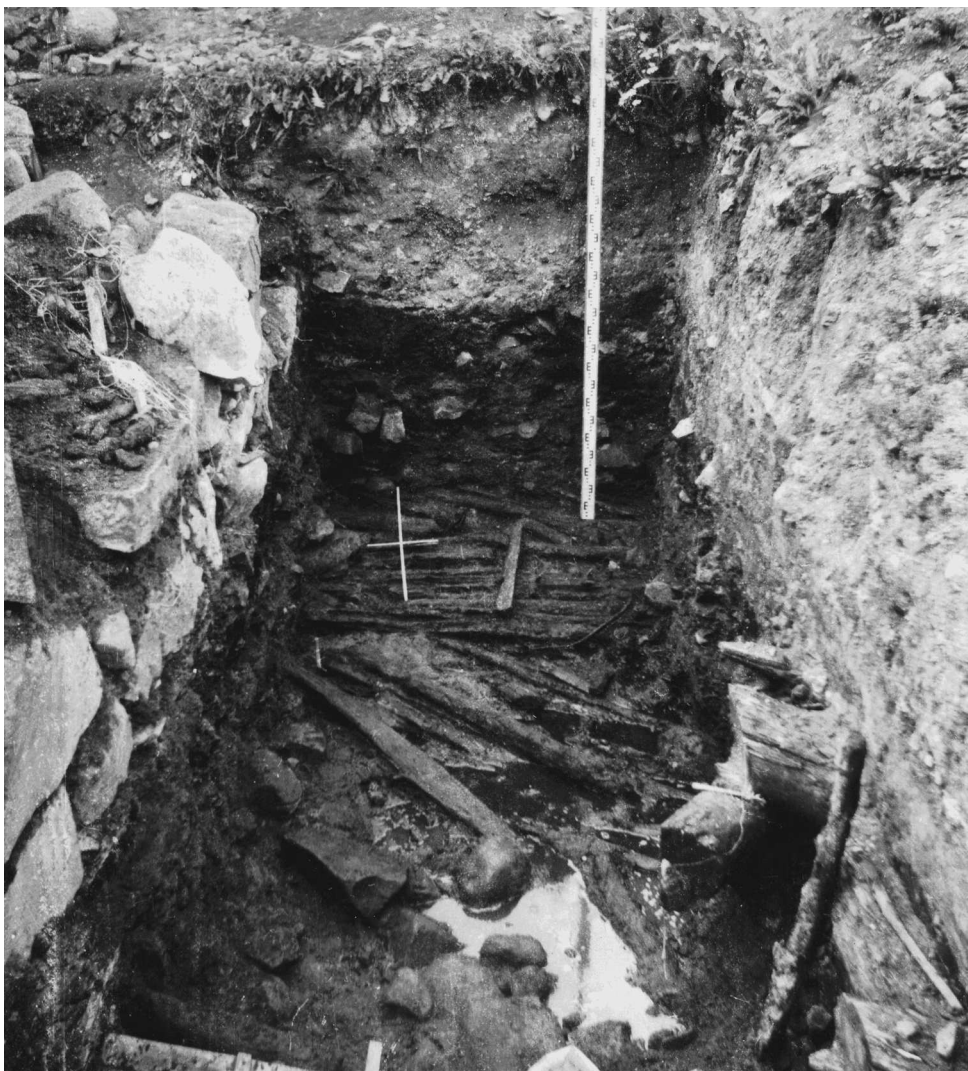

Рис. 69. Крепость Корела. Горизонт XIII в.

Рис. 77. Археологические памятники Суотними. Вид с ЮЗ

Рис. 79. Суотними. Жертвенный камень. Вид с Ю

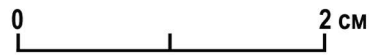

Рис. 81. Монета XI в. Кильпола

Рис. 86. Могильник, неолитическое и средневековое поселения Калмистомяки в Куупала. Раскопки 1995. Вид с Ю

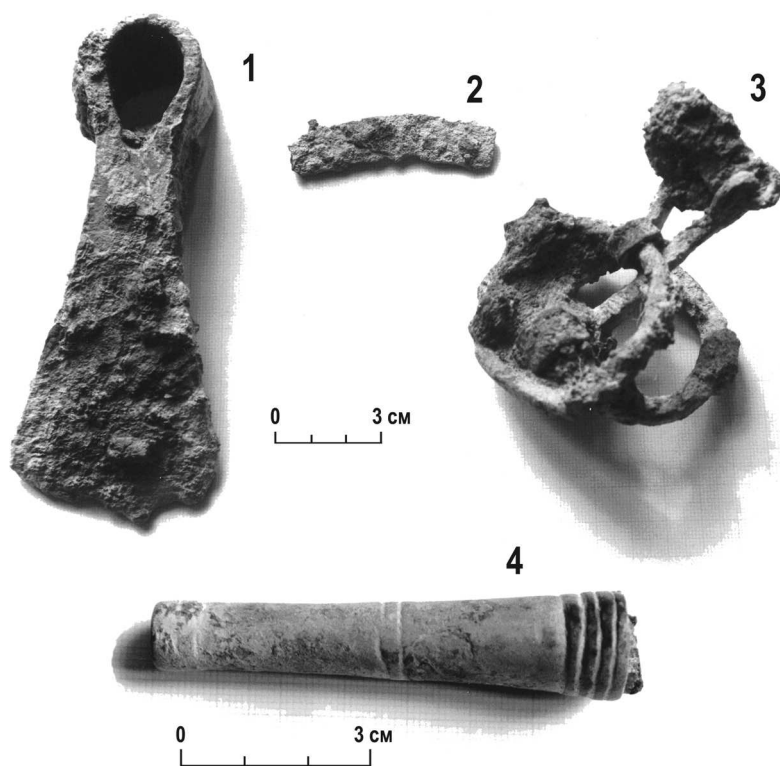

Рис. 89. Инвентарь могилы 8 (1 — мотыга, 2 — фрагмент косы, 3 — удила) и могилы 6 (4 — рукоять ножа бронзовая)

Рис. 91. Городище Хамеенлинна, Куркиёки. Вид с ССВ

Рис. 92. Городище Хамеенлинна. Куркиёки. Проход в валу. Вид с Ю

Рис. 93. Городище Корписаари. Вид с ЮЮЗ

Рис. 94. Корписаари. Вал. Вид с СВ

Рис. 95. Городище Лопотти. Вид с С

Рис. 96. Вид с городища Хямеенлинна на дер. Кууппала и остров Виллапекко. Вид с ЮВ

Рис. 98. Городище Паасонвуори. Вид с холма Хернемяки (с ЗСЗ)

Рис. 99. Городище Паасонвуори. Вал. Вид с В

Рис. 100. Могильник Хернемяки. Вид с городища Паасонвуори (с ВСВ)

Рис. 101. Городище Антиланниemi. Вид с городища на восток (Кирккосаари)

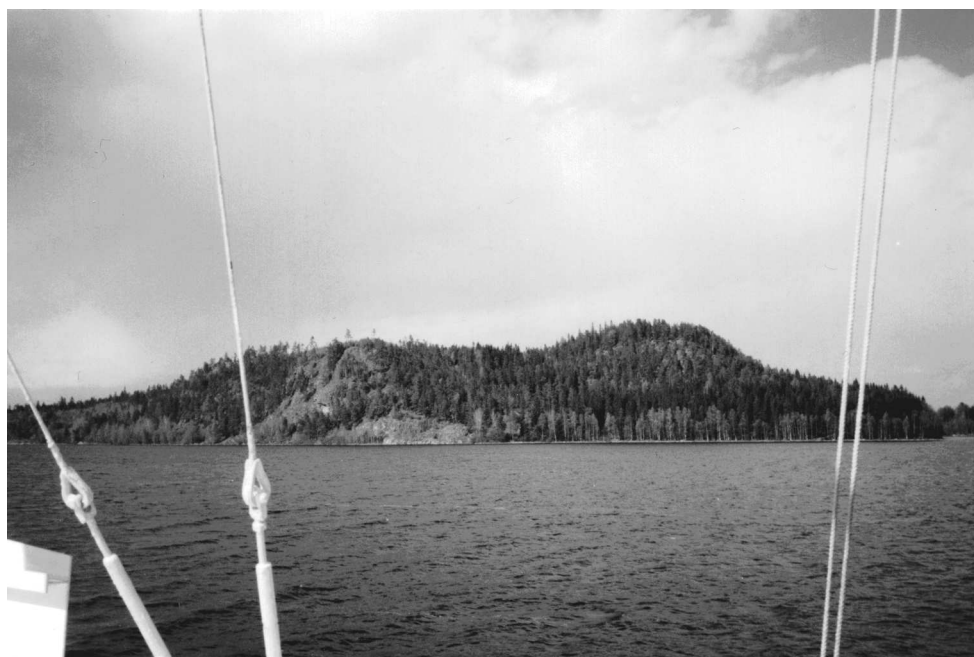

Рис. 102. Городище Линнасаари в заливе Токкарлахти. Вид с Ю

Рис. 103. Городище Линнасаари в заливе Токкарлахти.
Вал в северо-восточной части лощины. Вид с Ю

Рис. 104. Городище Линнасаари в заливе Токкарлахти.
Вал в юго-западной части лощины. Вид с СВ

Рис. 105. Городище Линнасаари в заливе Токкарлахти. Вал в восточной части. Вид с СЗ

Рис. 106. Каменные валы на островах архипелага Сортавала

ПРИЛОЖЕНИЕ I

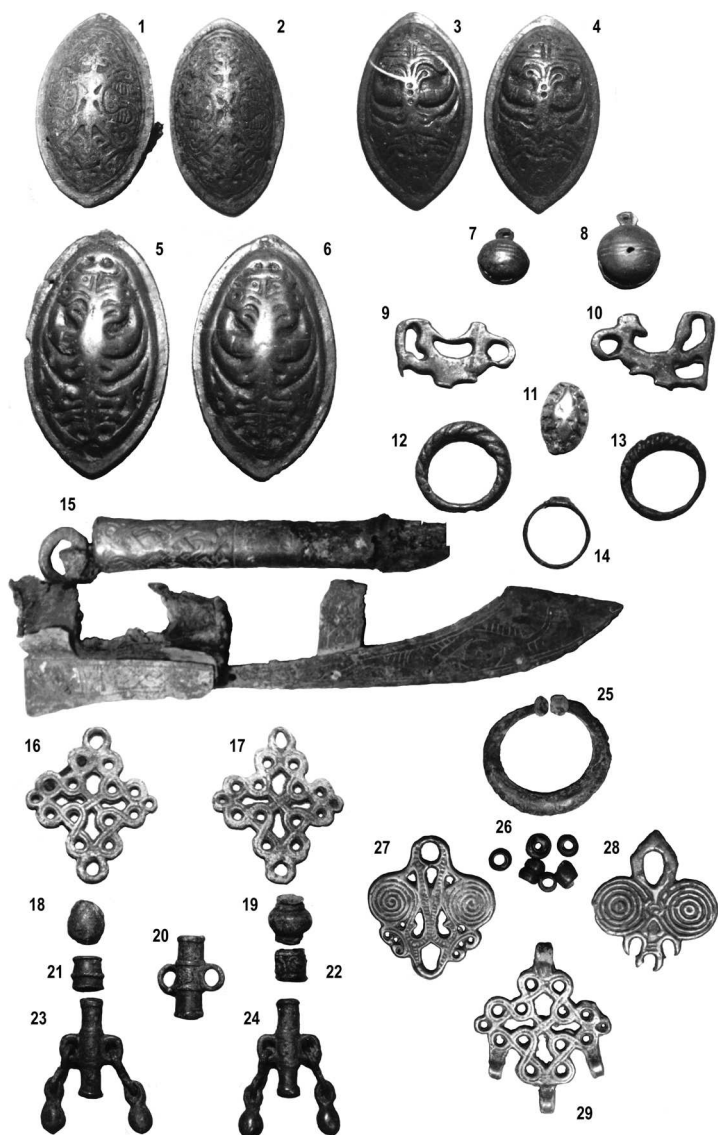

Рис. 124. Могильник на п-ове Большой (Раммансаари). Вещи из могил

1-2 — овално-выпуклые фибулы типа D; 3-4 — овално-выпуклые фибулы типа H/II B; 5-6 — овално-выпуклые фибулы типа H/I A; 7-8 — бубенчики бронзовые; 9-10 — фрагменты зооморфных подвесок; 11 — накладка поясная бронзовая; 12-13 — рубчатые перстни; 14 — пластинчатый перстень со щитком; 15 — металлические детали ножен типа I: 2 и бронзовая рукоять ножа; 16-17 — цепедержатели типа II: 2; 18-19 — бусы бронзовые; 20 — пронизка типа I: 1; 21-22 — бусы бронзовые; 23-24 — пронизки типа I: 1 с грушевидными привесками; 25 — подковообразная фибула с плоскими головками; 26 — синие пастовые бусы (6 экз.); 27 — цепедержатель типа I: 3а; 28 — цепедержатель типа I: 2; 29 — цепедержатель типа II: 1

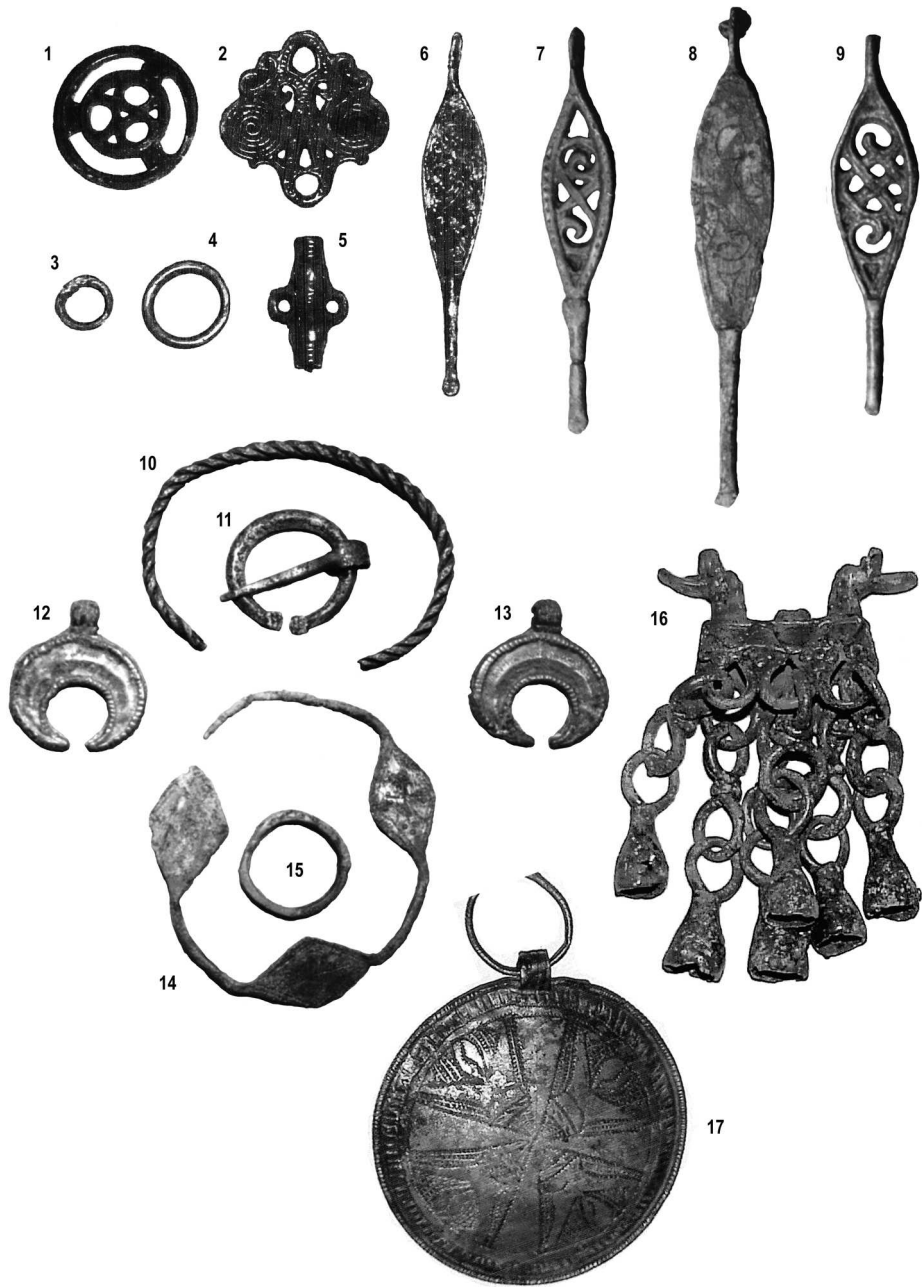

Рис. 125. Могильник на п-ове Большой (Раммансаари). Вещи из могил
 1 — разделитель ремня; 2 — цепедержатель типа I: 3а; 3 — рубчатый перстень; 4 — кольцо
 бронзовое; 5 — Ф-образная пронизка типа I: 2а; 6 — копоушка типа I: 1; 7 — типа II: 1; 8 —
 типа I: 1; 9 — типа II: 1; 10 — браслет крученный; 11 — подковообразная фибула с плоскими
 головками; 12–13 — круторогие литые лунницы из билона; 14 — ромбовидное височное кольцо;
 15 — кольцо бронзовое; 16 — зооморфная подвеска-уточка; 17 — круглая серебряная брошь

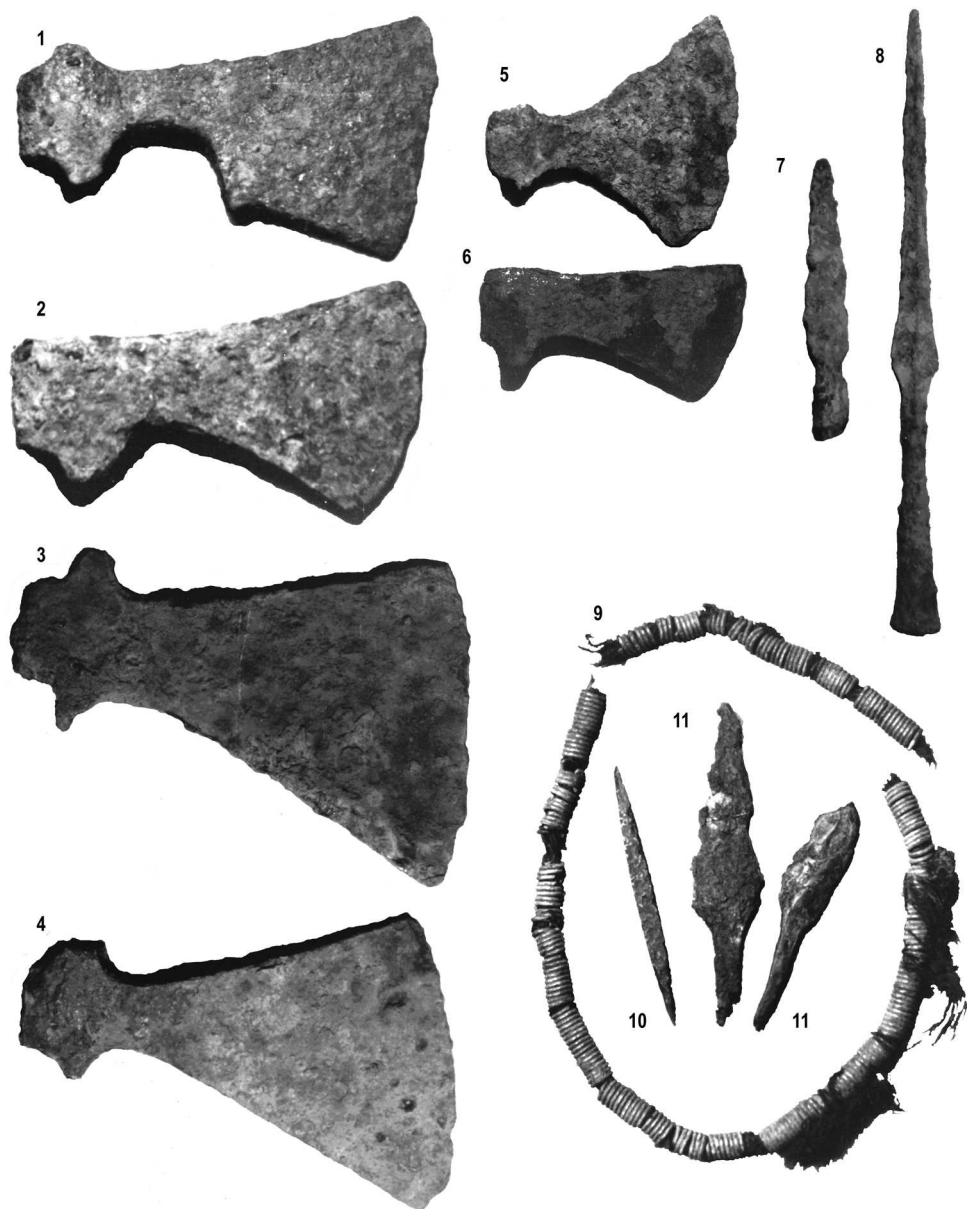

Рис. 126. Могильник на п-ове Большой (Раммансаари). Вещи из могил
 1 — топор скандинавского типа с бородкой; 2 — топор финского типа с изогнутой спинкой;
 3–5 — топоры-секиры типа М; 6 — топор финского типа с изогнутой спинкой;
 7–8 — наконечники копий; 9 — бронзовые пронизки; 10–12 — наконечники стрел

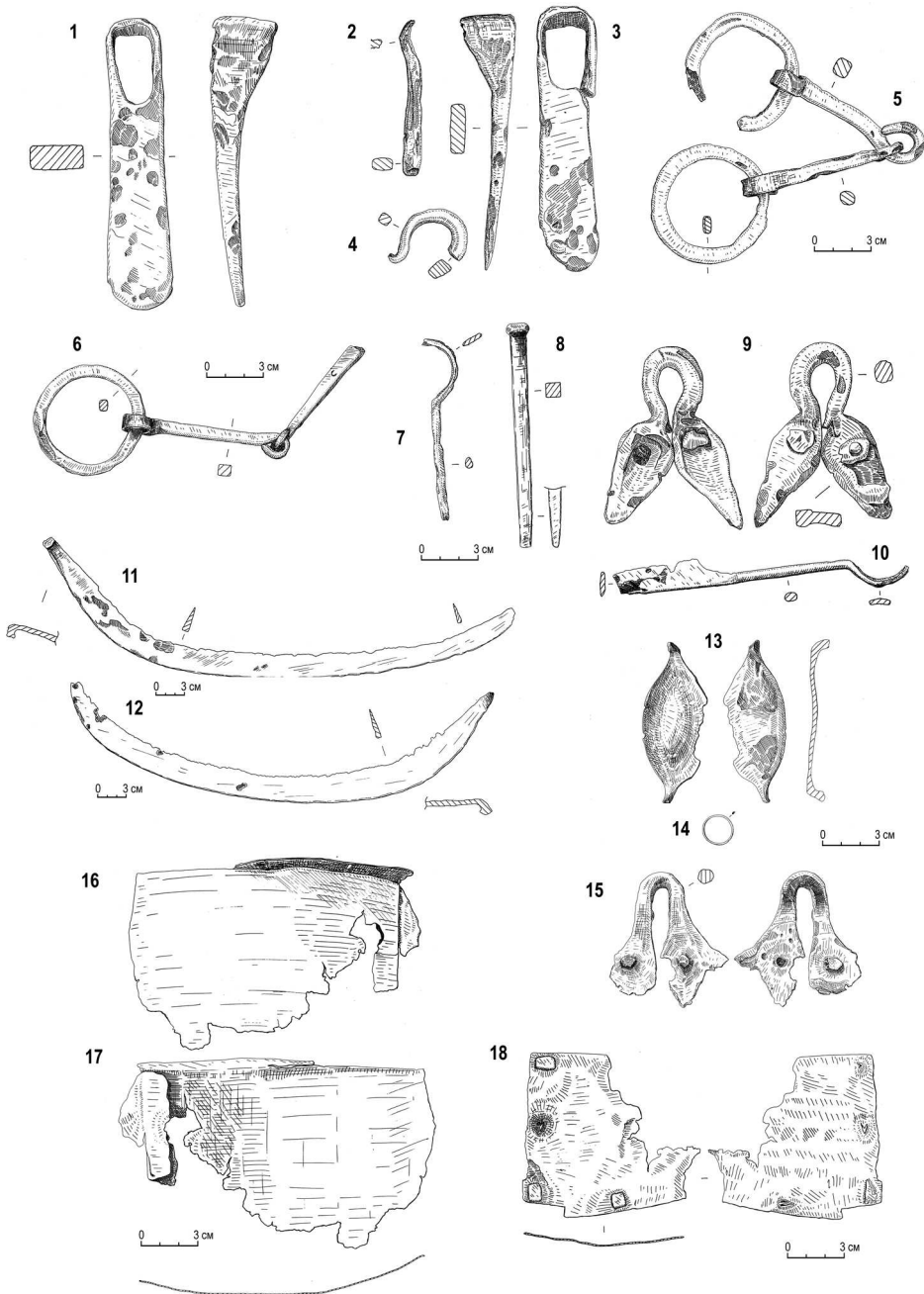

Рис. 127. Могильник на п-ове Большой (Раммансаари). Вещи из могил
 1 — мотыга; 2 — фрагмент железного изделия; 3 — мотыга; 4 — фрагмент железного изделия;
 5–6 — удила; 7 — фрагмент пружинных ножниц; 8 — гвоздь железный; 9 — ушко от котла
 железное; 10 — фрагмент пружинных ножниц; 11–12 — косы; 13 — фрагмент стремян (?);
 14 — кольцо железное; 15 — ушко от котла железное; 16–17 — обломки железных котлов

Приложение II

Таблица I

Карельские грунтовые могилы. Признаки погребального обряда

МОГИЛЫ	ПРИЗНАКИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ	СРУБНАЯ РАМА-ОБВЯЗКА	ЯЩИК-КАМЕРА С ТОЛСТЫМИ ПОПЕР. СТЕНКАМИ	ЯЩИК-КАМЕРА СО СРУБНОЙ РАМОЙ-ОБВЯЗКОЙ КОЛОДА	СОСУД ДЕРЕВЯННЫЙ	НЕТ СЛЕДОВ	ГРОБ ИЗ ДОСОК	КАМЕННАЯ ВЫМОСТКА	ОБГОРЕВШИЕ КАМНИ	ЧЕРНАЯ ЗЕМЛЯ	КОСТИ ЖИВОТНЫХ	УГОЛЬ В ВЫМОСТКЕ	КЕРАМИКА В ВЫМОСТКЕ	ШЛАК В МОГИЛЕ	КАЛЬЦИНИРОВАННЫЕ КОСТИ	УГОЛЬ В МОГИЛЕ	КЕРАМИКА В МОГИЛЕ	БЕРЕСТА В МОГИЛЕ	ГОЛОВОЙ НА СЕВЕР	ГОЛОВОЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАД	ГОЛОВОЙ НА ВОСТОК	ГОЛОВОЙ НА ЗАПАД	ГОЛОВОЙ НА ЮГ	ПРАЗДНИЧНЫЙ НАБОР УКРАШЕНИЙ	НАБОР НАПУТСТВЕННЫХ ВЕЩЕЙ В МОГИЛЕ	НАБОР НАПУТСТВЕННЫХ ВЕЩЕЙ ВНЕ МОГИЛЫ	СОСУДЫ КЕРАМИЧЕСКИЕ В МОГИЛЕ	СОСУДЫ КЕРАМИЧЕСКИЕ ВНЕ МОГИЛЫ	ОТДЕЛЬНЫЕ НАПУТСТВЕННЫЕ ВЕЩИ
1. СУОТНИЕМИ					X		X		X	X								X					X	X	X		X		
2. СУОТНИЕМИ 2	X							X				X	X						X					X	X	X	X		
3. СУОТНИЕМИ 3					X			X		X			X	X										X		X			
4. СУОТНИЕМИ 4	X							X			X		X							X				X	X	X			
5. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 1		X																X	X					X	X	X		X	
6. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 2		X																X	X					X	X				
7. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 3		X																X	X					X	X		X		
8. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 4						X														X									
9. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 5	X																	X	X					X	X	X		X	
10. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 6						X												X	X					X	X	X			
11. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 1/1886	X							X	X	X		X						X	X					X	X				
12. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 2/1886			X					X	X		X			X		X	X	X											
13. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 3/1886					X		X	X	X	X	X	X		X					X					X				X	
14. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 4/1886			X				X	X	X		X												X						
15. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 1/1887						X									X							X							
16. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 2/1887						X									X							X							
17. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 1/1888	X						X	X				X			X	X	X							X	X				
18. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 2/1888					X		X				X	X		X						X									X
19. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 3/1888	X						X	X		X	X							X						X	X	X			
20. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 4/1888	X						X	X		X								X						?		X		X	
21. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 5/1888					X															X				X	X				
22. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 6/1888	X						X	X		X				X		X	X	X						X					
23. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 7/1888	X						X	X						X		X	X	X						?				X	
24. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 8/1888		X														X	X							X	X			X	
25. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 9/1888	X															X	X							X	X				
26. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 10/1888						X																X							X
27. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 11/1888						X																X							
28. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 12/1888						X																X							
29. РЯЙСЯЛЯ, ТОНТИНМЯКИ 13/1888	X																			X				X	X				

Таблица II

Карельские грунтовые могилы.

Характеристика по видовым признакам в погребальной обрядности

МОГИЛЫ	ПРИЗНАКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ МОГИЛУ	НЕПОТРЕЖЕННЫЕ (+), ПОТРЕЖЕННЫЕ (-)	КОЛИЧЕСТВО ПОГРЕБЕННЫХ	ПОЛ ПОГРЕБЕННЫХ	ТРУПОПОЛОЖЕНИЕ	ТРУПОСОЖЖЕНИЕ	РАМА-ОБВЯЗКА	ЯЩИК-КАМЕРА С ТОЛСТЫМИ ПОПЕР. СТЕНКАМИ	ЯЩИК-КАМЕРА СО СРУБНОЙ РАМОЙ-ОБВЯЗКОЙ	НЕТ СЛЕДОВ	ПОГРЕБЕННЫЙ НА СПИНЕ	ПОГРЕБЕННЫЙ НА БОКУ	ГОЛОВОЙ НА СЕВЕР	ГОЛОВОЙ НА СЕВЕРО-ВОСТОК	ГОЛОВОЙ НА ЗАПАД	КАМЕННАЯ ВЫМОСТКА	ОБОГРЕВШИЕ КАМНИ	КОСТИ ЖИВОТНЫХ В ВЫМОСТКЕ	КОСТИ ЖИВОТНЫХ В МОГИЛЕ	КЕРАМИКА В ВЫМОСТКЕ	КЕРАМИКА В МОГИЛЕ	КАЛЬЦИНИРОВАННЫЕ КОСТИ В ВЫМОСТКЕ	УПЛИ В МОГИЛЕ	БЕРЕСТА НА ПОГРЕБЕННЫХ	ПРАЗДНИЧНЫЙ НАБОР УКРАШЕНИЙ	НАБОР НАПУТСТВЕННЫХ ВЕЩЕЙ В МОГИЛЕ	НАБОР НАПУТСТВЕННЫХ ВЕЩЕЙ ВНЕ МОГИЛЫ	ОТДЕЛЬН. НАПУТСТВЕННЫЕ ВЕЩИ В МОГИЛЕ	ОТД. НАПУТСТВЕННЫЕ ВЕЩИ ВНЕ МОГИЛЫ
1. СУОТНИЕМИ	+ 1 М X								X	X		X			X	X	X	X						X	X	X			
2. СУОТНИЕМИ 2	+ 1 М X	X								X			X		X	X	X	X	X						X			X	X
3. СУОТНИЕМИ 3	+ ? Ж X				X										X	X		X							X		X		
4. СУОТНИЕМИ 4	+ 1 М X	X								X			X		X	X	X	X	X						X	X		X	
5. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 1	+ 4 Г X		X				X			X	X							X						X	X	X		X	
6. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 2	+ 1 М X						X			X	X													X	X	X			
7. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 3	- 2 Г X						X			X	X							X						X	X	X			
8. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 5	+ 3 Г X	X								X	X		X												X	X	X		
9. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 6	+ 1 Ж X							X	X	X															X	X			
10. КУЛХАМЯКИ 2	- 1 Ж X							X	X	X					X	X									X				
11. ТОНТИНМЯКИ 1/1886	+ 1 Ж X		X						X	X					X	X						X	X	X	X				
12. ТОНТИНМЯКИ 3/1886	- 1 Ж X								X	X					X	X	X	X	X		X	X			X				X
13. ТОНТИНМЯКИ 1/1888	+ 1 Ж X		X					X	X	X					X	X		X	X	X	X	X	X	X	X	X		X	X
14. ТОНТИНМЯКИ 3/1888	- 1 М X		X				X	X	X	X					X	X	X	X	X	X	X	X		X	X	X		X	X
15. ТОНТИНМЯКИ 4/1888	- 1 Ж X		X				X	X	X	X					X	X	X	X	X	X	X	X		X	X	X			
16. ТОНТИНМЯКИ 5/1888	+ 2 Г X						X	X			X														X		X		
17. ТОНТИНМЯКИ 6/1888	+ 1 Ж X		X				X	X		X	X				X	X							X	X	X				
18. ТОНТИНМЯКИ 7/1888	- 1 Ж X		X				X	X		X	X				X	X				X	X			X					
19. ТОНТИНМЯКИ 8/1888	- 1 Ж X		X				X	X	X	X										X	X			X				X	
20. ТОНТИНМЯКИ 9/1888	- 2 Г X	X							X	X										X	X			X			X		
21. ТОНТИНМЯКИ 13/1888	+ ? Ж X X																	X						X					
22. РАЯМЯКИ 1917	+ 1 Ж X						X	X																	X				
23. ПАЯМЯКИ 1931	+ 1 Ж X						X	X												X				X	X			X	
24. ПАТЬЯ 21	- 1 Ж X						X	X					X											X	X				
25. ПАТЬЯ 1937	- 1 Ж X						X	X							X										X				
26. ЛЕППЯСЕНМЯКИ 4	+ 1 Ж X						X	X																X					
27. ЛЕЙНИКЮЛЯ	- 1 Ж X						X	X																X					
28. ИВАСКАНМЯКИ	- 1 Ж X						X	X																X					
29. СЯККИМЯКИ	- 1 Ж X						X	X							X									X					

Таблица III

Карельские коллективные, мужские и женские могилы эпохи крестовых походов (XII–XIV вв.)

МОГИЛЫ	ПРИЗНАКИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА																							
	СРУБНАЯ РАМА-ОБВЯЗКА	ЯЩИК-КАМЕРА С ГОЛПЬСТЫМИ ПОПЕР. СТЕНКАМИ	ЯЩИК-КАМЕРА СО СРУБНОЙ РАМОЙ-ОБВЯЗКОЙ	ГРОБ ИЗ ДОСКИ	СОСУД ДЕРЕВЯННЫЙ	НЕТ СЛЕДОВ	КАМЕННАЯ ВЫМОСТКА	ОБГОРЕВШИЕ КАМНИ	ЧЕРНАЯ ЗЕМЛЯ	КОСТИ ЖИВОТНЫХ	КЕРАМИКА В ВЫМОСТКЕ	КЕРАМИКА В МОГИЛЕ	КАЛЬЦИНИРОВАННЫЕ КОСТИ	УГЛИ В МОГИЛЕ	БЕРЕСТА В МОГИЛЕ	ГОЛОВОЙ НА СЕВЕР	ГОЛОВОЙ НА СЕВЕРО-ВОСТОК	ГОЛОВОЙ НА ЗАПАД	ПРАЗДНИЧНЫЙ НАБОР УКРАШЕНИЙ	НАПУТСТВЕННЫЕ ВЕЩИ В МОГИЛЕ	НАПУТСТВЕННЫЕ ВЕЩИ ВНЕ МОГИЛЫ	СОСУДЫ В МОГИЛЕ	СОСУДЫ ВНЕ МОГИЛЫ	ОТДЕЛЬНЫЕ НАПУТСТВЕННЫЕ ВЕЩИ
1. СУОТНИЕМИ 2	?						X	X	X	X	X						X		X	X	X	X		
2. СУОТНИЕМИ 4	X						X			X	X						X		X	X	X			
3. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 5	X														X	X			X	X	X			X
4. ТОНТИНМЯКИ 9/1888	X											X				X			X	X	X			
5. ТОНТИНМЯКИ 13/1888	X																X		X	X				
6. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 1		X													X	X			X	X	X		X	
7. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 2		X													X	X			X	X				
8. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 3		X													X	X			X	X		X		
9. ТОНТИНМЯКИ 1/1886		X					X	X	X			X			X	X			X	X				
10. ТОНТИНМЯКИ 1/1888		X					X	X	X	X		X		X	X	X			X	X				
11. ТОНТИНМЯКИ 3/1888			X				X	X	X	X	X					X			X	X	X			
12. ТОНТИНМЯКИ 4/1888			X				X	X	X	X						X			X	X	X		X	
13. ТОНТИНМЯКИ 6/1888			X				X	X	X				X	X		X			X					
14. ТОНТИНМЯКИ 7/1888			X				X	X	X		X	X				X			X					X
15. ТОНТИНМЯКИ 8/1888			X								X					X			X	X				X
16. СУОТНИЕМИ 3				X			X	X	X	X									X	X				
17. СУОТНИЕМИ 1							X	X	X	X	X					X			X	X	X		X	
18. КАУКОЛА, КЕКОМЯКИ 6							X								X	X			X	X	X			
19. КУЛХАМЯКИ 2							X	X	X										X					
20. ТОНТИНМЯКИ 3/1886							X	X	X	X	X	X		X		X			X				X	
21. ТОНТИНМЯКИ 5/1888							X									X			X	X				
22. ЛЕППАСЕНМЯКИ 4							X												X					
23. РАЯМЯКИ 1917							X												X					
24. ПАЯМЯКИ 1931							X									X			X		X			
25. ПАТЬЯ 1937							X												X					
26. ПАТЬЯ 21							X										X		X	X				
27. ЛЕЙНИКУЛЯ							X												X					
28. ИВАСКАНМЯКИ							X												X					
29. СЯККИМЯКИ							X	X											X					

Таблица IV

Показатели сходства между карельскими грунтовыми могилами по признакам погребального обряда. Номера могил отмечены в табл. II и III

МОГИЛЫ

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	
1	●																													
2	32	●																												
3	26	24	●																											
4	44	91	24	●																										
5	40	16	1	25	●																									
6	36	11	2	20	77	●																								
7	45	10	2	17	88	87	●																							
8	51	20	9	32	39	51	44	●																						
9	60	13	2	24	46	59	52	59	●																					
10	44	22	15	32	54	70	45	35	41	●																				
11	64	58	26	58	27	22	20	22	41	70	●																			
12	27	45	20	34	42	39	24	17	20	49	37	●																		
13	49	73	26	58	25	27	20	22	26	36	81	62	●																	
14	91	29	24	40	29	32	41	46	38	49	44	34	58	●																
15	26	38	2	24	16	20	18	21	25	15	15	20	26	13	●															
16	27	25	16	49	19	28	22	14	16	40	27	42	40	36	29	●														
17	27	36	16	36	11	14	12	14	16	40	40	30	40	49	29	60	●													
18	23	20	2	8	25	32	28	32	38	23	23	39	51	47	38	25	39	●												
19	13	20	2	11	14	20	16	32	20	13	13	27	23	20	21	6	14	51	●											
20	13	20	8	20	14	8	16	18	9	5	5	4	5	11	22	14	14	8	18	●										
21	40	20	3	20	25	30	28	32	66	22	40	17	22	20	66	25	25	32	14	14	●									
22	35	20	2	32	39	32	28	32	38	23	36	27	23	32	21	14	25	32	18	8	57	●								
23	50	29	3	30	20	28	22	25	53	32	50	24	32	29	30	35	35	25	11	11	80	45	●							
24	41	13	2	24	30	38	33	38	69	26	26	11	15	24	44	16	16	21	8	9	66	59	53	●						
25	40	20	3	20	25	30	28	32	66	22	40	17	22	20	66	25	25	32	14	14	1	57	80	66	●					
26	40	20	3	20	25	30	28	32	66	22	40	17	22	20	66	25	25	32	14	14	1	57	80	66	1	●				
27	40	20	3	20	25	30	28	32	66	22	40	17	22	20	66	25	25	32	14	14	1	57	80	66	1	1	●			
28	10	29	13	30	20	28	28	28	53	18	5	24	32	29	53	35	35	25	11	3	80	45	1	53	80	80	80	●		
29	70	32	20	32	25	32	20	32	59	51	70	39	51	47	38	39	25	32	18	8	57	32	71	38	57	57	57	71	●	

Таблица V

Карельские женские грунтовые могилы.
Группы (I–III) по признакам погребальной обрядности

МОГИЛЫ	ПРИЗНАКИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА													ГРУППА								
	ТРУПОПОЛОЖЕНИЕ	ПОГРЕБЕНЬИЙ НА СПИНЕ	ПРАЗДНИЧНЫЙ НАБОР УКРАШЕНИЙ	НАБОР НАПУТСТВЕННЫХ ВЕЩЕЙ В МОГИЛЕ	ГОЛОВОЙ НА СЕВЕР ИЛИ СЕВЕР-ВОСТОК	БЕРЕСТА НА ПОГРЕБЕННЫХ	ЯЩИК-КАМЕРА С ТОЛСТЫМИ ПОПЕР. СТЕНКАМИ	КАМЕННАЯ ВЫМОСТКА	ОБГОРЕВШИЕ КАМНИ	КОСТИ ЖИВОТНЫХ В ВЫМОСТКЕ	КЕРАМИКА В ВЫМОСТКЕ	КОСТИ ЖИВОТНЫХ В МОГИЛЕ	ОТД. НАПУТСТВЕННЫЕ ВЕЩИ ВНЕ МОГИЛЫ		НАБОР НАПУТСТВЕННЫХ ВЕЩЕЙ В МОГИЛЕ	НАБОР НАПУТСТВЕННЫХ ВЕЩЕЙ ВНЕ МОГИЛЫ	ЯЩИК-КАМЕРА С РАМОЙ-ОБВЯЗКОЙ	СРУБНАЯ РАМА-ОБВЯЗКА	НЕТ СЛЕДОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ	КЕРАМИКА В МОГИЛЕ	КАЛЬЦИНИРОВАННЫЕ КОСТИ В ВЫМОСТКЕ	УГЛИ В МОГИЛЕ
1. ПАЯМЯКИ 1917	x	x	x														x					
2. ПАТЬЯ 1937	x	x	x																			
3. ЛЕПЯСЕНМЯКИ 4	x	x	x															x				
4. ЛЕЙНИКОЛЯ	x	x	x															x				
5. ИВАСКАНМЯКИ	x	x	x															x				I
6. СЯККИМЯКИ	x	x	x															x				
7. ТОНТИНМЯКИ 5/1888	x	x	x	x									x					x				
8. ПАТЬЯ 21	x	x	x	x														x				
9. ПАЯМЯКИ 1931	x	x	x	x	x							x						x	x			
10. КЕКОМЯКИ 6	x	x	x	x	x													x				
11. КЕКОМЯКИ 5	x	x	x	x	x										x		x					
12. КЕКОМЯКИ 2	x	x	x	x	x	x	x															II
13. КЕКОМЯКИ 3	x	x	x	x	x	x	x				x											
14. КЕКОМЯКИ 1	x	x	x	x	x	x	x					x										
15. ТОНТИНМЯКИ 1/1886	x	x	x	x	x	x	x	x	x		x										x	
16. СУОТНИЕМИ 1	x	x	x	x	x			x	x	x	x			x								
17. ТОНТИНМЯКИ 4/1888	x	x	x	x	x			x	x	x	x			x	x			x			x	
18. ТОНТИНМЯКИ 1/1888	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x					x				
19. ТОНТИНМЯКИ 3/1888	x	x	x	x				x	x	x	x	x	x	x			x					
20. СУОТНИЕМИ 2	x	x	x	x				x	x	x	x	x	x				x					III
21. СУОТНИЕМИ 4	x	x	x	x				x	x	x	x	x					x					
22. ТОНТИНМЯКИ 3/1886	x	x	x	x				x	x	x	x	x									x	
23. ТОНТИНМЯКИ 6/1888	x	x	x	x	x			x	x							x						x
24. ТОНТИНМЯКИ 7/1888	x	x	x	x				x	x							x			x	x		
25. КУЛХАМЯКИ 2	x	x	x	x				x	x													

Таблица VI
Инвентарь мужских погребений

МОГИЛЫ	ИНВЕНТАРЬ	ШЕЙНЫЕ ЛЕНТЫ	КОЛЬЦЕВЫЕ ФИБУЛЫ	КРЕСТЫ СКАНДИНАВСКОГО ТИПА	КРЕСТЫ АЖУРНЫЕ	ДЕТАЛИ ПОЯСОВ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ	ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ	ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ	ПОДКОВООБРАЗНЫЕ ФИБУЛЫ СЕРЕБРЯНЫЕ	ПЕРСТНИ И КОЛЬЦА	НОЖИ	КРЕСАЛА	ТОПОРЫ	ТОПОРЫ КАРЕЛЬСКОГО ТИПА	МЕЧИ ТИПА II	МЕЧИ ТИПА VI	НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ	НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ	КОСЫ	УДИЛА	КОТЛЫ	ОРУДИЯ ТРУДА
1. СУОТНИЕМИ 1	X	X			X								X	X							X	
2. СУОТНИЕМИ 2		X				X			X				X						X			
3. СУОТНИЕМИ 4		X			X						X		X			X						
4. КЕКОМЯКИ 1:3	X	X	X		X				X		X				X	X		X			X	
5. КЕКОМЯКИ 1:4	X	X	X		X				X						X	X	X	X			X	
6. КЕКОМЯКИ 2		X					X	X	X	X			X		X							X
7. КЕКОМЯКИ 3	X	X	X		X				X		X	X			X	X	X	X		X	X	
8. КЕКОМЯКИ 5:2				X	X							X		X		X	X	X	X	X	X	
9. ТОНТИНМЯКИ 2/1888											X											
10. ТОНТИНМЯКИ 3/1888				X		X						X						X		X		
11. ТОНТИНМЯКИ 2/1888												X					X					
12. ТОНТИНМЯКИ 8/1888												X										
13. ТОНТИНМЯКИ 9/1888						X					X		X									

Таблица VII
Инвентарь женских погребений

МОГИЛЫ	ИНВЕНТАРЬ				ОВАЛЬНО-ВЫПУКЛЫЕ ФИБУЛЫ														ПРОНИЗКИ					ЦЕПЕДЕРЖАТЕЛИ					НОЖНЫ НОЖЕЙ					КОПОУШКИ			ПОДКОВОБ. ФИБУЛЫ				БИСЫ СЕРЕБРЯНЫЕ		БИСЫ БРОНЗОВЫЕ		ПЕРСТИ, КОЛЬЦА		НОЖНИЦЫ ПРУЖИННЫЕ		СЕРЬГИ								
	СЮКЕРЕ	ИГЛЫ СО СПИР. ГОЛОВОК	ШЕВНАЯ ПЕТА	БРОШИ (ПАГРУДН. ЗАСТЕЖКИ)	C 2/3 a	C 2/3 b	C 3	D	H/C	H/ЛA. 1	H/ЛB. 1	H/ЛB. 2a	H/ЛB. 2	F 1	F 3	I. 1	I. 2 a	I. 2 b	I. 2 c	II	I. 1	I. 2	I. 3 a	II: 1	II: 2	I. 1	I. 2	II	III	V	РУКОЯТИ НОЖЕЙ БРОНЗОВЫЕ	I. 1	I. 2	II	I. 1	I. 1 a	II: 1 a	II: 2	III	БИСЫ СЕРЕБРЯНЫЕ	БИСЫ БРОНЗОВЫЕ	ПЕРСТИ, КОЛЬЦА	НОЖНИЦЫ ПРУЖИННЫЕ	СЕРЬГИ													
	МОГИЛЫ	СЮКЕРЕ	ИГЛЫ СО СПИР. ГОЛОВОК	ШЕВНАЯ ПЕТА	БРОШИ (ПАГРУДН. ЗАСТЕЖКИ)	C 2/3 a	C 2/3 b	C 3	D	H/C	H/ЛA. 1	H/ЛB. 1	H/ЛB. 2a	H/ЛB. 2	F 1	F 3	I. 1	I. 2 a	I. 2 b	I. 2 c	II	I. 1	I. 2	I. 3 a	II: 1	II: 2	I. 1	I. 2	II	III	V	РУКОЯТИ НОЖЕЙ БРОНЗОВЫЕ	I. 1	I. 2	II	I. 1	I. 1 a	II: 1 a	II: 2	III	БИСЫ СЕРЕБРЯНЫЕ	БИСЫ БРОНЗОВЫЕ	ПЕРСТИ, КОЛЬЦА	НОЖНИЦЫ ПРУЖИННЫЕ	СЕРЬГИ												
1. СУОТНИЕМИ 3				X X										X														X		X	X												X	X	X	X	X										
2. КЕКОМЯКИ 1:1		X			X											X	X				X							X	X	X	X												X	X	X	X	X										
3. КЕКОМЯКИ 1:2		X	X	X																		X					X	X	X	X						X						X	X	X	X	X											
4. КЕКОМЯКИ 5:1		X	X								X									X	X						X					X						X	X			X	X			X											
5. КЕКОМЯКИ 5:2			X											X						X			X																X	X																	
6. КЕКОМЯКИ 6	X	X	X	X												X											X	X									X	X			X	X	X	X	X	X											
7. ТОНТИНМЯКИ 1/1886			бр						X								X				X						X	X					X				X		X				X	X			X										
8. ТОНТИНМЯКИ 1/1888	X	X	X	X																X		X				X	X	X	X								X										X	X									
9. ТОНТИНМЯКИ 5:1/1888	X	X							X								X	X								X							X				X	X							X	X											
10. ТОНТИНМЯКИ 6/1888								X												X							X									X																					
11. ТОНТИНМЯКИ 13/1888																																				X									X												
12. ЛЕПЯСЕННЯКИ 4	X	X	X	X													X					X				X	X						X	X		X																					
13. ПАМЯКИ 1917								X		X																		X											X	X				X													
14. ПАМЯКИ 1931									X	X							X							X	X			X	X				X	X													X	X									
15. ПАТЬЯ 1937						X											X						X	X		X						X																									
16. ЛЕЙНИКОЛЯ		X		X												X							X																																		
17. ИВАСКАНМЯКИ			I b													X											X							I a																							
18. КУЛХАМЯКИ 2		X	X															X		X		X							X				X		X																						
19. КЕКОМЯКИ 3: 1		X																X		X		X																			X	X				X											
20. ТОНТИНМЯКИ 3/1886									X							X							X				X																X														
21. ТОНТИНМЯКИ 7/1888																																					X		X																		
22. ТОНТИНМЯКИ 9/1888																	X																				X																				

Таблица VIII

Показатели сходства (корреляции) между мужскими погребениями по погребальному инвентарю. Номера могил см. в табл. VII

МОГИЛЫ

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	●												
2	18	●											
3	52	25	●										
4	34	20	20	●									
5	37	22	22	77	●								
6	14	33	18	15	8	●							
7	32	10	29	66	59	15	●						
8	10	6	6	17	27	6	32	●					
9	6	8	8	15	4	6	14	4	●				
10	2	11	2	1	5	2	19	37	6	●			
11	12	18	37	17	20	3	28	20	50	16	●		
12	16	20	18	10	11	16	20	12	16	22	8	●	
13	3	37	16	7	2	16	7	2	50	16	25	8	●

МОГИЛЫ

Таблица IX
Группы мужских погребений по сходству (корреляции)
предметов погребального инвентаря

МОГИЛЫ	ИНВЕНТАРЬ													ГРУППЫ								
	НОЖИ	КОПЬЦЕВИДНЫЕ ФИБУЛЫ	ДЕТАЛИ ПОЯСНОГО НАБОРА	НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ	КОТЛЫ	ШЕЙНЫЕ ЛЕНТЫ	КРЕСТЫ СКАНДИНАВСКОГО ТИПА	ПЕРСТНИ	МЕЧИ С ДИСКОВИДНЫМ НАВЕРШИЕМ	УДИЛА	ОВАЛЬНЫЕ КРЕСАПА	ТОПОРЫ	НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ		КОСЫ	ТОПОРЫ КАРЕЛЬСКОГО ТИПА	МЕЧИ ТИПА II	КРЕСТЫ АЖУРНЫЕ	ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ	СЕРЕБР. ПОДКОВООБРАЗНЫЕ ФИБУЛЫ	ПОЯСНЫЕ НАКЛАДКИ	РАБОЧИЕ ИНСТРУМЕНТЫ
1. КЕКОМЯКИ 1 : 3	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X											
2. КЕКОМЯКИ 1 : 4	X	X	X	X	X	X	X	X		X			X									
3. КЕКОМЯКИ 3	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X									
4. КЕКОМЯКИ 5 : 2	X		X	X	X					X		X	X	X	X	X						
5. СУОТНИЕМИ 1	X	X	X	X	X	X									X	X						
6. СУОТНИЕМИ 4	X	X	X	X							X				X							
7. КЕКОМЯКИ 2	X	X						X	X						X				X	X	X	
8. СУОТНИЕМИ 2	X	X						X		X					X			X				
9. ТОНТИНМЯКИ 3/1888	X											X	X	X			X	X				
10. ТОНТИНМЯКИ 9/1888	X										X											
11. ТОНТИНМЯКИ 5/1888	X		X								X		X									
12. ТОНТИНМЯКИ 2/1888	X										X											
13. ТОНТИНМЯКИ 8/1888	X											X										

Таблица X

Показатели сходства (корреляции) между женскими погребениями по погребальному инвентарю. Номера могил см. в табл. VII

МОГИЛЫ

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
1	●																							
2	10	●																						
3	30	55	●																					
4	15	12	12	●																				
5	2	-	4	-	●																			
6	20	15	19	29	1	●																		
7	7	6	10	2	-	4	●																	
8	8	4	16	7	1	9	-	●																
9	7	7	7	5	1	5	-	-	●															
10	-	-	-	2	-	2	1	-	2	●														
11	-	10	-	-	-	1	1	-	1	-	●													
12	15	2	7	17	1	15	1	2	16	2	1	●												
13	-	1	3	-	3	4	1	1	1	3	11	4	●											
14	20	5	5	33	-	20	7	-	8	2	2	8	14	●										
15	2	-	-	6	-	1	5	-	6	5	-	15	11	8	●									
16	3	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	2	3	-	60	●								
17	3	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	●							
18	2	-	-	-	-	1	5	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	●						
19	1	5	17	9	2	8	1	26	-	-	-	4	1	-	-	-	-	-	●					
20	7	1	8	12	-	12	1	5	3	-	3	5	1	2	-	-	-	-	18	●				
21	1	4	5	3	35	3	-	3	3	2	2	3	6	5	2	-	2	-	1	-	●			
22	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	●		
23	3	3	5	-	5	-	-	1	2	-	20	8	-	-	-	-	-	-	2	16	2	12	●	

Таблица XII (а)

Сравнительная таблица женских украшений из могил в Карелии и Саво

		ОВАЛЬНО-ВЫПУКЛЫЕ ФИБУЛЫ																														
		С1/1а	С1/1б	С2/1а	С2/1б	С2/2	С2/3а	С2/3б	С2	С3	D	Н/1А	Н/1В	Н/1С	Н/1А:1	Н/1В:1	Н/1В:2а	Н/1В:2а/б	Н/1В:3	Н/1С:2	Н/1С:3	Н/1С:4	В	F1/1а	F1/1б	F1/2	F1/3	F2	F3			
КАРЕЛИЯ	СУОТНИЕМИ 3					1																				2						
	КЕКОМЯКИ 1					4																										
	КЕКОМЯКИ 3																															
	КЕКОМЯКИ 5																2													2		
	КЕКОМЯКИ 6					2																										
	ТОНТИНМЯКИ 1/1886																1															
	ТОНТИНМЯКИ 3/1888																															
	ТОНТИНМЯКИ 1/1888					2																										
	ТОНТИНМЯКИ 5/1888									2																						
	ТОНТИНМЯКИ 6/1888													2																		
	ТОНТИНМЯКИ 7/1888																															
	ТОНТИНМЯКИ 9/1888																															
	КУЛХАМЯКИ 2							1										1														
	ЛЕППЯСЕНМЯКИ 4					2																										
	ПАЯМЯКИ 1917												1					1														
	ПАЯМЯКИ 1931																1	1														
	ПАТЬЯ 1937									2																						
	ЛЕЙНИКЮЛЯ								1																							
	ИВАСКАНМЯКИ											1	1					1	1													
	ЛАДОЖСКАЯ КАРЕЛИЯ	1	1	4	1	1											3	2	1		2								2	1		
САВО	ТУУЖКАЛА 2														2																	
	ТУУЖКАЛА 3																								1	1						
	ТУУЖКАЛА 7								2														1									
	ТУУЖКАЛА 9																					2										
	ТУУЖКАЛА 11																		2													
	ТУУЖКАЛА 16																					2										
	ТУУЖКАЛА 22																						1									
	ТУУЖКАЛА 26																						2									
	ТУУЖКАЛА 27																												2			
	ТУУЖКАЛА 36			2																												
	ТУУЖКАЛА 37																	1	1													
	ТУУЖКАЛА 40			2																												
	ТУУЖКАЛА 42																		2													
	ВИСУЛАХТИ I																															
	ВИСУЛАХТИ III			2																												
	ВИСУЛАХТИ V								2																							
	ВИСУЛАХТИ VI				1																											
	ВИСУЛАХТИ XV																		1													
	ВИСУЛАХТИ XVI			2																												
	ВИСУЛАХТИ XXIX																											2				

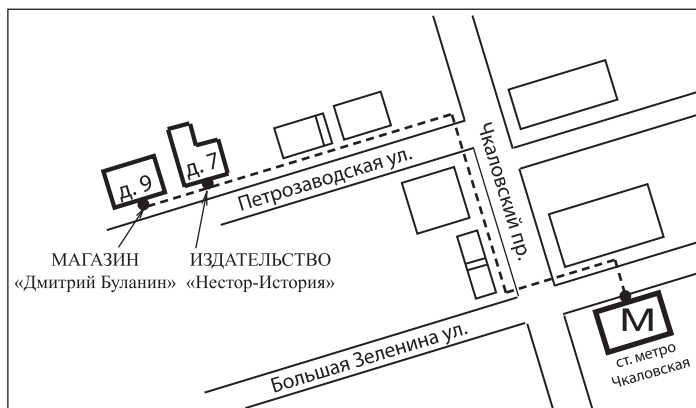
Таблица XII (б)

Сравнительная таблица женских украшений из могил в Карелии и Саво

	МОГИЛЫ	ПРОНИЗКИ					ЦЕПЕДЕ-ДЕРЖАТЕЛИ					НОЖНЫ НОЖА					КОПОУШКИ			ПОДКОВО-ОБРАЗНЫЕ ФИБУЛЫ				СЮЖЕРЕ	БРОШИ																
		I:1	I:2 a	I:2 b	I:2 c	I:3 a	I:3 b	II	I:1	I:2	I:3 a	II:1	II:2	I:1	I:2	I:3	III	IV	V	I:1	I:2	I:2 a	II:1			I:1 a	I:2	II:1	II:2												
КАРЕЛИЯ	СУОТНИЕМИ 3																																				1				
	КЕКОМЯКИ 1	1	3	2			2	2							2	1	1				2			1	1											1	1				
	КЕКОМЯКИ 3													1																							1	1	1		
	КЕКОМЯКИ 5			2			2	2						2										1			2										2	2			
	КЕКОМЯКИ 6	2										2		1										1			1											1	1		
	ТОНТИНМЯКИ 1/1888		1					2						1							1			1														1			
	ТОНТИНМЯКИ 3/1888	1							1					1																											
	ТОНТИНМЯКИ 1/1888								2										1			1		1														1	1		
	ТОНТИНМЯКИ 5/1888	1					1			2				1																									1		
	ТОНТИНМЯКИ 6/1888								2					1																											
	ТОНТИНМЯКИ 7/1888																						1				1														
	ТОНТИНМЯКИ 9/1888						1																1																		
	КУЛХАМЯКИ 2						2		2															1															1		
	ЛЕППЯСЕНМЯКИ 4						2		2	1			1									1		1														1	1		
	ПАЯМЯКИ 1917												1	1																											
	ПАЯМЯКИ 1931		2									2											1																		
	ПАТЬЯ 1937		1	2										1	1								1																		
	ЛЕЙНИКЮЛЯ		1									2																													
	ИВАСКАНМЯКИ		1												1																										
	ЛАДОЖСКАЯ КАРЕЛИЯ							1	2	4	2											2	1		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1		
	САВО	ТУУККАЛА 2																																							
ТУУККАЛА 3								1	1																																
ТУУККАЛА 7												2	1																												
ТУУККАЛА 9						1						2			1								1																	1	
ТУУККАЛА 11								2					2																												
ТУУККАЛА 16													2			1							1																	1	
ТУУККАЛА 22													2																												
ТУУККАЛА 26							2					2			1													1												1	
ТУУККАЛА 27					2									1																											
ТУУККАЛА 36						2							1																												
ТУУККАЛА 37							2							2																											
ТУУККАЛА 40								2						2																											
ТУУККАЛА 42				2																																					
ВИСУЛАХТИ I						2							2											1																	
ВИСУЛАХТИ III					2																																				
ВИСУЛАХТИ V							2							2												1															
ВИСУЛАХТИ VI		1																																							
ВИСУЛАХТИ XV					1									1																											
ВИСУЛАХТИ XVI																																									
ВИСУЛАХТИ XXIX			2											2																											

Все книги издательства «Нестор-История» можно приобрести
в магазине издательства «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
по адресу: СПб., ул. Петрозаводская, д. 9, Литер А, тел. (812)490-64-99
или заказать:
postbook@dbulanin.ru «Книги почтой»

По вопросам оптовой торговли обращайтесь:
СПб., Петрозаводская, д. 7, тел. 8-965-048-04-28
ТД «Гуманитарная Академия», тел. (812)430-99-21, www.humak.ru

Научное издание

Александр Иванович Сакса

ДРЕВНЯЯ КАРЕЛИЯ В КОНЦЕ I – НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Происхождение, история и культура населения
летописной Карельской земли

Редактор *Г.В. Засыпкина*
Корректор *О. В. Афанасьева*
Оригинал-макет *Л.А. Философова*
Дизайн обложки *Е.В. Кудина*

Подписано в печать 27.08.2010. Формат 70x100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25
Тираж 800 экз. Заказ № 1689

Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.rossica.su

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23